СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

РЕДКОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
"РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ"

4

1966

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

ДЕСЯТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

№ 4

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА—1966

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. В. Арциховский, главный редактор,
С. Н. Бибиков, *В. Д. Блаватский*, *А. Я. Брюсов*, *М. К. Каргер*,
Е. И. Крупнов, *Б. Б. Пиотровский*, *Б. А. Рыбаков*,
А. П. Смирнов (зам. главного редактора)

Ответственный секретарь *А. И. Мелюкова*

Адрес редакции:
Москва, В-36, ул. Дм. Ульянова, д. 19

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Т-10764 Подписано к печати 20/IX—1966 г. Формат бумаги 70×108¹/₁₆ Бум. л. 8³/₄
Печ. л. 24,5 Уч.-изд. л. 27,0 Тираж 2135 экз. Заказ 1076

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

М. И. ОСТРОВСКИЙ, Г. П. ГРИГОРЬЕВ

ЛИПСКАЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Многочисленные разведки и частичные раскопки, начатые еще в 1935 г. М. И. Островским, открыли ряд палеолитических стоянок в пределах Дубенского района Ровенской обл. В данной статье обращается внимание главным образом на группу стоянок в окрестностях сел Липы и Мирогощи Дубенского района, давших наиболее обильный материал.

Стоянки расположены в пределах Збытинского плато. Поверхность плато изрезана глубокими древними долинами и оврагами, особенно в северной части на отрезке между селами Мирогоща и Нараев Дубенского района. Овражная сеть наиболее развита в районе Липы и Мирогощи,— к югу от этих сел, где Збытинское плато спускается террасообразно, иногда образуя длинные мысы в сторону рек Липки и Козинки, притока Стублы, впадающей в р. Горынь. Стоянки связаны в большинстве случаев с террасами р. Липки, притока Иквы, впадающей в р. Стырь. Первой была открыта М. И. Островским в 1935 г. стоянка в урочище Гостра, давшая наиболее богатый материал. Она расположена на террасе, которую прорезает с востока довольно глубокий «Яр на Мочаре», отделяя ее от урочища Загорода на 40 *м*.

Палеолитическая стоянка Липа-Гостра расположена на мысу, высота которого над уровнем моря равна 260 *м*. Ограничено это возвышение с запада древним Гуменюковым Яром, расширяющимся в этом месте в урочище Долины, а с востока — «Яром на Мочаре», в 200—300 *м* от южного конца с. Липа. Место стоянки в урочище Гостра было до недавних пор занято плантацией хмеля, которая тянулась, начиная от конца мыса над урочищем Долины в южном направлении, вверх по склону. Естественно, что за многие десятилетия существования плантации хмеля на месте стоянки, где копались ямы на столбы и ямки для посадки, культурный слой, если он и существовал, то должен был быть в большей части уничтожен. По-видимому, культурный слой все-таки существовал — об этом говорит обилие кремневого материала, найденного в большом скоплении на двух раскопах (3×4 и 6×6 *м*), причем на сравнительно небольшой глубине. Вокруг этих раскопов было заложено семь контрольных шурфов размерами $1 \times 1{,}5$ *м* каждый. Открыв первую стоянку с очень своеобразным материалом, М. И. Островский поставил задачей выяснить границы распространения стоянок этого типа. Поиски оказались успешными: сейчас уже насчитывается восемь стоянок со своеобразным инвентарем — в пределах Збытинского плато, у сел Липа и Мирогоща и на окраине Кременецких гор, у с. Майдан Дубенского района Ровенской обл.

Стратиграфия стоянки Гостра следующая:

1. Осуглиненный чернозем буроватого цвета с мелкими угольками от сожженных хмелевых лоз (хмелеводы обыкновенно сжигали хмеле-

вые лозы, освобождая от них проволоку, по которой вились хмелевые лозы во время роста) — 0,30 *см*.

2. Оглиненный лёсс темно-оранжевого цвета. В нетронутых копкой стенках ямок попадались мелкие отдельные кремни. Иных следов культурного слоя не замечалось. В пятнах ямок — угольки, как и в верхнем слое, от сожженных лоз хмеля. Встречаются отдельные кремни — 30—60 *см*.

3. Более светлый лёсс — желтого цвета. Как и в предыдущем слое — угольки в пятнах ямок, а в стенках — изредка отдельные кремни небольших размеров. В пятнах ямок найдено несколько нуклевидных орудий, отщепов и мелких пластинок. Следов культурного слоя нет — 60—70 *см*.

4. Пятна от ямок исчезают, отсутствуют и угольки. Лёсс песчанистый светло-желтого цвета с кротовинами и мергелистыми конкрециями. Начиная с 80 *см* от поверхности, лёсс чередуется с темными прослойками мощностью 1.5—2 *см*, идущими до глубины 90 *см*. Отмечаются завихрения темных прослоек и лёсса, возможно связанные с действием текучих вод. С темными прослойками связаны значительные скопления кремня, иногда по нескольку десятков. Сортировка материалов отсутствует, встречаются и более крупные и мелкие кремни. Кости животных отсутствуют — 70—90 *см*.

5. Лёсс по-прежнему волнисто-слоистый, иногда опесчанен, буроватого оттенка. Кремней больше, чем в предыдущем четвертом слое. По-прежнему они лежат скоплениями, некоторые в вертикальном положении. Кости животных отсутствуют — 90—100 *см*.

6. Лёсс бурого цвета, глинистый с завихрениями. Ниже 100—120 *см* находки становятся редкими (преимущественно массивные нуклеусы и отщепы), а в самом низу совершенно отсутствуют. Костей животных, как и прежде, не найдено. Из этого слоя извлечено несколько десятков кремней — 100—130 *см*.

7. Лёсс буроватый, более светлый книзу, приобретающий глубже серо-желтый цвет от примеси песка, глинистый, встречаются кусочки известняка, мергеля, крупные песчинки кварца и мела. Ниже лёсс переходит в желтоватый песок, смешанный с разрушенной поверхностью мела — 130—150 *см*.

Шурфовка показала, что кремневый материал залегал неравномерно: меньше его было на краю седловины, занятой раскопом; большое скопление кремней отмечалось в средних квадратах раскопа — в центре седловины и особенно к западу по направлению к Гуменюковому Яру. Кремневый материал стоянки имеет своеобразный характер, свойственный липской культуре, и содержит следующие типы:

1. Нуклеусы. Значительную часть материалов составляют своеобразные нуклеусы липского типа, клиновидные по М. З. Паничкиной[1]. Самой характерной чертой этих нуклеусов является то, что они уплощены и пластины с них снимались с узкого края. Кроме нуклеусов липского типа, есть призматические нуклеусы, но их очень мало. Есть еще заготовки для нуклеусов, лишь предварительно оббитые, изготовленные из кусков кремня или отщепов. Грубыми сколами намечен овал края, противоположного тому, с которого скалывались бы пластины, и площадка нуклеуса. В дальнейшем такая заготовка, вероятно, еще более уплощалась соответствующими сколами и затем тщательной поперечной ретушью окончательно оформлялся продольный край и нижний конец орудия. Есть некоторое количество так называемых нуклевидных скребков высокой формы для снятия микропластинок (рис. 1, *3*).

---

[1] М. З. Паничкина. Палеолитические нуклеусы. Археологический сборник. Л., 1959.

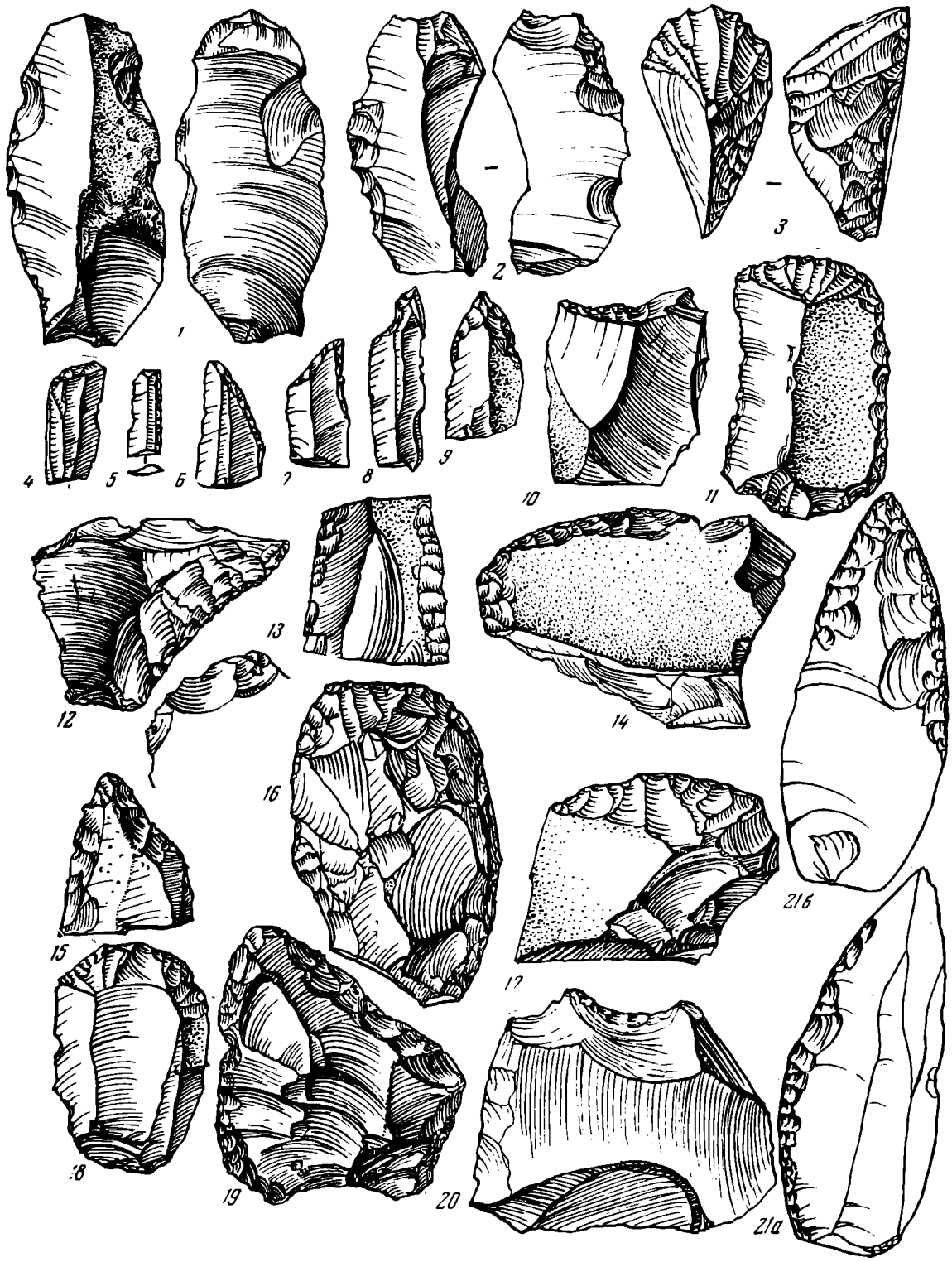


Рис. 1. Каменные орудия липской верхнепалеолитической культуры
1—11 — Липа-Гостра; *12—19* — Мирогощa; *20, 21, а, б* — Пустельня

Скребки самых разнообразных типов: двойные на массивной пластине (рис. 1, *11*), скребки с ретушью по обоим краям, короткие на отщепах. Обычные скребки на правильных пластинах средней величины составляют бóльшую часть скребков.

Резцы разнообразных типов: на углу сломанной пластины; косоретушные, срединные; значительное число поперечно-ретушных.

Своеобразие материалам с урочища Гостра придают пластины с двойными выемками (рис. 1, *1*) или с поперечной ретушью верхнего конца (рис. 1, *10*). Иногда орудия этого типа сделаны из круп-

ных отщепов. Среди материалов стоянки имеется значительная группа пластинок со скошенным краем (рис. 1, *4*, *6*, *7*, *8*); иногда у таких орудий отретуширован и другой продольный край, примыкающий к скошенному, и таким образом получается асимметричное скошенное острие (рис. 1, *7*). Проколки на массивных отщепах имеют короткое треугольное жало. Пластинки с притупленным краем представлены лишь обломками (рис. 1, *5*). Массивные отщепы и пластины с ретушью встречаются в значительном количестве. Некоторые из них представляют собою по большей части обломки более крупных орудий труда. В составе материалов стоянки имеется несколько скребел с грубой, слегка притупливающей край ретушью. Всего добыто на стоянке Гостра 2343 кремня, из которых 27% составляют орудия; 43% — пластины и отщепы и остальной материал — отходы производства.

В 1936 г. М. И. Островским были открыты стоянки у с. Липы в урочищах Загорода, Лес Казакевича, Довга, на соседних мысах, неподалеку от стоянки Липа-Гостра. Все они не разнятся от материалов, найденных на урочище Гостра. На одной из них (Лес Казакевича), кроме кремневых орудий найдены кости мамонта, обнаруженные при зачистке лёссового обрыва на глубине 3 *м* от верха. Вместе с костью найдено несколько отщепов кремня и два нуклеуса липского типа.

В 1937 г. М. И. Островским открыта пятая стоянка липской культуры у с. Мирогоща в 2,5 *км* от с. Липа. Стоянка находится в урочище поле Вотрубы (по имени бывшего владельца поля) на пологом склоне Збытинского плато. Это длинный мыс, заходящий далеко в долину р. Липки. С юго-востока мыс ограничен пологой и глубокой долиной, очень древней, далеко врезывающейся в Збытинское плато, а с северо-запада — крутым склоном к долине р. Липки. Западная часть урочища покрыта лесом, южная часть полого спускается в древнюю долину. Стоянка сильно разрушена эрозией, так как вода смывала с нее почву в трех направлениях: в южном — в сторону долины; в северо-восточном — по покатости мыса и в северо-западном — в долину р. Липки, а лес был вырублен, причем корчевались пни, что нарушило почву. В довершение всего на участке урочища поле Вотрубы произведена была посадка хмеля в ямы глубиной от 0,7 до 1 *м* и более. В раскопе 2 × 3 *м* наблюдалась следующая стратиграфия:

1. Сероватый подзолистый чернозем. Уже на глубине 0,1—0,3 *м* от поверхности попадались кремни — 0,30 *см*.

2. Светло-желтый лёсс с кротовинами. Наземные моллюски: *Pupa muscorum* и *Succinea oblonga*. Изредка попадаются кремни — 30—70 *см*.

3. Светло-желтый лёсс с мергелистыми включениями, кротовинами в стенках ям на столбы. Кремневый и костный материалы отсутствуют. Встречаются огнившие остатки корней деревьев — 70—150 *см*.

4. Светло-желтый лёсс с очень редкими находками кремня, кротовины. Лёсс становится песчанистым сероватым, попадаются мелкие кусочки песчаника и мела; глубже идет разрушенная поверхность мела — 150—190 *см*.

Шурфы, заложенные на различных склонах мыса, материала не дали, и каких-либо следов культурного слоя не обнаружено. Бо́льшая часть материала собрана на поверхности и в перекопанном хмелевыми ямами слое.

В коллекции стоянки у с. Мирогоща имеется значительное количество орудий архаического облика, отсутствующих в материалах стоянок у с. Липа. Это, во-первых, скребла: одно продольное одинарное (рис. 1, *14*), два продольных двойных (рис. 1, *16*), одно поперечное (рис. 1, *17*), одно асимметричное со сходящимися лезвиями (рис. 1, *19*), одно с вогнутым лезвием (рис. 1, *12*). Имеется и три обломка острий на пластинках треугольной формы (рис. 1, *15*). В остальном материал близок материалам из стоянок Гостра, Довга, Загорода; здесь также преобладают

нуклевидные орудия липского типа, есть ретушированные пластины (рис. 1, *13*), скребки на пластинах, поперечно-ретушные резцы и угловые резцы.

В 1960 г. М. И. Островский открыл еще одну стоянку с инвентарем липского типа у с. Майдан Дубенского района Ровенской обл., на небольшом Иловецко-Майданском плато, примыкающем к Кременецким горам. Плато очень сильно расчленено многочисленными оврагами и балками. Лёссовый покров не достигает значительной мощности, будучи отчасти вовсе смыт, отчасти переотложен. Гора Червоный Камень, где расположена палеолитическая стоянка, засевалась, а камни, мешавшие обработке почвы, собирались в кучи. Осматривая такие кучи, М. И. Островский обнаружил в них палеолитические кремни, что и привело к открытию этой стоянки. При обследовании оказалось, что кремни верхнепалеолитического облика встречаются на всех четырех мысах горы Червоный Камень, но особенно много их в центральной части ее.

Уже при обследовании в 1960 г. было найдено около 50 кремней, а в 1963 г.— свыше 200 орудий и нуклеусов и большое количество отходов кремневого производства. Как обычно для стоянок липского типа, особенно много нуклеусов, причем не только законченного вида, но и предварительно оббитых заготовок крупных размеров. Имеются вторичные ядрища, изготовленные из плиток кремня. Нуклеусы превосходят по количеству орудия. Самую большую категорию орудий составляют резцы. Больше всего поперечно-ретушных резцов обычного типа, косоретушные резцы заметно уступают им в количестве, хотя и представлены выразительными экземплярами. Срединных почти столько же, сколько поперечно-ретушных. Чаще всего они изготовлены из толстых пластин, поэтому они необычно грубы, лезвие очень толстое, резцовые сколы заходят часто на брюшко или спинку пластины, из которой изготовлен резец (рис. 2, *12*). К срединным примыкает группа резцов, которые можно лучше всего назвать срединными на углу: лезвие образовано двумя сколами, но поставлено асимметрично к оси орудия; один из резцовых сколов идет перпендикулярно главной оси орудия, а другой — вдоль продольного края пластины. Много также резцов на углу сломанной пластины.

Скребков на стоянке Червоный Камень много меньше, чем резцов. Преобладают скребки из пластины средней величины (4—6 *см*) (рис. 2, *1*); отдельные экземпляры имеют крутую ретушь по обоим краям (рис. 2, *3*). Лезвия скребков разнообразны: наряду с обычным дугообразным имеются скребки, у которых лезвие сильно выпуклое, стрельчатое; в других случаях лезвие прямое. Несколько скребков изготовлено из крупных отщепов, они имеют округлую форму и ретушь почти по всему овалу (рис. 2, *2*). Очень много так называемых килевидных или нуклевидных скребков с тщательной лямеллярной ретушью, показывающей, что они служили нуклеусами для снятия микропластинок (рис. 2, *4, 5, 6, 8*). Чаще всего эти нуклеусы сделаны из коротких отщепов округлой формы, лишь единичные — из толстых пластин. Эти нуклеусы представлены разнообразной серией, которая вполне может сравниться с группой вещей этого же рода со стоянки Гундсштейг в Австрии[2] или с французских ориньякских стоянок.

Обращают на себя внимание пластины с подтеской концов, совершенно аналогичные тем, что были найдены в седьмом слое Молодовы V[3] (рис. 2, *9*, *11*). Имеется группа ретушированных острий, ретушь по краям крутая (рис. 2, *7*, *13*, *15*). Острия эти не имеют строго определенной формы, чаще их очертания, видимо, определялись формой пласти-

---

[2] H. Obermaier, I. Strobl. Die Aurignacstation von Krems. Jahrbuch für Altertumskunde. Wien, 1909, 3—4.

[3] А. П. Черныш. Палеолітична стоянка Молодова V. Київ, 1961, стр. 61.

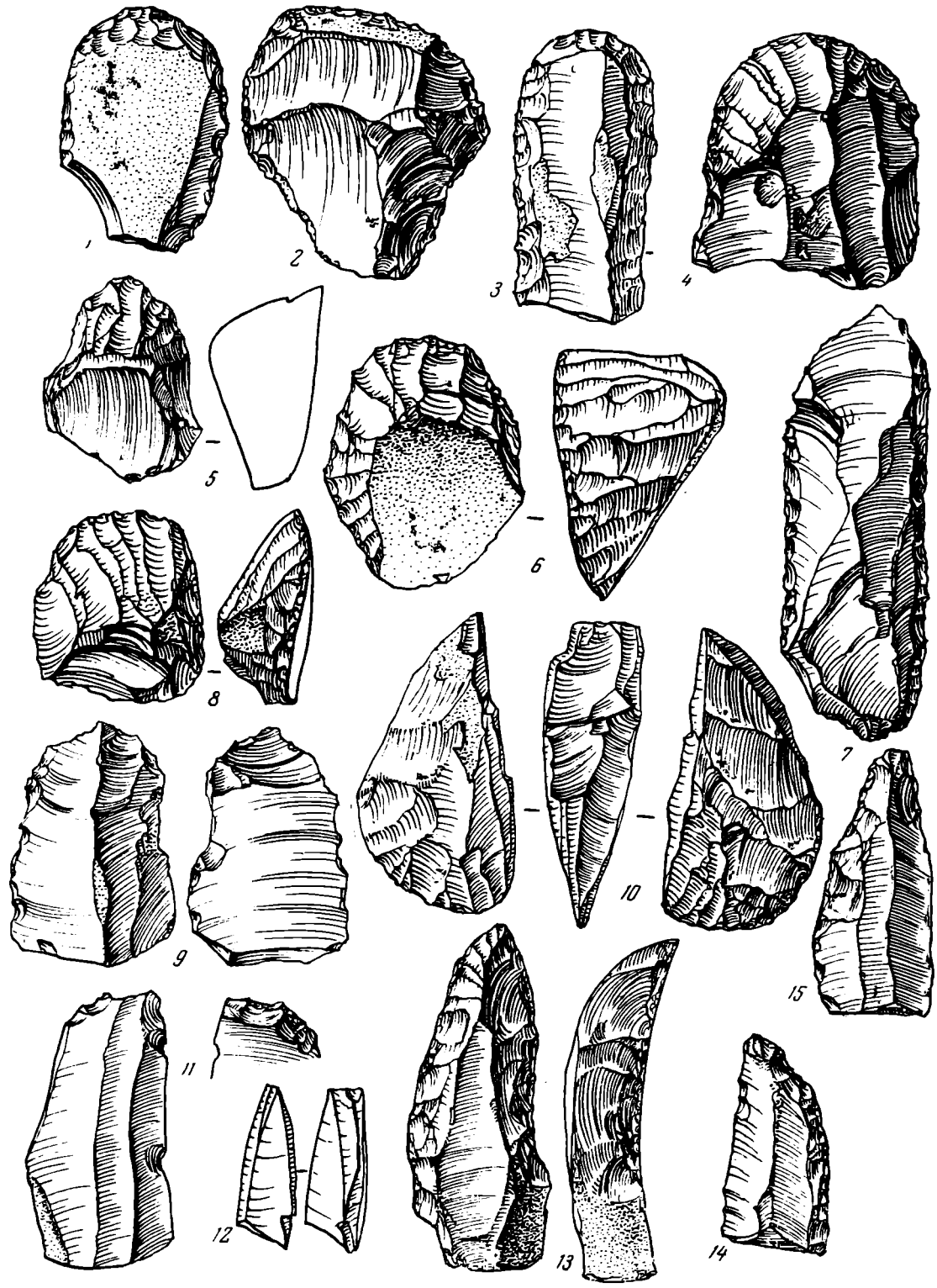


Рис. 2. Кремневый инвентарь липской верхнепалеолитической культуры. Стоянка Червоный Камень

ны-заготовки. Несколько скошенных острий (рис. 2, *14*) и пластин с поперечной ретушью верхнего конца дополняют сходство этой стоянки с памятниками, обнаруженными у сел Липа и Мирогоща. Обследование соседней Каменной горы доставило небольшой материал, не отличающийся от материала с Червоного Камня.

В 1962 г. М. И. Островский открыл еще одно местонахождение липского типа на горе Пустельня у с. Малая Иловица Кременецкого района Тернопольской обл. Гора Пустельня является частью Кременецких гор, там, где они смыкаются с Иловецко-Антоновецкой долиной, возле безымянного ручья, впадающего в р. Иловицу, притока р. Таратацкой,

впадающей в Икву. Верх горы ровный, покрыт слоем лёсса. На северо-западной окраине горы находится каменоломня, где видно следующее напластование слоев:

1. Подзолистая почва, опесчаненная — 0,25 *см*.
2. Оглиненный лёсс оранжевого цвета, стерилен — 25—65 *см*.
3. Светло-желтый лёсс. В основании слоя проходит полоса более темного лёсса мощностью 10—12 *см*, нечетко отделяющаяся от более светлого лёсса. С этим прослоем и связаны находки кремневых орудий. В основании лёсс становится более песчанистым, обогащен кусками верхнесарматского известковистого песчаника, служащего в этом месте материком — 65—185 *см*.

В карьере во время работ была обнаружена полость высотой 1,5 *м*, заполненная песком, илистыми отложениями и обломками песчаника. В заполнении этой полости были найдены также обломки костей животных и три кремневые пластинки. Возможно, что эта полость в сарматском песчанике была древней пещерой. В 1962 и 1963 гг. здесь была собрана коллекция кремней (свыше 70 экз.) и костные остатки животных. Доцент Кременецкого педагогического института К. А. Татаринов определил следующие виды: *Ursus spelaeus* — десятки особей, *Hyaena spelaea* — одна особь, *Rangifer tarandus* — пять — шесть особей, *Alopex lagopus* — две особи, *Dicrostonyx torquatus* — одна особь. Большинство материала, кроме одного острия и одного нуклеуса, было подобрано с поверхности при осмотре карьера. Из четырех нуклеусов, собранных на горе Пустельня три призматических и один нуклеус липского типа, не законченный обработкой. Было найдено также около десятка резцов срединных и поперечно-ретушных. Среди скребков один изготовлен из массивной пластины средней величины с крутой ретушью по краю; один скребок из массивного округлого отщепа со срединным резцом в основании; есть и концевые скребки из пластин средней величины. Имеется в коллекции одно целое острие, более всего напоминающее леваллуазские ретушированные острия, но отделанное лишь с брюшка плоской тщательной ретушью в верхней трети орудия (рис. 1, *21 а, б*). Крупный отщеп с отретушированной выемкой (рис. 1, *20*) имеет аналогии в материалах Липы-Гостра (рис. 1, *10*).

Материал с описанных стоянок у сел Липа, Мирогоща и Майдан образует особую группу, которую, по нашему мнению, следует назвать липской локальной культурой. Возможно, что материал этот не одновременен, что эти памятники существовали в течение нескольких тысячелетий, но тем не менее черты близости этих стоянок очевидны. Так, наряду с общими для всех липских стоянок типами орудий, на стоянке у с. Мирогоща очень много скребел. Стоянка Червоный Камень отличается обилием килевидных нуклеусов-«скребков». Но и скребла, и нуклеусы-«скребки» высокой формы есть и на прочих липских стоянках, если коллекция достаточно велика. Признаками, определяющими своеобразие липской культуры, являются прежде всего нуклеусы клиновидного, по М. З. Паничкиной, типа. Как правило, их очень много по сравнению с другими стоянками. Нуклеусы этого типа отсутствуют на стоянках соседней молодовской культуры, исследованных А. П. Чернышом. Своеобразен и другой тип нуклеуса, служивший для скалывания микропластинок,— так называемые килевидные или нуклевидные «скребки». Столь правильных нуклеусов, представленных в липской культуре многочисленной серией, в молодовских памятниках нет. Возможно, что такое изобилие нуклеусов разных типов, представленных на разных стадиях изготовления и сработанности, есть результат обилия сырья — превосходного мелового кремня темно-голубого цвета, покрытого обычно белой глубокой патиной. Вряд ли можно считать липские стоянки мастерскими — ведь они содержат все типы орудий, обычных для любой верхнепалеолитической стоянки; можно лишь думать, что в силу близости к

месторождениям кремня обработка желваков и приготовление нуклеусов занимали большее место, чем на других стоянках. Стоянку в урочище Глинище у с. Липа по поручению М. И. Островского раскапывал В. П. Савич. Предварительный отчет о раскопках этой стоянки уже был им опубликован [4], что облегчает нашу задачу анализа памятников липской культуры.

Стратиграфия стоянки Липа-Глинище показывает, что нуклеусы липского типа отсутствуют на ранней ступени липской культуры: их нет в самом нижнем слое — V, но они представлены в слоях I—III. Этот факт позволяет утверждать, что прочие липские стоянки с их обилием нуклеусов липского типа в основной части содержат материал не древнее, а позже слоя V (нижнего) Липы-Глинище.

Не относится ли группа липских стоянок к молодовской культуре Среднего Днестра (Молодова, Бабин, Вороновица, Стынка Рипичень [5]). Известно, что на Среднем Днестре верхний палеолит представлен почти от самого его начала и до мадленского времени, поэтому, чтобы ответить на такой вопрос, необходимо установить, какой части молодовской колонки соответствуют липские стоянки по времени.

Есть два типа вещей на липских стоянках, имеющих полную аналогию в среднеднестровском материале: ножи с подтеской молодовского типа встречаются в материале с Червоного Камня. В Молодове V они найдены только в слое VII, выше и ниже они отсутствуют. В слое II стоянки Липа-Глинище было найдено ребро мамонта с продольным пазом. Орудия этого типа встречаются в Молодове V в VII, VI, IV и III слоях. Эти точные совпадения отдельных липских и молодовских вещей позволяют предположить, что V—I слои Липы-Глинище и основная часть материала липских стоянок у сел Липа, Мирогоща и Майдан, как и VII—III слои Молодовы V, соответствуют довольно длительному промежутку времени от начала Вюрма III (по центральноевропейской шкале) до его конца. Слой VII Молодовы V явно послепаудорфского возраста, судя по его радиокарбоновой дате (23000 ± 800 и 23700 ± 320 лет) [6].

И. К. Иванова отмечает признаки потепления в слое II Молодовы V, основываясь на наличии теплолюбивых моллюсков *Eulotia* (*Helix*) *sp.* и *Eulotia fruticum Müll*, более крупных размеров, чем обычно [7]. Это совпадает и с радиокарбоновой датой для слоя II — 11900 ± 230 лет, т. е. начало аллереда, судя по большому количеству дат, существующих в настоящее время в Европе для аллередского интерстадиала. Слой Ia относится, судя по радиокарбоновой дате 10590 ± 230 лет, уже к началу третьего дриаса.

Имея в виду такую увязку стратиграфии между липским материалом и среднеднестровским, можно подойти к вопросу о том, являются ли липские стоянки самостоятельной культурой или они лишь вариант молодовской культуры. Нельзя отрицать отдельные черты сходства между липскими и среднеднестровскими стоянками. Найденное в стоянке Липа-Глинище орудие из ребра мамонта не находит аналогий нигде, кроме Молодовы V, где они существуют длительное время и представлены многими экземплярами. Ножи с подтеской из стоянки Липа-Гостра отличаются по манере изготовления от костенковских ножей, но совершенно не отличимы от вещей этого типа в слое VII Молодовы V.

---

[4] В. П. Савич. Богатошарова палеолітична стоянка Липа VI. Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині, 4, Київ, 1962.

[5] А. П. Черныш. Палеолит Среднего Приднестровья. Тр. КИЧП, XV, М., 1959.

[6] И. К. Иванова. Геология молодовских многослойных палеолитических стоянок на Среднем Днестре. Antropozoicum, II, Praha, 1962, стр. 214. В русском тексте (но не в немецком) ошибочно написано «до н. э.».

[7] И. К. Иванова. Геологические условия нахождения палеолитических стоянок Среднего Приднестровья. Тр. КИЧП, XV, стр. 255—256; H. Gross. Das Alleröd-Interstadial als Leithorisont der letzten Vereisung in Europa und Amerika. Eiszeitalter und Gegenwart, 4/5, 1954, Ohringen стр. 189—209.

Как известно, сходные типы орудий в разных памятниках могут быть по-разному истолкованы: либо памятники, где найдены сходные типы, относятся к одной культуре, либо данный тип орудия появился как результат влияния соседней культуры, был заимствован у соседей, либо это результат конвергенции. В нашем случае нельзя принять первое объяснение: если бы обе группы памятников принадлежали к одной культуре, мы вправе были бы ожидать совпадения всех основных типов орудий. Так, Стынка Рипичень[8] удалена от Молодовы на 70 *км*, но, принадлежа к той же культуре, что и памятники у сел Молодова, Бабин и Вороновица, она во всех основных типах совпадает с ними. В Стынке Рипичень мы находим и характерные скребки из очень длинных пластин с ретушью по краям, заостренные в основании, и сходные микроострия и микропластинки, примерно тот же набор резцов, редкие экземпляры острий с двусторонней обработкой. Как и в Молодове V, в «мадленских» слоях Стынки Рипичень исчезают крупные ретушированные скребки, пластины, микроострия с подретушовкой с брюшка и элементы двусторонней обработки. Другими словами, ход развития культуры и смена одних типов орудий другими на Днестре и на Пруте совпадают.

Если же сравнить молодовские памятники, а именно VII—III слои Молодовы V с Липой-Гостра и Липой-Глинище, то сходство ограничится немногими перечисленными выше типами, причем не самыми характерными, а самые характерные, специфические для той и другой групп стоянок орудия, различные. В Молодове нет нуклеусов липского типа, нет такой выразительной серии килевидных «скребков», как в Червоном Камне. С другой стороны, в липских стоянках нет скребков из длинных пластин с ретушированными краями, часто с острием в основании, столь характерных для ранних слоев молодовской культуры вплоть до слоя VII. Совершенно различны и микропластинки и микроострия в обеих группах памятников: в липских стоянках они немногочисленны и сводятся только к типу пластинки с притупленным краем; в слое VII Молодовы V есть и пластинки с притупленным краем, и микроострия, и микропластинки с подретушовкой с брюшка, и микроострия с выемкой, напоминающие орудия этого типа из верхнего слоя Костенок I.

Пожалуй, сходны группы резцов и там и тут, но редко бывает, чтобы в каком-нибудь памятнике были поперечно-ретушные резцы, но не было косоретушных; резцы с лезвием, образованным ретушью верхнего конца и сколом, дополняются почти на всех памятниках срединными и резцами на углу сломанной пластинки. Поэтому вряд ли можно видеть родство липских и молодовских стоянок в том, что и те и другие содержат все основные типы резцов, и примечательно, что встречающиеся лишь в немногих культурах супоневские резцы есть в Молодове V, но отсутствуют в липских материалах. В липских стоянках постоянно встречаются скребла, тогда как в молодовских памятниках единичные скребла имеются лишь в самых ранних памятниках, а ко времени слоя VII Молодовы V этот тип орудия исчезает. Сравнение самых характерных типов молодовских стоянок и группы липских стоянок говорит за то, что это были разные культуры, что границы молодовской культуры не достигали бассейна Горыни и Стыри, что памятники у сел Липа, Мирогощa и Майдан принадлежат к особой липской культуре.

Обычно таким явлением, как конвергенция, объясняют сходство типов вещей, разделенных огромным расстоянием. Вряд ли можно объяснять связями то, что клиновидные нуклеусы большими сериями встречаются и в липской культуре, и в Сибири. В нашем случае наличие в

---

[8] N. Morosan. La station paléolithique de grotte de Stanca Ripiceni. «Dacia», V—VI, Bucureşti, 1938.

той и другой культуре одинаковых ножей с подтеской и орудий из ребра мамонта с пазом объясняется взаимными влияниями и связями. Довольно значительное расстояние, разделяющее липские и молодовские памятники, не могло служить препятствием для таких связей. Мы знаем, что такие вещи, как морские раковины, в результате межплеменных связей проникали еще дальше от тех мест, где они были найдены. Но не только украшения проникали так далеко: резец типа Ноай, характерный для перигордийской культуры, был усвоен обитателями пещеры Истюриц, принадлежавшими к пиренейскому варианту ориньякской культуры Франции [9].

Сходные роговые мотыги в павловской культуре и в молодовских памятниках также отражают взаимные влияния удаленных друг от друга культур [10]. Возможны сомнения в том, действительно ли памятники липской культуры одновременны слоям VII—III Молодовы V, не древнее ли они? Хотя и маловероятно, но возможно, что обитатели липских (или молодовских) стоянок изобрели тип ножа с подтеской независимо от соседней, и в этом случае предлагаемая синхронизация Молодовы V и Липы-Глинище теряет свою опору. Отсутствие геологической датировки для слоев Липы-Глинище не позволяет ни отвергнуть, ни подтвердить выводы, основанные на типологии. Поэтому нам представляется необходимым сравнить липский материал и с более древними, чем слой VII Молодовы V, памятниками Среднего Днестра. Сразу же скажем, что молодовская культура гораздо более оригинальна, богата только ей присущими типами орудий именно в раннем периоде, который представлен нижним и средним слоем Бабина I, нижним слоем Вороновицы. Оригинальность ранних этапов молодовской культуры позволяет определенно говорить, что эти ранние материалы еще более непохожи на липские, чем памятники времени слоев VII—IV Молодовы V. Среди липских материалов нет ни крупных двуконечных острий, ни скребков на широких отщепах с ретушью по краям, ни солютрейских форм, ни микропластинок и острий с подретушовкой с брюшка.

П. П. Ефименко, доказывая существование археологических культур в верхнем палеолите, сослался на поразительное сходство Авдеева и Костёнок и на группу сходных стоянок в Моравии (Павлов, Дольни Вестонице, Петржковице) [11]. Группа среднеднестровских памятников — также убедительный пример существования в Восточной Европе археологических культур в верхнепалеолитическое время.

Давно открытая, но долгое время остававшаяся неопубликованной, липская группа стоянок, являясь особой культурой, показывает, что верхнепалеолитические культуры были весьма ограничены по территории. Между Горынью и средним течением Днестра — около 200 *км*, а эти два района заняты двумя различными культурами — липской и молодовской. Дальнейшие полевые работы более точно очертят район распространения липской культуры, возможно, позволят определить геологический возраст липских памятников. Но уже сейчас видны достоинства липской группы памятников: большое количество стоянок и находок на узкой территории и ясно выраженное своеобразие материала не позволяют сомневаться, что мы имеем дело с особой верхнепалеолитической культурой.

К настоящему времени на территории СССР накопилось уже достаточное количество памятников, содержащих ориньякские элементы, т. е. килевидные «скребки» — нуклеусы, ретушированные крутой ретушью пластины, острия и скребки. Таковы липские стоянки, содержа-

[9] R. S. de Saint Périer. La grotte d'Isturitz. III. Les Solutréens, les Aurignaciens et les Moustériens. AIPH, 25, 1952.

[10] А. П. Черныш. Палеолитична стоянка Молодове V. стр. 68.

[11] П. П. Ефименко. По поводу статьи А. А. Формозова «О времени и исторических условиях сложения племенной организации». СА, 1957, 1.

щие оба ориньякских элемента: Радомышль и Бабин I (нижний слой), откуда происходит серия ретушированных пластин; нижний слой Костёнок XVII, давший серию «орпньякских» пластин, и третий слой Костёнок I — с его серией нуклеусов-«скребков». Сейчас бытует мнение о принадлежности этих «ориньякских» элементов (к ним нужно добавить костяной наконечник с рассеченным основанием, в пределах СССР отсутствующий) единому народу, пришедшему в Европу из Передней Азии. Другие думают, что «ориньякские» элементы относятся к единому хронологическому пласту и приписывают их распространение диффузии.

Липские материалы важны потому, что, во-первых, дали серию «ориньякских» нуклеусов-«скребков», наиболее выразительную и полную по сравнению с другими стоянками. Во-вторых, они подтверждают то мнение, что и килевидные нуклеусы-«скребки», и ретушированные по обоим краям пластины появляются в самых различных культурах, непохожих друг на друга. Так, на радомышльской стоянке были найдены «ориньякские» пластины, сочетающиеся с необычно большим процентом скребел, с большой серией резцов (66% всей коллекции), с крупными сверлами, изготовленными из отщепов, и очень малым количеством скребков (1,6%) [12]. Примерно треть орудий сделана из отщепов. Микропластинки отсутствуют. «Ориньякский» нижний слой Бабина I [13] вовсе не содержит скребел, скребки и резцы в одинаковом количестве (около 25% всей коллекции), заметное количество микроострий и пластинок с притупленным краем. Орудия сделаны из отличных призматических пластин. Нижний слой Костёнок XVII также содержит много резцов (50%), вместе с тем и достаточно много обычных скребков (около 7%), но вовсе нет ни скребел, ни остроконечников, нет микроострий [14].

Как уже отмечалось, выразительная серия килевидных «скребков»-нуклеусов отсутствует на всех этих стоянках, кроме липских и третьего слоя Костёнок I [15]. Этот памятник не содержит скребел и остроконечников и отличается от перечисленных выше особого рода ретушированными микропластинками, долотовидными орудиями и отсутствием ориньякских ретушированных острий.

Краткий обзор наших «ориньякских» памятников показывает их разнородность, принадлежность к разным локальным группам, отсутствие «ориньякского народа», «ориньякской» миграции. При всей недостаточности геологических датировок можно сказать, что в третьем слое Костёнок I и в Червоном Камне (если он действительно позже слоя VII Молодовы V) «ориньякские» элементы значительно моложе подобного типа орудий из Кремса и ориньякских стоянок Франции, что исключает возможность распространения «ориньякских» элементов путем диффузии или миграции.

Исследование липских стоянок только началось, но уже доставило столько важных материалов и поставило столько новых вопросов. Крайне необходимо продолжение начавшихся работ с целью выяснения геологической стратиграфии, хронологического взаимоотношения различных памятников липской культуры, типа жилищ у этого населения и других вопросов.

---

[12] И. Г. Шовкопляс. Археологічні дослідження на Україні (1917—1957). Київ, 1957.

[13] А. П. Черныш. Палеолит Среднего Приднестровья. Тр. КИЧП, XV.

[14] П. И. Борисковский. Очерки по палеолиту бассейна Дона. МИА, 121, 1963, стр. 80—104.

[15] А. Н. Рогачев. Многослойные стоянки костенковско-боршевского района и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине. МИА, 59, 1957, стр. 30—35.

А. А. ФОРМОЗОВ

О НАСКАЛЬНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЯХ ЗАРАУТ-КАМАРА В УЩЕЛЬЕ ЗАРАУТ-САЙ

В 1939 г., странствуя в горах Кугитанг — юго-западных отрогах Гиссарского хребта, охотник И. Ф. Ломаев услышал от местных жителей о пещере с рисунками на стенах. Ему удалось побывать в этой пещере, известной под именем Зараут-камар и расположенной в ущелье Зараут-сай, в 5 *км* к югу от поселка Кзыл-Алма (Шпрабадский район Сурхан-Дарьинской области Узб. ССР). В том же году И. Ф. Ломаев привел в Зараут-камар директора Сурхан-Дарьинского музея Г. В. Парфенова [1]. В 1940, 1943—1945 гг. под руководством последнего был осуществлен ряд экспедиций в Зараут-сай. В ходе этих исследований были сняты копии с изображений Зараут-камара и тщательно осмотрены другие навесы и ниши по Зараут-саю. В некоторых из них Г. В. Парфенов обнаружил неизвестные ранее рисунки плохой сохранности.

Результаты своих работ в Зараут-сае Г. В. Парфенов осветил в нескольких газетных статьях [2]. В 1950 г. вышла книжка для детей художницы А. Ю. Рогинской, участвовавшей в копировании живописи Зараут-сая. Здесь достаточно точно воспроизведены практически все росписи Зараут-камара и несколько изображений из других пунктов [3]. И в статьях Г. В. Парфенова, и в книге А. Ю. Рогинской, следовавшей в интерпретации археологических материалов за Г. В. Парфеновым, о большинстве росписей говорилось, что это произведения палеолитических художников. В 1951 г. опубликована моя рецензия о книжке А. Ю. Рогинской, содержащая иную датировку росписей (мезолит — неолит) [4]. В дальнейшем о Зараут-сае писали не раз, основываясь главным обра-

[1] До И. Ф. Ломаева кто-то уже снимал копию с верхнего изображения охоты на быка на северной стене Зараут-камара. На это указывает карандашная сетка, нанесенная на эту композицию. Г. В. Парфенов предполагает, что в 1912 г. в Зараут-камаре побывал военный топограф Федоров. В литературе по археологии Средней Азии имеются упоминания о снятых им копиях с арабских надписей и охотничьих сцен, обнаруженных «в маленьких пещерках в 30—35 верстах на восток от Ляйлякана» (см. И. А. Кастанье. Современные успехи спелеологии и мои спелеологические поездки по Туркестану 1913—1914 гг. «Изв. Туркест. отдела Русского Географич. об-ва», XI, 2, ч. 2, Ташкент, 1915, стр. 40, 41). В действительности Зараут-сай находится не к востоку, а к западу от Ляйлякана, но примерно на указанном расстоянии (ср. Н. А. Береговая. Палеолитические местонахождения СССР. МИА, 81, 1960, стр. 165).

[2] Г. В. Парфенов. Наскальная живопись в Зараут-сае. «Правда Востока». 6.III.1941, № 55, Ташкент; его же. Древняя фресковая живопись Зараут-сая. «Ленинское знамя», 14.XII.1943, № 249, Термез; его же. Наскальная живопись Зараут-сая. «Ленинское знамя», 1944, № 133—135, 137, 139; его же. Наскальная живопись Зараут-сая. «Правда Востока», 22.X.1944, № 210; его же. Первобытные художники. «Фотогазета», 1945, 6—7, Ташкент.

[3] А. Ю. Рогинская. Зараут-сай, М.— Л., 1950.

[4] А. А. Формозов. Книга о древней наскальной живописи в Узбекистане. СЭ, 1951, 3.

зом на рисунках, изданных А. Ю. Рогинской, и моей рецензии[5]. Сами росписи более никто не осматривал, так как Зараут-сай лежит в малонаселенном и труднодоступном районе. В 1964 г. благодаря любезному содействию сотрудницы Сурхан-Дарьинского музея Т. Г. Салиховой автор настоящей статьи посетил Зараут-сай и проверил на месте свое впечатление от изображений, сложившееся 14 лет назад по публикации. В связи с этой поездкой хочется еще раз вернуться к росписям Зараут-сая и к вопросу об их датировке.

Напомню, что ущелье Зараут-сай лежит на высоте 2000 *м* над уровнем моря. Склоны его сложены из известняков среднеюрского возраста. По дну ущелья бежит ручей. В нем среди камней часто попадаются куски красной и желтой краски, использовавшейся при создании изображений. Все рисунки связаны с мелкими нишками эолового происхождения, расположенными в нижней части ущелья по правому берегу. Изображения наносились на стены там, где их покрывает известковый натек, подвергшийся затем изменению,— так называемому пустынному загару. Этот желто-бежевый фон хорошо оттенял красные силуэты животных. На темно-серой природной поверхности скалы рисунков нет. Многие росписи были потом в свою очередь покрыты известковыми натеками, часто повредившими живопись, и железисто-марганцевой корочкой — пустынным загаром[6]. Все рисунки монохромны.

Следует сразу же оговориться, что представление, сложившееся по книге А. Ю. Рогинской и информациям Г. В. Парфенова, что в Зараут-сае имеется много (по Г. В. Парфенову — 27) пунктов с наскальной живописью и что 29 рисунков, изданных А. Ю. Рогинской,— это только образцы, отобранные из 264 изображений, не соответствует действительности. На самом деле А. Ю. Рогинская опубликовала едва ли не все хорошо сохранившиеся рисунки. Почти все они происходят из одного пункта — Зараут-камара. В других точках, отмеченных Г. В. Парфеновым, на стенах ниш видны лишь очень нечеткие пятна краски, восстановить по которым какие-либо фигуры или композиции в большинстве случаев невозможно. Необходимо учитывать и то, что на скалах в ущелье Зараут-сая во многих местах проступают естественные пятна ожелезнения. Их легко спутать с остатками разрушившихся рисунков.

Показательно сравнение описаний Зараут-сая, составленных Г. В. Парфеновым[7] и сотрудником Сурхан-Дарьинского музея В. Н. Жуковым[8]. Там, где первый видит 106 рисунков, другой усматривает 198, и, напротив, там, где, по Г. В. Парфенову, налицо 55 рисунков, по Жукову, их всего 14. Часть из 27 пунктов Г. В. Парфенова содержит только арабские надписи X—XIII вв. (пункты 8, 9, 15, 19). В ряде точек изображения, пусть плохой сохранности, несомненно существуют (пункты 13, 16). В других же случаях художница А. Ю. Рогинская отказывалась переносить на бумагу те контуры, которые указывал ей в каком-либо пятне Г. В. Парфенов. Тогда он сам решительно «читал пятно» и рисовал «наслоившиеся друг на друга 55 рисунков». Результаты такого чтения подчас были очень странными. Перед нами то какое-то непонятное живот-

---

[5] «История Узбекской ССР», I, 1, Ташкент, 1955, стр. 20—21; Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель. Выдающиеся памятники изобразительного искусства в Узбекистане. Ташкент, 1960, стр. 12; их же. История искусств Узбекистана с древнейших времен до середины девятнадцатого века. М., 1965, стр. 12—14; История Таджикского народа. I. М., 1963, стр. 80, 115; Kozłowski. Paleolityczne i mezolityczne rysunki skalne odkryte na terenie ZSRR. «Dawna Kultura», Wrocław, 1956, 2, стр. 36, 37, рис. 3.

[6] О. Е. Агаханянц. Наскальные рисунки в Язгулеме. Изв. ООН АН Тадж. ССР, 14, 1957, стр. 73.

[7] Г. В. Парфенов. Наскальная живопись Зараут-сая. Рукопись в архиве Института искусствознания Министерства культуры Узб. ССР, ИЖ, № 106.

[8] В. Н. Жуков. Дневник. Заповедник Зараут-сай. 1950 г., Архив Сурхан-Дарьинского историко-краеведческого музея, № 336.

ное с тяжелой задней частью крупа, как у быка, но с тонкой шеей, с клювом вместо морды и с широкими мохнатыми ушами вместо рогов [9], то зверь, похожий по пропорциям тела и отсутствию хвоста на медведя, но с рогами винторогого козла [10].

Я не хочу опорочить большую работу, проведенную Г. В. Парфеновым по осмотру множества мелких ниш в Зараут-сае и выявлению в них остатков рисунков, но справедливости ради приходится сказать, что исследователь не раз увлекался и терял чувство реальности. В итоге можно констатировать, что подавляющая масса рисунков расположена в навесе Зараут-камар и в нескольких нишках непосредственно под ним. Выше по ущелью есть лишь единичные плохо сохранившиеся изображения. Речь должна идти не о районе наскальных изображений Зараут-сай, вроде районов более поздних петроглифов в Средней Азии (Саймалы-таш, Тамгалы, Сураты-сай), а в сущности об одной пещере Зараут-камар. Ее топография весьма показательна. Навес находится в ста метрах от устья ущелья, где Зараут-сай вырывается из скальной теснины. Через 2 *км* он выходит в широкую долину реки Кзыл-алма. Такая топография характерна для многих пещерных стоянок каменного века. Сошлемся хотя бы на крымские стоянки Шайтан-коба, Староселье, Чокурча, Сюрень I и II, Качинский навес, Таш-аир I или на группу поселений на р. Цхалцителе под Кутаиси (Сакажиа, пещера Уварова, Кутаисская пещера). Видимо, это вызвано особенностями хозяйства обитателей стоянок.

Реконструируя хозяйство людей, создавших живопись Зараут-камара, Г. В. Парфенов пытался увидеть в районе Зараут-сая некое подобие горы Солютре. По его мнению, первобытные охотники загоняли стада диких быков на высокую гору Зараут. Там животные срывались с обрывов и разбивались. В книге А. Ю. Рогинской гора Зараут даже специально изображена в том же ракурсе, что и гора Солютре у Г. Обермайера [11]. Между тем все это очень сомнительно. Дикие быки паслись, конечно, у воды, на «адырах» — участках степи, примыкающих к устью Зараут-сая с юга, и по самому ущелью, а вовсе не на голой и безжизненной горе Зараут. Охотиться на быков было гораздо проще в ущелье, перекрыв его с двух концов, чем выгоняя оттуда животных и преследуя их несколько километров в гору. Скорее всего тактика охотников заключалась в том, чтобы выследить, когда быки зайдут в ущелье с юга, и в том, чтобы быстро зажать стадо в этой теснине.

Навес Зараут-камар, расположенный при входе в ущелье на высоте 8,2 *м*, являлся чрезвычайно удобным для засады местом, для подкарауливания зверей, заходивших в Зараут-сай. Никаких культурных слоев в Зараут-камаре нет, да эта ниша и мало приспособлена для обитания. Размеры ее 1,4—2,5 *м* в ширину и 5,2 *м* в длину (высота 3,97 *м*). Забираться в навес по почти отвесной скале нелегко. Таким образом, появление изображений в навесе не приходится связывать с «украшением стен жилища». Это — изображения, возникшие в период подготовки к охоте и отражающие охотничьи культы. Да и вообще по всей долине Зараут-сай нет ни одной пещеры, пригодной для жилья, и за несколько лет обследований не обнаружено ни одной стоянки. Видимо, Зараут-сай был районом охот и культовых церемоний, а не местом обитания охотников.

В книге А. Ю. Рогинской подробно описано размещение изображений в Зараут-камаре [12]. Грот открыт на восток, а росписи занимают северную короткую стену пещеры и западную длинную, главным образом

---

[9] А. Ю. Рогинская. Ук. соч., рис. 29.

[10] Там же, рис. 39.

[11] Ср. А. Ю. Рогинская. Ук. соч., рис. 14, и Г. Обермайер. Доисторический человек. СПб., 1913, рис. 114.

[12] А. Ю. Рогинская. Ук. соч., стр. 25—28.

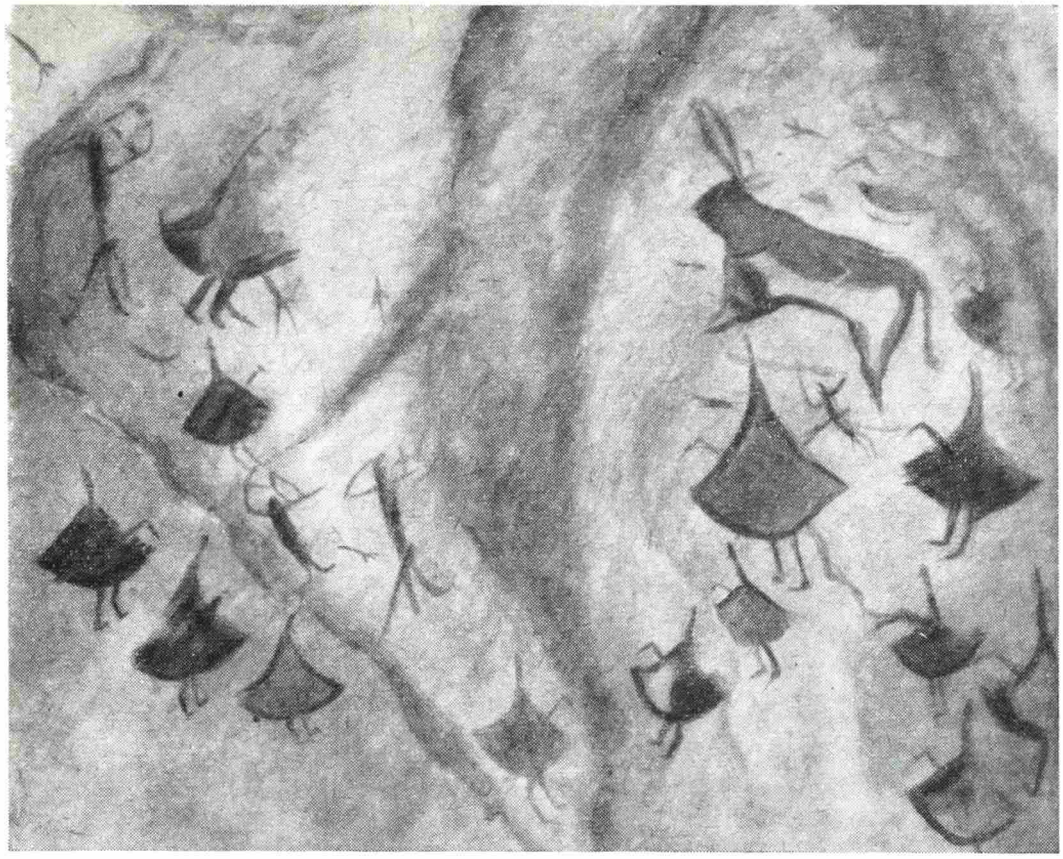


Рис. 1. Верхняя композиция на северной стене навеса Зараут-камар

ближе к северной стене. Расположены они на уровне человеческого роста на изгибе от стен к потолку.

Рассматривая рисунки на стенах и потолке Зараут-камара, без труда удается расчленить их на три разновременные группы. Об этом говорят и анализ их содержания, и оттенки краски, которой нанесены надписи и рисунки. Под влиянием времени краска подвергалась изменениям. На арабских надписях, датированных М. Е. Массопом по палеографическим данным X—XIII вв. с повторяющимся словом «Мухаммед», она ярко-красная. На той же стене, т. е. в тех же условиях освещения и воздействия воды, которая кое-где сочится по стене пещеры, мы увидим более тусклые изображения. Часть из них красновато-коричневые, часть — коричневато-серые. Если намочить эти рисунки, цвет их становится темно-бордовым, переходящим в коричневый.

Образцы краски, взятые в русле Зараут-сая, были проанализированы в лаборатории Института геологических наук Академии наук СССР. Оказалось, что краска представляет собой кварцевый алевролит с железистым цементом. Содержание железа очень высокое, близкое к рудному,— от 24 до 32%. На настенных изображениях железо постепенно выщелачивалось, вымывалось водой, от чего они и становились все более тусклыми.

Среди коричневато-серых рисунков выделяются три композиции, воспроизведенные в книжке А. Ю. Рогинской на цветных вкладках. Две композиции размещены на северной стене, одна — на западной. Всюду запечатлены сцены загонной охоты. На верхней северной композиции (размер 50 × 36 *см*) быка окружило 19 охотников (рис. 1), на двух других — животные бегут от преследующих их лучников. Среди зверей можно видеть не одних только быков, как утверждает Г. В. Парфенов. На нижней композиции северной стены (размер 30 × 22 *см*) рядом с быками бегут джейраны. Г. В. Парфенов считает, что это помощники охотников — домашние собаки, но размеры животных, лишь немногим

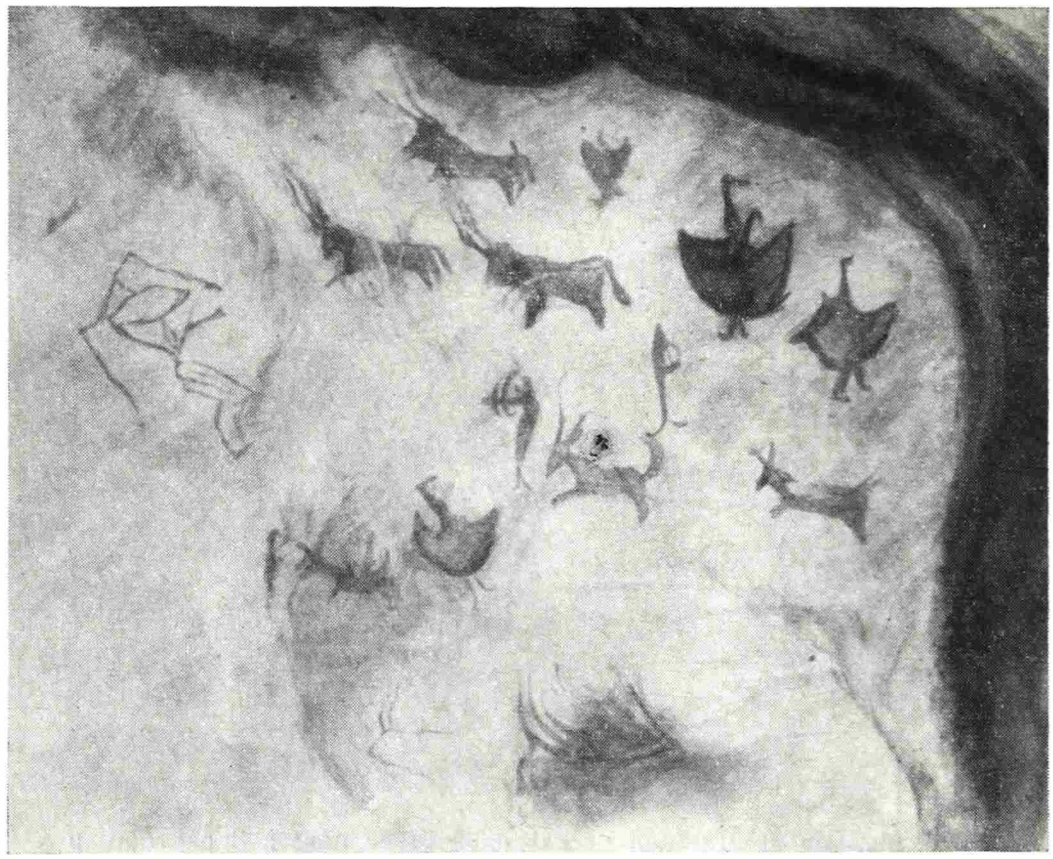


Рис. 2. Нижняя композиция на северной стене навеса Зараут-камар

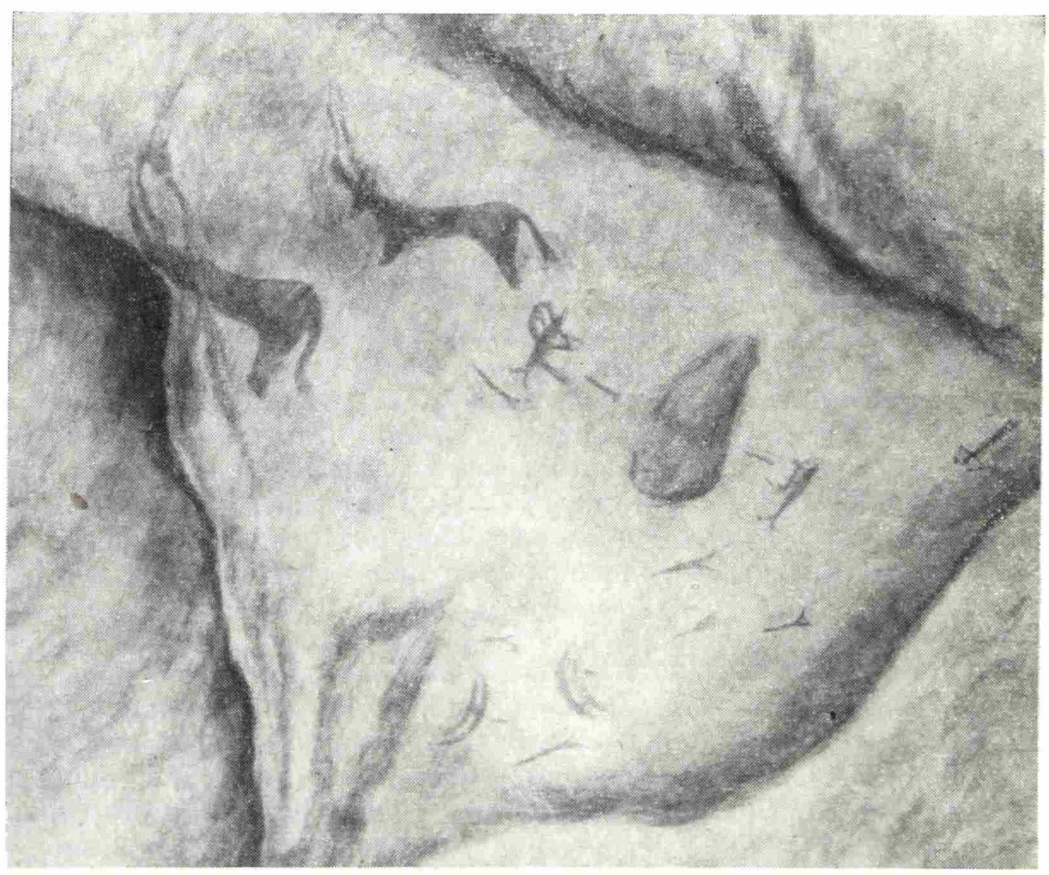


Рис. 3. Композиция на западной стене навеса Зараут-камар

уступающие размерам быков, длинные острые рога, в которых нельзя видеть уши, показывают, что это какие-то копытные. Пропорции тела и поднятые хвосты позволяют думать, что это джейраны. Поднятый хвост испуганно убегающего джейрана прежде всего бросается в глаза охотнику. Недаром казахи называют этого зверя «кара-куйрюк» — черный хвост. Можно различить даже дротик, вонзившийся в тело нижнего левого джейрана (рис. 2). Преследование охотниками-лучниками каких-то двух зверей, судя по рогам — винторогих козлов, увидим мы и на третьей композиции (рис. 3) на западной стене навеса (размер 48 × 33 *см*). На всех трех панно изображены летящие и вонзившиеся в тела животных стрелы.

При первом же взгляде на композиции северной стены поражает необычная трактовка человеческих фигур. 19 фигур из 25 переданы в виде треугольников. Г. В. Парфенов предполагает, что это изображения охотников, маскировавшихся под дроф, чтобы ближе подойти к быкам. Как и в сопоставлении горы Зарауг с горой Солютре, здесь чувствуется прямое заимствование из книги Обермайера. Там помещен рисунок на скале из области Гершель в Капланде. На этом памятнике бушменского искусства показан замаскированный под страуса охотник, подкрадывающийся к стаду страусов [13]. Но страус — это не дрофа. Его рост близок к росту человека. Поэтому имело смысл маскироваться под страуса, чтобы незаметно подкрасться к его сородичам. Маскироваться под маленькую дрофу — бессмысленно. Любого зверя спугнут дрофы размером вдвоевтрое больше обычного.

Но в главном Г. В. Парфенов, вероятно, прав. Это не просто люди, а ряженые. В изображениях верхней композиции северной стены можно еще видеть схематические фигуры людей в расширяющейся книзу одежде — плащах или накидках (ср. росписи боспорских склепов или наскальные рисунки Чиркаты в Дагестане) [14]. Но на нижней композиции люди показаны иначе — наподобие полумесяцев рогами вверх. Они машут полами плащей, как крыльями. И там, и тут в бок от каждой фигуры отходит какой-то отросток. Вряд ли это топор, как думал Г. В. Парфенов, или трещетки, как предполагала А. Ю. Рогинская. Скорее всего это высовывающаяся из-под плаща голова птицы с длинной шеей. Любопытны и другие детали: у пяти фигур на верхней композиции ноги показаны, как у птиц, коленками назад. Фигуры людей, изображенных в более обычной манере, где тело передано прямой линией, снабжены длинными хвостами. Такое магическое украшение нередко отмечалось в живописи, в гравюре и в скульптуре палеолитического и мезолитического времени. Упомянем Труа Фрер, Минатеда, Лурд, Леспюг, Мальту, Гагарино, Костенки I, Кобыстан (верхняя терраса Беюк-Даша).

В целом перед нами, по-видимому, изображения ряженых людей такие же, как и в наскальном искусстве палеолита Западной Европы (Альтамира, Труа Фрер, Габийю, Комбарелль). Недавно в Минусинской котловине найдены гравированные рисунки людей в птичьих масках, относящиеся к гораздо более позднему времени — ко II тысячелетию до н. э. (могильник Тас-хааза окуневской культуры). Клювы от птичьих масок обнаружены в могильнике той же культуры Черновая VIII [15].

Помимо трех композиций со сценами охоты, в Зарауг-камаре есть и другие рисунки того же времени. Такова относительно крупная, ряже-

---

[13] Г. Обермайер. Ук. соч., рис. 169.

[14] М. И. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1913, табл. XCIX, *c*; М. Исаков. Следы древнего человека в Дагестане. «Дагестанская правда», 17.XII.1957, № 249.

[15] А. Н. Липский. Новые данные по афанасьевской культуре. Сб.: «Вопросы археологии Сибири и Дальнего Востока», Новосибирск, 1961, рис. 2; Э. Б. Вадецкая. Древние изваяния эпохи бронзы на Енисее. Автореф. канд. дис., Л., 1965, стр. 18.

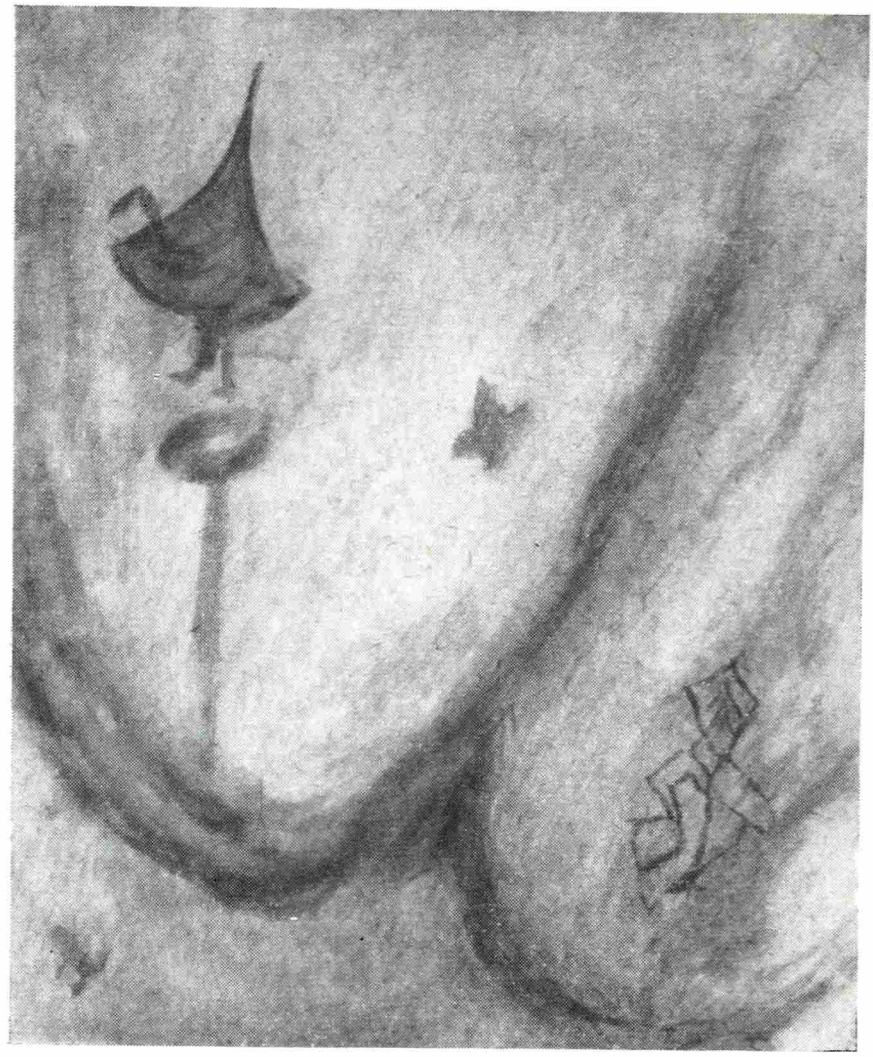


Рис. 4. Изображения на западной стене навеса Зараут-камар

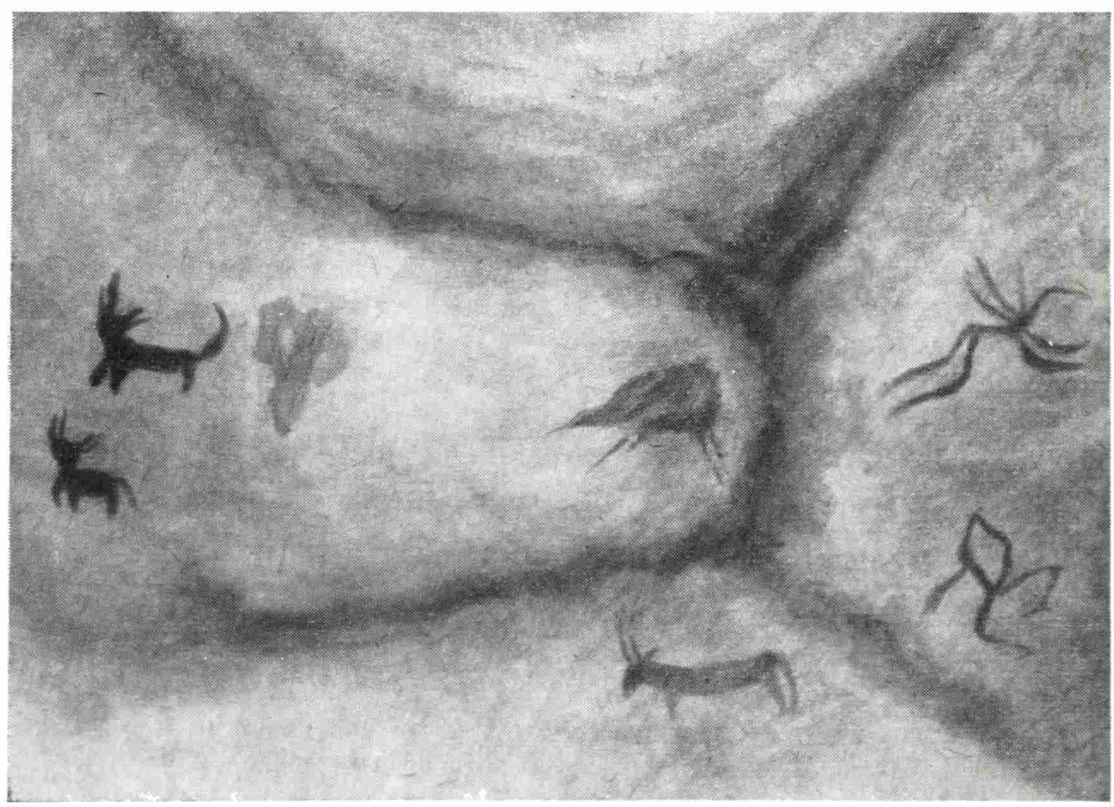


Рис. 5. Изображения на западной стене навеса Зараут-камар

ная в знакомой нам манере фигура человека в плаще, под которой находится знак в виде круга с отходящей вниз линией (рис. 4), и две фигурки собак с повернутыми назад головами (рис. 5; все на западной стене) [16]. Другие изображения относятся, по всей вероятности, к более позднему периоду. Цвет их ярче: не серо-коричневый, а коричневато-красный. Сюжеты их иные, схематизма здесь, пожалуй, больше (рис. 5). Тут мы увидим «фертообразные» фигуры людей, уперших руки в бока, и силуэты животных — горного козла-теке — и какого-то зверя с тонкими ножками и массивным корпусом (кабан? дикообраз?). Заметим, что Г. В. Парфенов делит изображения животных из Зараут-сая на две группы — «быки» и «козлы». Между тем зоологи утверждают, что число видов животных, интересовавших первобытного художника, больше. Кроме быка и горного козла, внимание людей привлекали сайгак, джейран и винторогий козел. Все эти поздние изображения людей и животных расположены на западной стене навеса близ ее стыка с северной ниже трех древних панно и не образуют какой-либо четкой композиции. Вероятно, каждый рисунок создавался независимо от других в подражание более древним. К этой же группе следует отнести ряд знаков и символических изображений, вроде овала с точечным заполнением (рис. 6, *2*) [17].

Что можно сказать о живописи Зараут-камара в целом? Почти все изображения силуэтны. Только три изображения (один бык и два человека-треугольника) в древнейшей группе контурные. На некоторых рисунках можно проследить, что сначала на скалу наносился контур, а затем уже он закрашивался. Краску клали густо, скала не просвечивает.

В очень немногих случаях заметно перекрывание одних изображений другими или, вернее, позднейшее дописывание отдельных фигур к уже готовым композициям. Так, на нижней композиции северной стены фигурка лучника, немного более темной окраски, написана позже, чем изображение джейрана. Линия ноги лучника чуть-чуть заходит за линию хвоста животного. По-видимому, здесь имело место такое же «ретуширование» рисунков, которое отмечено этнографами у австралийцев. Согласно их верованиям, священные рисунки на скалах надо периодически подновлять, иначе наступит засуха, люди останутся без съедобных растений и умрут от голода [18].

Композиции явно приспособлены к рельефу скалы. Ограничением их служат изломы, грани потолка, а некоторые особенности его рельефа использованы при создании росписи. Так, в верхней композиции северной стены левая группа загонщиков расположена параллельно трещине скалы, а фигура быка как-бы застыла перед естественным углублением — ямой, к которой зверя подогнали охотники [19].

Большинство изображений животных представляет собой силуэты только с двумя ногами, что характерно для первобытного искусства, но две фигуры быков на нижней композиции северной стены и две фигуры собак на западной показаны с тремя ногами. Это, в частности, подтверждает одновременность изображений собак с основными композициями Зараут-камара. Поздние рисунки Зараут-камара (так называемый кабан) и других ниш по Зараут-саю передают силуэт животного уже с четырьмя ногами [20]. Отличие не случайно. Перед нами отражение более позднего этапа в развитии искусства. Любопытно, что фигура странного существа с корпусом быка и птичьей мордой, восстановленная

---

[16] А. Ю. Рогинская. Ук. соч., рис 19, 20, 31 (три центральные фигуры).

[17] А. Ю. Рогинская. Ук. соч., рис. 27.

[18] A. P. Elkin. Rock-Paintings of Nord-West Australia. «Oceania», I, 3, London, 1930, стр. 257—279.

[19] На табл. II в книге А. Ю. Рогинской эта деталь не отмечена. Вместо небольшого круглого углубления показана длинная западина, совершенно непохожая на то, что есть в действительности.

[20] А. Ю. Рогинская. Ук. соч., рис. 13, 19, 34.

Г. В. Парфеновым из расплывчатых пятен краски и отнесенная им к ориньяку, тоже четырехнога. Думается, что это лишний аргумент против реконструкции Г. В. Парфенова.

Непосредственно под Зараут-камаром в скале находится еще несколько совсем маленьких ниш длиной и глубиной по 1 — 1,5 *м*. Г. В. Парфенов насчитывает среди них шесть ниш с рисунками, якобы самыми древними в Зараут-сае (ориньякскими). Это утверждение представляется сомнительным. За исключением 3—4 поздних схематических рисунков, в нишах видны только очень расплывчатые пятна краски. Это неудивительно, ибо уровня ниш ежегодно достигают селевые потоки, периодически двигающиеся по Зараут-саю. Вода и камни неминуемо должны были стереть росписи, если бы они здесь существовали. Низкое положение ниш над дном долины (от 0 до 4 *м*) говорит против глубокой древности рисунков, расположенных под Зараут-камаром. Горные речки быстро углубляют свои русла. Вероятно, навес Зараут-камар возник раньше, чем ниши под ним.

Г. В. Парфенов усматривает в очертаниях одной ниши сходство с фигурой свернувшегося быка из Альтамиры и предполагает, что эту нишу первобытные люди, еще не знавшие искусства, но охотившиеся на быков, обмазывали кровью животных. Потом был сделан следующий шаг к созданию красочных рисунков: к выступам скал пририсовали рога и ноги быков — появились «полурельефные изображения» [21]. Наконец, возникла и живопись. Все это ни на чем не основано. Искать в Зараут-сае первые шаги в развитии искусства — безнадежная задача, а принимать неясные пятна краски за детали полурельефных изображений более чем рискованно.

Таким образом, реально мы располагаем тремя композициями Зараут-камара со сценами охоты, несколькими отдельными фигурами того же времени и десятком более поздних рисунков зверей и людей. Какова же датировка этих изображений? Ни с какими культурными остатками они не связаны, да в мелких нишах, где обнаружены рисунки, никаких поселений существовать не могло. Г. В. Парфенов провел шурфовку в ряде более крупных навесов в соседних долинах. В гроте Дуль-дуль-ата были найдены кремневые отщепы мустьерского облика, а в пещере близ поселка Чинар — крашеная керамика. Этих скупых указаний на заселение окрестностей Зараут-сая в первобытную эпоху, конечно, далеко недостаточно для датировки наскальных изображений.

В 1958 г. в высокогорном Памире В. А. Ранов обнаружил грот Шахты с плохо сохранившейся росписью на стенах. Можно различить контурные изображения кабанов и медведей, пораженных стрелами, подобно фигурам быков и джейранов из Зараут-камара. Здесь имеется своеобразная стилизованная фигурка человека, несколько напоминающая птицу и зараутсайских ряженых людей. Шурфовка в гроте выявила бедный культурный слой, содержащий кремневые пластины без керамики. Наиболее вероятен мезолитический возраст этих отложений. Слой не перекрывает рисунки, но скорее всего одновременен им, поскольку грот находится в высокогорной редко посещаемой местности [22].

Обратимся теперь к самим росписям Зараут-камара. Изображение охоты с луком и стрелами и домашних собак решительно противоречит выдвинутой Г. В. Парфеновым палеолитической датировке живописи (он говорил об ориньяке и мадлене). До мезолита лук и домашняя собака не были известны. Мы не знаем, когда исчезли в Средней Азии дикие быки. Если верить определениям И. Дюрста для нижнего слоя Анау I, в энео-

---

[21] О дорисовках к естественному рельефу скалы пишут и Г. А. Пугаченкова и Л. И. Ремпель. История искусств Узбекистана... стр. 13. Они же ошибочно указывают на наличие гравировок в Зараут-сае.

[22] В. А. Ранов. Рисунки каменного века в гроте Шахты. СЭ, 1961, 6.

лите они еще водились [23]. Заметим, что в Средней Азии и Казахстане известно еще несколько местонахождений петроглифов с изображениями быков (Сураты-сай, Байконур, Караунгур, Теректы) [24], на этот раз не живописными, а выбитыми на камне. Датировка этих изображений не ясна и нельзя даже с уверенностью сказать, дикие это быки или домашние. М. Э. Воронец в отношении Сураты-сая и В. А. Городцов о Байконурской писанице говорили, что это — изображения домашних животных эпохи бронзы. Таким образом, нижнюю границу датировки росписей Зараут-камара (мезолит) можно считать бесспорной, верхняя — не ясна.

Сцены, запечатленные в Зараут-камаре, отражают охотничий быт. Однако сцены охоты остаются преобладающими в петроглифах Средней Азии вплоть до средневековья. В выбитых и вырезанных на скалах рисунках Саймалы-таша в Киргизии, Тамерлановых ворот близ Джизака, урочища Тамгалы под Алма-Атой и других мы видим лучников, охотящихся на диких козлов [25]. Иногда охотники показаны уже верховыми, и тут же встречаются изображения сабель, верблюдов и т. д. Следовательно, на перый взгляд, рисунки со сценами охоты могут относиться даже к эпохе средневековья. Возникает вопрос, каков был ход истории в районе Зараут-сая; не был ли этот горный район глухим углом, где охота и первобытные культы дожили до очень позднего времени? Археологические разведки в горах Кугитанг, проведенные Л. А. Альбаумом, позволяют ответить на этот вопрос отрицательно. Тут найдены типичные поселения кушанского и эфталитского времени, свидетельствующие о том, что в эпоху раннего железа в этой области существовала уже высокоразвитая культура. Кушанское городище Келиташ лежит всего в 5 *км* от Зараут-камара близ кишлака Кзыл-Алма.

Особенно интересно для нас наиболее раннее поселение рубежа бронзового и железного века — Кучук-тепе около Музрабада (примерно 50 *км* от Зараут-сая). Это — памятник земледельческо-скотоводческой культуры, характеризовавшейся расписной керамикой. На одном из сосудов красной краской было нанесено схематическое изображение животного. Тело его передано в виде двух соединенных вершинами треугольников [26]. Значит, в полосе гор Кугитанг к началу I тысячелетия до н. э. схематизм в искусстве зашел достаточно далеко. Тот же принцип изображений животных мы встретим в поздних петроглифах типа Саймалы-таша [27] в Средней Азии, в том числе и в соседнем Таджикистане [28]. Не-

---

[23] I. Duerst. Animal Remains from the Excavations in Anau. Explorations in Turkestan. Expedition of 1904. Prehistoric Civilisation of Anau, II. Washington, 1908, стр. 359—369.

[24] М. Э. Воронец. Наскальные изображения в Южной Киргизии. Тр. Кирг. гос. пед. ин-та, сер. ист., 2. Фрунзе, 1951, рис. 1, *2*, стр. 78; В. А. Городцов. Скальные рисунки Тургайской области. Тр. ГИМ, I, М., 1926, рис. 5; А. Г. Медоев. Наскальные изображения гор. Тесикташ и Караунгур. Тр. ИИАЭ АН Казах.ССР, XII, Алма-Ата, 1961, рис. 2; А. Х. Маргулан. К изучению памятников района р. Сарысу и Улутау. ВАН Казах. ССР, Алма-Ата, 1948, 2, рис. 4; Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель. История искусств Узбекистана..., рис. 2.

[25] Литература о наскальных изображениях Средней Азии и Казахстана очень обширна. См.: К. М. Байпаков. Археологическая литература в изданиях Академии наук Казахской ССР в 1946—1962 гг. СА, 1964, 2, стр. 251; И. А. Сухарев. Наскальные изображения Илян-сая. «Социалистическая наука и техника», Ташкент, 1938, 8, стр. 61—67; В. И. Рацек. Этнографические и археологические наблюдения в высокогорных районах Тянь-Шаня и Памира. Изв. ВГО, 1947, 4, стр. 466—468; А. П. Окладников, В. И. Рацек. Следы древней культуры в пещерах Тянь-Шаня. Там же, 1954, 5, стр. 447—452; A. Häusler. Südrussische und nordkaukasische Petroglyphen. «Wissenschaftliche Zeitschr. der Martin Lüther-Universität Halle-Wittenberg. Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe» XII/11 — 1963, стр. 900—902.

[26] Хранится в Институте истории и археологии Академии наук Узб. ССР в Ташкенте.

[27] А. Н. Бернштам. Наскальные изображения Саймалы-таш. СЭ, 1952, 2, рис. 6.

[28] В. А. Ранов. Наскальные изображения у кишлака Наматгут. Изв. ООН АН Тадж. ССР, 14, 1957, рис. 1.

которые из этих петроглифов возникли также еще до нашей эры, что особенно ясно показывает использование камня с изображением горного козла в погребальном сооружении последних веков до н. э. у селения Миндана в Таджикистане [29].

Стилистический анализ самих рисунков Зараут-камара также говорит о многом. Это — изображения на потолке пещеры, пусть очень маленькой, а не рисунки на открытых скалах и отдельных камнях, подобные сотням петроглифов, зарегистрированных в разных областях Средней Азии. В выборе места для росписей, как и в гроте Шахты, здесь сказалась давняя палеолитическая традиция. Любопытно, и то, что более поздние рисунки Зараут-камара находятся не на потолке, а ниже — на стене навеса. Изображения животных в Зараут-камаре далеки от тех схем, которые обычны для подавляющего числа наскальных рисунков Средней Азии. Там мы видим некие привычные тысячи раз повторяющиеся значки, лишь отдаленно напоминающие профиль горного козла или лошади. Тут силуэты зверей еще полны жизни. Реалистический стиль палеолитических охотников в эпоху создания росписей Зараут-камара еще не иссяк.

Наряду с этими архаичными чертами в Зараут-камаре налицо ряд поздних особенностей. Таковы прежде всего мелкие размеры изображений. Фигурки людей имеют в длину всего 4—20 *см*. Таких маленьких рисунков в палеолите мы не знаем. Только в испанских мезолитических росписях появляются миниатюрные изображения людей и животных. Нет в палеолитическом искусстве и сцен охоты. Изображались звери, иногда пораженные копьями, но не люди, преследующие животных, не охотники, окружившие добычу. Подобные сцены также впервые отмечаются в мезолите (росписи Леванта, петроглифы Кобыстана).

Наконец, трактовка человеческих фигур в Зараут-камаре демонстрирует нарастание схематизма в искусстве. Люди в живописи мезолита Испании показаны гораздо реалистичнее. Сводить фигуру человека к треугольнику стало обычным только в эпоху бронзы [30].

Стилистический анализ позволяет утверждать, что палеолитический возраст росписей Зараут-камара исключен, мезолитический вероятен, но возможна и более поздняя датировка (неолит — энеолит). К сожалению, у нас нет данных об облике культуры эпохи неолита и энеолита в горах Кутитанг. Не ясно, когда здесь возникло земледелие и скотоводство, какой характер носило искусство этого времени.

Что касается наиболее поздних росписей Зараут-камара, то их можно рассматривать как подражания древним. Г. В. Парфенов считает, что это рисунки бронзового века, придавая особое значение фертообразным фигурам. Сходство этих фигур в Зараут-сае и в Леванте бесспорно, но не исключено, что поздний комплекс росписей Зараут-камара значительно моложе. Слишком уж разительно совпадение некоторых рисунков с росписями стен современных таджикских жилищ (рис. 6). Особенно это видно по изображениям кругов с точечным заполнением и схематических силуэтов горных козлов [31]. Круг с точечным заполнением, как выяснил С. В. Иванов, обозначает у таджиков стадо животных и рисуется, чтобы обеспечить изобилие скота. Иногда над этим кругом вверх поднимаются линии. В них таджики видят тропы, по которым гоняют скот. Именно такой круг с точечным заполнением и двумя линиями наверху

---

[29] А. М. Мандельштам. Несколько замечаний о наскальных изображениях бассейна верховьев Заравшана. Тр. ИИАЭ АН Тадж. ССР, XLII, 1956.

[30] M. Hoernes, O. Menghin. Urgeschichte der bildenden Kunst in Europa. Wien, 1925, стр. 49, 197, 559.

[31] А. Ю. Рогинская. Ук. соч., рис. 27 и 34; М. С. Андреев. Орнамент горных таджиков верховьев Аму-Дарьи и киргизов Памира. Ташкент, 1928, рис. 1—3; С. В. Иванов. К вопросу об изучении стенных росписей горных таджиков. КСИЭ, II, 1947, рис. 1, 3.

начертан на стене Зараут-камара. Укажу также, что в Туркмении на р. Чандыр известны наскальные росписи, где силуэты козлов с четырьмя ногами, похожие на поздние зараутсайские, и фертообразные фигуры сочетаются с изображениями верблюдов и всадников [32]. Так или иначе, второй пласт рисунков Зараут-камара, судя по сохранности краски, старше арабских надписей X — XIII вв.

В заключение надо особенно подчеркнуть резкое отличие росписей Зараут-камара от выбитых и вырезанных на скалах рисунков Средней Азии. В литературе этому отличию не придавалось должного значения. Г. В. Парфенов готов синхронизировать с Зараут-камаром и относить к палеолиту очень многие из этих рисунков [33]. Эта точка зрения проникла даже в серьезные сводки. Так, в книге Г. А. Пугаченковой и Л. И. Ремпеля «Выдающиеся памятники изобразительного искусства в Узбекистане» воспроизведены два рисунка из Ходжикента на р. Чирчик со ссылкой на Г. В. Парфенова и датой — поздний палеолит. На одном рисунке — олень в характерной для скифского искусства позе «летящего галопа», на другом — нечеткое изображение коня с поводом, интерпретированное как рисунок быка, в ногу которого попал дротик [34]. В газетной заметке Г. В. Парфенов намекает, что в одном из изображений Сураты-сая близ Коканда следует видеть мамонта, хотя на животном показано седло, и это скорее всего верховой конь [35].

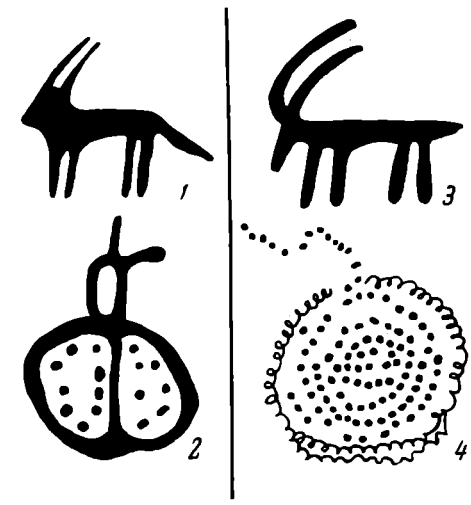


Рис. 6. Сопоставления изображений Зараут-сая и красочных рисунков на стенах таджикских домов (*1*, *2* — по А. Ю. Рогинской, *3* — по М. С. Андрееву, *4* — по С. В. Иванову)

Опубликованные до сих пор наскальные изображения Средней Азии в основной массе позже Зараут-сая. Резким отличием этих памятников является то, что все они расположены вне пещер на открытых скалах и, как правило, очень большими группами: Саймалы-таш — около 100 000 рисунков, Сураты-сай — более 1000, Тамгалы — около 1000 и т. д. [36]. По-видимому, район каждой из этих групп петроглифов представляет собой святилище, где периодически выбивали на скалах новые и новые рисунки. Гроты Зараут-камар и Шахты с очень небольшим числом изображений представляют собой принципиально иное явление.

Техника нанесения на камень поздних петроглифов — почти всегда выбивание и вырезание. В тех редких случаях, когда применялась кра-

---

[32] А. П. Поцелуевский. Наскальные изображения в долине реки Чандыр. Изв. Туркм. ФАН СССР, Ашхабад, 1948, I, рис. 2, 3, 12; К. Адыков. Наскальные рисунки в долине р. Чандыр. Изв. АН Туркм. ССР, сер. общ. наук, Ашхабад, 1961, 5, стр. 88—93. Основываясь на сходстве росписей с рисунками на туркменских мазарах, К. Адыков датирует чандырские петроглифы XVII—XVIII вв.

[33] Г. В. Парфенов. Картинная галерея первобытного искусства. Сб.: «Следопыт Средней Азии», Ташкент, 1963, стр. 201.

[34] Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель. Выдающиеся памятники..., рис. 2. Ту же группу наскальных изображений Т. Агзамходжаев относит к концу II — началу I тысячелетия до н. э., а Х. Алпысбаев — к I тысячелетию до н. э. Т. Агзамходжаев. Наскальные изображения в Бостандыкском районе Ташкентской области. Академия наук Узб. ССР, отд. обществ. наук, научные работы и сообщения, 1, Ташкент, 1960, стр. 82; Х. Алпысбаев. Новые наскальные изображения Бостандыкского района. Тр. ИИАЭ АН Казах. ССР, I, Алма-Ата, 1956, стр. 188.

[35] Г. В. Парфенов. Сураты-сай, «Пионер Востока», 15.I.1963, Ташкент.

[36] А. Н. Бернштам. Ук. соч., стр. 55; А. Г. Максимова. Наскальные изображения урочища Тамгалы. ВАН Казах. ССР, Алма-Ата, 1958, 9, стр. 108; Г. В. Парфенов. Сураты-сай.

ска, состав палитры шире зараут-сайской. Встречается даже синяя краска(Биттык-чашма близ Шаартуза) [37]. Сюжеты петроглифов также отличаются. Изображения быков редки. Нарисованы главным образом козлы. Обычны фигуры всадников и караванов. Все это — результат деятельности кочевников-скотоводов, часто промышлявших и охотой. Пещерные росписи Зараут-камара и грота Шахты на Памире со сценами охоты, сохранившими отпечаток первобытного реализма, отражают иной, более ранний этап в развитии искусства Средней Азии.

[37] Обследование Г. В. Парфенова. Копия росписей хранится в Сурхан-Дарьинском историко-краеведческом музее.

С. В. ОШИБКИНА

СТОЯНКА МОДЛОНА, ЕЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ОТНОШЕНИЕ К КАРГОПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Для севера европейской части СССР стоянка Модлона является памятником инородным среди массы неолитических стоянок с ямочно-гребенчатой керамикой. Стоянка открыта и раскопана А. Я. Брюсовым. Первые раскопки проведены в 1938—1940 гг., затем работы продолжены в 1946—1947, 1955, 1957 гг. В первой публикации [1] исследователь отметил своеобразие полученных материалов, однако счел возможным отнести стоянку к каргопольской культуре. Дальнейшее изучение стоянки изменило его мнение относительно культурной принадлежности этого памятника. Опубликованная в 1947 г. работа А. Я. Брюсова [2] посвящена исследованию стоянки, в основном ее нижнего слоя.

Стоянка расположена на узком и длинном мысу, образованном р. Модлоной и впадающей в нее р. Перечной. Мыс заселялся дважды. Первое поселение существовало длительный период времени и представляло собой, по мнению А. Я. Брюсова, свайное поселение (Модлона I). На этом же месте позже существовала другая кратковременная стоянка (Модлона II). Территории стоянок несколько смещены относительно друг друга: Модлона II расположена дальше от окончания мыса, что объясняется его подтоплением к моменту вторичного заселения.

Несмотря на частичную публикацию материалов стоянки и, казалось бы, его удовлетворительную интерпретацию, до сих пор памятник вызывает интерес исследователей и получает различное толкование. Отчасти это объясняется выборочным изданием керамики, но в основном тем, что вопрос о происхождении памятника оставлен открытым. В работе о свайном поселении А. Я. Брюсов противопоставил Модлону I местным каргопольским стоянкам и отметил их враждебные отношения. При этом предполагалось западное происхождение населения Модлоны I. Аргументом в пользу этого положения служили янтарные пуговицы и привески, найденные на стоянке. В последнее время исследователь предположил, что подобные памятники могут быть открыты в неисследованном бассейне Кубенского озера [3].

М. Е. Фосс, принимая западное происхождение Модлоны I и отмечая сходство материалов обоих слоев стоянки, сочла возможным включить верхний слой (Модлона II) в каргопольскую культуру в качестве второго этапа развития. Говоря о происхождении Модлоны II, М. Е. Фосс предполагает юго-западное происхождение обитателей стоянки и одновременно указывает на сходство узоров ее керамики с узорами извест-

[1] А. Я. Брюсов. Отчет о работах 1938—39 гг. Тр. ГИМ, XII, М., 1941.

[2] А. Я. Брюсов. Свайное поселение на р. Модлоне и другие стоянки в Чарозерском районе Вологодской области МИА, 20, 1951.

[3] А. Я. Брюсов. Караваевская стоянка. Сборник по археологии Вологодской области. Вологда, 1961.

ной Галичской стоянки и стоянки Юг Чухломского уезда[4]. Оценка памятника достаточно разноречива, особенно если учесть отсутствие сходства в керамике стоянок Галичской и Юг, а также отсутствие конкретных аналогий на юго-западе. В последнее время А. Х. Халиков включил Модлону II в чирковско-сейсменскую культуру эпохи бронзы[5]. Столь различное толкование стоянок Модлона I и II вынуждает остановиться подробнее на рассмотрении известных материалов.

Все спорные положения относительно Модлоны сводятся к двум основным вопросам: 1) каково происхождение нижнего поселения Модлоны и 2) существует ли связь между нижним и верхним поселениями и каков ее характер. В связи с этим может быть решен вопрос относительно принадлежности Модлоны II к каргопольской или чирковско-сейменской культуре.

Материалы Модлоны I свидетельствуют о ее волосовском происхождении. Это подтверждается орнаментацией и технологией керамики (рис. 1), техникой обработки камня, формами каменных и костяных орудий, украшений и прочих изделий. Ближайшие аналогии Модлоне I дают ранние памятники волосовской культуры — Волосово, Языковская, Сахтыш I и II (рис. 2). Кроме упомянутых стоянок, мы привлекаем к сравнению материалы стоянки Володары, относящейся к более позднему времени (второй этап развития волосовской культуры).

Керамика Модлоны I слабого обжига, имеет характерный голубовато-серый цвет и содержит чаще всего примесь раковины, реже растительную или асбест. Несколько необычный цвет керамики объясняется применением серых озерных глин, которые встречаются на севере, а также примесью пережженной раковины. На соседних каргопольских стоянках ни одна из указанных примесей не встречена, там употреблялся песок и в отдельных случаях слюда.

Как известно, способ изготовления глиняного теста и технология керамического производства в целом служат надежным признаком для характеристики культуры. Применение раковины в качестве примеси известно на довольно ограниченных территориях.

В начале II тысячелетия до н. э. (а именно этим временем датируется Модлона I) раковина применялась на волосовских стоянках. Более ранним временем, III тысячелетием до н. э., датируется нарвская керамика, изготовлявшаяся с раковиной и орнаментированная неправильными ямками. В настоящее время с уверенностью можно сказать, что по технологии производства керамика Модлоны I близка волосовской керамике. Что касается примеси асбеста, то применение его ограничивалось территорией Финляндии и Карелии (рис. 2). Относительно времени его применения мнения различны. А. Я. Брюсов считает, что появление асбеста в керамическом производстве Карелии относится к началу II тысячелетия до н. э., а широкое употребление асбеста при изготовлении сосудов — ко второй половине этого тысячелетия[6]. Такого же мнения придерживается Г. А. Панкрушев, который считает, что асбестовая керамика непрерывно существовала до I тысячелетия до н. э.[7]. Н. Н. Гурина полагает, что применение асбеста может быть отнесено к III тысячелетию до н. э., но существует поздняя асбестовая керамика, которая появляется в эпоху раннего металла, т. е. в середине II тысячелетия до н. э. (около 1500 г. до н. э. по Н. Н. Гуриной начинается эпоха раннего металла[8]). Таким об-

[4] М. Е. Фосс. Древнейшая история севера европейской части СССР. МИА, 29, 1952, стр. 89, 118.

[5] А. Х. Халиков. Доклад на Секторе неолита и бронзы в ИА АН СССР (апрель 1965).

[6] А. Я. Брюсов. История древней Карелии. Тр. ГИМ, IX, М., 1940.

[7] Г. А. Панкрушев. Племена Карелии в эпоху неолита и раннего металла. М.—Л., 1964.

[8] Н. Н. Гурина. Древняя история северо-запада европейской части СССР. МИА, 87, стр. 50, 161, 388, 1960.

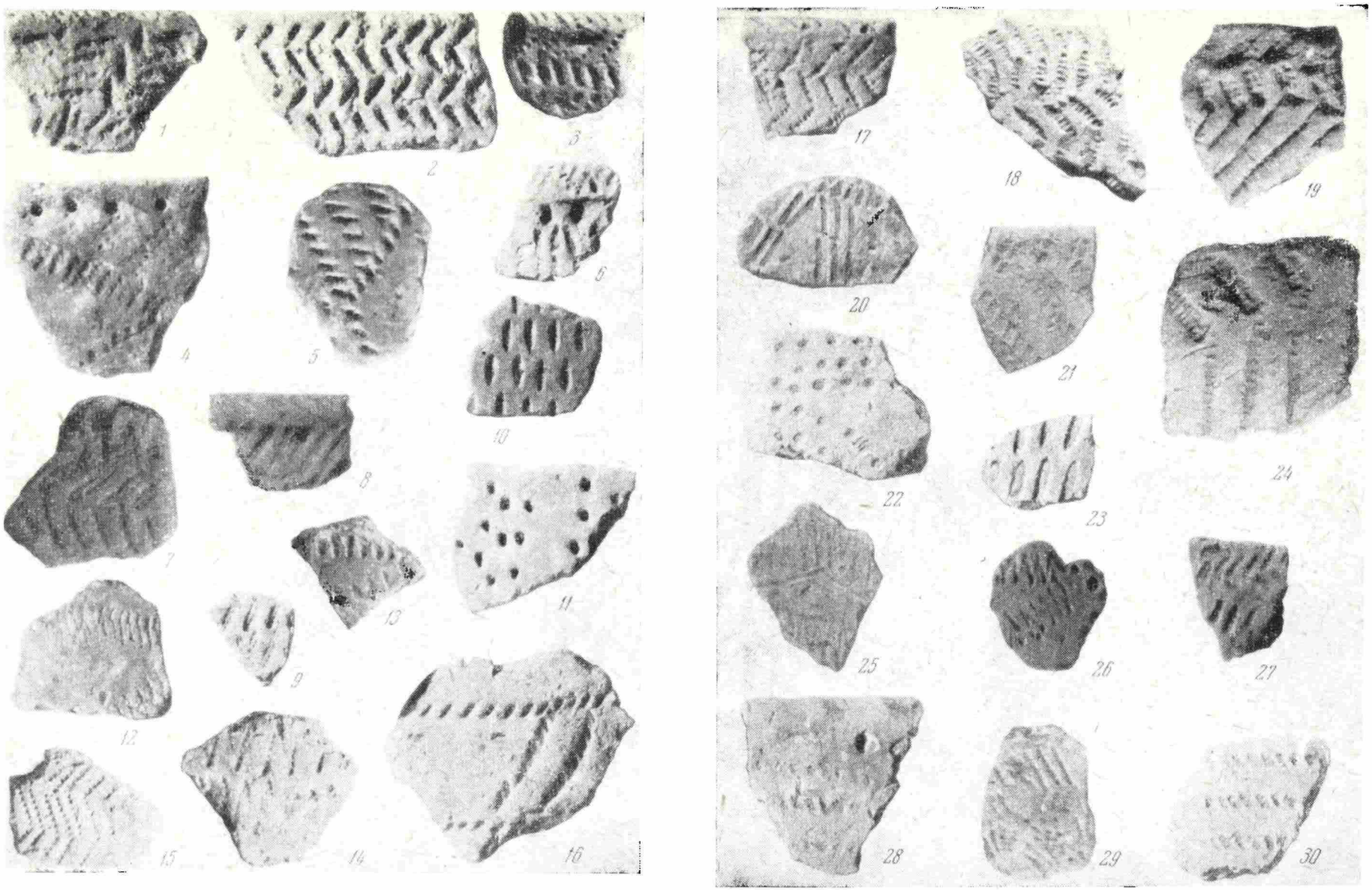


Рис. 1. Керамика стоянок Модлона I (*1—16*) и Володары (*17—30*)

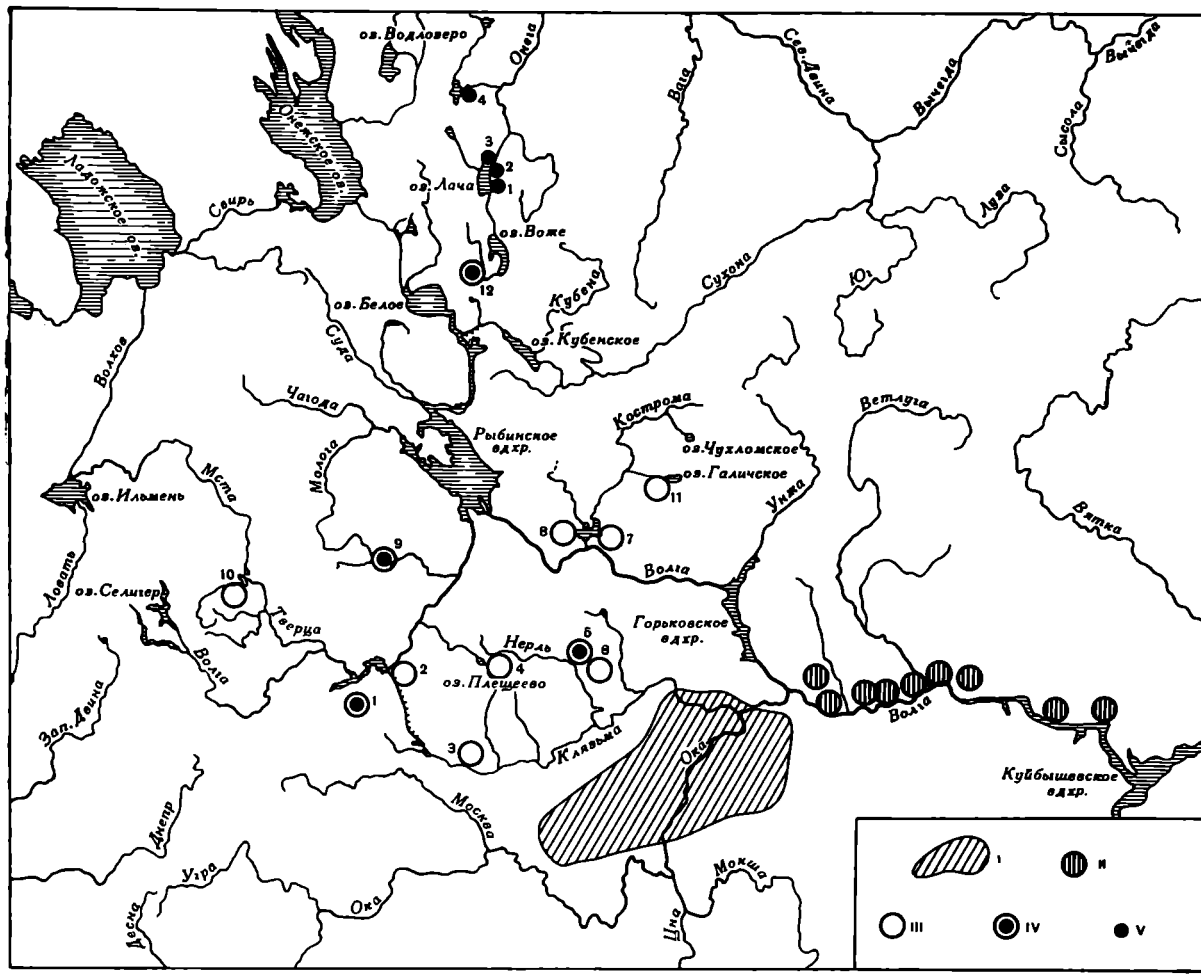


Рис. 2. Карта распространения стоянок волосовской культуры

I — территория волосовской культуры на р. Оке; *II* — стоянки в Приказанском Поволжье; *III* — северо-западные стоянки (*1* — Языковская, *2* — Николо-Перевоз, *3* — Буньковская, *4* — Вашутинская, *5* — Сахтыш, *6* — Сахтыш II, *7* — Станок, *8* — Борань, *9* — Кончанская, *10* — Бологовская, *11* — Федоровская, *12* — Модлона); *IV* — стоянки с янтарными изделиями; *V* — находки керамики, близкой Модлоне II (*1* — Кинема, *2* — Попово, *3* — Маяк, *4* — Кенозеро)

разом, наличие асбеста в керамическом тесте не может служить датирующим признаком в силу длительности его применения.

Применение асбеста в керамике Модлоны I свидетельствует о контакте пришельцев с карельскими соседями и частичном заимствовании приемов изготовления керамики. Готовые сосуды не ввозились, было заимствовано лишь применение асбеста. Это подтверждается употреблением вместе раковины и асбеста. Фрагменты такой керамики немногочисленны, некоторые из них орнаментированы рамчатым штампом (рис. 3, *12*.) Узоры прослеживаются фрагментарно, целых сосудов не найдено. При всем своем разнообразии узоры наносились ограниченным количеством штампов: 1) гребенчатым удлиненным, 2) коротким гребенчатым овальной формы, 3) штампом, оставляющим отпечатки в виде неглубокой ямки, 4) рамчатым длинным или коротким, 5) овальным гладким, 6) прямоугольным и 7) штампами неправильной формы. В последнем случае речь идет не столько о форме штампов, сколько о приеме нанесения орнамента. Отпечатки нанесены соскальзывающим движением округлой или треугольной в сечении палочки. Взаимосочетаемость штампов (рис. 4, *А*) приводит к выводу, что три последних группы штампов употреблялись только самостоятельно, за исключением нескольких случаев, когда узор, выполненный гладким овальным штампом, дополнялся ямками. Первые четыре штампа употреблялись в самых различных сочетаниях.

Орнаменты Модлоны I разнообразны, поэтому попытка их систематизации в определенной мере условна, особенно если учесть фрагментар-

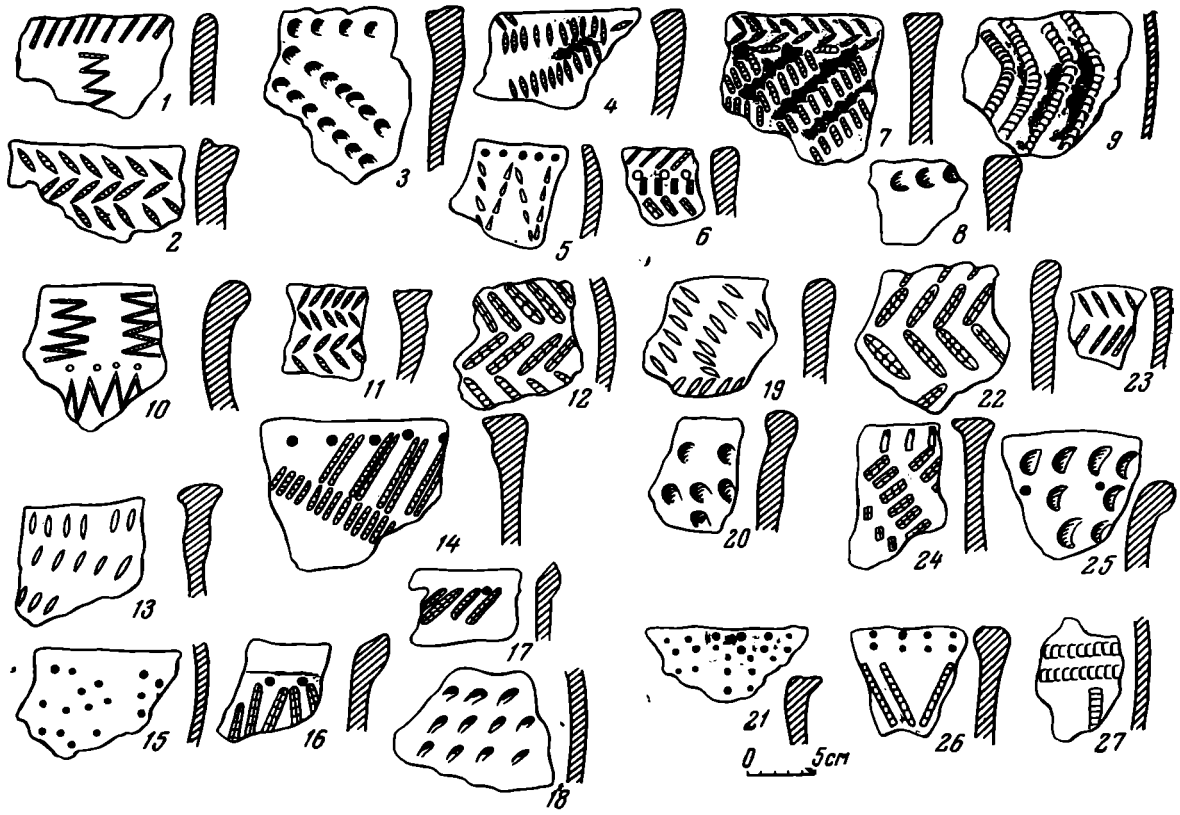


Рис. 3. Керамика стоянок Модлона I (*10—18*), Модлона II (*1—9*), Волосовской (*19—21*) и Языковской (*22—27*)

ность керамики. Вертикальная колонка таблицы взаимосочетания узоров и штампов (рис. 5, *А*) отражает основные орнаментальные построения.

Как следует из таблицы, в основном узоры выполнялись гребенчатым, овальным гребенчатым, рамчатым штампами и штампом, оставляющим ямки. Несколько узоров сделано овальным штампом. Два последних узора представляют собой косые полосы, идущие от венчика или по стенке и расходящиеся веером, и ряды отпечатков прямоугольного штампа, соединенные отпечатками этого же штампа. Эти узоры отнесены в группу неправильных, так как их отличает отсутствие геометричности в узоре и некоторая аморфность его элементов. Неправильные узоры выполнялись только так называемыми неправильными штампами. Зависимость узора от штампа не требует особых доказательств. Однако если учесть, что группа керамики, орнаментированная неправильными узорами, всегда изготовлялась только с растительной примесью, то становится очевидным существование отдельной группы керамики. Для этих сосудов (рис. 3, *3*, *8*, *9*, *18*) характерны большие размеры, массивный отогнутый наружу венчик и, как уже сказано, узор из косых или горизонтальных небрежно выполненных полос глубоких неправильных отпечатков (треугольных, округлых или прямоугольных).

По-видимому, с этой группой следует связывать орнамент из полос отступающего штампа. Сильная примесь органических веществ, выгоревших при обжиге, делает керамику очень пористой. Аналогичная керамика встречена на стоянках Волосовская, Языково, Володары (рис. 1, *16*, *30*; рис. 3, *20*, *25*, *27*). Можно предположить, что имела место дифференциация керамики по назначению и крупные пористые сосуды служили для хранения или выполняли другую специальную роль.

Вся остальная керамика имеет более тонкие стенки. Венчики массивные, у среза — наплыв внутрь, наружу или в обе стороны (рис. 3, *10*, *11*, 13, *14*). Донышки сосудов округлые или утолщенные, внутри сосуды заглажены гребенчатым штампом. Все сказанное выше позволяет считать,

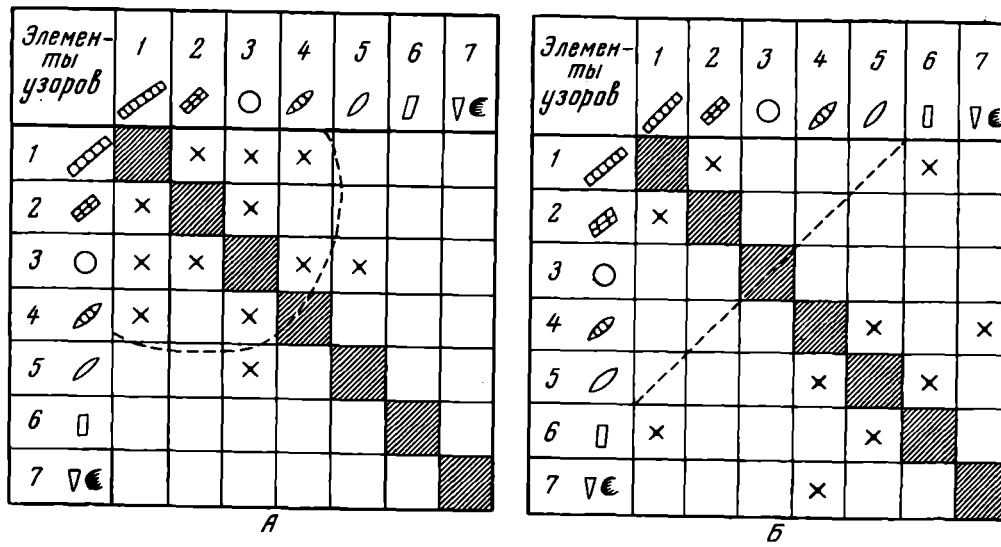


Рис. 4. Взаимосочетаемость элементов узоров на керамике Модлона I (*А*) и Модлона II (*Б*)

что не только примесь, но также профилировка керамики, ее отделка и орнаментация имеют аналогии в волосовской культуре [9].

При сравнительном анализе каменного инвентаря необходимо учитывать в первую очередь сырьевую базу района. Восточное Прионежье имеет мало валунного кремня, в Карелии применялись сланец, кварц, роговик, шифер. В Финляндии появление кремневых орудий исследователи объясняют связями с источниками кремня в Восточной Европе, кремень называется русским [10]. Для Модлоны I характерно огромное количество каменных орудий и отходов кремневой индустрии. Часть орудий, преимущественно мелких,— наконечники стрел и копий, проверткн, ножи — изготовлены из кремня. Основная масса орудий изготовлена из известняковых и туфовых пород.

По-видимому, на новом месте жители Модлоны I искали привычный для них кремень, но обнаруженные выходы нужных пород дали слишком мало хорошего материала. Вынужденные использовать известняковые конкреции гораздо худшего качества, они сохранили в определенной степени привычную технику обработки орудий и даже ее высокое качество (рис. 6, *1—25*). Крупные шлифованные орудия изготовлены из известняковых пород и сланца. Типичными для волосовской культуры принято считать желобчатые долота, топоры русско-карельского типа, небольшие долота с овальным сечением. Две последние категории орудий представлены среди материалов Модлоны I, но сами по себе они слишком широко распространены, чтобы считаться определяющими. Что касается желобчатых долот, то, по мнению А. Я. Брюсова, они появляются на волосовских стоянках в XVII — XV вв. до н. э. [11]. Так как Модлона I датируется началом II тысячелетия до н. э., то этих орудий, видимо, быть и не могло.

Однако на стоянке Модлона I найден обушок орудия характерной формы — суженный в конце, треугольный в сечении, с горбатой спинкой [12]. Поскольку рабочая часть орудия не сохранилась, оперировать находкой не приходится. Однако на Языковской стоянке, которая также может считаться ранней (примесь раковины в керамике, условия залегания в ниж-

---

[9] И. К. Цветкова. Волосовские неолитические племена. Канд. дис. Архив ИА АН СССР, 1949, стр. 125.

[10] A. Europaeus. Askolan Honkaniemen kivikauden asuinpaikka. «Suomen Museo», XXXVI, 1929, стр. 15—32.

[11] А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен европейской части в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 76.

[12] Коллекция ГИМ, инв. № 477.

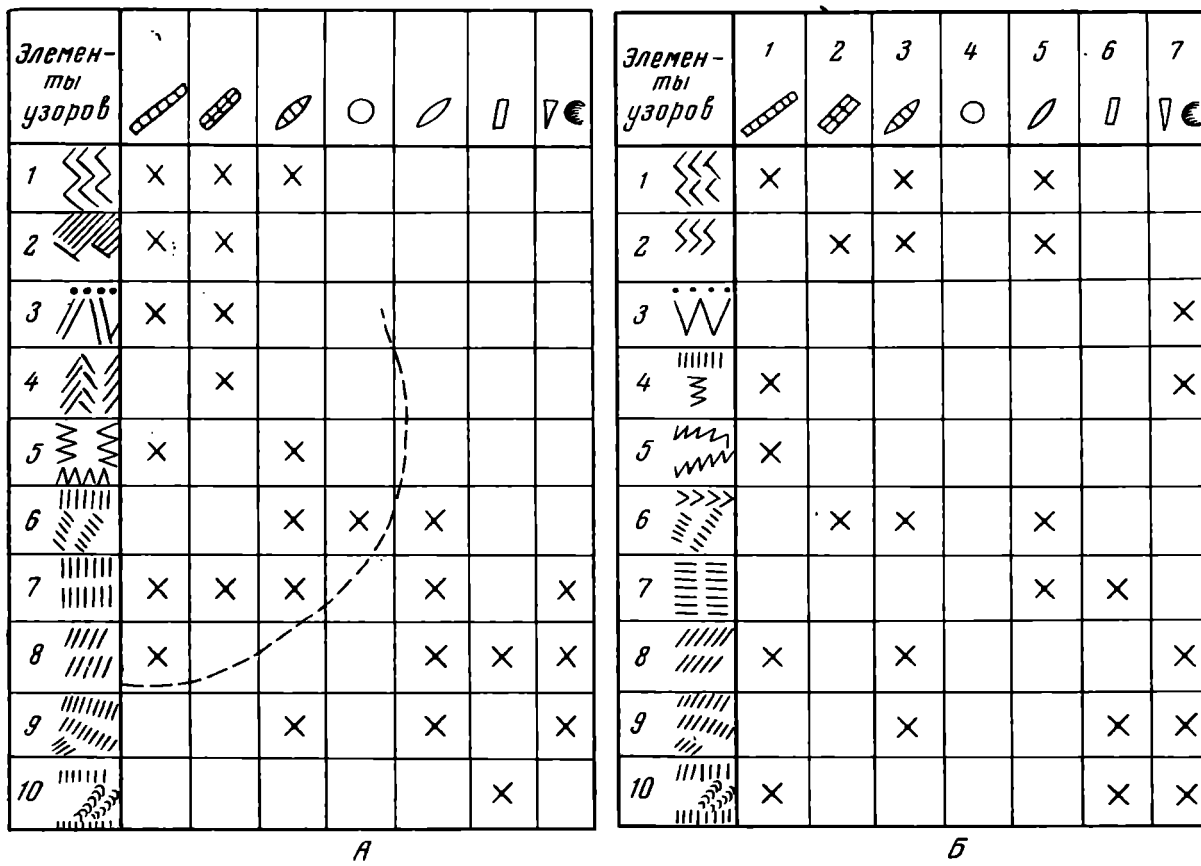


Рис. 5. Взаимосочетаемость узоров и приемов орнаментации керамики Модлоны I (*А*) и Модлоны II (*Б*)

ней части слоя торфа), найдено желобчатое долото и обушковая часть второго долота. Эти факты позволяют предположить раннее появление желобчатых долот.

Характерные волосовские листовидные наконечники копий представлены в инвентаре Модлоны I в обломках, черешковых наконечников найдено два экземпляра (рис. 6, *11*). Почти все наконечники стрел Модлоны I изготовлены из кремня, подавляющее большинство их имеет листовидную форму. По данным А. Я. Брюсова, из 212 наконечников стрел 202 листовидной формы.

Типичными волосовскими орудиями считаются ножи на массивных отщепах с обработкой только по лезвию. Кроме нескольких небольших ножей подобной формы, найден большой нож классической формы и пропорций (рис. 6, *23*). Представлены также скобели разнообразной формы, они изготовлялись из худших сортов камня.

В целом для Модлоны I нужно отметить стремление жителей изготовлять орудия из крупных и плоских отщепов, что наиболее характерно для волосовской индустрии.

На рис. 7 представлены немногочисленные костяные поделки со стоянки Модлона I, украшения, кремневые фигурки и их аналоги из волосовских стоянок. Так называемый зубчатый штамп (рис. 7, *1*) следует, по-видимому, считать подвеской. Подобные предметы на собственно волосовских стоянках изготовлялись из кости, в Модлоне I — из кости и янтаря (2 экз.). В свое время янтарные украшения (пуговицы и подвески) были известны, кроме Модлоны I, только в Кончанском, где Н. К. Рерих при раскопках курганов у оз. Шерегордо нашел янтарные украшения и керамику с растительной примесью, орнаментированную преимущественно рамчатым штампом [13]. А. Я. Брюсов и М. Е. Фосс считали, что янтар-

[13] Н. К. Рерих. Некоторые древности пятин Деревской и Бежецкой. ЗОРСА, V, 1903, стр. 14—16. Коллекция из Кончанского хранится в ГЭ, СПб.

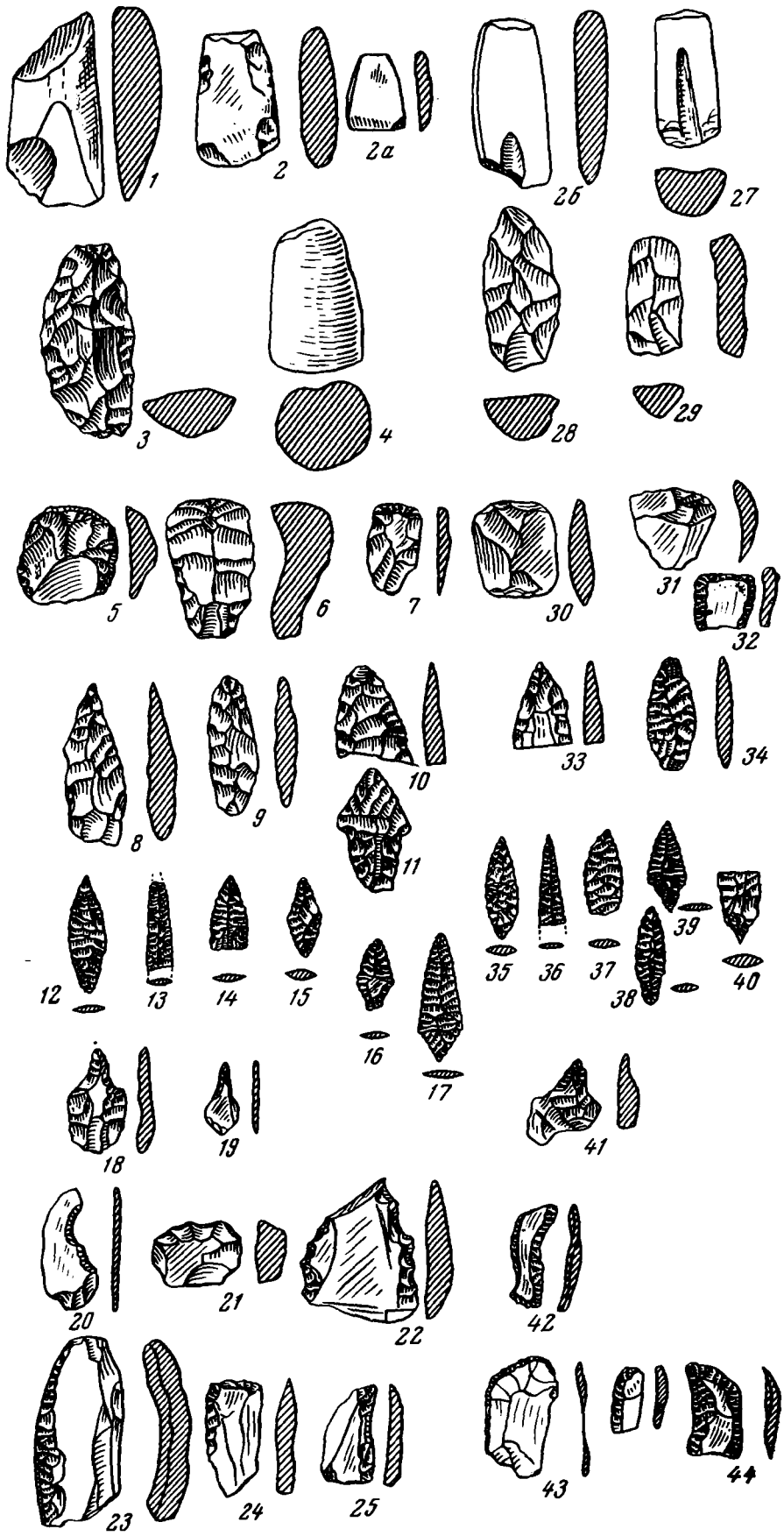


Рис. 6. Каменные орудия стоянки Модлона I (*1—25*) и Модлона II (*26—44*)

ные изделия свидетельствуют о западном происхождении Модлоны I [14]. Есть основания считать, что янтарные украшения являлись всего лишь предметом ввоза из восточной Прибалтики. Известна янтарная пуговица с каргопольской стоянки Вшивая Тоня [15], прекратившей существование сразу после появления Модлоны I или незадолго до этого события. В Карелии отдельные находки янтарных изделий отмечены на нескольких стоянках (Суна I, Золотец I, о. Шойрукшин, Золотец VII, Бесовы следки III, Соломенное V) [16]. Наконец, янтарные украшения или кусочки янтаря известны на волосовских стоянках Языковская и Сахтыш I. Распространение янтарных изделий усилилось, видимо, в начале II тысячелетия до н. э., что объясняется повышением спроса, а возможно, более сложными причинами. Отметим только, что волосовские стоянки расположенные к северо-западу от основной волосовской территории в Окском районе (по данным И. К. Цветковой), часто дают янтарь. В более западных стоянках его больше (Модлона I, Кончанское), в восточных меньше (Языково, Сахтыш I).

Кремневые фигурки Модлоны I лишь в деталях отличны от птичек Волосовской стоянки. Деревянная голова на длинной шее, трактованная как голова собаки [17], скорее напоминает голову водоплавающей птицы и похожа на известную костяную поделку из Волосовской стоянки [18]. При этом следует учитывать, что изготовлена она из дерева, что должно было сказаться на качестве и степени сохранности поделки. А. Я. Брюсов выделил четыре района распространения кремневых фигурок, отметивших, по его мнению, древний путь от Оки до Белого моря [19]: 1) среднее течение р. Оки, 2) озера близ Вышнего Волочка, 3) западная часть Вологодской области, 4) побережье Белого моря. По-видимому, именно этим путем проникли на север группы людей близких по происхождению к племенам волосовской культуры. Одним из памятников, свидетельствующим об этом движении, является поселение Модлона I.

Верхнее поселение, Модлона II, возникло вскоре после того, как прекратило существование поселение Модлона I. Это подтверждается стратиграфическими данными, а также близостью материала обоих слоев. А. Я. Брюсов ограничился тем, что отметил этот факт. М. Е. Фосс согласилась, что сходство существует, и тем не менее включила Модлону II в каргопольскую культуру. В то же время керамический материал, а также каменный инвентарь свидетельствуют о генетической связи слоев и дают возможность проследить местное развитие пришлого населения.

В технологии керамики существенных изменений не произошло. Более широкое применение получает растительная примесь, употребляется песок и в редких случаях асбест. Применение раковины в чистом виде сократилось, но она добавляется в небольших количествах во все прочие примеси. В этом можно видеть стремление сохранить традицию керамического производства. Формы сосудов не меняются; правда, появляются сосуды с венчиком слегка вогнутым внутрь и исчезают массивные сосуды с отогнутым наружу венчиком.

При орнаментации применяются прежние штампы, но наблюдается удлинение гладкого овального штампа и уменьшение размеров рамчатого. Но взаимосочетание штампов меняется заметно. Так называемые неправильные штампы применяются чаще и в более разнообразных сочетаниях (рис. 4, *Б*). При общем сохранении орнаментальных мотивов и здесь про-

---

[14] А. Я. Брюсов. Свайное поселение на р. Модлоне..., стр. 27—33. М. Е. Фосс. Древнейшая история Севера..., стр. 118.

[15] Коллекция хранится в ГИМ, инв. № 1436.

[16] Г. А. Панкрушев. Племена Карелии в эпоху неолита и раннего металла, стр. 25.

[17] А. Я. Брюсов. Свайное поселение..., рис. 11, *3*.

[18] А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен..., рис. 13, *32*.

[19] А. Я. Брюсов. Свайное поселение..., стр. 43.

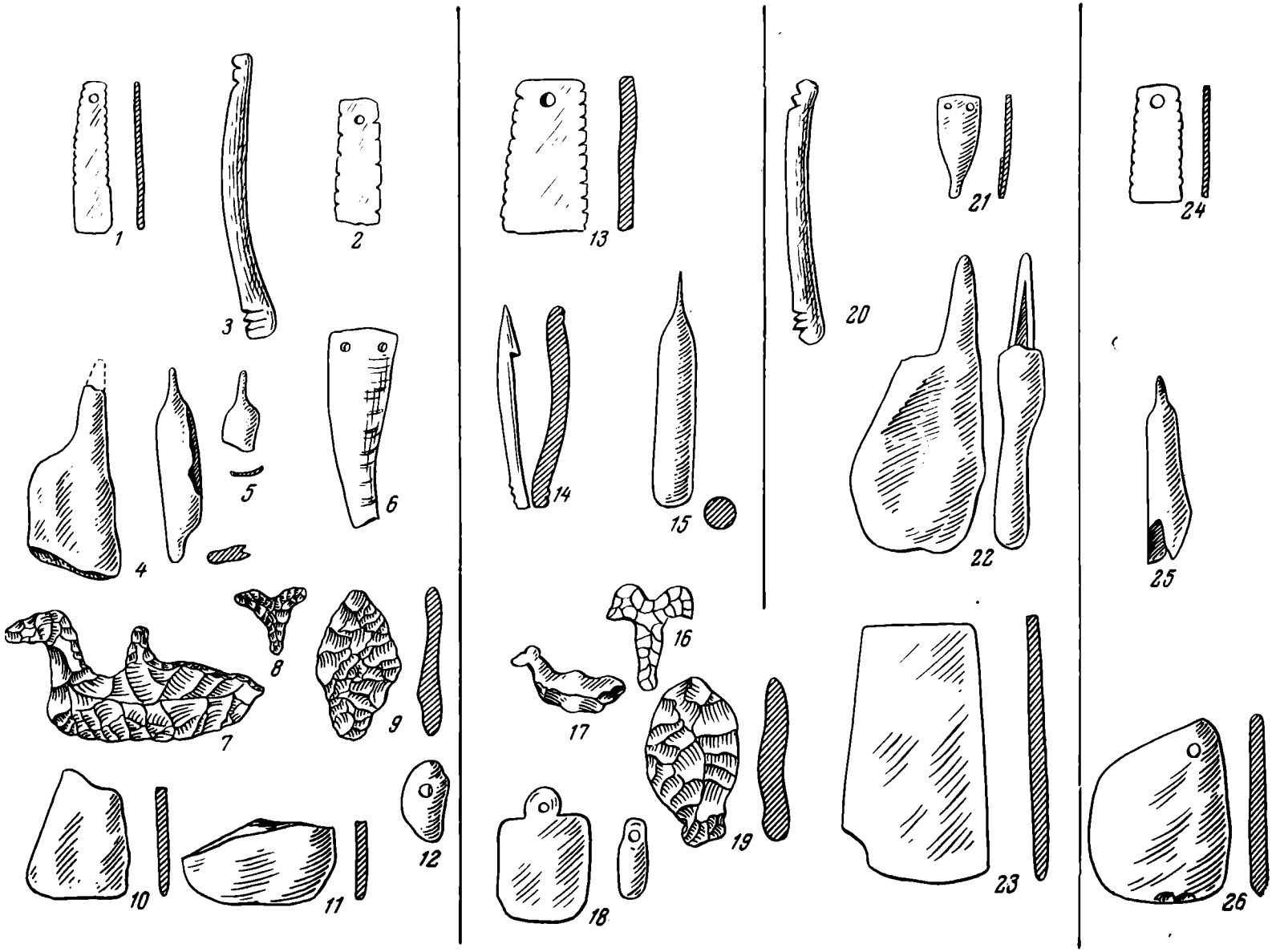


Рис. 7. Костяные и каменные изделия со стоянок Модлона I (*1—12*), Волосовская (*13—18*), Языковская (*19—23*) и Володары (*24—26*)

исходят изменения. Так, вертикальный зигзаг наносится не по всей поверхности, а иногда только у венчика или полосой по стенке. Узоры, выполнявшиеся в Модлоне I только гребенчатыми штампами, теперь наносятся и неправильными штампами. Узор из углов редок и наносится довольно небрежно треугольными штампами. Узор 10 (рис. 5, *Б*) выполняется и гребенчатым и неправильными штампами, в то время как раньше он наносился только прямоугольным штампом.

Таким образом, в развитии керамики можно отметить тенденцию к упрощению узора, смешанность приемов орнаментации и большую небрежность.

Каменный инвентарь верхнего слоя беднее, чем в Модлоне I. Появляются орудия северного типа — тесло с подпрямоугольным сечением (рис. 6, *26*), тесло с выемкой и подквадратным сечением (рис. 6, *27*). По-прежнему преобладают листовидные наконечники стрел (в соотношении с общим количеством стрел 19 : 22), но появляются наконечники сейменского типа (рис. 6, *39*). Бытовой инвентарь (ножи, проколки, скребки) в основном сохраняет прежние формы. Техника обработки камня ухудшается.

Группы людей, близких к племенам волосовской культуры, стремились приспособиться к местным условиям жизни. Этот естественный процесс усиливался благодаря оторванности их от родственных племен. Вместе с тем они сохраняли свои племенные особенности и традиции. Поселение Модлона II было довольно кратковременным, что в значительной мере определяет его характер. Дата этой стоянки определена А. Я. Брюсовым, который относит ее к середине II тысячелетия до н. э. На нескольких каргопольских стоянках встречена в небольшом количестве керамика, аналогичная поздней керамике Модлоны II. По-видимому, после недолгого существования Модлоны II ее население переселилось на восточный берег оз. Воже, затем на оз. Лача и Кенозеро.

Кратко суммируя сказанное выше, ответим на поставленные вопросы. По нашему мнению, стоянка Модлона I оставлена населением, родственным волосовской культуре. Верхний слой стоянки Модлона II принадлежит группе людей, генетически связанных с Модлоной I. Заселение стоянки произошло после краткого перерыва, вызванного скорее всего подъемом уровня воды в реках и подтоплением стоянки. Нет никаких оснований для включения Модлоны II ни в каргопольскую, ни в чирковско-сейменскую культуру. Тем более, что материальная культура этого поселения резко отличается от каргопольской и, если имеет сходство с чирковско-сейменской, то оно объясняется происхождением последней от волосовской культуры. Впрочем, сходство это прослеживается весьма слабо и только в каменном инвентаре.

В. Б. ВИНОГРАДОВ

ЛОКАЛИЗАЦИЯ АХАРДЕЯ И СИРАКСКОГО СОЮЗА ПЛЕМЕН

(по письменным источникам)

В последнее время определилась тенденция к пересмотру прежних взглядов о сираках на Северном Кавказе [1]. Инициатива принадлежит И. С. Каменецкому, взявшему под сомнение устоявшееся мнение о локализации Ахардея, сиракского союза, об отождествлении с сираками археологических памятников и предложившему свою точку зрения по этому вопросу. Результаты изысканий на этот счет были изложены И. С. Каменецким в краткой публикации и подробно — в его кандидатской диссертации [2]. Новое мнение показалось интересным и побудило некоторых исследователей поддержать его [3]. В трактовке ряда важных вопросов истории сираков к И. С. Каменецкому приближается и Ю. С. Гаглоев, преувеличивающий роль аорсов в Предкавказье в ущерб сиракам [4].

Все это побуждает возвратиться к вопросу о сираках на базе объективного и по возможности полного рассмотрения соответствующих источников. Локализация Ахардея, сираков, их племенного союза, проблема выделения сиракских археологических памятников важны не сами по себе. От правильности их решения зависит трактовка многих чисто исторических вопросов, имеющих большое значение для исследования сарматских племен Предкавказья и Подонья, а также для изучения древней истории местного населения Северного Кавказа.

* * *

Начну с определения местонахождения реки, упомянутой Страбоном в двух вариантах названия — Мермáдаль и Мермóд (Страбон, XI, V, 1, 2). Мнение И. С. Каменецкого о существовании двух различных и даже якобы противопоставляемых друг другу рек, текущих по разные стороны Кавказского хребта (Мермáдаля и Мермóда), является заблуждением, ибо в рассказе Страбона противопоставляются отнюдь не описания рек, но

[1] См., например, К. Ф. Смирнов. Основные пути развития меотосарматской культуры Среднего Прикубанья. КСИИМК, XLVI, 1952; его же. Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии. ВССА, М., 1954; его же. Савроматы. М., 1964; В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963; его же. Сиракский союз племен на Северном Кавказе. СА, 1965, 1.

[2] И. С. Каменецкий. Ахардей и сираки. «Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 года в СССР» (тезисы докладов). Баку, 1965, стр. 99; его же. Население Нижнего Дона в I—III вв. н. э. Автореф. канд. дис., М., 1965, стр. 5, 10—12.

[3] См. В. А. Кузнецов, рец. на кн. «Сарматы Северо-Восточного Кавказа». СА, 1964, 4, стр. 234.

[4] Ю. С. Гаглоев. К проблеме появления алан на Северном Кавказе. Изв. ЮОНИИ, XII, Цхинвал, 1964, стр. 28, 39—42; его же. Аланы и вопросы этногенеза осетин. Автореф. канд. дис., Тбилиси, 1964.

две точки зрения людей, «прекрасно знакомых с этими местами», на конкретную локализацию амазонок на Северном Кавказе [5].

Начинает Страбон с констатации («В горах над Албанией, по рассказам, живут амазонки...»), одинаково приемлемой, очевидно, для обеих точек зрения. Далее следуют уточнения. По свидетельству Феофана Митиленского, «между амазонками и албанами живут... племена гелов и легов и... там течет река Мермáдаль между этими племенами и амазонками...». По мнению Метродора Скепсийского и Гипсикрата, «амазонки живут рядом с гаргареями, на северных предгорьях Кавказских гор, называемых Кераунскими...». Затем в «Географии» приводятся сведения о взаимоотношениях гаргареев и амазонок, а потом, как бы подводя итог спорам о местонахождении амазонок и приступая к критическому разбору сказаний о них, Страбон резюмирует: «Река Мермóд, с шумом низвергающаяся с гор, протекает через страну амазонок Сиракену и лежащую между ними пустыню и впадает в Меотиду».

Реальны ли этно-географические ориентиры в рассказе Страбона и достаточны ли они для твердой локализации Мермóда — Мермáдаля? Очевидно, да. «Горы над Албанией», обитающие в них, по словам Феофана, гелы и леги — дагестанские горские племена [6], река, отделяющая их от амазонок (мифического племени, со времени Эсхила помещаемого в Предкавказских степях), и другие детали — ни что иное, как довольно компетентное описание территории Дагестана, и с этим спорить невозможно. Но ведь и оппоненты Феофана (Метродор и Гипсикрат) повествуют тоже о Северо-Восточном Кавказе. И дело тут не только в том, что Кераунские горы — это восточные отроги Кавказа и северная граница Албании в понимании самого Страбона (XI, IV, I) и его современников. Давно уже бытующая в среде историков (Л. А. Ельницкий, И. М. Дьяконов, В. Н. Гамрекели, Ю. С. Гаглоев) и впервые недавно солидно аргументированная Е. И. Крупновым археологическими и лингвистическими данными гипотеза о принадлежности гаргареев к предкам современных вейнахов (чеченцев и ингушей) [7] ныне подкрепляется новыми вескими материалами языка [8], топонимики, фольклора и историческими свидетельствами [9]. Следовательно, в обоих случаях описания района обитания амазонок и реки в их земле (Мермóда — Мермáдаля) этно-географические реалии приводят нас на Северо-Восточный Кавказ, где и надлежит искать реку, «с шумом низвергающуюся с гор» и протекающую через земли гаргареев и амазонок, мимо легов и гелов, севернее Албании, в области Кераунских гор. Такой рекой может быть только Терек — крупнейшая река Северного Кавказа, о которой не могли не знать самые осведомленные из античных авторов.

Слухи об обитании амазонок то в Малой Азии, то на Северном Кавказе, а также, по-видимому, некоторое сходство звучания названий рек Мермáдаль и Термодонт породили в античных источниках путаницу по

---

[5] Небольшая разница фонетического оформления гидронима легко объясняется различными источниками о нем, которые называет сам Страбон (Феофан Митиленский, Метродор Скепсийский и Гипсикрат).

[6] Г. Халатьян. Армянские Аршакиды, I, М., 1903, стр. 264; Л. И. Лавров. Лезгины. Сб. «Народы Дагестана», М., 1955, стр. 102; «Очерки истории Дагестана», I, Махачкала, 1957, стр. 23; К. В. Тревер. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.—Л., 1959, стр. 47 сл.; сб. «Народы Кавказа», I, М., 1960, стр. 487, 503 сл.

[7] Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 69—75; его же. О чем рассказывают памятники материальной культуры Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1961, стр. 42, 43.

[8] Ю. Д. Дешериев. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. Грозный, 1963, стр. 69 сл.

[9] В. Б. Виноградов, К. З. Чокаев. Древние сведения о местонахождении и названиях нахских племен. «Археолого-этнографический сборник», Грозный, 1966, стр. 64—70.

поводу локализации самих объектов. Так, Клитарх (IV в. до н. э.) утверждал, что легендарная царица амазонок Фалестрия появилась у Александра Македонского «От Каспийских ворот и Термодонта», по поводу чего Страбон, знающий более правильное название Терека (Мермо́д), недоумевал, ибо «от Каспийского моря до Термодонта более шести тысяч стадий» (XI, V, 4). Между тем противоречие исчезнет, если согласиться, что Клитарх говорил именно о Тереке и Дербентском проходе. И, наконец, еще одно свидетельство в пользу наших построений. Плутарх (нач. II в. н. э.) пишет: «Амазонки занимают полосу Кавказа, прилегающую к Гирканскому морю, но не рядом с албанами, ибо между ними живут еще гелы и легп. Амазонки проводят с ними ежегодно по два месяца, сходясь вместе у реки Термодонта, а затем удаляются и живут сами по себе» (Плутарх. Помпей, XXXV). Ясно, что перед нами вариант тех же сведений, что и у Страбона в рассказе об амазонках на Северном Кавказе. Только Плутарх отнес сведения Метродора и Гипсикрата о взаимоотношениях амазонок с гаргареями к гелам и легам, упомянутым Феофаном. И все это по-прежнему — Северо-Восточный Кавказ.

И. С. Каменецкий, отвлекаясь от богатого содержания цитированных отрывков Страбона и не использовав всей суммы данных античной письменной традиции, сосредоточивает свое внимание на единственном положении: Мермод у географа «впадает в Меотиду». Этого ему оказывается достаточным для уверенного отождествления Мермода с Кубанью на основании того, что на Северном Кавказе имеется только одна река, берущая начало в горах и впадающая в Азовское море,— это Кубань. Такое утверждение звучит веско, если только не вспомнить, что во времена Страбона современных географических карт не существовало и античным писателям было не на чем проверять свои географические выкладки, базировавшиеся порой на более чем несистематической и скромной информации, а иногда и просто на догадках.

«С шумом низвергается с гор» — эти слова приложимы к любой реке Кавказа, и тут не ошибешься. Но к у д а течет горная река, к у д а в п а д а е т, где истоки конкретных рек и как соотносятся они с известными устьями, впадающими, например, в знакомые авторам Меотиду и Понт, древним было абсолютно неясно, что можно проиллюстрировать десятками примеров и прежде всего пессимистическими рассуждениями на этот счет самого Страбона (XI, II, 2). И когда географ, вопреки всем собранным им и абсолютно достоверным данным о реке и населении ее берегов, заставляет Мермод впадать в Меотиду — его рукой водит традиция, которая даже спустя 700 лет побудила армянского географа писать: «В Сарматии лежат горы Кераунские и Гиппийские, которые выпускают из себя пять рек, впадающих в Меотийское море» [10]. Современная карта не поможет поискам таких пяти рек, как не поможет она, например, и поискам реки Армны, текущей с Центрального Кавказа и впадающей в Волгу, а ведь именно этими ориентирами определил Терек осведомленный армянский географ VII в. [11] Стоит ли после этого удивляться «Меотийскому устью» Мермода-Терека в описании Страбона?

Таким образом, Мермод-Мермадаль, очевидно, вовсе не Кубань, а Терек. Не приходится говорить и о тождестве Мермода и Ахардея (как это делает И. С. Каменецкий), исходя лишь из сведений о координатах их истоков и устьев в сообщении Страбона.

Что мы знаем об Ахардее? «Аорсы живут по Танаису, а сираки по Ахардею, который вытекает с Кавказа и впадает в Меотиду» (Страбон, XI, V, 8). И. С. Каменецкий полагает, что к географическим ориентирам

---

[10] К. П а т к а н о в. Из нового списка «Армянской географии», приписываемой Моисею Хоренскому. ЖМНП, CCXXVI, СПб., 1883, стр. 29.

[11] «За дигорами в области Ардоз Кавказских гор живут аланы, откуда течет река Армна, которая, направляясь на север и пройдя бесконечные степи, соединяется с Атлем» (там же, стр. 30).

Страбона подходит не Маныч, а только Кубань, ибо степные Манычи и сопутствующие им многочисленные озера не берут начала с Кавказских гор, а Западный Маныч впадает не в Азовское море, а в Дон. Столь заманчивая «очевидность» локализации Ахардея, исходя из формальных координат Страбона, привела и Ю. С. Гаглоева к отождествлению Ахардея с Кубанью [12]. К данной точке зрения присоединился и В. А. Кузнецов, прежде придерживавшийся старой локализации Ахардея [13]. И вновь приходится отметить, что эти географические дефиниции, вполне очевидные на современном уровне знаний, отнюдь не обязательны для Страбона, жившего на рубеже двух эр.

Более чем лаконичное (и я бы сказал трафаретное) описание кавказской реки под названием Ахардей у Страбона само по себе указывает на недостаточное знакомство географа с объектом. Это описание лучше всего согласовывается с местонахождением Маныча, протекавшего в степных районах Восточного Приазовья, удаленных от сравнительно хорошо известных античным писателям (и самому Страбону) побережий Меотиды и Прикубанья. Между тем Маныч имеет основные притоки (Егорлык, Калаус и пр.) слева, и истоки их лежат далеко южнее, в предгорьях Кавказа. Например, основной приток Западного Маныча Егорлык берет начало у горы Стрижамент на Ставропольской возвышенности, всего в полутора десятках километров к востоку от верхнего течения Кубани.

Как видим, мнение Страбона о кавказском «происхождении» Ахардея нисколько не противоречит ориентирам Маныча, если признать правомерным, что, зная о реке понаслышке, писатель принял за единое целое систему Маныч-Егорлык [14]. Нелишне напомнить, что в основу первых высказываний о тождестве Ахардея с Манычем (В. Томашек, П. Кретчмер, Е. Миннз, М. И. Ростовцев и др.) легло понимание Маныча как системы этой реки с кавказскими притоками (в первую очередь Егорлыком и, возможно, Калаусом) [15]. В последующих работах исследователи нередко ограничивались термином «Маныч» (Л. А. Мацулевич, К. Ф. Смирнов, Н. В. Анфимов, Е. И. Крупнов, В. Б. Виноградов и др.), хотя при этом подразумевался современный Маныч и его притоки. Всего этого не учел И. С. Каменецкий, что значительно ослабляет его позицию и снимает первое возражение в отождествлении Ахардея с Манычем.

На первый взгляд неотразим довод, что Маныч и впрямь не впадает непосредственно в Меотиду. Но ведь устье его, вливающееся в Танаис-Дон, отстоит всего на 60—70 *км* от Азовского моря, и, кроме того, соединившись с Доном, воды Маныча попадают все-таки в Меотиду. Следовательно, тут у Страбона не ошибка, а всего лишь небольшая неточность, легко к тому же объяснимая [16].

---

[12] Ю. С. Гаглоев. Аланы и скифо-сарматские племена Северного Причерноморья. Изв. ЮОНИИ, XI, Цхинвал, 1962, стр. 155, 156; его же. К проблеме появления алан на Северном Кавказе. Изв. ЮОНИИ, XIII, Цхинвал, 1964.

[13] В. А. Кузнецов. Ук. соч., стр. 234.

[14] До сего дня у местного населения большая часть Егорлыка называется Манычем.

[15] E. Minns. Scythians and Greeks. Cambrige, 1913 (карта); RE, I, 2, 71; XVII, 2, 1767; II-A, 2, 3; II-A, 2, 1922 и т. д.

[16] Вспомним тот спор, который шел во времена Страбона об истоках Танаиса (II, IV, 5—6; XI, II, 2) и на который не обратил внимания И. С. Каменецкий. Среди нескольких мнений было одно (его разделял и Феофан Митиленский), согласно которому «истоки этой реки находятся в Кавказских горах; течет она сначала на север, а после изгиба впадает в Меотиду». Сам Страбон не разделял этого взгляда по чисто интуитивным соображениям. Но коль скоро такое мнение бытовало (оно родилось в среде древнеионийских географов), мы должны признать, что его реальные корни нужно видеть не только в путанице Фазиса и Танаиса как границ Европы и Азии, но и в знакомстве с Манычем-Егорлыком, создающим впечатление появления Танаиса с Кавказа. Не случайно версия о «кавказском Танаисе» передана Страбоном в двух местах выражениями, весьма близкими характеристике Ахардея.

Зато весь контекст отрывка определенно указывает на близкое соседство Ахардея и Танаиса и их прибрежного населения, столь близкое, что это может быть только Маныч и Дон. Рассказ Страбона начинается с горных вершин в центральной части Кавказа (примерно территория Чечено-Ингушетии), затем описываются предгорья, равнины, населенные кочевыми народами «набианами и панксанами, живущими между Меотидой и Каспийским морем, а затем, племена сираков и аорсов... Аорсы живут по Танаису, а сираки по Ахардею...». Как видим, повествование закономерно идет с юга на север, с гор на плоскость (с постоянно расширяющимся кругозором); наконец, севернее кочевников, «живущих между Меотидой и Каспийским морем», называются соседи — сираки и аорсы — на соседних же реках. По меньшей мере странно было бы искать у Страбона (вопреки очевидной последовательности рассказа) какой-то ничем не оправданный «скачок» на Кубань, далеко отстоящую и от Танаиса-Дона и от азимута северокавказской экскурсии Страбона, да к тому же и уже описанную прежде [17].

Весьма важно, что у Плиния Старшего в его довольно запутанной этно- и топономенклатуре Северо-Западного и Центрального Кавказа названа река Охарий. Комментаторы античных авторов (Томашек, Л. А. Ельницкий) уже давно и основательно отождествили Страбонов Ахардей и Охарий Плиния, посчитав тот и другой вариантами древнего наименования Маныча-Егорлыка [18]. И. С. Каменецкий, строя собственную гипотезу о тождестве Ахардея-Охария с Кубанью, видит в сообщении Плиния только один реальный атрибут — кавказские истоки Охария. Между прочим Плиний об этом прямо не говорит, хотя, по-видимому, подразумевает. Но, во-первых, как мы показали, Егорлык — главный приток Маныча — берет начало в Кавказских предгорьях, а во-вторых (и это куда важнее), у Плиния, как и у Страбона, Охарий непосредственно соседствует в рассказе с Танаисом и в очень сходной ситуации. «По некоторым сведениям, река Охарий течет через земли кантиков и сапеев, а Танаис протекает через земли Сатархеев, Гертихеев». По другому переводу: «Танаис же перешли Сатархеи, Гертихеи...» (Плиний, Естественная история, VI, 22). Нельзя проходить мимо этой существенной черты сходства в описании Ахардея-Охария у Страбона и Плиния, и следует признать, что условию дважды отмеченного разными авторами близкого соседства Танаиса и Ахардея соответствует только Маныч-Егорлык, но никак не Кубань.

Я совершенно сознательно опускаю пока сведения о сираках и соотношении их территории с долинами разбираемых рек, анализируя сейчас чисто «географические» ориентиры рек. Очевидно, что этот анализ не дает данных в пользу отождествления Ахардея-Охария с Мермодом, а всех их вместе с Кубанью (именуемой у Страбона Антикитом и Гипанисом). И это понятно. Ведь иначе было бы неразрешимой загадкой, почему Страбон не знал на Северном Кавказе ни одной реки, кроме Кубани, которую он, якобы, описывал несколько раз без всякой взаимной связи и в совершенно различных контекстах, именуя к тому же в каждом новом случае и новым названием. Нет оснований подозревать географа в подобной не-

---

[17] Интересно в этой связи внимательно рассмотреть весь маршрут описания Страбоном «первой части Азии» (XI, II—V). Здесь налицо строгая последовательность и круговая замкнутость пути, по которому ведет своего читателя географ. Схематически вехи маршрута таковы: Танаис — побережье Меотиды — Боспор — синдо-меотские районы Прикубанья — побережье Понта — Колхида (с краткой экскурсией по Кавказскому хребту на Восток) — Иберия — Албания — районы Северо-Восточного Кавказа (с экскурсией по хребту на запад) — степи, «лежащие между Меотидой и Каспийским морем»,— и вновь Танаис, по соседству с которым упомянут и Ахардей. Нельзя игнорировать этой жесткой логики маршрута, не допускающей произвольных отклонений и не дающей права интерпретации части пути в отрыве от всего контекста. С этим нужно считаться при попытках локализации Ахардея.

[18] RE, XVII, 2, 1767; В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе, ВДИ, 1949, 2, стр. 295 (примеч.).

суразице. Кроме Охария, И. С. Каменецкий привлек и еще два гидронима (Сехерий и Офар) из сочинения Плиния, сопоставив и отождествив их с названием Ахардей-Охарий. Убежден, что этого делать нельзя. Настораживает уже сам факт упоминания Плинием в нескольких строчках трех не столь уж фонетически близких разновидностей одного имени реки (Охарий, Сехерий, Офар). Кроме того, и сами построения И. С. Каменецкого далеко не безупречны.

Прежде всего — о названии Сехерий. Так именуется у Плиния одна из рек Северо-Западного Кавказа, впадающая в Понт (возможно Кубань). Но ведь известен и другой вариант гидронима (Сетерий — Setheries), и кажется не лишенным оснований мнение, что здесь мы имеем испорченное Ψάνις (Псатий) в форме «Псетерий» [19]. Возможны, впрочем, и другие сопоставления [20], не выходящие из пределов Прикубанья. Наконец, внимательное сопоставление соответствующих отрывков Плиния («Естественная история», VI, 16, 17), Арриана («Объезд Эвксинского Понта», 27—29), Птолемея («Географическое руководство», V, 8, 8) и комментариев к ним наводит на мысль о весьма вероятном тождестве реки Сехерий у Плиния с рекой Психр (Ψυχρός) — «Холодная» у Птолемея и, возможно, рекой Псахапсий в перипле Анонимного автора, восходящем к сведениям Арриана [21]. Во всяком случае трудно оспаривать близость (если не идентичность) местонахождения этих рек у трех различных авторов и весьма большое сходство в фонетической передаче названий рек (особенно Сехерий, Психр, Псевхрос), различное звучание которых, вероятно, объясняется следствием искажения какого-то местного (меотского?) названия (адыгское «псы» — река, вода).

Все сказанное не оставляет сомнений в сложности точной локализации Сехерия, хотя одно ясно — это припонтийская река Северо-Западного Кавказа. А сомнительное созвучие терминов Сехерий — Сетерий — Ахардей-Охарий — слишком малое основание для отождествления рек, за ними скрывающихся.

Теперь о гидрониме Офар. «С Катейских гор течет река Лагой (Lagoum), в которую впадает Офар» (Плиний, VI, 21). Я готов разделить вероятность новой мысли И. С. Каменецкого о том, что Офар, возможно,— Кубань, а Лагой весьма заманчиво связывать с современной Лабой [22]. Если это так, то прав И. С. Каменецкий и в перестановке: «Лагой впадает в Офар». Но при чем тут Охарий-Ахардей, упомянутый несколькими строками ниже и в ином контексте?

Увязав гидроним Офар с Кубанью, незачем сопоставлять его с Ахардеем-Манычем. Мне кажется, что топонимия Прикубанья позволяет отстаивать именно прикубанское происхождение термина «Офар» в сочи-

---

[19] В. В. Латышев. Ук. соч., стр. 292. Пытаясь возразить отождествлению Сехерия-Сетерия с Псатом, И. С. Каменецкий акцентирует, что Псатий у Птолемея «локализован вполне определенно к северу от Кубани» и это якобы не дает оснований для идентификации Сехерия и Псатия. Требуется внести поправку: у Птолемея Псатий назван м е ж д у Аттикитом и Варданом (двумя устьями Кубани) и сам является еще одним протоком этой реки, так же как, возможно, и Сехерий Плиния.

[20] Например, Кретчмер сближал название Сехерий с термином «Sakir», известным для обозначения Кубани в «Арабской географии» Идриси (RE, II-A, 2, 1922). Любопытно и другое — один из правых притоков Фарса (приток Лабы) называется у адыгов Псефир, и нельзя не видеть фонетической близости этого термина древним гидронимам Seheries и Setheries, записанных, несомненно, с искажениями. В топонимии нередки случаи, что название всей реки или устья порой сохраняется за какой-то частью реки или ее притоком.

[21] Армянский географ VII в., пользовавшийся «Географическим руководством» Птолемея как одним из основных источников, называет реку Псевхрос (Psychrus), которая «отделяет Босфор от тех мест (?), где находится городок Никопс» (К. П а т к а н о в. Ук. соч., стр. 29), и это — вновь близкая аналогия, термину «Сехерия».

[22] Хотя вообще-то Лагой может быть и вполне греческим названием реки, ибо λαχάς — заяц (ср. в Прикубанье: Псекупс — по-адыгски «Кабанья река», Сагдан — по-аланскн «Оленья река»).

нении Плиния. Вспомним, что древнее сарматское название Кубани — Вардан («широкая река»). Оно передано Птолемеем в соответствии с нормами греческого языка как Οὐαρ-δαυ-ης. Не является ли плиниевский Офар лишь несколько искаженной первой знаменательной основой сарматского наименования Кубани («Вар» — «широкая»), приведенной после записи на слух? [23] Решать этот вопрос должны лингвисты, но предложенная гипотеза по крайней мере объясняет факт, противоречащий рассуждениям И. С. Каменецкого: ведь у очень компетентного Птолемея, знакомого с традиционными именами кубанских протоков (Аттикит, Псатий), сообщившего иранское (сарматское) название Кубани (Вардан), осведомленного о целой цепи населенных пунктов по реке в глубь материка, вплоть до Сераки (Σερικα), правильно локализованной еще Маннертом в районе поворота Кубани на юг, нет и намека на какой-либо термин, близкий названию Ахардей-Охарий. Совершенно ясно, что это еще один аргумент против отождествления Ахардея с Кубанью и в пользу локализации его далеко за пределами хорошо знакомого Птолемею Прикубанья.

В определении и местонахождении Ахардея определенную роль может сыграть выяснение этимологии названия реки. Б. Н. Граков любезно указал мне на фонетическую близость названия Ахардей (Ἀχαρδέος) греческому αχερδος — «живая колючая изгородь», отметив некоторые лингвистические трудности в полном сближении терминов. Если такая этимология возможна, то описательное название (река «живой колючей изгороди») подходит к обоим объектам спора (и к Манычу, и к Кубани). Воды Манычей окружены в ряде районов стеной высоких камышей (в древности, конечно, и кустарниками), а Кубань до сего дня в значительной части протекает среди камышей, кустарников и лесов.

Однако греческая версия не исключает поисков и иных путей в расшифровке названия. Ничего не предрешая, в порядке предварительной гипотезы, хотелось бы обратить внимание на вероятность сопоставления имени реки Ахардей с иранским (сарматским) словосочетанием Af-ard (Ap-art) «вода ard'a», т. е. вода клятвы, священная, магической силы, божества и пр. Опираясь на труды иранистов, можно привести лингвистические примеры (в топонимии, ономастике, религиозной терминологии) для подтверждения реальности подобного словосочетания у сарматов рубежа двух эр [24].

Не беря на себя смелость решения этого чисто лингвистического вопроса, скажу только: если Ахардей может быть искаженным сарматским термином Afard, то реку с таким названием надо скорее всего сопоставлять с Манычем, ибо Кубань у сарматов называлась Вардан («широкая река»), а два синхронных одноязычных названия для реки маловероятны. Предлагаемую этимологию можно подкрепить и исторически. Являясь естественной границей между сиракским и аорским племенными союзами (об этом ниже), степные Манычи могли получить наименование «воды ard'a», т. е. «воды божества, которым клянутся», так как оформление почти любых границ связано с договорами и клятвенными заверениями.

Иранское Afard (Apart) могло (как это и случалось не раз) претерпеть эллинизацию в устах греков, уподобившись греческому слову ἀχερδος, и тогда название реки было осмыслено эллинами, возможно, как «река

---

[23] Не исключаются и другие версии. Например, крупнейшим притоком Лабы является Фарс (на языке сарматов — «сторона», «бок», «крайний»). Не является ли Офар искаженным упоминанием именно этой реки? Тогда Плиний прав, утверждая: «Офар впадает в Лагой». Томашек пытался объяснить названия прибрежных племен (офариты, кавтады и др.) из осетинского языка (RE, III, 2, 1814), и какими бы сомнительными не выглядели его этимологии, они, возможно, тоже указывают на иранский «прототип» плиниевского Офара.

[24] См. В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор. I, М.— Л., 1949, стр. 70, 71, 153—162, 195—201, 207 сл.

живой изгороди». Сказанное выше — всего лишь гипотеза, но она как будто бы не противоречит всей сумме доступных мне данных.

Таким образом, анализ античных сведений о некоторых реках Северного Кавказа позволяет не согласиться с основными выводами И. С. Каменецкого и, вопреки им, утверждать, что: 1) Мермо́д-Мерма́даль — это современный Терек; 2) Ахардей-Охарий — Маныч-Егорлык; 3) Сехерий и Офар — вероятнее всего, искаженные Плинием «местные» названия Кубани: первое — Ψάυις (хотя возможны и иные аналогии в древней меотской гидронимии), второе — Οὐαρ-δανης.

* * *

По мнению исследователей, основанному на отождествлении Ахардея и Мермо́да с Кубанью, сираки не достигали Западного Маныча на северо-востоке, а для помещения их в Центральном Предкавказье и еще восточнее (в междуречье Терека и Сунжи), якобы, и вообще нет оснований. В итоге сиракам отводится лишь небольшой участок в западной части северо-кавказских степей с выходом к Азовскому морю на участке Бейсугский лиман — устье Дона и с выходом к Кубани в среднем ее течении. Следовательно, западные границы сиракского союза не являются предметом спора [25]. А вот в оценку северо-восточных и восточных границ необходимо внести ясность.

Выше показана правомерность давней точки зрения об Ахардее-Манычe (с Егорлыком и, возможно, другими притоками). «...Сираки (живут) по Ахардею»,— пишет Страбон. А коль скоро Ахардей — это Маныч-Егорлык, то кажется просто невероятным (и ничем не объяснимым), чтобы в степных просторах Предкавказья кочевники-сираки не контролировали бы земель вплоть до Манычей. Река, а тем более далеко протянувшаяся от Танаиса на восток цепь степных протоков, озер, болот (что и составляет западный и восточный Манычи) является естественной границей между сираками и живущими, по Страбону, севернее их («по Танаису» и северокаспийскому побережью) племенами аорсов. Ведь не случайно и Помпоний Мела, и Птолемей называют сираков соседями иксаматов-яксаматов, живущих вдоль южного поворота Танаиса (Кл. Птоломей, Географическое руководство, V, VIII, 16), «ближе всего к устью» его (Помпоний Мела, Землеописание, I, 114). Не случайно и то, что крупный сиракский город Успа был расположен всего лишь в 75—80 *км* («три дня пути») от Танаиса, а у нас нет оснований считать его самой северной точкой сиракских владений. Словом, ничто не может опровергнуть простую целесообразность того, что Манычи (столь полноводные и мощные в древности, что их считали иногда «устьем Каспийского моря») и сопутствующие им возвышенные гряды должны были стать северной и северо-восточной границей сиракского союза.

Обратимся теперь к восточным периферия сиракских земель, правильное определение которых во многом зависит от внимательного отношения к кавказским деталям и фону в рассказах античных авторов. Я уже показал, что описание реки Мермо́да-Мермада́ля (за исключением единственной и вполне объяснимой ошибки Страбона о ее устье) представляет собой вполне компетентную характеристику Терека. Но ведь Мермо́д, по словам географа и его осведомленных информаторов (Метродора Скепсийского и Гипсикрата), протекает и через С и р а к е н у, в которой нельзя видеть ничего иного, кроме сиракских земель. В таком случае должно признать, что в какой-то части течения Терека (неподалеку от вейнахских племен «гаргареев») жили сираки.

Между прочим И. С. Каменецкий отождествляет Мермо́д с Ахардеем и обоих их с Кубанью отчасти потому, что именно на Кубани (именуемой у Птолемея «Вардан») назван город «Серака», смысл названия которого показался автору идентичным «Сиракене» Страбона, лежащей по ходу

[25] В. Б. В и н о г р а д о в. Сиракский союз племен..., рис. 1.

течения Мермóда. Но ведь у Птолемея Серака — один из населенных пунктов («городов и деревень») на Вардане, а страбонова Сиракена — это географический термин для обозначения области, земли, страны в ряду «страны амазонок», владений гаргареев, легов, гелов и соседней им «пустыни». Связь обоих топонимов (Сиракена и Серака) с этническим именем сираков несомненна, но ясно, что понятие «Сиракена» (владения сираков) неизмеримо шире нежели наименование конкретного населенного пункта (Серака), могущего находиться в любом районе Сиракены. Наша мысль находит подтверждение у самого Страбона, который несколькими параграфами ниже именует степные районы Центрального Предкавказья (бассейн Терека) «равнинами сираков», или «сиракскими равнинами» (очевидный синоним «Сиракены»).

«Спускаясь в предгорья, мы вступаем в области, лежащие севернее, но с более умеренным климатом, так как они соприкасаются с равнинами сираков. Есть тут некие троглодиты... За троглодитами следуют какие-то народы, называемые хамекитами... и селения исадиков...» (Страбон, XI, V, 8). Все эти горные «народы» до недавнего времени никем не локализовались. Но в 1960 г. Е. И. Крупнов весьма основательно отождествил их с вейнахским этносом, помещая в горных районах современной Чечено-Ингушетии [26]. За истекшие годы вывод кавказоведа получил подтверждение в археологических [27], историко-этнографических и лингвистических [28] фактах. Следовательно, вейнахские горские племена (гаргареи, исадики, хамекиты) действительно «соприкасались с равнинами сираков» в районе бассейна Терека и Сунжи, т. е. именно там, где Мермóд протекает через Сиракену.

Однако И. С. Каменецкий [29] и в еще большей степени Ю. С. Гаглоев [30], утверждают, что Центральное Предкавказье в последних веках до н. э. было населено аорсами. Основание для этого — слова Страбона «аорсы и сираки, спускающиеся к югу до Кавказских гор...» (XI, II, 1). Но здесь нет указания на конкретные зоны влияния аорсов и сираков в Предкавказье и подтверждения обитания аорсов именно в центральных районах Северного Кавказа. Зато дважды повторено свидетельство о соприкосновении и близком соседстве сиракских владений с землями вейнахских племен в бассейне Терека. Есть и другой любопытный факт: при описании Северного Кавказа аорсы названы лишь в двух параграфах (XI, II, 1; XI, V, 8), в то время как имя сираков звучит в четырех случаях и в более конкретных северокавказских ситуациях (XI, II, 1; XI, V, 2; XI, V, 7; XI, V, 8). Сравнение явно в пользу сираков.

Но главное в другом. Цитированные слова Страбона («аорсы и сираки, спускающиеся к югу до Кавказских гор...») представляют собой лаконичный тезис, вполне уместный в перипле сведений о побережьи Меотиды, которым пользовался Страбон. Этот тезис в дальнейшем подробно раскрывается в соответствующем параграфе текста пространной редакции (XI, V, 8). Повествуя там о населении Предкавказья, о горцах, соприкасающихся с «равнинами сираков», Страбон пишет: «За ними следуют уже кочевники, живущие между Меотидой и Каспийским морем, именно набианы, панксаны и племена сираков и аорсов. Аорсы и сираки, кажется, беглецы из среды живущих выше (...) и они севернее аорсов. Царь сираков Абеак, когда Фарнак владел Боспором, выставил 20 000 всадников, царь аорсов Спандин — даже 200 000, а верхние аорсы еще больше, так как они (т. е. верхние аорсы.— *В. В.*) зани-

[26] Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа, стр. 70—75.

[27] Е. И. Крупнов. О чем рассказывают..., стр. 42, 43.

[28] В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963, стр. 155—160; В. Б. Виноградов, К. З. Чокаев. Древние сведения..., стр. 42—60 сл.

[29] И. С. Каменецкий. Ахардей и Сираки, стр. 99.

[30] Ю. С. Гаглоев. К проблеме появления алан на Северном Кавказе, стр. 39—42.

мают более обширную область, владея почти что бо́льшей частью Каспийского побережья, так что даже торговали индийскими и вавилонскими товарами, получая их от армян и мидян и привозя их на верблюдах. Вследствие своего благосостояния они (верхние аорсы.— *В. В.*) носили золотые украшения. Аорсы живут по Танаису, а сираки по Ахардею, который вытекает с Кавказа и впадает в Меотиду».

Этот ставший уже хрестоматийным фрагмент нуждается в специальном разборе для уяснения его подлинного смысла в сравнении с кратким тезисом об аорсах и сираках. Прежде всего хочу напомнить о лакуне, существующей в самом важном месте рассказа: «Аорсы и сираки, кажется беглецы из среды живущих выше (...) и они севернее аорсов». Кто эти «они», живущие севернее аорсов и сыгравшие важную роль в судьбах аорсов и сираков? Последующие строки показывают, что ими могут быть только «верхние аорсы», внезапно появляющиеся в одном ряду с сираками и аорсами немедленно после лакуны. И появились они не как эпизод, но как полноправное «действующее лицо» в данном тексте, ибо теперь все три группы сарматов трижды описываются в сравнении.

Это единственный случай деления на собственно аорсов и «верхних». Во всех остальных источниках известны просто аорсы, как и в первом лаконичном сообщении Страбона. Но тем-то и ценен цитированный фрагмент, что он сообщает все уникальные сведения и среди них — уточнение конкретных координат «верхних аорсов» и собственно аорсов. При этом ясно, что последние обитают по Танаису, а до Кавказских гор (по побережью Каспия) простираются владения их более могущественных соплеменников и близких родичей — «верхних аорсов». И как тут не вспомнить, что именно в Северном Дагестане, у отрогов гор, Плинием засвидетельствовано племя утидорсов, в имени которого отразилось смещение пограничных групп кавказцев — «удинов» («утов») и сарматов — «аорсов» [31].

Таким образом, сообщения Страбона не дают оснований для локализации аорсов в Центральном Предкавказье. Напротив, оказывается, что обе группы аорских племен (живущие и по Танаису, и по побережью Каспия, «вплоть до Кавказских гор») замыкают в Предкавказье как раз сираков, населявших берега Ахардея (Маныча-Егорлыка) и спускавшихся к югу так, что Сиракена («сиракские равнины») простиралась от Прикубанья вплоть до Мермода (Терека) и предгорных районов Чечено-Ингушетии — места обитания гаргареев, исадиков, хамекитов.

Доказывая правильность своей локализации сираков, И. С. Каменецкий анализирует только источники, где названо этническое имя этой группы сарматских племен (сираки, сирахи, сиракены и т. д.). Но ведь нередко античные авторы, повествуя об ираноязычных степняках и подразумевая вполне конкретные племенные их союзы, тем не менее называли кочевников общим собирательным названием (скифы, савроматы, сарматы). Понятно, что нужна осторожность в использовании подобных свидетельств, но осторожность не чрезмерная, не смыкающаяся с игнорированием их. Приведу лишь один пример.

В одном из наиболее достоверных отрывков в сочинении Плиния читаем: «В тылу его (г. Питиунта.— *В. В.*) в Кавказских горах живет сарматский народ Епагириты, а за ним Савроматы. К последним бежал Митридат при императоре Клавдии. Он рассказывал, что в соседстве с ними живут Талы...» (Плиний, VI, 16). Из детального описания Тацита (Анналы, XII, 15—20) мы знаем, что Митридат в 40-х годах I в. н. э. «блуждал по разным землям», пользуясь гостеприимством и активной помощью сираков в борьбе с наместниками Клавдия на Боспоре. Логично

---

[31] К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе сел. Тарки. МИА, 23, 1951, стр. 270—272.

думать, что и в свидетельстве Плиния о савроматах, к которым бежал Митридат, речь идет о сираках.

Я имел уже возможность высказать данное соображение [32], но новые работы Ю. С. Гаглоева [33] заставляют изложить развернутую аргументацию. Ю. С. Гаглоев считает, что «савроматы» в этом отрывке Плиния — аорсы, ибо в самом конце своих скитаний лишившийся союзников Митридат сдался аорсам и их царю Эвнону. Но никак нельзя этот последний акт «испрошения милосердия» (Тацит, Анналы, XII, 18, 19) у врагов трактовать как бегство мятежного правителя к «савроматам», так как «в бегах» он был давно (около четырех лет «после потери своих владений»), получая активную поддержку сираков и базируясь, очевидно, на их территории (иначе зачем бы римлянам и аорсам воевать на сиракской земле и уничтожать Успу?). Недаром сиракский царь Зорсин отошел от Митридата лишь «в его крайнем положении». Да и сам Митридат о своей сдаче на милость победителей говорит: «Митридат, которого римляне ищут столько лет на суше и на море, является к тебе добровольно... Я не прислан к тебе, а возвратился сам (слова о возвращении адресованы не Эвнону, а императору Клавдию.— *В. В.*); если не веришь, то отпусти меня и ищи». Нельзя путать «сдачу» разгромленного и оставшегося одиноким мятежника в руки союзников римлян — аорсов с «бегством» его в среду друзей сираков и союзных им племен для организации затяжной борьбы.

Кроме того, «савроматы» у Плиния твердо локализованы в Прикубанье («выше» Питиунта, по соседству с Боспором, синдо-меотскими племенами и эпагеритами), где обитание аорсов никем не засвидетельствовано. А в «Географическом руководстве» Птолемея (X, 8, 17—25) ближайшими соседями меотов, «страны Митридата» (т. е. Боспора), и агеритов (эпагеритов) названы именно сираки (сиракены), владения которых, судя по обилию соседей и роли важного географического ориентира в рассказе географа, занимали обширную область Северо-Западного Кавказа вплоть до гор и, конечно, включали часть Прикубанья, где названа упомянутая уже Серака [34].

Мнение Ю. С. Гаглоева отчасти объясняется произвольным отождествлением «серров» с сираками (в ряду: «ахейцы, марды, керкеты, за ними — серры, кефалотомы. Внутри этого пространства богатейший город Питиунт...» и т. д. Плиний VI, 16), после которого, естественно, упомянутые в близком соседстве с серрами «савроматы» начинают увязываться с кем угодно, только не с сираками. Но это не верно. Оставляя в стороне лингвистическую сомнительность тождества этнонимов «серры» и «сираки», скажу, что для их идентификации нет ни малейших оснований и в географическом плане, ибо даже в отвергнутом ныне старом толковании соответствующего отрывка из Помпония Мелы (I, 110) «серры» и «сираки» выступают как соседние, но отдельные племена [35]. В новых же изданиях Помпония Мелы текст установлен так, что между ними и отрывком Плиния много сходства (хотя у последнего рассказ более обстоятелен) и ни о каких сираках на черноморском побережье нет уже и речи. Да это и правильно, так как сираки на понтийском берегу не жили.

---

[32] В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа, стр. 147; его же. Сиракский союз племен на Северном Кавказе, стр. 114—116.

[33] Ю. С. Гаглоев. Аланы и вопросы этногенеза осетин, стр. 16, 17; его же. К проблеме появления алан на Северном Кавказе, стр. 28, 40—41.

[34] Следует оговорить, во избежание возможных недоумений, что у Клавдия Птолемея еще один раз упоминается этноним, близкий племенному названию эпагериты, и теперь уже рядом с аорсами («гипподы и меланхлены, ниже их — агафирсы, затем аорсы и пагириты, ниже их — савары и боруски...» (III, 5, 4). Но тут речь идет о племенах, определенно локализующихся в Европейской Сарматии, западнее Дона, далеко от Кавказа.

[35] RE, 11-A, 1745; В. В. Латышев. Ук. соч., ВДИ, 1949, 1 стр. 275, прим. 2; 2, стр. 291, прим. 15.

Следовательно, «савроматы» Плиния в анализируемом отрывке — не аорсы, а сираки. В таком случае следует обратить пристальное внимание на указание о непосредственном соседстве «савроматов»-сираков с талами, тем более что исходит оно лично от Митридата, немало осведомленного в северокавказских делах. Но «талы» Плиния, как убедительно доказано специальными исследованиями В. Н. Гамрекели,— это «двалы» — кавказское племя, жившее в центральной части Кавказа, вблизи Дарьяльского ущелья [36]. Следовательно, записанное Плинием свидетельство Митридата подтверждает сообщения Страбона о том, что сираки соприкасались с аборигенными горскими племенами иберийско-кавказской языковой семьи, предками вейнахов и этническими группами, вошедшими в субстратный слой современных осетин.

Есть и еще один лингвистический аргумент в пользу возможных тесных контактов между аборигенными племенами Северо-Восточного Кавказа и ираноязычной «доаланской» сарматской средой и Предкавказье. Я имею в виду древнейшие вейнахо-дигорские лексические параллели на базе иранского языка, минующие более поздний и лежащий между чеченоингушским народом и дигорцами «иронский» диалект. Гипотеза В. И. Абаева о двух иранских миграционных волнах на Центральный Кавказ (первой — «дигорской», второй — «иронской»), когда «известный период времени имел место непосредственный контакт дигорского с чечено-ингушским или близкими к нему местными языками, пока вторая аланская волна не вклинилась и не отделила их друг от друга» [37], позволяет объяснять «непоследовательность» этих лексических схождений как результат влияния сираков, говоривших на ином (более древнем) диалекте иранского языка, нежели аланы, и вступившие в тесные контакты с предками современных вейнахов (в том числе и с гаргареями, хамекитами, исадиками) более чем за 300 лет раньше интенсивного аланского расселения. Сложный вопрос о причинах и характере дигорско-вейнахских лексических схождений (прослеживаемых в живом языке и топонимике) окончательно еще не решен. Но это не освобождает от обязанности учитывать существование данной гипотезы [38].

Весьма важно уяснить еще один факт. Установление границ сиракского союза в районе Приазовья и Прикубанья в значительной мере облегчается многократностью упоминаний здесь сираков письменными и эпиграфическими источниками (Страбон, Помпоний Мела, Плиний, Тацит, Кл. Птолемей, надгробные надписи Зенона, Христиона и других). Этого нельзя сказать о восточных областях сиракских владений, которые четко засвидетельствованы лишь Страбоном. Но эта неодинаковая осведомленность античных писателей не только не дает оснований для скептических умозаключений, но напротив, является закономерной и вполне объяснимой.

Центральное Предкавказье всегда оставалось для древних авторов глухой и незнаемой периферией, скупыми сведениями о которой располагали лишь самые осведомленные из них. Однако главное даже не в этом. Нельзя не видеть, что наиболее обстоятельные и глубокие сведения о сираках сообщает нам самый ранний и самый осведомленный из всех источник — «География» Страбона, писавшаяся в 18—23 гг. н. э. и восходящая к компетентной информации последних столетий до нашей эры. Уникальные сведения Страбона о появлении сираков из «среды народов,

---

[36] В. Н. Гамрекели. Двалы и Двалетия в I—XV вв. н. э. Тбилиси, 1961.

[37] В. И. Абаев. Ук. соч., стр. 362; его же. Осетино-вейнахские параллели. Изв. ЧИНИИ, I, 2, Грозный, 1959, стр. 115.

[38] В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа. МИА, 106, 1962, стр. 71, 72; В. Б. Виноградов. Сиракский союз племен... стр. 117; его же. Источники изучения взаимоотношений вейнахских племен с сармато-аланами. «Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР»..., стр. 95, 96.

живущих выше», о численности их войск в сравнении с другими сарматскими группами, о делении их соседей аорсов на «верхних» и собственно таковых, об обитании сираков на Ахардее-Маныче, откуда их владения («Сиракена», «Сиракские равнины») простирались вплоть до предгорных районов современной Чечено-Ингушетии и пр.,— все это единственные в своем роде сообщения, отражающие, несомненно, ранний этап истории сираков в период их стремительного расселения в Предкавказье с III в. до н. э. и создания мощного и многоплеменного союза (III—I вв. до н. э.). Ни один из позднейших авторов не имел такой многогранной и конкретной осведомленности о первых веках сиракской истории.

Но так уж получилось, что античная письменная традиция заговорила в полный голос о сираках незадолго до событий, постепенно подготовивших условия для будущего поражения племенной конфедерации во главе с ними. Начиная с середины 30-х гг. I в. н. э. на Кавказе происходят войны и этнические перемещения, в результате которых в Предкавказье появляются аланы, а аорсы сильно теснят своих давних противников — сираков. Для этих последних начинается эпоха заката их могущества, сопряженная с потерей бóльшей части степных владений. И если основные земли сираков в Прикубанье и Приазовье сохраняются за их союзом во всяком случае до конца II в. н. э., то, очевидно, северо-восточная и восточная периферии попадают под власть новых сарматских групп (в первую очередь алан и аорсов, что фиксируется письменными и археологическими источниками) [39].

В этих условиях резко изменилась этно-политическая карта Северного Кавказа, и именно поэтому после Страбона мы не находим указаний на присутствие сираков в бассейне Терека и Центральном Предкавказье (кроме вскользь констатированного Плинием со слов Митридата соседства их с талами-двалами в период до 49 г. н. э.). Зато теперь с завидным постоянством сираки упоминаются на Северо-Западном Кавказе, где они временно сохранили ядро своего союза.

Не видеть развития сиракского союза, отрицать закономерности отражения его взлетов и падений в трудах античных современников — значит подгонять историю сираков под мертвую схему статичного пребывания их на небольшом участке степей Западного Предкавказья, значит отказывать греко-римским историко-географическим произведениям в праве считаться достоверными историческими источниками. Все это далеко от истины, и сумма проанализированных выше данных наглядно показывает вхождение в территорию сиракского союза последних веков до н. э.— первой половины I в. н. э. степных пространств не только Восточного Приазовья, но и Центрального и отчасти Северо-Восточного Кавказа вплоть до Терско-Сунженского междуречья. Этому выводу, построенному на изучении филологических данных, не противоречат и археологические факты.

---

[39] В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа, стр. 138—170; его же. Сиракский союз племен..., стр. 118—120; Ю. С. Гаглоев. Аланы и вопросы этногенеза осетин, стр. 16, 17.

Б. А. ЛИТВИНСКИЙ

СЛОЖНОСОСТАВНОЙ ЛУК В ДРЕВНЕЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ

(К проблеме эволюции лука на Востоке)

Существует обширная научная и научно-популярная литература по истории лука [1], однако история лука в Средней Азии освещается попутно и обычно неточно. В трудах же по среднеазиатской археологии истории лука не уделялось достаточного внимания, исследователи останавливались лишь на отдельных моментах. Разумеется, история развития лука в Средней Азии не может рассматриваться изолированно, это следует делать на фоне истории лука на Востоке и даже в Евразии в целом, но, к сожалению, и здесь больше лакун и неясностей, чем сколько-нибудь окончательно установленных отправных точек.

До сих пор в общих и специальных работах по истории лука практически не учитывались физико-технические факторы. Данные об эволюции лука не связывались с изученными специалистами по прикладной механике закономерностями действия луков разной формы и конструкции. Эти закономерности наиболее подробно были изложены в работах П. Е. Клопстега [2], материалы которого нами использованы.

Историю сложносоставного лука следует начинать с находок, сделанных А. П. Окладниковым в Прибайкалье и относящихся к III тысячелетию до н. э. В Прибайкалье уже в первой половине I тысячелетия до н. э. бесспорно существовала и более развитая форма сложносоставного лука, который А. П. Окладников предложил называть луком «центральноазиатского типа» — у этого лука было по нескольку накладок [3].

Имеющиеся находки, таким образом, указывают на то, что Прибайкалье входило в область распространения древнейшего (первоначального?) сложносоставного лука. По-видимому, территория, на которой происходило образование этого мощного оружия, была весьма обширной. Пока мы ее можем обобщить под названием «сибирско-монгольские степи».

Следует думать, что в Китай сложносоставной лук проник с севера, из сибирско-монгольских степей, и позже начал развиваться уже на китайской почве [4]. Безусловно, вполне справедливо мнение Ф. Бергмана,

---

[1] Д. Н. Анучин. Лук и стрелы. М., 1887; А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. МИА, 18, 1950; А. Ф. Медведев. Из истории сложного лука. КСИА АН СССР, 102, 1964; F. Nadaš, J. Vyskočil. Luk a šip, Praha, 1955; E. Burke. The History of Archery. New York, 1957; C. J. Longman, H. Walrond. Archery. London, 1894 и др.

[2] P. E. Klopsteg. Turkish Archery and the Composite Bow. A Review of an Old Chapter in the Chronicles or Archery and a Modern interpretation. Evanston, JII, 1947; его же. Archery. EB, 2, Chicago — London — Toronto, 1960.

[3] А. П. Окладников. Погребение бронзового века в Ангарской тайге. КСИИМК, VIII, 1940; его же. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, стр. 219—229; G. László. The Significance of the Hun Golden Bow, AA, I. *1—2*, Budapest, 1951, стр. 99, п. 54.

[4] H. G. Greel. Studies in Early Chinese Culture. Первая сер. American Council of Learned Societies. «Studies in Chinese and Related Civilisations», 3, 1948, стр. 195; Chêng Tê-k'un. Archaeology in China, II, Cambridge, 1960, стр. 118, 130, 206—207, табл. 18, *c*, 25, *d*, 48—49.

что древнейшие типы сложносоставного лука не являются местными в Китае, их происхождение лежит вне Китая, а именно в Центральной Азии [5]. Более того, развитие лука в Китае в иньское и чжоуское время происходило в тесном взаимодействии с развитием лука в сибирско-монгольской области.

С древнейших времен развивались связи жителей Средней Азии с Индией [6]. К сожалению, почти ничего не известно о луках в эпоху харапской цивилизации [7]. В ведические времена лук был излюбленным оружием арийцев, а звук натягиваемой тетивы, как говорит С. Пиготт, цитируя соответствующий текст, звучал для воина подобно шепоту возлюбленной. И хотя в Ведах много раз фигурируют лук и стрела, ведические гимны не содержат, по словам того же исследователя, «решающих данных о типе лука». С. Пиготт склоняется к мысли, что это был сложный лук [8].

М. В. Эмено считает, что сложносоставной лук мог быть принесен в Индию индо-арийскими племенами [9]. Геродот (VII, 65) упоминает, что индийские лучники в армии Ксеркса были вооружены луками из тростника или бамбука καλ'αμινα (об этом термине см. ниже). М. В. Эмено рассматривает этот лук как простой и вместе с тем категорически отвергает мысль, что простой лук был в то время единственным. По его мнению, в Индии во времена Ксеркса простой и сложносоставной луки сосуществовали [10]. Говоря о «бамбуковом луке» в древней Индии, следует отметить, что у Панини лук фигурирует под названием dhanush, он также называется karmuka. Панини упоминает также, притом отдельно, лук из дерева tala. Он, наконец, сообщает об особом большом луке maheshvāsa [11]. Много позже, по-видимому в первые века нашей эры, одним из видов лука в индийской армии, по Артхашастре, были луки из камыша (?), называющиеся коданда (собственно камыш обозначается термином cāpavenu) [12]. Более обоснованно, по-видимому, считать этот термин названием какого-то сорта бамбука [13].

По мнению многих исследователей, сложносоставной лук появляется в Египте вместе с гиксосами, т. е. в XVIII в. до н. э. Источник, откуда позаимствовали этот тип лука гиксосы, остается невыясненным. Вместе с тем известно, что уже с середины II тысячелетия до н. э. сложносоставной лук был широко распространен на Ближнем и Среднем Востоке, в частности у хеттов и ассирийцев [14].

Одновременно с появлением сложносоставных луков в Египте встречаются изображения не обычного полукруглого «сегментного» лука в на-

---

[5] F. Bergman. Archeological Researches in Sinkiang Especially the Lop-Nor Region. Stockholm, 1939, стр. 124.

[6] Б. А. Литвинский. Таджикистан и Индия. Сб. «Индия в древности». М., 1964.

[7] Сведения об элементах древнеиндийской письменности, воспроизводящих лук (?) сегментного вида, редко «угловатого» — см. M. B. Emeneau. The Composite Bow in India. PAPS, 97, 1, 1953, стр. 79, п. 11.

[8] S. Pigott. Prehistoric India to 1000 B. C. «Penguin books», 1952, стр. 282—283.

[9] M. B. Emeneau. The Composite Bow., стр. 80.

[10] Там же, стр. 85.

[11] V. S. Agravala. India as Known to Pānini. University of Lucnow, 1953, стр. 421—422.

[12] Артхашастра, раздел 36, гл. 18, а также раздел 35, гл. 17 — см. Артхашастра или наука политики. М.— Л., 1959, стр. 105—107.

[13] J. Auboyer, L'arc et la flèche dans l'iconographie ancienne de l'Inde, AA. XIX, 3—4, Ascona, 1956, стр. 180; B. S. Upadhyaya. India in Kālidāsa. Allahabad. 1947, стр. 159.

[14] H. Bonnet. Die Waffen der Völker des Alten Orients. Leipzig, 1926, стр. 135—146; W. E. McLeod. An Unpublished Egyptian Composite Bow in the Brooklyn Museum. AJA, 62, 4, 1958, стр. 397—398; его же. Egyptian Composite Bows in New York. AJA, 66, 1, 1962, стр. 13—19. Один из сложносоставных луков найден в погребении, относящемся к началу XVIII династии. Имя погребенного, а также некоторые другие наблюдения показывают, что он по происхождению из Сирии (G. Brunton. Syrian Connections of a Composite Bow. ASAE, XXXVIII, La Caire, 1938, стр. 251, 252).

тянутом положении, а лука с некоторым приострением — угловатостью на вершине рукоятки и почти прямыми плечами [15]. То же самое относится и к Ассирии [16] (рис. 1, *1*).

Население Западного Ирана было, очевидно, знакомо с ассирийским «угловатым» луком и пользовалось луком этой конструкции. На некоторых изделиях (в том числе предметах торевтики, разнообразном оружии и др.) первой трети I тыс. до н. э., обнаруженных в Луристане, Зивийе, Хасанлу, Амлаше и др., встречаются изображения обычных сегментных и «угловатых» луков [17].

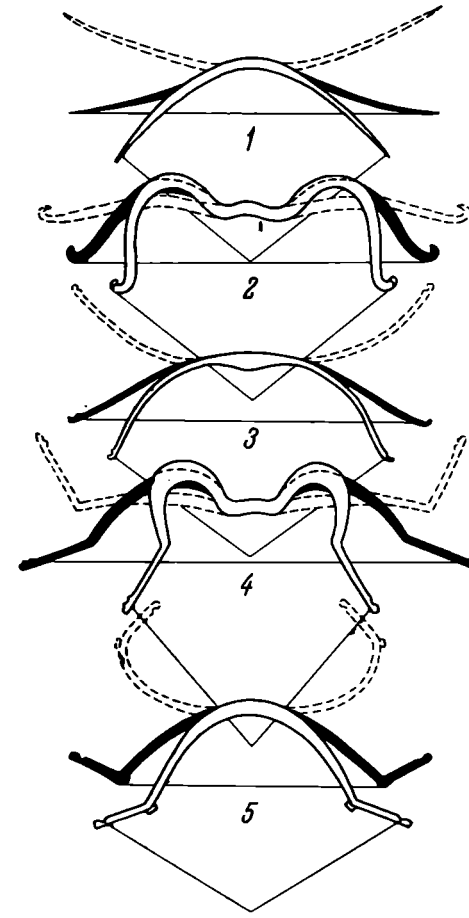


Рис. 1. Схема действия луков разных типов по Броуну

1 — «ассирийский», *2* — «скифский», *3* — лук из Врзи, *4* — «сасанидский», *5* — позднесредневековый «туркестанский»

В области крито-микенской цивилизации сложносоставной лук зарегистрирован уже на памятниках, датируемых XVII—XV вв. до н. э. [18]. Простой лук как военное оружие продолжал вместе с тем употребляться в Греции, по-видимому, до V в. до н. э. [19].

Лук скифского или сигмавидного типа появляется в Греции около 600 г. до н. э. Он безусловно скифского происхождения, ибо неизвестен в эгейской и ближневосточных цивилизациях бронзового века и не встречается там ранее IX в. до н. э. [20].

«Скифский лук,— указывает В. Д. Блаватский,— был составной, сложной изогнутой формы, обычно небольших размеров» [21]. По данным А. И. Мелюковой, сложные скифские луки имели в длину от 60 *см* до 1 *м*. Она указывает на случаи, правда немногочисленные, когда были обнаружены костяные обкладки лука, свидетельствующие о том, что «составными частями дуги лука были дерево и кость, между которыми, вероятно, существовали еще проклейки из сухожилий» [22]. Небольшой по размерам скифский слук был очень мощным

[15] W. E. McLeod. An Unpublished Egyptian Composite Bow..., стр. 398.

[16] J. B. Pritchard. The Ancient Near East in Pictures Relating to the Old Testament. Princeton, 1954, рис. 185; C. J. Longman. The Bows of the Ancient Assyrians and Egyptians. JAI, XXIV, London, 1885, стр. 49—55; C. J. Longman, H. Walrond. Archery. London, 1894, стр. 60, 61, 64; H. Bonnet. Die Waffen..., стр. 141, 142; F. E. Brown. A Recently Discovered Compound Bow. SK, IX, Praha, 1937, стр. 3—4, рис. 1, *1*. Судя по клинописным текстам, ассирийский сложносоставной лук изготовлялся из дерева, рога и металла (Б. Б. Пиотровский, Н. Д. Флиттнер. История техники Древнего Двуречья. Сб. «Очерки по истории техники Древнего Востока». М.— Л., 1940, стр. 118).

[17] L. Vanden Berghe. Archéologie de l'Irān Ancien. Leiden, 1959, стр. 113, рис. 142, *b*, *d*; E. Parada. Alt-Iran. Baden-Baden, 1962, стр. 88; R. Ghirshman. Perse. Proto-iraniens. Médes. Achéménides. Paris, 1963, рис. 38, 73, 80, 95.

[18] H. L. Lorimer. Homer and the Monuments. London, 1950, стр. 278.

[19] H. L. Lorimer. Ук. соч., стр. 282.

[20] H. L. Lorimer. Ук. соч., стр. 276—305. H. Bonnet. Die Waffen..., стр. 139, рис. 63; E. Bulanda. Bogen und Pfeil bei den Völkern des Altertums. Abhandlungen der archäologisch-epigraphischen Seminars der Universität Wien XV. Wien und Leipzig, 1913.

[21] В. Д. Блаватский. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954, стр. 18.

[22] А. И. Мелюкова. Вооружение скифов. САИ, Д—1—4, 1964, стр. 14—15; E. Bulanda. Bogen..., стр. 51—58.

оружием (рис. 1, *2*). Благодаря своей мощности и дальнобойности он быстро распространяется у тех народов, которые так или иначе соприкасались со скифами. Геродот пишет про мидийского царя Киаксара (конец VII — начало VI в. до н. э.), что скифам, которые господствовали в то время над мидянами, этот царь поручил мидийских мальчиков для обучения скифскому языку и стрельбе из лука [23]. Б. Б. Пиотровский на обшир-

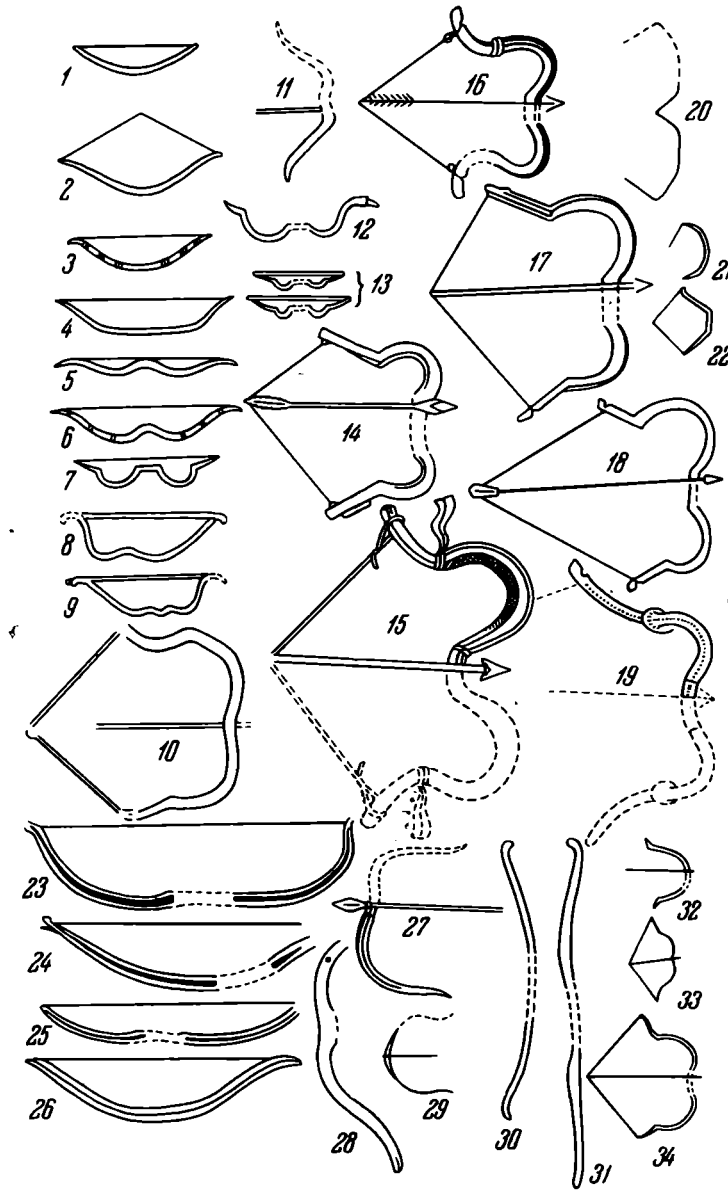


Рис. 2. Изображения луков в живописи, скульптуре и торевтике

1—7 — Индия; *8—9* — Иран, Кызкапан; *10* — Иран, Таки-Бустан; *11* — умбон из Аму-Дарьинского клада; *12, 13* — монеты Хувишки; *14—19* — среднеазиатская и иранская торевтика III—VII вв.; *20* — Средняя Азия, Каракуджур (кость); *21—22* — ханьская керамика; *23—26* — Афганистан, беграмская кость; *27* — Пенджикентская живопись; *28—29* — живопись Варахши; *30—34* — живопись Восточного Туркестана

ном материале установил факт распространения по всей территории Передней Азии бронзовых наконечников стрел скифского типа VII—VI вв. до н. э., часть из них — местного изготовления (известны находки литейных форм, сделанных по скифским образцам) [24]. По-видимому, полу-

[23] Геродот. I, 73.

[24] Б. Б. Пиотровский. Скифы и Древний Восток. СА, XIX, 1954, стр. 149. 150; его же. Ванское царство..., стр. 238, 239; А. И. Мелюкова. Вооружение скифов..., стр. 31.

чили столь широкое распространение не только наконечники стрел, но и сам лук «скифского» типа.

И. М. Дьяконов выдвинул положение, что мидяне «учились конно-стрелковой тактике скифов» и что вырабатывалось «...общее скифо-мидийско-сакское стрелковое вооружение, знакомое нам по известным „скифским" наконечникам стрел...» [25].

Нам представляется, что, наряду со стрелами, мидяне переняли у скифов и их тип лука. Как показывает, например, рельеф в Кызкапане, датируемый Е. Херцфельдом первой половиной VI в. до н. э. [26], к эпохе включения Мидии в ахеменидскую державу у мидян был в употреблении скифский лук с перехватом в середине и круто загнутыми концами. Судя по тому же рельефу, существовали и особые формы рукояти (рис. 2, *8*, *9*). Скифское оружие оказало значительное влияние на мидийское вооружение, хотя в целом оно не было идентично скифскому [27]. Это относится и к луку. Будучи однотипен со скифским, мидийско-персидский лук, по-видимому, не был с ним идентичен. Намек на это содержится в сообщении Ктесия, что скифский лук был «более сильным» (или «мощным»), чем персидский [28].

Персидско-мидийский лук ахеменидского времени Геродот и Ксенофонт просто называют «большим» [29]. Уже Е. Буланда пришел к следующему выводу: у мидян и персов был крупный простой и меньший по размерам сложносоставной лук [30]. На ахеменидских дариках изображен царь с луком в руках [31], причем лук этот имеет иногда вид простой дуги (чаще асимметричной), но имеются и изображения явно сложного лука [32]. Два типа лука представлены и на ахеменидских печатях [33]. В Авесте нет специальных упоминаний ни о материале, из которого сделан лук, ни о его форме,— пишет А. Джексон [34].

Античные источники сохранили свидетельство, что «за Яксартом обитают саки, стрелами бьющиеся, из всех стрелков в мире самые искусные, не пускающие стрелы наудачу» (слова Дионисия). Сохранилось сообщение, что сакские женщины «наравне с мужчинами стреляют из луков назад, притворяясь бегущими» [35]. Судя по сообщениям античных авторов, луками были вооружены и оседлые жители Средней Азии, и кочевники [36].

Ценнейшие данные Геродота о вооружении среднеазиатских племен широко привлекались разными исследователями. Тем не менее, вернемся

---

[25] И. М. Дьяконов. История Мидии от древнейших времен до конца IV века до н. э. М.— Л., 1956, стр. 290.

[26] E. Herzfeld. Iran in the Ancient East. London — New York, 1941, стр. 203—205, рис. 313.

[27] E. Herzfeld. Ук. соч., стр. 265, 266.

[28] Ctes. 13 (Phot., § 20—21). F. Jacoby. Die Fragmente der griechischen Historiker. IIIC, I, Leiden, 1958, стр. 461, 462.

[29] Геродот. VII, 61, 62; Ксенофонт. Анабасис, III, 4, 7; A. T. Olmstead. History of the Persian Empire. Chicago, 1959, стр. 239.

[30] E. Bulanda. Bogen und Pfeil..., стр. 41, 42.

[31] G. F. Hill. The Coinage of the Ancient Persians, SPA, I, London — New York, 1938, стр. 398.

[32] B. V. Head. The Coinage of Lydia and Persia from the Earliest Times to the Fall of the Dynasty of the Achaemenidae. London, 1877 («The International Numismata Orientalia», pt. III), рис. 1, *22*, *23*; SPA, IV, London — New York, 1938, рис. 125.

[33] SPA, IV, рис. 123, 124; W. H. Ward. The Seal Cylinders of Western Asia. Washington, 1910, стр. 336—340, рис. 1129.

[34] A. W. Jackson. Herodotus VII. 61, or the Arms of the Ancient Persians Illustrated from Iranian Sources. «Classical Studies in Honour of Henry Drisler». New York — London, 1894, стр. 111, 112; E. Herzfeld. Zoroaster and his World, II, Princeton, 1947, стр. 783, 784; J. Gershevitch. The Avestan Hymn to Mithra. Cambridge, 1959, стр. 137, 279, 280. Тетива, как считает (вслед за Х. Бэйли) И. Гершевич, была сделана из сухожилий оленя. Об иранской терминологии, связанной с луком, см. H. W. Bailey. Arya III. BSOAS, XXIV, 3, 1961, стр. 471—473.

[35] Климент Александрийский. Ковры, IV, 8, 62.

[36] Геродот. I, 215; VII, 64, 66; Страбон. XI, 8, 6; Квинт Курций. VII, 5, 41, 42 сл. Подробный обзор — «История таджикского народа», I, М., 1963, стр. 247—249. Б. А. Литвинский и И. В. Пьянков. ВДИ, 1966, 3.

к этому тексту [37]. В целом Геродот четко противопоставляет мидийско-персидский комплекс вооружения среднеазиатскому. Это в полной мере относится и к лукам. Персидско-мидийский лук характеризуется как «большой». У бактрийцев же лук был «тростниковый, бактрийский». Такое же вооружение, как у бактрийцев, было у парфян, хорасмиев, согдов, гандхаров, дадиков. О саках же говорится, что лукп у них были επιχώρια «туземные» или, как иногда переводят,— «общепринятые в данной стране» [38].

Бактрийский лук Геродот характеризует термином καλαμινον , который, по мнению О. М. Дальтона, скорее мог обозначать бамбук, чем тростник [39]. Обычно считается, что этот «бамбуковый» лук бактрийцев был простым. Однако это не бесспорно: известны сложносоставные луки, главной составной частью кибити которых был бамбук [40].

Как пишет П. Е. Клопстег, некоторые сорта бамбука могли являться превосходным материалом для изготовления сложносоставных луков, так как в отношении способности подвергаться растяжению и сжатию они превосходят большинство сортов дерева [41].

По словам Омара Хайяма, мифический Ариш Вахадан «сделал лук из пяти частей из дерева и тростника», а затем скрепил их клеем [42]. Из этого следует, что еще в XI в. в Средней Азии и Иране сохранились предания относительно древних луков, сделанных из дерева и тростника (бамбука), а может быть — и практика изготовления таких луков.

К сожалению, для периода VI—IV вв. до н. э. иконографические материалы из Средней Азии чрезвычайно скудны. В руках персонажа, изображенного на умбоне из Аму-Дарьинского клада, виден сложносоставной лук (рис. 2, *11*) [43]. На ахеменидских печатях с изображением саков лук сложный, а не простой [44].

По-видимому, прав О. М. Дальтон, который считал, что в Средней Азии уже в ахеменидское время употреблялись и большие дальнобойные простые луки, и меньшие по размерам, но мощные сложные луки [45]. Не является убедительной противоположная точка зрения, высказанная С. П. Толстовым, о том, что в середине I тысячелетия до н. э. и позже племена Средней Азии, в частности хорезмийцы, имели лишь «простой тростниковый, длинный лук» [46].

При решении этого вопроса нельзя не учитывать, как были вооружены соседние со Средней Азией племена. Так, савроматы, теснейшим образом, по мнению С. П. Толстова, связанные с Хорезмом, уже в IV—V вв. до н. э. имели сложный лук небольших размеров. «Можно думать,— пишет К. Ф. Смирнов,— что савроматские луки делались из разных пород дерева с применением бересты и сухожилий, но без роговых или костя-

---

[37] Геродот. VII, 64, 66.

[38] A. Schaumberg. Bogen und Bogenschüsse bei den Griechen mit besonderer Rücksicht auf die Denkmäler bis zum Ausgang des archaischen Stils. Nürnberg, 1910, стр. 105, примеч. 1.

[39] O. M. Dalton. The Treasure of the Oxus. London, 1926, стр. XXXVI.

[40] C. J. Longman, H. Walrond. Archery. London, 1894, стр. 45, 46; Luschan. Zusammengesetzte und verstärkte Bogen, ZE, 31, Berlin, 1899, стр. 226; A. H. Q. Bows and Arrows. EB, 3, Chicago — London — Toronto, 1960, стр. 984; Chêng Tê-Kun. Archaeology in China, III, Cambridge, 1963, стр. 244.

[41] P. E. Klopsteg. Turkish Archery.., 1947, стр. 153—154.

[42] 'Омар Хаййам. Науруз-наме. В кн.: 'Омар Хаййам. Трактаты. М., 1961, стр. 91а, стр. 205.

[43] O. M. Dalton. Ук. соч., стр. XXXVI—XXXVII, рис. X, SPA, IV, табл. 116, *j*. М. Ростовцев этот умбон датирует V—IV вв. до н. э. (M. Rostovtzeff. Some New Aspects of Iranian Art. SK, VI, 1933, стр. 182).

[44] J. Junge. Saka-Studien. Leipzig, 1939, табл. II.

[45] O. M. Dalton. The Treasure..., стр. XXXVI, XXXVII.

[46] С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 224; К. Г. Рудо. К вопросу о вооружении Согда VI—VIII вв. «Сообщения Республиканского историко-краеведческого музея Таджикской ССР», I, 1952, стр. 61—63.

ных накладок...» [47]. Сложносоставной лук был и у других соседних со Средней Азией народов, в частности у жителей Ирана. В обстановке тесных взаимосвязей народов Средней Азии со своими соседями лук «скифского» типа неизбежно должен был здесь распространиться, причем очень рано, едва ли позже VII—VI вв. до н. э. На протяжении полутысячелетия скифский лук является здесь господствующим.

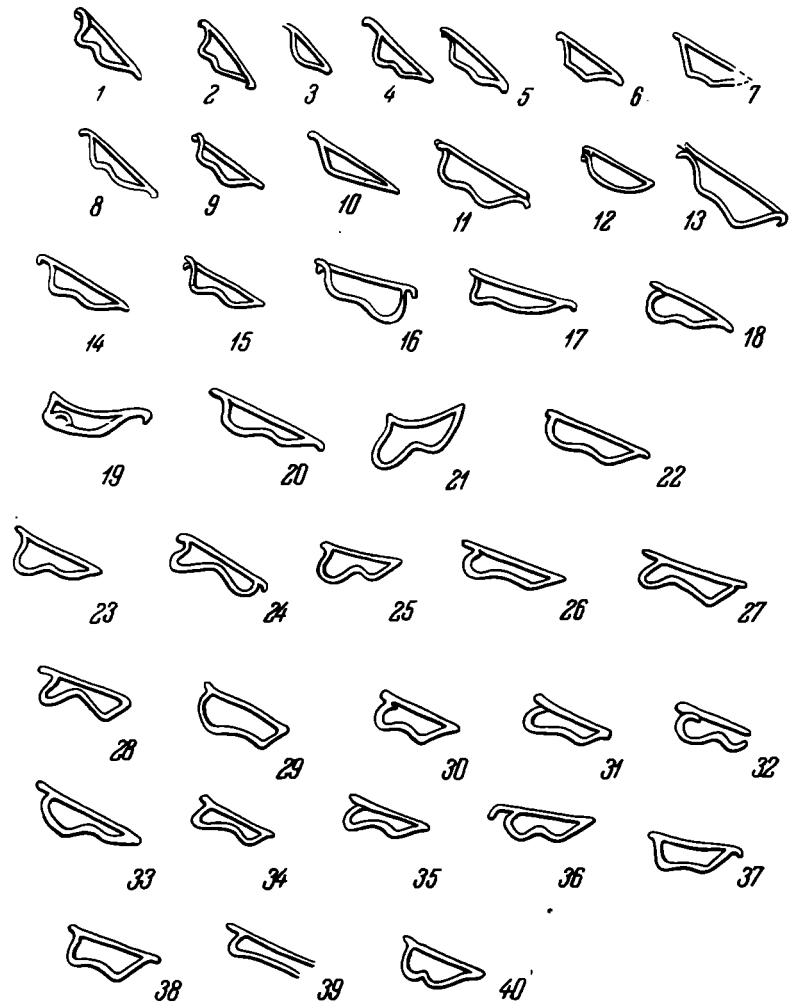


Рис. 3. Изображение луков на парфянских монетах

1—2 — Тиридат I, *3—5* — Митридат I, *6—9* — Фраат II, *10* — Артабан I; *11—12* — Митридат II, *13—15* — Артабан II, *16—22* — Ород I, *23—25* — Фраат IV, *25—26* — Вардан I, *27* — Готарз, *28—31* — Волагез I, *32* — Вардан II, *33—34* — Пакор II, *35—36* — Волагез II, *37—40* — Митридат IV

Учитывая все изложенное, не приходится удивляться и тому, как широко был распространен сложный лук в парфянской среде в последние века до нашей эры — первые века нашей эры. Такие луки изображены на реверсах парфянских монет (с III в. до н. э.), причем они часто выглядят резко асимметричными [48].

Интересна эволюция лука на реверсах парфянских монет (наиболее частые варианты на рис. 3). На монетах, предшествующих времени Митридата II, длина лука составляет обычно 50—70%, в одиночных слу-

---

[47] К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов. МИА, 101, 1961, стр. 32.

[48] P. Gardner. The Parthian Coinage. London, 1877 («The International Numismata Orientalia», V), табл. I—VII; A. Markoff. Les monnaies des rois parthes, I—II, Paris, 1877; А. К. Марков. Неизданные арсакидские монеты. СПб., 1892, стр. 6 сл., табл. III—IV; W. Wroth. Catalogue of the Coins of Parhia. London, 1903; SPA, IV, рис. 141—144; F. Altheim. Weltgeschichte Asiens im griechischen Zeitalter, II, Hale (Saale), 1948, стр. 28, 29.

чаях — 80% высоты человеческой фигуры. На монетах Митридата II и Артабана II часто это соотношение достигает 90 и даже 100% [49].

Объяснение этого факта можно искать в том, что с эпохи Митридата II надпись на реверсе образует квадрат, в который вписывается фигура лучника, что именно поэтому ее пропорции становятся укороченными. Такое объяснение было бы исчерпывающим, если бы все луки на этих монетах были приблизительно или точно равны величине туловища. Однако этого

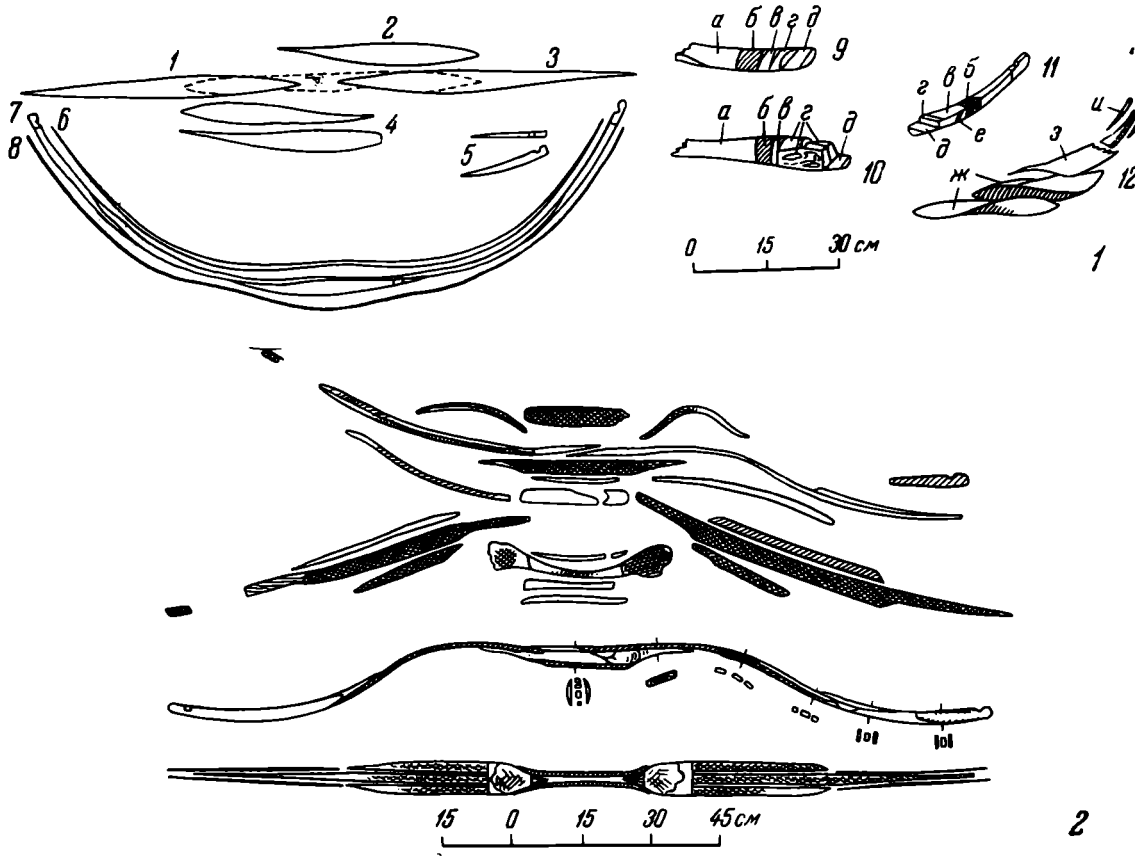


Рис. 4. Луки из Врзи (*1* — по Броуну) и Карабулака (*2* — по Ю. Д. Баруздину)

нет: длина части луков по-прежнему равна 50—80% длины туловища. Поэтому можно высказать предположение, что на парфянских монетах, начиная с эпохи Митридата II, появляются изображения двух разных по величине луков. Возможно, это отражало реальное развитие парфянского вооружения и те новшества, которые были в него введены после сако-парфянских войн последней трети II в. до н. э., т. е. результат заимствования достижений военной техники своих воинственных противников или как попытка изобрести тип лука, равноценный сакскому [50].

На греко-бактрийских монетах II — начала I вв. до н. э. имеется изображение лука, который держит Аполлон или натягивает Артемида. Этот лук простой сегментный, его дуга как бы состоит из трех отрезков. На монетах Аполлодота и Артемидора встречается и сигмовидный лук «скифского» типа. По величине луки равны 35—45% высоты стоящей фигуры.

В письменных источниках имеется совершенно ясное описание формы парфянского или скифского лука. Оно принадлежит автору IV в. Аммиану Марцеллину: «В то время как луки всех народов сгибаются из гнущихся древков, только скифский или парфянский выгнуты с обеих сторон

---

[49] W. Wroth. Ук. соч., табл. VII, 6; VIII. *1*, *4*, *5*, *11*, *12*; *IX*, *2—4*.

[50] О других изображениях парфянского лука см. M. Rostovtzeff. The Parthian Shot. AJA, XLVII, 2, 1943, стр. 177.

широкими и глубокими внутрь рогами, имеют вид луны во время ущерба, а середину их разделяет прямой и круглый брусок» [51].

Известны остатки позднепарфянского (или раннесасанидского) лука. Они найдены в Месопотамии. На левом берегу Евфрата в 40 *км* к юго-востоку от Дура-Европос в некрополе Багуз в той его части, которая называется Врзи, в одном из погребений, входящем, по Броуну, в группу погребений I в. до н. э.— III в. н. э.,был найден сложносоставной лук почти в полной сохранности (рис. 4, *1*). Древко лука имело длину 1,47 *м*, в натянутом виде между концами — 1,275 *м* [52]. М. Ростовцев датировал это погребение более узко — II—III вв. [53]. Лук из Врзи — типичный сложносоставной. Известно, что характерным признаком сложносоставных луков является то, что его компоненты склеены и обтянуты кожей или покрыты слоем лака [54].

Значительно раньше, чем в Месопотамии, луки с костяными накладками появились в Средней Азии. Известны их многочисленные находки в погребениях и на поселениях II—I в. до н. э.— IX—X вв. н. э. Большинство из них опубликовано в соответствующих отчетах.

В нескольких пунктах Средней Азии были обнаружены и настолько крупные остатки луков, что возможна их реконструкция. Первая попытка принадлежит А. Н. Бернштаму, но она оказалась неудачной [55].

В Топраккалинском дворце Хорезма (III в.) найдены один почти целый лук и части нескольких других. «Они большие, около 160 *см* длиной, сложные, склеенные из многих слоев дерева (дзельква, из семейства ильмовых), с костяными обкладками в средней части и по краям. Древко лука сужается к середине и к концам, где оно сжато обкладками. Между последними древко расширяется, образуя плоскую лопасть до 6 *см* ширины» [56].

Чрезвычайно ценные материалы дал Карабулакский могильник. В одной из своих работ Ю. Д. Баруздин указывает, что в Карабулакском могильнике были найдены четыре лука, и дает подробное и интересное описание их конструкции (рис. 4, *3*) [57].

Сам процесс производства древних среднеазиатских (и иранских) луков может быть с известной долей вероятности реконструирован на основании данных о технологии изготовления очень близкого по конструкции турецкого лука XIX в. Хорошо высушенное подходящее дерево высокого качества служило материалом для изготовления отдельных частей. Плечи и рога на три дня клали в холодную воду. Затем высушенные плечи нагревали на медленном огне и к ним под углом прикрепляли концы. Все это обматывалось кожаной нитью и должно было пролежать не менее года в сухом помещении. Потом изготовляли роговые пластинки (также вымоченные, разогретые на огне, выдержанные в специальной деревянной форме и т. д.). Лишь после этого все деревянные части собирали вместе и прикрепляли роговые части. Все время велся контроль за симметричностью и точностью пригонки (рис. 5, *1*). Затем концы лука связывали — он натягивался в обратную сторону (рис. 5, *2*), и на кибить наносили клее-

[51] Аммиан Марцеллин. XXII, 8, 37.

[52] F. E. Brown. A Recently Discovered Compound Bow, стр. 1—3, табл. I—III.

[53] M. Rostovtzeff. The Parthian Shot, стр. 177.

[54] А. П. Окладников. Ук. соч., стр. 221, 227; H. Bonnet. Die Waffen..., стр. 121.

[55] А. Н. Бернштам. Кенкольский могильник. Л., 1940, стр. 21. табл. XXVIII; Ср. М. П. Грязнов [рец. на кн.:] А. Н. Бернштам. Кенкольский могильник. КСИИМК, XI, 1945, стр. 148; А. Н. Бернштам. МИА, 14, 1950, стр. 66—67.

[56] С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии наук СССР (1945—1948 гг.). ТХАЭ, I, М., 1952, стр. 34, 35, рис. 22.

[57] Ю. Д. Баруздин. Карабулакский могильник. ИАН КиргССР, сер. обществ. наук, III, 3, Фрунзе, 1961, стр. 61, 62, рис. 117; его же. Карабулакский могильник (Раскопки 1955 года). Тр. ИИ АН КиргССР, III, Фрунзе, 1957, стр. 26. В кургане № 100 Карабулакского могильника очень крупные концевые накладки, достигающие 35 *см* по прямой (Фонды ИИ АН КиргССР).

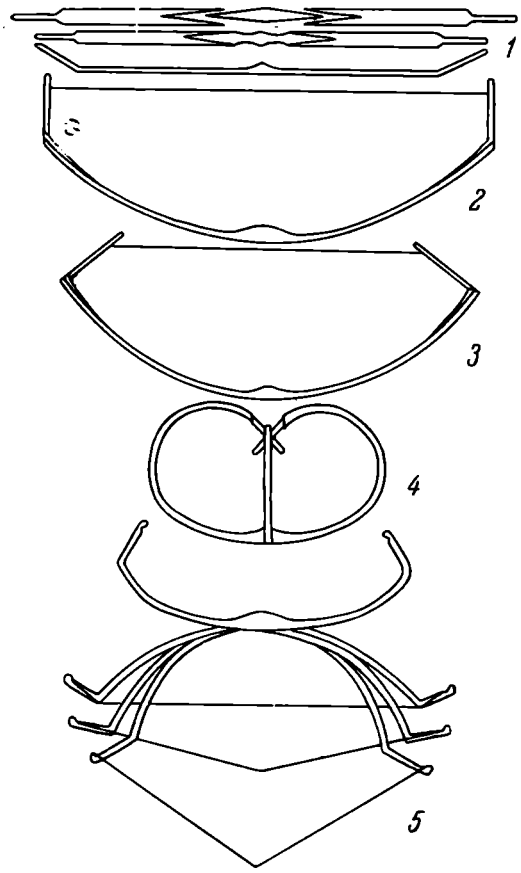


Рис. 5. Процесс изготовления и схема действия позднесредневекового лука (по Хайну)

1 — сборка лука, *2—4* — последовательность стягивания для придания упругости, *5* — схема действия в процессе стрельбы

вой состав, возможно большее число раз. Приклеивали волокна сухожилий. Все это высушивали и лук стягивали еще сильнее (рис. 5, *3*), прикрепляли еще часть волокон сухожилий и продолжали проклеивание. Когда оно завершалось, мастер стягивал лук в кольцо, связывал его концы между собой и с рукоятью (рис. 5, *4*) и в таком состоянии оставлял приблизительно год в покое, для того чтобы рефлексирующая сила возросла. Чем больше лук находился в таком состоянии, тем лучше он становился [58]. Хотя мы обрисовали процесс изготовления турецкого лука в самой общей форме, упуская многие важные детали, приведенный материал показывает, сколь трудным и длительным был процесс изготовления сложносоставных луков [59]. По словам Р. Пайне-Галлвея, «рог и сухожилья — материалы, из которых фактически состоит кибить лука и которые придают луку силу и эластичность,— образуют нечто вроде трубки, а центральная, очень узкая часть заполнена деревом». Тонкая деревянная планка, местами имеющая лишь 3—3,5 *мм* толщины,— указывает тот же автор,— не может сообщить луку необходимую силу [60]. Разумеется, маловероятно, чтобы древний и современный процессы изготовления луков совпадали во всех деталях, но в основных моментах они должны быть близки.

Для эпохи от рубежа нашей эры и до VII—VIII вв. имеются и изобразительные материалы по истории среднеазиатского лука. Так, для начала этой эпохи мы располагаем изображением сложносоставного (?) лука на древних согдийских монетах (в отношении уточненной датировки этой группы монет единого мнения еще не достигнуто) [61].

У сакского населения Средней Азии и Казахстана сложение такого лука происходило в последние века до н. э. и в первые века н. э. Об этом свидетельствует лук из наскальных изображений в Теректы-сае (Прибалхашье), обнаруженный А. Медоевым. Рисунок с этим луком (типа переходного от трех- к пятичастному) следует, на наш взгляд, датировать временем около рубежа н. э.

---

[58] J. Hein. Bogenwerk und Bogensport bei den Osmanen der Islam. XIV, 3/4, 1925, стр. 343—350, рис. 6—15; F. Hammer-Purgstall. Über Bogen und Pfeil, den Gebrauch und die Verfertigung derselben bei den Arabern und Türken. Denkschriften der K. Akademie der Wissenschaften. Philosophish-historische Classe, IV, Wien, 1853. стр. 32—34, табл. I—III; R. Payne-Gallwey. A Summary of the History, Construction and Effects in Warfare of the Projectile-Throwing Engines of the Ancients with a Treatise on the Structure, Power and Management of Turkish and other Oriental Bows of Mediaeval and Later Times, London, 1907, стр. 4, 15. Схему действия лука см. Hein. Der Islam. XV, I, 1926, стр. 54, рис. 33.

[59] По данным некоторых источников, процесс изготовления сложносоставных луков продолжается от 1 до 3 лет, причем разные детали следовало изготавливать в определенные времена года.

[60] R. Payne-Gallwey. A Summary..., стр. 4—5.

[61] См. Allotte de la Füye. Monnaies incertaines de la Sogdiane et des contrées voisines, IV, сер. RN, XIV, Paris, 1910, табл. X (VI), *11, 12*; В. М. Массон.

На реверсах некоторых монет Хувишки (II—III вв.) изображена стоящая вправо Нана [62]. В левой руке она держит крупный (судя по соотношению с человеческой фигурой — около 1,2 *м*) лук. Это сложносоставной лук фигурного очертания с четко выделенной, в одном случае — безусловно прямой рукоятью, выступающими вперед крутыми плечами, расходящимися в сторону «рогами», причем один из рогов на каждом луке изображен прямым, второй — незначительно изогнутым (рис. 2, *13*).

Некоторые материалы по истории лука можно найти в среднеазиатских памятниках торевтики и настенной живописи. Так, на эрмитажной чаше, происходящей из дер. Вереино, имеется изображение двух всадников, стреляющих из луков явно сложносоставного типа. На местах перегибов лука — штрихи, очевидно, передающие обмотку концов пластин, из которых составлен лук [63] (датировка: рубеж — начало н. э.).

На эрмитажном блюде с изображением всадника, охотящегося на льва и кабана [64], также имеется четкое изображение лука (рис. 2, *18*). Он не совсем симметричен, боковые части круто изогнуты и выступают вперед, оконечности прямые, расходящиеся к основанию. На их концах вырезы для тетивы. Следует иметь в виду, что вопрос об этнической атрибуции этого изделия чрезвычайно сложен. По мнению некоторых исследователей, основывающихся на иконографическом анализе, блюдо согдийского происхождения, VI—VII вв. Однако В. А. Лившиц и В. Г. Луконин, основываясь на имени заказчика блюда, которое они прочли в среднеперсидской надписи, считают, что блюдо изготовлено в Иране в VIII—IX вв. [65].

На известном аниковском блюде один из защитников замка держит в руках резко несимметричный сложносоставной лук [66] (рис. 2, *12*). Наконец, в сцене единоборства на кулагышском блюде [67] один из воинов натягивает лук такого же типа, как у всадника, охотящегося на льва и кабана. Однако здесь показаны две детали, там отсутствующие: на одном конце тетива впущена в петельку, прикрепленную к внутренней поверхности конца лука. На противоположной стороне на внешней поверхности прямой оконечности лука четко показана накладка (рис. 2, *14*). К сожалению, на обоих этих луках центральные части практически не видны.

По конструкции лу́ки, изображенные на предметах торевтики среднеазиатской иконографической школы, очень близки или тождественны иранским лукам сасанидского и послесасанидского времени, где иногда прослеживаются некоторые дополнительные детали. В ряде случаев передается двух- или многослойный характер кибити [68], ее несимметричный характер, обмотка мест перегибов и др. (рис. 2, *17*, *19*). На блюде, где

Денежное хозяйство древней Средней Азии по нумизматическим данным. ВДИ, 1955, 2, стр. 40—41, табл. 7—9; О. И. Смирнова. Монеты Древнего Пенджикента. МИА, 66, 1958, стр. 218, 240, 241, табл. I, *2*.

[62] A. Cunningham. Coins of the Kushâns, or Great Vue-ti-NC, третья сер., XII, 1892, стр. 150, табл. XXII, *12*, *13*; R. Göbl. Die Münzprägung der Kušān von Vima Kadphises bis Bahram IV, в кн.: F. Altheim, R. Stiehl. Finanzgeschichte der Spätantike. Frankfurt am Main, 1957, стр. 202, 203, 252, 253, табл. 9, *214*, *223*.

[63] К. В. Тревер. Памятники греко-бактрийского искусства. М.—Л., 1940, стр. 87—90, табл. 22—24; С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 218, 219; M. Rostovtzeff. Some New Aspects of Iranian Art, стр. 181—184.

[64] Я. И. Смирнов. Восточное серебро. 1909, табл. XXXIII; И. А. Орбели, К. В. Тревер. Сасанидский металл. М.—Л., 1935, табл. 3; Н. Н. Забелина, Л. И. Ремпель. Согдийский всадник. Ташкент, 1948, стр. 4—5; М. М. Дьяконов. Росписи Пенджикента и живопись Средней Азии. Сб. «Живопись древнего Пенджикента», М., 1954, стр. 136, 137.

[65] В. А. Лившиц, В. Г. Луконин. Среднеперсидские и согдийские надписи на серебряных сосудах. ВДИ, 1964, 3, стр. 162, 163.

[66] И. А. Орбели, К. В. Тревер. Сасанидский металл, табл. 20.

[67] Там же, табл. 21; М. М. Дьяконов. Росписи..., стр. 137, 138.

[68] И. А. Орбели, К. В. Тревер. Сасанидский металл, табл. 9, 13, 14, 15; R. Ghirshman. Notes iraniennes VI. Une coupe sassanide à scene de chasse. Ar As, XVIII, 1, Ascona, 1955, рис. 1; Vanden Berghe. Archéologie de l'Iran ancien. Leiden 1959, стр. 7, табл. 7, *a*.

изображен Хосров I Ануширван и его сын Ормизд (VI в.) [69], несимметричность подчеркнута еще тем, что обкладки были с одной стороны. Следует отметить, что на рельефе в Таки-Бустане Хосров II держит лук [70] со значительно менее четко выраженной седловинкой рукояти в центральной части (рис. 2, *10*), чем это обычно для луков с предметов торевтики.

Характерно также, что «рога» не прямые, а вогнутые. Рефлексия «рогов» была столь сильной, что на луках натянутых, но не переведенных в боевое положение рога, судя по таки-бустанским рельефам [71], представляли продолжение тетивы [72].

Аммиан Марцеллин (при описании событий 363 г.), давая характеристику вооружению персов, сообщает ряд деталей о персидских луках: они были гибкие (flexiles) и, по-видимому, очень глубокие. Стрелы летели со свистом и наносили смертельные раны [73].

Вернемся, однако, к Средней Азии. Здесь изображение встречается, помимо предметов торевтики, и в настенной живописи. Так, в настенных росписях Пенджикента имеются изображения сложносоставных луков (рис. 2, *27*), иногда, по-видимому, с многослойной кибитью (или с накладками?) [74]. Росписи Варахши демонстрируют два вида лука: простой (или усиленный) [75] (рис. 2, *29*) и сложносоставной (рис. 2, *28*) [76]. Не исключено, что лук, вложенный в налучье, изображенное на щите с горы Муг, также был сложносоставным. Налучья в живописи Пенджикента, по мнению В. А. Шишкина, «ясно повторяют своими очертаниями контур сложного лука со спущенной тетивой» [77].

Наконец, луки часто встречаются на среднеазиатских наскальных изображениях, в том числе имеются двоякоизогнутые луки с округлыми и уплощенным перехватом в центре (приблизительная датировка — рубеж VII—VIII вв.) [78]. Мы можем сделать вывод, что в Средней Азии в эпоху арабского завоевания существовали простой и сложный луки, причем последний, по-видимому, был более распространенным [79].

Среднеазиатские луки были очень высокого качества. По словам Фирдоуси, Бахрам Гур, когда он с Азадэ поехал на охоту, имел с собой «чачский лук» [80]. Следует иметь в виду, что в эпоху Фирдоуси из Шаша, как сообщает Макдиси, вывозились «прекрасные луки» (арабский географ также сообщает, что «не имеют себе равных» хорезмийские луки) [81]. Тем

---

[69] И. А. Орбели, К. В. Тревер. Сасанидский металл, табл. 13.

[70] SPA, IV, табл. 163, *A*; K. Erdmann. Die Kunst Irans zur Zeit der Sasaniden. Berlin, 1943, табл. 32; E. Herzfeld. Iran in the Ancient East. London — New York, 1941, табл. CXXVII.

[71] Vanden Berghe. Archeologie..., табл. 131, *a*.

[72] Описание процесса стрельбы из сасанидского лука см.: К. А. Иностранцев. Сасанидские этюды. СПб., 1909, стр. 57, 58, 66—71.

[73] Аммиан Марцеллин. XXV, 1, 13; A. Christensen. L'Iran sous les Sassanides. Copenhague — Paris, 1936, стр. 202, 203.

[74] Сб. «Живопись древнего Пенджикента», табл. XXXV; А. М. Беленицкий. Древний Пенджикент. СА, 1959, 1, рис. 20.

[75] В. А. Шишкин. Архитектурная декорация дворца в Варахше. ТОВЭ, IV, Л., 1947, стр. 269, 270, табл. XXIV.

[76] В. А. Шишкин. Некоторые итоги археологических работ на городище Варахша (1947—1953 гг.). Тр. ИИА АН УзбССР, VIII, Ташкент, 1956, стр. 16, рис. 8; его же. Варахша. СА, XXIII, 1955, рис. 8; его же. Варахша. М., 1963, стр. 215.

[77] В. А. Шишкин. Варахша. 1963, стр. 216.

[78] В. А. Ранов. Новые наскальные изображения в Кураминском хребте. Тр. АН ТаджССР, XXIX, 1960, стр. 129, 130, рис. 4; его же. Наскальные рисунки у кишлака Лянгар (Западный Памир). Изв. Отд. обществ. наук АН ТаджССР, 1 (22), 1960, стр. 27—31, рис. 6.

[79] А. И. Васильев, с которым в какой-то мере солидаризировался С. П. Толстов, утверждал, что у согдийцев был лишь простой лук (А. И. Васильев. Согдийцы и их вооружение. Тезисы дис. на степень канд. наук, Л., 1936, стр. 3—4).

[80] М. М. Гирс. Бахрам-Гур и невольница. К вопросу о сасанидских традициях в персидском искусстве. ИГАИМК, V, Л., 1927, стр. 361.

[81] В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Ч. II. Сочинения, I, М., 1963, стр. 295.

не менее не исключено, что в словах Фирдоуси — отражение домусульманского времени, ибо, как указывает Т. Нольдеке, военное снаряжение героев Шах-Наме представляется больше относящимся к «сасанидской» эпохе, чем к эпохе, когда жил поэт [82].

В последующее время лук продолжал в Средней Азии совершенствоваться и улучшаться. «Туркестанский лук» (в это понятие включался и его среднеазиатский тип) XIX в., по мнению крупнейшего знатока этого оружия Лушана, был по своей конструкции одним из наиболее совершенных в мире [83]. Как обстояло дело на Востоке за пределами Средней Азии и Ирана?

Сложносоставные луки появились в Сибири очень рано. Для рубежа нашей эры и более позднего времени известны многочисленные находки костяных накладок. Известны костяные обкладки из Монголии (Ноин-Ула) [84], Кореи [85]. Некоторые моменты эволюции южносибирского лука с костяными накладками охарактеризованы А. А. Гавриловой [86]. Раннесредневековые сибирские луки, судя по изображениям на писаницах и особенно на рельефных бляшках из Копенского Чаа-таса [87], имели несколько вариантов, среди них были и такие, которые практически не отличались от «кушано-сасанидских».

В ханьском Китае сложносоставной лук был обычным оружием (рис. 2, *21*, *22*).

Для нашей темы более существенны материалы из Восточного Туркестана. На росписях из Восточного Туркестана имеются луки разных типов [88] (рис. 2, *30*, *34*). В руинах крепости Мазар-Таг А. Стейн обнаружил фрагмент сложносоставного лука, где, помимо деревянных частей, находили применение и волокна сухожилий [89]. В районе Турфана в комплексе, который, по мнению Ф. Бергмана, относится к «аварскому» времени, были обнаружены костяные накладки сложносоставного лука. Особый интерес представляет лук из погребения № 1 в дельте Кум-Дарьи (погребение датируется II—III вв.). Концы кибити состояли из двух деревянных пластинок, двух костяных и одной роговой накладок и сухожилий. Размер пластинок на двух сторонах лука разный — лук был не симметричным. Ф. Бергман прав, считая, что «рога» этого лука должны быть прямыми и что он тесно связан с «сасанидским» типом лука [90].

В Индии в первой половине I тысячелетия, судя по иконографическим материалам, было несколько типов лука: сегментный лук (тип «а» по Авбойер) (рис. 2, *1*), рефлексирующий лук одинарной кривизны (тип «б») (рис. 2, *2—4*) и рефлексирующие двойной кривизны с перехватом в центре (тип «с» — табл. II, 5 и 7). На фресках Аджанты XVII (VI в.) у персонажей, расположенных рядом друг с другом, имеются луки трех указан-

---

[82] Th. Nöldeke. Das iranische Nationalepos. II. Berlin — Leipzig, 1920, стр. 53; А. М. Беленицкий. Древнее изобразительное искусство и «Шахнаме». М., 1960 (XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР), стр. 4, 5.

[83] Von Luschan. Zusammengesetzte und verstarkte Bogen, ZE, 31, Berlin, 1899, стр. 227, 232, 233; F. Luschan. Über den antiken Bogen. Festschrift für Otto Benndorf. Wien, 1898, стр. 191, 192; R. Zeller, E. F. Rohrer. Orientalische Sammlung Henri Moser — Charlottenfels. Bern, 1955, стр. 241—249; 371, 377; табл. LXI, *a*, рис. 238.

[84] С. И. Руденко. Культура гуннов и ноин-улинские курганы. М.— Л., 1962, стр. 25, табл. V, *1—4*.

[85] J. Werner. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München, 1956, стр. 47.

[86] А. А. Гаврилова. Кудыргэ (исследование могильника в связи с историей Алтая VI—XIV вв.). Автореф. канд. дис. М.— Л., 1951, стр. 11, 12.

[87] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951.

[88] A. Grünwedel. Altbuddhistische Kultstätten in Chinesich-Turkistan. Berlin, 1912, рис. 225, 238, 238*b*, 628; A. Le Coq. Bilderatlas zur Kunst and Kulturgeschichte Mittel-Asiens. Berlin, 1925, рис. 107.

[89] A. Stein. Serindia, III, Oxford, 1921, стр. 1292; IV, табл. LI, *M*. Tagh. a. 0017, 0018; A. Stein. Innermost Asia, I, Oxford, 1928, стр. 94; III, табл. VI, *M*. Tagh. 03.

[90] F. Bergman. Archaeological researches, стр. 121—123, рис. 18, *10*, *30*.

ных типов. При этом луки последнего типа были весьма широко распространены [91].

Некоторые сложносоставные луки в Индии, как это видно по изображениям в Аджанте, были очень крупными, даже в натянутом виде по длине достигая $^{9}/_{10}$ человеческого роста [92].

На беграмской слоновой кости четко изображена не только форма, но и конструкция лука. В некоторых случаях подчеркивается изгиб рукояти, характерен трехслойный характер кибити. Внутренняя часть показана или толстой линией, или зачерченной полоской. На одном луке как будто концевые накладки (рис. 2, *23—26*) [93].

Лук Вишны, обозначаемый в текстах на рубеже нашей эры как «роговой», по мнению некоторых ученых должен был быть сложносоставным [94]. На рельефе Баджа, датируемом II в. до н. э., имеется изображение лука двойной кривизны с очень длинной и слабо изогнутой внутрь рукоятью. Концы лука — рога, прямые, отогнуты вперед [95]. Не исключено, что здесь уже имелись костяные накладки; позже луки этого типа были здесь чрезвычайно распространены. По Агни-Пурана, употреблялись луки трех размеров; 1,80, 1,57 и 1,35 *м* [96]. Луки «типа с», причем с четко расходящимися, совершенно прямыми «рогами», есть на гуптских монетах, например, Самудрагупты [97]. Таким образом, луки «центральноазиатского типа» были широко распространены в Индии [98]. Выше уже говорилось о распространении этих луков в Иране в сасанидскую эпоху.

Обратимся к областям, лежащим к западу от Средней Азии. В кургане № 51 Сусловского могильника были найдены костяные обкладки, которые П. С. Рыков правильно определил как части сложносоставного лука [99]. И. В. Синицын, со ссылкой на эту находку, утверждает, что сложносоставной лук в степях Поволжья появился в I—II вв. (а в другой работе — в I в. до н. э.— I в. н. э.) но наиболее широкое распространение получил в позднесарматское время и продолжал бытовать и значительно позже. При этом происходит уменьшение длины лука, количество пластинок-накладок уменьшается сначала до двух концевых (сначала их было четыре) и двух срединных, а в курганах VIII—IX вв. встречаются луки с двумя срединными костяными накладками [100]. Мнение о появлении у сарматов сложносоставного лука на рубеже нашей эры поддерживают и другие исследователи [101].

По отдельным находкам удалось восстановить внешний вид сарматского лука [102]. У сарматов встречались сложные (или усиленные) луки, у ко-

---

[91] J. Auboyer. L'arc..., стр. 179; J. Auboyer. La vie publique et privée dans l'Inde Ancienne. VI, Paris, 1955, стр. 5—20.

[92] Vazdani. Ajanta. Табл. III, Oxford, табл. XXIX, *a*; XXX, a (пещера X).

[93] J. Auboyer. Ia vie privée dans l'Inde Ancienne d'apres les ivories de Begram. MDAFA, XI, Paris, 1954, стр. 71, 105.

[94] M. B. Emeneau. The Composite Bow..., стр. 80—82, 84; C. Sivaramamurti. Amaravati Sculptures in the Madras Government Museum. Madras, 1942. «Bulletin of the Government Museum», Нов. сер., IV, стр. 126, 127.

[95] J. Auboyer. L'arc..., стр. 179, рис. 10.

[96] Там же, стр. 181.

[97] M. B. Emeneau. Ук. соч., рис. 10.

[98] P. K. Gode. Studies in Indian Cultural History, II, Poona, 1960, стр. 66—68.

[99] П. С. Рыков. Сусловский курганный могильник. Саратов, 1925, стр. 10, рис. 13; П. С. Степанов. Изделия из дерева в курганах Сусловского курганного могильника. Там же, стр. 53, 54.

[100] И. В. Синицын. Памятники Нижнего Поволжья скифо-сарматского времени. Тр. СОМК, I, Саратов, 1956, стр. 72—74; его же. Археологические памятники по реке Малый Узень. КСИИМК, XXXII, 1950, стр. 108.

[101] В. П. Шилов. Калиновский курганный могильник..., стр. 496.

[102] И. В. Синицын. Археологические памятники в низовьях реки Иловли. Уч. зап. СГУ, XXXIX, Саратов, 1954, стр. 227—230, рис. 2, *2а*; его же. Памятники..., стр. 72, 73, рис. 44, *1*; П. С. Рыков. Археологические разведки и раскопки в Нижне-Волжском крае, произведенные летом 1928 г. ИНВИК, III, Саратов, 1929, стр. 15, рис. 13.

торых средняя часть была обложена не костяными, а специальными деревянными пластинками [103]. Известны находки костяных обкладок от сложносоставного лука и в Западной Европе на территории Австрии, Венгрии, Германии и даже Шотландии. Древнейшая датированная находка происходит из военного лагеря Обераден в Вестфалии (рубеж нашей эры). Костяные накладки являются обычными в комплексах от римского до аварского времени. Некоторые западноевропейские луки были несимметричными (это связывают, но без достаточного основания, с влиянием гуннского лука) [104].

Следует считать, что в Западную Европу сложносоставной лук попал со вспомогательными лучниками римского войска, которые, в свою очередь, переняли это мощное оружие у парфян [105]. Вновь в Западную Европу сложносоставной лук принесли с собой гунны [106], а также сарматы и аланы, так что история его в Западной Европе была и очень длительной и многоэтапной (она началась отнюдь не с приходом гуннов, как пишут некоторые авторы, а значительно раньше).

* * *

Вопросы эволюции сложносоставного лука на Востоке эпохи древности были рассмотрены А. Ф. Броуном. По мнению Броуна, сложносоставной лук с костяными накладками типа лука из Врзи существовал в Иране уже в ахеменидское время, причем он был занесен сюда из Средней Азии, где первоначально развился. Этот лук существовал в Иране также в эллинистическое время. Парфяне же были вооружены «скифским» луком; он изображен на реверсах парфянских монет, а также на различных произведениях скифского искусства, вазописи, монетах Ольвии и др. Это был маленький лук, в натянутом положении около 75 *см* длиной. Он имел закрученные концы и часто изогнутую рукоять. Концы («рога») и рукоять, прямые или округлые, должны были быть абсолютно негнущимися, а плечи в высшей степени эластичными. На протяжении парфянской эпохи этот тип должен был усовершенствоваться, стать больше и тяжелее. Окончания-«рога» должны были делаться длинными, прямыми или слегка округлыми. В это время продолжали существовать и более старые луки типа Врзи. Наконец, в сасанидское время «скифский» лук в поздней форме окончательно вытеснил тип Врзи [107]. Концепция Броуна прочно вошла в западную литературу. В несколько модернизированном виде она была недавно изложена Мак-Леодом [108].

Концепция Броуна содержит ряд положений, сохранивших свое значение до нашего времени, в частности о распространении в Иране сложносоставного лука с костяными накладками из Средней Азии, о генетической связи «скифского» и «сасанидского» луков. Однако, в свете имеющихся сейчас материалов, в целом ее следует признать устаревшей. Нет никаких данных о распространении в Иране лука с костяными накладками в ахеменидское время. Мнение о появлении в Иране лука типа Врзи в столь раннее время ошибочно. Столь же неверно противопоставление лука типа Врзи и скифского в его позднем «сасанидском» варианте, как

---

[103] И. В. Синицын. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов, 1947, стр. 16, 64, рис. 39.

[104] J. Werner. Bogenfragmente aus Carnuntum und von der unteren Wolga. ESA, VIII, Helsinki, 1932, стр. 33—58; A. Alföldi. Funde aus der Hunnenzeit und ihre ethnische Sonderung. AH, IX, Budapest, 1932, стр. 18—24; K. Stade. Beinplatten zur Bogenverstreifung aus römischen Waffenplätzen. «Germania», 17, Berlin, 1933, стр. 110—114. Несимметричность, по-видимому, была уже у скифских луков (F. Minns. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913, стр. 66) и, судя по монетам,— у парфянских.

[105] A. F. Brown. Ук. соч.

[106] J. Werner. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches..., стр. 47, 48.

[107] A. F. Brown. Ук. соч., стр. 6—9.

[108] W. E. McLeod. An Unpublished Egyptian Composite Bow..., стр. 398.

и утверждение о вытеснении вторым первого. Дело в том, что Броун не распознал, что изданный им лук из Врзи является одной из разновидностей «сасанидского» лука, в его легком варианте (отсюда и неправильная реконструкция этого лука в натянутом виде, рис. 1, *3*).

Для «сасанидского» лука, как явствует из предыдущего обзора иконографических материалов, характерна пятичленная форма: прямая рукоять, резко выступающие вперед круто изогнутые плечи, прямые или слегка вогнутые длинные рога, на памятниках торевтики подчеркнуто резко, на рельефах — менее резко отделенные от плеч.

Как достигалась полная жесткость рогов лука, изображенного на памятниках так называемой сасанидской торевтики? Если прибегать к более поздним аналогиям, можно указать, например, на два лука из Оксфордского музея, описанных Г. Бальфуром. «Рога» этих луков состоят из четырех попарно склеенных деревянных пластинок, с двух сторон наложенных на широкую и тонкую роговую пластинку, узкие продольные ребра которой выходят за переднюю и заднюю поверхность лука [109]. Благодаря этому «рога» должны были быть совершенно лишенными гибкости. Существовала и другая возможность — разное сечение отдельных участков кибити: если резко увеличить толщину «рогов», то они станут негибкими. Именно такой прием использован мастером, изготовлявшим лук из Врзи, причем жесткость «рогов» обеспечивалась также и парными костяными пластинками. Что касается выступающих вперед плеч, то эта особенность могла получаться благодаря тому, что крылья деревянной колодки рукояти (одинарной, как в Карабулаке, составной, как во Врзи) сами несколько выступали вперед. Естественно, что наклеенные на них плечи, специально изогнутые, выступали значительно больше.

Остановимся на некоторых технических моментах проблемы. От формы лука очень сильно зависит энергия, которая при выстреле сообщается стреле. Так, если взять обычный деревянный лук сегментного типа, кибить которого в ненатянутом положении прямая или слегка вогнутая, и другой лук такого же размера и с такой же по конструкции кибитью, но рефлексирующий, в натянутом состоянии дающий обратную дугу, то эффективность этих двух луков будет совершенно различной [110]. В чем причина этого? Дело в том, что энергия натянутого лука равна той работе, которая была утрачена из-за недостаточной эластичности кибити [111]. Естественно, что у рефлексирующего лука она значительно больше. По данным П. Е. Клопстега, если взять два лука одинакового размера, но один простой, сегментного типа, а другой сильно рефлексирующий, с рогами, то при полном натягивании у второго в полтора раза больше энергии, чем у первого, не рефлексирующего. При этом рефлексирующий лук легче натягивается и требует меньше усилий для сохранения в натянутом виде [112].

Следует учесть, что лишь 35—85% энергии натянутого лука передается стреле [113]. Дело в том, что когда тетива опущена, энергия согнутой кибити (своеобразной пружины) через тетиву передается на стрелу, которая получает ускорение, разгоняясь до определенной скорости. В этот момент кибить, тетива и стрела, каждая с различной скоростью, движутся: весь этот комплекс имеет определенную кинетическую энергию. Экспериментально выведена формула $rW = 1{,}5\ (m + K)\ V^2$, где rW — «усвоенная» энергия лука; W — работа при натягивании; r та ее часть, которая

---

[109] H. Balfour. On the Structure and Affinities of the Composite Bow. JAI, London, 1890, стр. 233, табл. VI, *14*. Эти луки считаются в Оксфордском музее «персидскими».

[110] P. E. Klopsteg. Archery, стр. 268, рис. 2.

[111] P. E. Klopsteg. Turkish archery..., стр. 142.

[112] P. E. Klopsteg. Ук. соч., стр. 147.

[113] Там же, стр. 142.

в виде потенциальной энергии остается после выстрела; m — масса стрелы, V — начальная скорость стрелы.

Эта формула позволяет заключить, что у двух луков с одинаковым rW и однаковыми стрелами скорость будет тем больше, чем меньше величина K (масса частей лука, продолжающего двигаться после момента выстрела). Однако уменьшение этой «движущейся массы» ограничивается тем, что именно кибить и тетива являются источником энергии для полета стрелы. Поэтому необходимо добиваться, чтобы движение частей лука в момент выстрела было бы минимальным. В случае, если кибить и тетива в момент выстрела были бы абсолютно неподвижными, эффективность такого лука достигала бы 100%. Известно также, что чем выше значение K, тем больше «отдача» лука, неблагоприятно отражающаяся на прицельности стрельбы [114].

Мы можем сделать два важных вывода для практической оценки достоинств различных конструкций лука.

1. Для начальной скорости стрелы важна энергия лука, работа, затраченная на его натягивание. Следовательно, переход к рефлексирующим сложносоставным лукам был связан с этим моментом.

2. Очень существенно совершенствование конструкции для того, чтобы движущаяся масса в момент выстрела была минимальной. По-видимому, два эти условия наиболее полно воплощены в «сасанидском» луке.

Лук должен удовлетворять двум не совпадающим или даже противоположным требованиям: с одной стороны, он должен быть «вместилищем» максимального количества энергии, с другой — иметь минимальную массу. Лук должен быть в высшей степени эластичным и одновременно — очень сильным. Разные части его испытывают различную нагрузку и выполняют различную работу.

Требования, предъявляемые к луку, не могут быть обеспечены ни одним из существующих природных материалов, необходима их комбинация. Правильное распределение и сочетание различных материалов с различными характеристиками, размер и форма самого лука — все это определяет его эффективность [115]. Следует иметь в виду также и то обстоятельство, что произвольное увеличение размеров лука само по себе не может увеличить его эффективность. При увеличении длины деревянной кибити (при постоянном сечении) ее жесткость уменьшается пропорционально длине. Увеличение сечения способствует увеличению жесткости, но, с другой стороны, имеет пределы в связи с необходимостью сохранить возможность сжатия и растяжения. Увеличение длины, равно как и сечения, ведет к росту массы, что является нежелательным, так как приводит к падению эффективности.

Обратимся к стрелам. Из данных теории и экспериментов [116] можно сделать следующие выводы:

1. Если бы не трение, максимальную дальность имел бы полет самой легкой стрелы.

2. Так как трение существует, стрела должна обладать определенной, хотя и не очень значительной массой, которая служила бы «резервуаром энергии» и сводила бы до минимума процесс замедления.

3. Если массу стрелы увеличить слишком сильно, начальная скорость упадет настолько, что дистанция уменьшится.

4. Следовательно, для каждого лука существует оптимальная масса стрелы; увеличение или уменьшение ее одинаково приводит к сокращению дальности стрельбы.

Развитие лука и стрелы является не только взаимосвязанным, но и фактически единым процессом. Цель введения новшеств и улучшений в

[114] P. E. Klopsteg. Archery, стр. 268, 269, рис. 4.
[115] P. E. Klopsteg. Turkish archery..., стр. 153—156.
[116] Там же, стр. 148—149; E. Mylius. Die Theorie des Bogenschiessens. «Archiv für Anthropologie», III, Braunschweig, 1905, стр. 224, 225.

конструкцию и форму лука заключается в том, чтобы обеспечить стрельбу из него такими стрелами, которые имели бы максимальную дальность полета, наилучшую прицельность и самую большую пробивную силу. Система «лук — стрела» в процессе своей работы должна была обеспечить выполнение этих условий. Это было тем более важно, что непрерывно происходило развитие оборонительного доспеха. При этом носителем эффективности являлась стрела. На первый взгляд, проще всего было бы усилить ее, увеличив размер и вес наконечника, дабы сделать его более массивным. Однако, как указывалось выше, вопрос значительно сложнее. Существуют, кроме того, оптимальные соотношения между наконечником (его длиной и массой) и древком стрелы.

Разумеется, научная теория стрельбы не была известна древним народам, но в процессе длительных экспериментов они находили оптимальные или близкие к оптимальным решения. Успехи в развитии стрелкового оружия, достигнутые в Средней Азии, сыграли важную роль в усилении военного потенциала древних среднеазиатских народов.

Основные этапы развития сложносоставного лука в Средней Азии можно охарактеризовать следующим образом:

1. О древнейших сложносоставных луках (конец II — первые столетия I тысячелетия до н. э.) Средней Азии наука не располагает никакими данными. Не исключено, что в Средней Азии, как в западном Иране и в древней Месопотамии и более западных странах, был «угловатый» сложносоставной лук.

2. По-видимому, в VII—VI вв. до н. э. в Средней Азии распространяется сложносоставной лук скифского типа, хотя наряду с ним продолжали существовать и другие типы сложносоставного лука, а также и сегментный лук — простой и усиленный. Четко выраженная рукоять-перехват скифских луков значительно повысила его боевые качества, ибо в нем вместо одной длинной пружины сегментных луков стали действовать две, а вместе с рукоятью — три более короткие пружины, что позволяло сделать их более жесткими и упругими.

3. Лук скифского типа — мощный рефлексирующий лук. Работа, потраченная на натягивание таких луков, и, соответственно, энергия, сообщенная стреле, была значительно выше, чем у простых сегментных и, по-видимому, у древневосточных «угловатых» луков. Создание лука скифского типа явилось громадным шагом вперед.

4. В Средней Азии очень рано появилось защитное вооружение. Конский защитный доспех, оборонительный доспех пехотинца — все это совершенствовалось и развивалось во второй половине I тысячелетия до н. э. Это порождало, в свою очередь, поиски увеличения эффективности наступательного оружия, в частности лука. Эти поиски велись как в отношении совершенствования формы, применения новых материалов (в том числе и костяных пластин), так и по линии увеличения размеров. Последний путь не мог быть успешным, так как снижал эластичность каждой из трех «пружин», приводил к быстрой деформации формы и уменьшению рефлексии, а также к увеличению движущейся в момент выстрела массы и в конечном счете — не к росту, а к падению рефлексии.

5. Выход был найден, когда через гуннов в III—II вв. до н. э. юэчжам, а затем усуням и другим среднеазиатским народам стал известен сибирский лук с костяными накладками. Именно тогда (на базе скифского лука) родилась новая конструкция лука, в котором сочетались: прямая или выгнутая рукоять, почти лишенная гибкости, короткие и массивные, но очень упругие, особенно у основания, весьма сильно рефлексирующие плечи; длинные жесткие «рога» — своеобразные рычаги, усиливающие рефлексию.

В Средней Азии этот тип окончательно сформировался уже в I в. до н. э.— I в. н. э. В совершенно сложившемся виде он представлен на монетах Хувишки (II или III в.). Следовательно, лук «сасанидского» типа

появился задолго до сасанидов, скорее всего на территории кушанского государства и почти сразу же проник в Парфию (о последнем свидетельствуют находки во Врзи и некоторые иконографические материалы).

Можно поставить вопрос, в какой части обширного кушанского государства возник этот наиболее совершенный лук древности. Индия могла внести свою долю участия в сложение этого типа лука, тем более, что существовавшие там уже во II—I вв. до н. э. формы лука могли сыграть роль одного из прототипов (типа лука, изображенного в Баджа). Однако характерно, что в изобразительном искусстве Индии, по данным Ж. Обуайе, лук типично «сасанидского» типа встречается лишь однажды — в Bagh (VI в).[117], тогда как луки других типов повторяются и варьируют бесконечное число раз. По-видимому, лук «сасанидского» типа появился именно в Средней Азии и получил классически завершенные формы уже в первые века нашей эры.

Этот лук генетически связан с луком скифского типа (как подметил уже Броун), он создавался под воздействием центральноазиатских луков и, может быть, не без влияния индийских образцов.

6. Окончательно сложившийся на широкой территории на рубеже и в первые века нашей эры поздний вариант лука «центральноазиатского» типа имел, по-видимому, несколько разновидностей, в том числе возникший в Средней Азии так называемый «сасанидский» лук, который точнее было бы назвать «кушано-сасанидским». Поздний вариант центральноазиатского лука с его костяными накладками характерной формы быстро распространился на огромных пространствах Евразии от Кореи до Шотландии.

7. Лук «кушано-сасанидского» типа был, в отличие от трехчастного скифского, пятичастным — в нем действовало как бы пять пружин различного размера, формы, жесткости и эластичности, объединенных в одно целое.

Экспериментально доказано (Клопстег), что сложносоставные луки «кушано-сасанидского» типа с «рогами» значительно эффективнее луков «скифского» типа. Сами «рога» являются весьма упругими, и их натягивание требует большой дополнительной энергии[118]. Их применение, кроме того, значительно уменьшает длину тетивы и, соответственно, расход энергии на вибрацию тетивы. Великолепная комбинация материалов, употреблявшихся при изготовлении таких луков, как признают специалисты по механике, обеспечивала замечательное сочетание жесткости и эластичности при небольшой массе. К тому же, как следует полагать, конструкция была настолько совершенной, что масса частей лука, продолжавшая двигаться в момент выстрела, была очень небольшой и, соответственно, коэффициент полезного действия был максимальным.

8. Идея конструкции, воплощенная в «кушано-сасанидском» луке, была оптимальной. Это способствовало ее сохранению и дальнейшему развитию на Востоке на протяжении двух тысячелетий.

---

[117] J. Auboyer, L'arc..., стр. 175—179.

[118] На это указывал уже Э. Ленц (Э. Ленц. Опись собрания оружия графа С. Д. Шереметева, СПб., 1895, стр. 50).

Г. Ф. НИКИТИНА

КЛАССИФИКАЦИЯ ЛЕПНОЙ КЕРАМИКИ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Лепная керамика черняховской культуры в последнее время приобретает значение важного источника при решении вопросов происхождения этой культуры. И действительно, если круговая керамика этой культуры сравнительно однородна и свидетельствует о достаточно высоком развитии гончарного ремесла в это время и работе гончаров на широкий рынок, то лепная керамика, домашнее изготовление которой не оспаривается исследователями, дает возможность проследить древние культурные традиции керамического производства.

Со времени первых открытий и раскопок памятников черняховской культуры прошло более шестидесяти лет, и тем не менее до сравнительно недавнего времени лепная керамика не только не изучалась, но практически не была известна. В научной литературе сложилось мнение, что керамическое производство черняховской культуры характеризуется только гончарной посудой. Какое-то необъяснимое, удивительное невнимание первых исследователей породило это заблуждение. В первых публикациях В. В. Хвойка, касаясь керамического материала, описывает лишь «изящную» гончарную посуду. Полевые материалы тех лет теперь разрознены и трудно сводимы, однако нигде и никогда автор раскопок не только не упоминает о лепной посуде на памятниках черняховского типа [1], но даже подчеркивает: «...главный инвентарь составляют глиняные сосуды, различные по величине и форме, всегда сделанные на кругу» [2]. Трудно сейчас восстановить, действительно ли при раскопках 253 могильных комплексов Черняховского могильника В. В. Хвойка не встретил ни одного лепного сосуда. Во всяком случае раскопки Э. А. Симоновича в Черняхове в 1962 г. показали, что на этом могильнике есть лепная посуда [3].

В публикациях 20-х гг., посвященных раскопкам памятников черняховского типа, также не содержится сведений о лепной керамике (хотя С. С. Гамченко, копая Масловский могильник, держал лепные сосуды в руках [4]). Все эти обстоятельства, а также раскопки на уровне современной методики могильников в Переяславле-Хмельницком и Лохвице, не давшие лепной посуды, убедили многих археологов в том, что лепная керамика характерна не для всех районов черняховской культуры [5].

[1] В. В. Хвойка. Поля погребений в Среднем Приднепровьи. ЗРАО, нов. сер., XII, СПб., 1901.

[2] В. В. Хвойка. Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена. Киев, 1913, стр. 46.

[3] Э. А. Симонович. Отчет о полевых раскопках за 1962 г. Архив ИА АН СССР, дело Р-1, № 2630.

[4] Г. Ф. Никитина. Лепная керамика Масловского могильника. СА, 1964, 4.

[5] И. И. Ляпушкин. Памятники культуры «полей погребений» первой половины I тысячелетия н. э. днепровского лесостепного Левобережья. СА, XIII, 1950,

В научный обиход лепная керамика была введена сравнительно недавно — после раскопок могильников на Нижнем Днепре, давших хорошую коллекцию лепной посуды. Однако все существующие ныне попытки классифицировать лепную керамику могут рассматриваться лишь как предварительные [6]. Они неизбежно не полны и схематичны, поскольку в них рассматривается керамика лишь отдельных районов культуры. Раскопки могильников и поселений черняховской культуры в последние годы позволяют обобщить и более точно классифицировать лепную керамику.

Карта памятников черняховской культуры, составленная Е. В. Махно [7], включает территорию от верховьев Северного Донца на востоке до Прикарпатья на западе. По ее данным, северная граница проходит приблизительно по линии Сумы — Киев — Житомир — Ровно — Луцк; южная — по линии Харьков — Полтава — Кировоград — Кишинев. Исследования последних лет убедительно показали, что и на Нижнем Днепре от Днепропетровска вплоть до Херсона располагаются памятники, типичные для черняховской культуры.

Памятники в низовьях рек Ингулец, Южный Буг и Днестр, по мнению многих исследователей, принадлежат к черняховской культуре. Однако материальная культура населения, оставившего памятники этого района, весьма своеобразна, и потому причисление их к черняховской культуре, по нашему мнению, требует еще специального изучения и особых доказательств. Нельзя не учитывать и того факта, что район этот не только значительно удален от основной территории распространения культуры, но и отделен от нее степными просторами, где памятники черняховской культуры неизвестны. Весьма возможно, что некоторые памятники в этом районе оставлены носителями черняховской культуры, однако ввиду слабой изученности этого района и большой трудности в хронологической дифференциации памятников лепная керамика этой территории специальному исследованию не была подвергнута.

Весьма скудны наши знания о памятниках черняховской культуры Днепровского Левобережья. Здесь на огромной территории, занятой памятниками черняховской культуры, предпринимались раскопки на четырех могильниках, причем лепную керамику дает лишь один раскапываемый в настоящее время могильник у с. Компанийцы.

Еще менее изучена территория распространения памятников черняховской культуры на севере. По карте Е. В. Махно самой северной является группа памятников Сумской области в верховьях р. Сулы. Здесь известно семь поселений. Все семь обследованы лишь разведками, тем не менее эти памятники объединяет одна и та же особенность. Как следует из описаний, на всех поселениях наряду с типичной серой круговой черняховской керамикой встречается лепная посуда, украшенная косыми насечками и пальцевыми вдавлениями по краю венчика. Лепная керамика с такой же орнаментацией венчика обнаружена при раскопках единственного в этом районе поселения у с. Коровинцы, где она составляет 20% всего керамического материала. Неоднократные находки лепной керамики с подобной орнаментацией (не характерной для черняховской культуры) на памятниках верховьев Сулы дают основание думать о закономерности ее распространения в этом районе и об известном своеобразии этих памятников. Сейчас посульская группа уже не являет-

---

стр. 11; М. А. Тиханова. О локальных вариантах черняховской культуры. СА, 1957, 4, стр. 172.

[6] Э. А. Сымонович. Лепная посуда памятников черняховской культуры Нижнего Днепра. КСИИМК, 68, 1957; В. Д. Баран. До питання про ліпну кераміку культури полів поховань черняхівського типу у межиріччи Дністра і Західного Бугу. МДАПВ, 3, Київ, 1961.

[7] Е. В. Махно. Памятники черняховской культуры на территории УССР. МИА, 82, 1960.

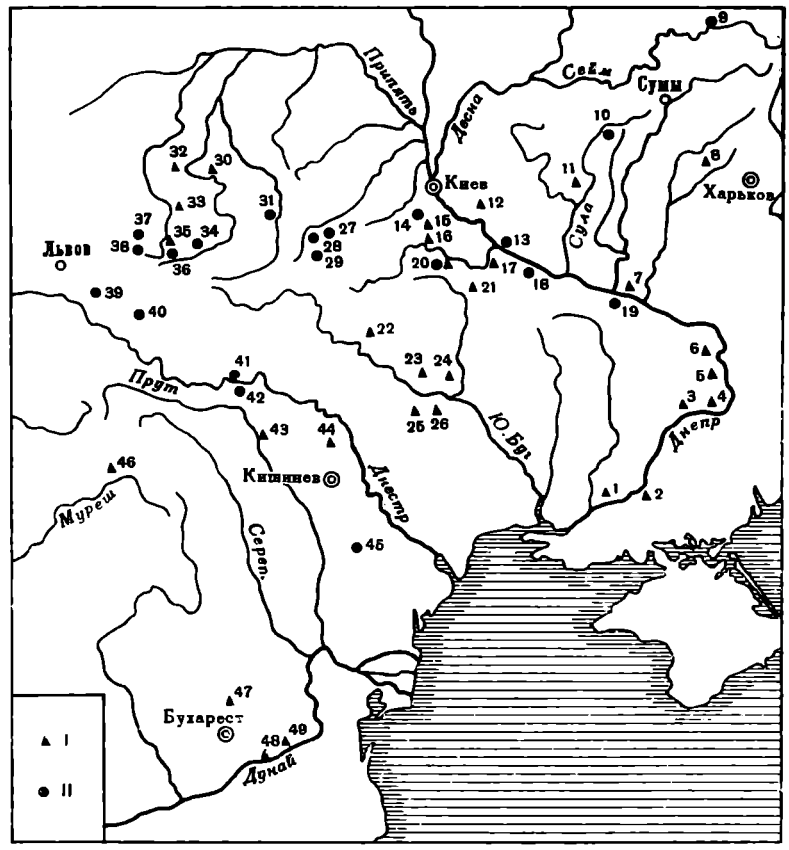


Рис. 1. Географическое размещение черняховских памятников:

I — могильник; *II* — поселение
(*1* — Гавриловка; *2* — Каменка; *3* — Привольное; *4* — Ново-Александровка; *5* — Федоровка; *6* — Волошское; *7* — Компанийцы; *8* — Кантемировка; *9* — Авдеевка; *10* — Коровинцы; *11* — Лохвицы; *12* — Переяслав-Хмельницкий; *13* — Ново-Липовское; *14* — Жуковцы; *15* — Черняхов; *16* — Ромашки; *17* — Завадовка; *18* — Ломоватое; *19* — Успенка; *20* — Журавка; *21* — Маслово; *22* — Косаново; *23* — Рыжевка; *24* — Данилова Балка; *25* — Кринички; *26* — Заплазы; *27* — Пряжев; *28* — Слободищи; *29* — Маркуши; *30* — Раковец-Чесновский; *31* — Иванковцы; *32* — Деревянное; *33* — Дитиничи; *34* — Лепесовка; *35* — Рудка; *36* — Викнины Великие; *37* — Рипнив; *38* — Неслухов; *39* — Черепин; *40* — Сухостав; *41* — Лука-Врублевецкая; *42* — Комаров; *43* — Малаешты; *44* — Будешты; *45* — Комрат; *46* — Сынтана-де-Муреш; *47* — Тыргшор; *48* — Спанцов; *49* — Индепенданца)

ся самой северной. Находки черняховской круговой керамики отмечены значительно дальше на север, вплоть до верховьев Сейма. Самым северным раскопанным памятником с серой гончарной керамикой черняховского типа является поселение у с. Авдеевка [8], однако причисление этого поселения к черняховской культуре и на основании этого продвижение северной границы далеко на север, на наш взгляд, пока преждевременно. Именно Авдеевское поселение убеждает нас в большой сложности культурных напластований в этом районе.

Волынская группа памятников давно привлекает особое внимание исследователей. Относительно этих памятников существует два резко противоположных мнения. Одни исследователи рассматривают Волынь как локальную группу огромного черняховского массива [9]; другие — считают возможным выделить волынскую группу памятников как группу, своеобразную в культурном отношении [10]. В этой связи изучение лепной керамики этого района приобретает особое значение.

---

[8] А. Е. Алихова. Авдеевское селище и могильник. МИА, 108, 1963.
[9] М. А. Тиханова. Ук. соч., стр. 190—192.
[10] См. материалы заседания скифо-сарматского сектора ИА АН СССР от 25 января 1963 г.

В настоящее время на территории Украины в той или иной мере раскопано свыше сорока памятников, зафиксированных на прилагаемой карте (рис. 1). Лепная керамика всех этих памятников легла в основу нашей классификации.

* * *

Вся лепная керамика независимо от формы сосудов по характеру обработки поверхности четко делится на четыре группы.

1. Керамика с шероховатой поверхностью, у которой примеси слегка выступают на поверхности. После формовки поверхность такой посуды дополнительной обработке не подвергалась.

2. Керамика с нарочито ошершавленной поверхностью. Как правило, горшки с нарочито ошершавленной поверхностью под венчиком и у самого края дна имеют хорошо заглаженную, чаще отлощенную поверхность, а ошершавленная часть обычно опоясывает сосуды ниже плечиков. Такая фактура достигалась путем нанесения на поверхность разжиженной глины с большим количеством примесей.

3. Наиболее распространенный прием обработки поверхности лепных сосудов — заглаживание, которое достигалось нанесением на поверхность сосуда тонкого слоя глины без примеси с последующим сглаживанием. При небрежной обработке оставались следы от заглаживания, которое производилось пучком травы или щепочкой. Гладкой поверхности, как правило, не достигали, и она оставалась бугорковатой и неровной.

4. Наименее многочисленная группа лепной керамики имеет лощеную поверхность.

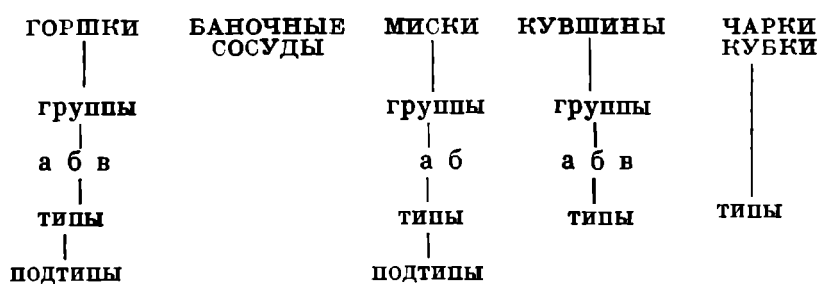
Рассматривая лепную посуду с точки зрения формы, мы выделяем в ней следующие категории: I — горшки; II — сосуды баночной формы; III — миски; IV — кувшины; V — чарки, кубки.

Классификация лепной керамики памятников черняховского типа хорошо укладывается в несложную схему: категория делится на группы посуды с постоянными отличительными признаками;

группа в свою очередь делится на типы, отличающиеся различными признаками, описанными в каждом конкретном случае.

Этот принцип классификации лепной черняховской посуды может быть представлен следующей схемой:

КАТЕГОРИИ ПОСУДЫ



I. ГОРШКИ

Горшки — самая распространенная форма посуды на памятниках черняховской культуры. Это — округлые сосуды вытянутых форм, отвечающие пропорциям, при которых высота (h), как правило, больше или равна наибольшему диаметру сосуда (D_1), реже высота чуть меньше D_1. При последнем условии допустимое колебание разницы между D_1 и h не должно превышать 1,4, так как сосуды, у которых высота в 1,5 раза меньше D_1, должны быть отнесены к категории мисок [11]. При этом для

[11] Вся лепная керамика исследуемых памятников, находившаяся в нашем распоряжении (в общей сложности свыше 250 целых сосудов), была обмерена и определены пропорции сосудов. Следует пояснить, что используемые в работе соотношения

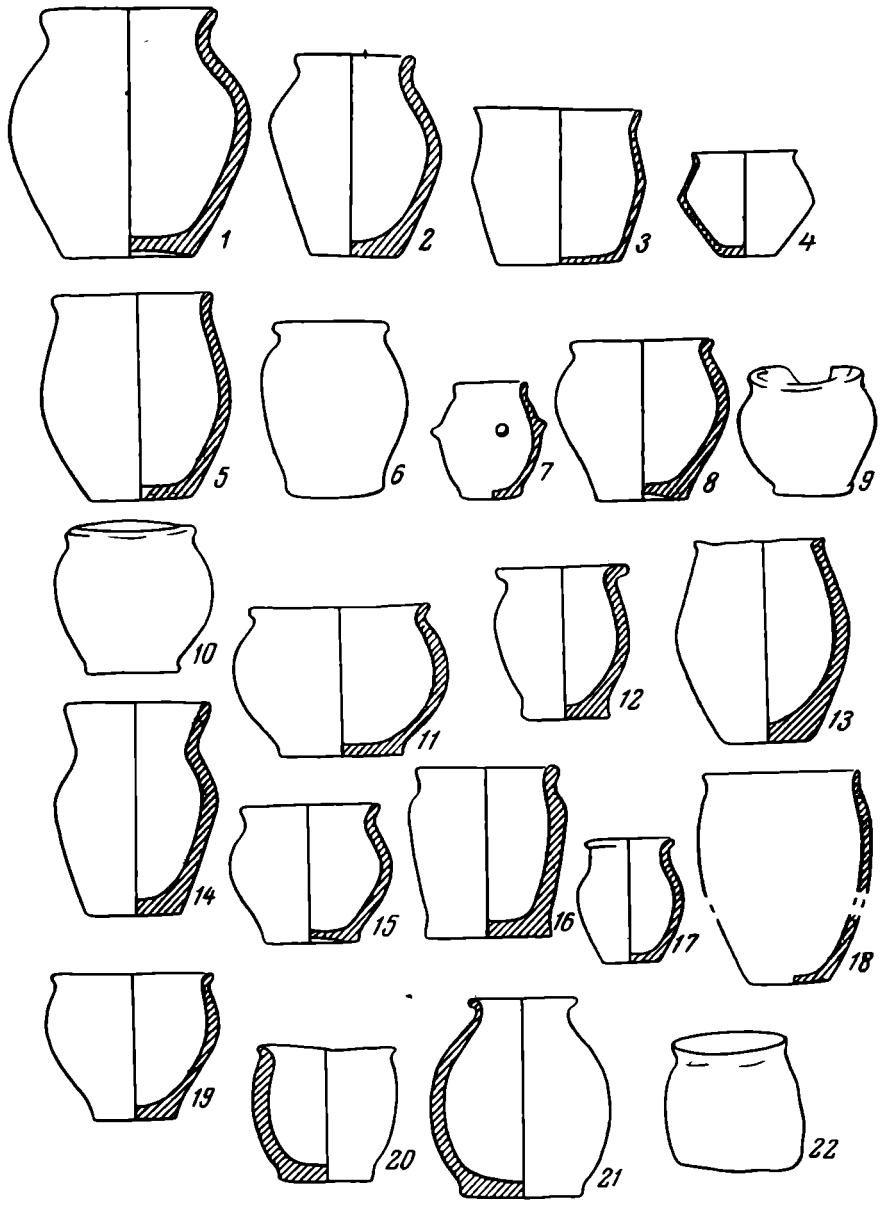


Рис. 2. Лепная посуда черняховской культуры. Типы горшков:

1, 8, 11, 12, 15, 19 — Гавриловка; *2, 9, 10, 13, 22* — Будешты; *3, 5, 17* — Каменка; *4* — Успенка; *6, 16* — Сынтана-де-Муреш; *7* — Индепенданца; *14* — Привольное; *18* — Черепин; *20* — Малаешты; *21* — Рипнив

приземистых сосудов непременно условие, при котором диаметр венчика (D) должен быть меньше наибольшего диаметра тулова (D_1). Обычно средняя высота горшков равна 10—12 *см*. Употреблялись они для варки пищи. На памятниках встречаются горшочки очень маленьких размеров, которые либо употреблялись для ритуальных целей, либо использовались для специальных надобностей. На поселениях встречаются также сосуды очень больших размеров, у которых диаметр венчика превышает 20—30 *см*. Такие сосуды скорее всего употреблялись для хранения запасов.

Все известные на памятниках черняховской культуры горшки по строению венчика делятся на три группы: а — группа горшков с отогнутым венчиком; б — группа горшков с прямым венчиком; в — группа горшков с вогнутым венчиком.

выражены не в абсолютных величинах, а в отношении к высоте сосуда, размеры которого приняты за единицу. Измерялись: диаметр венчика — D; диаметр наибольшего расширения тулова — D_1; диаметр дна — d; высота сосуда — h; h — принято за единицу, следовательно соотношение пропорций у горшка выражается так: $d : h : D : D_1$ или 0,5 : 1 : 0,7 : 1.

а) Горшки с отогнутым венчиком. Группа горшков с отогнутым венчиком наиболее многочисленна на памятниках черняховской культуры и наиболее многообразна по формам. В этой группе выделяются горшки следующих типов.

Тип 1 составляют горшки с четко профилированными формами ($h \geqslant D_1$), с хорошо выраженной шейкой и округлым туловом. Донья сравнительно узкие, чаще плоские, хотя встречаются слегка вогнутые или на невысоких поддонах. Этот тип лепной посуды близок по форме горшкам гончарного производства. Они известны в могильниках у сел Гавриловка, Ново-Александровка, Компанийцы, Косаново, Маслово, Будешты и Малаешты (рис. 2, *1*).

Тип 2 образуют горшки, близкие по формам гончарной посуде, но имеющие более вытянутые пропорции. Высота горшков превышает наибольший диаметр тулова. Горшки этого типа известны в могильниках Гавриловка, Каменка, Привольное, Косаново, Будешты и Малаешты (рис. 2, *2*).

Тип 3 включает горшки, по пропорциям близкие горшкам типа 1 ($h = D_1$), но их отличает характерная особенность, выраженная в остроребернности тулова. Известны такие горшки в могильниках у сел Компанийцы и Косаново.

В качестве подтипа в этом типе выделены открытые горшки более приземистых пропорций ($h < D_1$; $D = D_1$). По пропорциям эти сосуды приближаются к сосудам, занимающим промежуточное положение между открытым горшком и глубокой миской. Однако общий облик и формальное соотношение пропорций вынуждают отнести эту форму именно к категории горшков, а по признаку остроребернности эта группа сосудов должна быть отнесена к данному типу. Известны такие горшки на могильнике в Компанийцах и на поселении в Успенке. К этому типу по своим формальным признакам должен быть отнесен горшок из могильника в Каменке (рис. 2, *3, 4*). Однако следует отметить, что горшки подобной формы не встречены ни на одном из памятников черняховской культуры. Не удалось пока установить, является ли эта форма отражением влияний соседствующих с черняховцами племен. Прежде всего была проверена версия сарматского влияния, поскольку в районе расположения Каменского могильника сарматское население было ближайшим к черняховскому. Однако для сарматской керамики ни форма, ни пропорции рассматриваемого горшка не характерны. Нельзя согласиться и с интерпретацией этой формы автором раскопок, который сблизил ее с горшками позднеантичных памятников [12].

Тип 4, подтип 1 образуют горшки с мягким округлым профилем и слабо выраженной шейкой ($h > D_1$). Горшки подобного профиля известны в могильниках сел Гавриловка, Компанийцы, Кринички, Будешты, поселениях в Рипниве и Луке-Врублевецкой (рис. 2, *5*).

Разновидностью типа 4 являются горшки, имеющие некоторые характерные детали, свойственные только керамике Молдавии и Румынии; они выделяются нами в подтипы.

Подтип 2. Горшки эти характеризуются вытянутой преддонной частью. Подобные горшки известны в могильниках Румынии (Сынтанаде-Муреш и Пьетр-Бырлад) и в Молдавии (Малаешты) (рис. 2, *6*).

Подтип 3 характеризуется наличием поддона, а также украшением на тулове в виде конических выступов-упоров (рис. 2, *7*). Подобные выступы не характерны для горшков черняховских памятников, тогда как в гетской керамике эта деталь весьма распространена. Таким образом, особенности обоих подтипов генетически связываются с гетской керамикой предшествующего периода.

---

[12] Э. А. Сымонович. Лепная посуда..., стр. 15.

Тип 5 составляют горшки приземистых пропорций ($D \geqslant h$). Различия в формах позволяют выделить следующие подтипы.

Подтип 1. Сюда включены горшки с коротким, округлым венчиком, сравнительно широкого диаметра и узким дном. Дно — плоское или на невысоком плитчатом поддоне. D_1 находится выше середины высоты сосуда. Такие горшки известны в могильниках Гавриловка, Каменка, Компанийцы, Будешты и на поселении в Черепине (рис. 2, *8*, *9*).

Подтип 2 составляют горшки тех же пропорций, но с равномерно раздутым туловом. Два таких горшка известны в могильниках Компанийцы и Будешты (рис. 2, *10*).

Тип 6 включает горшки приземистых пропорций ($D_1 > h$) с сильно раздутой средней частью тулова. В этом типе выделяется два подтипа.

Подтип 1. Горшки, у которых $D_1 > h$, а диаметры венчиков приблизительно одинаковы. Горшки подобной формы известны в могильнике у с. Компанийцы.

Подтип 2. Еще более приземистые широкие горшки (D_1 значительно больше h). Горшки этого подтипа известны в могильниках Гавриловка и Будешты (рис. 2, *11*).

Тип 7 составляют горшки с характерным горизонтально отогнутым венчиком и дном на плитчатом поддоне. Известны такие горшки в Гавриловке и в Черняхове (рис. 2, *12*).

Тип 8. Горшки этого типа имеют характерное биконическое тулово и очень короткий резко отогнутый венчик в виде козырька. В этом типе различаются два подтипа: горшки вытянутых пропорций и горшки приземистые и широкие. Известны они в Компанийцах, Журавке и Косаново. К третьему подтипу отнесены горшки с биконическим туловом удлиненных пропорций, с подчеркнутым изломом тулова (D_1 находится на половине высоты сосуда). Эта форма найдена в Журавке, Будештах и Рипниве (рис. 2, *13*).

Тип 9 составляют горшки вытянутых пропорций с высоким венчиком в виде раструба. Известны такие горшки в Привольном и на поселении у с. Ломоватое (рис. 2, *14*). В качестве подтипа этого типа мы выделяем горшки с хорошо выраженным биконическим туловом и высоким венчиком тоже в виде раструба. От горшков предыдуего подтипа характеризуемые горшки отличаются иными пропорциями. Они более приземисты, с широким туловом и имеют сравнительно небольшой диаметр венчика и горла. Такой сосуд найден на поселении в Журавке. К третьему подтипу относятся горшки приземистых пропорций со сравнительно широким округлым туловом и венчиком в виде раструба, но более коротким, чем у сосудов вышеописанных подтипов. Такой сосуд известен в могильнике у с. Гавриловка (рис. 2, *15*).

Тип 10 образуют горшки сильно вытянутых пропорций с овальным туловом. У венчика и дна сосуд имеет цилиндрическую форму. Сосуды такого вида известны в могильнике у с. Компанийцы и на поселении в Ломоватом.

Тип 11. В него входят горшки с равномерно раздутым туловом на плитчатом поддоне. Такие сосуды известны только в западных областях черняховской культуры. Они часто встречаются на поселениях Комаров, Черепин и в Румынии — Сынтана-де-Муреш, Спанцов, Тыргшор (рис. 2, *16*).

Тип 12. Характерной особенностью горшков этого типа является хорошо выраженное цилиндрическое горло.

Подтип 1 составляют горшки с широким шаровидным туловом, коротким цилиндрическим горлом и отогнутым венчиком. Подобные сосуды известны в могильниках Компанийцы и Журавка.

Подтип 2 включает горшки удлиненных пропорций с овальным по форме туловом и вытянутым горлом. Такие горшки известны на могильниках в Каменке и Привольном (рис. 2, *17*).

Подтип выделен по фрагменту горшка с поселения в Пряжеве. Для этой формы характерен четкий граненный венчик и остроребериое тулово.

Тип 13 составляют горшки вытянутой тюльпановидной формы с относительно узким дном и широким верхним отверстием, равным наибольшему диаметру тулова. Горшки такой формы известны в могильниках Компанийцы и Косаново и на поселениях в Комарове и Черепине (рис. 2, *18*).

Тип 14 включает открытые горшки стройных пропорций с узким дном и диаметром венчика, равным высоте и наибольшему диаметру тулова. Разновидностью этого типа являются горшки более широких пропорций. Они выделены нами в особый подтип. Горшок первого подтипа известен в Гавриловке (рис. 2, *19*), горшок второго подтипа — в Косанове.

Тип 15 составляют открытые горшки с шаровидным туловом, узким дном на плитчатом поддоне и венчиком с косо срезанным во внутрь краем. Такие горшки известны в могильниках Молдавии (Малаешты и Будешты; рис. 2, *20*).

Тип 16. Горшок с шаровидным туловом, широким дном на плитчатом поддоне и непропорционально узким горлом. Форма уникальная и известна только на черняховском поселении в Рипниве (рис. 2, *21*).

Тип 17 образуют горшки грубой лепки с асимметрично расширяющимся ко дну туловом, широким плоским дном и резко отогнутым венчиком. Горшки подобной формы известны в могильниках Будешты и Малаешты, а также в Румынии (Сынтана-де-Муреш; рис. 2, *22*).

Тип 18. К этому типу относится горшок своеобразной формы, встреченный на памятниках черняховской культуры только один раз. Это сосудик, составленный из двух горшочков правильной формы, соединенных стенками и ручкой в виде скобы, перекинутой с одного горшочка на другой.

б) Горшки с прямым венчиком. *Тип 1*. Подтип 1 включает горшки с коротким прямым венчиком, крутыми под прямым углом расширяющимися плечиками и яйцевидным туловом, причем наибольший диаметр тулова равен высоте, а венчик так короток, что составляет всего $^1/_{14}$ высоты сосуда. Такой сосуд известен в могильнике у с. Компанийцы.

Подтип 2. Горшки имеют более вытянутый венчик и менее крутые плечики. Наибольший диаметр тулова у таких сосудов всегда расположен в верхней части сосуда. Горшки подобной формы известны в Гавриловке, Косанове и в Будештах (рис. 3, *2*).

Тип 2. В этот тип выделены горшки с прямым венчиком, вытянутым туловом и некрутыми плечиками. Горшки этого типа часто близки по форме горшкам с отогнутым венчиком. Известны они в Компанийцах, Малаештах, Будештах, Рипниве, Сухоставе и Комарове (рис. 3, *1*).

Тип 3. В него входят открытые горшки приземистых пропорций, с небольшим коротким венчиком и шаровидным туловом. Известны такие сосуды в Каменке и Будештах (рис. 3, *3*).

В качестве подтипа выделены горшки грушевидной формы, близкие по пропорциям горшкам предыдущего подтипа, но с более вытянутым венчиком. Такие сосуды известны в могильнике у с. Компанийцы и на поселении в Журавке.

в) Горшки с вогнутым венчиком. *Тип 1* составляют открытые горшки приземистых пропорций, по форме напоминающие современные чугунки́. Такие сосуды известны в Черняховском могильнике, в Привольном, Косанове, а также на поселении у с. Слободищи (рис. 3, *6*).

Тип 2 представлен горшками с шаровидным туловом и широким дном. Некоторые различия в пропорциях дают возможность выделить в этом типе горшки двух подтипов.

Подтип 1 включает горшки относительно стройных пропорций, у которых соблюдены следующие отношения: $D_1 > h$; D в 1,5 раза $> d$, но

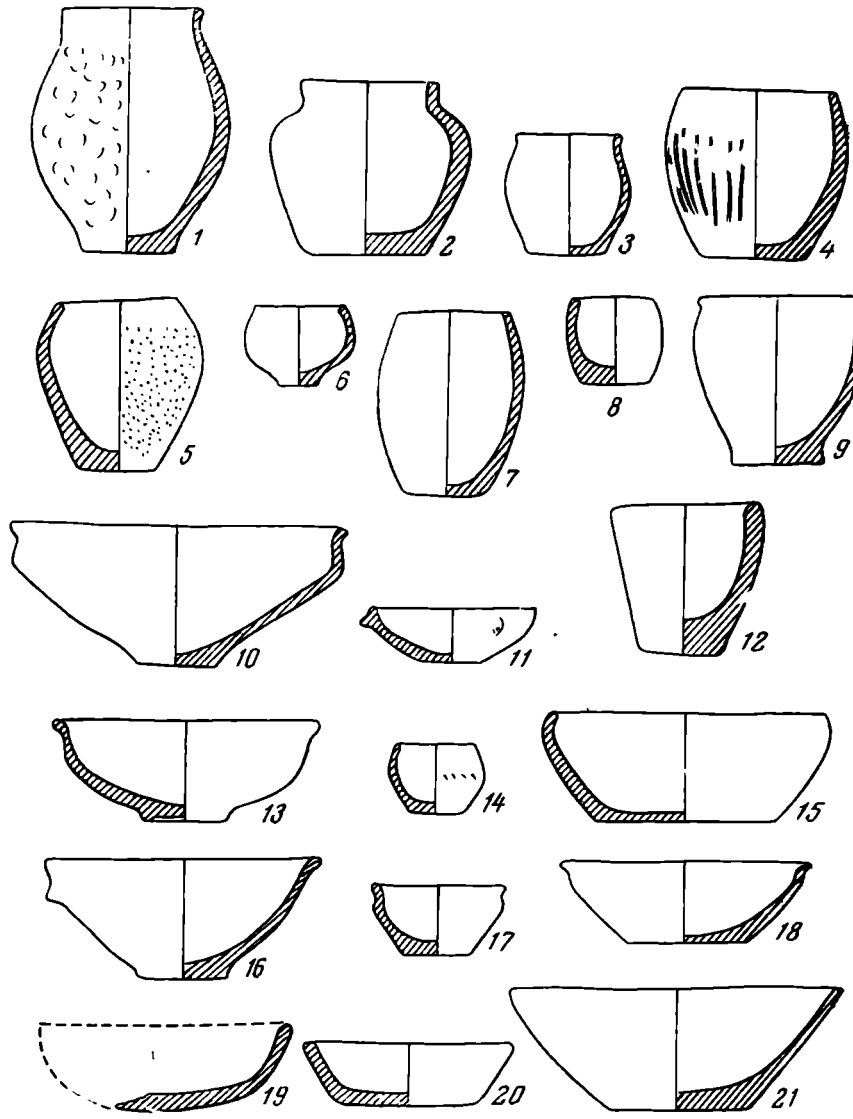


Рис. 3. Лепная посуда черняховской культуры. Типы горшков и мисок:

1, 6, 16, 21 — Привольное; *2, 3, 7, 9, 12* — Будешты; *4, 10, 18* — Гавриловка; *5* — Никольское; *8, 17* — Волошское; *11* — Маслово; *13* — Каменка; *14* — Ново-Александровка; *15* — Пряжев; *19* — Маслово; *20* — Рипнив

$D < h$. Горшки подобной формы известны в Компанийцах, Гавриловке, Волошском и Будештах (рис. 3, *4*).

Подтип 2 характеризуется тем, что у горшков $D = h$, а d в 1,5 раза меньше D; $D_1 > h$. Они известны в могильниках Завадовка, Волошское, Косаново и Будешты (рис. 3, *8*).

Тип 3. Горшки вытянутых пропорций.

Подтип 1 образуют вытянутые горшки стройных пропорций с хорошо выраженной биконической формой тулова и узким дном. Наибольшее расширение тулова всегда выше середины высоты сосуда. Такие горшки известны на поселении в Никольском и в Маслове (рис. 3, *5*).

Подтип 2. Горшки вытянутые, с равномерно раздутым туловом. Известны в Компанийцах, Волошском, Будештах и Пряжеве (рис. 3, *7*).

Подтип 3 включает вытянутые горшки с биконическим туловом, причем наибольшее расширение тулова приходится на середину высоты сосуда. Они сохраняют следующие пропорции: $D_1 \approx h$; $d \approx D$. Горшки этой формы найдены в могильнике у с. Компанийцы и в Раковце-Чесновском.

Тип 4 составляют горшки-вазы, у которых диаметр венчика приблизительно в два раза больше диаметра дна, отчего сосуд приобретает очертания вазы, сильно раздутой в верхней части. Горшки подобной формы известны в Компанийцах и в Будештах (рис. 3, *9*).

II. СОСУДЫ БАНОЧНОЙ ФОРМЫ

Это — сосуды элементарной формы, близкие к форме горшков с вогнутым венчиком, у которых дно ненамного меньше венчика, а стенки прямые, чуть расширяются к венчику. Такие сосуды известны в могильнике у с. Компанийцы, на поселении Успенка, в Рыжевке, на поселении Сухостав и в Будештах (рис. 3, *12*).

III. МИСКИ

Эта категория посуды характеризуется широкими пропорциями. У них наибольшее расширение тулова и диаметр венчика по размерам всегда превосходит высоту сосуда. В зависимости от деталей различаются миски открытые и закрытые. Они выделены в соответствующие группы. У открытых мисок диаметр венчика больше или равен наибольшему расширению сосуда. У закрытых — диаметр венчика меньше наибольшего расширения тулова; как правило, эти миски глубокие. Миски как категория посуды весьма разнообразны по форме и образуют множество типов.

а) Группа открытых мисок. *Тип 1* — миски биконической формы с остроребериым туловом, близкие по формам к гончарной посуде. Миски этого типа весьма широко распространены на памятниках черняховской культуры (рис. 3, *10*).

Тип 2. В этот тип входят миски с туловом почти полусферической формы, но с хорошо отогнутым округлым венчиком и хорошо выраженным дном; причем последнее может быть плоским, на кольцевом или плитчатом поддонах. Такие миски довольно часто встречаются на черняховских памятниках. Они известны в Компанийцах, Журавке, Каменке, Косанове, Маслове (рис. 3, *13*). Вариантом этого типа служит миска из Журавки той же формы, но на высоком кольцевом поддоне.

Тип 3. В этом подтипе выделены сосуды, близкие к вышеописанной форме, но имеющие небольшие ручки-ушки либо на ребре тулова, либо под венчиком. Такие миски распространены преимущественно в районах Западной Волыни, на памятниках типа Дитиничи [13]. На памятниках черняховской культуры они встречаются с лепной керамикой, по формам выделяющейся из общего набора форм черняховских памятников и близкой к формам посуды на памятниках Западной Волыни. В настоящее время эти сосуды известны в могильниках Журавка, Привольное, Будешты и Раковец-Чесновский (рис. 3, *16*).

Тип 4 составляют миски полусферической формы с вогнутым во внутрь венчиком. В этом типе различаются подтипы.

Подтип 1. Полусферические миски, донышки которых не выделены и лишь слегка уплощены. Такие миски известны в могильнике у с. Маслово, на поселениях у сел Ломоватое, Черняхов, Ново-Александровка и Пряжев (рис. 3, *19*).

Подтип 2. К этому подтипу мы относим полусферические мисочки, снабженные по бокам тремя коническими выступами-упорами, расположенными приблизительно на равных расстояниях по окружности сосуда. Такие мисочки известны в могильниках Косаново и Маслово (рис. 3, *11*).

Подтип 3 составляют полусферические миски с широким плоским дном. Известны они в могильнике у Ново-Александровки и на поселении в Пряжеве (рис. 3, *15*).

---

[13] М. Ю. Смішко, І. К. Свєшніков. Могильник III—IV століть н. е. у с. Дитиничі Ровенської области. МДАПВ, 3.

Подтип 4. Мисочки правильной биконической формы с остроребериым туловом и плоским косо срезанным венчиком. Известны в могильниках у сел Рыжевка и Данилова Балка (рис. 3, *14*).

Тип 5. Миски с биконическим туловом и широким плоским дном. Большое разнообразие форм сосудов этого типа позволяет выделить два подтипа.

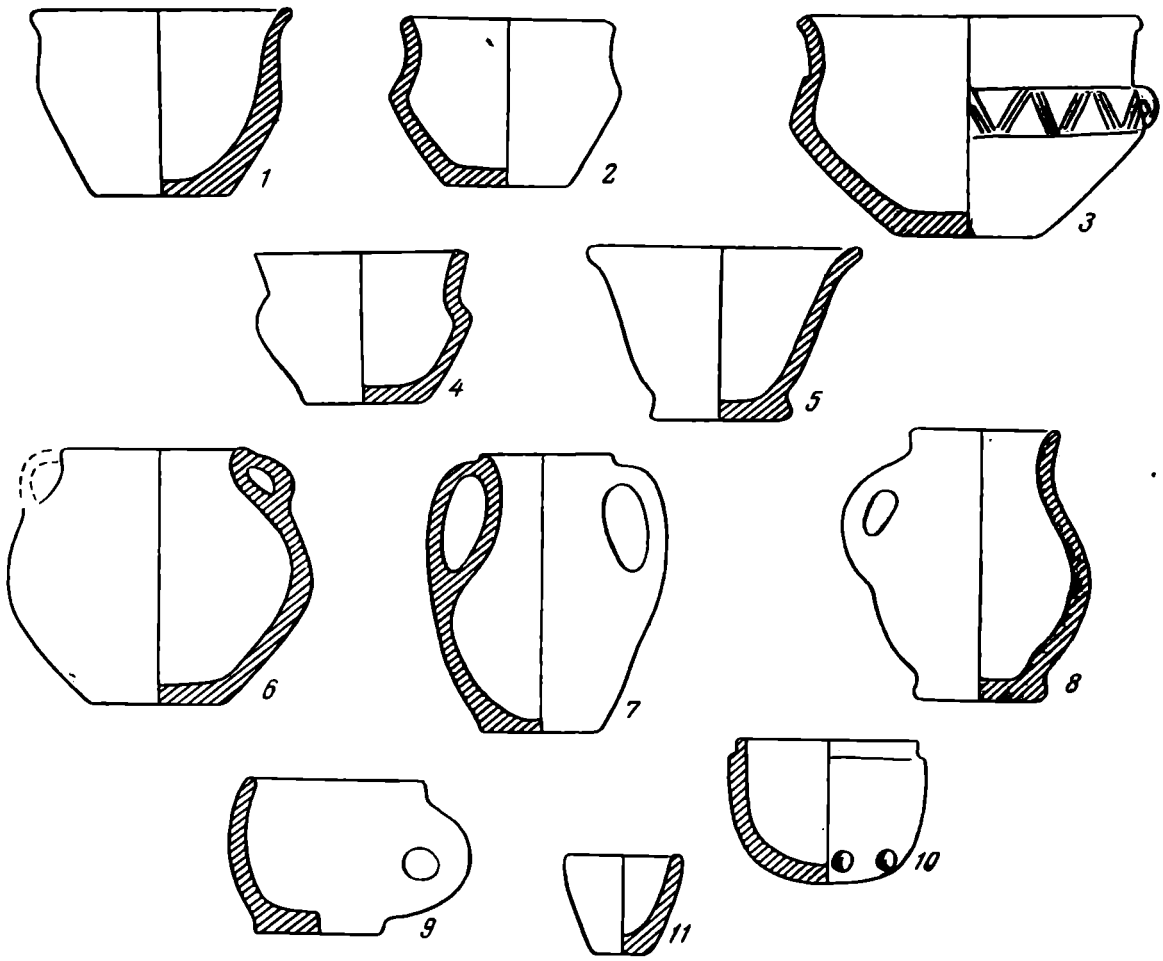


Рис. 4. Лепная посуда черняховской культуры. Типы мисок, кувшинов, чарок и кубков:

1, 4, 5, 8 — Гавриловка; *2, 7, 10* — Ново-Александровка, *3* — Деревянное; *6* — Лепесовка; *11* — Будешты

Подтип 1 включает открытые, остроребериые миски с широким дном. Верхняя часть мисок минимально коротка, так что профиль миски приближается к трапеции. Такие миски известны в Компанийцах и Гавриловке (рис. 3, *18*). Вариантом этой формы служит миска из Компанийц, близкая по форме к подтипу 1, но с более узким дном.

Подтип 2. Более глубокие биконические миски с широким плоским дном и округлым изгибом тулова. Они известны в Журавке, Волошском и Сухоставе (рис. 3, *17*).

Тип 6. На памятниках черняховской культуры встречаются миски с трапециевидным профилем. Различия в формах позволяют посуду этого типа разделить на два подтипа.

Подтип 1. Миски трапециевидного профиля, у которых стенки и дно образуют тупой угол. Такой сосуд известен в Привольном (рис. 3, *21*).

Подтип 2. Сосуды этого подтипа более низкие и грубые. Стенки с плоскостью дна образуют либо прямой, либо близкий к прямому угол. Подобные сосуды распространены довольно широко в районах Верхнего Днестра: на поселениях в Рипниве, Комарове, Неслухове, Лепесовке и Черепине (рис. 3, *20*).

Тип 7. Открытые глубокие миски с цилиндрической верхней частью и резко сужающимся ко дну низом.

Подтип 1. Глубокие миски с отогнутым венчиком. Такой сосуд известен в могильнике у с. Гавриловка (рис. 4, *1*).

Подтип 2. Мисочки с прямым венчиком из Журавки и Косаново.

б) Группа глубоких, закрытых мисок. *Тип 1* составляют биконические остроребериые миски, близкие по форме посуде гончарного производства. Такие миски известны в Журавке, Ново-Александровке и на могильниках Косаново и Рыжевка (рис. 4, *2*).

Тип 2. В него входят закрытые биконические миски с характерным профилированным уступом над изгибом тулова и небольшой ручкой-петелькой с одной стороны, расположенной обычно на изгибе тулова.

Подтип 1. Этот подтип составляют миски широких пропорций с характерным профилированным уступом над изгибом тулова. Нередко эта форма мисок украшалась по изгибу тулова орнаментом в виде коротких параллельных черточек, расположенных вертикально или в виде зигзага. Черточки сгруппированы по три и больше. Миски такой формы на территории черняховской культуры известны на могильнике у с. Деревянное (рис. 4, *3*).

Подтип 2. Некоторую разновидность образуют миски, имеющие на изгибе тулова либо ручку-петельку, либо конический выступ-упор, но отличающиеся от предыдущего подтипа пропорциями. Они близки по пропорциям к горшкам и занимают промежуточное положение между горшком и миской [14]. Такие сосуды известны в могильниках Компанийцы и Рыжевка. Эта форма широко распространена и на памятниках Волыни, где они известны в Лепесовке и Дитиничах, однако там миски подобной формы, как правило, имеют в верхней части сосуда орнамент из нарезных черточек в различных сочетаниях.

Тип 3. Биконическая миска со своеобразным высоким венчиком в виде раструба. Миски подобной формы известны на могильнике в Гавриловке (рис. 4, *4*).

Тип 4. Миска-ваза на высоком узком дне небольшого диаметра. Тулово вазы остроребериое, по ребру украшено *S*-видными вдавлениями, над ребром по окружности на равных расстояниях расположены ручки-петельки. Такая ваза известна в могильнике Компанийцы.

Тип 5. Включает миски конической формы на высоком плитчатом поддоне. Эта форма посуды распространена на широкой территории: Журавка, Черняхов, Ломоватое, Гавриловка, Рипнив и Черепин (рис. 4, *5*).

Тип 6. Глубокие миски-вазы с округлым или биконическим туловом и тремя большими ручками под венчиком. Эта форма лепной посуды безусловно имитирует широко распространенные на памятниках черняховской культуры сосуды гончарного производства (так называемые миски с тремя ручками). Сосуды этой формы известны в Журавке и Раковце.

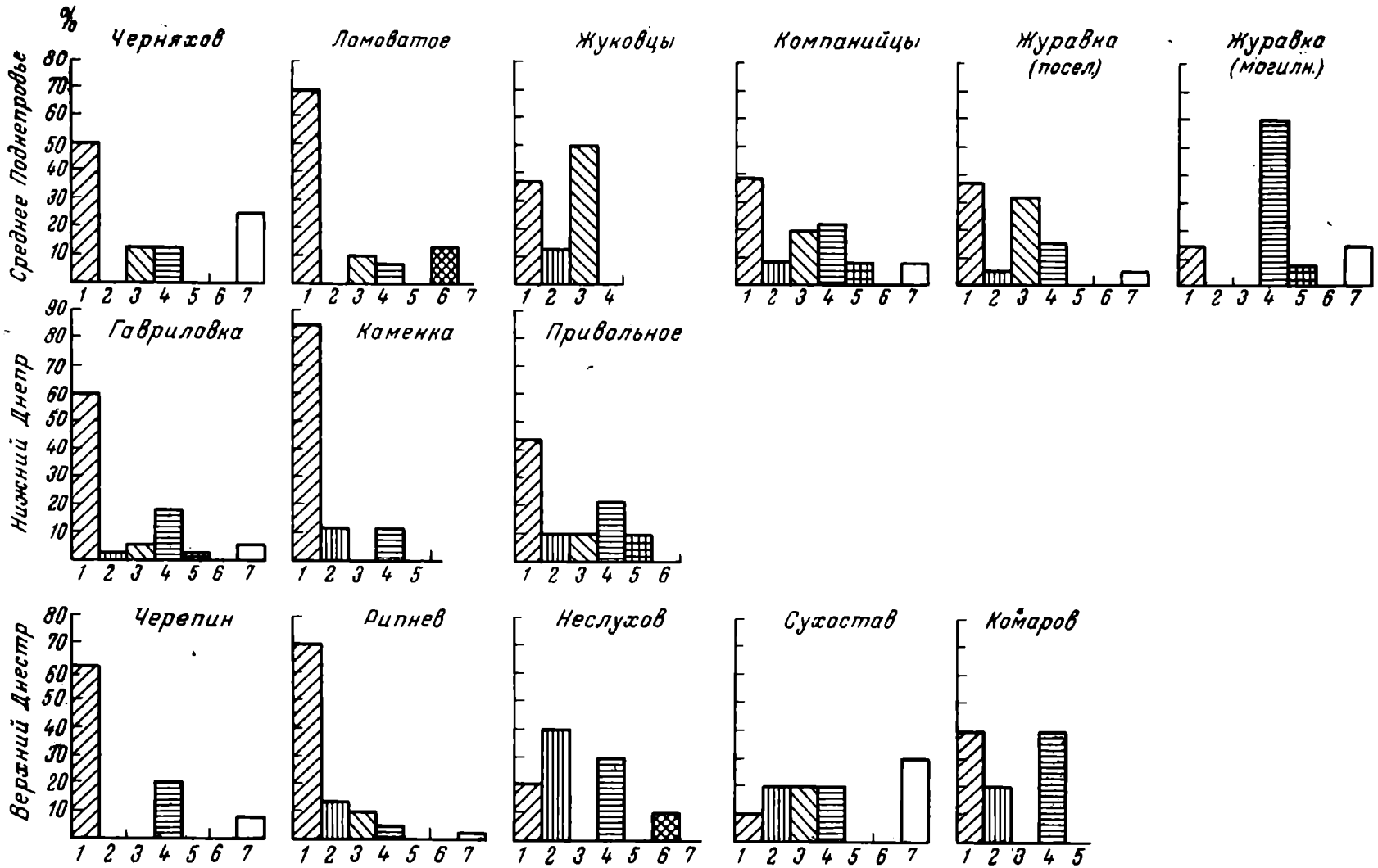
IV. КУВШИНЫ

Кувшины — посуда, распространенная на памятниках черняховской культуры значительно меньше, нежели посуда вышеописанных категорий, и тем не менее и здесь мы наблюдаем достаточное разнообразие форм.

а) Группа кувшинов с двумя ручками. В этой группе различаются кувшины двух типов.

---

[14] Глубокие сосуды, представляющие нечто среднее между горшком и миской, но по формальным признакам относящиеся к категории мисок (D и D_1), выделяются нами в особую группу, условно называемую мискообразными сосудами. Такое разделение категории мисок является, как мы увидим ниже, принципиально важным.


%
Среднее Поднепровье
Черняхов
Ломоватое
Жуковцы
Компанийцы
Журавка (посел.)
Журавка (могилн.)
Нижний Днепр
Гавриловка
Каменка
Привольное
Верхний Днестр
Черепин
Рипнев
Неслухов
Сухостав
Комаров

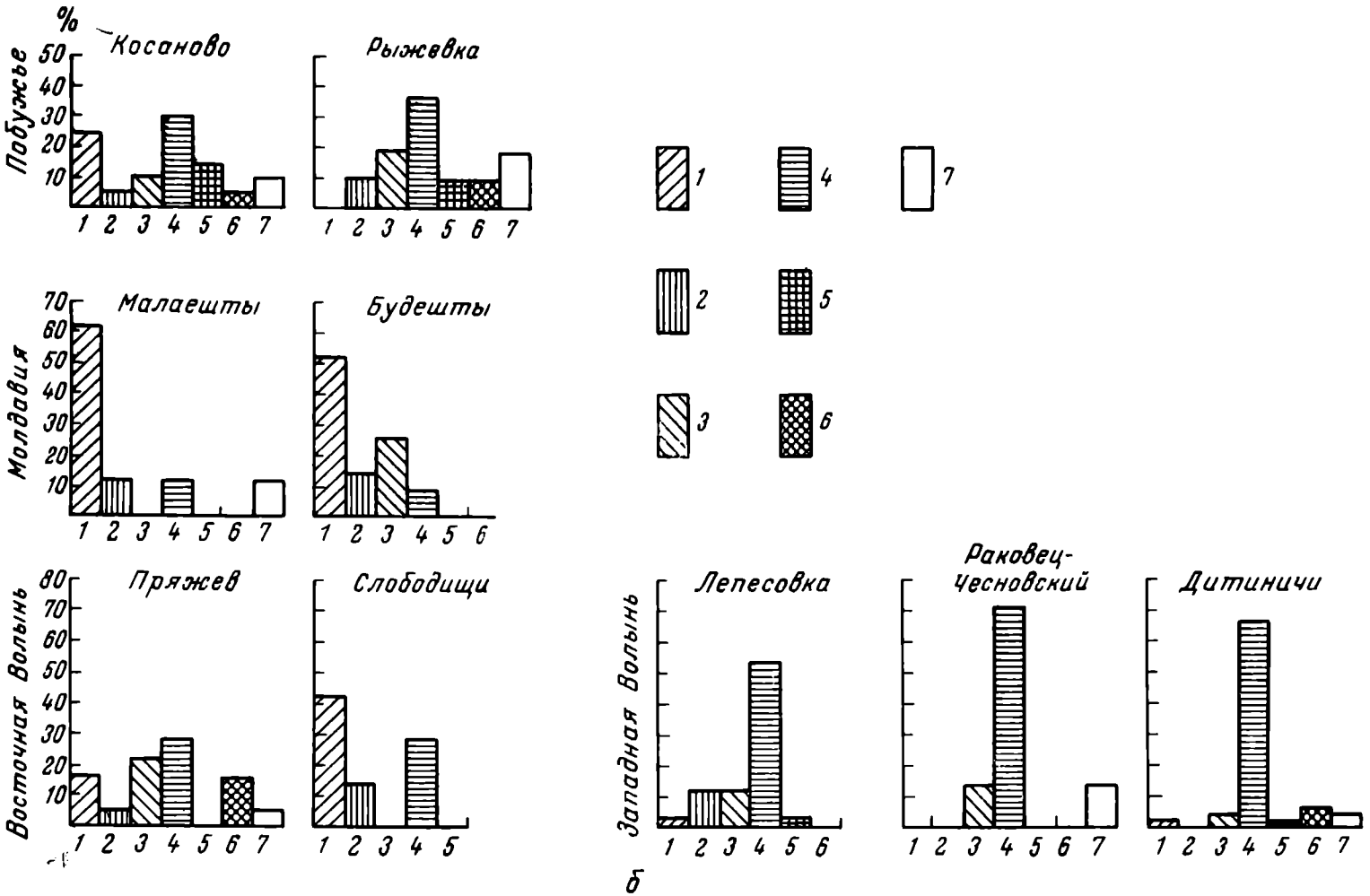


Рис. 5*а*, *б*. Процентное соотношение набора форм лепной керамики памятников черняховской культуры:

1 — горшки с отогнутым венчиком; *2* — горшки с прямым венчиком; *3* — горшки с вогнутым венчиком; *4* — миски и мискообразные сосуды; *5* — кувшины; *6* — чарки; *7* — кубки

Тип 1 составляют кувшины с шаровидным или яйцевидным туловом и небольшими округлыми ручками под венчиком. Такие кувшины известны в могильниках Компанийцы, Рыжевка и на поселении в Лепесовке (рис. 4, *6*).

Тип 2 представлен лишь одним сосудом из могильника в Ново-Александровке. Этот кувшин имеет пропорционально вытянутое тулово с высоким горлом и большими ручками, расположенными от венчика до наибольшего расширения тулова. Кувшин явно подражает форме гончарных сосудов (рис. 4, *7*).

б) Группа кувшинов с одной ручкой. *Тип 1* составляют кувшины четкой профилировки. Они имеют резко отогнутый венчик, вытянутое расширяющееся к низу горло и широкое округлое тулово. Ручка обычно расположена между венчиком и перегибом тулова. Кувшины этой формы часто богато орнаментировались по горлу и тулову ребрышками, канеллюрами, зубчатым и рифленым орнаментом. Известны кувшины этого типа в погребальных комплексах могильников в Компанийцах и Косанове.

Тип 2 составляют кувшины с мягкими округлыми очертаниями профиля и равномерно раздутым туловом. Эти кувшины близки по форме кувшинам гончарного производства и несомненно им подражают. Подобные кувшины известны в могильниках Привольное и Гавриловка (рис. 4, *8*).

Тип 3. Кувшины приземистых пропорций с одной ручкой, венчик отогнут, горло широкое и короткое, тулово биконическое. Кувшинчик подобной формы известен в Журавском могильнике.

в) Группа кувшинов без ручек. *Тип 1.* Кувшины с узким длинным горлом и относительно стройным туловом. Без всякого сомнения, эта форма подражает сосудам гончарного производства. Известны в Косановском могильнике.

V. ЧАРКИ, КУБКИ

Небольшие сосуды разных форм, имеющие с одной стороны петлеобразную ручку, мы выделяем в категорию чарок.

Тип 1 составляют чарки, по форме тулова близкие горшкам, с вогнутым венчиком, но имеющие с одной стороны ручку. Такие чарочки известны в могильнике у с. Рыжевка и на поселении в Лепесовке (рис. 4, *9*).

Тип 2 представлен лишь одним сосудом в виде биконического горшочка с отогнутым венчиком и относительно большой петлеобразной ручкой, верхняя часть которой находится на одном уровне с венчиком, составляя в профиле с ним одну прямую. Эта чарка найдена в одном из комплексов Косановского могильника.

Тип 3 составляют невысокие широкие сосуды в виде мисок с петлеобразной ручкой. Нередко эти ручки опущены вниз до плоскости дна, являясь тем самым дополнительной опорой для сосуда. Такие чарки известны на поселении в Неслухове и на поселении в урочище Горобинец, расположенном рядом с поселением в Журавке.

Кубки на памятниках черняховской культуры хотя и встречаются не часто, но имеют весьма разнообразные формы.

Тип 1 составляют кубки полусферической формы с чуть уплощенным или слегка вогнутым дном. В верхней части они нередко профилированы выступами или ложбинками, а тулово украшалось узором из правильных круглых углублений, налепами или зубчатыми штампами в различных сочетаниях. Такие кубки найдены на многих памятниках черняховской культуры, в том числе в могильниках Компанийцы, Ново-Александровка, Гавриловка, Рыжевка, Раковец-Чесновский (рис. 4, *10*).

Тип 2. **Кубки конической формы** (в виде перевернутого усеченного конуса), но с прямым дном. Такие кубки известны в Компанийцах, Сухоставе и Малаештах (рис. 4, *11*).

* * *

Подробный анализ лепной керамики черняховской культуры на всей территории приводит нас к определенным выводам. Прежде всего поражает идентичность форм лепной посуды на памятниках, удаленных друг от друга на сотни и десятки сотен километров. Причем эта повторяемость существует не только среди форм, подражающих или испытавших влияние гончарного производства (в таком случае это явление было бы закономерным), но и в формах, не имеющих ничего общего с гончарной посудой, сложившихся еще до ее распространения и бытовавших независимо от нее. Таким образом, пока черняховская лепная керамика не дает оснований делить культуру на локальные варианты.

С другой стороны, рассматривая разнообразие форм лепной керамики на памятниках различных районов черняховской культуры (рис. 5), мы убеждаемся, что в районах Среднего и Нижнего Днепра, Верхнего Днестра и Молдавии, где раскопки проводились более или менее широко и обеспечены вполне достоверным материалом, наблюдается довольно устойчивый набор посуды, который указывает, что в хозяйстве преимущественно использовались горшки (среди них преобладают горшки первой группы с отогнутым венчиком) [15]. Резко выделяются по ассортименту посуды памятники Западной Волыни. На этих памятниках в лепной посуде преобладают глубокие миски, часто лишь по формальным признакам относимые к этой категории (по внешнему виду они близки приземистым открытым горшкам). Лепная керамика памятников Западной Волыни резко отличается и по формам посуды. К сожалению, здесь мы не можем детально провести параллельный анализ форм, однако на основании всего вышесказанного мы приходим к выводу, что по лепной керамике Западную Волынь следует выделить из общего массива черняховской культуры. На этой территории, вероятно, существовала другая культура, возможно близкая к черняховской. Этот взгляд на волынские памятники, как мы указывали, не нов. Сравнительный анализ лепной керамики лишний раз подтверждает обоснованность этого мнения.

Памятники восточных районов Волыни (Житомирская группа в верховьях рек Тетерев и Рось) в культурном отношении, вероятно, не выделяются из общечерняховского массива.

В данной работе мы не ставили своей задачей разрешение спорного вопроса о северной границе распространения черняховской культуры, однако при анализе лепной керамики несомненно черняховских памятников мы убеждаемся, что орнаментация пальцевыми защипами, ногтевыми и прочими насечками по краю венчика и украшение тулова валиками — приемы, совсем не характерные для черняховской керамики. Следовательно, высказанное нами сомнение по поводу принадлежности памятников Сумской группы (типа поселения в Коровинцах) к черняховской культуре кажется нам достаточно правомерным. При всех возможных решениях этого вопроса несомненно своеобразие Сумской группы памятников.

---

[15] Следует отметить, что по формам лепной посуды Журавский могильник выделяется среди памятников Среднего Поднепровья, в то время как на поселении соотношение форм лепной керамики — обычное для этого района. До полного завершения раскопок на этом памятнике преждевременно как-либо комментировать это явление.

В. В. СЕДОВ

РЯЗАНСКО-ОКСКИЕ МОГИЛЬНИКИ

Группу рязанско-окских грунтовых могильников составляют однородные древние кладбища, расположенные в среднем течении Оки на участке от устья Москвы-реки до Касимовской возвышенности (рис. 1). Известны следующие могильники этой группы: Борковский [1], Вахинский (Вакинский) на Шмаковой горе [2], Дегтянный (Закопищенский) [3], Дубровический [4], Дубровский [5], Конищевский (Фефеловский) [6], Кузьминский (Константиновский) [7], Кулаковский [8], Курманский [9], Польновский (Гавердовский) [10], Тырновский [11], Шатрищенский (Старо-Рязанский) [12].

Хронология рязанско-окских могильников разработана П. П. Ефименко [13]. На основе анализа вещевых инвентарей и составления корреляционных таблиц он разделил погребения рязанских могильников на пять последовательных хронологических стадий, начиная с конца I—II вв. до VII в. включительно [14]. Возражения вызвала лишь верхняя дата быто-

---

[1] А. И. Черепнин. Борковский остров и его древности. АИЗ, М., 1894, 6, 7, стр. 177—193; его же. Местная старина. Борковский могильник. Тр. РУАК, IX, 2, Рязань, 1895, стр. 71—103; X, 2, Рязань, 1895, стр. 103—167; X, 3, Рязань, 1896, стр. 285—333; А. А. Спицын. Древности бассейнов рек Оки и Камы. МАР, 25, СПб., 1901, стр. 26—43, 71—87; А. В. Селиванов. О раскопках Борковского могильника. Тр. XI АС, 1, М., 1895.

[2] В. А. Городцов. Материалы для археологической карты долины и берегов р. Оки. Тр. XII АС, 1, М., 1905, стр. 550—552; П. П. Ефименко. Отчет о разведывательных работах могильника близ села Вакино Московской губ. в 1921 г. Архив ЛО ИА, дело ГАИМК, № 89/1921.

[3] И. И. Проходцов. Могильник в местности «Закопище» близ села Дегтяного Спасского уезда. Тр. РУАК, XXVI, 1, 1914.

[4] В. А. Городцов. Дубровический финский могильник. Сб.: «К материалам по археологии Рязанского края». Рязань, 1925.

[5] А. Ф. Федоров. Дубровский могильник. Тр. РУАК, XVIII, 2, 1904.

[6] В. А. Городцов. Материалы для археологической карты..., стр. 578, 579.

[7] К. Ивков. Сообщение о раскопках могильника в селе Кузьминском Рязанского уезда. Тр. РУАК, IV, 9, 1890; А. И. Черепнин. Местная старина. Кузьминский могильник. Тр. РУАК, XII, 1, 1897, стр. 60—73; XII, 2, 1897, стр. 234—310; А. А. Спицын. Древности бассейнов рек Оки и Камы, стр. 26—43, 87—102.

[8] А. И. Черепнин. Кулаковский могильник и городище Старой Рязани. Тр. РУАК, XVIII, 1, 1903, стр. 115—121.

[9] Ф. А. Уваров. Курманский могильник. «Древности», XIV, М., 1890, стр. 328—343; А. И. Черепнин, И. И. Проходцов. Дневник раскопок пронских курганов. Тр. РУАК, XIII, 1, 1898, стр. 76—81.

[10] А. И. Черепнин. Местная старина. Заметка о Польновском могильнике. Тр. РУАК, XII, 1, 1897, стр. 56—59.

[11] А. И. Черепнин. Очерк доисторического прошлого Рязанского края. Сб.: «Празднование 800-летия города Рязани». Рязань, 1896, стр. 25.

[12] А. А. Спицын. Древности бассейнов рек Оки и Камы, стр. 43, 103, 104.

[13] П. П. Ефименко. Рязанские могильники. МЭ, 3, I, Л., 1926, стр. 59—84.

[14] Здесь и ниже приводятся даты из статьи П. П. Ефименко «К истории западного Поволжья в первом тысячелетии н. э. по археологическим источникам» (СА, II, 1937, стр. 39—56), в которой они несколько изменены по сравнению с первой его работой «Рязанские могильники».

вания рязанско-окских могильников. Отмечая наличие в отдельных погребениях этих могильников предметов, существовавших позже VII в., А. Л. Монгайт считает возможным датировать наиболее поздние захоронения VIII—X вв. [15].

Вопроса об этнической принадлежности населения, оставившего рязанско-окские могильники, касались многие ученые. Исследователь Борковского и Кузьминского могильников А. И. Черепнин, основываясь на разнородности погребальной обрядности в этих могильниках и исходя из положения, что произвол в выборе похоронного обряда был недопустим в древности, предполагал разноплеменный состав древнего населения рязанского течения Оки. По мнению А. И. Черепнина, основным этническим элементом окского населения в эпоху рязанских могильников были восточнофинские племена. Вместе с тем коренное население в это время утратило самостоятельность и подчинилось или смешалось с пришлыми племенами тюркского происхождения. А. И. Черепнин отмечал далее, что в рязанско-окских могильниках среди погребений с трупосожжением возможны и славянские захоронения [16]. Эту точку зрения разделял А. В. Селиванов [17].

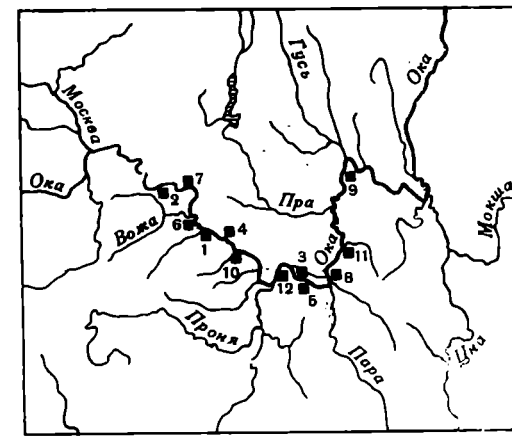


Рис. 1. Топография рязанско-окских могильников

1 — Борковский; *2* — Вахинский; *3* — Дегтянный; *4* — Дубровический; *5* — Дубровский; *6* — Конищевский; *7* — Кузьминский; *8* — Кулаковский; *9* — Курманский; *10* — Польновский; *11* — Тырновский; *12* — Шатрищенский

Однако позднее мнение А. И. Черепнина было отвергнуто. А. А. Спицын, В. А. Городцов, Ю. В. Готье, А. М. Тальгрен, П. С. Рыков и другие исследователи стали рассматривать рязанско-окские могильники как кладбища исключительно восточнофинского (иногда точнее древнемордовского) населения [18]. Только П. П. Ефименко в своей первой работе, посвященной этой группе археологических памятников, считает невозможным относить обитателей дьяковских и городецких городищ, принадлежащих к той же эпохе, и население, оставившее рязанско-окские могильники, к одной и той же народности. «Народность, которой принадлежат рязанские могильники,— пишет этот исследователь,— появляется на Оке около III в. Пришла она с запада или юго-запада и принесла с собой прочно привитой боевой уклад и вкусы к убранству.... Начиная с III—IV вв. она занимает пространство от устьев Москвы-реки по долине Оки до Касимовской гряды и, видимо, даже несколько далее (Кошибеевский могильник). Здесь она живет в течение ряда столетий, до конца, прибли-

---

[15] А. Л. Монгайт. Из истории населения бассейна среднего течения Оки в I тысячелетии н. э. СА, XVIII, 1953, стр. 166, 167; его же. Рязанская земля. М., 1961, стр. 76, 78.

[16] А. И. Черепнин. Местная старина. Борковский могильник, стр. 299—333; его же. Очерк доисторического прошлого Рязанского края, стр. 35—37; его же. О рязанско-окских могильниках. Тр. X АС, I, М., 1899, стр. 55—58.

[17] А. В. Селиванов. О древнейшем населении приокского района, предшествовавшем славянской колонизации. «Тр. Третьего областного историко-археологического съезда». Владимир, 1909, стр. 14, 15.

[18] В. А. Городцов. Древнее население Рязанской области. ИОРЯС, XIII, 4, СПб., 1909, стр. 138, 139; его же. Бытовая археология. М., 1910, стр. 440—447; A. M. Tallgren. Zur osteuropäische archäologie. «Finnisch-ugrische Forschungen», XX, Helsingfors, 1929, стр. 37—39; Ю. В. Готье. Железный век в Восточной Европе. М.— Л., 1930, стр. 149, 150; П. С. Рыков. Очерк по истории мордвы по археологическим материалам. М., 1933, стр. 63—65; «Альбом древностей мордовского народа», 1, Саранск, 1941.

зительно, VII в. А затем неизвестно почему и куда исчезает»[19]. Однако во второй статье[20] П. П. Ефименко отказывается от миграционистской точки зрения и считает возможным объяснить возникновение культуры рязанских могильников развитием у местных племен пастушеского скотоводства[21].

В последнее время предприняты попытки наметить генетическую связь между культурой городецких городищ (городищ с рогожной керамикой) и культурой рязанско-окских могильников. Так, А. П. Смирнов полагает, что городецкая культура непосредственно переходит в культуру рязанских могильников, а население городищ с рогожной керамикой было предком населения, оставившего среднеокские могильники. Таким образом, по мнению этого исследователя, рязанско-окские могильники оставлены местным финно-угорским населением — мещерой, исчезнувшей в процессе славянской колонизации[22]. Аналогичной точки зрения придерживается А. Л. Монгайт[23]. Оба исследователя высказывают догадку, что в погребениях с обрядом кремации рязанско-окских могильников следует видеть славянские захоронения[24].

Однако ученые, отстаивающие полное единство и прямую генетическую линию развития культуры обитателей городищ с рогожной керамикой и культуры населения, оставившего рязанско-окские могильники, не объясняют, что же вызвало те заметные изменения в культуре городецких городищ, которые обнаруживаются в первых веках I тысячелетия.

Как известно, период бытования городецких городищ определяется временем от VII в. до н. э. до V в. н. э. и подразделяется на два этапа: первый — VII в. до н. э.— I—II вв. н. э.; второй — I—II вв. — V в.[25]. Культура городищ рязанского течения Оки I—V вв. заметно отличается от культурных напластований предшествующего времени. В первые века нашей эры на рязанских городищах исчезает рогожная керамика, заменяясь гладкостенной. Одновременно на поселениях появляются новые типы глиняной посуды, одинаковые с керамикой рязанско-окских могильников, генетически не связанные с рогожной. Именно с этого времени на городищах появляются предметы, одинаковые с находками в приокских могильниках, бóльшая часть которых является совершенно новыми типами для средней Оки. Отмеченные различия двух этапов городецкой культуры не отрицают эволюционной связи между ними. Так, на городищах первой половины I тысячелетия распространена гладкая керамика тех же типов, которые раньше сосуществовали с рогожной посудой. Намеченные различия не говорят о смене населения, хотя их происхождение невозможно объяснить только эволюцией местной культуры.

Новый этап городецкой культуры по времени совпадает с появлением рязанско-окских могильников. Как хоронило умерших население городищ с рогожной керамикой, остается неизвестным. Происхождение рязанско-окских могильников со своеобразной культурой при всем желании невоз-

---

[19] П. П. Ефименко. Рязанские могильники..., стр. 81.

[20] П. П. Ефименко. К истории западного Поволжья..., стр. 45—47.

[21] Отсутствие эволюционной связи между культурами дьяковских (в том числе городецких) городищ и рязанско-окских могильников А. В. Арциховский объяснял социально-экономическими сдвигами, происшедшими в среде местных племен (А. В. Арциховский. Археологические данные о возникновении феодализма в Суздальской и Смоленской землях. ПИДО, 1934, 11—12, стр. 40).

[22] А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, 28, 1952, стр. 45—53, 143, 144.

[23] А. Л. Монгайт. Рязанская земля, стр. 72—76.

[24] А. П. Смирнов. Очерки..., стр. 141, 142; А. Л. Монгайт. Рязанская земля, стр. 78—80. Недавно П. Н. Третьяков высказал догадку, что трупосожжения рязанско-окских могильников принадлежат не славянам-зарубинцам, а балтскому населению, обитавшему в бассейне верхней Оки (П. Н. Третьяков. К вопросу о балтах и славянах в области Верхнего Поднепровья. «Slavia Antiqua», XI, 1964, стр. 27).

[25] Н. В. Трубникова. Племена городецкой культуры. Тр. ГИМ, XXII, М., 1953, стр. 66.

можно объяснить непосредственной эволюцией культуры носителей рогожной керамики.

Все это заставляет еще раз обратиться к материалам рязанских могильников. Среди последних наиболее интересным оказался Борковский, состоящий из двух отдельных частей. Могильник расположен на окраине г. Рязани, на левом берегу р. Трубеж, недалеко от ее впадения в Оку. Захоронения Борковского могильника располагались на двух холмах

Таблица 1

Стадии по П. П. Ефименко	Придорожный бугор		Жемчужный бугор	
	№ погребений	всего	№ погребений	всего
А	8, 13, 23	3	107, 111	2
В—$В_1$	6, 38, 73, 78	4	85, 95, 102, 105, 112	5
С	15, 31, 37, 58, 61	5	87, 101, 106	3
$С_1$	2, 25, 26, 39, 40, 42, 43, 46, 75, 82	11	—	—

(Придорожный и Жемчужный бугры), отстоящих один от другого на расстоянии 120—130 *м*. А. И. Черепнин при издании материалов раскопок могильника исходил из положения, что погребения на Придорожном и Жемчужном буграх составляли единый могильник. С тех пор погребения двух частей Борковского могильника рассматриваются исследователями как единый могильник, а вопросом о различиях погребений на Придорожном и Жемчужном буграх после А. И. Черепнина никто не интересовался. Между тем анализ обрядов и погребальных инвентарей захоронений двух частей Борковского могильника обнаруживает весьма существенные различия между могилами Придорожного и Жемчужного холмов [26].

Прежде чем приступить к сравнительному анализу обрядов и инвентарей двух частей Борковского могильника, необходимо подчеркнуть, что Придорожный и Жемчужный бугры использовались для захоронений умерших в одно и то же время, а это важно, чтобы не принять обнаруживаемые различия за хронологические. В табл. 1 приведены данные, взятые из корреляционной таблицы, приложенной к работе П. П. Ефименко «Рязанские могильники».

Таким образом, погребения на Жемчужном и Придорожном буграх появляются одновременно, в конце I — начале III в. Оба бугра используются для погребений в течение II—VI вв., позднее же функционировало лишь кладбище на Придорожном бугре.

Анализ дневниковых данных по Придорожному и Жемчужному буграм Борковского могильника прежде всего выявляет существенную разницу в ориентировке трупоположений (табл. 2) [27].

Оказывается, на Придорожном бугре всех мужчин хоронили головой на север. На Жемчужном бугре для всех захоронений характерна восточная ориентировка. Что касается женских трупоположений Придорожного бугра, то они имеют и меридиональное положение и восточную

[26] В первоначальном отчете о раскопках Борковского могильника могилы были пронумерованы в последовательности их открытия. Захоронения, открытые на Придорожном бугре, получили номера от 1 до 71 и от 97 по 108; погребения на Жемчужном бугре — от 72 по 96 и от 109 по 111. Впоследствии А. И. Черепнин изменил нумерацию погребений, распределив их в зависимости от местонахождения на отдельных буграх. Таким образом, погребения Придорожного холма получили номера 1—84, а затем идут захоронения Жемчужного бугра — номера 85—113. В настоящей статье автор пользуется последней нумерацией.

[27] К числу захоронений с северной ориентировкой отнесены трупоположения, обращенные головами на С, ССЗ и ССВ; могилы с умершими, ориентированными головами на В, СВВ и ЮВВ, вошли в число погребений с восточной ориентировкой. Погребения с промежуточной ориентировкой (головами на СВ, ЮВ и т. п.) в таблицу не включены.

ориентировку. Все же можно говорить о господстве меридиональных захоронений на Придорожном бугре (13 из 17 погребений).

Сравнительное изучение меридиональных трупоположений и погребений с восточной ориентировкой обнаруживает заметное различие в их погребальных инвентарях. Безусловно, многие вещи принадлежат к типам, одинаково часто встречающимся как в меридиональных трупополо-

Таблица 2

Название памятника	Пол	Ориентировка		
		С	Ю	В
Придорожный бугор	М	7	—	—
	Ж	4	1	4
	Не определен	1	—	—
	Всего	12	1	4
Жемчужный бугор	М	—	—	7
	Ж	—	—	7
	Не определен	—	—	1
	Всего	—	—	15

жениях, так и в погребениях, обращенных головой к востоку, что вполне понятно при соседстве захоронений. Различия в вещевых инвентарях погребенных в меридиональном положении и захоронений с восточной ориентировкой показаны на табл. 3. Так как число рассматриваемых в таблице погребений сравнительно невелико и некоторые типы украшений встречены в единичных могилах, предпринят подсчет характерных предметов отдельно для трупоположений Придорожного и отдельно для Жемчужного кладбищ. Оказалось, что предметы, выделенные в число характерных для северно-южных трупоположений, типичны для всего Придорожного бугра в целом. Предметы, типичные для трупоположений, ориентированных к востоку, составляют характерную особенность погребений Жемчужного бугра. Впрочем эти предметы нередки и в могилах Придорожного бугра, что не является неожиданностью, ибо среди последних имеются трупоположения с восточной ориентировкой.

В таблицу не вошли погребения с промежуточной и неопределенной ориентировкой. Но выделенный вещевой материал дает возможность классифицировать и эти захоронения по тем же двум группам. Так, мужские трупоположения Придорожного бугра № 32, 51, 63, 65, 71 (ориентировка всех северо-восточная), 74 (СЗ), 14 (ЮЗ) содержат исключительно предметы, выделенные в число типичных для меридиональных захоронений. То же относится к женским погребениям того же кладбища № 2, 75 (СЗ), 26, 39, 44 (ЮЗ), 17, 30, 66 (СВ), 24, 40, 42, 46, 49, 58, 64, 70 (ориентировка не определена). Среди не определенных по ориентировке трупоположений Придорожного бугра почти нет таких, которые содержали бы предметы, типичные для захоронений, обращенных головой к востоку. Исключением является могила № 6, где найдены височные лопастные привески. Наоборот, мужские погребения Жемчужного бугра № 91, 98 (ориентировка неизвестна), 97 (ЮВ), 99 (ССЗ?) и женские № 101, 105, 107 (ориентировка неизвестна) сопровождались только предметами, типичными для трупоположений с восточной ориентировкой. Среди неопределенных в отношении ориентировки захоронений этой части Борковского могильника не оказалось таких, которые содержали бы только предметы, характерные для меридиональных погребений.

Погребения с северной и восточной ориентировкой иногда отличаются и по местонахождению сопровождающих предметов. Так, нагрудные подковообразные застежки в мужских погребениях Жемчужного бугра (могилы № 90, 96, 97, 99, 111) найдены там, где они обычно носились, т. е. в верхней части груди (исключением является могила № 88). В за-

Памятники	Пол	№ могилы	Ориентировка	Подковообразные застежки с трубочками на концах	Шейные гривны толстопроволочные	Шумящие привески	Браслеты с расплющенными концами	Синие гранчатые бусы	Пламевидные наконечники копий	Поясные бляшки южного происхождения	Наличие стрел	Положение горшка у головы погребенного	Височные лопастные привески	Подковообразные застежки с завернутыми концами	Фибулы	Браслеты с утолщенно-коническими концами	Плетеные пряжки	Удила	Умбоновидные привески	Браслеты со змеиноголовыми концами
	Характеристика погребенных			Предметы меридиональных трупоположений									Предметы погребенных головой к востоку							
Придорожный бугор	М	5	С	2			1			2										
	М	27	С									1								
	М	36	С	1																
	М	41	С	1																
	М	52	С						1											
	М	60	С	1	1				1											
	М	68	С	1																
	Ж	25	Ю	1		+		2			1									
	Ж	13	С														1	1		
	Ж	15	С											1						
	Ж	43	С	1																
	Ж	59	С				3													
	Ж	38	В					1					2	1	1					
	Ж	77	В	1													1			
	Ж	82	В			+	1													
Всего				30	10	15	15	4	5	3	2	5	5	9	1		2	8		1
Жемчужный бугор	М	88	В											1						
	М	89	В																	
	М	90	В											1			1	1		
	М	96	В											1				1		
	М	101	В													1				
	М	107	В											2	1			1		
	М	111	В											1			1	1		
	Ж	87	В										2	3						1
	Ж	92	В	2																
	Ж	102	В										2	1						
	Ж	108	В																	
	Ж	109	В	1																
	Ж	110	В											1				1	1	
	Ж	112	В										1	2						
Всего				2	2	2	1		1				4	15	4	4	3	8	1	1

хоронениях Придорожного бугра эти застежки не имеют определенного места. Так, в могилах № 35 и 63 они найдены на поясах погребенных, в погр. № 5 — на лбу, в погр. № 73 — близ черепа, в погр. № 5 и 69 — на шее, в погр. № 32 и 71 — на плечах и только в могилах № 60 и 71 — на груди. Последнее склоняет к мысли, что для населения, хоронившего умерших на Придорожном бугре, эта принадлежность одежды была новинкой. На Жемчужном бугре глиняные горшки во всех могилах найдены у ног погребенных, в то время как среди могил Придорожного бугра отмечены случаи помещения сосудов у головы покойного.

Различия, выявленные в ориентировке трупоположений Борковского могильника и коррелируемые с определенными типами украшений и принадлежностей одежды, необъяснимы ничем, кроме существования в составе населения средней Оки двух разноэтничных групп. Такие различия невозможно объяснить социальными или возрастными особенностями погребенных. Более того, две части Борковского могильника следует считать разными кладбищами. Основная часть погребений, раскопанных на Жемчужном бугре, оставлена населением, у которого бытовал обряд трупоположения с восточной ориентировкой. Могильник на Придорожном бугре в основном оставлен иной группой населения. Смешанные по инвентарю захоронения Придорожного кладбища, вероятно, принадлежат метисному населению. Есть среди погребений Придорожного бугра, судя по погребальным инвентарям, и трупоположения, одинаковые с погребениями на Жемчужном бугре (мужские могилы № 33, 35, 84). Это признак смешения населения, очевидно, вследствие брачных контактов.

Большое число трупоположений, ориентированных головой на северо-восток (в рязанско-окских могильниках), скорее всего является следствием смешения разных групп окского населения. Подобные случаи известны в этнографии. Как известно, эрзянские трупоположения XII—XVI вв. имеют северную ориентировку. А на кладбищах мордвы-эрзи XVII—XVIII вв. основная часть умерших погребена головой на северо-запад (уступка церковной обрядности) и только в последние века стала господствовать западная ориентировка. То же самое наблюдается у мокши, с той лишь разницей, что в XVII—XVIII вв. господствующее положение умерших было головой на юго-запад, так как до этого у мордвы-мокши были распространены трупоположения головой на юг[28].

Длительное соседство на одной территории в конечном счете должно было привести к метисации населения и ассимиляции одной племенной группы другой. Последние захоронения на Жемчужном бугре относятся к VI в. Позднее функционирует только кладбище на Придорожном бугре, где число погребенных в это время несколько увеличивается. Судя по инвентарям и дневниковым данным, погребения этого периода должны быть отнесены к населению, которое клало умерших в могилы в меридиональном направлении. В связи с этим можно предполагать, что население, у которого господствовало положение умерших головой на восток, к этому времени было ассимилировано.

Наряду с трупоположениями в Борковском могильнике открыто сравнительно небольшое число захоронений, совершенных по обряду кремации. Они встречены и на Придорожном и на Жемчужном буграх. Племенную принадлежность этих погребений может определять только сопровождающий их вещевой материал (табл. 4).

Из таблицы очевидно, что захоронения по обряду трупосожжения оставлены той же этнической группой населения, что и трупоположения с восточной ориентировкой. Ответ на вопрос, чем объясняется наличие двух различных погребальных обрядов у этнически единой группы населения, будет дан ниже.

[28] П. Д. Степанов. К вопросу о происхождении мордовских племен — мокши и эрзи (по данным археологии и языка). Уч. зап. СГУ, XXII, Саратов, 1956, стр. 148, 149.

Объем настоящей статьи не позволяет подробно остановиться на детальном анализе обрядов и инвентарей других рязанско-окских могильников. Однако все они обнаруживают в составе населения те же две этнические группы. На некоторых могильниках, правда, признаки этих групп выявляются не так отчетливо, как на материалах Борковского мо-

Таблица 4

Трупосожжения Борковского могильника

Памятник	№ могил	Пол	Предметы меридиональных захоронений	Предметы погребенных головой к востоку					
			подковообразные застежки с трубочками на концах	височные лопастные привески	подковообразные застежки с завернутыми концами	фибулы	браслеты с утолщенно-коническими концами	умбоновидные привески	плетеные гривки
Придорожный бугор	8	Ж			2				1
	10	—							
	18	Ж							
	34	Ж	1						
	37	Ж		1	1	1		1	
	56	—			1				
	78	Ж	1						
	80	М	1		1				
Жемчужный бугор	86	—			2				
	95	Ж			2			1	1
	106	Ж					1		

гильника. Объясняется это или заметно меньшим числом исследованных могил, или недостаточной полевой документацией. Наконец, часть рязанско-окских могильников могла относиться к тому времени или к тем районам, где в результате ассимиляции этнографические особенности разноплеменных групп уже стерлись.

Судя по неполным дневниковым данным, опубликованным Ф. А. Уваровым (раскопки 1888 г.) [29], в Курманском могильнике не менее 10 трупоположений имели восточную ориентировку. При них найдены удила, крестообразная фибула, височные лопастные привески, браслеты с утолщенно-коническими концами, т. е. те предметы, которые выделены в число характерных для группы населения, хоронившей умерших головой на восток. К сожалению, подробные данные по могилам с захоронениями головой на север в дневнике Ф. А. Уварова отсутствуют. Интересно, что все они занимают обособленное положение в северной части могильника (рис. 2). Произведенные через девять лет новые раскопки могильника выявили ту же картину [30]. В погребениях с меридиональным положением (могилы № 1, 5, 9, 11, 12) найдены разнообразные шумящие привески и проволочные браслеты с расплюснутыми концами. Ориентированных к востоку трупоположений открыто три. В одном мужском захоронении найдены удила (могила № 16), в женском — височная привеска с бутылочными подвесками — предмет, не характерный для таких погребений.

Погребальный материал Кузьминского могильника выявляет значительную смешанность населения, оставившего этот памятник. Об этом же говорит и ориентировка покойников. Преобладающим положением умерших здесь является направление СВ — ЮЗ и ЮВ — СЗ (88% мужских и 85% женских трупоположений). Все же при наличии богатого по-

[29] Ф. А. Уваров. Курманский могильник, стр. 7—14.

[30] А. И. Черепнин, И. И. Проходцов. Дневник раскопок пронских курганов, стр. 76—81.

гребального инвентаря в составе трупоположений Кузьминского могильника выделяются захоронения типа Жемчужного бугра Борковского могильника и могилы типа меридиональных погребений. Правда, около третьей части женских погребений оказываются со смешанным инвентарем.

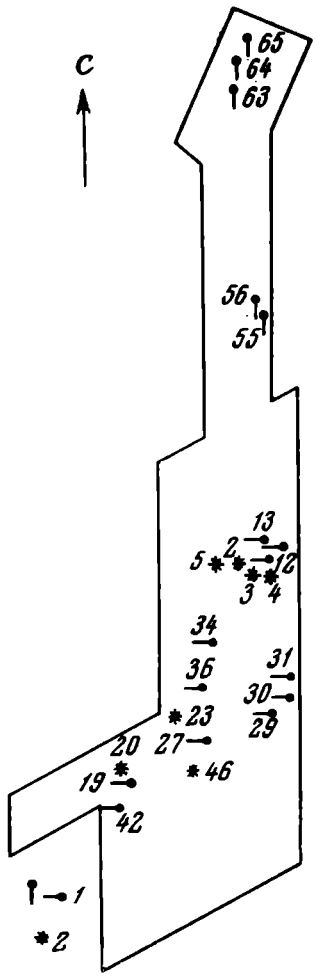


Рис. 2. План раскопа Курманского могильника по Ф. А. Уварову

1 — трупоположения; *2* — трупосожжение

Какие же этнические группы населения занимали среднее течение Оки в эпоху существования рязанско-окских могильников? Положение умерших головой на север (или на юг) — обычай, характерный в лесной зоне Восточной Европы исключительно для финно-угорского населения. Этот погребальный обряд получил распространение на обширной территории расселения древних финно-угорских племен от Прибалтики на западе [31] до Прикамья и Среднего Поволжья на востоке [32]. Обычай погребения умерших в меридиональном направлении тесно связан с финно-угорскими мифологическими представлениями и удержался у некоторых поволжско-финских народностей до XVII — XVIII вв. В памятниках древней мордвы этот обряд определенно выявляется уже в первой половине I тысячелетия [33].

Вещевой материал рязанско-окских могильников с трупоположением север — юг также говорит в пользу финно-угорской принадлежности этих захоронений. Различные виды шумящих привесок, входящие в состав ожерелий или составляющие нагрудные, головные или поясные украшения женских погребений Придорожного бугра Борковского могильника (рис. 3, *1—7*), являются весьма характерной и самобытной категорией женского наряда всех древних финских племен Среднего Поволжья. Слегка изменяя свои формы, шумящие привески бытуют в средневолжских финских культурах в течение длительного времени, вплоть до позднего средневековья. Подковообразные застежки с концами в виде трубочек (рис. 3, *8—9*) получили широкое распространение в бесспорно мордовских памятниках VII — XI вв. [34] и явились прототипами мокшанских сюлгам XI — XIV вв. Круглопроволочные (или узкопластинчатые) брасле-

---

[31] Э. Тыниссон, Я. Граудонис. Раскопки ливских курганов в Кримулде. ИАН ЛатвССР, 1961, 10, стр. 53; Я. Я. Граудонис, Э. Ю. Тыниссон. Раскопки ливских курганов в Кримулде. СА, 1963, 1, стр. 241—252; Л. А. Голубева. Археологические памятники веси на Белом озере. СА, 1962, 3.

[32] «Археологический сборник», 1, Саранск, 1948; А. Е. Алихова, М. Ф. Жиганов, П. Д. Степанов. Из древней и средневековой истории мордовского народа. Саранск, 1959; М. Худяков. Воробьевский и Вичмарский могильники. ИОАИЭ, XXXIV, 3—4, Казань, 1929, стр. 75—82.

[33] П. С. Рыков. Культура древних финнов в районе р. Узы. Саратов, 1930; М. Р. Полесских. Ранние могильники древней мордвы в Пензенской области. СА, 1959, 4.

[34] В. Н. Ястребов. Лядинский и Томниковский могильники. МАР, 10, СПб., 1893, рис. I, *9, 10*; XIII, *16*; XV, *6, 8*; А. Е. Алихова. Могильник у колхоза «Красный восток». КСИИМК, XXIX, 1949, рис. 15, *3*; 16, *2*; ее же. Мордва и мурома. КСИИМК, XXX, 1949, рис. 3, *5*; ее же. Серповский могильник. «Археологический сборник», 2, 1959, рис. 50, *15*; 51, *5*; М. Ф. Жиганов. Старший Кужендеевский могильник в долине р. Теша. СА, 1959, 1, стр. 221, рис. 3. Две находки подковообразных застежек с трубочками на концах известны из западных областей Волго-Окского междуречья (Т. Н. Никольская. Городище у деревни Свинухово. КСИИМК, XLIX, 1953, стр. 93, рис. 24, *8*; А. Ф. Дубынин. Результаты работ Можайской экспедиции. КСИА АН СССР, 94, 1963, стр. 62, рис. 17, *3*).

ты с расплющенными и срезанными под углом концами (рис. 3, *16*) опять-таки являются типичными и распространенными в мордовских древностях VII — VIII вв. [35].

Таким образом, погребения рязанско-окских могильников, ориентированные на север (или, реже, на юг), нужно думать, принадлежат местному финно-угорскому населению. Поскольку для предположения, что население городищ культуры рогожной керамики покинуло рязанское

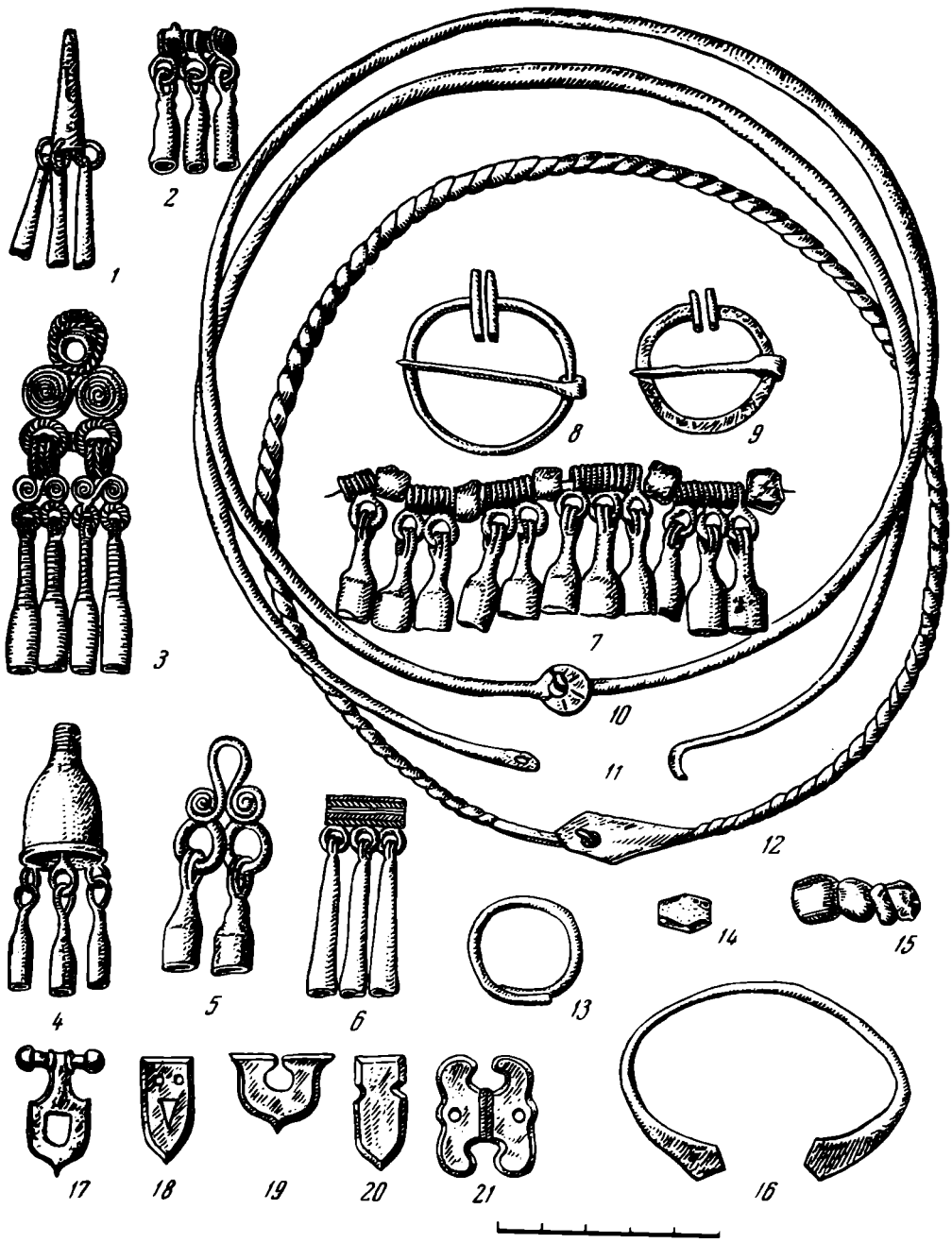


Рис. 3. Предметы, характерные для меридиональных трупоположений

течение Оки в первые века нашей эры, нет никаких оснований, можно считать, что значительная часть погребений приокских могильников (меридиональные трупоположения) оставлена местным населением — прежними носителями культуры рогожной керамики. В настоящее время имеются все основания полагать, что носителями культуры рогожной ке-

[35] А. Е. Алихова. Серповский могильник, рис. 52, *5*; ее же. Из истории мордвы конца I — начала II тысячелетия н. э. «Археологический сборник», 2, табл. 1.

рамики были древнемордовские племена[36]. Территория распространения этой культуры в значительной степени совпадает с ареалами мордовской гидронимики. М. Фасмер[37] и А. И. Попов[38] показали, что рязанское течение Оки определенно входит в ареал гидронимики мордовского происхождения. В ряде деревень Рязанской области до недавнего времени сохранялись предания о заселении этой территории мордвой[39]. А. П. Смирнов высказал предположение, что у финского населения средней Оки обряд трупоположения в грунтовых могильниках прослеживается по крайней мере с начала раннего железного века[40]. Если это так, то вопрос о происхождении обряда меридиональных погребений в рязанско-окских могильниках оказывается решенным. Появление же многих новых вещей, сопровождающих эти погребения, связано с проникновением в области расселения древнемордовских племен пришлого населения.

Всякая попытка допустить, что какие-то группы древних поволжско-финских племен хоронили умерших в направлении головой на восток, безуспешна. Правда, такая обрядность, кроме рязанско-окских могильников, изредка наблюдается в муромских, мокшанских и некоторых других древнефинских могильниках (всюду это единичные захоронения при господстве северно-южных трупоположений). Но погребальный инвентарь почти всегда выдает неместное происхождение захороненных по такому обряду. В качестве примера рассмотрим Подболотьевский могильник[41]. Основную часть захоронений его составляют трупоположения с северной ориентировкой.

Погребений, обращенных головой к востоку, открыто всего пять. Шумящих привесок или каких-либо иных финских украшений в этих погребениях нет. Зато есть вещи явно неместного происхождения. В могилах № 220 и 231 найдены лучевые фибулы[42], а в погребении № 220 оказалось еще восемь крестообразных[43]. Ориентированные головой к востоку мужские погребения отличаются от меридиональных захоронений обязательным присутствием пряжки у левого плеча[44].

Откуда пришло население, основавшее кладбище на Жемчужном бугре и оставившее трупоположения с восточной ориентировкой в других рязанско-окских могильниках, и какова его этническая принадлежность? Большинство вещей, характерных для таких погребений, имеют ближайшие и весьма многочисленные аналогии в древностях балтских племен. В эпоху возникновения рязанских могильников древнебалтские племена

---

[36] П. С. Рыков. Очерк по истории мордвы по археологическим материалам, стр. 15; П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1953, стр. 97; А. Л. Монгайт. Рязанская земля, стр. 31.

[37] M. Vasmer. Die alten Bevölkerungsverhältnisse Russlands im Lichte der Sprachforschung. Preus. Akad. der Wissenschaften. 5, Berlin, 1941, стр. 29, 30.

[38] А. И. Попов. К вопросу о мордовской топонимике. Сб.: «Советское финно-угроведение», 2, Саранск, 1948, стр. 203—230.

[39] Ф. Д. Нефедов. Отчет о раскопках в Касимовском уезде. ИОЛЕАЭ, XXXI, М., 1878, стр. 58; В. А. Городцов. Материалы для археологической карты..., стр. 662.

[40] А. П. Смирнов. Очерки..., стр. 49, 50.

[41] В. А. Городцов. Археологические исследования в окрестностях г. Мурома. «Древности», XXIV, 1914, стр. 51—143.

[42] Такие фибулы найдены и в рязанско-окских могильниках.

[43] Все фибулы без игл для застегивания и служили бляхами для украшения головного убора.

[44] К востоку и юго-востоку от средней Оки в глубинных районах мордовской земли различия между северно-южными трупоположениями и захоронениями с восточной ориентировкой становятся менее заметными, а иногда и не обнаруживаются вовсе. В связи с этим можно полагать, что чем дальше проникали переселенцы в финно-угорские области, тем обычнее становилось стирание этнографических особенностей. Однако ошибочно думать, что все погребения с восточной ориентировкой, открытые в могильниках финно-угорских племен, принадлежат рассматриваемой группе западных переселенцев. Очень возможно, что происхождение этой обрядности в ряде случаев было совсем иным. Выводы, основанные исключительно на ориентировке умерших, без учета вещевого инвентаря, могут оказаться неверными.

заселяли обширные области Восточной Европы. Восточная часть ареала их расселения включала западные районы Волго-Окского междуречья и верхнеокский бассейн[45]. Где-то в районе устья р. Москвы балтская территория вплотную соприкасалась с ареалом расселения древних мордовских племен.

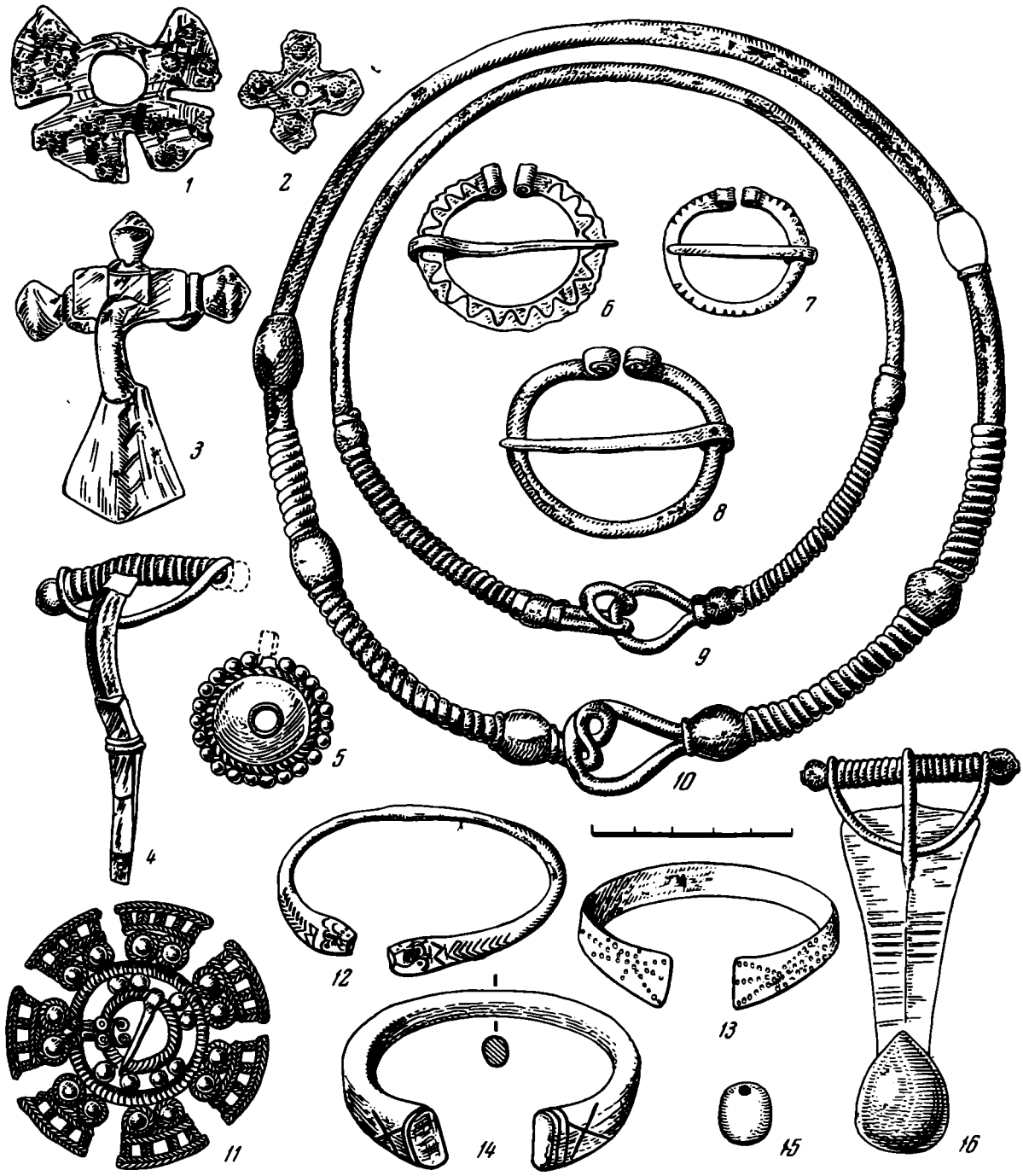


Рис. 4. Предметы, характерные для трупоположений, ориентированных головой к востоку

Рассмотрим вещевой материал трупоположений с восточной ориентировкой рязанских могильников. Подковообразные застежки самых разнообразных типов принадлежат к числу излюбленных украшений балтских

[45] Х. А. Моора. О древней территории расселения балтийских племен. СА, 1958, 2; В. В. Седов. Следы восточнобалтийского погребального обряда в курганах древней Руси. СА, 1961, 2, стр. 113—121; П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне в области верхнего течения Днепра и Волги. Сб.: «История, фольклор, искусство славянских народов». М., 1963, стр. 13—15, 22, 23.

племен, начиная с раннего железного века, и дожили в отдельных местах до XIX в. Подковообразные застежки с завернутыми концами, аналогичные рязанским (рис. 4, *6—8*), в могильниках и на поселениях Прибалтики весьма многочисленны [46]. Есть такие находки и в памятниках верхневолжских [47] и верхнеднепровских [48] балтов.

В могиле № 21 Кузьминского могильника (трупосожжение) найдена массивная подковообразная застежка с эмалью [49]. Распространенность таких находок в Прибалтике хорошо известна [50]. Х. А. Моора полагает, что предметы с выемчатой цветной эмалью в Восточной Европе имеют балтское происхождение [51].

Браслеты со змеиноголовыми концами (Борковский, Польновский и Дубровский могильники) опять-таки уводят в Прибалтику. Распространенность украшений со змеиными головами связана с бытованием у древних балтов культа змей [52]. Ареалы массивных браслетов, сделанных из толстого дрота с утолщенно-коническими концами (рис. 4, *14*), лежат западнее и юго-западнее среднего течения Оки. В древностях балтских племен такие браслеты распространены во второй-третьей четвертях I тысячелетия [53]. Такие же по форме, но менее массивные браслеты известны в памятниках юга Восточной Европы [54].

Арбалетовидные фибулы (рис. 4, *4*), найденные в Борковском и Дубровическом могильниках, имеют ближайшие аналогии в заданых районах Волго-Окского междуречья и на Смоленщине [55], в Прибалтике [56] и в южных районах Восточной Европы [57]. П. Н. Третьяков высказал предположение о прибалтийском происхождении березняковской находки, что вероятно и для фибул рязанско-окских могильников. Крестовидные фибулы (рис. 4, *3*) рязанских могильников (Борковский, Кузьминский, Кур-

---

[46] RK, рис. 19, *11, 12*; «Lietuviu liaudies menas. Papuošalai». Vilnius, 1958, рис. 423, 424, 433—435; P. Kulikauskas, R. Kulikauskienė, A. Tautavičius. Lietuvos archeologijos bruožai. Vilnius, 1961, рис. 343; O. Navickaitė. Plokštiniu kapinynu tyrinėjimai Lietuvoje 1948—1958 m. «Is lietuviu kultūros istorijos», III, Vilnius, 1961, рис. 17, *2* и 27, *2*; E. Danilaitė. Archeologiniai tyrinėjimai Kiauleikiuose. Там же, рис. 6, *2*.

Аналогичные застежки есть и юго-восточнее рязанского течения Оки, в древнемордовских могильниках (например, в Армиевском и ему подобных). Однако и они своим происхождением связаны с западными балтскими землями.

[47] П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э. МИА, 5, 1941, стр. 66, рис. 37, *12*; Л. А. Евтюхова. Барвихинское городище. СА, III, 1937, стр. 122, рис. 10, *17*.

[48] П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Древние городища Смоленщины. М.— Л., 1963, рис. 4, 22, *11*.

[49] А. А. Спицын. Древности бассейнов рек Оки и Камы, рис. XV, *5*. Такая же застежка найдена в окрестностях Мурома (рис. XXIX, *11*).

[50] H. A. Moora. Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. Chr., II, Tartu, 1938, стр. 114—118.

[51] Х. А. Моора. О древней территории расселения балтийских племен, стр. 27, 28.

[52] Ф. Д. Гуревич. Украшения со звериными головами из прибалтийских могильников. КСИИМК, XV, 1947; Э. Д. Шноре. Асотское городище. Рига, 1961, стр. 32.

[53] H. Moora. Die Eisenzeit in Lettland..., I, Dorpat, 1929, табл. XXVI, *2, 6*; II, рис. 60, *1*, стр. 430; «Lietuviu liaudies menas. Papuošalai», рис. 272, 348—353.

[54] Б. А. Рыбаков. Древние русы. СА, XVII, 1953, стр. 66, 67, 74, 75, 81, 83, рис. 12, 13, 16, 18; В. В. Ауліх. Металеві пряжки і прикраси з верхнього горизонту городища в с. Зимне, Волинської области. МДАПВ, 4, Київ, 1962, стр. 100—102.

[55] П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья..., стр. 83, рис. 37, *6*; Т. Н. Никольская. Культура племен бассейна верхней Оки в I тысячелетии н. э. МИА, 72, 1959, стр. 93, рис. 20, *1*; А. Н. Ляўданскі. Археологічныя досьледы ў вадазборах рр. Сажа, Дняпра і Касплі ў Смаленскай губерніі. Працы, 2, Менск, 1930, стр. 278, табл. 1, *14*.

[56] H. Moora. Die Eisenzeit in Lettland..., табл. VIII, *5*; II, стр. 119—125; М. Х. Шмидехельм. Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии. Таллин, 1955, стр. 133, рис. 32, *6*.

[57] В. А. Городцов. Дубровический финский могильник, стр. 8—10.

манский, Дубровский, Польновский) уводят нас снова к балтским областям Волго-Окского междуречья [58].

В западных районах междуречья широкое распространение получили своеобразные умбоновидные привески. Они найдены на городищах Федяшевском, Барвихинском, Троицком [59], Подмокловском, Круглица, на селищах Калашинском и Заречском в бассейне р. Угры. Встречены такие находки и в рязанско-окских могильниках, в том числе при трупоположениях с восточной ориентировкой (рис. 4, *5*). Впрочем в рязанском течении Оки аналогичные предметы использовались иногда как бляшки, в некоторых случаях (например, в Дубровичском могильнике) были снабжены бутылочными привесками.

Имеются еще украшения, сближающие рязанско-окские могильники с верхнеокскими древностями балтов. Таковы гривны, витые из трех проволок с концами в виде трех колец, найденные в рязанских могильниках [60], в Мощинском кладе [61] и совершенно аналогичные — в Литве [62].

Шейные гривны из толстого дрота с проволочной обмоткой на концах и напущенными металлическими бусами (рис. 4, *9*, *10*) имеют определенно балтское происхождение. В древних могильниках Литвы это — один из распространенных типов шейных украшений (с аналогичными или более усложненными замками) [63]. Найдены также гривны и в западной части Волго-Окского междуречья (Дьяковское и Березняковское городища) [64]. Красные бусы из погребения № 18 с трупосожжением Борковского могильника одинаковы с мощинскими [65]. Головной убор, состоящий из нескольких рядов спиральных пронизок, разделенных пластинами-бляшками, весьма характерен для ряда балтских племен [66]. Такой же головной убор бытовал и у балтских племен на Двине и в Верхнем Поднепровье, о чем свидетельствуют находки в длинных и круглых курганах VII — XI вв. [67]. Аналогичный головной венчик найден на Мощинском городище [68], что допускает давнее бытование этого украшения в восточнобалтских областях. Подобные головные уборы встречены и в рязанско-окских могильниках [69]. По-видимому, они были занесены сюда пришельцами с Запада. Однако этот головной венок был перенят местными финно-уграми и бытовал у мордовских племен вплоть до средневековья [70].

---

[58] В. А. Городцов. Материалы для археологической карты..., стр. 533; В. А. Плетнев. Об остатках древности и старины в Тверской губернии. Тверь, 1903, стр. 167; П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья..., стр. 80, 82, рис. 46.

[59] П. Н. Третьяков. К вопросу об этническом составе населения Волго-Окского междуречья в I тысячелетии н. э. СА, 1957, 2, стр. 70, рис. 2; Т. Н. Никольская. Культура племен бассейна верхней Оки..., рис. 15, *3*; А. Ф. Дубынин. Ук. соч., стр. 60, рис. 17, *5*, *6*.

[60] А. А. Спицын. Древности бассейнов рек Оки и Камы, табл. XVIII, *6*.

[61] Б. И. Булычев. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899, стр. 18 и табл. VIII, *3*.

[62] «Lietuviu liaudies menas. Papuošalai», рис. 89.

[63] H. Moora. Die Eisenzeit in Lettland..., I, табл. XIV, *5*; II, стр. 312, 313; «Lietuviu liaudies menas. Papuošalai», рис. 279.

[64] В. И. Сизов. Дьяковское городище близ Москвы. Тр. IX АС, 11, М., 1897, стр. 264, табл. 27, 2; П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья..., рис. 37, *2*.

[65] А. П. Смирнов. Очерки..., стр. 141.

[66] «Lietuviu liaudies menas. Papuošalai», рис. 267, 268, 270; R. Volkaité-Kulikauskiené. Senovés lietuviu moteru galvos danga ir jos papuošalai. «Is lietuviu kultūros istorijos», II, Vilnius, 1959, стр. 46—48; A. Zarina. Latgalu vainagi laika no 6. lidz 13 gadsumtam. Сб.: «Archeologija un etnografija», II, Rīgā, 1960, стр. 79—84.

[67] В. В. Седов. Кривичи. СА, 1960, 1, стр. 60.

[68] Н. И. Булычев. Ук. соч., рис. XII, *10*. Исследователь описал его как остатки пояса с бронзовыми накладками (стр. 19). Ошибку исправил А. А. Спицын (А. А. Спицын. Предметы с выемчатой эмалью, СПб., 1903, стр. 178 и 243).

[69] В погребении № 106 Борковского могильника; в Кузьминском могильнике — в могилах № 5, 20, 23, 66, 69, 74, 90, 92.

[70] В. Н. Ястребов. Ук. соч., табл. XI, *7*; А. Е. Алихова. Мордва и мурома, стр. 26, 27.

Трех-, шестилопастные височные привески (рис. 4, *1, 2*) рязанских могильников составляют особенность женских захоронений с восточной ориентировкой. Позднее в мордовских землях они были утрачены. Их ближайшие аналогии опять-таки находятся в Прибалтике [71].

О связях балтов западных районов Волго-Окского междуречья с населением рязанского течения Оки свидетельствует также керамический материал. Профилированные горшки, широкие миски с прямой цилиндрической верхней частью и усеченно-коническим низом, миски с округлыми плечиками (с черной или светло-коричневой лощеной поверхностью) в археологической литературе называют керамикой мощинского типа. Она хорошо известна по раскопкам на городищах Мощинском, Огубском, Дуне, Свинуховском, Воротынцевском, Николо-Ленивец [72], Синьковском, Пекуновском [73], Березняковском [74], Дьяковском, Барвихинском, Троицком [75] и многих других. Эта керамика встречена и в курганах типа Шаньково, относящихся к середине I тысячелетия [76]. Лощеные сосуды мощинского типа встречены в рязанско-окских могильниках (Борковский, Кузьминский, Дубровичский, Шатрищенский) и обычны на одновременных с ними поселениях рязанского течения Оки (Троице-Пеленицкое, Вышгородское, Шатрищенское, Казарское городища) [77]. По мере продвижения на восток процент лощеной керамики на поселениях I тысячелетия заметно уменьшается. Исследователи давно высказали предположение о проникновении этой керамики в рязанское течение Оки с запада [78]. На нелощеной керамике позднедьяковских городищ западной части Волго-Окского междуречья и на глиняной посуде среднеокских городищ времени рязанских могильников обнаруживаются одинаковые орнаментальные узоры. Такого орнамента совсем нет в керамике поволжских городецких городищ [79].

Таким образом, многие материалы погребений с восточной ориентировкой и ряд других находок из рязанско-окских могильников определенно обнаруживают связи с древностями балтских племен. Однако отчетливой области, откуда могло прийти на среднюю Оку население, оставившее часть погребений рязанских могильников и наложившее серьезный отпечаток на развитие культуры местных древнемордовских племен, не выявляется. Наиболее вероятными областями были ближайшие к рязанскому течению Оки территории верхнеокского бассейна и западная часть Волго-Окского междуречья (рис. 5). Последняя территория, правда, должна быть исключена, так как на средней Оке отсутствуют грузики дьякова типа, весьма характерные для Смоленского Поднепровья и примыкающей к нему части междуречья Оки и Волги. Остается верхнее течение Оки. Балтское население в бассейне верхней Оки хоронило умерших по обряду кремации [80]. В трупосожжениях рязанского-окских могильников, вещевой материал которых, как отмечалось выше, идентичен трупоположениям с восточной ориентировкой, нужно видеть погребения балтов — выходцев с верхней Оки. В область расселения древней мордвы

---

[71] RK, рис. 9, *8*; А. А. Спицын. Предметы с выемчатой эмалью, стр. 164, рис. 181.

[72] Т. Н. Никольская. Культура племен бассейна верхней Оки..., стр. 46—49; ее же. Городище у дер. Николо-Ленивец. СА, 1962, 1, стр. 231, 232, рис. 8.

[73] О. Н. Бадер. Древние городища на верхней Волге. МИА, 13, 1950, стр. 131, 132.

[74] П. Н. Третьяков. К истории племен верхнего Поволжья..., стр. 64.

[75] А. Ф. Дубынин. Ук. соч., стр. 60.

[76] Н. И. Булычев. Ук. соч., рис. III, V, *6*.

[77] В. А. Городцов. Дубровический финский могильник, стр. 9; Н. В. Трубникова. Ук. соч., стр. 82; А. Л. Монгайт. Рязанская земля, стр. 79.

[78] П. Н. Третьяков. Северные восточнославянские племена. МИА, 6, 1941, стр. 28; Н. В. Трубникова. Ук. соч., стр. 82.

[79] Н. В. Трубникова. Ук. соч., стр. 88.

[80] Курганы с трупосожжением типа Шаньково-Почепок (Н. И. Булычов. Ук. соч., стр. 5—7). Обряд кремации, видимо, бытовал у всех восточнобалтских племен.

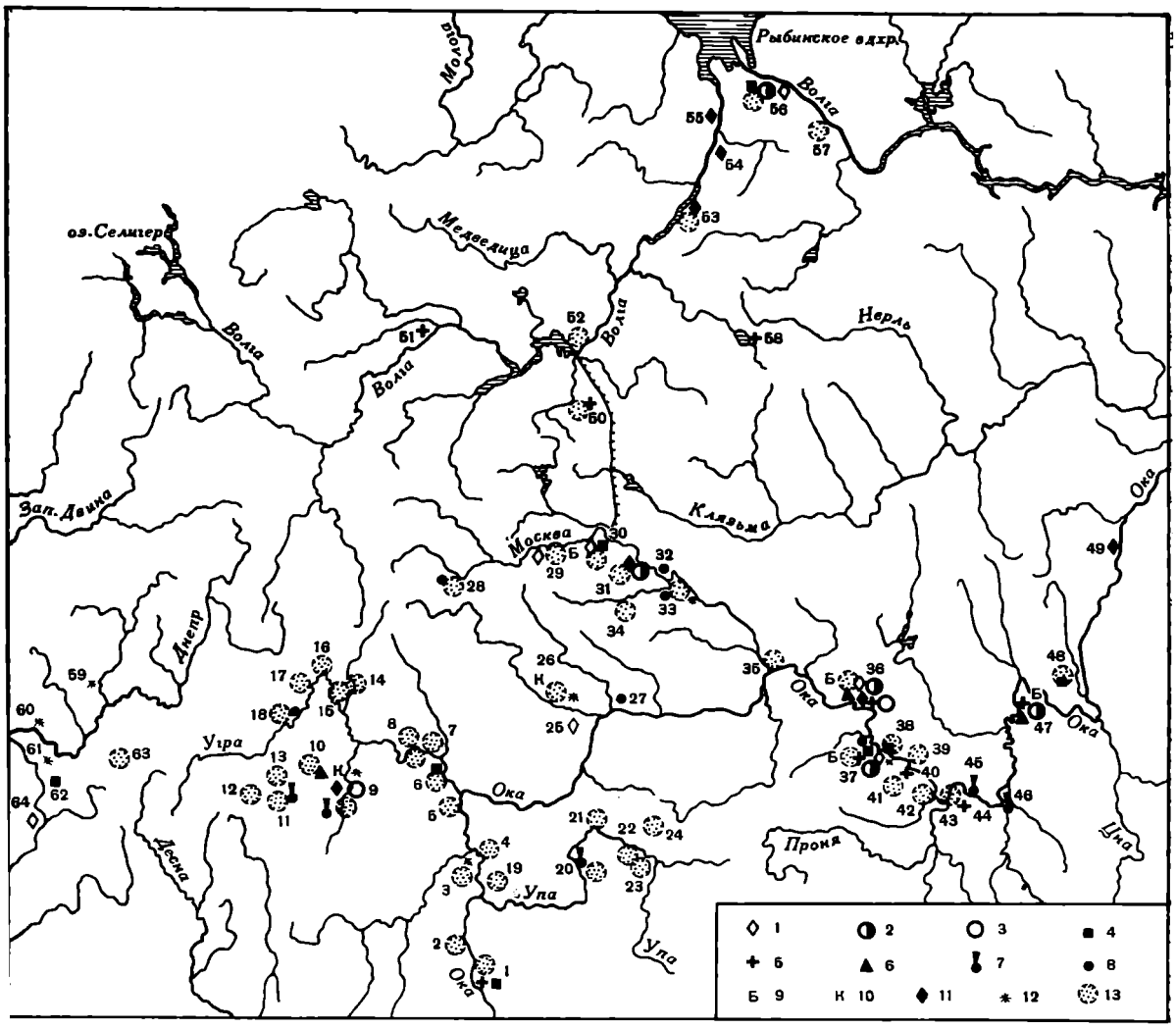


Рис. 5. Западные аналогии некоторых предметов рязанско-окских могильников

1 — подковообразные застежки с завитками на концах; 2 — шейные гривны типа рис. 4, *9*, *10*; *3* — шейные гривны витые тройные с концами из трех колец; *4* — арбалетообразные фибулы; *5* — крестовидные фибулы; *6* — лучевые фибулы; *7* — треугольные фибулы; *8* — умбоновидные привески; *9* — браслеты прибалтийского типа с утолщенно-коническими концами; *10* — красные пастовые бусы правильной формы; *11* — подковообразные застежки с эмалью; *12* — прочие предметы с выемчатой эмалью; *13* — лощеная керамика мощинского типа.

Нумерация памятников на схеме: *1* — Федяшевское городище; *2* — Мишинское; *3* — гор. Дуна; *4* — Акиншинское; *5* — Спасское; *6* — Свинуховское; *7* — гор. Миленки; *8* — гор. Николо-Ленивец и курган на правом берегу Угры; *9* — Мощинское гор.; *10* — гор. Спас-Перекша; *11* — курганы Шаньково; *12* — Дубровские курганы; *13* — курганы Поченок; *14* — гор. Мормули; *15* — Кобелевское; *16* — гор. Василевщина; *17* — Дрожжинское; *18* — селище Заречье; *19* — Першинское гор.; *20* — гор. Поречье; *21* — Щепиловское; *22* — Таптыковское; *23* — гор. Малевка; *24* — Торховское; *25* — Ичское; *26* — Огубское; *27* — Подмокловское; *28* — Троицкое; *29* — Успенское; *30* — Барвихинское; *31* — Дьяковское; *32* — гор. Круглица; *33* — Боровское; *34* — Щербинское; *35* — Протопоповское; *36* — Кузьминский могильник; *37* — Борковский мог.; *38* — Дубровический мог.; *39* — Казарское городище; *40* — Польновский мог.; *41* — Вышгородское городище; *42* — Троице-Пеленицкое; *43* — Шатрищенское; *44* — Дубровский мог.; *45* — Дегтянный мог.; *46* — Кулаковский мог.; *47* — Курманский мог.; *48* — гор. Земляной Струг; *49* — Муромская нах.; *50* — Синьковское гор.; *51* — Дуденевская нах.; *52* — Пекуновское гор.; *53* — городище в устье Грехова ручья; *54* — находка в дер. Кривец; *55* — Кирьяновская нах. *56* — Березняковская гор.; *57* — Попядьинское селище; *58* — гор. Александрова гора; *59* — Ярцевская нах.; *60* — Ямщичинская нах.; *61* — Арефинская нах.; *62* — Ямпольский кург.; *63* — Дубосищенские кург.; *64* — гор. Тушемля

они попадали, вероятно, вследствие брачных связей, а также и изолированных переселений мелкими группами. Трупосожжения рязанских могильников относятся к разным хронологическим стадиям. По-видимому, балто-мордовский контакт осуществлялся на Оке почти в течение всего I тысячелетия.

Происхождение обряда трупоположения с восточной ориентировкой в рязанско-окских могильниках объяснимо лишь при допущении миграции крупной массы балтоязычного населения, имевшей место где-то в первых веках I тысячелетия. Те серьезные изменения в культуре городищ среднего течения Оки, которые наблюдаются в первых веках нашей

эры, связаны с вторжением в западные районы древнемордовской территории новых групп населения. Балты, осевшие в области рязанского течения Оки, видимо, скоро смешались с аборигенами. Во всяком случае рязанско-окские могильники были общими кладбищами местных финно-угров и пришлых балтов. Изменение погребальной обрядности балтоязычных обитателей рязанского течения Оки (смена обряда трупосожжения на обряд ингумации) произошло на новом месте поселения скорее всего под влиянием обряда аборигенного населения. Особая ориентировка трупоположений балтского населения, по-видимому, объясняется тем, что у древних восточных балтов бытовал ритуал положения умерших на погребальный костер головой к востоку. Такой вывод ранее был сделан на основе изучения древнерусских курганов [81].

Миграция балтоязычного населения в области расселения древнемордовских племен не ограничилась рязанским течением Оки. Отдельные группы балтов прошли далее к востоку. Об этом определенно свидетельствуют материалы Кошибеевского могильника [82], а также поразительное сходство ряда предметов мордовской женской одежды VII — XII вв. (головной венок, шейные гривны, некоторые типы браслетов) с балтскими украшениями.

Предлагаемые выводы, сделанные на основе археологических источников, не стоят изолированно. Еще в конце прошлого столетия датский ученый В. Томсен выявил в поволжско-финских и особенно в мордовских языках слова балтского происхождения [83]. Недавно Б. А. Серебренников, пополнив список балтских заимствований в восточнофинских языках, высказал гипотезу о распространении этих явлений носителями фатьяновской культуры, язык которых (по мнению этого исследователя) «весьма близок к современным балтийским языкам» [84]. Эта гипотеза оспаривается Г. С. Кнабе, разделившим заимствования в восточных финно-угорских языках на четыре разновременных слоя, из которых два древнейших принадлежат не балтам, а индоиранцам и прототипам, объединяющим балтские и индоиранские черты. Первый и второй слои действительно являются балтскими заимствованиями, но датируются более поздним временем, чем фатьяновская культура [85]. Таким образом, движение балтов в древнемордовские земли в I тысячелетии, выявляемое по данным археологии, с лингвистической точки зрения представляется вполне реальным.

А. Л. Погодин на основе топонимических данных высказал догадку о распространении балтоязычного населения в древности далеко на восток от Поднепровья — в среднее течение Оки и далее в Тамбовскую и Пензенскую губернии, где жили финно-угры [86]. За пределами восточной

---

[81] В. В. Седов. Следы восточнобалтийского погребального обряда..., стр. 119, 120.

[82] А. А. Спицын. Древности бассейнов рек Оки и Камы, стр. 10—24, 55—71. Некоторые исследователи относят Кошибеевский могильник к рязанско-окским. Однако территориальная обособленность его, а главное присутствие в его материалах ярко выраженных элементов пьяноборской культуры заставляют выделить этот могильник в особую группу (А. П. Смирнов. Железный век Чувашского Поволжья. МИА, 95, 1961, стр. 97—104). В Кошибеевском могильнике около 40% погребенных были положены головой к востоку. Вещевой материал этих захоронений дает основания полагать пришлое происхождение части населения, оставившего этот могильник.

[83] V. Thomsen. Beröringer mellem de finske og de baltiske (litauisk-lettiske) Sprog. København, 1890.

[84] Б. А. Серебренников. О некоторых следах исчезнувшего индоевропейского языка в центре европейской части СССР, близкого к балтийским. Тр. АН ЛитССР, сер. А, 1957, 1, стр. 69—73.

[85] Г. С. Кнабе. Словарные заимствования и этногенез (К вопросу о «балтийских заимствованиях» в восточных финно-угорских языках). «Вопросы языкознания», 1962, 1, стр. 65—76.

[86] А. Л. Погодин. Из истории славянских передвижений. СПб., 1901, стр. 92, 93. Исследователь основывает вывод на названиях Уша, Цна, Шать, Сережа.

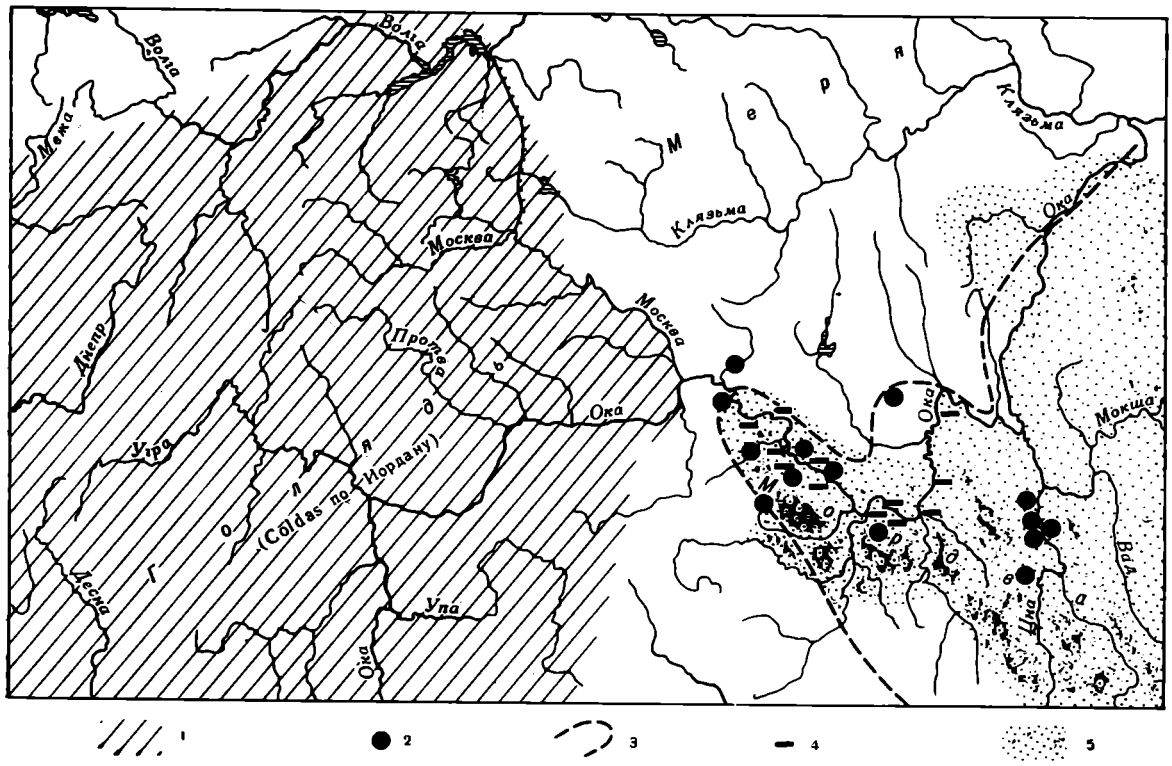


Рис. 6. Гидронимика бассейна реки Оки

1 — ареал гидронимики балтского происхождения; *2* — отдельные балтские гидронимы вне ареала; *3* — западная граница области мордовской гидронимики; *4* — рязанско-окские могильники; *5* — ареал городищ и поселений с рогожной керамикой

границы ареала балтской топонимики[87], там, где дославянским гидронимическим слоем является мордовский, в настоящее время можно назвать целый ряд гидронимов балтского происхождения (рис. 6). Таковы в рязанском течении Оки гидронимы Локна, Лоша, Уша, Велия, Вобля, Вожа, Ратужа, Курша, Цна[88]. Относительно названия другой реки — Цны, левого притока Мокши, исследователи верхнеднепровской гидронимики высказали сомнение в его балтском происхождении[89]. Однако присутствие в бассейне этой реки других гидронимов, объяснимых из балтских языков, дает основание ставить имя Цны в один ряд с идентичными понеманскими и верхнеднепровскими названиями вод. К числу предположитель-

---

[87] M. Vasmer. Beitrage zur historischen Volkerkunde Osteuropas. I. Die Ostgrenze der baltischen Stämme. Sitzungsber. der Preuss. Akad. der Wissenschaften. Phil.-hist. Kl. Berlin, 1932, 637—666; В. Н. Топоров. О балтийских следах в топонимике русских территорий. «Lietuviu kalbotyros klausimai», II, Vilnius, 1959, стр. 55—63.

[88] Гидронимы Локна, Лоша, Уша, Велия, Вобля, Вожа десятки раз повторяются в собственно балтских землях в бассейне Немана, Западной Двины и верхнего Днепра. Есть они и в западных районах Междуречья Волги и Оки. Балтское происхождение этих гидронимов объяснено рядом исследователей (Е. Ф. Карский. Белоруссы, I, Варшава, 1903, стр. 47; K. Būga. Upiu vardu studijos ir aisčiu bei slavénu senové. «Rinktiniai rastai», III, Vilnius, 1961, стр. 529, 530: В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962, стр. 178—180, 193, 194, 212).

Примыкание суффикса *-жа* при помощи гласного элемента при распространенности корня *рат-* в балтской гидронимике (В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев. Ук. соч., стр. 203, 204; «Lietuvos TSR upiu ir ezeru vardynas», Vilnius, 1963, стр. 132) допускает балтское происхождение названия р. Ратужи. Название р. Курши повторяется на Смоленщине и созвучно с балтским племенным именем. Высказано предположение о сравнительно позднем поселении литовцев на р. Курше (В. Т. Ванюшечкин. К истории рязанской мещеры и о поселениях по р. Курше. Уч. зап. РГПИ, XXVIII, Рязань, 1961, стр. 88). Балтская этимология названия р. Цны предложена Т. Лером-Сплавинским (T. Lehr-Splawiński. O pochodzeniu i praojczyźnie Slowian, Poznan, 1946, стр. 64) и принята исследователями верхнеднепровской гидронимики, где это название неоднократно повторяется.

[89] В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев. Ук. соч., стр. 212.

но балтских гидронимов в бассейне Цны Мокшанской можно отнести Шать, Ошу, Серп, Сережу [90]. Наличие в рязанском течении Оки гидронимов балтского происхождения свидетельствует о несомненном пребывании здесь балтского населения.

В ряде местностей верхнеокского бассейна в народных легендах сохранилась память о расселении здесь голяди. Старожилы указывают холмы или возвышения (часто с древними городищами), где жили голяды (голяги) и перебрасывались топорами [91]. Аналогичные предания о богатырях, занимавшихся бросанием топоров, обычно связываемые с древними городищами, зарегистрированы также в ареале рязанско-окских могильников [92], что, по-видимому, является косвенным подтверждением древней миграции балтов из областей верхнего течения Оки.

---

[90] Все эти названия неоднократно повторяются в областях расселения балтских племен (Шать в Литве, в бассейнах Припяти и верхней Оки; Ошша, Апуша, Апушис, Апушота в Литве, Обша в бассейне Зап. Двины и Обиша в Верхнем Поднепровье; Серпея в бассейне Угры и Серпейка в бассейне Сожа, Серпо в вост. Пруссии, Сирпутис в Литве; Серижа в бассейне Десны), где балтское происхождение показано в упомянутых выше работах К. Буги, М. Фасмера, В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева.

[91] В. Кашкаров. К вопросу о древнейшем населении Калужской губернии. «Калужская старина», 1, 2, Калуга, 1901, стр. 13.

[92] В. А. Городцов. Материалы для археологической карты..., стр. 601, 602, 648, 649.

Публикации

В. В. ФЕДОРОВ, В. П. ТРЕТЬЯКОВ

СТОЯНКА «ВЫСЕЛКИ»

(К вопросу о неолите восточной части Волго-Окского междуречья)

Культуре неолитических племен побережья средней и нижней Оки и прилегающего поречья Волги посвящено много работ. Однако в крупнейших музеях нашей страны хранятся до сих пор не введенные в научный оборот материалы, которые могут пролить дополнительный свет на древнейшее прошлое восточной части Волго-Окского междуречья.

Задачей настоящей работы является публикация и анализ материала одного из мало известных неолитических памятников — поселения «Выселки», которое раскапывалось В. И. Каменским в 1903, 1904 и 1906 гг. [1]. В 1925 г. на стоянке побывал О. Н. Бадер, который при помощи рекогносцировочных шурфов установил, что поселение раскопано В. И. Каменским полностью [2].

Стоянка «Выселки» расположена на одной из дюн второй надлуговой террасы Волги, у самого южного края с. Большое Козино. К сожалению, В. И. Каменский не оставил нам сведений относительно мощности культурного слоя, размеров стоянки, а также указаний о существовании каких-либо сооружений (хозяйственных ям, жилищ и т. п.). Инвентарь поселения состоит из большого количества каменных орудий и обломков глиняной посуды. Кроме того, здесь было найдено одно изделие из кости.

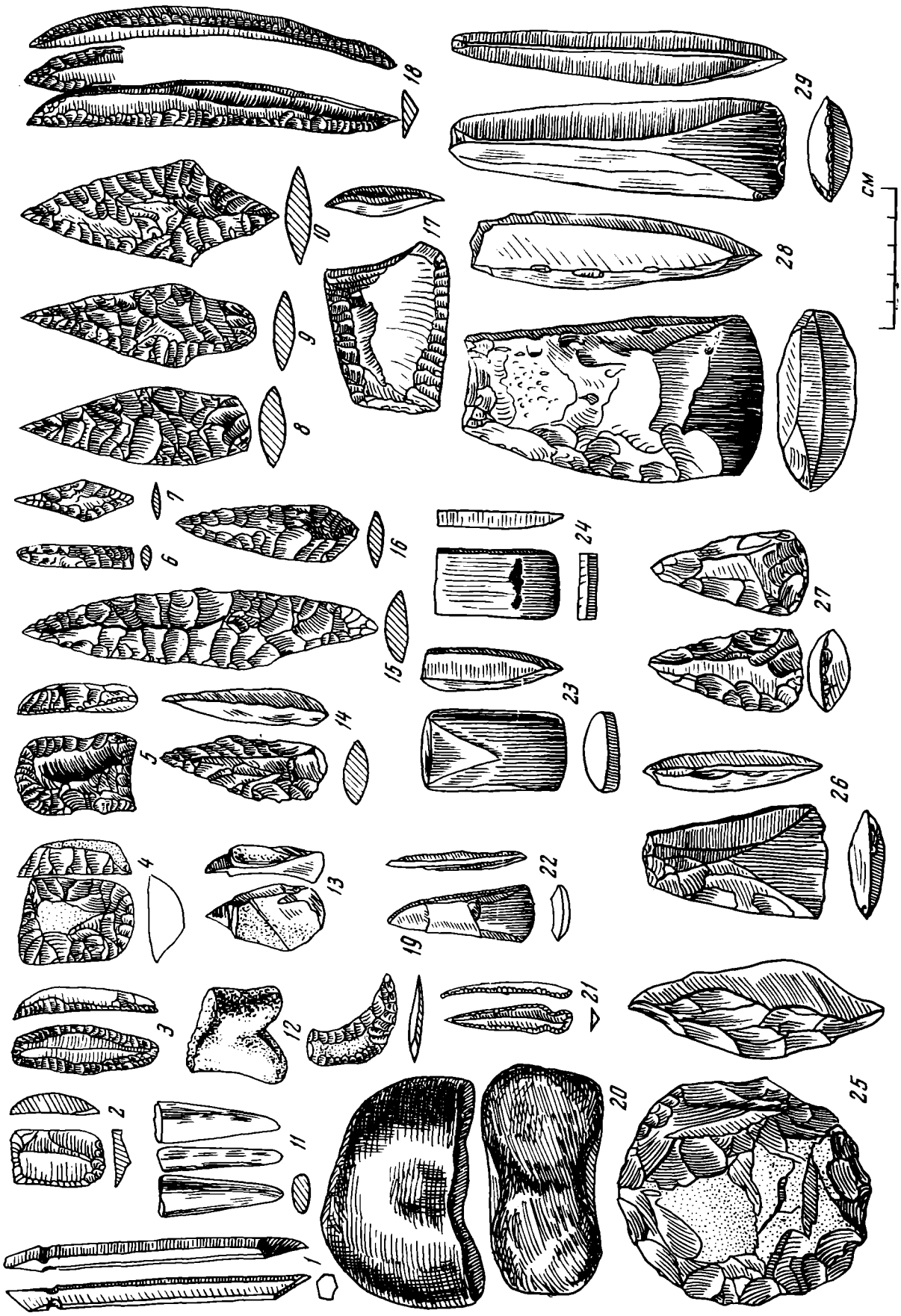
Орудия, как правило, изготовлялись из валунного кремня и сланца. Среди них можно выделить орудия охоты и рыболовства, домашнего обихода и, возможно, примитивного земледелия. Кремневые наконечники копий (21 экз.) имеют листовидную или близкую к ней форму (рис. 1, *15*); реже встречаются наконечники с черешком. Можно отметить три варианта черешков: первый — широкий, с прямым основанием (рис. 1, *8*), второй — с округлым основанием (рис. 1, *9*), третий имеет треугольную форму, сходную с сейминскими наконечниками (рис. 1, *10*). Их величина колеблется от 9 до 12 *см*.

Наконечники стрел из кремня (45 экз.) по форме делятся на четыре группы. Первую составляют наконечники листовидной формы (как правило, в обломках). В следующую группу входят наконечники ромбической формы, изготовлявшиеся из отщепов (в этом случае вся поверхность орудия ретушировалась) и из ножевидных пластин (рис. 1, *7*). К третьей группе относятся узкие, вытянутые, тщательно обработанные отжимной ретушью наконечники стрел (найдены только в обломках). Их ширина едва достигает 1 *см* (рис. 1, *6*). К четвертой группе относятся три нако-

---

[1] Материалы поселения хранятся в МАЭ АН СССР в Ленинграде. Номера коллекции: 1005 и 1078а.

[2] О. Н. Бадер, М. В. Воеводский. Стоянки Балахнинской низины. ИГАИМК, 106, 1935, стр. 303.


1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
см

нечника миндалевидной формы; их поверхность обработана ретушью, величина достигает 6,3 *см* (рис. 1, *16*).

К орудиям рыболовства следует отнести два составных крючка, состоящих из сланцевого стержня величиною 9—10 *см* (рис. 1, *1*) и изогнутого кремневого жальца, которое прикреплялось к нижнему концу стержня. Жальца изготовлялись из ножевидных пластин и ретушировались по краю (рис. 1, *19, 21*). К орудиям рыболовства относятся также округлые грузила, изготовленные из кремнистого сланца (рис. 1, *20, 25*). Одни из них обработаны по всей поверхности грубыми сколами (5 экз.), другие представляют собой окатанные плоские гальки с углублениями в центре с обеих сторон (3 экз.). Видимо, эти гальки продалбливались насквозь для привязывания к сетям, но найденные экземпляры сквозных отверстий не имеют: они были сломаны в процессе работы и выброшены.

Большой интерес представляют собой семь желобчатых долот, изготовленных из сланца. Они хорошо отшлифованы, их размеры колеблются от 8 до 10 *см* (рис. 1, *28*). Кроме того, на поселении были найдены два миниатюрных сланцевых шлифованных желобчатых долота размером не более 5 *см* (рис. 1, *22*).

Не менее интересны сланцевые топоры (5 экз.), близко напоминающие топорики «русско-карельского типа» (рис. 1, *29*). Эти орудия, специфические для неолита Карелии, распространились чрезвычайно широко, охватывая район Каргополья, берега Печоры, верхнее Поволжье и т. д.[3]. Топоры русско-карельского типа на стоянке «Выселки» — самые южные находки из всех нам известных.

Исключительной по своему значению является большая серия (34 экз.) сланцевых топориков размером от 4 до 6 *см* (рис. 1, *23, 24, 26*). Они различаются между собой формой обуха (тонко- и толстообушные) и характером заточки лезвия (двусторонне заточенные и скошенные на один бок).

Следует отметить также единственный небольшой сланцевый топорик с заостренным обушком; в отличие от других он не отшлифован (рис. 1, *27*).

По-видимому, к этой же группе находок следует отнести обломок округлого в сечении, массивного, хорошо отшлифованного орудия, представляющего собой тыльную часть так называемого валикообразного топора — орудия, характерного для района Каргополья[4].

Следующую группу находок составляют кремневые ножи. Особенно обращают на себя внимание два ножа из массивных, слегка изогнутых ножевидных пластин с тщательной подретушовкой рабочего края длиной до 12 *см* (рис. 1, *18*); размеры остальных шести аналогичных ножей не превышают 5—6 *см*. Семь ножей изготовлены из крупных кремневых отщепов; их лезвие ретушировалось с обеих сторон (рис. 1, *17*). К режущим инструментам следует также отнести резец срединного типа из крупной кремневой пластины.

Большую группу орудий составляют кремневые острия (17 экз.) размером от 4 до 9 *см* различной формы, что, по-видимому, объясняется формой самих отщепов; но всех их роднит прекрасная отретушевка рабочей части (рис. 1, *14*). Исключение составляет одно орудие этой группы, рабочая часть которого подшлифована (рис. 1, *13*).

Среди 42 скребков, обнаруженных на стоянке «Выселки», следует выделить группу (рис. 1, *4*) с четырехугольными очертаниями рабочего края и высокой спинкой (9 экз.). Тщательная обработка боковой стороны, которая образует угол с рабочим краем, дает возможность предположить, что

---

[3] М. Е. Фосс. Культурные связи Севера Восточной Европы во втором тысячелетии до нашей эры. СЭ. 1948, 4, стр. 29; ее же. Древнейшая история Севера европейской части СССР. МИА, 29, 1952, стр. 196; А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 109; Л. Я. Крижевская. Неолитические стоянки окрестностей села Алексеевского Вышневолоцкого района. СА, XII, 1950, стр. 234, 236, рис. 5.

[4] М. Е. Фосс. Древнейшая история Севера..., стр. 105, рис. 57, *2*.

эти орудия служили не только для скобления, но и для резания (например, пкур и т. п.). Эти орудия чрезвычайно напоминают так называемые «волосовские» скребки-резчики (по определению М. Е. Фосс) [5]. Кроме них обнаружено 10 плоских подчетырехугольных скребков (рис. 1, *2*), 13 концевых, сделанных из массивных или тонких ножевидных пластин (рис. 1, *3*). Интересны четыре скребка с «перехватами» на боковых гранях, очевидно, для привязывания к рукоятке (рис. 1, *5*). Остальные скребки имеют случайную форму. На стоянке «Выселки» был найден один отбойник в виде округлой гальки со следами ударов.

Единственное обнаруженное здесь костяное орудие представляет собой фрагмент плоского долота (?) (длина его 4 *см*). Интересна округлая плитка агата (диам. 5,5 *см*) с прекрасно зашлифованной поверхностью и оббитыми краями. Назначение ее неизвестно.

Кроме того, на поселении были обнаружены два предмета из глины. Один из них представляет собой часть скульптуры, по-видимому, животного (рис. 1, *12*); второй — просто валик размером 4,5 *см* и диаметром сечения 1,4 *см*.

Следует отметить находку сланцевой конусовидной «фишки». Поверхность ее покрыта продольными царапинами. Назначение не ясно (рис. 1, *11*).

Найдены чрезвычайно редко встречающиеся на территории Волго-Окского междуречья семь массивных орудий, служивших, по-видимому, мотыгами.

Первая мотыга представляет собой массивное, слегка подшлифованное орудие из сланца, выпуклое в средней части и несколько сужающееся к рабочему краю, который носит следы выбоин (рис. 2, *2*).

Вторая мотыга также из сланца, напоминает массивный клин, заостренный к рабочему краю. Орудие оформлено грубыми сколами (рис. 2, *3*).

Третья мотыга — хорошо отшлифованное плоское сланцевое орудие овальной формы с заостренными концами и сверлиной в середине (рис. 3, *2*).

Четвертая мотыга из песчаника имеет вытянутую овальную форму с острыми концами. Ее поверхность очень неровная, покрыта грубыми сколами (рис. 2, *1*).

Большой интерес представляет собой пятая плоская мотыга из песчаника, сужающаяся к рабочему краю, с выемками по трем сторонам для привязывания (рис. 3, *3*).

Шестая мотыга напоминает предыдущую. Она тщательно обработана многочисленными сколами. Но в отличие от пятой мотыги она изготовлена из сланца и не имеет выемок (рис. 3, *4*).

И, наконец, седьмая мотыга (?) значительно по своей форме отличается от всех описанных выше орудий. В поперечном разрезе она представляет собой пятиугольник. Все ее грани тщательно отшлифованы, лезвие закруглено. Подобная форма вызывает сомнение в определении этого орудия как мотыги, но трудно решить, каково ее назначение (рис. 3, *1*).

И. К. Цветкова, обобщившая в недавнее время материалы ряда поселений в нижнем течении р. Оки, отметила, что на этих стоянках встречаются «обычные для неолитической эпохи наконечники дротиков листовидной формы с плоской двусторонней ретушью по всей поверхности, наконечники стрел листовидной ромбической и треугольно-черешковой формы, ножи из аморфных пластинчатых отщепов, обычные скребки из массивных отщепов; встречаются также топоры-клинья и довольно крупные сланцевые тесла. Своеобразными для балахнинской культуры можно считать небольшие скребочки из массивных отщепов с высокой спинкой и крутой ретушью по рабочему краю, а также небольшие полированные

---

[5] М. Е. Фосс. К методике определения каменных орудий. КСИИМК, XXV, 1949, стр. 15—16.

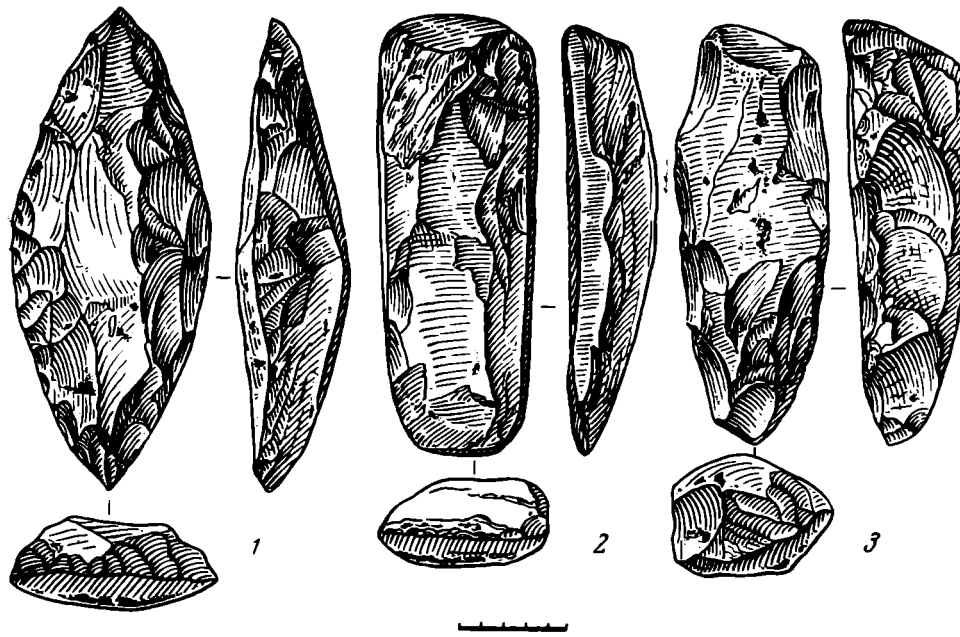


Рис. 2. Каменные орудия со стоянки «Выселки»

тесла с овальным поперечным сечением и слегка расширенным асимметрично заточенным рабочим лезвием, изготовленные из кремнистого сланца» [6]. Сопоставление орудий со стоянки «Выселки» с орудиями, выделенными И. К. Цветковой, дает возможность заключить, что поселение «Выселки» можно отнести к кругу памятников, описанных И. К. Цветковой. Об этом свидетельствует наличие листовидных, ромбических и треугольно-черешковых наконечников стрел и копий, различных скребков, кремневых ножей, сланцевых долот, тесел и т. п.

Посуду со стоянки «Выселки» типологически можно разделить на два комплекса. Первый характеризуется примесями дресвы в глиняном тесте. Сосуды имели, по-видимому, заостренное дно, прямые стенки толщиной около 1 *см*, и лишь венчики в ряде случаев были слегка изогнуты [7]. Все сосуды орнаментировались [8]. Среди элементов орнамента следует отметить круглые ямки, наиболее характерные для украшения посуды (они отмечены нами на 566 фрагментах); вертикальные оттиски гребенчатого штампа (145 фрагм.); овальные вдавления (102 фрагм.); изогнутые отпечатки в виде полумесяца (99 фрагм.); овальные оттиски гребенки (74 фрагм.); пояски, исполненные гребенчатым штампом (43 фрагм.); округлые неглубокие отпечатки веревочки (?) (40 фрагм.); треугольные вдавления (39 фрагм.); гусеничный штамп (27 фрагм.); очень нечеткие ромбические вдавления (8 фрагм.); наклонные нарезки с несоединяющимися зубцами внутри них (3 фрагм.); неглубокие каплевидные вдавления (1 фрагм.). Всего — 12 элементов орнамента. Как видно из вышеприведенного перечня, наиболее распространенным видом орнамента являются ямки, гребенчатый штамп и нарезки (рис. 4, *1—6*).

Среди более сложных мотивов отмечаются различные сочетания из овальных вдавлений, образующих зигзаги, горизонтальные ряды, наклонные линии и более сложные узоры (рис. 4, *7, 8, 10, 11*). Полной реконструкции не поддается узор из овальных ямок и оттисков гребенчатого штампа (рис. 4, *12*).

Следует упомянуть и о мотивах, состоящих из округлых или овальных ямок и зигзагообразных линий, выполненных нарезками или гребенчатым штампом (рис. 4, *9, 14*), о различных сочетаниях гусеничного штампа и

[6] И. К. Цветкова. Стоянки балахнинской культуры в области нижнего течения Оки. МИА, 110, 1963, стр. 65.

[7] Внешний облик посуды восстанавливается, к сожалению, лишь по отдельным фрагментам, так как целых сосудов на стоянке не обнаружено.

[8] Всего в этой группе 770 фрагментов керамики.

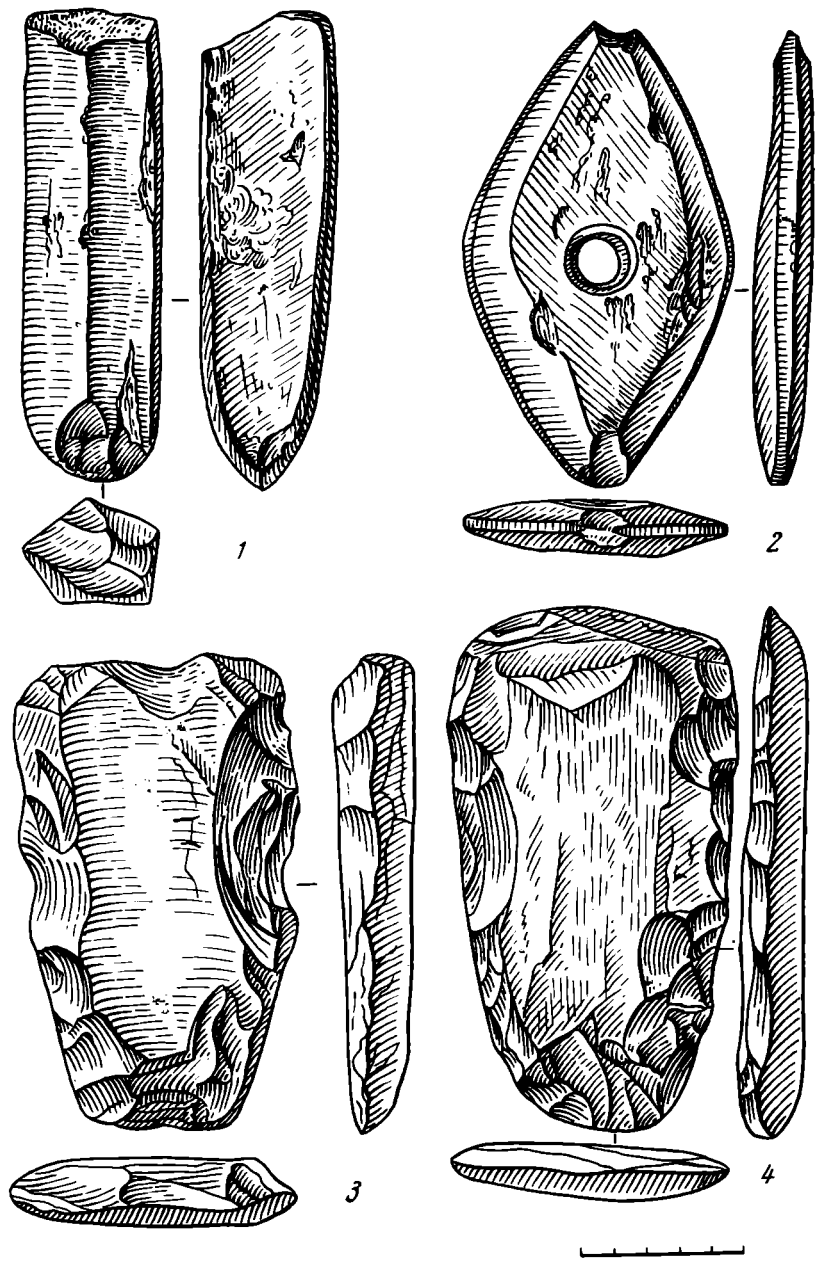


Рис. 3. Каменные орудия со стоянки «Выселки»

крупных, глубоких ямок (рис. 5, *2—4*). Интересны узоры, представляющие собой сетку, исполненную гребенчатым штампом; в каждой ячейке находится ямка (рис. 5, *1, 9*); композиции из треугольников и горизонтальных линий, состоящих из ямок (рис. 5, *10*); своеобразная «елочка», выполненная овальными вдавлениями и округлыми ямками (рис. 5, *7*). Кроме того, характерной чертой рассматриваемой керамики является наличие фрагментов (64 случая) с полями, свободными от орнамента (рис. 4, *13*; рис. 5, *11*).

Область распространения подобной керамики охватывает нижнее течение Оки, где она представлена в материалах первой и четвертой Больше-козинских стоянок[9], на поселении Плеханов бор[10], на Балахнинской стоянке[11], на поселении Сокольское I[12], на стоянках Желнино[13], Гаври-

[9] О. Н. Бадер, М. В. Воеводский. Ук. соч., стр. 298—346.

[10] В. В. Федоров. Плехановская неолитическая стоянка. МИА, 39, 1953, стр. 293—331.

[11] А. А. Спицын, В. И. Каменский. Стоянка каменного века близ г. Балахны. ЗОРСА, VII, 1, СПб., 1905, стр. 1—72.

[12] Л. Я. Крижевская. Неолитическое поселение Сокольское I на Волге. МИА, 110, 1963, стр. 30—48.

[13] И. К. Цветкова. Ук. соч. ,стр. 62, рис. 5, *3*; стр. 77, рис. 12, *1—6*.

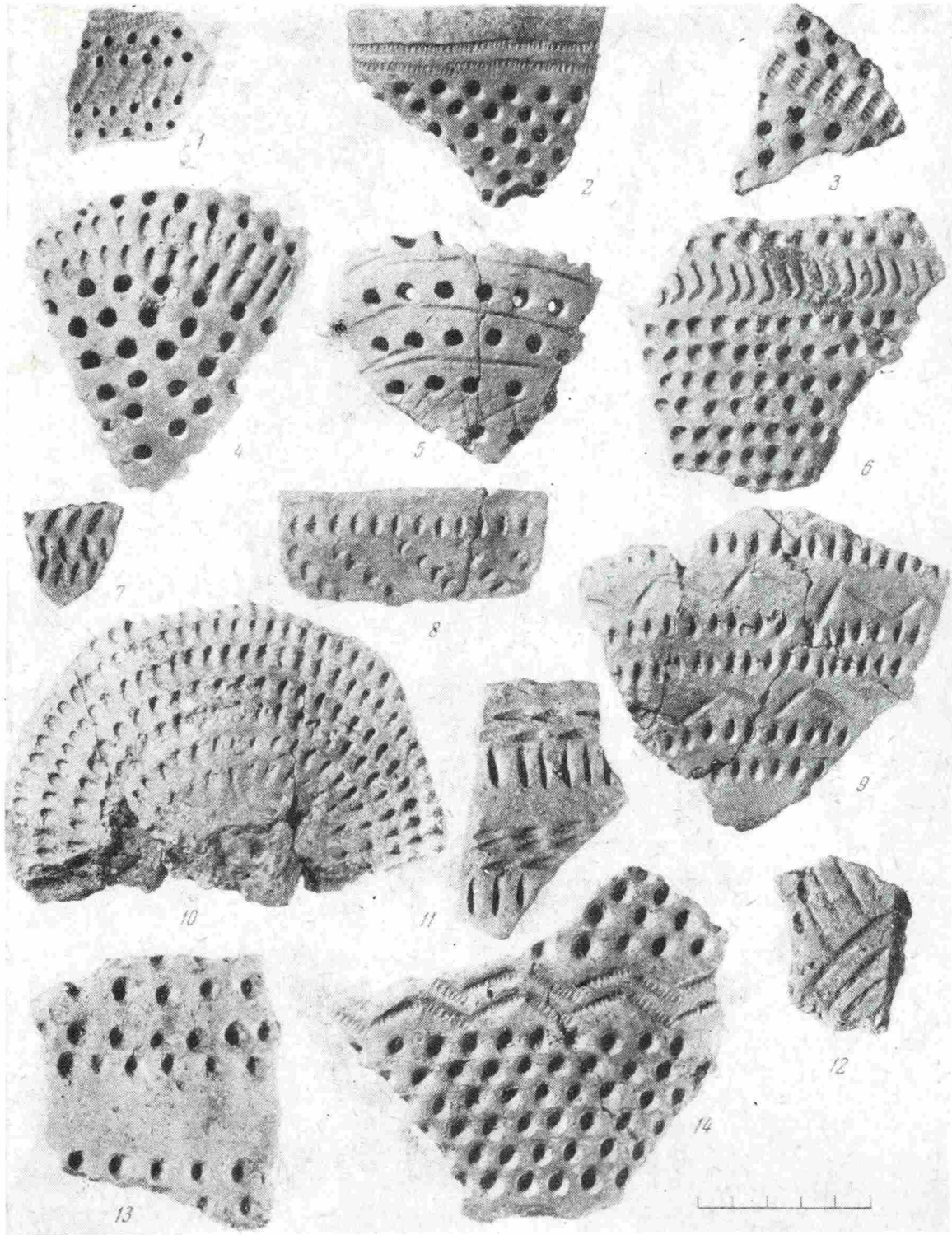


Рис. 4. Керамика со стоянки «Выселки»

ловка IV [14], Гавриловка III [15] и некоторых других. Эта керамика известна также в Ивановской области и в костромском Поволжье, о чем свидетельствуют материалы стоянок Половчинская [16], Станок I [17], Борань [18].

---

[14] Там же, стр. 61, рис. 2—3; стр. 77, рис. 12, *8, 12*.

[15] Там же, стр. 83, рис. 16, *1—3*.

[16] Н. Н. Гурина. Половчинская неолитическая стоянка. КСИИМК, 75, 1959, стр. 70—76.

[17] Н. Н. Гурина. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в костромском Поволжье. МИА, 110, стр. 112, рис. 21, *1, 2, 3*.

[18] Н. Н. Гурина. Неолитическое поселение Борань. МИА, 79, 1960, стр. 188—238.

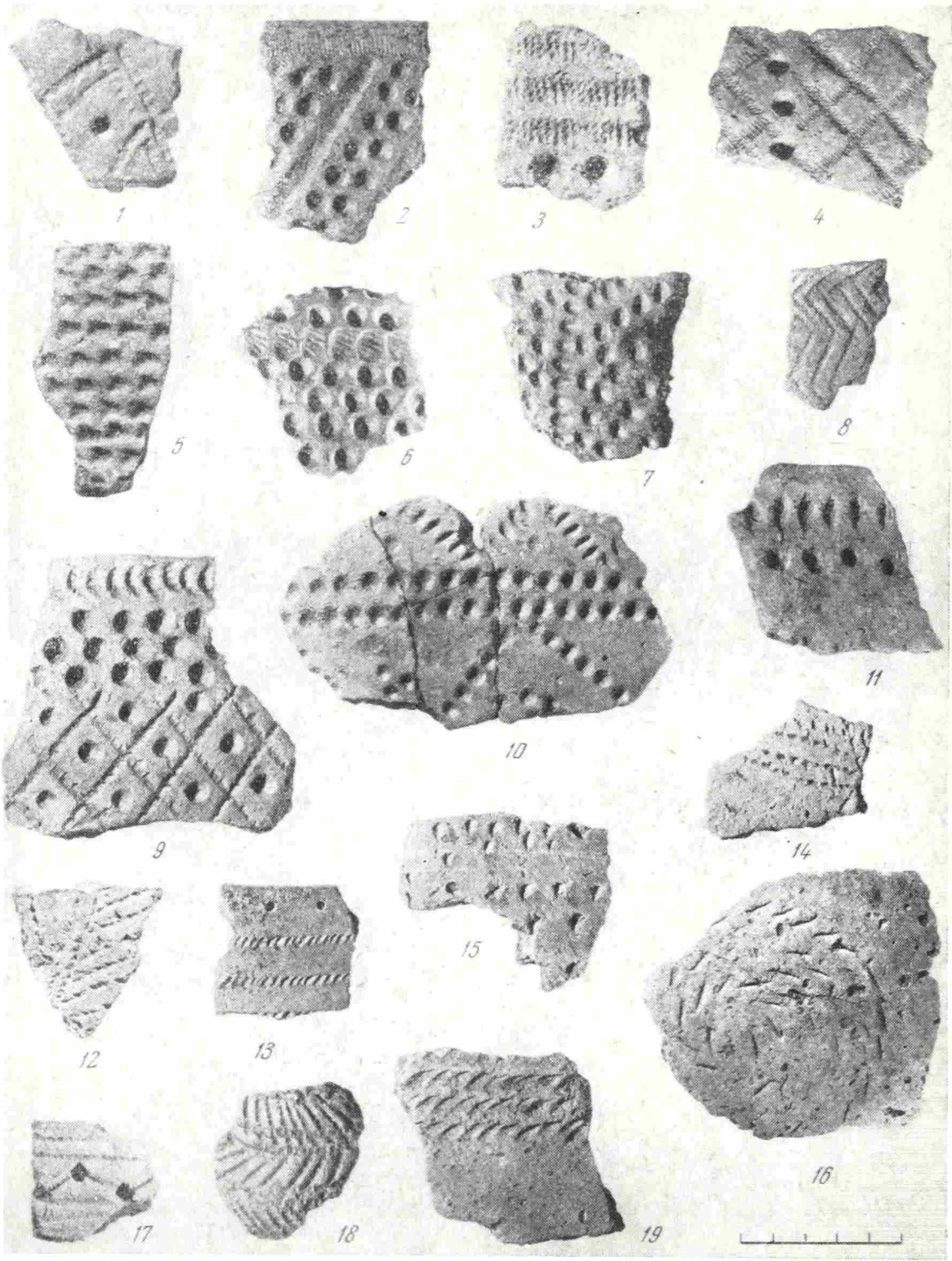


Рис. 5. Керамика со стоянки «Выселки»

Стоянки с керамикой, близкой к вышеописанной, известны в среднем Поволжье вплоть до г. Казани, но, по справедливому замечанию А. Х. Халикова, формы и орнаментация посуды с этих поселений имеют все же несколько иной облик [19].

Большой интерес в данной связи представляет керамика Федоровской стоянки [20], которая, имея сходные орнаментальные мотивы с украшением

[19] А. Х. Халиков. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы. «Тр. Марийской археологической экспедиции», I. Йошкар-Ола, 1960, стр. 66.

[20] М. Е. Фосс. Керамика Федоровской стоянки. ТСА РАНИОН, IV, М., 1929, стр. 505—517.

сосудов поселения «Выселки», все же заметно отличается от последних, тяготея к керамике более северных неолитических стоянок.

Таким образом, керамика первого комплекса со стоянки «Выселки» имеет близкие аналогии лишь на поселениях, расположенных по нижнему течению Оки и в горьковском, ивановском и костромском Поволжье [21].

Керамика второго комплекса со стоянки «Выселки» представлена сравнительно небольшой группой фрагментов [22], значительно отличающихся от посуды первого комплекса. Это — тонкостенные сосуды, обычно с отогнутым наружу венчиком и округлым дном. Сосуды очень легкие, так как примесью к тесту служили органические остатки, выгоревшие при обжиге.

Орнамент на посуде поверхностный, небрежный. Как правило, он наносился лишь у венчика, в единичных случаях украшалось дно сосуда. Элементами орнамента служили неглубокие, зачастую очень нечеткие ямки овальной, округлой формы, иногда бесформенные (26 фрагм.), отпечатки гребенчатого штампа (30 фрагм.), нарезки (2 фрагм.), «отступающий штамп» (5 фрагм.), 27,5% обломков сосудов, относящихся ко второму комплексу, не орнаментировано.

Среди мотивов орнамента можно отметить сочетания горизонтальных и зигзагообразных линий (рис. 5, *17*); ряды наклонных оттисков гребенчатого штампа, заключенных между поясками или зигзагообразными линиями, выполненными тем же штампом (рис. 5, *18*); «елочку» и пояски, нанесенные «отступающей лопаточкой» (рис. 5, *12—14*); горизонтальные ряды из овальных вдавлений (рис. 5, *19*). В некоторых случаях элементы орнамента не составляют какой-либо законченной композиции (рис. 5, *15—16*).

Сравнение посуды второго комплекса с посудой первого позволяет заключить, что они резко отличаются друг от друга. Различие проявляется как в технике изготовления сосудов, так и в характере орнаментации. Следует отметить, что посуды, которая могла бы представлять собой связующие звенья между посудой первого и второго комплексов, нет ни на стоянке «Выселки», ни на других неолитических поселениях Волго-Окского междуречья. Область распространения подобной посуды охватывает нижнее течение Оки и прилегающие районы Поволжья, где она известна на поселении Плеханов бор [23], на Балахнинской стоянке [24], на стоянках Сокольское I [25] и др.

При делении посуды на два различных комплекса возникает ряд интересных вопросов. Следует определить, какие каменные орудия относятся к первому комплексу, а какие — ко второму. В свое время О. Н. Бадер писал, что миндалевидные наконечники стрел и мотыги с поперечным перехватом, обнаруженные на стоянке «Выселки», имеют аналогии в турбинских стоянках Прикамья и их следует связывать с посудой с растительной примесью в тесте. Не исключена возможность, что к отмеченным О. Н. Бадером орудиям следует отнести и остальные мотыги, а также некоторые типы наконечников («сейминского» типа и наконечник с плохо выраженным черешком, имеющим прямое основание), характерных для более поздних памятников. Возможно, к позднему времени относятся и массивные ножи из крупных кремневых пластин, поскольку эти орудия известны лишь на поселениях середины и второй половины II тысячеле-

---

[21] Не исключена возможность, что подобная керамика бытовала и на стоянках ярославского Поволжья. Это выяснится, когда будут опубликованы результаты полевых исследований в этой области.

[22] Вторая группа керамики со стоянки «Выселки» насчитывает 87 фрагментов.

[23] В. В. Федоров. Ук. соч., стр. 320 сл.

[24] А. А. Спицын, В. И. Каменский. Ук. соч., табл. XI, *4*; табл. XIV, *6*.

[25] Л. Я. Крижевская. Неолитическое поселение Сокольское I на Волге, стр. 48.

тия до н. э.[26]. Но основная масса каменных орудий должна быть, по-видимому, связана с ямочно-гребенчатой керамикой, поскольку подавляющее большинство орудий с поселения «Выселки» обычно для неолита восточной части Волго-Окского междуречья, в том числе и для поселений без керамики с растительной примесью.

Выделение особого комплекса орудий, связанного с ямочно-гребенчатой керамикой, на стоянке «Выселки» дает возможность затронуть еще один интересный вопрос. И. К. Цветкова, описывая материалы балахнинских стоянок, отмечала, что орудия, обнаруженные на этих памятниках, «отличались от изделий волосовской культуры, характеризующейся огромным разнообразием и совершенством форм орудий»[27]. Анализ каменных орудий со стоянки «Выселки», связываемых с ямочно-гребенчатой керамикой, проливает несколько иной свет на эту проблему. Разнообразие и совершенство орудий, обнаруженных на стоянке «Выселки», а также некоторые их формы (например, комбинированные скребки-резчики, крупные скребки из больших ножевидных пластин, орудия «с перехватом» для привязи и др.) в какой-то степени сближают комплекс орудий со стоянки «Выселки» с так называемыми «волосовскими» орудиями, что подтверждает гипотезу, высказанную впервые М. Е. Фосс и поддержанную нами, о местном происхождении «волосовской» индустрии (но не культуры!) в среде волго-окских племен с ямочно-гребенчатой керамикой[28]. Это предположение подтверждается также материалами других неолитических стоянок восточной части Волго-Окского междуречья, например Балахнинской, где были найдены скребки-резчики, удлиненные листовидные наконечники стрел, желобчатые долота и т. п.[29], Сокольское I с его комбинированными орудиями и желобчатыми долотами[30], Плеханов бор, в инвентаре которого содержатся чуть ли не все орудия, характеризующие, по А. Я. Брюсову, волосовскую культуру[31].

Сопоставляя территорию распространения керамики первого комплекса со стоянки «Выселки» с ареалом распространения более ранней, родственной ей керамики льяловского типа, которая встречается по всему Волго-Окскому междуречью[32], следует отметить, что интересующая нас керамика известна только на востоке Волго-Окского междуречья, тогда как в остальной его части на поселениях этого периода обнаружена несколько иная по своему характеру ямочно-гребенчатая керамика.

В свое время мы отмечали, что материальная культура племен, живших в центральной и западной частях Волго-Окского междуречья в конце III тысячелетия до н. э. и изготовлявших посуду с ямочно-гребенчатым орнаментом, несколько видоизменилась под влиянием неолитических культур юго-запада (современной территории Украины). Мы допускали мысль, что в этот период имело место проникновение юго-западных неолитических племен в Волго-Окское междуречье, о чем свидетельствуют материалы ряда стоянок на Оке и Клязьме. Это влияние выразилось главным образом в некотором изменении орнаментации ямочно-гребенчатой керамики на поселениях центральной и западной части Волго-Окского междуречья[33]. В восточных районах междуречья подобного изменения не про-

[26] См. О. Н. Бадер. Могильники турбинского типа, их возраст и связь с поселениями. «Археологический сборник», 6, Л., 1964, стр. 112, рис. 4, *10*; стр. 113, рис. 5, *11*.

[27] И. К. Цветкова. Ук. соч., стр. 65.

[28] В. П. Третьяков. К вопросу о каменных орудиях Волго-Окского междуречья. МИА, 131, 1965, стр. 214—222.

[29] А. А. Спицын, В. И. Каменский. Ук. соч., табл. XVI, *5*; XVII, *2, 8*; XX, *28*; XXI, *13* и др.

[30] В. П. Третьяков. Ук. соч., стр. 220.

[31] Там же.

[32] См. В. П. Третьяков. К вопросу о памятниках льяловского типа в Волго-Окском междуречье. КСИА АН СССР, 106, 1966, стр. 11—15.

[33] В. П. Третьяков. О юго-западных связях рязанского неолита. СА, 1964, 4, стр. 18—24.

слежено. Наоборот, здесь отмечается дальнейшее развитие местной культуры, не подвергавшейся существенному инородному влиянию. Различие исторических судеб неолитических племен центральной и западной части Волго-Окского междуречья, с одной стороны, и восточной его части — с другой, по-видимому, и послужило причиной некоторого своеобразия в орнаментации керамики каждой из этих двух областей.

Не менее интересные вопросы возникают и при сопоставлении первого и второго комплексов керамики со стоянки «Выселки». Различие в технологии изготовления сосудов (примеси, толщина стенок) и их орнаментация позволяют предположить, что отмеченные комплексы керамики не связаны друг с другом, причем первый (с ямочно-гребенчатой орнаментацией), имеющий глубокие корни в неолите этой обширной территории, является местным и более древним, в то время как керамика с растительной примесью чужда по происхождению для Волго-Окского междуречья. Анализ орнаментации сосудов второго комплекса со стоянки «Выселки» позволяет говорить о связях с Зауральем, где в III—II тысячелетиях до н. э. обитали племена горбуновской и близких ей культур. Об этом свидетельствуют узоры, выполненные техникой «отступающего штампа», мотивы, представляющие собой ряды наклонных оттисков гребенки, отделенных друг от друга гребенчатыми поясками, а также узоры из горизонтальных рядов овальных вдавлений, где зоны, состоящие из трех-четырех таких рядов, отделены друг от друга неорнаментированными пространствами. Все эти мотивы имеются на керамике стоянки «Выселки» (рис. 5, *12—14, 18, 19*), на других памятниках в Волго-Окском междуречье (например, на Балахнинской стоянке [34]) и на зауральских поселениях [35]. Кроме того, необходимо отметить, что О. Н. Бадер в ряде своих работ убедительно показал связь керамики с растительной примесью (комплекс «Б», по О. Н. Бадеру) с керамикой турбинской культуры в Прикамье. Аналогии, приведенные выше для горбуновской керамики, позволяют, по-видимому, говорить о более широком сдвиге в западном направлении уральского и зауральского населения, результатом которого и могло быть смешение элементов различных культур. В настоящее время, к сожалению, мы не можем проследить путь предполагаемого переселения.

Поскольку выше было показано, что два комплекса керамики со стоянки «Выселки», равно как и с других неолитических стоянок этой области, не связаны друг с другом, возникает вопрос, можно ли в таком случае объединять их в одну культуру, носящую одно название — балахнинская? По-видимому, нет. Кажется целесообразным отнести стоянки с отмеченными комплексами керамики к различным культурам, причем, поскольку первый комплекс (сосуды с ямочно-гребенчатой орнаментацией и с примесью дресвы в тесте) характеризует собой лишь вариант ямочно-гребенчатой керамики в Волго-Окском междуречье, поселения с керамикой этого типа не следует выделять в особую культуру, их надо рассматривать лишь в качестве особого локального варианта (балахнинского) культуры поздней ямочно-гребенчатой керамики. Поселения с керамикой второго комплекса (сосуды с растительной примесью в тесте) надо, очевидно, выделить в особую культуру.

---

[34] А. А. Спицын, В. И. Каменский. Ук. соч., табл. XI, *4*; табл. XIV, *6*.

[35] В. М. Раушенбах. Керамика шигирской культуры. КСИИМК, XLIII, 1952, стр. 65; ее же. Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы. Тр. ГИМ, 29, 1956, стр. 39, 55; Н. П. Кипарисова. О культурах лесного Зауралья. СА, 1960, 2, стр. 12, рис. 4, *1, 7*.

З. А. БИЛИМОВИЧ

АНТРОПОМОРФНЫЕ РУЧКИ БРОНЗОВЫХ ПАТЕР ИЗ СОБРАНИЯ ЭРМИТАЖА

Внимание исследователей античной бронзы к фигурным ручкам сосудов, проявившееся в последние десятилетия[1], объясняется разнообразием образцов и великолепным в большинстве случаев их исполнением. Изготовлялись они во многих мастерских Греции и Италии. Несмотря на имеющуюся обширную литературу по этому вопросу, архаические изделия из бронзы изучены слабо, поэтому выяснение отличительных особенностей того или иного центра производства имеет существенное значение.

Основную часть собрания антропоморфных ручек Эрмитажа составляют ручки чаш или бронзовых патер[2]. К сожалению, сосуды с ручками в целом виде почти не сохранились[3]. Только в некоторых случаях по форме верхней части ручки, примыкавшей к сосуду, можно установить диаметр чаш, а по изгибу пластины, поддерживающей чашу снизу,— их глубину. Поэтому говорить сейчас о формах самих чаш и развитии их стиля в хронологической последовательности не представляется возможным.

Ручки патер изготовлялись в основном в виде обнаженной юношеской фигуры. Исключением является только несколько экземпляров: фигура бородатого мужчины, найденная в Требенище[4], и десять женских фигур с набедренным поясом[5].

Античные мастера литейных дел использовали для ручек патер тот же мотив человеческой фигуры, что и для ручек стоячих зеркал, где мотив

---

[1] О ручках патер см.: M. Gjødesen. Bronze Paterae with Antropomorphous Handles. AA, 15, 1944, стр. 101—187; P. Amandry. Manches de patere et de miroir grecs. «Monument Piot», 47, 1953, стр. 47—70; F. F. Jones. A Bronze Patera in Princeton. «Hesperia». Приложение, VIII, 1943, стр. 209—212; U. Jantzen. Griechische Griff-Phialen. «114 Winckelmannsprogramm», Berlin, 1958, стр. 5—29. Обобщающие сведения дает Шарбонно (J. Scharbonneaux. Les bronzes grecs. Paris, 1958, стр. 44, 48, 49).

[2] О различных названиях сосудов такой формы, которые встречаются в научной литературе, см. U. Jantzen. Ук. соч., стр. 5. Подобные сосуды, сделанные из других металлов, нам неизвестны. Глиняные патеры, являвшиеся подражанием бронзовым типам, наибольшее распространение получили в эллинистическую эпоху, особенно в Италии, в Апулии (см. M. Gjødesen. Ук. соч., стр. 135—136).

[3] Ручки к сосудам припаивались, реже приклепывались; но античный припой был слабым, поэтому в настоящее время скрепленные припоем части в большинстве случаев оказались разъединенными (см. U. Jantzen. Ук. соч., стр. 9). Об античном припое см.: W. Züchner. Griechische Klappspiegel. JDAI, Приложение, 14, Berlin, 1942, стр. 141.

[4] София, Национальный музей; см. B. D. Filow. Die archaische Necropole von Trebenischte. Berlin und Leipzig, 1927, стр. 65, № 79, табл. XII, *1—2*; XIII, *1*.

[5] К списку, составленному У. Янтценом (U. Jantzen. Ук. соч., примеч. 9), можно прибавить аналогичную ручку в виде женской фигуры, хранящуюся в Нью-Карлсбергской глиптотеке в Копенгагене.

этот имеет конструктивное значение[6]. Для ручек же патер применение несущей или поддерживающей фигуры не находит себе полного оправдания, так как на самом деле фигура не поддерживает чашу, а только кладет свои руки на промежуточную пластину, иногда просто касаясь ее кончиками пальцев. Ноги фигуры не покоятся на базе или на почве, а заканчиваются декоративной пальметкой или головкой барана.

Патеры с антропоморфными ручками, возникнув около VI в. до н. э., быстро распространились по греческому материку и на территории Великой Греции и их продолжали изготовлять примерно в течение 100 лет. Прекращение производства таких патер объясняется сменой художественных стилей. В классическое время человеческая фигура стала изображаться в более свободных позах, что оказалось неприемлемым при изготовлении ручек к сосудам[7]. Только через несколько столетий вновь появляются бронзовые патеры, но уже в видоизмененной форме и с желобчатой цилиндрической ручкой, заканчивающейся обычно головкой барана[8].

Многочисленные находки антропоморфных ручек патер на местах древних святилищ: на афинском Акрополе[9], в Сицилии[10], в Додоне[11] и в Дельфах[12] — указывают на то, что эти патеры употреблялись в качестве жертвенных сосудов.

Первые исследования о ручках патер принадлежат М. Гьедезену[13], включавшему в свой каталог 101 предмет. По форме промежуточной пластины, соединяющей ручку с сосудом, М. Гьедезен делит памятники на два основных типа. К первому он относит ручки, у которых промежуточная пластина изогнута по форме края сосуда и орнаментирована резным или пластически выполненным узором. Второй тип характеризуется наличием ажурной пластины с рельефными изображениями на ней двух лежащих баранов. Классификация М. Гьедезена не является классификацией по стилю и по времени изготовления памятников, что он и отмечает. Однако эта классификация удобна и принимается учеными за основу исследования ручек патер. В античной коллекции Эрмитажа представлены оба типа ручек.

Тип I. 1. Ручка в виде юношеской фигуры, поступившая в Эрмитаж из Италии, из коллекции Кампана[14] (рис. 1, *1, 2*).

Юношеский торс трактован довольно плоско, но с четко обозначенными мышцами живота. Врезанными кружками переданы соски груди и пупок.

---

[6] О подставках зеркал в виде мужских фигур из Локр и Сицилии см. U. Jantzen. Bronzewerkstätten in Grossgriechenland und Sizilien. Berlin, 1937, стр. 9—11, 58—60; P. Amandry, Ук. соч., стр. 47—70.

[7] К третьей четверти VI в. до н. э. принадлежит только несколько экземпляров. Главная масса ручек относится к началу V в. до н. э., после чего следуют некоторые запоздалые экземпляры.

[8] См. M. Gjødesen. Ук. соч., стр. 167—168. О патерах с ручками, заканчивающимися головкой баранов, см. A. Radnoti. Die römischen Bronzegefässe von Pannonien. «Dissertationes Pannonicae», сер. II, 6, Budapest, 1938, стр. 81 сл.; M. H. P. Boesterd. The Bronze Vessels in the Rijks Museum. Nijmegen, 1956.

[9] См. A. de. Ridder. Catalogue des Bronzes sur l'Acropole d'Athenes. Paris, 1896, № 703, 706—721, 723—729. По каталогу М. Гьедезена (H. Gjødesen. Ук. соч. № 5, 11, 12—20, 23—27, 31—33, 41, 47, 49, 63, 94.

[10] См. A. Furtwängler. Olympia, IV, Berlin, 1890, табл. VII, *83, 84*; IX, *85, 85a*. По каталогу М. Гьедезена, № 2, 57, 58, 70, 100.

[11] См. C. Carapanos. Dodone et ses Ruines. Paris, 1878, стр. 32, № 8 и 9, табл. XII, *1, 3*. По каталогу М. Гьедезена № 98.

[12] См. «Fouilles de Delphes», V, Paris, 1908, стр. 91, рис. 309. По каталогу М. Гьедезена № 87, 91, 48.

[13] M. Gjødesen. Ук. соч., стр. 101—187.

[14] Инв. № В571а. Общая высота 21 *см*, высота головы 2 *см*, фигуры — 13,6 *см*. Поступила в Эрмитаж в 1862 г. из собрания Кампана. В реставрационной мастерской Эрмитажа была снята с чаши, которой она не принадлежала. Утрачен конец правой части верхней пластины. Патина темно-коричневая с темно-зелеными пятнами. В 1954 г. была очищена от коррозии, покрывавшей поверхность. См. Л. Стефани. Древние бронзы и терракоты. СПб., 1872, № 345. Упоминается: A. de Ridder. Catalogue des bronzes de la Société archéologique d'Athenes. Paris, 1894, стр. 20. № 67; A. Furtwängler. Ук. соч., стр. 26.

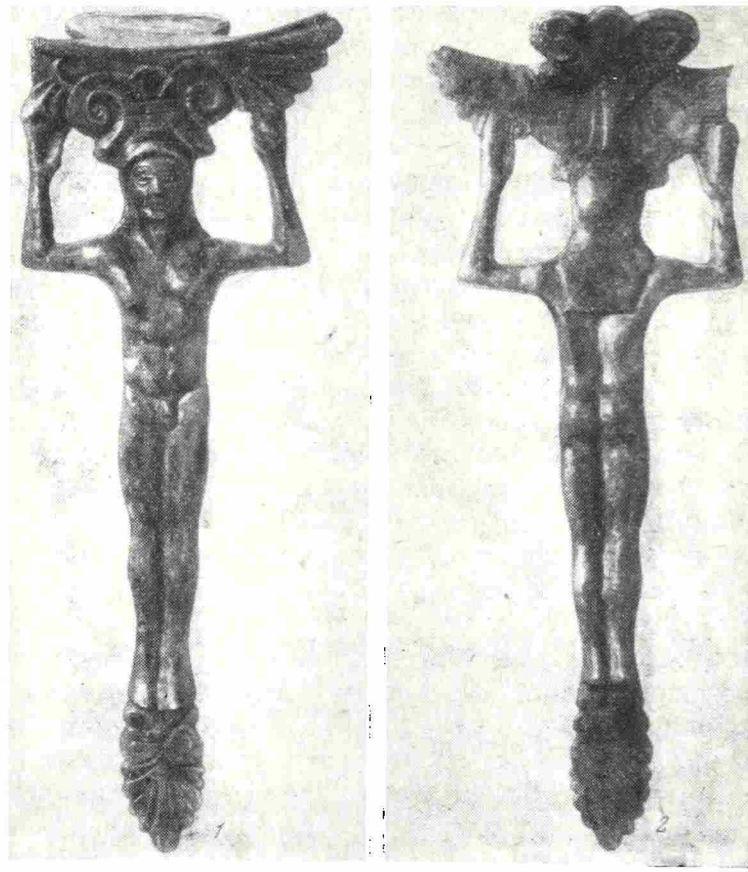


Рис. 1. Ручка патеры акропольской группы

Голова поставлена прямо, шея образует на груди острый выступ. Волосы без гравировки нависают надо лбом ровной изогнутой дугой. Сзади волосы покрывают плечи и спину, заканчиваясь горизонтальной линией. Овал лица круглый, заостренный к подбородку. Большие миндалевидной формы глаза углублены. Нос крупный, небольшой рот полуоткрыт. Ноги сомкнуты, носки вытянуты и опираются на пальметку. Ступни под пяткой имеют прямоугольный вырез. Вытянутые в стороны руки согнуты в локтях почти под прямым углом. Ладонями, обращенными к зрителю, юноша как бы держит изогнутую по форме края сосуда пластину. Из пальцев рук выделен лишь один большой палец. При помощи этой пластины ручка прикреплялась к краю сосуда. Сама пластина орнаментирована двумя рельефными завитками, между которыми расположен овальный листик. Завитки соединены лентой, обозначенной резьбой. По сторонам завитков пластически исполненные полупальметки. Из центра пластины выступает другая изогнутая пластина небольшого размера, поддерживавшая дно чаши. С нижней стороны она также украшена рельефными завитками.

По стилистическим особенностям трактовки фигуры и лица, а также по характеру промежуточной пластины ручка из Эрмитажа должна быть отнесена к аттической, точнее — к акропольской группе [15], что подтверждается большим количеством аналогичных ручек, найденных на афинском Акрополе [16]. Наиболее близкой аналогией является ручка патеры из собрания в Мюнхене [17].

---

[15] M. Gjødesen. Ук. соч., группа I в.; особенно близка к экземплярам №№ 10—19 каталога Гьедезена.

[16] A. de Ridder. Ук. соч., № 224—226, 230, 231, о которых М. Гьедезен высказывает предположение (M. Gjødesen. Ук. соч., стр. 110), что, может быть, они отлиты из одной формы или по одной модели.

[17] U. Jantzen. Griechische Griff-Phialen, рис. 3 и 4, стр. 13 сл. До второй мировой войны сосуд был цел, но во время войны чаша пропала. У. Янтцен отмечает,

Выделение М. Гьедезеном акропольской группы в настоящее время всеми признано. Для этой группы ручек характерны плавный контур и стройность вытянутых пропорций тела юноши с тщательной моделировкой мускулов, плотно сжатые ноги, легкая асимметрия левой руки, одинаковое положение ладоней рук. Высота статуэтки от верхушки головы до ног колеблется от 13 до 14 *см*, размер же головы остается постоянным — 2 *см*[18]. Группа датируется позднеархаическим временем (500—480 гг.).

Совпадая по стилю с другими экземплярами акропольской группы, ручка эрмитажного собрания отличается от них тем, что пластина, служившая для поддержания сосуда, трактована не в виде пальметки, а имеет форму волют с лепестком посередине. Рельеф из завитков и полупальметок сочетается с резьбой, отсутствующей на других ручках акропольской группы. Пальметка, заканчивающая ручку снизу, исполнена небрежно.

Может быть, все это дает нам право присоединиться к мнению П. Амандри, высказанному им по поводу ручки из частного собрания[19]. П. Амандри предполагает, что некоторые экземпляры ручек акропольской группы, возможно, были сделаны в Италии по вывезенным из Греции формам или образцам, где при воспроизведении их были внесены некоторые изменения. Он исходит при этом из наблюдений, что трактовка лица юноши на ручке из частного собрания отличается от трактовки лиц на других ручках акропольской группы.

2. Ручка, поступившая в Эрмитаж из бывшего собрания Строганова[20] (рис. 2, *1, 2*).

Фигура юноши отличается плоскими формами, вялой и суммарной трактовкой мускулов. Длинные ноги с узкими бедрами опираются на голову барана. Довольно широкий овал лица обрамлен пышным валиком волос с вертикальными врезами над лбом. Волосы, трактованные горизонтальными насечками, падают на шею, плечи и спину. Асимметричность частей бросается в глаза резче, чем на других экземплярах: правая рука тоньше левой, но зато ладонь левой руки меньше и короче; правая нога толще левой. Непропорционально широка голова по отношению к ширине плеч. На промежуточной пластине над правой рукой верхний конец орнаментирован как волюта, над левой — остался гладким и имеет другое очертание. Все это свидетельствует о невысоком качестве исполнения.

До известной степени эрмитажный экземпляр может быть сравнен с ручкой из Национального музея в Копенгагене[21]. Кроме сходства промежуточной пластины у обоих памятников, можно уловить сходство в трактовке фигур, в их моделировке, в принципах пропорционального построения. Аналогичную трактовку волос мы видим и на ручке неизвестного происхождения, хранящейся в Карлсруэ[22], которую У. Янтцен также относит к изделиям италийских мастерских.

Найти более близкие аналогии нам пока не удалось, но принадлежность этой эрмитажной ручки к изделиям южноиталийских мастерских послеархаического времени (480—470 гг.) кажется нам наиболее вероятной.

Тип II. Ручки патер, у которых промежуточной пластиной служит вырезной рельеф с изображениями двух лежащих баранов, относятся ко второму типу ручек. Эрмитаж обладает двумя ручками этого типа.

что ручки акропольской группы отлиты из разных форм, сделанных по одному оригиналу.

[18] Речь идет о тех экземплярах, размеры которых известны.

[19] P. Amandry. Ук. соч., стр. 55—59, рис. 3, № 4.

[20] Инв № В1894. Общая высота 23 *см*, высота головы 2,3 *см*, фигуры — 15,1 *см*. Поступила в Эрмитаж в 1926 г.; происходит, вероятно, из Италии. Поверхность потерта. Патина темно-зеленая. Упоминается: H. Hoffmann. Neuerwerbungen Hamburg. Arch. Anz., 75, 1960, 107, № 30.

[21] M. Gjødesen. Ук. соч., 7, рис. 2. Гьедезен относит этот экземпляр к изделиям южной Италии и датирует его 470—460 гг. до н. э.

[22] U. Jantzen. Ук. соч., стр. 25, рис. 19—20.

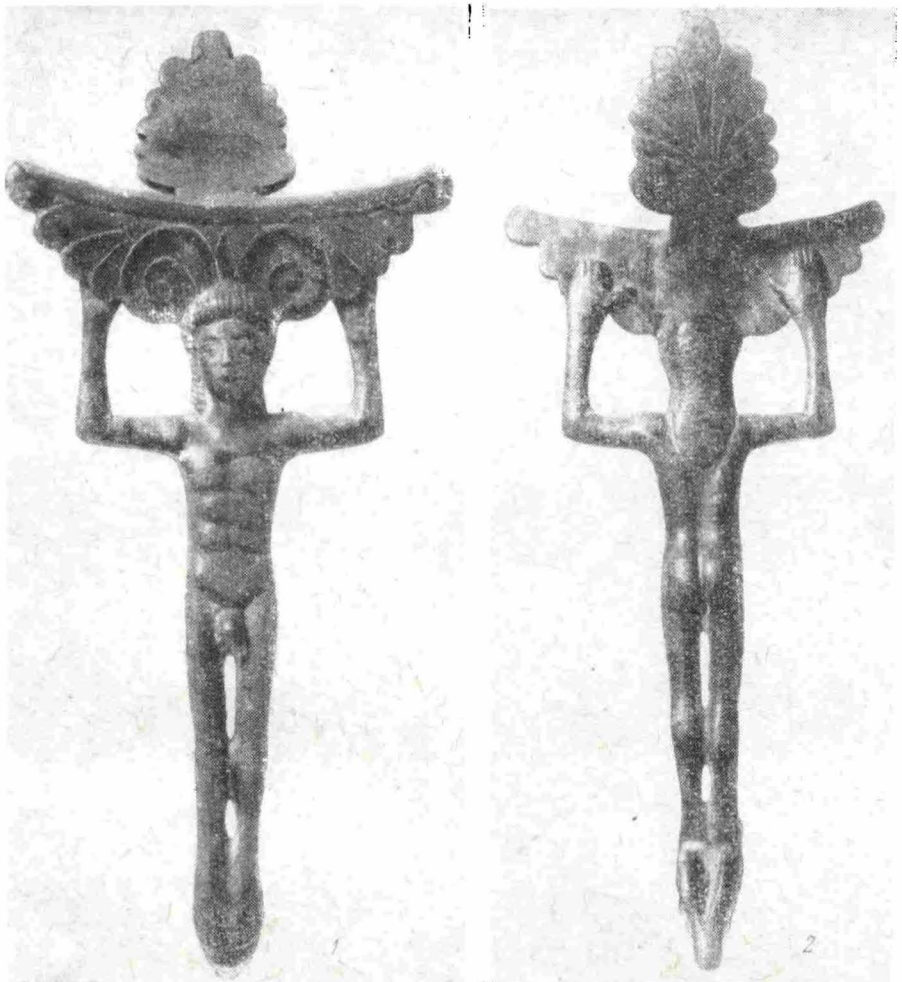


Рис. 2. Ручка патеры южноиталийской группы

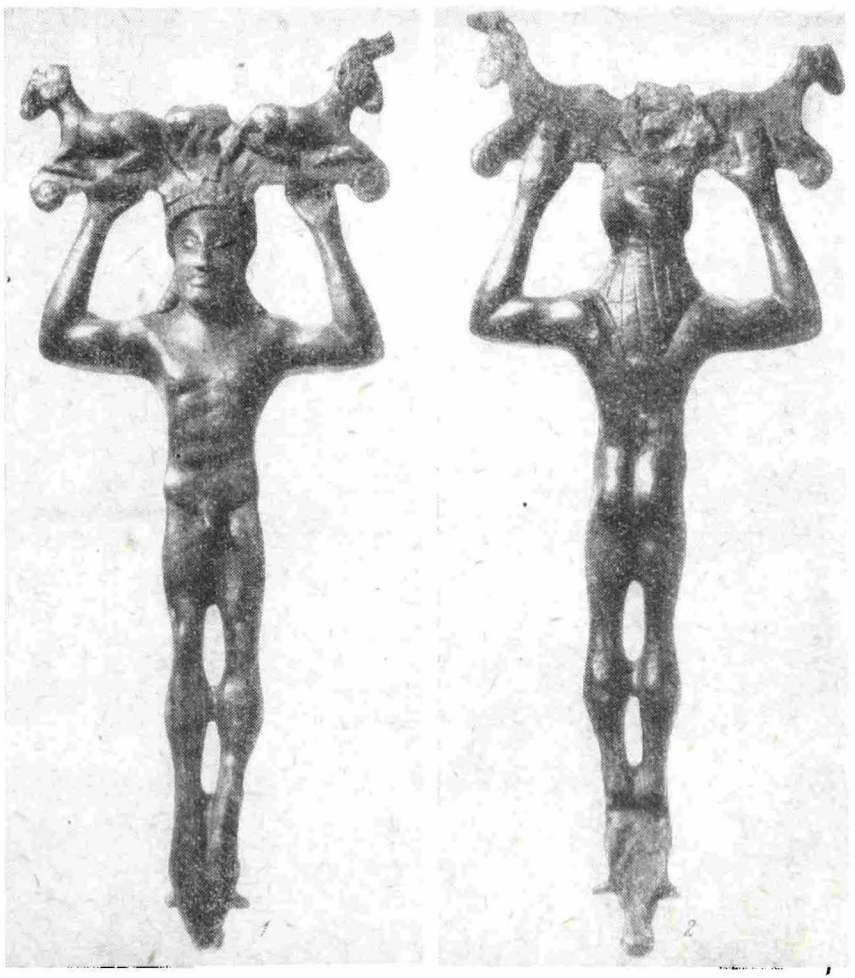


Рис. 3. Ручка патеры южноиталийской группы

3. Ручка патеры из коллекции Пиццати[23], происходящая, по всей вероятности, из Италии (рис. 3, *1, 2*).

От рассмотренных выше экземпляров юношеская фигура этой ручки отличается большей округлостью форм, широкой грудной клеткой, сильно развитыми мускулами. Подчеркнуты мышцы живота, нависающие над узкими и короткими бедрами. Ноги, соприкасающиеся между собой икрами и стопами, опираются на голову барана. Строгое выражение лица юноши еще сохранило черты архаического стиля. Глаза, поставленные асимметрично, миндалевидной формы; веки изображены рельефно, глазное яблоко выпуклое. Волосы трактованы схематично: спереди в виде двух рядов, обозначенных насечками, сзади — условно переданными локонами. На спину волосы спадают конусом с рельефным узлом на конце.

Ажурная пластина с изображениями баранов фрагментирована. В полном виде аналогичную пластину можно видеть на ручке из частной коллекции, опубликованной П. Амандри[24]. В фигурах юношей обоих памятников имеются общие черты: одинаково моделированы мускулы рук, слегка приподняты ключицы. У обоих узкие, короткие бедра и толстые, округлые икры. Руки юношей согнуты в локтях почти под одним углом и одинаково касаются средней пластины. Ручку из частной коллекции, происходящую, как и наш экземпляр, из Италии, П. Амандри датирует временем не позже 480 г. до н. э. и причисляет к изделиям южноиталийских мастерских.

Еще ближе к эрмитажному экземпляру ручка из Кембриджа[25], находившаяся раньше в коллекции Кука[26]. В. Лемб и М. Гьедезен[27] считают ее изделием италийской мастерской и датируют позднеархаическим временем.

По трактовке юношеской фигуры с эрмитажным памятником почти полностью совпадает ручка, хранящаяся в Гамбургском музее. У. Янтцен полагает, что она была сделана в италийской мастерской[28]. Б. Сегал высказывается в пользу пелопоннесского ее происхождения[29]. Г. Гофман, характеризуя памятники, приобретенные гамбургским музеем за период 1950—1960 гг., пришел к убеждению, что гамбургская ручка сделана в Великой Греции, но с подражанием пелопоннесскому типу. Г. Гофман датирует ручку 500 годами до н. э.

Мы склонны присоединиться к мнению Г. Гофмана, так как сравнение фигурных ручек патер с другими произведениями Великой Греции, например из Локр[30], приводит нас к тому же выводу. Для изделий мастерских Великой Греции характерна несколько обобщенная и мягкая обработка тела, текучесть контура удлиненного торса. Все эти черты яснее выделяются при сравнении ручки из коллекции Пиццати с экземпляром, изготовление которого мы относим к мастерской Пелопоннеса.

4. Ручка патеры из IV Семибратнего кургана[31] (рис. 4, *1, 2*).

---

[23] Инв. № В194. Общая высота 21,5 *см*, высота головы 2,5 *см*, фигуры — 15,8 *см*. Поступила в Эрмитаж в 1851 г. Промежуточная пластина фрагментирована: сохранился только остаток верхней изогнутой пластины рельефа, примыкавшей к краю сосуда. Утрачена пальметка, поддерживавшая сосуд с нижней стороны. Верхняя часть головы левого барана обломана. Патина темно-коричневая с зелеными пятнами.

[24] P. Amandry. Ук. соч., стр. 60—62, рис. 4, № 6.

[25] W. Lamb. Greek and Roman Bronzes. London, 1929, стр. 131, табл. 44 *d*.

[26] C. H. Smith and C. A. Hutton. Catalogue of the Wyndham Cook Collection. London, 1908, табл. XXXVII, *51*.

[27] M. Gjødesen. Ук. соч., № 81.

[28] U. Jantzen. Ук. соч., стр. 24, рис. 15—16.

[29] Это мнение было высказано Б. Сегал (письмо в Эрмитаж от 20.II.1959 г.) и приведено Г. Гофманом (H. Hoffmann. Erwerbungen der Antikenabteilung 1950—1960. «Jahrbuch der Hamburger Kunstsammlungen», 6, 1961, стр. 236).

[30] Ср. P. Amandry. Ук. соч., стр. 50, 59, табл. IV, *2*. См. также U. Jantzen. Bronzewerkstätten in Grossgriechenland und Sizilien. Berlin, 1937, табл. 4, *18, 19*.

[31] Инв. № Сбр. IV, 27. Общая высота 24 *см*, высота головы 2,5 *см*, фигуры — 16 *см*. Промежуточная пластина склеена из частей. Поверхность местами сильно

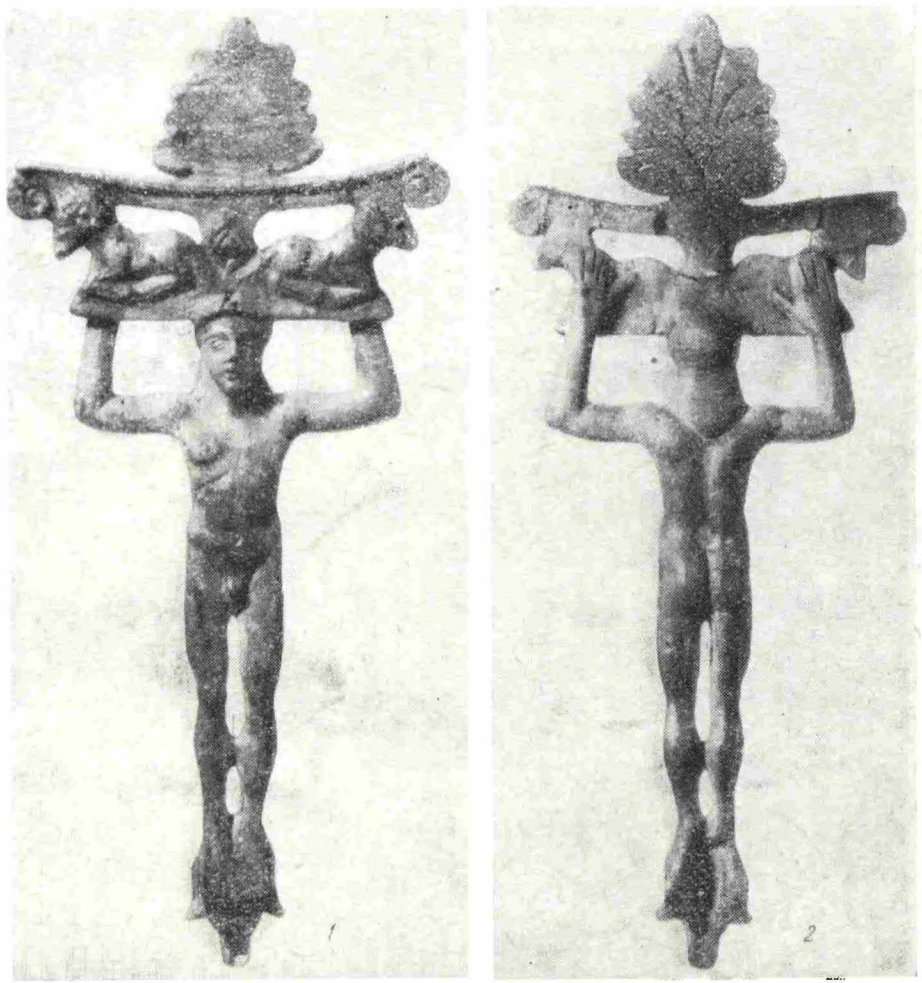


Рис. 4. Ручка патеры пелопоннесской группы

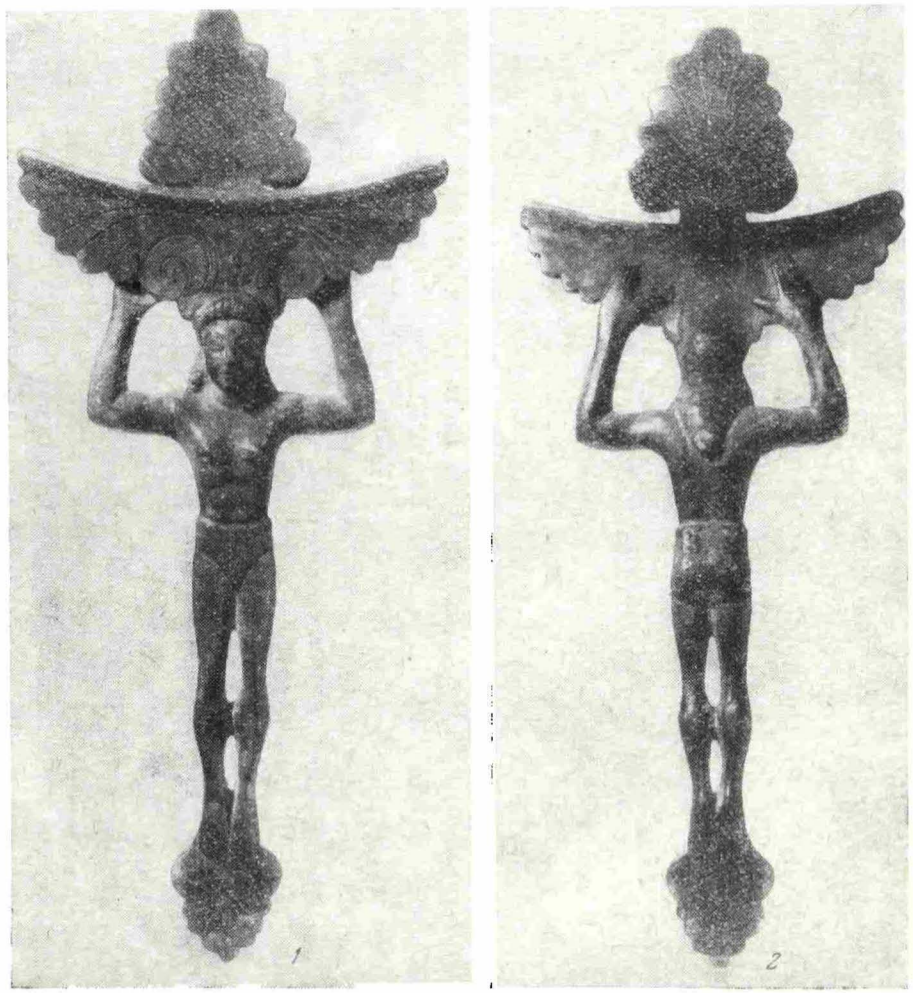


Рис. 5. Ручка патеры южноиталийской группы

Зная эту ручку только по рисунку в Атласе археологической комиссии, М. Гьедезен не смог сопоставить ее с какими-либо другими памятниками и оставил без определения даты и места производства. В альбоме рисунков Ф. Гросса[32] ручка изображена вместе с обломками чаши, которые до настоящего времени найти не удалось.

От ручки № 3 семибратний экземпляр отличается как трактовкой фигуры, так и оформлением промежуточной пластины, сохранившейся на этом экземпляре целиком. Сухо и схематично передан живот юноши; ребра и линии паха отмечены резьбой. Ноги касаются друг друга только в двух местах. Заостренный и вытянутый овал лица, утративший архаическую строгость, обрамлен волосами. Глаза удлиненной формы с опущенными внешними углами. Исполненные насечками волосы заканчиваются между лопатками острым выступом.

Ручка из IV Семибратнего кургана имеет большое сходство с ручкой неизвестного происхождения из частного собрания Ханиель[33]. Обе фигуры одинаковы по пропорциям и аналогичной трактовке тела, волос и глаз. Ажурная пластина с фигурами двух баранов в обоих случаях полностью закрывает ладони. У. Янтцен относит ручку из собрания Ханиэль к послеархаическому времени и высказывается за ее пелопоннесское происхождение. Принимая точку зрения У. Янтцена и относя ручку из IV Семибратнего кургана к изделиям пелопоннесских мастерских послеархаического времени (480—470 гг.), мы склонны присоединить к этой группе памятников также аналогичную по стилю ручку из Берлинского музея[34], которая находилась раньше в собрании Бартольди[35].

5. Особое место в собрании ручек патер Эрмитажа занимает ручка в виде женской фигуры в набедренном поясе, происхождение которой неизвестно[36] (рис. 5, *1, 2*). Ручки в виде женских фигур с набедренными поясами до сих пор еще не изучены. При рассмотрении эрмитажного экземпляра бросаются в глаза мужеподобные формы женской фигуры: хорошо развитая грудная клетка, округлые мускулы, узкие бедра и вытянутые пропорции. Волосы трактованы насечками. Над лбом они образуют ребристый валик, а сзади заканчиваются между лопатками рельефным пучком.

В качестве аналогии эрмитажному памятнику могут быть приведены ручка из Нью-Карлсбергской глиптотеки в Копенгагене[37] и ручка из Триента[38]. Все эти памятники сближает характер трактовки фигуры, головы и прически. Следует лишь заметить, что эрмитажный образец имеет иные пропорции. Близка к ним также ручка из Брюсселя[39], характеризующаяся сходной моделировкой женской фигуры.

повреждена. Патина светло-коричневая. Издана: ОАК за 1876 г., стр. VIII; ОАК за 1877 г., стр. 12, № 13, стр. 17, 18; ОАК, Атлас, 1877, табл. 1, *9*; S. Reinach. Répertoire de la statuaire grecque et romaine, II, Paris, 1908, стр. 88, № 8; A. Furtwängler. Ук. соч., стр. 26, № 86; A. de Ridder. Ук. соч., стр. 259, № 722; его же Catalogue des Bronzes de la Société archéologique d'Athenes. Paris, 1894, стр. 20 № 67; M. Gjødesen. Ук. соч., стр. 123, № 73.

[32] Ф. И. Гросс. Альбом «Планы и рисунки к археологическим раскопкам 1875—1878 гг.». Архив ИИМК, № 567.

[33] U. Jantzen. Griechische Griff-Phialen, стр. 25, рис. 21, 22.

[34] M. Gjødesen. Ук. соч., стр. 121, № 63, рис. 7.

[35] C. Friederichs. Berlins antike Bildwerke. Düsseldorf, 1871, 11, стр. 140, № 584 *d*.

[36] Инв. № В1188А. Общая высота 26,5 *см*, высота головы 2,4 *см*, фигуры — 15,7 *см*. Год поступления в Эрмитаж неизвестен. Поверхность изъедена. Патина темно-зеленая. Ручка была снята с чаши, которой она не принадлежала. Упоминается: U. Jantzen. Ук. соч., примеч. 9.

[37] Эта ручка известна нам по фотографии, присланной в Эрмитаж М. Гьедезеном.

[38] См. Arndt-Amelung. Photographische Einzelaufnahmen antiker Sculpturen. сер. V, № 1382, 1383.

[39] M. Gjødesen. Ук. соч., стр. 129, № 97, рис. 11.

Однако ручка в виде женской фигуры из эрмитажной коллекции отличается не только лучшим качеством исполнения, но и более тонкой и мягкой передачей тела, мягкой, пластической обработкой лица, сочетающейся с грубо изображенными ладонями рук, с небольшой асимметрией в передаче коленной чашечки, причем левая нога — тоньше правой. Вероятная датировка эрмитажной ручки — конец VI в. до н. э. Подтверждением этому служит аналогичная схема брюшных мышц на краснофигурных вазах Евфрония. Идентичная трактовка брюшных мышц наблюдается у куроса из Птоон [40] и на ручке патеры из Принстонского музея [41]. Датируя последнюю концом VI в. до н. э., Ф. Джонс считает ее изделием аттической мастерской, что, впрочем, оспаривают П. Амандри [42] и У. Янтцен [43], которые относят ее к так называемой группе «reggio», т. е. к изделиям южноиталийской мастерской. В качестве предварительного вывода, основанного на сравнении с аналогичными памятниками, мы высказываемся за италийское производство эрмитажного образца, отмечая, однако, что по мягкости трактовки тела и по качеству работы эта ручка может быть выделена из числа других памятников такого рода.

Таким образом, эрмитажная коллекция обладает пятью образцами ручек патер, которые представляют значительный научный интерес. Акропольская группа представлена экземпляром из бывшего собрания Кампана. Изготовление ручки из IV Семибратнего кургана следует, по всей вероятности, отнести к одной из мастерских Пелопоннеса. Наибольшая часть ручек патер собрания Эрмитажа является продукцией южной Италии. Из них наиболее интересной и редкой можно считать ручку в виде женской фигуры с набедренным поясом.

---

[40] G. M. A. Richter. A Handbook of Greek Art. London, 1960, стр. 68, № 83.
[41] F. F. Jones. Ук. соч., табл. 22, 23.
[42] P. Amandry. Ук. соч., стр. 53, примеч. 5.
[43] U. Jantzen. Ук. соч., стр. 22 сл.

Н. И. СОКОЛЬСКИЙ

ИЛЬИЧЕВСКОЕ ГОРОДИЩЕ

В 1962 г. наряду с другими работами Таманская экспедиция начала исследование городища у селения Ильичевка. Необходимость этого исследования была продиктована тем, что в результате работ Таманской экспедиции к этому времени на городищах в северо-западной части Таманского полуострова (или Фанталовского полуострова) стала выявляться оборонительная система этого района, состоящая из крепостей при довольно крупных поселениях[1]. Учитывая географические условия, мы предположили, что в крайней точке северо-западного угла Фанталовского полуострова должно находиться укрепление в качестве необходимого звена обороны в том случае, если известные до того времени крепости, действительно, составляли единую систему. Наличие здесь обширного городища укрепляло наше предположение. В 1962 и 1963 гг. были произведены разведки городища, собран подъемный материал и сделана топографическая съемка (Б. З. Бабкиным). Необходимо отметить, что Ильичевское городище известно давно. О нем упоминают еще Паллас[2], затем Дюбуа де Монпере[3], Я. М. Лазаревский[4] и В. Г. Тизенгаузен[5]. Уже Паллас обратил внимание на центральный холм городища, предполагая в нем остатки укрепления. Я. М. Лазаревский и В. Г. Тизенгаузен сделали измерения этого холма, но данные их расходятся[6]. В 1870 г. В. Г. Тизенгаузен, судя по кратким отчетным данным, произвел значительные раскопки на городище, главным образом на его центральном холме, где было заложено 6 раскопов[7]. Однако В. Г. Тизенгаузен не понял должным образом того, что он копал и в значительной мере испортил памятник. В. Г. Тизенгаузен не оценил важности памятника и работы не возобновлял; тем не менее некоторые его краткие сведения в свете новых данных получают важное значение. В дальнейшем это городище не однажды посещалось археологами, в литературу попадали сведения об отдельных находках из этого района[8].

---

[1] Н. И. Сокольский. К истории северо-западной части Таманского полуострова в античную эпоху. «Acta antiqua philippopolitana. Studia archaeologica», София, 1963, стр. 19—25; его же. Крепость на городище у хутора Батарейка. СА, 1963, 1, стр. 179 сл.

[2] P. S. Pallas. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des Russischen Reiches, II, Leipzig, 1801, стр. 295—296.

[3] F. Dubois de Montpéreux. Voyage autour du Caucase..., Paris, 1843, V, стр. 44.

[4] Я. М. Лазаревский. Курганы Таманского полуострова. Изв. АО, II, СПб., 1861, стр. 30—31.

[5] См. К. К. Гёрц. Археологическая топография Таманского полуострова. Собр. соч., СПб., 1898, стр. 142—143.

[6] Там же, стр. 142.

[7] ОАК за 1870 г., стр. XIII—XIV.

[8] А. С. Башкиров. Археологическое обследование Таманского полуострова летом 1926 г. Тр. ЭАМ I МГУ, 3, М., 1927, стр. 34—35, рис. 6; М. О. Поночевный. Географический очерк Босфорского царства. «Кубанский сборник», II, Екатерино-

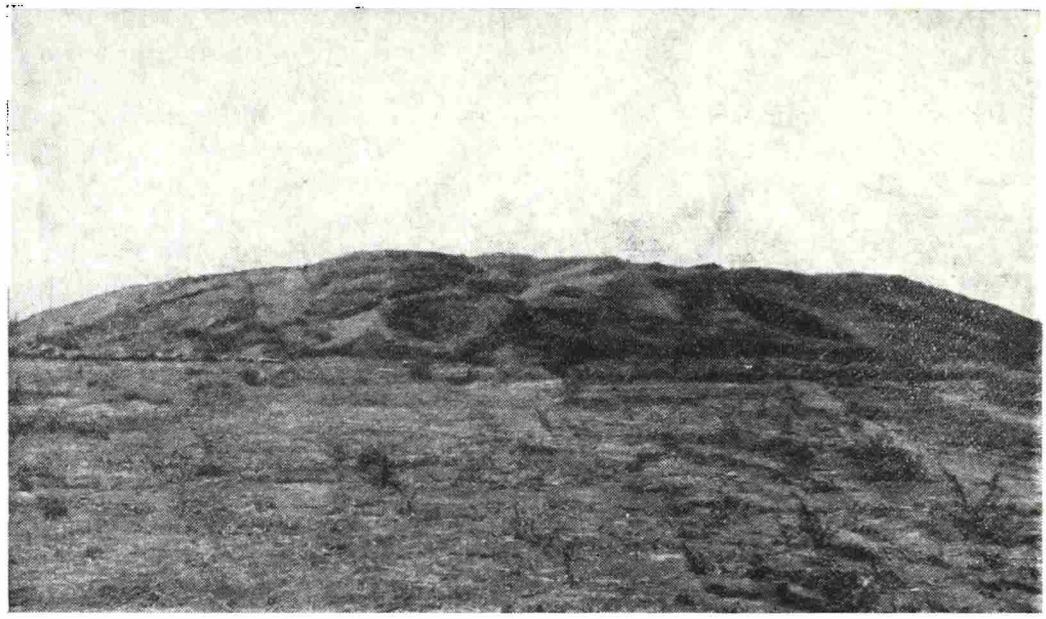


Рис. 1. Центральный холм, или «батарейка»

Ценные сведения о городище были получены Д. Б. Шеловым, проведшим в 1949 г. с группой студентов разведочные раскопки на периферийных участках городища [9]. Несмотря на ограниченные масштабы работ, применение научной методики позволило ему наметить основные хронологические опорные вехи в истории поселения, в общем совпадающие с хронологическими рамками ближайших поселений этого района, исследуемых Таманской экспедицией. Однако Д. Б. Шелов не обратил должного внимания на роль и значение центрального холма городища. Накопленные в результате перечисленных работ сведения о городище все же очень невелики и не дают ответа на важнейшие вопросы о характере и истории поселения, о его хозяйстве и культуре.

Работы Таманской экспедиции являются дальнейшим этапом исследования этого памятника. Топосъемка, сбор подъемного материала, изучение профилей силосных ям и других обнажений культурного слоя, а главное новые раскопки дали ряд важных материалов, которые в сочетании со старыми сведениями и с результатами исследования соседних городищ позволяют принципиально по-новому взглянуть на городище у Ильичевки.

Городище занимает пространство примерно 400 × 400 *м;* оно расположено непосредственно у восточной окраины с. Ильичевка, в 1,5 *км* к северо-востоку от корня косы Чушка (или Северная). В нескольких стах метрах к северу от городища находится высокий (до 20 *м*) береговой обрыв Азовского моря, от которого равнинный рельеф понижается в южном направлении к низкому берегу Денского залива. Поверхность городища неровная и представляет собой группу бугров высотой до 5 *м*, сосредоточенных вокруг наиболее высокого и четко выраженного холма. Городище заросло редкой полевой травой; дерновый слой — мусорный, а в юго-западной части, где бугры выражены наиболее рельефно, грунт сильно золистый, в некоторых местах переходящий в зольные свалки. Городище сильно испорчено различными ямами, в том числе двумя

дар, 1891, стр. 25—26; С. Ф. Войцеховский. Опыт восстановления рельефа Таманского полуострова применительно к эпохе Страбона и позднейшему времени. «Зап. Северо-Кавказск. краевого об-ва археологии, истории и этнографии», III, 5—6, Ростов-Дон, 1929, стр. 9.

[9] Д. Б. Шелов. Городище около хутора Ильичевка. КСИИМК, XXXVII, 1951. стр. 228—231.

огромными траншеями для силоса, вырытыми на восточной стороне центрального холма. К сожалению, до настоящего времени городище служит местом добычи жителями поселка камня из древних фундаментов. В 1964 г. при строительстве дороги начата срезка центрального холма для дорожной насыпи, но это мероприятие было вовремя предупреждено Таманской экспедицией. Экскаватором была срезана часть восточной осыпи. Центральный холм (или «батарейка», как назывались в XIX в. подобные холмы местными казаками) особенно интересен (рис. 1). В плане он представляет фигуру, подобную квадрату с сильно расплывшимися сторонами и углами размером по подножию 100 × 100 *м*. Высота его — 8 *м* от подножия. Холм опоясан узкой низиной, несомненно являющейся остатком заплывшего рва, поскольку холм, как мы и предполагали, в своей основе является руинами древней крепости.

Наверху холма находится чашеобразное углубление; бортами этой «чаши» служат валообразные гряды, являющиеся наиболее высокими частями городища. С южной стороны гряда разрушена; здесь имеются следы заплывших ям и бугры земляных выкидов старых раскопок В. Г. Тизенгаузена. Лучше сохранилась северная часть, где боковые скаты более круты. Большое углубление от старого раскопа осталось на северо-восточном и северо-западном углах. Помимо следов старых ям, края холма прорезаны окопами минувшей войны. Топография и внешний вид холма соответствовали руинам крепости, известным нам по другим городищам; создавалась полная уверенность в том, что с первым штыком лопаты будут открыты остатки крепостной стены под валообразным поясом холма. Однако этого не случилось. История крепости, а вместе с тем и городища оказалась более сложной. Разведочный раскоп «А» (рис. 2) был заложен поперек западной гряды холма с целью пересечь стену. Он состоял из двух площадей размером 5 × 3 *м*, вытянутых в одну линию, отклоняющуюся к югу от

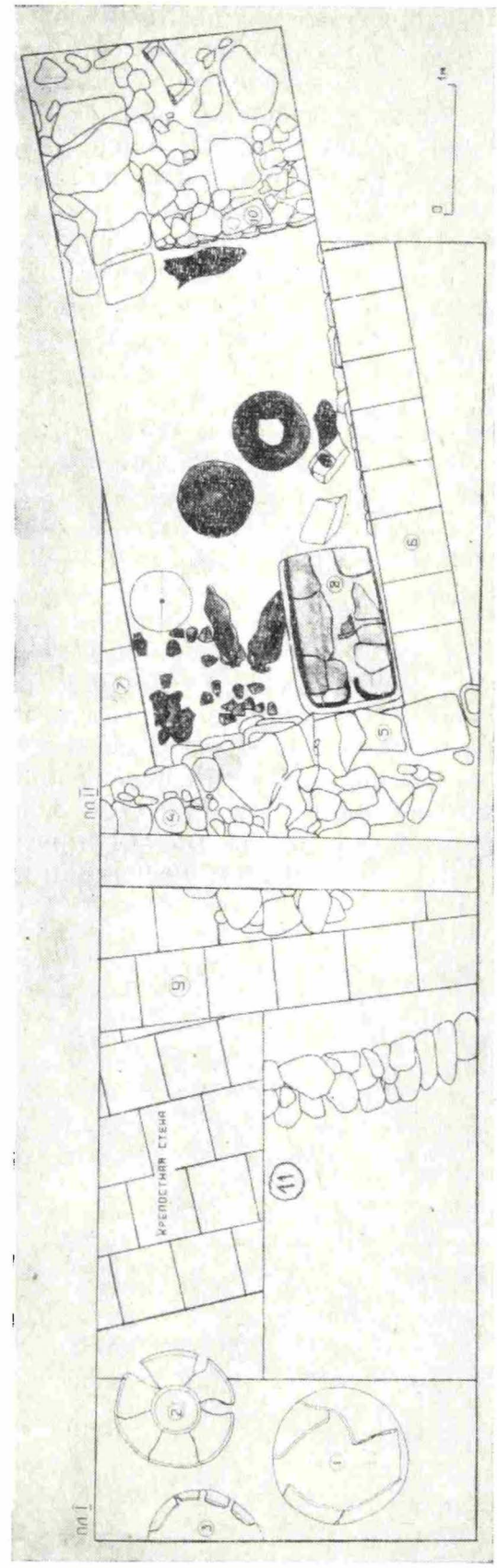


Рис. 2. План раскопа «А». Цифры указывают номера объектов
1, 2, 3 — средневековые пифосы; *4* — фундамент средневековой постройки; *5, 6, 7, 10* — стены помещения поздневантичного дома; *8* — печь; *9* — сырцово-кирпичная часть западной стены дома; *11* — крепостная стена I в. до н. э.— I в. н. э.

линии запад — восток на 21°. В ходе работ раскоп занял площадь 33 *м*². Несмотря на небольшие размеры, этот раскоп дал ответы на некоторые важнейшие из интересующих нас вопросов.

Раскопки доведены нами до строительных остатков, занявших всю площадь раскопа. Дальнейшее углубление возможно только при значительном расширении площади (наибольшая глубина раскопа 3,5 *м*). В раскопе зафиксированы три ярко выраженных слоя: 1) нижний — сырцово-кирпичная стена; 2) средний — часть дома IV в. н. э.; 3) верхний — средневековый слой IX—X вв. Находок более раннего времени почти не встречалось, однако две монеты III и II вв. до н. э., найденные в верхнем слое, говорят о жизни здесь в эллинистический период.

1. Крепостная стена, открытая в пределах 1-й (западной) площади, как и предполагалось, была сложена из желтоглиняных сырцовых кирпичей размером 0,52 × 0, 52 × 0,07 *м* (заметим, что небольшие отклонения от этих размеров кирпичей в ту или иную сторону объясняются результатом деформации). Верхние из сохранившихся кирпичей кладки обнаружены на глубине 1,50 *м* от поверхности раскопа. Стена прослежена на высоту до 1,90 *м*, близко к подножию, как мы полагаем, хотя само подножие не обнаружено в связи с технической невозможностью углубления без разрушения кладки. Четко обнаружен западный край стены, проходящий точно по линии север — юг. Стена открыта на длину 3 *м*, (т. е. равную ширине раскопа), ширина ее 2,20 *м*. Однако первоначально она была шире; восточный ее край соприкасается со стеной позднеантичного периода. В месте наибольшего углубления у южного борта, где благодаря перекопу стена прорезана наиболее глубоко, обнаружена каменная кладка (глубина 2,70—3,00 *м*) под сырцовокирпичным массивом крепостной стены. Она имела ширину 0,60 *м*, толщину в 2—3 необработанных камня (известняки, песчаники и др.) средней величины. Являлась ли эта выкладка собственно фундаментом или внутренним каменным стержнем, мы не решаемся сказать до явного обнажения подошвы.

Керамических материалов, связанных со временем постройки этой стены, на раскопе нет, ибо сверху нее залегают поздние слои, а с запада находится позднейшая осыпь. В сырцах самой кладки найдено два мелких невыразительных фрагмента амфор, видимо, эллинистического времени. Однако система кладки, размеры кирпичей и географическое положение, при котором крепость входила в единую цепь оборонительной системы на Фанталовском полуострове, красноречиво говорят о том, что она построена была одновременно с другими крепостями этого района (Батарейка I, Батарейка II, Красноармейское, Каменная Батарейка), т. е. в I в. до н. э. Этот вывод подтверждается материалами раскопок Д. Б. Шелова, свидетельствующими о том, что интенсивная жизнь на городище начинается с I в. до н. э. и что этот наиболее ранний культурный слой городища лежит непосредственно на материке [10].

Таким образом, наши раскопки зафиксировали еще одно звено боспорской оборонительной системы острова, которым являлся данный район в античное время и который составлял особый военно-административный район Боспорского царства. Крепость и поселение у Ильичевки в период I в. до н. э.— I в. н. э. должны были играть выдающуюся роль, так как они были расположены в стратегическом пункте, важность которого определялась близостью к проливу и месту кратчайшей переправы через него, связывавшие две части Боспорского государства.

2. Дом IV в. н. э. Материалы предыдущих раскопок указывают, что городище продолжало жизнь во II—III вв. н. э. Крепость, вероятно, как и другие крепости района, подверглась нападению врагов на рубеже I и II в. н. э. Но об этом периоде жизни крепости раскопки 1964 г.

---

[10] Д. Б. Шелов. Ук. соч., стр. 229—230.

Рис. 3. Западная часть помещения в процессе расчистки

не дали материалов. Слои этого периода в пределах раскопа оказались перекрытыми остатками позднеантичного дома, открытое помещение которого почти совершенно точно вписалось в габариты площади II раскопа. Это помещение (рис. 3), богатое находками, представляет особый интерес, поскольку характеризует позднейшую веху в истории Боспора, столь мало еще изученную. Мощность позднеантичного слоя определялась высотой сохранившихся стен и достигала 1,60 *м*. Нижний ярус заполнения помещения толщиной до 0,80 *м* являлся остатками пожарища; это была смесь земли с золой, сажей и углями сгоревшего перекрытия; этот слой включал большое количество различных находок. Верхний ярус слоя состоял из серо-коричневого суглинка, образовавшегося в результате разрушения верхних частей сырцово-кирпичных стен; в нем также заметны следы большого пожара, при котором погиб дом.

Открытое помещение в плане представляло собой прямоугольник, ориентированный длинными сторонами с запада на восток; размер внутреннего пространства — 3,80 × 2,0 *м*. Вход в помещение шириной 0,80 *м*, с двумя спускающимися со двора каменными ступеньками, находился у северо-восточного угла. Земляной пол его находился на глубине 2,65—2,75 *м* от современной поверхности возвышенного края холма.

Стены помещения состоят из каменного цоколя-фундамента и возвышающейся на нем сырцово-кирпичной кладки. Цоколи сложены в обычной для позднеантичного Боспора технике, т. е. в два наружных панциря с забутовкой между ними более мелким камнем. Необработанные камни различных пород довольно тщательно положены на глиняном растворе. Подошвы цоколей углублены ниже пола (на 0,05—0,20 *м*). Высота цоколей составляет 0,50—0,60 *м*. Сырцовая кладка стен сохранилась до высоты 1,20 *м*, однако границы кирпичей зачастую слиты, а сами кирпичи деформировались.

В основном в кладке стен использованы кирпичи размером 0,55 × 0,55 × 0,08 *м* или 0,54 × 0,54 × 0,07 *м*, сделанные из желтой пористой и более рыхлой глины, чем кирпичи крепостной стены. Подобное различие в размерах и качестве сырцовых кирпичей I в. до н. э.—

I в. н. э. и позднеантичного времени мы фиксировали уже на городище Батарейка-I. Все стены изнутри были покрыты обмазкой из ярко-желтой отмученной глины. Вместе с обмазкой толщина южной и северной стен составляла 0,57—0,68 *м*. Спускаясь по цоколю, обмазка скругляла угол, переходя в пол, на котором лежало много кусков обмазки, упавших сверху. Пол помещения представляет собой зольно-глиняную трамбовку, не раз обновлявшуюся, а потому слоистую; от входа он несколько понижался, а затем на большей части помещения был горизонтальным, хотя и имел вмятины и заплывшие углубления для сосудов.

Западная стена помещения имела иной характер. Она была вдвое толще (т. е. до 1,10 *м*), ее каменный цоколь был значительно выше и достигал 1,45 *м*, кроме того, в его кладке использованы более крупные, хотя также необработанные камни (например, 0,71 × 0,38 × 0,21 *м*). Сырцовая кладка имела два полных кирпича по ширине. Стена сильно накренилась к западу, а южный ее отрезок был разрушен глубоким перекопом. Но главная особенность этой стены заключается в том, что с западной, внешней, стороны она была усилена дополнительной сырцово-кирпичной кладкой шириной в два кирпича (до 1,20 *м*). Подошва этой дополнительной кладки лежит на горизонте подошв каменных фундаментов дома (2,90 *м* от поверхности). Таким образом, общая толщина западной стены достигает 2,30 *м*. Нетрудно сделать вывод, что эта внешняя стена имела оборонительный характер. Нужно думать, что такая стена опоясывала весь позднеантичный поселок, расположенный на руинах более ранней крепости.

Несомненно, что эту стену и обнаружил В. Г. Тизенгаузен в 1870 г. Действительно, в отчете о его раскопках сообщается, что «насыпь» холма «имеет по краям каменное основание или каменную стену», сложенную из дикарных и тесаных известняковых плит [11]. В фундаментах стены В. Г. Тизенгаузен обнаружил ряд рельефных, в том числе полихромных надгробий. Некоторые надгробия имели греческие надписи, датирующиеся I—II вв. н. э.[12]. В 1910 г. здесь же найден еще ряд надгробий I—II вв. н. э.[13].

К основной обводной стене были пристроены жилые и хозяйственные помещения, подобные помещениям ранее погибших крепостей на соседних городищах. Поэтому раскопанное нами помещение не должно быть единственным; к югу и северу от него должны располагаться другие смежные помещения, требующие исследования. Судя по открытому входу и части мостовой, перед помещением был двор, среди камней которого обнаружена половина гранитного квадратного жернова.

Стены внутри помещения покрыты сажей и даже прокалились в процессе пожара. В юго-западном углу располагалась глинобитная печь хорошей сохранности с прямой верхней плитой, обрушившейся внутрь. В плане печь представляет прямоугольник (1,10 × 0,78 *м*) со скругленными углами; устье ее в виде арки расположено с северной стороны; высота стенок — 0,35—0,43 *м*, толщина их — 0,12—0,14 *м*. Печь имела две внутренние подпоры для поддержания верхней плиты, отходившие от западной и восточной стенок. Печь, видимо, недолго была в эксплуатации, так как ее стенки, покрытые обмазкой, не успели сильно прокалиться. Под печи ровный, он находится на несколько сантиметров выше

---

[11] ОАК за 1870 г., стр. XIII.

[12] «Корпус боспорских надписей». М.— Л., 1965, № 1025, 1027, 1028, стр. 592—593.

[13] «Корпус боспорских надписей», № 1023, 1024, 1026, 1029—1035; В. В. Шкорпил. Боспорские надписи, найденные в 1910 г. ИАК, 40, СПб., 1911, № 5, 9—12, 14—16, 23, 24. Издатели надписей различают место находок надгробий В. Г. Тизенгаузеном в 1870 г. и С. Куксенко в 1910 г. Между тем это один и тот же холм — «батарейка» (ИАК, 40, стр. 96, примеч. 1), названный владельцем участка С. Куксенко «курганом». В этом «кургане» не могло быть склепа, как полагал В. В. Шкорпил. Надгробия, несомненно, происходят из фундаментов позднеантичного поселения.

пола помещения. Печь погибла в момент действия; она наполовину заполнена золой и сажей от сгоревшей соломы вместе с недогоревшими обуглившимися нетолстыми ветвями деревьев. Около устья стояли два лепных сосуда: большой горшок и средних размеров чашка с прямыми наклонными стенками. Любопытно, что эта чашка снаружи была облеплена толстым слоем желтой и совершенно не успевшей прокалиться глины.

Многочисленные находки на полу помещения были в полном беспорядке, камни из пола юго-восточной части комнаты вывернуты, вкопанная в пол известняковая ступа повалена, большинство сосудов разбито, причем фрагменты их разбросаны в разных местах; частей ряда сосудов не достает. Видимо, дом погиб при вражеском нашествии, помещение было вначале ограблено, взяты наиболее ценные вещи, а затем дом подвергся разгрому и сожжению.

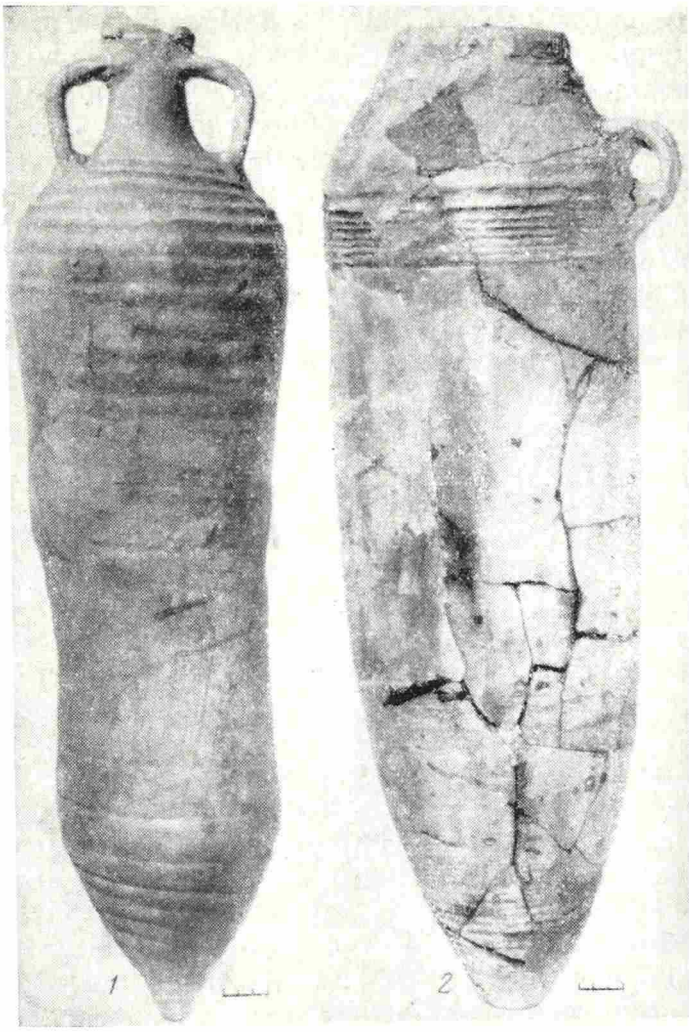


Рис. 4. Амфоры типа I и III

1 — красноглиняная удлиненная с перетянутым туловом (тип I); 2 — амфора-корчажка (тип III)

Наибольшее количество находок было сосредоточено около печи и в середине помещения. Черепицы здесь не найдено: дом был покрыт морской травой по деревянной обрешетке. Основная масса находок, естественно, принадлежала обитателям помещения. Однако некоторое количество мелких фрагментов сосудов (пифосов, амфор, краснолаковых более раннего времени) попало в помещение случайно вместе с перемещением грунта и из пола. В помещении находилось не менее 25 амфор, представляющих редкий одновременный комплекс, состоявший из нескольких типов и их вариантов.

К первому типу относятся красноглиняные, удлиненных пропорций амфоры с короткими ручками, узким невысоким горлом и перетянутым туловом (5 экз.) (рис. 4, *1*). Подобная амфора, датируемая IV в. н. э. и содержавшая нефть, была обнаружена в Тиритаке [14]. Там же, в позднеантичном доме, погибшем при пожаре, найдены еще аналогичные амфоры [15]; такая же амфора была найдена в Керчи [16]. Одна из ильичевских

[14] В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Мирмекия и Гиритаки, археологические разведки на Керченском полуострове в 1937—1939 гг. ВДИ, 1940, 3—4, стр. 312—313, рис. 10.

[15] В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг. МИА, 25, 1952, стр. 119—120, рис. 149.

[16] И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора. МИА, 83, 1960, стр. 121, табл. XL, *103*. Недавно подобного типа амфора, но с более широким горлом найдена Георгием Шамба в могильнике Ахаччархва у Сухуми.

амфор оказалась совершенно целой, ее высота — 0,72 *м*, диаметр тулова у плеч — 0,22 *м*. Остальные были раздавлены, но аналогичны. Судя по коричневому осадку на дне, все эти амфоры были наполнены вином.

Ко второму типу, представленному значительным количеством экземпляров, относятся небольшие, разного размера круглодонные амфоры с маленькими профилированными ручками, в большинстве с ребристыми стенками и едва заметной перетяжкой тулова. Наибольшая из них имеет высоту 0,55 *м*, другие 0,40—0,42 *м* при диаметре тулова у плеч 0,20—0,22 *м*. На дне ряда этих амфор обнаружены кости мелкой рыбы, т. е. амфоры применялись для хранения соленой рыбы типа хамсы. Внутри второго типа сосудов выделяются варианты: а) красноглиняные толстостенные, тяжелые, с белой обмазкой (3 экз.) (рис. 5, *1*); судя по глине, они пантикапейского производства. Нередко их называют амфорами-корчажками [17]. Одна из таких амфор имеет сильные вмятины; по белой обмазке ее нанесены ярко-красные знаки; близкая по форме амфора была найдена в позднеантичном доме в Тиритаке [18], хотя последняя имела серовато-светлую глину; б) красноглиняная тонкостенная неангобированная амфора с гладкими стенками; (рис. 5, *2*); в) светлоглиняные амфоры наиболее крупные из этого типа (4 экз.). Одна из них (рис. 5, *3*) высотой 0,55 *м* и диаметром тулова у плеч 0,26 *м* хорошо сохранилась; по тулову ее в разных местах нанесены красные кружки, а на плече имеется система знаков, составляющая надпись; г) остальные амфоры этого типа (рис. 5, *4*), сделанные из хорошо промешанной глины оранжево-коричневых оттенков, отличаются хорошей выделкой, небольшими размерами и несколько удлиненными пропорциями по сравнению с амфорами-корчажками первого и третьего вариантов. Они имеют индивидуальные отличия. И. Б. Зеест выделяет один из видов их (рис. 5, *4*) в отдельный тип круглодонных амфор IV в. н. э. [19]. Подобная амфора найдена в доме IV в. н. э. в Тиритаке [20]. Все эти амфоры появляются на городищах Крыма, Таманского полуострова и Кавказского побережья в IV в. н. э. и продолжают свое развитие в последующее время (V—VII вв.), охватывая все бо́льший ареал распространения. Среди найденных на городище у Ильичевки амфор есть несомненно боспорского производства (красноглиняные) и привозные (светлоглиняные).

Третий тип представлен удлиненной амфорой (рис. 4, *2*), верхняя часть которой имеет действительно полное сходство с корчажкой, ибо у нее нет выделенного горла, а ручки атрофированы — они имеют вид ушек, расположенных на плечах; дно заостренное. Работа грубая, а красно-оранжевая глина ее аналогична глине сосудов, производившихся на поселениях фанталовского полуострова в I в. н. э. Близкие по форме амфоры-корчаги V—VII вв. известны из Херсонеса [21]; однако дно херсонесских амфор округлое; вероятно, наша амфора — родоначальник этого типа.

От амфор четвертого типа сохранились лишь три массивные сосковидные донца (рис. 6, *1*). Это были большие пузатые красноглиняные сосуды, несколько более ранние, чем предыдущие, поскольку к моменту гибели помещения они были уже разбиты и не использовались. Однако подобных амфор еще не зарегистрировано ни на одном из ближайших городищ; возможно, что они были фанагорийского производства, поскольку в 1964 г. совершенно подобное дно было обнаружено М. М. Кобылиной внутри обжигательной печи IV в. н. э.

---

[17] И. Б. Зеест. Ук. соч., стр. 120, табл. XXXIX, *98*.

[18] В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг., стр. 121—122, рис. 150, *1*.

[19] И. Б. Зеест. Ук. соч., стр. 120, табл. XXXIX, *99*.

[20] В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг., стр. 24, рис. 13.

[21] А. Л. Якобсон. Средневековые амфоры Северного Причерноморья. СА, XV, 1951, стр. 327, рис. 3, 9, 10.

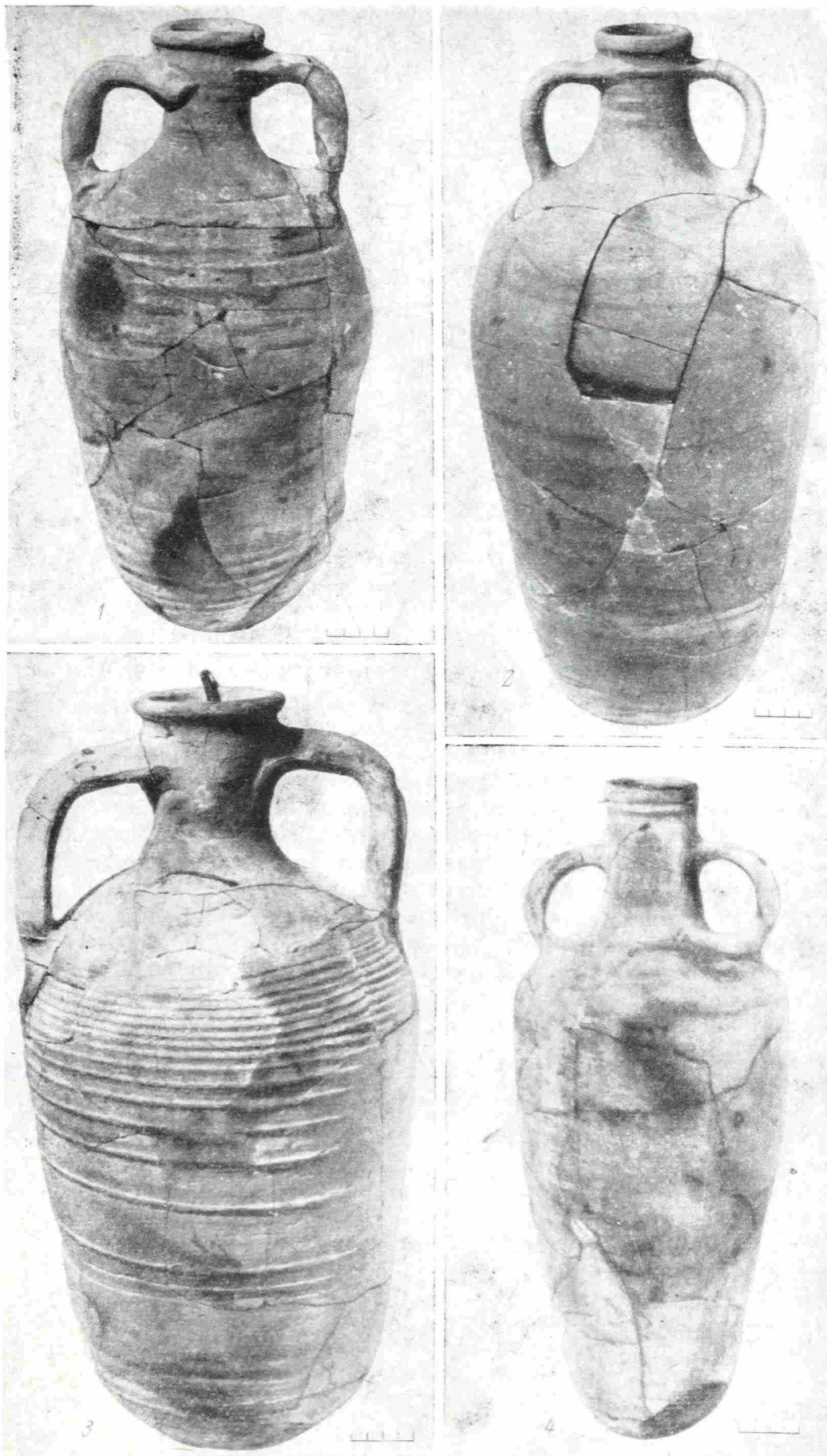


Рис. 5. Амфоры (II тип, круглодонные)

1 — красноглиняная толстостенная; *2* — красноглиняная тонкостенная гладкая; *3* — светлоглиняная со знаками; *4* — оранжеваглиняная

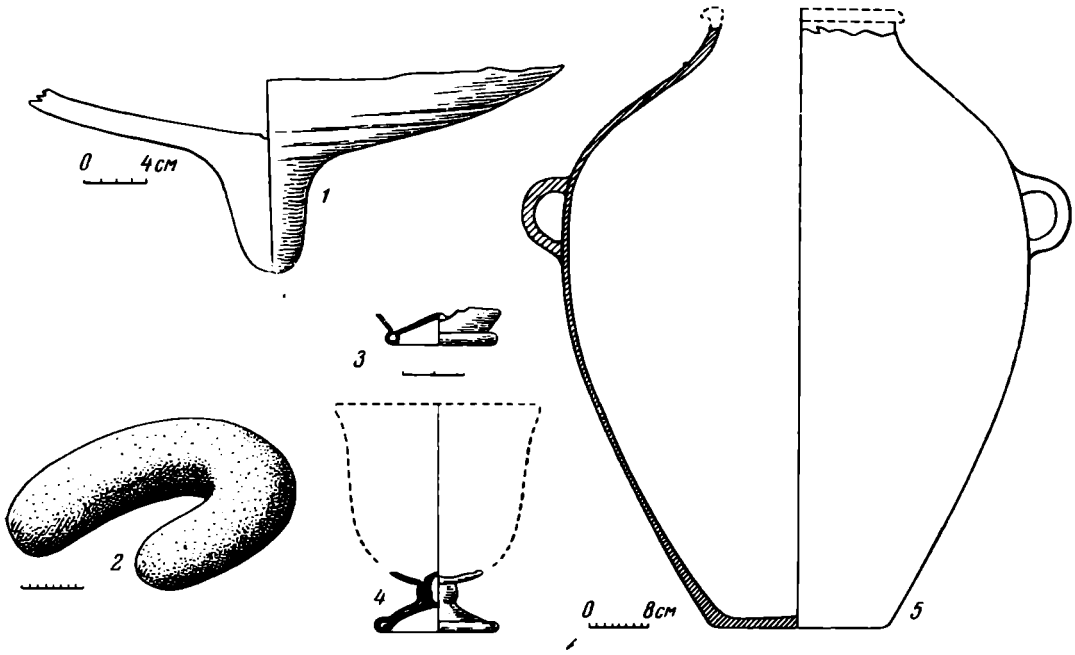


Рис. 6. Находки в помещении

1 — дно амфоры (тип IV); *2* — глиняная подставка; *3* — дно стеклянного стакана; *4* — дно стеклянной рюмки; *5* — красноглиняная корчага

Амфоры, подобные ильичевским, как видим, встречались в боспорских городах и поселениях ранее и датированы исследователями IV в. н. э. Значение ильичевского комплекса заключается в том, что он твердо устанавливает одновременность такого рода амфор. Как круглодонные, так и удлиненные амфоры ни в одном случае в могилах или хорошо датированном городском слое III в. н. э. не встречены. Все такие амфоры и их фрагменты обнаружены только в самых поздних античных слоях боспорских городов и поселений; нет также примеров точно датированных амфор этих типов для первой четверти IV в. н. э. В плане изучения развития истории круглодонных амфор большой интерес представляют амфоры из могильника Харакс, относящегося к 1-й половине IV в. н. э. Амфоры из Харакса остродонны, однако дно многих из них [22] скруглено, а острие превратилось в короткий выступ или шишечку. Особенности же верхней части амфор из Харакса — горло, ручки, плечи, как и ребристость тулова обнаруживают близкое сходство с круглодонными амфорами из Ильичевки и других мест. Вследствие этого амфоры типа амфор Харакса можно рассматривать как прототип, как форму, из которой развились круглодонные амфоры без выступа на дне.

Помимо амфорной тары, в помещении найдена изящная тонкостенная расписная амфорка-вазочка (рис. 7, *1*), высотой 0,27 *м* и такие же по качеству и стилю ойнохоя и кувшин (рис. 7, *2*). Эта группа высококачественных сосудов необычна для боспорских городищ данного времени и является привозной. Целыми или во фрагментах обнаружены до двух десятков лепных сосудов [горшки (рис. 8, *1*), кувшины, чашки (рис. 8, *2*), сковородки или тарелки], в том числе 3 открытых светильника, а также несколько фрагментов от кувшина (рис. 8, *3*) и чашки IV в. н. э., лощенных полосами. Для датировки важны находки фрагментов краснолаковых блюд, характерных для IV в. н. э., и закрытого светильника (рис. 8, *4*) с ребристым щитком, того же времени. Заметим, что в осыпи восточного склона холма найден фрагмент дна краснолакового

[22] В. Д. Блаватский. Харакс. МИА, 19, 1951, стр. 273, рис. 13, *2, 3*.

Рис. 7. Расписная керамика
1 — амфорка; *2* — кувшин

блюда с клеймом-крестом. Краснолаковая керамика найдена только во фрагментах, и это следует объяснить тем, что целые ее экземпляры были выбраны при ограблении.

Особого внимания заслуживают 36 глиняных пирамидок (рис. 8, *5*) с дырочками в верхней части, обнаруженных, в основном, у печи в северо-западном углу помещения. Несколько пирамидок было откинуто к середине помещения. Лежали они хаотично, одна на другой, как бы скинутые откуда-то сверху. По общей форме они похожи на широко распространенные «грузила» или ткацкие подвески, одновременно сильно от них отличаясь. Это отличие заключается в том, что найденные пирамидки массивные и больше по размерам, чем обычные ткацкие подвески; высота их колеблется от 0,115 до 0,14 *м*; квадратное основание имеет стороны длиной 0,095 и 0,10 *м*. Только две пирамидки меньшего размера (высота 0,07 *м* и основание 0,07 × 0,07 *м*). Как известно, бóльшая часть ткацких подвесок была уплощенной. В отличие от хорошо и специально обожженных в керамических печах ткацких подвесок ильичевские имеют рыхлую глину, обжиг которой произведен при малой температуре и притом неравномерно; причем одни пирамидки прокалились сильнее, другие меньше; имеются такие пирамидки, у которых один бок остался непрокаленным, а одна пирамидка вообще избежала действия огня, оставшись сырой желтоглиняной. Возможно, что обжиг пирамидок происходил в процессе их использования. Такие пирамидки не могли быть применены ни в качестве ткацких подвесок (из-за своей тяжести и габаритов), ни в качестве грузил рыболовных сетей (из-за своей непрочности).

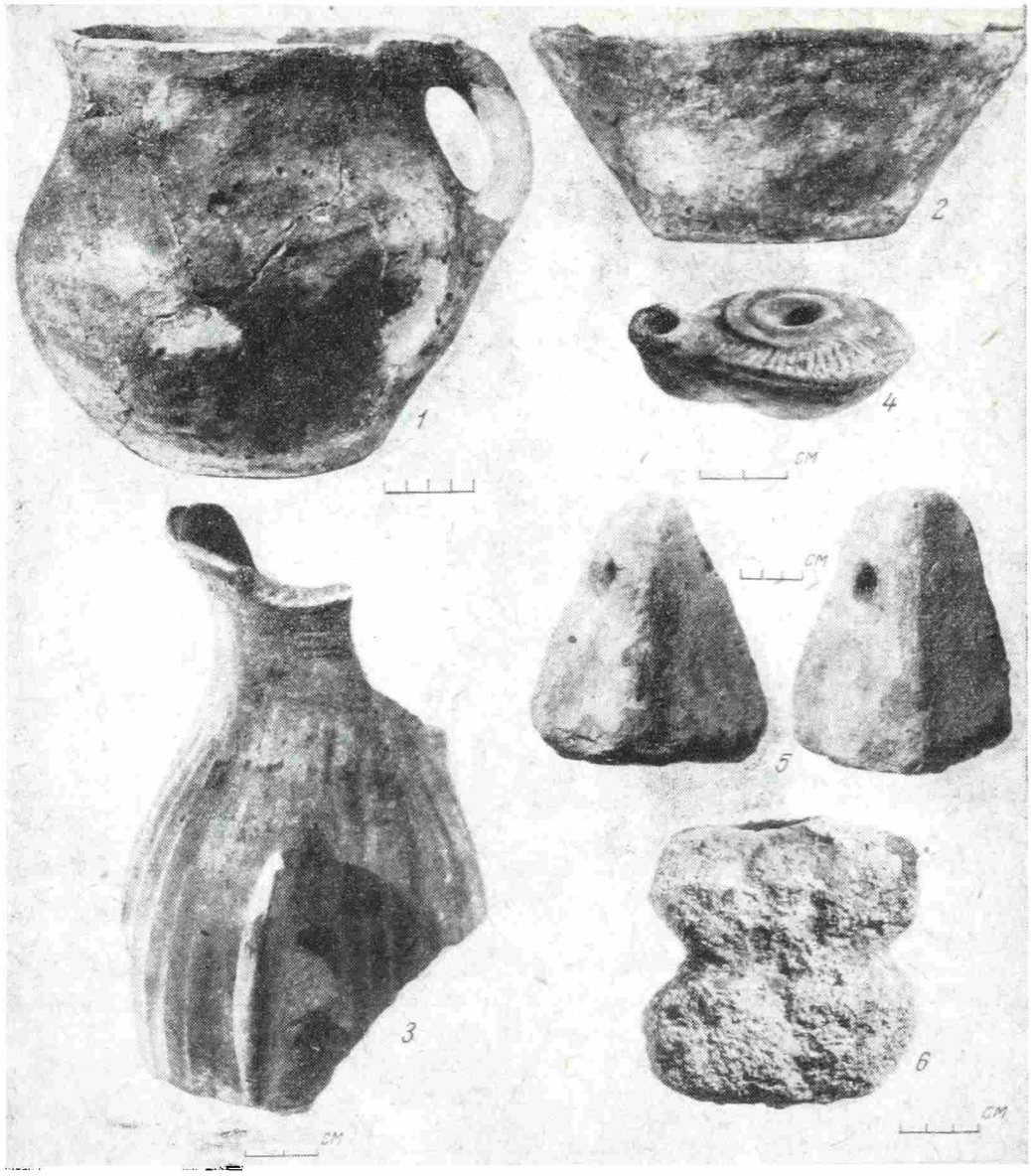


Рис. 8. Находки в помещении

1 — лепной горшок из печи; *2* — лепная чашка из печи; *3* — часть сероглиняного лощеного кувшина; *4* — краснолаковый светильник; *5* — пирамидки (печные подставки); *6* — каменное грузило

Подобные пирамидки или конусы были неоднократно обнаружены при раскопках Тиритаки [23] в позднеантичных домах, одновременных ильичевскому. В. Ф. Гайдукевич в своей работе о ткацком ремесле на Боспоре [24] отделяет эти пирамидки и конусы от ткацких подвесок и сомневается в том, что они были грузилами для сетей или подставками для кухонных сосудов; приведя все предположения о их назначении, он оставляет вопрос открытым. Находки у Ильичевки помогают решить этот вопрос. Во-первых, заметим, что подобные пирамидки и конусы в Тиритаке и Ильичевке связаны с обычными домашними, отнюдь не обжигательными печами, расположенными в жилых помещениях. Характерно, что в одной из печей Тиритаки обнаружено 39 конусов, столь же массивных, как и ильичевские пирамидки. Совершенно несомненно, что всем этим предметам придана форма, способствующая их устойчивости, т. е. они служили подставками, но не для сосудов при варке пищи, как

[23] В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг., стр. 59, рис. 66 и 67.

[24] В. Ф. Гайдукевич. К вопросу о ткацком ремесле в боспорских поселениях. МИА, 25, стр. 397—398.

предположил В. Ф. Гайдукевич, а наплитными съемными подставками, вероятно, для приготовления (копчения, вяления, сушки) рыбы и мяса. Продукты подвешивались на прутах, вставленных в дырочки пирамидок. В ряде случаев можно видеть разработанность этих дырочек. В. Ф. Гайдукевич не был против того, чтобы допустить примерно такое объяснение, но он считает, что древесный прут сгорел бы, а металлические не были найдены. Пруты, естественно, были древесными, но дело в том, что они не

Рис. 9. Печь (реконструкция применения пирамидок)

соприкасались с пламенем и в таком случае могли выдержать большой жар, будучи закрыты продуктами. Деревянные палочки широко используются и теперь для приготовления блюда из мяса типа шашлыков. В Тритаке эти подставки найдены в очагах только потому, что они обрушились вместе с верхом очагов. В одном же случае [25] они лежали как внутри печи, так и около нее на полу помещения, подобно тому как в Ильичевке. Но ильичевская находка дает еще дополнительную деталь. Пирамидки лежали здесь на расколотой глиняной плите толщиной около 0,03 *м* с легкой закраиной; эта плита, равная по размерам верхней плите печки, была съемной и имела с двух противоположных концов выступы-ручки для удобства съемки. Она накладывалась сверху на пирамидки с целью задержки тепла. При разгроме она была сброшена первой на пол, а за ней последовали пирамидки. Мы полагаем, что эту напечную конструкцию следует рассматривать как съемную сушилку (рис. 9).

[25] В. Ф. Гайдукевич. К вопросу о ткацком ремесле..., стр. 398.

К печным принадлежностям, несомненно, относятся также сырцово-глиняные, неравномерно обожженные полукольца (рис. 6, *2*) в виде толстых (диаметр до 0,10 *м*) колбас. Именно такие подставки, а не пирамидки и конусы могли служить для установки сосудов в печи при варке пищи.

Из прочих находок отметим: 22 фрагмента стеклянных сосудов, в том числе ножки стаканов (рис. 6, *3*) и рюмок (рис. 6, *4*) IV в. н. э.[25] и фрагмент прямого, видимо, оконного стекла; небольшое железное кольцо; часть бронзового стержня; известняковую ступу высотой 0,76 *м*; целый дискообразный жернов диаметром 0,44 *м* из крепкого серого камня и два обломка другого такого же жернова; амфорную крышку из плитнякового камня диаметром 0,15 *м*; четыре хорошо отточенных маленьких слоистых камешка, часто находимых на соседних городищах, назначение которых не совсем ясно; часть большой каменной пронизи; огромный окаменевший позвонок рыбы вымершего вида. Около северной и южной стен, ближе к входу, лежали по одному грузилу (рис. 8, *6*) для рыболовной сети, сделанные из камня-ракушечника; по-видимому, сеть была подвешена к потолку поперек помещения. В значительном количестве в помещении встречены рыбьи кости, в то время как от костей животных найдено всего несколько осколков.

Особо следует отметить находки монет, связанных с домом. Одна монета Рискупорида VI, 326 г., найдена на полу в северо-западном углу помещения, другая — также Рискупорида VI, 327 г.,— на пороге у входа. Еще две монеты Рискупорида VI, 327 г., и Радамсада, 318 г., обнаружены в верхних частях завала сырцовых стен. Известно, что боспорская чеканка продолжалась до 336 г., однако монеты выпуска 330-х гг. встречаются очень редко — их было мало. В составе позднеантичных монетных комплексов, в том числе кладах гуннского времени [27], чеканка Рискупорида VI представлена в основном монетами 320-х гг.

Найденный в 1962 г. клад монет в Кепах включает несколько монет 336 г., указывая тем самым, что он зарыт после этой даты. Сходство ситуации и археологических материалов в Кепах и на городище Ильичевка свидетельствует, что гибель дома и здесь произошла после 336 г., т. е. после прекращения монетной чеканки на Боспоре.

Вопрос о времени катастрофы, при которой погиб дом на Ильичевском городище, представляет известную сложность. Нам теперь достаточно хорошо известны причины гибели соседних позднеантичных поселений, расположенных на руинах подобных крепостей (Батарейка I, Батарейка II, Красноармейское) и городов (Кепы); это — результат гуннского нашествия. Вполне естественно думать об одновременной гибели и поселения у Ильичевки. Действительно, в пользу этого предположения говорят близость в системе их построек, расположение поселка, сходство общей картины пожара и аналогичность ряда групп находок. Однако именно часть находок и прежде всего комплекс амфор резко отличают дом у Ильичевки от позднеантичных домов на вышеуказанных городищах. На этих городищах конец античной истории при гуннском разгроме связан с массовым применением больших красноглиняных широкогорлых остродонных боспорских и узкогорлых светлоглиняных импортных амфор. На них пока не найдены круглодонные амфоры и удлиненные амфоры с перетянутым туловом. Возникает вопрос о том, является ли этот комплекс амфор локальным отличием позднеантичного поселения у Ильичевки или он знаменует другое, более позднее время? Помимо амфор, одной группы краснолаковых чашек и круглого жернова, весь материал (например, красный лак, стекло, монеты, фрагменты ши-

[26] Н. П. Сорокина. Позднеантичное и раннесредневековое стекло с Таманского городища. В сб.: «Керамика и стекло древней Тмутаракани», М., 1963, стр. 143 сл., рис. 4, 7.

[27] К. В. Голенко. Второй патрейский клад монет. НЭ, I, М., 1960, стр. 238 сл.

рокогорлых амфор) характерен для IV в. Заметим также, что, судя по строительной технике, ильичевский дом сходен с позднеантичными домами на городище Батарейка I и построен, вероятно, в III в. О длительности жизни помещения свидетельствуют обновлявшиеся не раз полы, а также две огромные корчаги для зерна, глубоко врытые в пол помещения. Одна из них, сероглиняная, пришедшая в негодность, была заброшена, и над нею был наложен двуслойный земляной пол; вторая, красноглиняная (рис. 6, *5*) была вкопана ближе к южной стенке; рядом с ней стояла ступа. Эта корчага сменила первую; у нее венец был сколот, и она накрывалась дисковидной плитой, найденной у северной стены помещения.

Рис. 10. Рельефное надгробие

Время гибели поселения у Ильичевки близко к времени гибели при пожаре домов Тиритаки, в которых обнаружены находки, аналогичные ильичевским, в том числе широкогорлые красноглиняные амфоры, амфоры с перетянутым туловом, а также круглодонные [28]. Тиритакский комплекс до сего времени датировался IV в. н. э. Фрагменты круглодонных амфор нередко встречались в позднеантичном слое Пантикалея [29]. Эти данные, а также гибель при большом пожаре заставляют предполагать, что поселение у Ильичевки было разгромлено гуннами в 370-х гг. При своем движении с востока на запад, как известно, часть гуннов форсировала Керченский пролив [30]. Однако такая трактовка может быть только рабочей гипотезой. Отличие некоторых материалов ильичевского городища от соседних настораживает, и не исключено, что исследуемое поселение продолжило свое существование после гуннского нашествия. Решить этот вопрос помогут дальнейшие раскопки большего масштаба. Исследование этого городища представляет большой интерес, ибо история Боспора конца IV—VII вв. известна нам крайне смутно. Раскопки рисуют нам поселение, экономика которого базировалась на сельскохозяйственном производстве и рыболовстве, но которое имело широкие торговые связи, чему способствовало его географическое положение.

3. Слой VIII — XI вв. Руины позднеантичного дома покрывал сильно разрушенный позднейшими перекопами средневековый слой мощностью до 1,30 *м*, выходящий к современной поверхности почвы. Грунт его — мусорный суглинок с супесью и включением золы, угольков, осколков раковин, мелких камней. На песчаной подсыпке, уравнивавшей строительную площадку, посреди раскопа обнаружен сильно разрушенный фундамент шириной 0,50 *м* и длиной 1,50 *м*, уходящий в северный борт; его подошва лежала на глубине 0,94 *м* от поверхности

---

[28] В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг., стр. 24, рис. 13; стр. 62, рис. 70; стр. 109—124, рис. 138, 149, 150.

[29] И. Б. Зеест. Ук. соч., стр. 120.

[30] А. А. Васильев. Готы в Крыму. ИРАИМК, I, Прг., 1921, стр. 289—300.

раскопа. Фундамент сложен из необработанных некрупных камней разных пород; на фундаменте — небольшие остатки сырцово-глиняной кладки стены. К западу от фундамента на краю раскопа находилось три оранжевоглиняных плоскодонных пифоса яйцевидной формы. Размеры большего из пифосов: высота (без горловины) — 1,40 *м*, диаметр — 1,04 *м*. Несомненно, что поселок этого времени располагался и по восточному краю холма, о чем говорит факт находки В. Г. Тизенгаузеном зарытых в «насыпь» «огромных бочкообразных глиняных сосудов» [31].

Находки этого слоя немногочисленны и разновременны, но позднейшими и датирующими являются фрагменты плоскодонных высоких «черносмоленых» кувшинов тмутараканского типа [32] и обломки небольших круглодонных амфор с профилированными ручками, являющихся наследниками позднеантичных круглодонных амфор. Встречено также несколько фрагментов амфор X—XI вв. с высокими ручками.

Среди случайных находок 1964 г. отметим рельефное надгробие (рис. 10), извлеченное при полевых работах из кургана к востоку от Ильичевского городища. Оно высечено из камня-ракушечника; на нем рельефом изображена мужская фигура в плаще. Высота его — 1,10 *м*, ширина 0,48 *м*. Нужно думать, что оно относится к I в. н. э., т. е. к периоду расцвета поселения и функционирования крепости.

Поселение, видимо, имело обширный и достаточно богатый некрополь, судя по тому, что в районе этого городища найдено значительное количество рельефных надгробий. Одно из них (навершие надгробия — антемий) приведено в работе К. Гёрца [33]. О ряде других упоминает В. Г. Тизенгаузен (более десятка найдено в 1910 г.). О пяти надгробиях, хранившихся у жителей поселка, сообщает Д. Б. Шелов [34].

---

[31] ОАК за 1870 г., стр. XIII.

[32] С. А. Плетнева. Средневековая керамика Таманского городища. В сб.: «Керамика и стекло древней Тмутаракани», стр. 52—57, рис. 35.

[33] К. К. Гёрц. Ук. соч., стр. 143.

[34] Д. Б. Шелов. Ук. соч., стр. 230.

А. А. БОБРИНСКИЙ

К ИСТОРИИ ГОНЧАРНОГО РЕМЕСЛА В ПОЛЕСЬЕ

Несколько лет назад из с. Городное Столинского района Брестской обл. в краеведческий музей г. Столина была доставлена обожженная глиняная плитка желтовато-рыжего цвета размерами 9 × 7,5 *см*, толщиной около 1 *см*. На одной стороне ее изображена сцена изготовления керамики, а на другой, гладкой, заметны беспорядочно расположенные отпечатки пальцев [1] (рис. 1).

Изображенный на плитке гончар одет в обычный повседневный костюм, состоящий из длинной неподпоясанной рубахи, свободно спадающей почти до колен, и узких штанов. Вообще среди гончаров и сегодня не принято надевать при работе на круге какую-то особую по покрою одежду. Они пользуются одеждой, которую носят ежедневно, разве только более ветхой. Для нас это важно. Дело в том, что способ ношения рубахи, зафиксированный на плитке, еще во 2-половине XIX в. являлся устойчивым этнографическим признаком костюма сельского населения Полесья, а также населения пограничной с Австрией части Волынской и западной части Подольской губернии [2]. Менее распространена была другая особенность костюма, изображенная на плитке,— узкие штаны. По наблюдениям П. П. Чубинского, во 2-половине XIX в. узкие штаны были признаком костюма сельского жителя именно Полесья, в отличие от украинцев, носивших широкие «матнисті» [3]. Эти особенности костюма гончара дают основание предполагать, что плитка была изготовлена в Полесье, а не в каком-то ином районе Белоруссии или Украины [4].

Плитка со сценой изготовления керамики найдена впервые на территории Белоруссии. Но вообще-то такие производственные сцены, хотя и редко, встречаются на глине. Известен, например, поливной изразец со сценой изготовления керамики с территории Западной Украины, датированный 1878 г. [5]. Изразцы с изображениями гончаров есть и в собрании Национального музея в Праге. Все они происходят из местных раскопок и датируются XV—XVI вв. [6].

---

[1] Она найдена жителем с. Городное А. В. Швабом во время земляных работ на его приусадебном участке примерно в 1956 г.

[2] П. П. Чубинский. Труды экспедиции в Юго-западный край для исследования этнографических особенностей населения, т. 2, ч. 3. Малоруссы Юго-западного края. СПб., 1878, стр. 416.

[3] Там же.

[4] Можно было бы предположить, что плитку из с. Городное, которое до последнего времени оставалось крупным очагом сельского гончарства южной части белорусского Полесья, следует связывать с местным производством. Но в пользу такого предположения мы не можем привести пока каких-либо конкретных доводов.

[5] Изразец изготовлен известным мастером народной украинской керамики XIX в. А. Бахматюком (1820—1882 гг.). См. К. І. Матейко. Народна кераміка західних областей Української РСР. Київ, 1959, стр. 71, рис. 25.

[6] Информацией об этих любопытнейших изразцах я обязан Т. И. Макаровой, которой приношу глубокую благодарность.

Подобные сцены очень важны для исследования истории гончарной техники, так как помогают выяснить подробности, связанные с изготовлением керамики, не сохранившиеся или сильно видоизменившиеся в современном гончарстве. Например, выяснить особенности формы и устройства круга, организации рабочего места, особенности формовочной технологии, т. е. детали, чрезвычайно важные для анализа эволюции отдельных элементов гончарной техники. Как объект изучения элементов такой техники плитка из с. Городное выгодно отличается от изразцов с изображениями гончаров. На ней с поразительной наблюдательностью воспроизведена сцена изготовления керамики на ножном круге и показаны особенности организации рабочего места. Детали в этой сцене выполнены тщательно. Рассматривая, например, гончарный круг, мы не только можем установить его общие конструктивные особенности, но и проследить особенности формы отдельных его частей. Известные нам сцены изготовления керамики на изразцах дают меньший объем информации о гончарной технике, чем плитка из с. Городное [7]. Но использовать ее в качестве источника по истории гончарства до последнего времени было невозможно, так как дата и происхождение плитки оставались невыясненными, а сама сцена изготовления керамики, воспроизведенная на ней, была не разобрана.

Рис. 1. Лицевая сторона плитки из с. Городное Столинского района Брестской области

На основании этнографических особенностей костюма гончара мы вправе рассматривать эту плитку как изделие полесских мастеров.

Ниже мы попытаемся объяснить изображенную сцену и высказать предположение о времени изготовления плитки. Сценой занято поле размером $8 \times 6{,}4$ *см*, окантованное узкой рамкой с небольшими округлыми выпуклинами, расположенными примерно на одинаковом расстоянии друг от друга. Плитка оттиснута по углубленной матрице. В верхней части плитки, над головой гончара имеется углубление диаметром около 2 *мм*, уходящее в тело плитки примерно на 3 *мм*. Судя по характеру сколов, образовавшихся на поверхности плитки вокруг углубления, оно было сделано после обжига. Это углубление связано не с матрицированием, а по-видимому, с особенностями использования плитки в быту, возможно — в качестве декоративного материала.

Центральную часть сцены занимает фигура гончара с окладистой бородой и длинными волосами, стриженными «в скобку», одетого в узкие штаны и рубаху, рукава которой закатаны выше локтя. Гончар запечатлен сидящим за ножным кругом на широкой скамье в момент изготовления кувшина. Левая рука выше запястья опущена внутрь сосуда, а правая держит, по-видимому скребок, которым он обрабатывает внешнюю поверхность кувшина. На скамье, слева от гончара, находится шесть одинаковых комков глины, поставленные по три один на другой, справа — сосуд, напоминающий макитру, а ближе к мастеру лежат небольшие уплощенные куски глины, сложенные один на другой. Кувшин стоит в центре рабочего диска круга. Под диском хорошо видна верхняя часть оси. Она тонкая,

[7] Впрочем и городнянская плитка как источник имеет некоторые недостатки. Резчик, например, почему-то совершенно не изобразил «ручки» — скользящего подшипника круга, с помощью которого орудие удерживается в вертикальном положении и жестко соединяется с лавкой, служащей рабочим местом.

цилиндрической формы в сечении. Остальная часть оси квадратная и толстая. На ее нижнем конце укреплен большой диск круга, на котором стоят босые ноги гончара. Изображенный гончар формует сосуд способом вытягивания из одного комка глины. О применении именно такого способа формовки достаточно красноречиво свидетельствует одна деталь, точно переданная резчиком матрицы: шесть одинаковых комков глины, расположенные слева от гончара.

Одинаковые комки глины — это заготовки смятой глины, подготовленной для формовки сосудов. При лепке или «наводке» посуды кольцевым или спиральным налепом из смятой глины делают обычно заготовки иной формы: в виде длинных или коротких жгутов, круглых в сечении, или глиняные ленты различной длины и ширины. Причем нередко эти заготовки делаются в процессе самой лепки сосуда по мере примазывания лент или жгутов. И только в случае использования техники вытягивания заготовки глины делаются перед началом формовки. При этом обычно сельские гончары Восточной Европы, в том числе украинские и белорусские, в среде которых и сегодня не развита узкая специализация производственного процесса, предпочитают сразу же «нарвать» большое число заготовок смятой глины — на полдня или даже на целый день работы. Их обычно располагают вблизи круга, ставя один на другой, как изображено и на разбираемой нами сцене.

У восточноевропейских, в частности у белорусских и украинских гончаров, чаще всего заготовки имеют форму коротких цилиндров или слабо усеченных конусов со сглаженной вершиной, как изображено и на плитке из с. Городное. Несколько иные формы заготовок зафиксированы у среднеазиатских [8] и западноевропейских гончаров [9]. Но всюду, не только в пределах Украины и Белоруссии, а и в других районах СССР, в частности в Европейской части РСФСР, Средней Азии, Закавказье, а также в странах Западной Европы, применение подобных заготовок связано сегодня с одним способом формовки на ножном круге — вытягиванием корпуса сосуда из комка глины.

Можно, конечно, поставить под сомнение справедливость использования заготовок смятой глины, изображенных на плитке, в качестве надежного признака техники вытягивания, так как наблюдения над сочетанием подобных заготовок с техникой вытягивания, на которые мы ссылались, сделаны преимущественно при изучении современного гончарства. Однако то обстоятельство, что уже в настенных росписях египетских гробниц II тысячелетия до н. э. запечатлены гончары, работающие именно техникой вытягивания, и присутствие в этих сценах заготовок смятой глины, близких по форме заготовкам современных гончаров (рис. 2, *1—4*), указывает с достаточной определенностью, что сочетание таких заготовок с техникой вытягивания носит чрезвычайно устойчивый характер. Это прослеживается и по более поздним источникам. Например, в знаменитой рукописи К. Пикольпассо, посвященной гончарному искусству и относящейся к середине XVI в. [10], помимо описания различных «секретов» изготовления керамики, в том числе и способа вытягивания, есть рисунок с изображением гончаров, формующих таким способом посуду (рис. 3). Один из них формует тарелку, а другой — кувшин. На верстаке перед мастером, вытягивающим кувшин, стоят четыре заготовки смятой глины примерно одинаковой величины. Несколько иные по форме заготовки смятой глины воспроизведены на рисунках XVIII в., иллюстрирующих формовку вытягиванием во Франции и Германии [11] (рис. 4 и 5). Закономер-

---

[8] Е. М. Пещерева. Гончарное производство Средней Азии. М.— Л., 1959.

[9] A. Rieth. 5000 Jahre Töpferscheibe, Tübigen, 1960, стр. 58, рис. 94; стр. 58, рис. 96; стр. 60, рис. 97.

[10] E. M. Jope. Ceramics: Medieval. A History of Technology, II, Oxford, 1958, стр. 285.

[11] A. Rieth. Ук. соч., стр. 58, рис. 94; стр. 60, рис. 97.

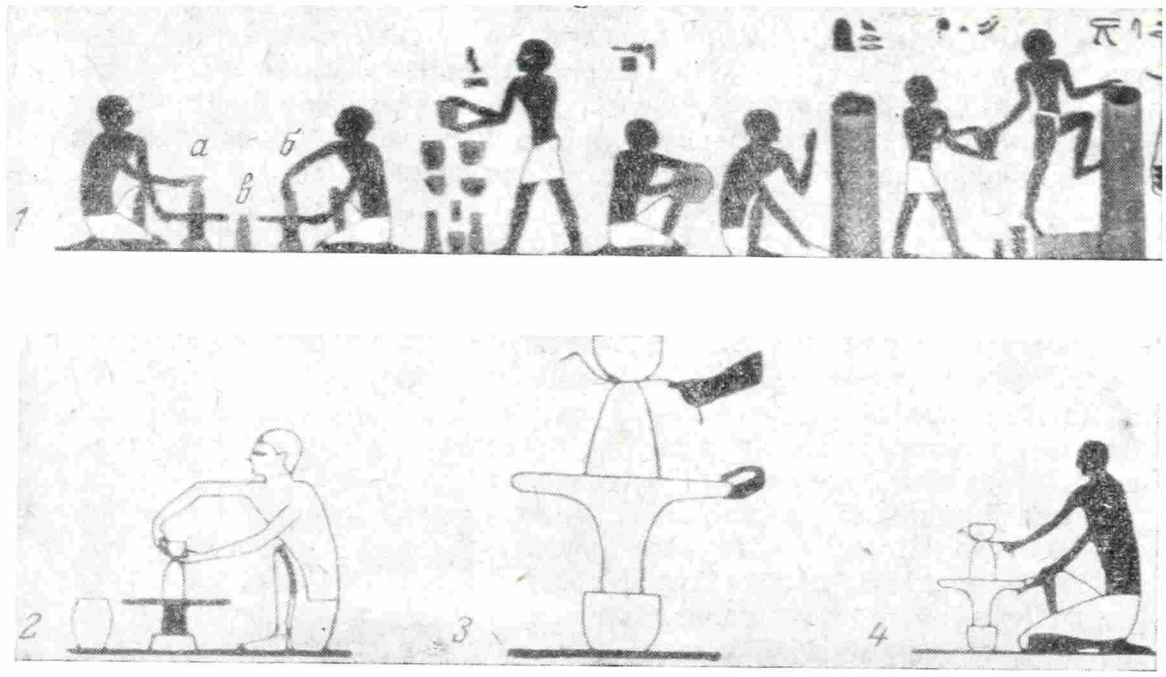


Рис. 2. Сцены изготовления керамики путем вытягивания на круге (Египет, II тысячелетие до н. э.)

1 — роспись (Бени-Хасан); *а*, *б* — гончары, вытягивающие небольшие сосуды; *в* — две заготовки смятой глины, поставленные одна на другую; *2* — роспись (фрагмент сцены, по А. Рит): вытягивание небольшого сосуда; *3*, *4* — срезание готового сосуда (по А. Рит)

ный характер связей таких заготовок глины с техникой вытягивания позволяет сделать вывод, что и гончар, изображенный на плитке из с. Городное, формует посуду именно техникой вытягивания.

Интересны небольшие уплощенные куски глины, сложенные друг на друга и изображенные справа от гончара. У современных гончаров на территории СССР, формующих сосуды техникой вытягивания, нам, как правило, удавалось наблюдать несколько иную картину. Например, при изучении сельского гончарства на территории Европейской части РСФСР и УССР обычно отмечалось, что в процессе формовки на рабочем месте постепенно вырастает небольшая кучка отходов, образующихся из тонких пластов глины, срезанной при обточке поверхностей, и небольших комков ее, отделенных во время вытягивания стенок сосуда. Но эти отходы глины хотя и складываются нередко в отдельную кучку справа от круга, как изображено и в рассматриваемой сцене, однако не имеют сколько-нибудь заметного сходства с этой деталью сцены. Отходы смятой глины у современных гончаров выглядят обычно в виде небольшого скопления разжиженной глины, в котором с трудом лишь различаются составляющие его тонкие пласты и комки (рис. 6). На плитке же изображены куски круто замешанной глины; каждый из них четко отделен от другого.

Казалось бы, что удовлетворительное разъяснение этой детали сцены дают результаты изучения техники у современных гончаров украинского Полесья. В 1964 г. при обследовании сельских очагов гончарства в деревнях Литвица, Яцули, Кривица, Залишаны Дубровицкого района Ровенской обл.[12] была отмечена любопытная подробность в технике местных гончаров. Они работают на ножных кругах той же конструкции, что и гончар, изображенный на плитке. Заготовки смятой глины у них тоже

[12] В 1964 г., продолжая сборы этнографических материалов по украинскому гончарству, начатые в 1963 г. работами Комплексного отряда по изучению гончарства, автор принял участие в работе Древлянского отряда, которым руководила И. П. Русанова. Обследованы некоторые очаги современного гончарства на территории Житомирской и Ровенской областей. Пользуюсь случаем, чтобы выразить признательность И. П. Русановой за предоставленную возможность собрать, в частности, материалы по современному гончарству Полесья.

Рис. 3. Формовка вытягиванием. Италия, XVI в. (К. Пикольпассо)

имеют форму усеченных конусов со сглаженной вершиной. Называют такие заготовки «клёсы». Их ставят друг на друга слева или справа от круга. Сосуд любой формы вытягивают из одной «клёсы». В формовочной технологии местных гончаров сохранились элементы налепочной техники, наблюдать которые сегодня удается чрезвычайно редко. Днище они делают отдельно из куска специально подготовленной глины лишь после того, как на круге вытянута вчерне вся форма сосуда. Именно с раздельным изготовлением днища связано присутствие на рабочем месте у местных ремесленников уплощенных кусков круто замешанной глины, складываемых обычно слева близ круга и сосуда с водой. Все это очень напоминает особенности организации рабочего места гончара, запечатленного на плитке. Но такое сходство все же не может служить основанием для вывода, что и в рассматриваемой сцене формовка корпуса сосуда производится с использованием элементов налепочной техники. В отличие от заготовок смятой глины, которые мы вправе связывать с техникой вытягивания, уплощенные комки круто замешанной глины невозможно связывать только с налепочной техникой формовки корпуса сосуда. Скопления подобных уплощенных кусков глины можно наблюдать, например, и у гончаров, вытягивающих весь сосуд на круге, включая и донную часть. Из уплощенных кусков глины они делают ручки. Естественно поэтому предположить, что и в данном случае могли быть изображены куски глины, предназначенные для изготовления ручек. Настаивать на этом предположении трудно, как, впрочем, и на каком-либо другом, относящемся к объяснению этой детали сцены, но следует подчеркнуть одно бесспорное обстоятельство — на плитке изображена сцена вытягивания корпуса сосуда, а не лепки его спиральным, кольцевым или каким-то иным способом.

Таким образом, эта особенность технологии указывает на знакомство полесских гончаров с наиболее совершенным способом формовки бытовой посуды. На фоне господствующих представлений о Полесье недавнего прошлого как этнографическом заповеднике этот факт кажется парадоксальным, так как отмеченный способ формовки — один из признаков существования высокоразвитого в техническом отношении гончарного производства.

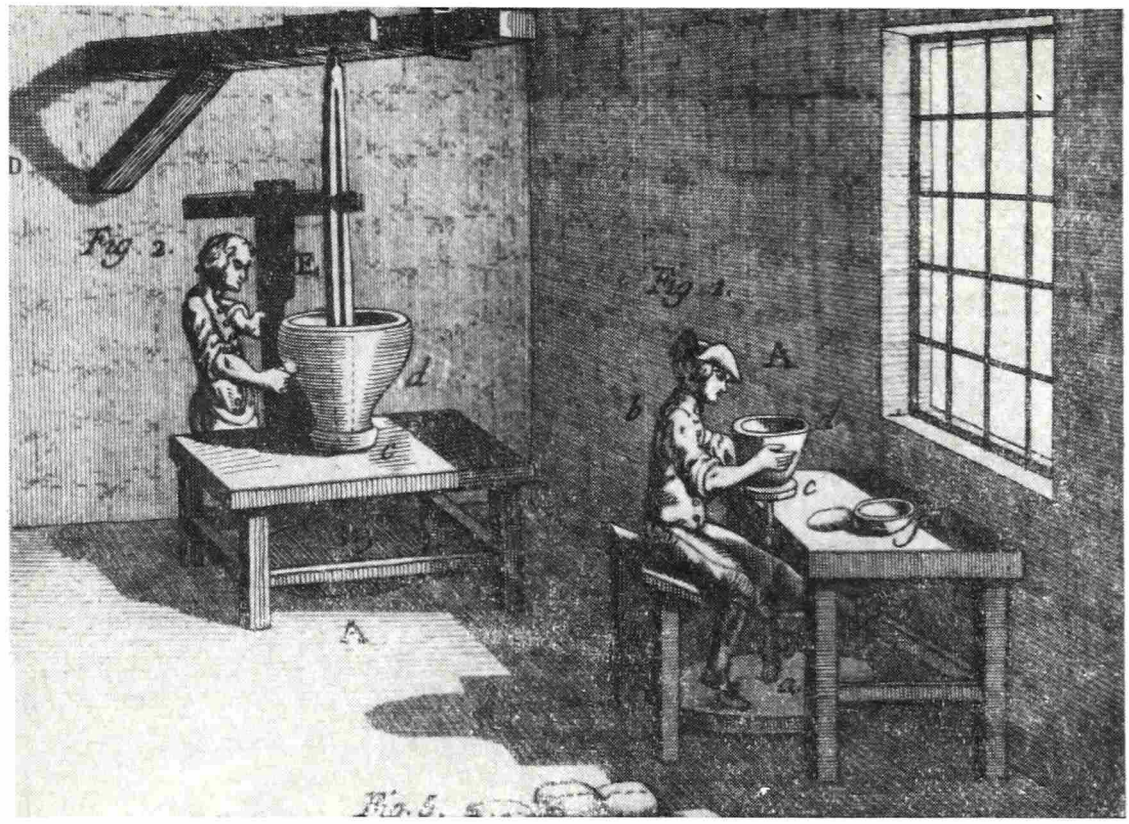


Рис. 4. Формовка на ножном круге. Франция, XVIII в. (А. Рит)

Рис. 5. Формовка на ножном круге. Германия, XVIII в. (А. Рит)

Но можно ли установить, к какому времени относится зафиксированный на плитке факт существования в Полесье высокоразвитого гончарного производства? Попытаемся это выяснить, остановив внимание на особенностях формовочной технологии и устройства гончарного круга.

Как мы отмечали, применение техники вытягивания сосудов из одного комка глины зафиксировано уже в памятниках изобразительного искусства Египта II тысячелетия до н. э. Археологически его применение прослежено и на более ранних материалах; например на керамике Варки (Ме-

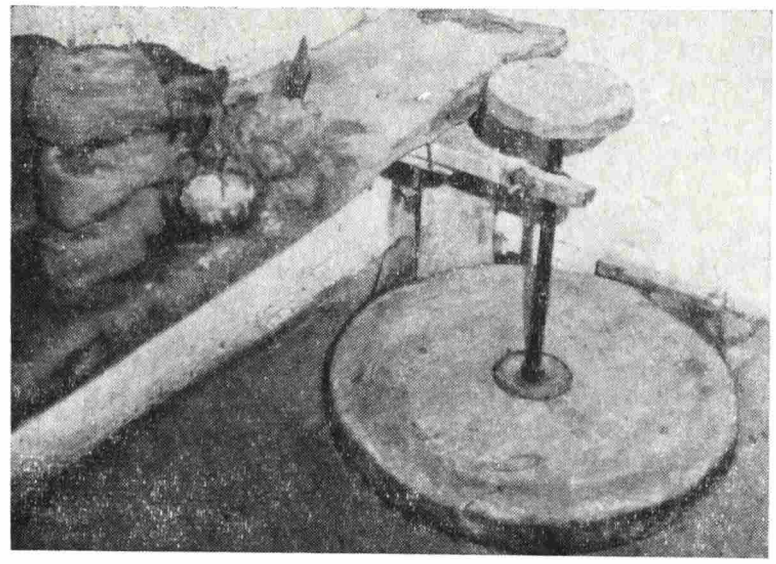


Рис. 6. Рабочее место современного гончара (Украина, Сумская обл.)

сопотамия), относящейся к III тысячелетию до н. э.[13]. Согласно наблюдениям В. Голубовича, на западнославянских землях такой способ формовки мог быть известен лишь с XII—XIII вв.[14]. М. В. Воеводский высказывал предположение, что в пределах Европейской части СССР техника вытягивания керамики стала применяться не ранее XV—XVI вв.[15]. Если можно было бы предположить, что эти наблюдения справедливы, то наиболее ранней из возможных нижних дат рассматриваемой сцены следовало бы считать XV—XVI вв. Однако ни В. Голубович, ни М. В. Воеводский не располагали, как нам кажется, достаточно надежной методикой исследования способов вытягивания древней керамики. Они ошибочно связывали распространение способа вытягивания посуды с распространением ножного круга, что вынуждает отнестись с сомнением к предложенным ими датам.

Ножные круги с тонкой цилиндрической верхней частью и квадратной или многогранной толстой остальной частью, аналогичные воспроизведенному на плитке, до последнего времени используются в некоторых сельских очагах гончарства. Верхняя цилиндрическая часть оси у них всегда металлическая, а остальная часть, за исключением нижнего конца, деревянная. Судя по этнографическим данным, такие орудия в пределах СССР были наиболее распространены на Украине, причем в западных ее областях, где они применялись до последнего времени наряду с деревянными кругами и кругами, имевшими целиком металлическую ось. На Украине зафиксировано несколько разновидностей орудий с комбинированной осью (рис. 7).

---

[13] A. Rieth. Ук. соч., стр. 23—24.

[14] W. Holubowicz. Garncarstwo wiejskie zachodnich terenow Bialorusi, Torún, 1950, стр. 111.

[15] М. В. Воеводский. О гончарной технике первобытно-коммунистического общества. СА, I, 1936, стр. 61.

Наиболее ранние образцы орудий с комбинированной осью, известные нам по рисунку в рукописи К. Пикольпассо, относятся к XVI в. (рис. 3). В некоторых странах Западной Европы, например во Франции, использование их отмечено и в XVIII в. (рис. 4).

В пределах Древней Руси ножные гончарные круги с подвижной осью были известны уже в X—XI вв. Помимо сосудов с отпечатками торца оси от таких орудий в некоторых древнерусских городах найдены и деревян-

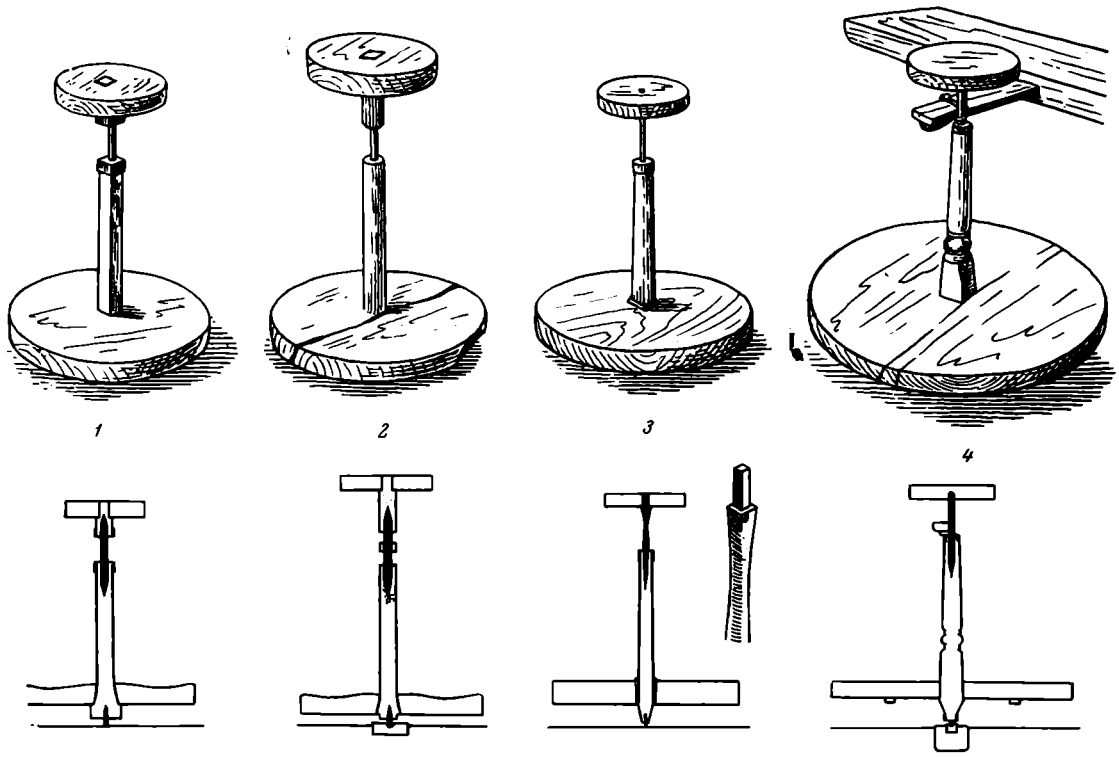


Рис. 7. Образцы ножных гончарных кругов с комбинированной осью (Украина, наблюдения автора 1963 г.)

1 — г. Сад-гора Черновицкой обл.; *2* — с. Старые Куты Ивано-Франковской обл.; *3* — г. Кременец Тернопольской обл.; *4* — с. Станичное Сумской обл.

ные детали от самих ножных гончарных кругов с подвижной осью [16]. Но археологически еще ни разу не удалось зафиксировать каких-либо металлических деталей от таких орудий, хотя предметы из металла, как известно, нередко доходят до нас в сравнительно удовлетворительном виде. Это заставляет предположить, что древнерусские гончарные круги были целиком деревянными. Во многих сельских очагах русского, белорусского и украинского гончарства вплоть до XIX в. применялись гончарные круги, сделанные целиком из дерева. Этот традиционный для лесной и лесостепной зоны России материал стал постепенно вытесняться металлом, который использовался для изготовления осей лишь в последние несколько столетий. Наиболее ранний образец ножного круга с целиком металлической, а не деревянной подвижной осью, происходящий с территории Западной Украины (Сокальский район Львовской обл.), относится к XVII—XVIII вв. [17]. В XVIII—XIX вв. гончарные круги с металлической осью, особенно у городских мастеров, объединенных в цехи, уже не редкость. Они известны, в частности, по цеховым печатям.

Начало распространения орудий с металлическими или комбинированными осями, по-видимому, можно связывать с распространением цеховых организаций гончаров на Украине и Белоруссии, члены которых владели

[16] А. А. Бобринский. Древнерусский гончарный круг. СА, 1963, 3.

[17] Хранится во Львовском историческом музее. Круг поступил из Сокальского краеведческого музея в 1947—1948 гг.; шифр хранения л м-п-1565 (новый номер по картотеке музея — № 4).

более совершенными приемами труда и орудиями, чем их сельские собратья по профессии. Наиболее ранние сведения о таких организациях гончаров на Украине относятся к XVI—XVII вв.[18]. Круг, изображенный на плитке, по своим пропорциям близок кругам с территории Западной Украины, откуда он, вероятно, первоначально и проник в Полесье[19]. Казалось бы, не лишено поэтому основания предположение, что и нижний хронологический рубеж для найденной в с. Городное плитки может быть также определен XVI—XVII вв. Но результаты археологического обследования места находки плитки внесли уточнения в этот хронологический рубеж.

По словам местного жителя А. В. Шваба, плитка найдена им при копке ямы на старой меже, проходящей по краю приусадебного участка. А. В. Шваб выкопал яму глубиной до 0,5 *м* на площади около 2 *м*^{2}. Им было замечено, что до глубины 0,25—0,35 *см* шел темно-серый слой, а ниже появился песок серого цвета с небольшими пятнами темно-серого цвета. Этот нижний слой, как и верхний, был мягким. В нем встречены светло-серые обломки глиняной посуды, а на глубине 0,4—0,5 *м* — обломок стенки стеклянного сосуда темного цвета толщиной около 1 *см*. Рядом с обломком стекла, но несколько выше, и найдена плитка.

Шурфовкой межи[20] в непосредственной близости от места находки плитки выяснено, что под темно-серым слоем, в котором встречены, помимо керамики, редкие мелкие угольки, на глубине 0,25—0,30 *м* сразу же начинается материк, представленный всюду желтовато-белым песком. Никаких ям в материке нами не обнаружено. Однако, судя по описанию второго слоя, данному А. В. Швабом, при своих земляных работах он имел дело именно с ямой, выкопанной в материке, в которой, по-видимому, и находилась плитка вместе с обломком стеклянного сосуда.

Среди собранной при шурфовке керамики наиболе четкому хронологическому определению поддается посуда XVII—XVIII вв., представленная горшками светло-серого цвета без росписи и желтоватого цвета с росписью красной глиной по неангобированному черепку. Они имеют с внутренней стороны в месте перегиба венчика характерный выступ — деталь, отсутствующая на более поздней бело- и желтоглиняной посуде, а также на более ранних сосудах. Возникновение этих выступов связано, по-видимому, с особенностями формовочной технологии. На территории лесостепной части Украины, где широко известна подобная керамика, она довольно четко датируется находками в таких горшках кладов монет XVI—XVII вв.[21]. Таким образом, отмеченные хронологические особенности керамического материала, обнаруженного при обследовании места находки плитки, позволяют предварительно отнести ее изготовление к XVII—XVIII вв.

Выявленная общность гончарных кругов с комбинированной осью, происходящих с территории Зап. Украины, и круга, изображенного на плитке, дает основание предположить, что существование высокоразвитого в техническом отношении гончарного производства в Полесье XVII—XVIII вв. было одним из следствий существования тесного взаимодействия украинского и белорусского гончарства.

---

[18] П. Клименко. Цехи на Украине, Киев, 1929.

[19] Современные гончарные круги с комбинированной осью, зафиксированные нами в д. Деревное (близ с. Городное), имеют иные пропорции, не свойственные украинским орудиям, но характерные для орудий с территории Прибалтики, Румынии и России.

[20] Шурфовку производил автор в 1964 г. во время обследования места находки плитки. Было заложено два шурфа размерами 0,5 × 0,5 *м* на самой меже близ указанного А. В. Швабом места обнаружения плитки, а также произведена зачистка профиля межи на открытых пахотой боковых ее сторонах.

[21] Например, один из таких горшков, содержавший клад польских монет XVI — XVII вв., хранится в фондах Института археологии АН УССР.

Заметки

Е. Д. БОГДАНОВИЧ, И. К. КУДРЯШОВ

ОБ ЭТАЖНОСТИ СТРОЕНИЯ КАПОВОЙ ПЕЩЕРЫ

Правильное понимание этажности строения карстовых пещер имеет важное значение. В частности, оно может дать правильное представление о внутренней конфигурации и морфологии подземных полостей, об абсолютном и относительном возрасте и последовательности формирования галерей в этажных пещерах, что имеет важное значение для определения времени посещения пещеры первобытным человеком, может помочь понять закономерности динамики подземных вод и формирования пещер в карстовом массиве, связать образование горизонтальных ходов с речными террасами, реконструировать историю закарстования массива.

Сведения об этажности строения Каповой пещеры мы находим в работах ее исследователей: Г. В. Вахрушева, И. И. Лепехина, П. И. Рычкова, А. В. Рюмина, Ф. Симона, Д. Соколова и И. Заневского, В. Л. Яхимович [1].

Первый исследователь Каповой пещеры П. И. Рычков, посетивший и описавший эту пещеру 205 лет назад, видел лишь один этаж, но упоминает о проходах и лазах, ведущих в более высоко расположенные подземные ходы. Можно думать, что он был уверен в существовании полостей и выше галереи, идущей непосредственно от входного отверстия. П. И. Рычков не составил ни плана, ни разреза пещеры.

Акад. И. И. Лепехин осмотрел этаж, идущий непосредственно от входного отверстия, подтвердил соответствие описания П. И. Рычкова действительности и дал подробную характеристику верхнего этажа, по которому он прошел 944 шага. В этом интервале он описал проходы и палаты недоступного ныне отдела, простирающегося преимущественно горизонтально. В своем описании он упоминает об «окнах», расположенных в стенах этого этажа на различных высотах.

Оренбургские исследователи Д. Соколов, И. Заневский и Ф. Симон описали нижний этаж, произвели его съёмку и составили план.

Проф. Г. В. Вахрушев в 1923 г. снял план пещеры при помощи буссоли (расстояния измерялись шагами), начиная от входного отверстия и

---

[1] Г. В. Вахрушев. Загадки Каповой пещеры. Уфа, 1960; И. И. Лепехин. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского гос-ва. ч. II. СПб., 1802; П. И. Рычков. Описание пещеры, находящейся в Оренбургской губернии при р. Белой. Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие, март, 1760; А. В. Рюмин. Схематический продольный разрез Каповой пещеры. Тр. Башкирского гос. заповедника, 2, Уфа, 1964; Ф. Симон. Капова пещера. Изв. Оренбург. отд. РГО, 10, Оренбург, 1897; Д. Соколов, И. Заневский, Ф. Симон. Протокол об осмотре и измерении Каповой пещеры на р. Белой. Там же; В. Л. Яхимович. Антропоген Южного Урала. М., 1965, стр. 239—245.

кончая дальним верхним озером. Его план сопровождался детальным описанием внутреннего строения. В этом описании он выделил четыре пещерных этажа. На продольном вертикальном разрезе, составленном нами (рис. 1), эти этажи выглядят так: за первый этаж он принял отрезок хода от входного отверстия до «зала Хаоса» по точкам *1, 6, 16* и *7*; второй этаж он выделил в двух местах — в «зале Хаоса» (точка *7*) и первую промежуточную площадку (точка *20*); третьим этажом он считает

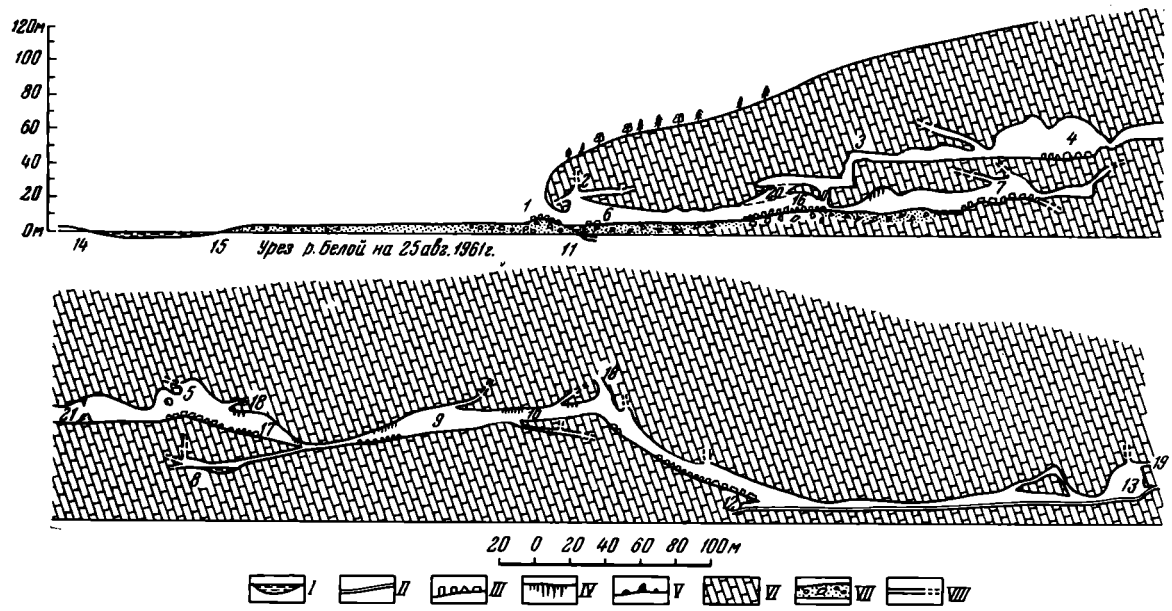


Рис. 1. Продольный вертикальный развернутый разрез Каповой пещеры:

1 — вход в пещеру; *2*, *3*, *4*, *5* — верхний этаж; *6*, *16*, *7*, *8*, *9*, *10* — средний этаж; *11*, *12*, *13* — нижний этаж; *16—3*, *17—5*, *18—12* — наклонные междуэтажные галереи; *7* — «зал Хаоса», *4* — «зал Рисунков», *5* — «Бриллиантовый зал»; *9* — «Радужный зал», *10* — «Хрустальный зал», *11* — воклюзский источник «Голубое озеро»; *12*, *13* — сифоны; *14*, *15* — р. Белая; *18*, *19* — неисследованные ходы; *15—1* — первая надпойменная терраса, *20* — разрушенный потолок нижнего этажа; *21* — гигантский сталагмит. *I* — озера; *II* — речка Шульган; *III* — обломочные глыбы известняка; *IV* — сталактиты; *V* — сталагмиты; *VI* — известняковый массив горы Шульган-таш; *VII* — аллювий; *VIII* — заклинивающиеся ходы

горизонтальный ход, начиная от «колокольни» (точка *3*) до «зала Рисунков» (точка *4*); горизонтальный ход, отходящий на высоте 6 *м* от пола «зала Рисунков» до начала спуска к «Дальнему верхнему озеру» (точка *5*), он отнес к четвертому этажу. Второй этаж, выделенный Г. В. Вахрушевым, трудно назвать этажом. Он представляет собой лишь сравнительно небольшую горизонтальную площадку в системе вертикального соединения между этажами. Выделенные четыре этажа пещеры Г. В. Вахрушев сопоставил с четырьмя нижними террасами р. Белой, с которыми соответственно и отождествлял пещерные этажи. Это позволило исследователю высказаться о прямом порядке последовательного развития этажей пещеры. По его мнению, верхние этажи древнее, а нижние — моложе.

А. В. Рюмин, открывший в Каповой пещере настенные рисунки доисторических людей, согласен с мнением о четырехэтажном строении пещеры. В опубликованном же продольном разрезе Каповой пещеры у него вырисовываются только три этажа. Чертеж грешит большими ошибками в определении высотных уровней отдельных участков пещеры и построении конфигурации сводного вертикального разреза, так как полевые работы он вел при помощи компаса, вертикальные углы не измерял, а расстояния определял шагами.

В. Л. Яхимович придерживается мнения о двухэтажном строении Каповой пещеры (нижний и верхний). Опираясь на геодезические данные нашей экспедиции, она приводит абсолютные и осредненные высотные отметки этажей. О последовательности происхождения этажей В. Л. Яхи-

мович высказала двойственное мнение, конкретное решение которого зависит от наличия или отсутствия древнего переуглубления долины р. Белой на этом участке.

С целью подробного изучения Каповой пещеры кафедра физической географии Башкирского гос. университета неоднократно организовывала карстово-спелеологические экспедиции под руководством авторов статьи и при участии студентов — членов НСО. В задачи такой экспедиции входили геодезические работы в пещере, изучение ее морфологии и другие физико-географические наблюдения. Геодезические работы вели для составления подробного плана, поперечных вертикальных сечений и продольного развернутого вертикального разреза; для этого внутри пещеры был проложен теодолитный ход по дну пещеры, базирующийся на 49 точках. Одновременно вели геодезическое нивелирование. Поворотные точки теодолитного хода отмечали деревянными кольями, обложенными камнями в виде курганчиков. Горизонтальные углы измеряли теодолитом. Вертикальные углы измеряли при двух положениях круга. Визирование на задние и передние точки осуществляли на отвесы. Расстояние между точками измеряли рулеткой. Кроме точек теодолитного хода, в стенах пещеры замурованы долговременные марки. Таких марок заложено 12. И, наконец, у входа в пещеру заложены два грунтовых репера и внутри 4 стенных репера. Горизонтальные координаты теодолитного хода вычислены в местной системе координат. Высотные отметки точек привязаны к государственной нивелирной сети. Предположительная предельная ошибка нивелирования ± 50 *см*. В 1960—1961 гг. был составлен план в масштабе 1 : 400, поперечные и развернутые вертикальные продольные разрезы. Продольные разрезы были составлены на каждый этаж отдельно. При этом придерживались разделения пещеры на этажи, предложенного Г. В. Вахрушевым. Один общий развернутый продольный профиль по всей длине пещеры в этом масштабе сделать не удалось. Продольный масштаб разрезов 1 : 1000; вертикальный масштаб 1 : 400.

По заказу Башкирского гос. заповедника в январе 1965 г. были изготовлены: новый план Каповой пещеры в масштабе 1 : 1000 и развернутый продольный вертикальный разрез в масштабе 1 : 2000. Получилась совершенно объективная картина этажного распределения отделов пещеры Если раньше новый отдел пещеры (рис. 1, от точки *17* до точки *19*) разделяли по этажам без всякой увязки со старой частью пещеры, то на новом чертеже этажность выглядела весьма ясно.

В августе 1965 г. экспедицией Башкирского гос. университета были выполнены дополнительные геодезические работы и наблюдения в гроте над «Голубым озером» (рис. 1, точка *2*) и у точки *20*. Грот над «Голубым озером» при составлении продольного разреза вызывал сомнение: то ли он является конечной частью верхнего этажа, то ли это — самостоятельное образование в пещере, не связанное с этажностью, а, возможно, результат просачивания воды с поверхности. Внимательный осмотр мощного натека кальцита в задней части грота и огромного водобойного котла в его передней части, а также нивелирные измерения показали несомненную принадлежность этого грота к верхнему этажу пещеры. Осмотр и измерение у точки *20* дают основание утверждать, что в этом месте когда-то произошло обрушение дна верхнего этажа, служащего потолком среднего этажа пещеры. На это указывают и громадные обломки известняка, лежащие в этом месте на нынешнем дне среднего этажа. Часть верхнего этажа между точками *2* и *3* обрушена, затекла кальцитом и в настоящее время недоступна.

В результате работ мы пришли к выводу, что Капова пещера членится на три главных этажа. Эти три этажа отражают собой три крупных этапа в формировании системы подземных полостей Каповой пещеры: верхний этаж по точкам *2, 3, 4, 21, 18;* средний этаж по точкам *6, 16, 7, 8,*

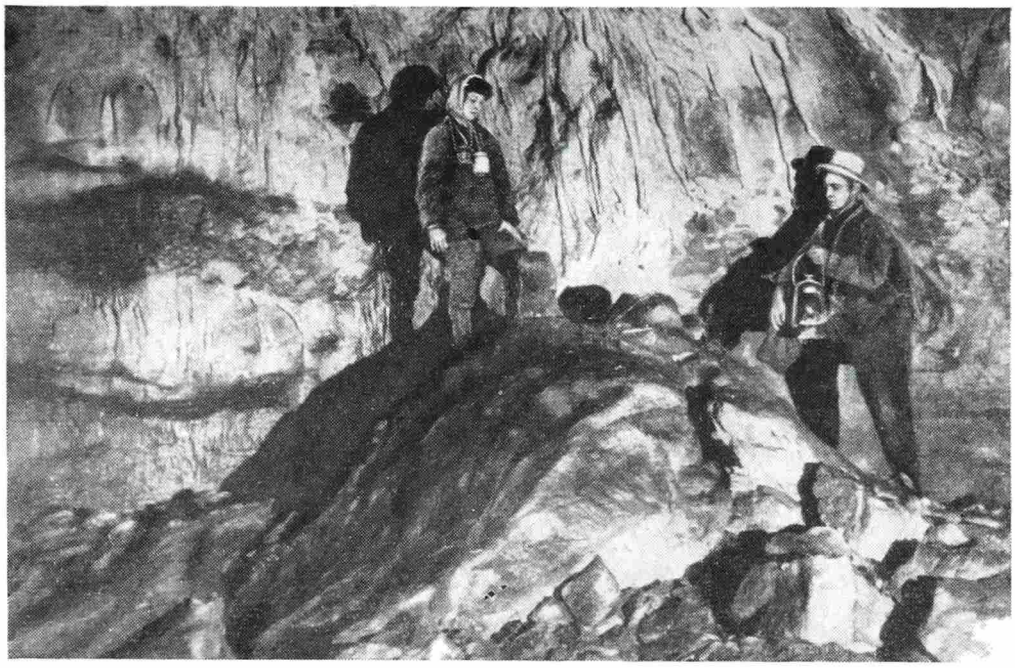


Рис. 2. Большой сталагмит на верхнем этаже Каповой пещеры

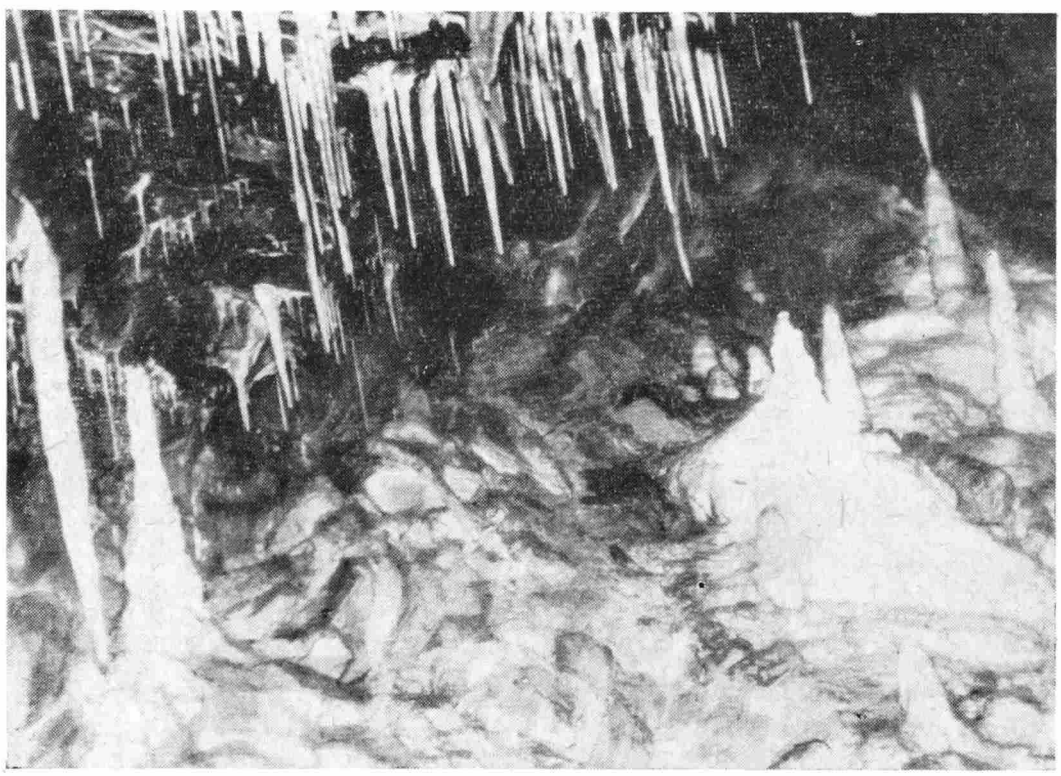


Рис. 3. Натечные образования на среднем этаже Каповой пещеры

9, *10*; нижний этаж по точкам *11*, *12*, *13*. Переходные наклонные и вертикальные ходы между этажами: первый между точками *16* и *3*, второй между точками *5* и *17* и третий между точками *18* и *12*.

Следовательно, современный вход в пещеру у точки *1* служил входом и на верхний этаж, этим, возможно, и объясняется грандиозная высота современного входа — 13 *м;* только этот вход в древности был на более высоком уровне дна пещеры. Все три этажа пещеры почти сходятся в передней ее части. В дальней же части пещеры верхний этаж расположен на высоте 20—30 *м* над средним, средний этаж — на высоте 50—60 *м* над нижним. Верхний этаж имеет значительный уклон в сторону р. Белой.

У среднего этажа меньший уклон в сторону р. Белой, а нижний, по которому сейчас протекает речка Шульган, имеет незначительный уклон. Такое постепенное уменьшение уклонов этажей может быть объяснено постепенным понижением базиса эрозии (врезанием р. Белой); следовательно, может быть высказан взгляд на порядок образования этажей, а именно: сначала образовался верхний этаж, затем средний. О порядке образования нижнего этажа не может быть двоякого суждения. В пользу такого порядка образования верхнего и среднего этажей говорят еще два обстоятельства: первое — на верхнем этаже существует гигантский сталагмит, имеющий в поперечнике 4 *м* (рис. 1, точка *21*, и рис. 2), на среднем этаже сталагмиты небольшого размера — до 10—15 *см* в поперечнике (рис. 3), и только один довольно крупный — 60 *см*. Сталактиты на верхнем этаже более крупные, чем на среднем; второе обстоятельство — на верхнем этаже натечные образования представлены арагонитом, на среднем кальцитом. Арагонит, как известно, представляет собой дальнейшее видоизменение кальцита.

То положение, что современный вход в пещеру служил в древности входом и на верхний этаж, объясняет, как попадал туда человек в эпоху палеолита, потому и нет надобности искать второй вход в пещеру откуда-то сверху, чуть ли не через вершину массива Шульган-таш. Геодезические измерения дают толщину массива известняков над верхним этажом пещеры от 50 до 100 *м*, и существование такого входа маловероятно.

И. И. СТЕФАНОВА

ЧЕРНЯНИЦКАЯ МЕЗОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА

Стоянка находится на краю первой надпойменной террасы правого берега р. Черняницы, в 800 *м* от места ее впадения в р. Молому (правый приток Вятки), в Котельническом районе Кировской области. Поверхность террасы ровная, задернованная; грунт песчаный. Край террасы осыпается; высота террасы — 6 *м* над уровнем реки; расстояние от края террасы до реки — 8 *м*. На территории стоянки есть скотомогильник. Южная граница раскопа, по сведениям местных жителей, почти примыкает к нему; в крайних восточных квадратах раскопа обнаружены костяки животных. Стоянка открыта в 1962 г. В 1963—1965 гг. при раскопках на ней вскрыто около 120 $м^2$. Под дерновым слоем, толщина которого 8—20 *см*, залегает слой рыхлого, ярко-желтого песка с вкраплениями пятен плотного серого песка. Большая плотность и серый цвет являются, очевидно, результатом накопления подзола. С распределением находок эти пятна не связаны. Материк — желтый песок с пятнами плотной красной глины — лежит на глубине 60—80 *см* от поверхности.

Находки залегают в дерновом слое и в слое ярко-желтого песка. В раскопе, на поверхности террасы и в обнажениях, найдено более 1000 кремневых предметов. На стоянке обнаружены также четыре фрагмента поздних круговых сосудов. Большинство находок было сосредоточено в квадратах, примыкавших к наружному (северному) краю террасы. Материалом для изготовления орудий служил в основном серый кремень, очень похожий на кремень Чирковского месторождения (расстояние по прямой между Черняницкой и Чирками — около 90 *км*), а также валунные яшма и халцедон[1]. Количество предметов из яшмы и халцедона незначительно — не более 5% общего числа находок.

Самую многочисленную группу изделий составляют ножевидные пластинки без вторичной обработки. Их в коллекции 117. Размеры их раз-

[1] Определение произведено канд. геогр. наук, доцентом ГПИ В. И. Колчановым.

личны: длина — от 1,0 до 6,7 *см*, ширина — от 0,3 до 1,7 *см*. Все пластинки имеют на краях выщербины. Ножевидных пластинок с ретушью — 23. Ретушь покрывает частично или полностью края со спинки. У двух пластинок крутой ретушью со спинки оформлены выемки (рис. 1, *1*). Вкладышей обнаружено 73, из них 19 — с ретушью, которая располагается по одному или обоим краям со спинки или с брюшка (рис. 1, *2*). Размеры вкладышей: длина — от 0,4 до 2,8 *см*, ширина — от 0,5 до 1,5 *см*. Резцов в коллекции 18. Все они изготовлены на пластинках. У 14 имеется по одно-

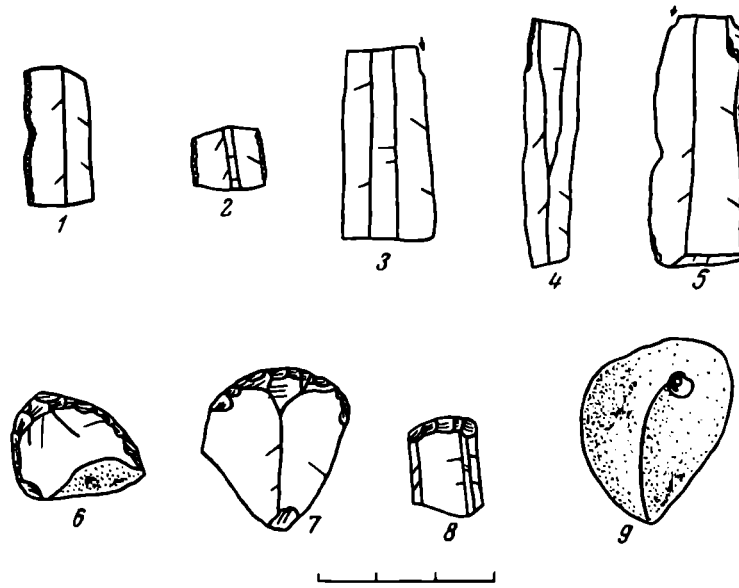


Рис. 1. Находки с Черняницкой мезолитической стоянки

1, *2* — пластины с ретушью; *3*—*5* — резцы; *6*—*8* — скребки; *9* — галька с отверстием

му резцовому сколу на одном углу пластинки (рис. 1, *3*). На трех пластинках ретушью, идущей со спинки от одного из углов, оформлены неглубокие выемки (рис. 1, *4*). Одно орудие на широкой пластинке имеет на двух углах по одному резцовому сколу; кроме того, края пластины — один полностью, а другой частично — покрыты со спинки крутой ретушью (рис. 1, *5*). Из 37 скребков 29 изготовлены на отщепах и сколах с оснований нуклеусов и составляют две группы: округлые и концевые. Один скребок изготовлен на тонком маленьком отщепе подтреугольной формы. Ретушь, мелкая и крутая, покрывает две стороны отщепа (рис. 1, *6*). Несколько скребков изготовлено на массивных отщепах, размеры самого крупного из них — 4,0 × 3,8 *см*. Скребки на пластинах — двух типов: пять скребков — на массивных ножевидных пластинах, у которых крупной ретушью покрыт один конец (рис. 1, *7*), три скребка — на тонких ножевидных пластинках (рис. 1, *8*).

Ножевидных пластинок и орудий на них в коллекции 239, отщепов и орудий на отщепах — 68. В коллекции имеются также продольные и поперечные сколы с нуклеусов, куски кремня, кремневые чешуйки, а также галька с просверленным отверстием. Диаметр отверстия снаружи — 4 *мм*, внутри — 2 *мм*. На одной, выпуклой стороне ее — скол, другая сторона плоская. Края скола и края отверстия окатаны (рис. 1, *9*). Галька обнаружена в культурном слое.

Черняницкая стоянка — один из первых мезолитических памятников в бассейне Вятки. Аналогии орудиям Черняницы находятся в мезолитическом инвентаре Камы [2] и Верхней Волги [3].

[2] О. Н. Бадер. Стоянки Нижнеадищевская и Боровое озеро I на р. Чусовой. МИА, 22, 1951, стр. 7—32.

[3] Л. В. Кольцов. Стоянка у с. Коприно на Верхней Волге. Сб. «Памятники каменного и бронзового веков Евразии», М., 1964.

В. В. ГАРНОВСКИЙ

СТОЯНКИ НА СРЕДНЕЙ МСТЕ В ОКРЕСТНОСТЯХ ГОРОДА БОРОВИЧИ

До 1957 г. ближайшим к г. Боровичи пунктом, где были обнаружены кремневые орудия, являлись Ануфриевские дюнные гряды на левом берегу р. Мсты, в 12 *км* от города. Здесь было собрано много ножевидных пластин однообразного типа и размера (в среднем 5—7 *см* длины, 1,5—2 *см* ширины). Пластины эти встречались по пашням на гряде и в выдувах в песке. Из орудий изредка попадались скребки на концах пластинок. Один раз был поднят кремневый топор, обработанный отбивной техникой. Все орудия — из местного серого известнякового кремня, который, по-видимому, добывался на берегах небольших ручьев, впадающих здесь во Мсту,— Богачихи и Рудихи.

В дальнейшем краевед Г. И. Ивановский выявил неподалеку от дюнной гряды четыре пункта с находками кремневых отщепов и орудий — скребков на полукруглых отщепах и на концах ножевых пластин. Пункты эти незначительны по площади и бедны инвентарем.

В окрестностях самого г. Боровичи первые три стоянки Г. И. Ивановским были выявлены позднее — в 1960 г. Начиная с осени 1963 г., Г. И. Ивановским, П. Г. Николаевым и автором настоящей заметки в окрестностях города обнаружены еще 13 стоянок.

1. Плесовская нижняя. Расположена на левом берегу р. Мсты на пологом уступе второй террасы, протянувшемся более чем на 100 *м* вдоль берега и в таком же расстоянии от него, в 80 *м* к западу от дер. Плесо. Находки встречаются на пашне в основном на восточном конце террасы. На площади приблизительно 40 × 10 *м* поднято 49 тонких ножевидных пластин из валунного кремня хорошего качества; скребки — два на полукруглых отщепах, три на концах ножевидных пластинок; пять фрагментов неопределенных орудий. Ретушь везде тонкая отжимная. Керамики нет. Культурный слой разрушен пахотой.

2. Плесовская первая. Находится на вершине песчаного холма в полукилометре на запад от дер. Плесо. Здесь в выдувах поднято несколько десятков кремневых отщепов и ножевидных пластинок. Некоторые из отщепов имеют частичную небрежную ретушь по одной из граней. Площадь находок приблизительно 20 × 15 *м*. Керамики не обнаружено.

3. Плесовская вторая. Расположена на подошве холма приблизительно в 100 *м* к югу от первой. Сборы произведены на пашне. Материал однотипен с находками на первом плесовском местонахождении. Необходимо указать, что именно от этих стоянок начинаются группы невысоких курганов, наибольшее скопление которых наблюдается приблизительно в 2 *км* западнее у оз. Крюково.

4. Оз. Крюково. На низком северном берегу озера С. Н. Орловым было выявлено в 1959 г. селище эпохи раннего железа. На берегу озера западнее находится группа курганов, один из которых раскопан в том же 1959 г. С. Н. Орловым. На берегу озера и на тропинках вблизи курганов найдены кремневые поделки и отщепы. Последние из местного серого кремня. Встретились несколько скребков на полукруглых отщепах и ножевидные пластинки.

5. Оз. Селино. Примерно в 1 *км* от р. Мсты к юго-западу расположено оз. Селино. На восточном берегу его на пашне подняты топор, обработанный отбивной техникой (рис. 1, *1*), массивный скребок, наконечник дротика с грубой обработкой (рис. 1, *2*), скребок на полукруглом отщепе, скребок на конце пластинки и несколько отщепов. Все это найдено на площади 15 × 15 *м*. Участок занят постройками конторы звероферм.

6. Коегощинская. Расположена на левом берегу р. Мсты в 200—250 *м* от моста через реку. Находки сделаны на распахиваемой второй

террасе. Это — два скребка на полукруглых отщепах, ножевая пластинка с ретушью на одной из продольных граней, несколько отщепов. Площадь находок имеет длину до 20 *м* и ширину до 10 *м*.

7. Оз. Катино. Наиболее богатая из всех стоянок. Расположена в полукилометре от левого берега р. Мсты на пологом южном склоне песчаной гряды, примыкающей к оз. Катино, имеющему почти округлую форму. Средняя глубина озера 8 *м*. По-видимому, оно является остатком

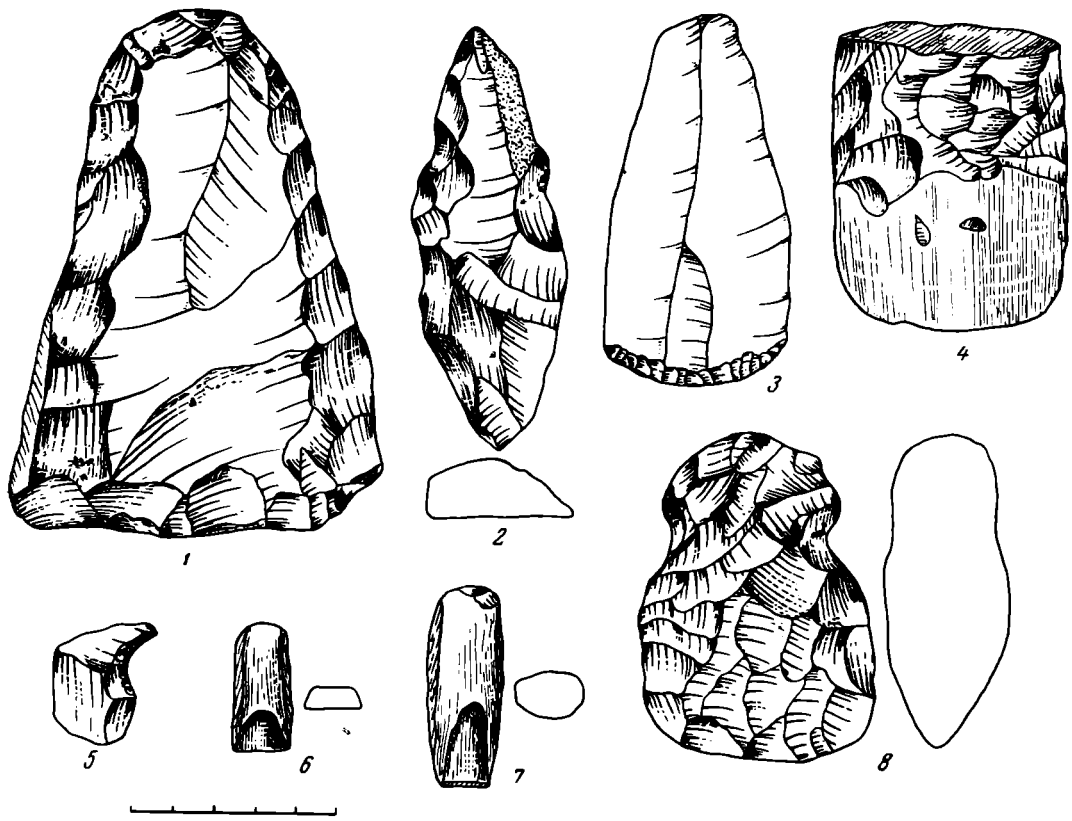


Рис. 1. Каменные орудия со стоянок в окрестностях г. Боровичи

1 — топор; *2* — наконечник копья; *3* — скребок; *4*, *6*, *8* — тесла; *5* — резец (*1*, *2* — Селино; *3*, *5* — Раздольская верхняя; *4*, *8* — Волнистая; *6*, *7* — оз. Катино)

крупного мелководного озера, в настоящее время превратившегося в торфяное болото. Культурный слой не обнаружен. Гряда длительное время распахивалась. На площади примерно в 100—120 *м* вдоль гряды с востока на запад и при ширине в 50—60 *м* было поднято несколько сотен отщепов из серого кремня, орудия и их фрагменты (рис. 2). Из пяти наконечников стрел целым является только один с черешком, треугольный в сечении, что обусловлено формой кремневого отщепа (рис. 2, *1*). Кремень наконечника — темно-серый, валунный, хорошего качества.

Судя по фрагментам, другие наконечники были листовидными с черешками, плоскими. Кремень — валунный, цветной. Среди других находок два тесла, обработанные оббивкой, два призматических нуклеуса и пять дисковидных, клювовидный резец, ножевая пластинка черного валунного кремня, один из поперечных концов которой путем отжимной ретуши превращен в сверло, две проколки. Все 12 скребков — на полукруглых отщепах, массивные, кроме одного из валунного кремня, небольшого размера. Среди находок мало типичных ножевидных пластинок.

На этой стоянке было около 50 фрагментов орнаментированной керамики. Это обломки тонкостенных сосудов с небольшой примесью дресвы. Края сосудов слабо отогнуты наружу или же слегка скошены внутрь и по обрезу орнаментированы овальными ямками или косыми отпечатками тон-

кого штампа. На керамике орнамент состоит из отпечатков двойной ямки, тонкой гребенки или неправильных по очертаниям, иногда угловатых ямок. Встречаются и отпечатки «веревочки на палочке».

На стоянке подняты два долотца из сланца (рис. 1, *6*, *7*). Первое сделано из продолговатой округлой гальки путем подшлифовки ее продольных сторон. Длина орудия — 5 *см*, наибольшая ширина — 2,2 *см*, ширина рабочего края — 1,8 *м*. Второе долотце меньше. В сечении оно призматично, с расширением к рабочему краю. Желобок сделан очень тщательно, и даже сейчас лезвие довольно остро. Длина орудия — 3 *см*, толщина — 0,5 *см*, ширина рабочей части (лезвия) — 1,8 *см*.

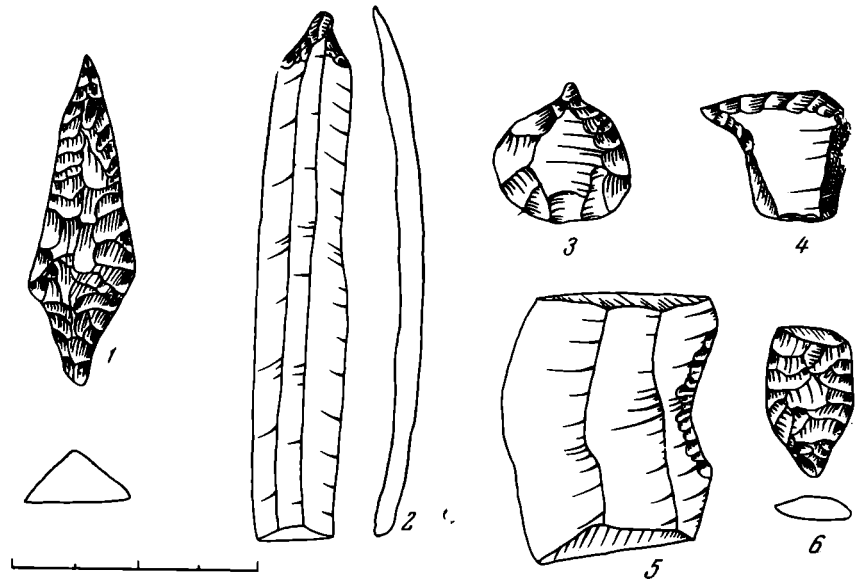


Рис. 2. Каменные орудия со стоянки оз. Катино

8. Сушанская юго-западная. Находится на пологом уступе второй террасы оз. Сушанского, соединенного протоком с р. Мстой (по правому берегу ее), приблизительно в 50 *м* от берега озера. На пашне поднято около 200 кремневых отщепов и орудий. Среди них обушок плоского тесла, три скребка на широких ножевидных пластинах и три на полукруглых отщепах, а также около 15 отщепов с частичной ретушью по одной из граней. Орудия из местного серого кремня, обработаны небрежно отжимной ретушью, а тесло — путем оббивки. Площадь находок — 50 × 30 *м*.

Метрах в двухстах от этого пункта на юго-восточной окраине всхолмления подняты два скребка на концах ножевидных пластинок, два орудия неопределенного назначения и две ножевые пластинки. Площадь, на которой сделаны находки, 20 × 20 *м*. Тонкие отщепы серого кремня найдены и на восточном склоне этого холма. Высота двух последних пунктов над современным уровнем озера 10—12 *м*.

9. Тинская. Несколько кремневых отщепов и один скребок на полукруглом отщепе подняты в обрезе тропинки на второй террасе р. Быстрицы, приблизительно в 200 *м* от впадения ее в р. Вельгию.

10. Садовая. Расположена на левом берегу р. Быстрицы на второй террасе, при высоте ее над уровнем речки около 20 *м*. Площадка, где проведены сборы, западным краем примыкает к овражку. Размеры площадки — 25 × 20 *м*. Собрано около 100 отщепов, в основном из валунного кремня среднего качества. Среди орудий было тесло из темно-оранжевого валунного кремня, тщательно обработанное отжимной ретушью, фрагменты еще двух тесел, два скребка на полукруглых отщепах, один — на конце ножевой пластинки, три неопределенных орудия и восемь тонких

ножевидных пластин. Ножевые пластины из цветного валунного кремня. Керамики нет.

11. Раздольская верхняя. Находится на правом берегу р. Быстрицы, на расстоянии около 200 *м* от нее. На пашне, среди которой четко выделяется площадка желтого борового песка размером 30 × 20 *м*, поднято до 300 отщепов местного серого кремня и несколько орудий и их обломков. Среди орудий небольшое тесло, два скребка на полукруглых отщепах, скребок «высокого» типа, три неопределенных орудия, один резец (рис. 1, *5*) и около 20 тонких ножевых пластинок.

12. Волнистая. Находки отщепов кремня и орудий были сделаны на южном склоне холма на правом берегу р. Быстрицы. Среди находок: три призматических массивных нуклеуса, пять дисковидных, пять скребков на широких ножевидных пластинах и один на полукруглом отщепе, небольшое тесло с боковыми выемками (рис. 1, *8*), фрагменты еще двух тесел, около десяти ножевидных пластинок, долотообразное небольшое орудие из слюдистого песчаника и кремневый топор с хорошо заполированным лезвием (рис. 1, *4*).

13. Низкий Мыс. Расположена напротив стоянки Волнистая на плоском возвышении левого берега р. Быстрицы, высота которого не превышает 2 *м*. Среди находок кремневый нож, три скребка — два из них на полукруглых отщепах — и грубо обработанный оббивкой наконечник дротика.

14. Передская. Расположена на площадке размером 20 × 20 *м* на правом берегу р. Быстрицы на высоте около 10 *м* от уровня речки против с. Передки. Среди скопления кремневой гальки поднято два массивных скребка на концах ножевидных пластин, один на полукруглом отщепе, тоже массивный, и призматический нуклеус.

15. Быстрицкая верхняя. Стоянка находится на второй террасе левого берега р. Быстрицы, приблизительно в 250 *м* от нее на вершине холмистого кряжа, господствующего над долиной речки, и на высоте над уровнем воды в 30—35 *м*. Площадь находок — 25 × 25 *м*. Найдены два призматических нуклеуса, фрагмент тесла, три скребка на полукруглых отщепах, два — на концах ножевидных пластин, проколка, 10 тонких ножевидных пластин и около 30 отщепов. Орудия и отщепы почти все из валунного кремня. В 1964 г. стоянка разрушена карьером.

* * *

Все эти стоянки и местонахождения, за исключением стоянки Низкий Мыс, расположены на высоте от 10 до 35 *м* над уровнем воды. Это объясняется тем, что крутые берега реки и ее притоков, прорезающих здесь северные отроги Валдайской возвышенности, не давали возможности древним поселенцам размещаться ниже у воды.

Небольшое число находок на стоянках и местонахождениях, может быть, говорит о кратковременном их использовании. Этим же объясняется и отсутствие керамики на ряде стоянок.

В 70 *км* к востоку от г. Боровичи находится так называемая Болоньенская впадина — обширная болотистая равнина с реками, речками и озерами, богатыми рыбой. Впадина весной заливается вешним паводком. На мысах коренного берега впадины Н. Н. Гуриной выявлено много пунктов без керамики, но с кремневыми отщепами и небольшим количеством орудий [1]. Поселение с мощным культурным слоем, богатое керамикой, было выявлено в этом районе лишь в начале 60-х годов при раскопах А. Я. Брюсова. Можно предполагать, что мелкие бескерамические стоянки по мысам коренного берега этой впадины — это места, на которых жили обитатели

[1] Н. Н. Гурина. Результаты археологического обследования среднего течения реки Мсты. СА, XIII, 1950.

сновного поселения только во время рыболовства — в периоды нереста. На Болоньенских временных стоянках находки наконечников стрел так же редки, как и на Боровичских. Видимо, охота для обитателей была второстепенным занятием.

Исходя из типов найденных орудий, можно считать, что описанные стоянки разновременны. Так, судя по относительно большому количеству тонких ножевидных пластинок из валунного цветного кремня, стоянка Плесовская нижняя является наиболее ранней в данном районе. К этому же времени относится и стоянка на оз. Катино, что подтверждается и ее керамикой, а также орудиями из шлифованного сланца. Несколько более поздними можно считать остальные стоянки. Судя по материалам археологического обследования среднего течения р. Мсты, проведенного Н. Н. Гуриной, и в связи с территориальной близостью обследованного ею района к стоянкам у г. Боровичи, можно датировать ранние из них концом II тысячелетия до н. э., а поздние — началом I тысячелетия.

При дальнейшей работе по археологическому обследованию Боровичского края важно хронологически увязать стоянки на озерах края — Пиросе, Люто, Пелено, Шерегодро, Болонье и другие с временными стоянками по берегам Мсты и ее притоков.

Г. А. ПАНКРУШЕВ

НЕОЛИТИЧЕСКИЙ МОГИЛЬНИК САНДЕРМОХА

Могильник Сандермоха открыт нами во время разведки в 1963 г. на северном побережье Онежского озера у пос. Повенец.

Обследование могильника еще не закончено. На его территории пока найдено 11 могил, из них раскопано пять. Обнаруженные могилы расположены тремя группами: восточная, насчитывающая пять могил, западная — четыре могилы и средняя — две могилы. Общая протяженность могильника, по предварительным данным, составляет около 250 *м*. Между отдельными группами могил, по-видимому, при дальнейшем исследовании будут также обнаружены могилы.

Небольшие работы, проведенные на территории могильника, не позволяют в настоящей статье дать полное представление о нем.

Однако своеобразие этого памятника и большое значение его для изучения наиболее слабо исследованных сторон жизни обитателей европейского севера СССР побудило нас изложить предварительные сведения о могильнике по имеющимся уже данным.

Могильник Сандермоха расположен по правую сторону шоссе Повенец-Медвежьегорск, в 8 *км* от пос. Повенец, на юго-западном склоне большого котлована, в котором в древнее время воды Онежского озера выработали несколько разновременных береговых террас (рис. 1). Эти террасы невысокими ступенями полого спускаются к заболоченной низине, которая в древности была заполнена водами озера.

Могилы обнаружены на двух смежных террасах, высота которых в настоящее время составляет 15—17 *м* над уровнем озера. Они удалены от современного берега на расстояние 3,5 *км* [1]. Террасы сложены из чистого отсортированного среднезернистого песка. В настоящее время они заросли невысоким молодым сосняком. Здесь мы раскопали пять могил.

---

[1] После отступания ледника с территории Карелии ее поверхность испытывает равномерно-замедленное поднятие. Северные районы, позднее освободившиеся от тяжести льда, поднимаются быстрее, что вызвало перекос поверхности Карелии и слив вод в ее озерах с северо-запада на юго-восток. Особенно значительно это сказалось на крупных озерах (Онежское, Ладожское).

Могила №1 (рис. 2). Могильное пятно ярко-красного цвета с малиновым отливом прослежено на глубине 20—25 *см*, под маломощным слоем дерна толщиной 3—5 *см* и слоем желтого песка толщиной 17—20 *см*. Пятно имело вид правильного прямоугольника со слегка закругленными углами и резко выделялось на фоне окружающего его светло-желтого песка. Ориентировано оно с юго-запада на северо-восток. Цвет могильного пятна объясняется обильной засыпкой могилы и покойника красной охрой.

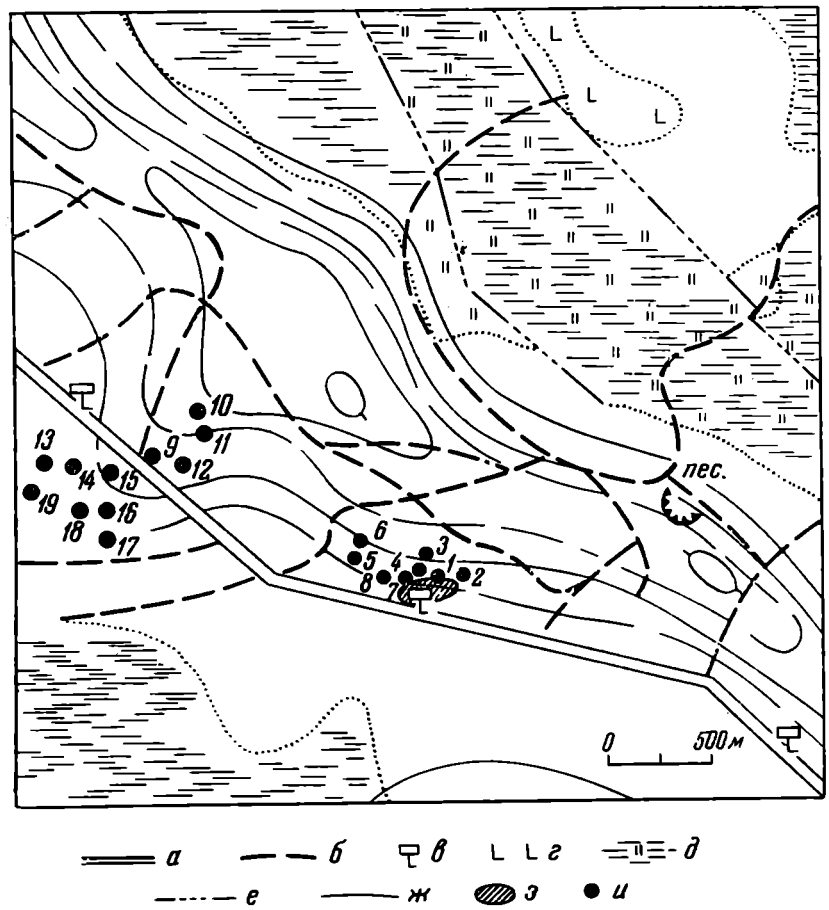


Рис. 1. Расположение могильника Сандермоха и окружающих его стоянок

а — грунтовые дороги; *б* — лесные дороги и тропы; *в* — километровые столбы; *г* — вырубки; *д* — заболоченные луга; *е* — канавы; *ж* — сплошные горизонтали проведены через 10 *м*; *з* — площадь могильника *и* — стоянки эпохи мезолита и неолита: *1* — Сандермоха XV, *2* — Сандермоха XVI, *3* — Сандермоха XVII, *4* — Пиндуши VII, *5* — Пиндуши X, *6* — Пиндуши XI, *7* — Пиндуши XII, *8* — Пиндуши XIII, *9* — Пиндуши VIII, *10* — Пиндуши XIV, *11* — Пиндуши XIV «а», *12* — Пиндуши XV, *13* — Пиндуши XVI, *14* — Пиндуши XVII, *15* — Пиндуши XVIII, *16* — Пиндуши XIX, *17* — Пиндуши XX, *18* — Пиндуши XXI, *19* — Пиндуши XXII

По краям могильного пятна найдено семь валунов диаметром от 20 до 30 *см*, которые почти все были сосредоточены в его юго-западной части. Один из валунов известняковый, другие из кварцита и песчаника.

На поверхности могильного пятна найдено несколько обломков посуды, число их увеличилось при раскопках могилы. Всего собрано 22 фрагмента. Все они залегали компактной группой в северо-восточной части могильного пятна в верхнем его горизонте, не заходя в него глубже 5 *см*.

В верхнем горизонте могилы найдено также семь осколков кварца и один осколок кремня, в расположении которых не наблюдалось никакого порядка.

Орудий в могиле не найдено. Собранные в могиле обломки принадлежат одному сосуду льяловского облика. Сосуд тонкостенный (0,6 *см*), изготов-

лен из глиняного теста хорошего качества с умеренной примесью дресвы (рис. 3, *1—3*), орнаментирован расставленными в шахматном порядке кругло-коническими ямками, зоны которых разделены рядами оттисков двузубого штампа. Ямки очень небольшого диаметра.

Размеры раскопанной могилы оказались следующие: длина по верху ямы 2,2 *м*, по дну 1,7 *м*; ширина по верху 0,8 *м*, по дну 0,6 *м*; глубина 0,70—0,75 *м* от современной поверхности и 0,5 *м* от верхней границы могильного пятна.

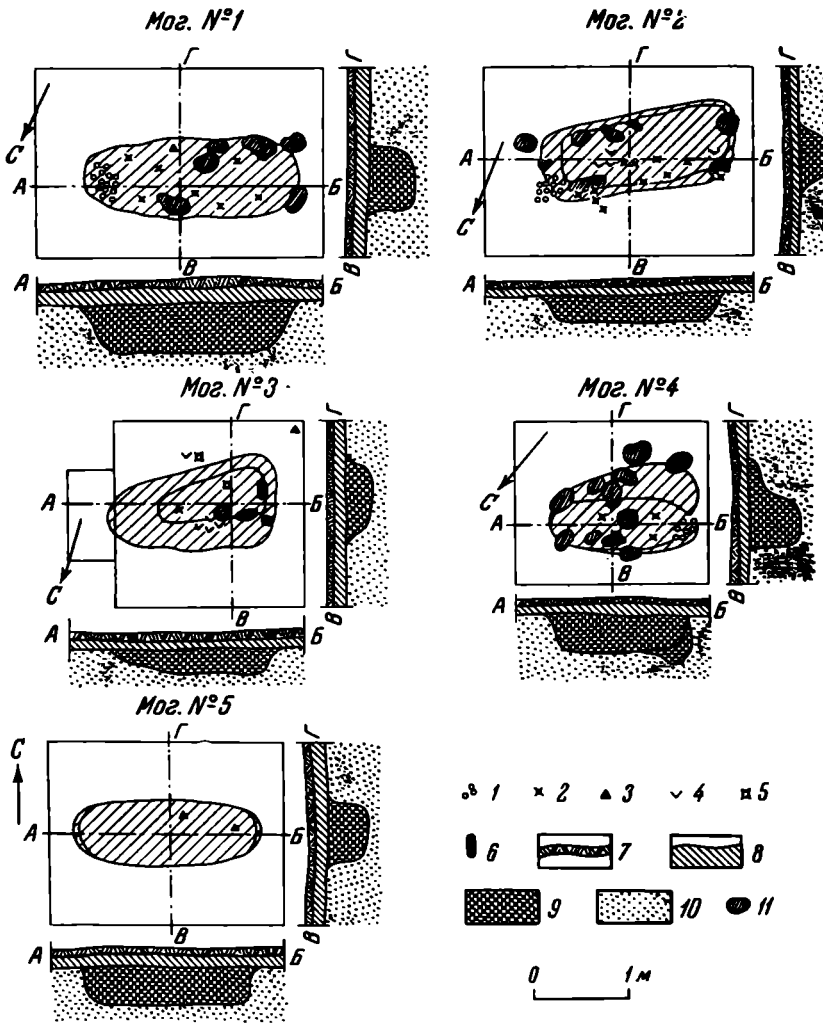


Рис. 2. Планы и стратиграфия могил

1 — фрагменты керамики, *2* — осколки кварца, *3* — осколки кремня, *4* — куски дресвяника, *5* — куски известняка, *6* — глиняная плитка, *7* — дерн, *8* — желтый песок, *9* — ярко-красный песок с малиновым отливом, *10* — светло-желтый песок, *11* — валуны

На всю глубину могильная яма была заполнена песком, перемешанным с красной охрой. Все предметы были найдены только в верхнем горизонте ямы.

Костяк не сохранился, уцелели только незначительные кусочки берцовой кости. Они найдены в нижнем горизонте могильной ямы, в 5 *см* от ее дна, в северо-восточной ее оконечности. Судя по этим костям, покойник был ориентирован головой на юго-запад. Величина и форма могилы свидетельствуют о том, что покойник был похоронен в вытянутом положении.

По всей вероятности, не случайно своеобразное размещение валунов на могиле; возможно, оно отражает какой-то религиозный обряд: два валуна положены у головы покойника по углам могильной ямы, три валуна размещены справа от покойника по краю ямы и один — слева от него, тоже на краю ямы.

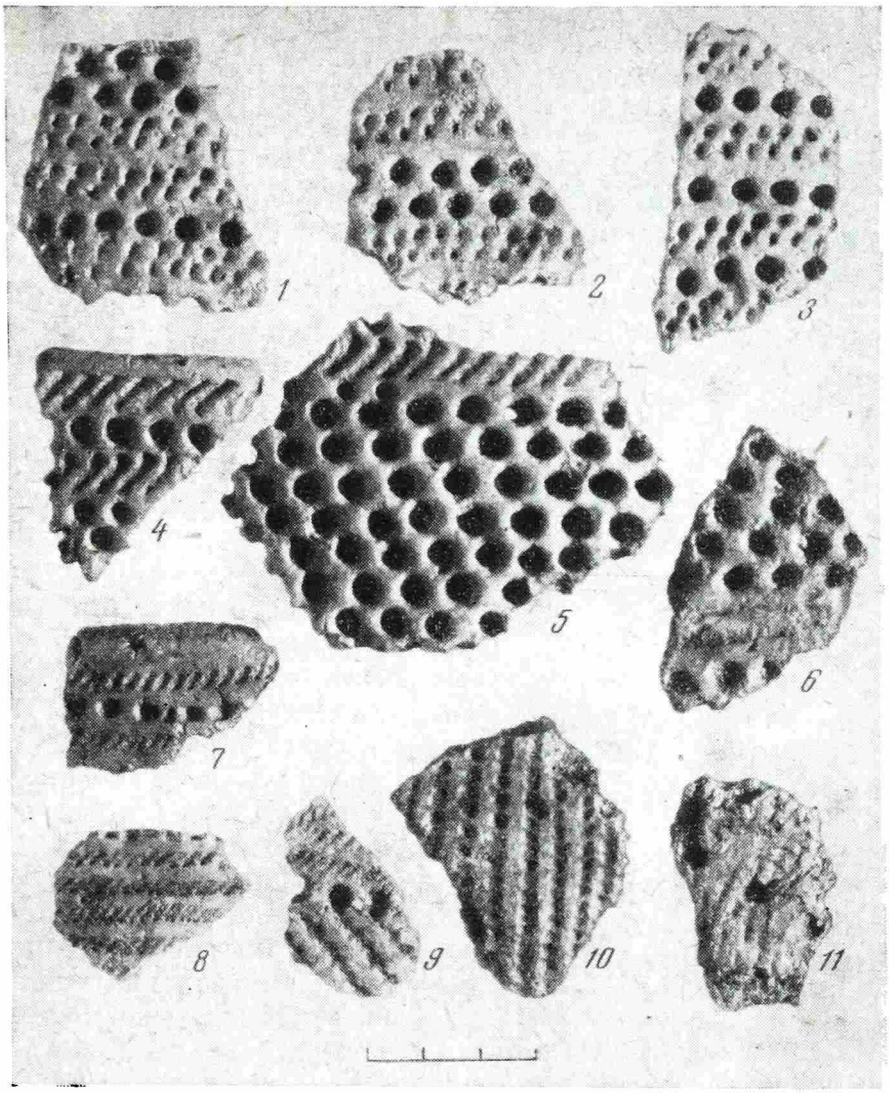


Рис. 3. Фрагменты керамики из могил

1—3 — из могилы № 1, *4—6* — из могилы № 2, *7—11* — из могилы № 4

Могила № 2 (рис. 2). Могильное пятно прослежено на глубине 12—15 *см* под слоем дерна толщиной 3—5 *см* и слоем желтого песка толщиной 10—12 *см*. Оно так же, как и в могиле № 1, четко выделяется ярко-красным цветом на фоне светло-желтого окружающего песка.

Могила представляет собой прямоугольную яму со слегка закругленными углами, ориентированную, как и предыдущая, с юго-запада на северо-восток. Длина могилы по верху — 2 *м*, по дну — 1,6 *м*; ширина по верху — 0,75 *м*, по дну — 0,45 *м*; глубина от современной поверхности — 0,45 *м*, от границы верхнего горизонта ямы — 0,3 *м*.

По краям могильной ямы, так же как и в могиле № 1, было положено семь валунов (рис. 4). Восьмой валун лежал у юго-восточного угла ямы, но несколько в стороне от нее. Диаметр валунов 15—20 *см*. Один из них сравнительно больших размеров (длиной 35 *см*).

Бóльшая часть валунов — из кварцита, песчаника и гранита, один — из известняка рыхлой ноздреватой структуры.

Судя по расположению валунов на могиле № 2, размещенных так же, как и на могиле № 1, можно предположить, что покойник тоже был ориентирован головой на юго-запад.

При раскопках могилы найдено более 60 фрагментов керамики, 11 осколков кварца и 4 куска обожженного дресвяника.

Все предметы, найденные в могиле, залегали в верхней части могильного пятна не глубже 5 *см*. Осколки кварца найдены по всей площади мо-

Рис. 4. Могила № 2. Могильное пятно с валунами

гильного пятна, но большей частью у северо-западной стенки могилы. Фрагменты керамики лежали компактной группой у северо-западного угла могилы. Все они принадлежат одному сосуду льяловского облика (рис. 3, *4—6*). Сосуд тонкостенный (0,5 *см*) хорошего обжига, изготовлен из чистого глиняного теста с незначительной примесью песка и мелко толченой дресвы. Украшен широкими зонами кругло-конических (круглых с коническим дном) ямок малого диаметра (0,5 *см*), расставленных в шахматном порядке; зоны отделены друг от друга рядами оттисков короткого зубчатого штампа и зубчатыми линиями. Край венчика сосуда имеет небольшое утолщение и скос внутрь сосуда. Костяк не сохранился.

Могила № 3 (рис. 2) отличается от двух предыдущих и формой и величиной.

Могильное пятно ярко-красного цвета обозначилось на глубине 15—20 *см* от современной поверхности. Оно залегало под слоем дерна мощностью 3—5 *см* и слоем желтого песка мощностью 10—15 *см*. Пятно представляло собой неправильный овал, ориентированный с юго-запада на северо-восток. Юго-западная часть пятна была значительно шире северо-восточной. Длина пятна по его верхней границе 1,8 *м*, ширина (в юго-западной части) — 0,9 *м*. Однако уже на глубине 10 *см* от верхней границы пятно значительно уменьшилось, по дну его длина была только 1,1 *м*, наибольшая ширина — 0,5 *м*. Глубина ямы — 0,45 *м* от современной поверхности. Северо-восточная и северо-западная стенки могильной ямы отлогие, две другие — крутые.

Находок мало: один осколок кварца, пять кусков обожженного дресвяника и два куска известняка. В широкой части могильного пятна, на его верхней границе, найдена небольшая прямоугольная плитка из сырой глины длиной 20, шириной 10 и толщиной 3 *см*. В широкой части могильного пятна находились три валуна. Костяк не сохранился.

По размерам могильной ямы можно предположить, что в ней был похоронен ребенок. Широкая часть могилы была обращена в юго-западную сторону; по-видимому, покойник был положен, как и в предыдущих могилах, головой на юго-запад.

Могила № 4 (рис. 2). Могильное пятно овальной формы и ярко-красного цвета прослежено на глубине 20 *см* от современной поверхности, под слоем дерна мощностью 3—5 *см* и слоем чистого среднезернистого желтого песка мощностью 12—15 *см*. Очертания пятна несколько не совпали с очертаниями дна могилы в ее юго-западной оконечности (рис. 2). Длина могилы по дну — 1,5 *м*, ширина — 0,55 *м*, глубина — 0,6 *м* от современной поверхости и 0,4 *м* от верхнего горизонта могильного пятна. По краям могильного пятна, как и в предыдущих случаях, находились валуны диаметром от 15 до 30 *см* — всего 12, из них два валуна посредине пятна были положены один на другой.

При раскопках могилы найдено 18 обломков от двух сосудов типа «Сперрингс», три осколка кварца, две маленькие кальцинированные косточки животных и несколько кусков обожженного дресвяника.

В отличие от первых двух могил в могиле № 4 обломки сосудов найдены в юго-западной части могильной ямы. Они лежали компактной группой в специально вырытом для них углублении в дне могилы, в этом же углублении найдены косточки животных. Песок в нем окрашен значительно интенсивнее, чем во всей могиле. Валуны на этой могиле в отличие от предыдущих были сосредоточены в ее северо-восточной части

Большая часть обломков из могилы № 4 (рис. 3, *7—11*) принадлежит одному сосуду среднего обжига, изготовленному из глиняного теста с обильной примесью плохо истолченной дресвы (толщина стенок 0,9 *см*). Орнаментирован сосуд рядами оттисков, нанесенных концом палочки, а также прочерченными линиями, выполненными палочкой с периодическим нажимом на ее конец (отступающая лопаточка) и круглыми неглубокими ямками диаметром около 4 *мм*.

От второго сосуда найден один обломок среднего обжига, из такого же грубого теста с обильной примесью дресвы. Толщина его стенок — 0,8 *см*. Стенки сосуда украшены оттисками своеобразного штампа, имитирующего отпечатки плетеной тесьмы, а также неглубокими круглыми ямками.

Находки посуды не в северо-восточной, а в юго-западной части могильной ямы свидетельствуют, видимо, о том, что в отличие от предыдущих могил здесь покойник был похоронен головой на северо-восток.

Могила № 5 (рис. 2) частично испорчена бульдозером при прокладке шоссе, были нарушены надмогильные наслоения, а также сдвинуты валуны, положенные в древности на могилу. Могильное пятно осталось непотревоженным. Оно имело овальную форму и залегало, судя по сохранившейся части надмогильных наслоений, под слоем дерна мощностью 3—5 *см* и слоем желтого песка мощностью 10—15 *см*.

Длина могилы по верху могильного пятна — 2 *м*, по дну — 1,85 *м*; ширина по верху — 0,7 *м*, по дну — 0,55 *м*; глубина от дневной поверхности — 0,65 *м*, от верхнего горизонта могильного пятна — 0,45 *м*.

На могиле и рядом с могилой найдено 12 валунов, большей частью сдвинутых с места.

Могила на всю глубину была заполнена песком ярко-красного цвета с малиновым оттенком, хорошо выделявшимся на фоне светло-желтого окружающего песка.

При раскопках могилы, в ее верхней части, найдены два осколка кремня хорошего качества. Костяк не сохранился.

Можно отметить ряд характерных для описываемого нами могильника черт.

1. Все могилы были обильно засыпаны красной охрой.

2. Из пяти раскопанных могил только в трех найдены обломки посуды (в двух могилах посуды не было).

3. Найденная в могилах посуда не одинакова: в двух могилах — сосуды с ямочно-зубчатым орнаментом льяловского облика, а в одной — обломки от сосуда типа «Сперрингс».

4. В могилах с посудой, украшенной ямочно-зубчатым орнаментом, стояло по одному сосуду, а в могиле с керамикой типа «Сперрингс» найдены фрагменты от двух сосудов. В первых фрагменты керамики найдены в верхнем горизонте могильных пятен, в последней — на дне могилы, в специально вырытом углублении у ног покойника.

5. Каменных орудий нет ни в одной из раскопанных могил, но в каждой из них имеются осколки кварца или кремня. В большинстве могил преобладают осколки кварца. Осколки кремня найдены в двух могилах, причем в одной из них осколки кварца отсутствуют.

6. Костяки не сохранились ни в одной могиле. Только в могиле № 1 найдены кусочки берцовой кости.

7. Размеры и форма могил не одинаковы.

8. Все могилы ориентированы с юго-запада на северо-восток, отличаясь друг от друга величиной угла отклонения. Однако покойники в них ориентированы по-разному: в большинстве раскопанных могил они похоронены головой на юго-запад, в могиле с керамикой типа «Сперрингс» — головой на северо-восток.

9. Все могилы были обложены валунами. Число валунов различно. Положены они по краям могил, в определенном порядке. В большинстве могил валуны сосредоточены у головы покойника.

Анализируя перечисленные выше данные, можно проследить некоторые стороны жизни обитателей Карелии в эпоху неолита, в частности обычаи и обряды, связанные со смертью их соплеменников.

Один из таких обычаев, известный уже по погребальным памятникам других культур,— это посыпание покойника и могильной ямы красной охрой. В могильнике Сандермоха этот обычай соблюден во всех раскопанных погребениях.

Обычай захоронения вместе с покойником сосудов с пищей тоже хорошо известен по многим древним погребальным памятникам. Однако в данном могильнике он имеет некоторые особенности. Так, в могилах с ямочно-зубчатой керамикой сосуды найдены не в могильных ямах, а на их древней поверхности; в могиле с керамикой типа «Сперрингс» фрагменты сосудов найдены в специально вырытом для них углублении на дне могильной ямы. С последним захоронением связан также, возможно, имевший место обычай разбивать сосуды на могилах и класть с покойником не целые сосуды, а их обломки. Об этом свидетельствуют обломки двух сосудов, найденные в могиле № 4. Тут же найдены косточки животных — остатки пищи, положенной в могилу для умершего.

Отсутствие керамики в некоторых могилах свидетельствует, по-видимому, о том, что обычай ставить в могилу или на могилу сосуды с пищей в эпоху раннего неолита, когда керамика, вероятно, еще не получила широкого распространения, не всегда соблюдался. Возможно, пищу для покойника оставляли в берестяных или деревянных сосудах, или совсем без посуды.

Интересен также наблюдаемый в могильнике Сандермоха обычай заменять орудия производства, которые, по-видимому, берегли, осколками кварца и кремня, т. е. того материала, из которого они изготовлялись.

Этот обычай появился в Карелии, по всей вероятности, уже в неолитическую эпоху, так как в более раннее время его не было, что видно по данным позднемезолитического Оленеостровского могильника, где найден большой разнообразный инвентарь, в том числе и многочисленные каменные орудия [2].

Размеры и форма могил вызывают предположение, что все покойники были похоронены в вытянутом положении, вероятнее всего, на спине или, возможно, на животе. Последний способ захоронения, по данным М. Е. Фосс [3], тоже известен в эту эпоху.

Однообразие в ориентировке могил с юго-запада на северо-восток объясняется, возможно, определенным религиозным ритуалом, а различие в ориентировке погребенных вызвано, по-видимому, их различной этнической принадлежностью.

По всей вероятности, с религиозным ритуалом связана также прослеженная во всех могилах обкладка могил валунами, размещенными в определенном порядке.

Очень интересно наличие в погребениях двух типов керамики («Сперрингс» и ямочно-зубчатая), которые были присущи этнически не родст-

---

[2] Н. Н. Гурина. Оленеостровский могильник. МИА, 47, 1956.

[3] М. Е. Фосс. Стоянка Кубенино. СА, V, 1940, стр. 38—40.

венным группам населения[4]. Однако этот факт, на наш взгляд, не может служить основанием для утверждения о принадлежности могильника двум или нескольким племенам. Многочисленные черты сходства между раскопанными в могильнике погребениями (засыпка могил охрой, их одинаковая форма, небольшая глубина, отсутствие орудий и замена их осколками, обкладка могил валунами и т. п.) и сравнительно небольшие размеры могильника свидетельствуют о том, что он принадлежал единому коллективу. Различие в типах керамики объясняется, вероятно, тем, что таким коллективом было одно из племен, сформировавшихся, по всей вероятности, в раннем неолите в результате длительного процесса консолидации родо-племенных групп различного этнического происхождения, обитавших в Карелии с позднего мезолита[5].

Возможно, что сосуществование различных культурных традиций продолжалось в течение довольно большого отрезка времени. Видимо, этим обстоятельством надо объяснять описанные выше различия в обряде погребений могильника Сандермоха.

Найденные в могильнике типы посуды являются в Карелии ранними. Они появились в первой половине III тысячелетия до н. э. и прекратили свое существование в начале II тысячелетия до н. э.[6].

Ямочно-зубчатая керамика из погребений очень близка керамике льяловской стоянки. Керамика типа «Сперрингс» представлена тоже наиболее архаичными для нее формами.

На основании сказанного могильник Сандермоха можно предположительно датировать серединой III тысячелетия до н. э.

Открытие неолитического могильника Сандермоха еще раз свидетельствует о неточности датировки Оленеостровского могильника. Время существования последнего Н. Н. Гурина относит ко второй половине III тысячелетия до н. э.[7], хотя в нем отсутствует керамика, а каменный инвентарь аналогичен инвентарю позднемезолитических стоянок Карелии и не имеет никакого сходства с инвентарем стоянок эпохи неолита[8].

Неолитический могильник Сандермоха настолько резко отличается от Оленеостровского, что об одновременности их в условиях Карелии, на наш взгляд, не может быть и речи, а архаичные черты последнего, описанные Н. Н. Гуриной[9], свидетельствуют о значительно более раннем его возрасте.

По-видимому, Оленеостровский могильник следует синхронизировать с позднемезолитическими стоянками Карелии и датировать примерно IV тысячелетием до н. э.

На более высокой террасе, смежной с могильником Сандермоха, открыты четыре поселения эпохи позднего мезолита (Пиндуши VII, Пиндуши XVII и др.). Каждое из них занимает значительную площадь (от 1500 до 4000 $м^2$) с культурным слоем, насыщенным древним инвентарем. Все эти поселения прекратили свое существование до возникновения могильника и, естественно, не имеют с ним ничего общего.

На террасах, рядом с погребениями обнаружены следы маленьких неолитических стойбищ (Сандермоха XV, Пиндуши XIII и др.). Площадь каждого из них не превышает 50—60 $м^2$. Культурный слой маломощен (5—10 *см*) и очень слабо окрашен. Инвентарь этих стойбищ состоит из небольшого количества обломков посуды (рис. 5), которая в основном

---

[4] М. Е. Фосс. Древнейшая история Севера европейской части СССР. МИА, 29, 1952, стр. 147; Г. А. Панкрушев. Докерамические стоянки Карелии и вопрос о ее заселении. Скандинавский сборник, VII, Таллин, 1963, стр. 160—161.

[5] Г. А. Панкрушев. Докерамические стоянки Карелии..., стр. 155—160.

[6] Н. Н. Гурина. Древняя история северо-запада европейской части СССР. МИА, 87, 1961, стр. 46—53; Г. А. Панкрушев. Датировка памятников Карельской археологической культуры. Тр. Карельск. ФАН СССР, XXII, 1959, стр. 52—77.

[7] Н. Н. Гурина. Древняя история..., стр. 258.

[8] Г. А. Панкрушев. Докерамические стоянки Карелии..., стр. 161.

[9] Н. Н. Гурина. Древняя история..., стр. 249—252.

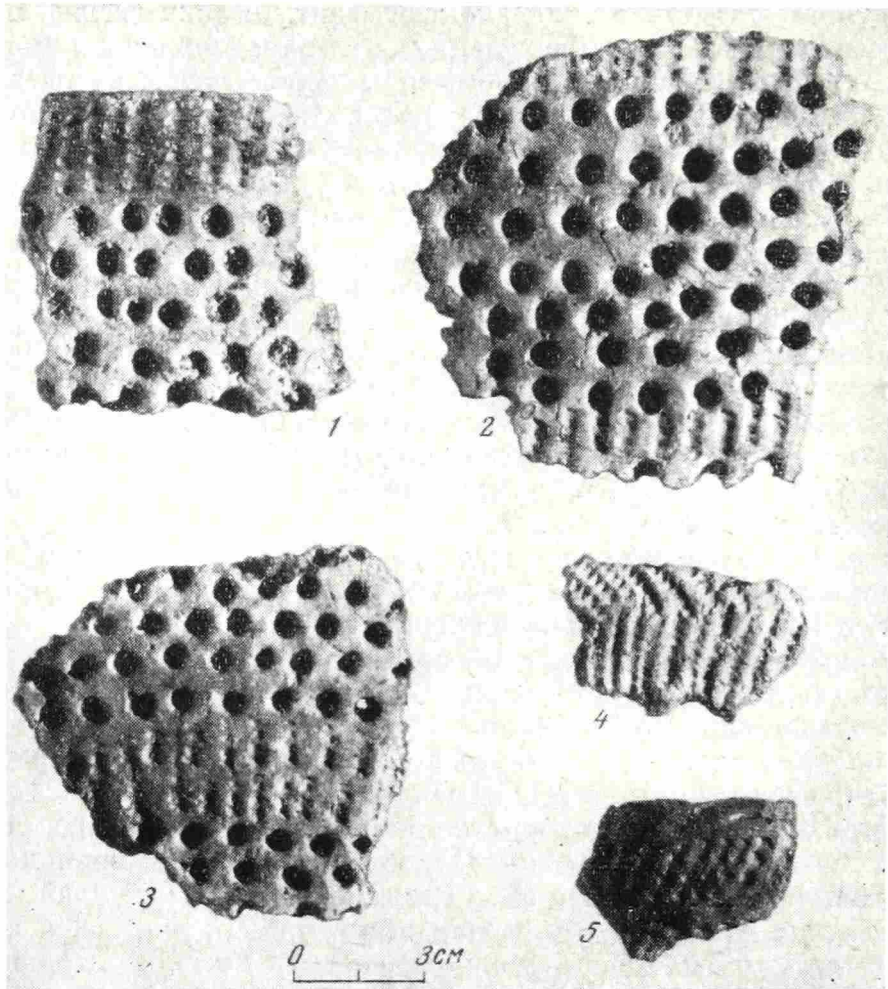


Рис. 5. Фрагменты керамики со стоянок
1—3 — со стоянки Сандермоха XV, *4—5* — со стоянки Сандермоха XIII

не отличается от керамики могильника (рис. 3). Судя по этим данным, упомянутые стойбища можно предположительно отнести к местам временных остановок небольших коллективов людей во время совершаемых ими религиозных обрядов, связанных с похоронами.

На сравнительно небольшом расстоянии от могильника (до 1 *км*) к западу и востоку от него на таких же по высоте древних береговых террасах обнаружены довольно большие поселения эпохи неолита (площадью 2—3 тыс. $м^2$). Керамика этих поселений имеет много общего с керамикой могильника. Возможно, что последний оставлен обитателями упомянутых поселений, хоронившими здесь своих умерших сородичей. Дальнейшие раскопки могильника и соседних с ним неолитических поселений, по-видимому, внесут необходимую ясность в этот вопрос.

В. А. РАНОВ

ШЛИФОВАННЫЕ ТОПОРЫ ИЗ ТАДЖИКИСТАНА

До начала больших археологических работ в Средней Азии каменные орудия типа шлифованных топоров или тесел были представлены случайными, часто плохо документированными находками[1]. Обломки топо-

[1] Б. Лунин. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Ташкент, 1958, стр. 98—104.

ров и отдельные орудия позже были собраны на стоянках кельтеминарской культуры [2], а фрагменты крупных шлифованных орудий найдены и в культурном слое стоянки Джанбас-Кала IV [3]. В последние годы шлифованные топоры получены при раскопках или собраны на поверхности хорошо датированных стоянок (Джейтун [4], Кават-7 [5], Дарбаза-Кыр [6]). Это естественно, повышает интерес к ним и оправдывает публикацию нескольких шлифованных топоров, поступивших в различные хранилища г. Душанбе в течение 1960—1963 гг.

Орудия, описанные ниже, условно названы топорами, так как достаточно четкие морфологические критерии для подразделения рубящих клиновидных орудий еще не выработаны. Принято считать, что топоры, которые должны прикрепляться продольно по отношению к ручке, имеют симметричный продольный профиль; тесла, прикреплявшиеся перпендикулярно,— асимметричный; долота, стамески и пр. отличаются от первых двух орудий только своими небольшими размерами [7]. Достаточно просмотреть даже часть литературы по этому вопросу, чтобы убедиться в субъективности этих определений. Более точным представляется опыт функционального определения орудий [8]. Однако в данном случае последнее не производилось.

Впервые шлифованный топор найден в Таджикистане в 1958 г. во время раскопок гиссарского поселения Куй-Бульен в Дангаринском районе. Он извлечен из контрольной траншеи с глубины 80 *см* из третьего (нижнего) неолитического горизонта. Топор изготовлен из плотной зеленокаменной породы, он имеет удлиненные пропорции и вытянутотреугольную форму с острым обушком и широким выпуклым лезвием. Поперечное сечение — овальное. В продольном сечении топор слегка изогнут в одну сторону. Одна поверхность топора прямая, другая выпуклая. Весь топор, включая округленные боковые грани, великолепно отшлифован. Длина 19,8 *см*, ширина у лезвия 7,5 *см* [9] (рис. 1, *4*).

На значительное распространение шлифованных орудий на стоянке Куй-Бульен указывают довольно многочисленные находки обломков топоров, часто вторично использованных [10]. В южном Таджикистане, помимо шлифованных топоров из Куй-Бульена, имеются заготовки с очень тщательно оббитой и приготовленной для шлифования поверхностью из нескольких открытых стоянок. Особенно хорошие заготовки отмечены на стоянках Танга-Товти и Санги-Угур (рис. 1, *6*).

В начале 1960 г. в Республиканский музей г. Душанбе Я. М. Савушкин передал два шлифованных топора, найденных при разработке карьера на южной окраине поселка Исамбай. Оба топора сделаны из темносерого в изломе сланца. Они двояковыпуклые и имеют треугольную форму с широким выпуклым лезвием и узким обушком, в обоих случаях

---

[2] А. А. Формозов. Новые материалы о стоянках с микролитическим инвентарем в Казахстане. КСИИМК, XXXI, 1950, стр. 143; С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг. ТХАЭ, II, М., 1958, рис. 19. Шлифованный топорик с частично разрушенной поверхностью из низовьев Узбоя, найденный у Ак-тама, хранится в ИИАЭ АН ТуркмССР.

[3] С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 63.

[4] В. М. Массон. Джейтунская культура. ТЮТАКЭ, X, Ашхабад, 1961, табл. VII.

[5] С. П. Толстов, Т. А. Жданко, М. А. Итина. Работы хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1958—1961 гг. МХЭ, 6, М., 1963, стр. 5.

[6] У. Исламов. Неолитическая культура в низовьях Зеравшана. Автореф. канд. дис. Л., 1963, стр. 8.

[7] С. А. Семенов. Следы употребления на неолитических орудиях из ангарских погребений. МИА, 2, 1941, стр. 203 сл.

[8] Там же. См. также: Л. Я. Крижевская. Кремнеобрабатывающая неолитическая мастерская и поселение на северо-востоке Башкирии. МИА, 79, 1960, стр. 252—254.

[9] А. П. Окладников. Исследования памятников каменного века на юге Таджикистана в 1958 г. Тр. ИИ АН ТаджССР, XXVII, Сталинабад, 1961, стр. 16.

[10] А. П. Окладников. О работах по изучению каменного века Таджикистана в 1957 г. Тр. ИИ АН ТаджССР, CIII, 1959, рис. 1, *6*.

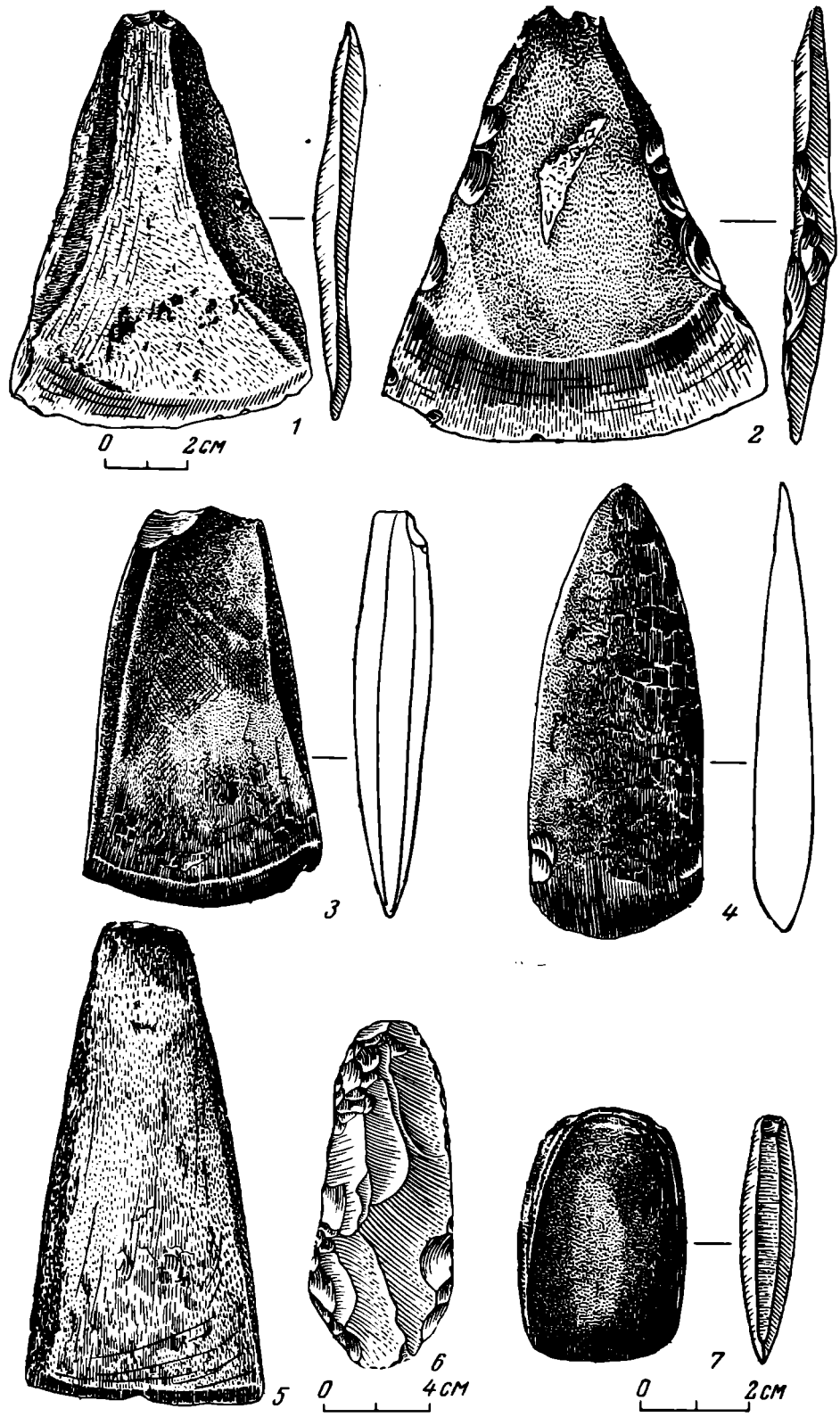


Рис. 1. Каменные шлифованные топоры из Таджикистана

1, 2 — из поселка Исамбай, *3* — из с. Самбули, *4* — с поселения Куй-Бульен, *5* — из сел. Джидабулак, *6* — заготовка топора со стоянки Танга-Товти, *7* — с Туткаульского городища

подправленным мелкими сколами. Первый топор в продольном сечении слегка выгнут и асимметричен. Поперечное сечение образует неправильный уплощенный шестигранник. Лезвие и переход к боковым граням специально выделены. Рабочее лезвие скошено и имеет толщину 3—5 *мм*. Кое-где на нем зазубрины — следы работы. Поверхность с двух сторон заплифована. Длина 9,5 *см*, ширина лезвия 7 *см* (рис. 1, *1*). Второй топор крупнее. В продольном сечении он прямой, форма его более правиль-

ная. Как и в первом случае, выделены продольные грани, но здесь края их частично сбиты сколами [11]. Поперечное сечение приближается к овалу. Лезвие тонкое и острое, со следами работы в виде зазубрин. Шлифовка этого топора менее тщательная, встречаются незаполированные участки. Длина 10,1 *см*, ширина лезвия 8,7 *см* (рис. 1, *2*).

Как показало обследование, проведенное автором, эти изделия связаны с культурным слоем стоянки, располагавшейся на южной окраине сел. Исамбай на небольшом террасовидном уступе. Траншея для выборки глины прорезала центральную часть стоянки. В разрезе, особенно в верхней части стенок (до 50 *см*), встречаются колотая галька и характерные отщепы крупных размеров с широкими гладкими ударными площадками и массивными бугорками. Вместе с отщепами собрано несколько галечных нуклеусов, пестов-курантов, а также тонкие и узкие кремневые пластинки. Значительное число изделий найдено и на дне траншеи. Весь этот материал хорошо укладывается в рамки неолитической гиссарской культуры, основные черты которой охарактеризованы А. П. Окладниковым [12]. Он может считаться в целом одновременным с материалом, полученным при раскопках поселения Куй-Бульен.

Третий топор из коллекции Республиканского музея плохо документирован. Известно только, что он найден в 1961 г. в районе сел. Самбули на р. Кафирниган, но обстоятельства находки остались неясными [13]. Топор изготовлен из такой же, как в Куй-Бульене, вязкой темно-зеленой породы типа змеевика. Он имеет легкую асимметричность в продольном разрезе и грубо овальные очертания в поперечном. Форма топора в целом треугольная, обушок по сравнению с предыдущими экземплярами значительно более утолщен. На поверхности хорошо заметны даже невооруженным глазом следы шлифовки в виде тонких бороздок, лежащих в различных направлениях. Длина 14,3 *см*, ширина лезвия 8,4 *см* (рис. 1, *3*).

Весной 1963 г. в зоне затопления Нурекской ГЭС на 1-м объекте Туткаульского городища раскопками вскрыт горизонт более древнего поселения. Последнее, на основании полученного материала, может быть отнесено к памятникам гиссарской культуры. В культурном слое найден небольшой шлифованный топорик. Материалом для изготовления этого орудия служил темно-зеленый нефрит [14]. Топор хорошо отшлифован. Форма его овальная со слегка выпуклой средней частью. Как продольное, так и поперечное сечение близки к овалу. Лезвие тщательно приострено и слегка скошено. Четко выражены зашлифованные боковые грани. Обушок округлый, специально пришлифованный. Длина 4,7 *см*, ширина 3,1 *см* (рис. 1, *7*).

Находка нефритового орудия в культурном слое туткаульского поселения чрезвычайно интересна. Ближайшее из известных нефритовых месторождений находится в Синцзяне [15], где встречается, в частности, и зеленый нефрит. Широкое распространение нефрита из этого района отмечалось неоднократно [16]. Мы пока не имеем промежуточных пунктов между Туткаулом и Раскем-Дарьей или Куэнь-Лунем, но факт существования каких-то непосредственных связей гиссарцев из южного Таджики-

---

[11] Ср. А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья МИА, 18, 1950, стр. 176.

[12] А. П. Окладников. Исследования памятников каменного века Таджикистана. МИА, 66, 1958, стр. 14—41.

[13] В нескольких километрах от пос. Самбули расположена крупная стоянка гиссарской культуры (у сел Кухна-бай). Неподалеку от предполагаемого места находки описанного топора встречаются отщепы и расколотые гальки.

[14] Определение петрографа Таджикского геологического управления А. С. Гавриловой.

[15] Работы И. В. Мушкетова, К. И. Богдановича, В. Л. Громбчевского. См., например, И. В. Мушкетов. Заметка о нефрите и жадеите с Восточного Памира. ИРГО, 24, 1889.

[16] А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. МИА, 43, 1953, стр. 174—189.

стана и неолитических племен Припамирья устанавливается этой находкой вполне определенно. В этой связи можно вспомнить о таком же маленьком топорике из белого нефрита, купленном на базаре в старом Душанбе (коллекция МАЭ) [17], хотя обстоятельства, при которых этот предмет попал в Таджикистан, совершенно неизвестны. Таким образом, все находки шлифованных топоров отмечены пока на очень небольшой территории южного Таджикистана. К ним примыкают и топор-клин из сел. Джидабулак в горах Баба-Таг, опубликованный Г. В. Парфеновым [18] (рис. 1, *5*).

Шлифованные топоры обычно датируются IV—II тысячелетиями до н. э. В Передней Азии, однако, эти рамки охватывают значительно больший срок — по меньшей мере с VII до конца III тысячелетия до н. э. [19]. Менее четко определяются нижние границы бытования шлифованных топоров в Индии, а что касается верхних пределов, то, по мнению некоторых исследователей, значительное количество топоров из индийских коллекций относится уже к эпохе металла [20]. В этом плане важна связь большинства описанных выше топоров со слоями поселения гиссарской культуры, основные памятники которой относятся к IV—III тысячелетиям до н. э. [21]. Наличие на этих памятниках шлифованных топоров помогает выяснить некоторые особенности обработки камня в этот период. Шлифованные топоры являются свидетельством того, что наряду с очень архаической техникой расщепления камня, которая свойственна гиссарской культуре в целом, гиссарцы владели и техникой шлифовки каменных орудий.

Что касается типологических особенностей описанных топоров, то прежде всего обращает на себя внимание разнообразие форм их, которые находят аналогии, например, среди изделий этого типа в Индии [22]. Лишь дальнейшее накопление материала по шлифованным топорам в Средней Азии позволит приступить к их типологическому анализу и картографированию.

---

[17] Там же, стр. 179.

[18] Г. В. Парфенов. Каменный топор-клин из Баба-тага. «Общественные науки в Узбекистане», 1, 1962, стр. 62—63.

[19] R. J. Braidwood. The Near East and the Foundations for Civilization. Oregon, 1952, стр. 24—25; L. Perkins. The Comparative Archaeology of Early Mesopotamia. SAOS, 25, 1959.

[20] W. C. Worman. The «Neolithic» Problem in the Prehistory of India. JWAS, 36, 6, 1949, стр. 181—182.

[21] Дата заключительного этапа гиссарской культуры, полученная в навесе Актанги, равняется 4170 ± 110 лет (РУЛ — 474).

[22] W. C. Worman. Ук. соч., рис. 2; F. R. Allchin. The Neolithic Stone Industry of the Santal Paraganas. BSOAS, XXV, pt. 2, 1962, табл. I—IV и многие другие работы.

Э. В. ХАНЗАДЯН

РАСПИСНОЙ СОСУД С ЗООМОРФНЫМИ ИЗОБРАЖЕНИЯМИ ИЗ ЭЛАРА

Среди образцов монохромной расписной керамики Армянского нагорья особое место занимает керамика из Эларского могильника. Селение Элар находится в 18 *км* от Еревана по правую сторону от Тбилисского шоссе, в районе Абовяна (ранее Котайкский).

С давних пор Элар интересовал археологов своими древностями. Там, рядом с остатками циклопической крепости, по другую сторону ручья, была найдена известная надпись урартского царя Аргишти I, отмечающая покорение города Дарани. Первые археологические раскопки в Эла-

ре были произведены Е. Лалаяном в 1927 г. и Е. Байбуртяном в 1928 г. Ими был раскопан ряд различных памятников на вершине холма с крепостью и по его склонам. Ниже слоев урартского периода были открыты культурные напластования поселения раннебронзового века. Кроме того, при разработке песчаных карьеров на восточной окраине селения в 1947 г. была обнаружена керамика, относящаяся к трем периодам бронзы. В коллекциях, хранящихся в Государственном Историческом музее Армении (инв. № 1805, 1813), особенно выделяется крашеная керамика среднебронзового периода.

В 1960 г. у подножья циклопической крепости автором был собран подъемный материал, среди которого находились черепки расписной монохромной керамики. В процессе раскопок, произведенных нами в 1960—1961 гг., выяснилось, что находящийся рядом с карьером пласт белого песка для древних обитателей Элара служил в течение веков погребальным полем. Этот некрополь удален от циклопической крепости всего на 300 шагов.

Все найденные здесь расписные сосуды (широкогорлые кувшины различных размеров, горшки с сильно раздутым туловом, глубокие чаши, гидрии) вылеплены от руки, имеют красную обмазку, поверх которой нанесена черная роспись. Среди орнаментальных мотивов преобладают: шахматные узоры, изображения рыб и рыболовных сетей, ряды волнистых линий и водоплавающие птицы, парные треугольники, соединяющиеся вершинами, и ряды заштрихованных треугольников, ромбовидные фигуры, покрытые сеткой, трехрядные зигзаги, вписанные друг в друга полукруги и др.

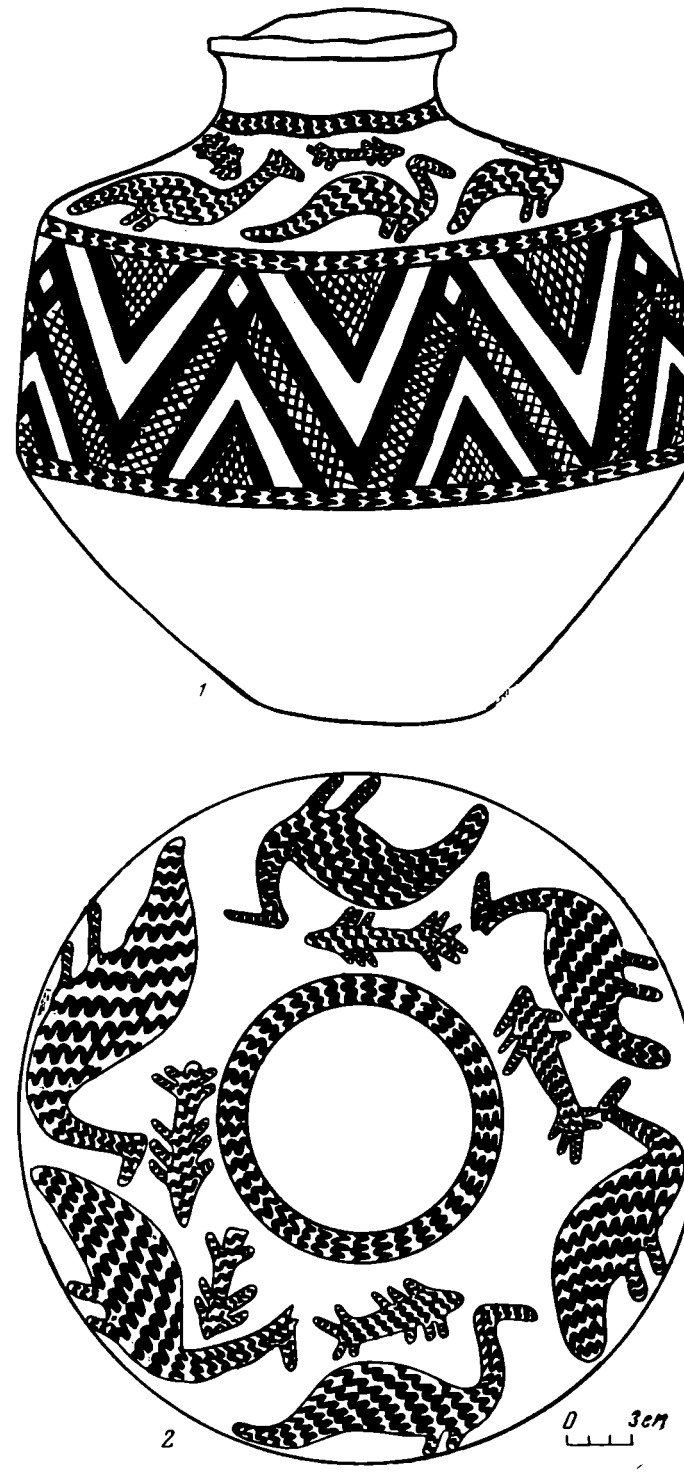


Рис. 1. Сосуд с зооморфными изображениями из Элара

1 — вид сбоку, *2* — роспись, вид сверху

Особое место среди расписных сосудов Элара занимает кувшин с зооморфными изображениями (инв. 2246/100), найденный во время раскопок 1961 г. на краю юго-восточной части песчаного карьера (рис. 1, *1*).

По всей вероятности, погребение было разрушено при разработке карьера и от него остался только этот расписной кувшин. Он имеет короткую шейку с сильно отогнутым венчиком (края обломаны). Корпус трехчастный и состоит из верхней широкой почти горизонтальной площади, средней части с отвесными стенками и конусообразно суживающейся нижней.

Кувшин имеет как бы боченкообразную форму. Вылеплен он от руки, несколько асимметричен. Его высота около 34 *см*; наибольший диаметр средней части — 34 *см*; диаметр венчика — 13,5 *см*. Дно слегка вогнутое, диаметр его 12 *см*. Кувшин изготовлен из хорошо обожженной розоватой глины с примесью песка. Снаружи он имеет красную обмазку. На верхней площадке нарисованы шесть каких-то двуногих животных или «птиц» с длинным туловищем, хвостом и длинной шеей; выше изображены рыбы (рис. 1, *2*). Тело, хвосты, ноги, шеи и головы животных и рыб покрыты волнообразными линиями. Животные в основном схожи друг с другом, но различаются в деталях: у одних на голове уши, у других — маленькие рога. Некоторые из животных изображены как бы во время плавания; они украшены волнистыми лентами, которые представляют собою символ воды. (Такими же волнистыми лентами украшены птицы на расписных сосудах из Гарни и из Триалетского кургана VII) [1]. Кроме того, эти животные нарисованы вместе с плавающими рыбами. Рыбы также изображены архаично — около головы с двух сторон у них тройные плавники, а у хвоста — двойные, только у одной рыбы около хвоста плавники тройные, расположенные веерообразно. Рыбы украшены теми же волнистыми лентами.

Эта композиция сверху окаймлена полосой, зачерченной короткими волнистыми линиями. Среднюю часть кувшина опоясывают зигзагообразная широкая лента и треугольники, частично заполненные сеткой. Большие треугольники обращены вершинами вниз, а маленькие — вершинами вверх. Эти треугольники повторяются восемь раз. Композиция средней части кувшина сверху и снизу окаймлена узкими поясами, покрытыми короткими волнистыми узорами.

Эларский расписной кувшин по форме и по зооморфной орнаментации уникален и не имеет прямых аналогий в материалах той эпохи.

Нужно отметить, что орнаментальные мотивы средней части сосуда в несколько видоизмененном виде с разными вариациями известны на расписных сосудах Закавказья вообще. Так, сочетание зигзагообразной узкой ленты и треугольников вершиной вниз отмечается на чернолощеных сосудах из Кироваканского кургана [2]. Зигзагообразные пояса, украшенные волнистыми линиями с кружочками на концах, очень характерны для крашеной закавказской керамики эпохи средней бронзы. В сочетаниях с двойными — тройными рядами они изображены на кувшине из Элара, из Тазакенда [3], на расписных сосудах из Эчмиадзина, Норадуза (находится в Краеведческом музее Камо), в Азербайджане на кувшинах с Ганджа-чая [4], на триалетских кувшинах [5] и т. д.

Расписной сосуд из Элара некоторыми своими особенностями (слегка вогнутым дном и трехчастностью сосудов) более близок керамике ранней бронзы, ибо эти черты очень характерны для керамики ранней бронзы, и постепенно исчезают позднее. Орнаментацией же средней части корпуса наш сосуд больше примыкает к орнаментике керамики ранней бронзы, чем средней, в особенности к линейным орнаментам чернолощеной керамики из Шингавитского поселения, которой свойственна центральная за-

[1] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, стр. 397, табл. LXXXI.

[2] Курган раскопан Б. Б. Пиотровским в 1948 г.

[3] К. Х. Кушнарева. Тазакендский могильник в Армении. СА, 1960, 1, стр. 141, рис. 3, *14*.

[4] Я. И. Гуммель. Крашеная керамика в долине Ганджачая (погр. № 3). ИАэФАН СССР, 5, 1939, Баку. рис. 1, 3, 4.

[5] Б. А. Куфтин. Ук. соч., табл. LXXXI сл.

штрихованная зигзагообразная лента или меандр. Ту же композицию поясов с вариациями из заштрихованных треугольников мы видим на чернолощеных и краснолощеных сосудах эпохи ранней бронзы из нижнего слоя Гарнийской крепости.

Учитывая все это, Эларский кувшин можно считать одним из ранних образцов расписной монохромной керамики среднебронзовой эпохи. Он еще сохраняет некоторые черты керамики эпохи ранней бронзы, но выполнен уже в новой технике и с новыми принципами орнаментации, свойственными керамике эпохи средней бронзы.

Ныне на территории Армении и Закавказья вообще выявлено много памятников с расписной керамикой (могильники и поселения). На основе изучения их устанавливается, что культура с расписной керамикой земледельческо-скотоводческих племен Закавказья характеризуется далеко зашедшей уже в тот период имущественной дифференциацией. В этот период сохраняется тесный контакт с переднеазиатским миром.

По стратиграфическим данным некоторых поселений Армянского нагорья (Муханнат-Тапы, Гарни, Мецамора, Нахичеванской Кюль-Тапы) выясняется, что слои с расписной керамикой перекрывают слои ранней бронзы. Та же картина наблюдается на одном из участков и в Бешташенской крепости в Триалети [6].

Культура расписной керамики возникла в эпоху ранней бронзы. Например, в могильнике сел. Арагац (Эчмиадзинский район) с характерным инвентарем позднего этапа ранней бронзы вместе с чернолощеной керамикой эларского типа найдены красные сосуды, которые характерны уже для керамики средней бронзы [7]. Та же картина наблюдается в Грузии — в Озни (Триалети) [8] и Квацхелеби (Урбниси) [9], где в хорошо датированных слоях эпохи средней бронзы найдены сосуды, покрытые красной краской с характерными для ранней бронзы полушарными ручками.

Все эти данные позволяют считать монохромную расписную керамику местной, своими корнями уходящей в период ранней бронзы. Эти данные опровергают мнение некоторых исследователей, согласно которому Закавказская расписная керамика происходит от переднеазиатской [10]. В свое время это мнение было оспорено Б. А. Куфтиным и Б. Б. Пиотровским [11].

Что касается датировки эларского кувшина, то следует указать, что он не имел сопровождающего датирующего материала. Однако, учитывая особенности, связывающие его с раннебронзовой керамикой, эларский сосуд можно отнести к архаичным видам крашеной керамики эпохи средней бронзы и приблизительно датировать его первой четвертью II тысячелетия до н. э.

---

[6] Б. А. Куфтин. Ук. соч., стр. 109.

[7] А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964, стр. 42, рис. 10, стр. 43, рис. 11.

[8] О. Джапаридзе. К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры. Тбилиси, 1961, табл. VII.

[9] А. И. Джавахишвили, Л. И. Глонти. Урбниси. Тбилиси, 1962, рисунок в начале книги.

[10] St. Przeworski. Zagadnienie wplywow Bliskiego Wschodu w kulture Fatjynowskie j Rosji Srodkowej. «Swiatowit», XVI, 1933, стр. 31.

[11] Б. А. Куфтин. К вопросу о ранних стадиях бронзовой культуры на территории Грузии. КСИИМК, VIII, 1940, стр. 33; его же. Археологические раскопки в Триалети, стр. 4—10; Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. Л., 1949, стр. 49.

П. М. КОЖИН

О ГЛИНЯНЫХ МОДЕЛЯХ КОЛЕС ИЗ БАЛАНОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

Глиняные модели колес были найдены в трех могилах Балановского могильника [1]. Они встречались попарно и на близком расстоянии друг от друга [2]. Считается — и вполне правомерно,— что они представляют собой остатки моделей двухколесных экипажей [3]. Значение моделей колес для выяснения ориентации основных связей и отчасти вопросов происхождения фатьяновской культуры рассмотрено Т. А. Трофимовой [4]. Со времени издания ее работы возросло количество находок остатков древнейших повозок и их изображений. Более тщательно обоснована интерпретация этих находок и ранней истории колесного транспорта в целом [5].

Модели колес из Балановского могильника представляют собой сплошные диски с выступающей в обе стороны от центрального отверстия втулкой [6]. Они сформованы от руки из одного куска глины. Такие модели воспроизводят крупные тяжелые колеса, изготовлявшиеся из трех массивных деревянных частей. Эти трехчастные колеса имели единый центр происхождения в Месопотамии и прилегающих к ней областях. Они связаны, как доказал Чайлд, исключительно с повозками [7] с бычьей запряжкой [8]. Распространившись в Европе, они охватили очень большой ареал. Однако на основании конструктивных особенностей повозок, отразившихся и в их моделях, этот ареал может быть разбит на два больших взаимно не связан-

---

[1] Мог. 7 (раскопки 1933 г.), мог. 33 и 36.

[2] О. Н. Бадер. Балановский могильник. М., 1963, стр. 117, 123, рис. 50, 58; его же. Могильник в урочище Карабай близ д. Баланово в Чувашии. СА, VI, 1940, рис. 19.

[3] О. Н. Бадер. Балановский могильник, стр. 208—209, 260.

[4] Т. А. Трофимова. Об антропологических связях в эпоху фатьяновской культуры. СЭ, 1949, 3, стр. 49, 69—70.

[5] V. G. Childe. The Diffusion of Wheeled Vehicles. Ethnographisch-archäologische Forschungen. Berlin, 1954, стр. 1—15; Б. А. Латынин. К вопросу об уровне развития производительных сил в эпоху ранней бронзы. КСИИМК, 70, 1957, стр. 7—13; S. Foltiny. The Oldest Representations of Wheeled Vehicles in Central and South Eastern Europe. AJA, 63, 1959, стр. 53—58; J. Bóna. Clay Models of Bronze Age Wagons and Wheels in the Middle Danube Basin. AA, Budapest, 1960, стр. 83—111; J. Smolian. Studien zur Entstehung und Ausbreitung des Wagens. EAZ, 5, I, Berlin. 1964.

[6] О. Н. Бадер. Балановский могильник, рис. 144, *1—4*; его же. Могильник в урочище Карабай..., рис. 21, *5—6*.

[7] В повозке соединен целый комплекс изобретений. В случае конвергентного возникновения повозок решения для тех или иных ее частей могли быть различны (конструкция колес, кузова, дышла, ярма, способ запряжки). Но во всей зоне распространения повозок комплекс основных признаков повторяется полностью. Это и доказал Чайлд. Способ тяги (запряжка тягловых животных в ярмо, прикрепленное к дышлу) у древнейших повозок и плуга абсолютно одинаковы. Система запряжки для повозок заимствована от плужной запряжки. Однако распространение плуга и повозки могло не совпадать. Появление плуга было тесно связано с рядом культурно-хозяйственных изменений, которые могли возникать лишь в условиях длительных и непрерывных контактов между воспринимающей и воздействующей средой. Кроме того, значительным препятствием в распространении плуга были трудности в акклиматизации культурных растений.

[8] V. G. Childe. Ук. соч., стр. 10—11; «History of Technology». Ed. by Ch. Singer, E. J. Holyard, A. R. Hall. Oxford, 1956, 1, стр. 210. Колеса аналогичной конструкции сохранились у повозок с бычьей запряжкой, завезенных испанцами и португальцами в Америку, и распространялись там очень широко (Л. де Кастро Соарес. Бразильская повозка. Сб.: «Люди и ландшафты Бразилии», М., 1958, стр. 133—135). Для таких повозок характерна большая грузоподъемность и более легкая по сравнению с повозками, запряженными лошадьми, проходимость в условиях бездорожья (Г. Кларк. Доисторическая Европа. М., 1952, стр. 300). Описание конструкции и изготовления таких колес см. М. К. Гегешидзе. Грузинский народный транспорт, 1, Тбилиси, 1956, стр. 166—167, табл. XXXVII—XXXVIII. Древние образцы см. J. D. van der Waals. Prehistoric Disc Wheels in the Netherlands. Groningen, 1964.

ных региона. Первый охватывает Дунайский бассейн. Здесь не обнаружены деревянные повозки, но все глиняные модели их воспроизводят однотипные[9] двухосные экипажи с четырьмя колесами. Для них характерен открытый кузов в виде прямоугольного ящика с несколько расходящимися кверху бортами. Устойчивость этого типа настолько велика, что проникшие в Среднюю Европу позднее одноосные двухколесные колесницы с лошадиной запряжкой быстро трансформируются здесь в четырехколесный тип экипажа[10].

Второй регион охватывает Кавказ, Северное Причерноморье и степные районы Восточной Европы[11] вплоть до Среднего Поволжья (Балановo). Здесь распространены как двух-, так и четырехколесные повозки. Рано появляются крытые фургоны[12]. Модели воспроизводят только двухколесные экипажи[13]. Такие значительные различия свидетельствуют о разных путях проникновения в указанные регионы древнейших видов колесного транспорта. Причем второй из них и территориально и по разнообразию типов повозок более тесно связан с Ближним Востоком.

Однако в Балановском могильнике модели колес встречаются лишь в определенной группе погребений. Это относительно поздние могилы атли-касинского типа[14]. В основной массе одиночных захоронений балановского типа, сопровождающихся в числе прочих керамических форм амфорами, такие модели не встречены. Этим обстоятельством дополнительно подтверждается различное происхождение двух основных комплексов балановского могильника. Внедрение в среду балановскго населения атли-касинских групп значительно изменило облик фатьяновской культуры Среднего Поволжья[15]. Лишь с этого времени можно говорить о возникновении в Среднем Поволжье особой локальной балановской культуры. Возможно, появление колесного транспорта, связанного, очевидно, с атликасинским населением, объясняется более широким распространением позднебалановских памятников (балановская культура) по сравнению с однородными ранними фатьяновскими[16]. Но если основной фатьяновский

---

[9] J. Bóna. Ук. соч., стр. 89 и рис. 3. Он выделяет, правда, два типа их: Будакаласский (тип А) и Палекастро (тип В). Однако принципиальных конструктивных различий между ними нет и их можно расценивать как две близкие разновидности одного типа. См. также. Gh. Bichir. Autour du probleme des plus anciens modeles de chariots decouverts en Roumanie. «Dacia», Bucarest, 1964, VIII.

[10] E. Anati. Bronze Age Chariot from Europe. PPS, XXVI, Cambridge, 1961.

[11] Подробное описание находок см. Б. А. Латынин. Ук. соч., стр. 7—10. За последние годы в памятниках катакомбной культуры в Приазовье (раскопки С. А. Капошиной) и в Калмыкской степи (раскопки И. В. Синицына) найдено несколько новых четырехколесных повозок. Находки более позднего времени сделаны на оз. Севан (Е. А. Румянцев. Реставрация и консервация древних деревянных повозок из Закавказья и Алтая. СА, 1961, 1, рис. 1, 2); см. также О. Н. Бадер. Балановский могильник..., стр. 260—263.

[12] Новые находки в Калмыкских степях и модель из кургана 9 группы «Три Брата», передатированная Б. А. Латыниным катакомбным временем. Решетчатое ярмо, приданное этой повозке в процессе реконструкции, у повозок эпохи неолита и бронзы не применялось. Типично другое ярмо — в виде бруса с дугами на концах. Следы такого ярма встречены и в кург. 9 группы «Три Брата», так что реконструкция ярма у этой модели абсолютно произвольна (И. В. Синицын. Памятники предскифской эпохи в степях Нижнего Поволжья. СА, X, 1948, рис. 14 и 17, стр. 153).

[13] В погребальных ритуалах хеттских царей и цариц, помимо обычных грузовых повозок, применялись повозки с сиденьем. Они предназначались для помещения деревянной статуи умершего, которую возили в погребальной процессии (H. Otten. Hethitischen Totenrytualen. Berlin, 1958, стр. 129). Не являлись ли глиняные модельки повозок отголоском сходного обычая?

[14] П. М. Кожин. Хронология шаровидных амфор фатьяновских могильников. СА, 1963, 3, стр. 33—34.

[15] Там же, стр. 37. Особенно наглядно изменения прослеживаются в погребальном обряде, керамической орнаментации и технологии керамического производства (П. М. Кожин. О технике выделки фатьяновской керамики. КСИА АН СССР, 101, 1964).

[16] Карту распространения см. у О. Н. Бадера. («Балановский могильник...», стр. 212, рис. 145).

комплекс с амфорами и характерным обрядом захоронений входит в круг так называемых культур шнуровой керамики и шаровидных амфор, то происхождение атли-касинского комплекса загадочно. Единственным пока подтверждением его южных связей служат находки глиняных моделей колес.

В. Д. РЫБАЛОВА

КОСТЯНОЙ ПСАЛИЙ С ПОСЕЛЕНИЯ КАМЕНКА БЛИЗ КЕРЧИ

При раскопках на поселении эпохи бронзы в окрестностях г. Керчи, у пос. Каменка [1] в 1958 г. была найдена костяная поделка, имеющая форму слегка сплюснутого диска с шестью отверстиями различной величины и двумя конусовидными выступами (шипами) на одной из сторон (рис. 1). На территории Советского Союза предметы этого рода стали впервые известны в 1934 г. по находкам на поселении абашевской культуры у с. Баланбаш в Башкирии [2].

Близкие по форме поделки из бронзы, слоновой кости и обожженной глины широко представлены в памятниках бронзового века Греции. Наиболее ранняя находка происходит из IV Шахтовой гробницы Микен [3]. Она представляет собой костяной диск с рельефным, волнистым орнаментом и небольшим округлым выступом по краю. В центре диска расположено большое круглое отверстие, ниже которого помещается второе, овальное, а сбоку — две небольшие круглые дырочки. На внутренней стороне диска имеются три массивных шипа.

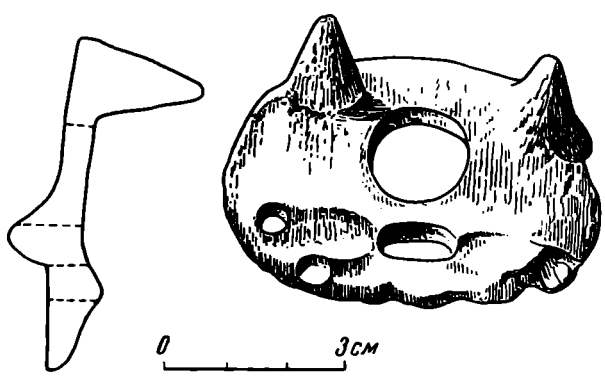


Рис. 1. Костяной псалий с поселения Каменка

Остальные микенские поделки этого типа, в большей своей части относящиеся к более позднему времени, как правило, имеют два отверстия: одно (центральное) — большое, круглое, второе, меньших размеров, приближающееся по форме к овалу; кроме того, они имеют четыре шипа, которые помещены на внутренней стороне диска [4]. Однако А. Вэйс упоминает также «трехногие маленькие терракотовые скамеечки». Диаметр дисков у костяных и бронзовых поделок около 13,0 *см*, у глиняных — немного менее 6,0 *см*.

Назначение этих загадочных предметов долгое время оставалось непонятным. Зарубежные исследователи принимали их за навершия шлемов [5] и рукояти мечей [6]; костяные и терракотовые экземпляры трактовались иногда как подставки для светильников, культовые столики или скамееч-

[1] Раскопки близ пос. Каменка производились в 1953, 1956—1959 и 1961 гг. одним из отрядов Боспорской археологической экспедиции АН СССР, Ленингр. университета и Гос. Эрмитажа, руководимой В. Ф. Гайдукевичем, в 1962 г.— Восточно-Крымским археологическим отрядом Ленингр. университета. (С 1956 по 1962 гг. работы в Каменке велись под непосредственным руководством автора.)

[2] См. «Археологические исследования в РСФСР 1934—36 гг.», М.— Л., 1941, табл. XXI.

[3] W. Reichel. Hommerische Waffen. Wien, 1901, рис. 42.

[4] A. Wace. A Mycenian Mystery. «Archaeology», 13, 1. New York, 1960, стр. 40—45, рис. 2, 3, 5.

[5] W. Reichel. Ук. соч., стр. 105.

[6] A. Wace. Ук. соч., стр. 42.

ки[7]. После выхода работы К. Ф. Смирнова[8], в которой приводятся целые серии несколько иных по форме, но сходных по общему характеру костяных и роговых предметов, происходящих из степей Евразии и Венгрии, а также некоторые типы металлических псалиев Переднего Востока и Греции, стало очевидным, что так называемые столики представляют собой еще одну разновидность древнейших псалиев, применявшихся при упряжке с мягкими удилами.

Псалий, происходящий из Каменки, сделан из верхнего эпифиза плюсневой кости быка крупной породы[9]. Диск имеет размеры 5,9 × 5,5 *см*, толщина его — от 3,5 до 4,0 *см*. В средней части диска находятся два отверстия. Одно из них круглой формы диаметром 1,2 *см*. Небольшой бортик, расположенный по краю отверстия, придает ему вид трубки. Второе отверстие, меньшее по размеру, имеет форму овала. По обеим его сторонам, на краях диска находится по паре круглых дырочек (край одной из дырочек обломан). Большое круглое отверстие, несомненно, играло роль втулки, а при помощи овального прореза и дополнительных дырочек крепились ремни оголовья.

На внутренней стороне псалия на одном из краев диска расположены два шипа. По-видимому, на противоположном краю диска были еще два шипа, так как здесь находятся две округлых ямки, диаметр которых приблизительно равен диаметру сохранившихся шипов у их основания. Судя по тому, что дырочки частично заходят за края этих углублений, можно полагать, что они были просверлены уже после того, как шипы поломались и места поломки были слегка заглажены. Весьма вероятно, что поломка шипов произошла в процессе изготовления псалия, так как выпиливание шипов из обычной кости являлось довольно трудной задачей.

Псалий найден на глубине около 0,95 *м* в наземном жилище овальной формы, основание которого с северной стороны было укреплено дуговидной каменной кладкой (1958 г., раскоп 1).

Поселение Каменка принадлежит к кругу восточнокрымских памятников типа Киммерика, Глейки, Щебетовки, Планерского[10]. Значительная часть керамики данного поселения имеет аналогии в материалах из кубанских курганов, раскопанных Н. И. Веселовским (Армавир и станица Урупская, 1903 г. и др.)[11], которые относятся к так называемой предкавказской катакомбной культуре II, впервые выделенной А. А. Иессеном в 1950[12]. А. А. Иерусалимская относит их к III этапу предкавказского варианта катакомбной культуры[13]. По характеру керамики и каменных изделий Каменка имеет также много общего с памятниками III этапа прикубанского варианта северокавказской культуры, выделенного В. И. Марковиным[14].

Время позднекатакомбной культуры Предкавказья, по мнению А. А. Иессена и А. А. Иерусалимской, падает на конец II и начало I тысячелетия до н. э. Однако поселение Каменка, в материалах которого имеются некоторые более архаические формы, по-видимому, возникло несколько раньше, примерно в конце XIV в. или в XIII в. до н. э., и суще-

---

[7] A. Wace. Ук. соч., стр. 42—43.

[8] К. Ф. Смирнов. Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей. СА, 1961, 1, стр. 46, сл.

[9] Определение дано Н. К. Верещагиным (Зоологический институт АН СССР).

[10] И. Т. Кругликова. Памятники эпохи бронзы из Киммерика. КСИИМК, XLIII, 1952, стр. 108, сл.; ее же. Поселения эпохи поздней бронзы в Восточном Крыму. СА, XXIV, 1955, стр. 74, сл.; О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, 46, 1955, стр. 106—109.

[11] ОАК за 1903 г. СПб., 1906, рис. 114—117, 119—120.

[12] А. А. Иессен. К хронологии «больших кубанских курганов». СА, XII, 1950, стр. 199.

[13] А. А. Иерусалимская. О предкавказском варианте катакомбной культуры. СА, 1958, 2, стр. 37, 38, 46.

[14] В. И. Марковин. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н. э.). МИА, 93, 1960, табл. на стр. 120 и др.

ствовало до рубежа II и I тысячелетия до н. э., испытывая на позднем этапе влияние срубной культуры.

Комплекс вещей, к которому принадлежит псалий (рис. 2), является одним из ранних. Керамика изготовлена из глины с примесью толченой ракушки. В ее составе имеется несколько фрагментов с затертыми

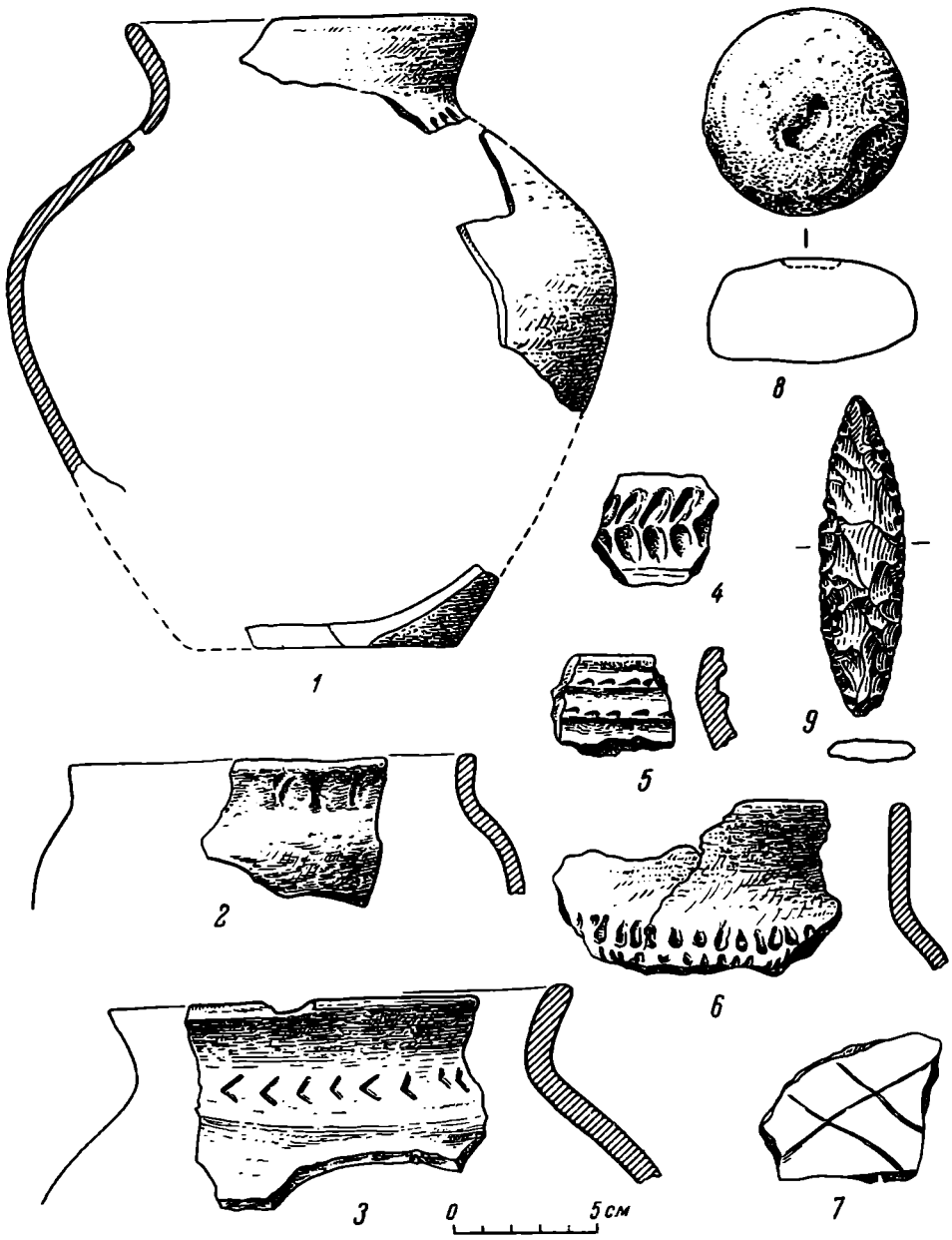


Рис. 2. Керамика и поделки из камня с поселения Каменка:
1—7 — керамика; *8—9* — камень

следами гребенчатого сглаживания, один фрагмент с многоваликовым орнаментом позднего типа. Наиболее характерной формой данного комплекса и всего поселения в целом являются красноватые или темные в обжиге сосуды с высокими венчиками и сильно выпуклыми, округлыми боками.

На территории СССР в настоящее время известно несколько находок костяных и роговых псалиев такого же типа, как в Каменке. Они найдены в с. Баланбаш, в Кондрашовке на Среднем Дону [15], в Трахтемирове на

[15] П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков. Абашевская культура в Поволжье. МИА, 97, 1961, рис. 31, 4.

Среднем Днепре [16]. Все эти экземпляры относятся к микенской разновидности плоских псалиев, применявшихся при упряжке с мягкой уздой. Древнейшие известные нам костяные дисковидные псалии с шипами на территории Греции относятся к XVI и XV вв. до н. э. (IV Шахтовая гробница Микен, толос А в Коковатосе) [17].

Однако наиболее широкое распространение этот тип псалиев получил в III позднеэлладском периоде (Дендра и др.) [18], который датируют 1400—1100 гг. до н. э. [19] К этому же времени, по-видимому, относится миниатюрный терракотовый псалий, найденный в одной из построек за стеной Микенской крепости [20].

Псалии из Каменки, Баланбаша, Кондрашовки и Трахтемирова по своим размерам, небрежности выполнения и некоторым деталям устройства имеют наибольшее сходство с группой позднемикенских керамических псалиев, которые, по-видимому, существовали в Греции параллельно аналогичным небольшим костяным псалиям.

В степях Евразии костяные и роговые дисковидные псалии с шипами, по всей вероятности, появились не ранее XIV в. до н. э. Возможно, что они на каком-то отрезке времени сосуществовали с дисковидными псалиями без шипов (II тип К. Ф. Смирнова).

Плоские, пластинчато-дырчатые, бесшиповые псалии (I тип К. Ф. Смирнова), судя по находкам на поселении алакульского этапа андроновской культуры в Тастыбутаке, появились у нас где-то в середине или второй половине XIII в. до н. э., когда, вероятно, еще не совсем вышли из употребления дисковидные псалии без шипов. Однако находки псалиев I типа на поздних, срубно-хвалынских поселениях Поволжья (Ершово) и замараевских поселениях Казахстана (Челкар) [21] говорят о том, что эта разновидность псалиев существовала до конца II тысячелетия до н. э. Позднейшие находки псалиев этого типа на Нижней Волге хронологически соответствуют верхнему горизонту культурного слоя Каменки в степном Крыму, где имеется группа валиковой керамики, в общих чертах сходной с керамикой из Ершова [22].

[16] А. М. Лесков. Древнейшие роговые псалии из Трахтемирова. СА, 1964, 1, рис. 1.
[17] A. Wace. Ук. соч., стр. 40—43, рис. 3 (слева).
[18] Там же, стр. 40—42, рис. 2 и 3 (справа).
[19] G. Milonas. Ancient Mycenae, the Capital City of Agamemnon. Princeton, 1957, стр. 181.
[20] A. Wace. Ук. соч., стр. 43, рис. 5.
[21] К. Ф. Смирнов. Ук. соч., стр. 47, 49, 60.
[22] Е. К. Максимов. Материалы из Хвалынского музея. СА, 1962, 3, рис. 4.

А. П. УМАНСКИЙ

АНДРОНОВСКИЕ ТОПОРЫ ИЗ ФОНДОВ АЛТАЙСКОГО КРАЕВОГО МУЗЕЯ

За последние годы в фонды Алтайского краевого музея поступило несколько случайных находок, наибольший интерес из которых представляют кельт и вислообушный топор. Кельт (рис. 1) был найден сотрудником Алтайского проектного института Н. В. Кришталь в 1960 г. на левом берегу р. Иткуль (правый приток Оби, вытекает из оз. М. Иткуль) [1], метрах в 30 ниже плотины, перегораживающей речку у самого истока. Очевидно, топор выпал из обрывистого берега р. Иткуль. Местные жители, по словам Н. В. Кришталь, не раз находили в осыпях речного берега

[1] Этот район был обследован в 1955 г. Б. Х. Кадиковым. См.: Б. Х. Кадиков. Итоги археологических разведок Бийского музея. В сб.: «Некоторые вопросы древней истории Западной Сибири», Томск, 1959, стр. 18—19.

узорные черепки. Топор хорошо сохранился из-за слоя патины, покрывающей почти всю его поверхность. Втулка кельта лопнула еще в древности; вероятно, тогда же была обломана верхняя часть орудия. О давнем повреждении кельта свидетельствуют сглаженные края облома и узкой щели во втулке. Кельт отлит из красноватой бронзы в составной форме: остатки литейных швов хорошо заметны на верхней части втулки в виде двух вертикальных валиков. Мягкие очертания орудия, нечеткость орна-

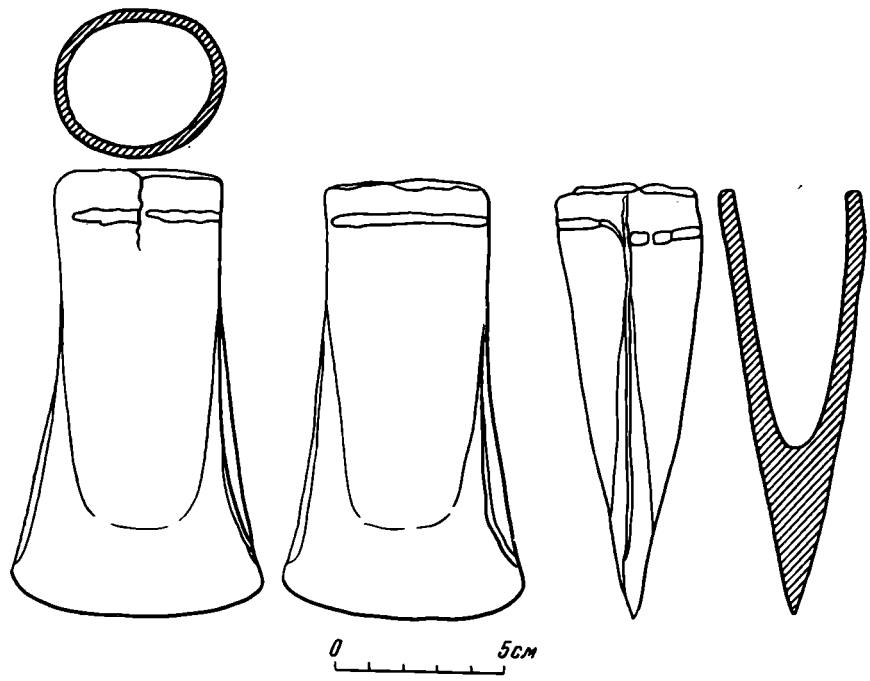


Рис. 1. Бронзовый кельт с р. Иткуль

мента, частичное смещение и прерывистость кругового валика говорят о том, что отливка кельта произведена в двустворчатой глиняной форме. После отливки топор был прокован (следы проковки видны) и заточен. Длина сохранившейся части кельта — 12,2—12,4 *см*.

В плане топор имеет очертания неправильной удлиненной трапеции, профиль его — клиновидный, втулка, верхняя часть и среднее его сечение — овальные, почти круглые. Глубина конической втулки — 8,3 *см*, а толщина ее стенок — от 0,2 до 0,6 *см*. Слабо зазубренное овальное лезвие шире поперечника втулки. Одна сторона его («пятка») изношена сильнее. Концы лезвия постепенно переходят в толстые «крылья», обрамляющие с двух сторон втулку. Форма кельта симметрична. Наблюдаемые отклонения от симметрии не существенны, а потому не дают основания считать орудие теслом. Это — топор. Об этом говорит не только симметричность профиля кельта, но и неравномерная изношенность его лезвия, что присуще именно топорам, а не теслам: у топоров обычно сильнее изнашивается «пятка». Орнамент кельта образуют два параллельных рельефных пояска, окружающих верхнюю часть втулки. По верхнему из поясков проходит линия облома втулки. Пояски неодинаковы по толщине и ширине, нижний из них не всегда параллелен верхнему и прерывается у литейных швов.

На Алтае известно еще несколько находок кельтов. Один из них найден поблизости от находки 1960 г.— около Иткульского винокуренного завода [2], другой — в с. Косиха (70 *км* севернее оз. Иткуль) [3], третий — в пределах Алтая [4]. Все эти кельты, по М. П. Грязнову, относятся к сей-

[2] М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. МИА, 48, 1956, стр. 20, рис. 5, *2*.

[3] Там же, стр. 20, *2*, рис. 5, *4*.

[4] М. П. Грязнов. Древняя бронза Минусинских степей. ТОИПКЭ, I, Л., 1941, стр. 252.

минско-сибирскому типу[5]. Топор с р. Иткуль отличается от них прежде всего скромным орнаментом. От кельта без ушка из коллекции А. С. Уварова он отличается, кроме того, формой среднего сечения (овал вместо шестигранника), а от кельтов из Косихи и с винзавода, овальных в поперечном сечении,— отсутствием ушков.

Из кельтов сейминско-сибирского типа наиболее близки иткульскому два безушковых кельта с овальной втулкой и орнаментом в виде выпуклых поясков без заполнения. Однако они, как, впрочем, и вся серия безушковых кельтов сейминско-сибирского типа, имеют шестигранную форму среднего сечения и этим существенно разнятся от иткульского топора[6]. В то же время отмечается большая близость кельта с р. Иткуль группе кельтов карасукского типа, отличающихся овальным поперечным сечением и втулкой, а также орнаментом в виде выпуклых поясков без заполнения[7]. Наш кельт отличается от них удлиненной формой и отсутствием ушков. Таким образом, иткульский кельт сочетает в себе как общие для сейминско-сибирского и карасукского типов черты (овальная втулка, орнамент в виде двух выпуклых поясков без заполнения), так и признаки, характерные лишь для каждого из этих типов в отдельности (напр., архаичную удлиненную форму, присущую большинству кельтов первого типа, и овальное среднее сечение, отмеченное у $^2/_5$ кельтов второго типа). Характеризованный выше орнамент встречается на кельтах карасукского типа почти в 6 раз чаще, чем на кельтах сейминско-сибирского типа[8].

Все это дает основание рассматривать кельт с р. Иткуль как одну из переходных форм от кельтов I (сейминско-сибирского) типа к кельтам II (карасукского) типа. Его промежуточное положение между топорами I и II типов может быть хорошо проиллюстрировано на профиле. Как известно, профили кельтов I и II типов, а также иткульского кельта имеют клиновидные, треугольные очертания. Но у иткульского кельта клин профиля более тупой, чем у топоров I типа, зато более острый, чем у топоров II типа. Чрезвычайная ценность переходных форм для определения генетических связей между отдельными типами орудий была в свое время подчеркнута М. П. Грязновым[9].

Кельты сейминско-сибирского типа М. П. Грязнов датирует 2-й половиной II тысячелетия до н. э., а кельты карасукского типа — X—VIII вв. до н. э. Очевидно, что топоры переходных между этими типами форм, в том числе и иткульский, можно датировать рубежом II и I тысячелетия до н. э. Эта же дата устанавливается и по западным аналогиям.

По классификации Б. Г. Тихонова, изучавшего кельты Южной Сибири и Приуралья, иткульский кельт следует отнести к подгруппе Б I группы I типа (сейминские безушковые кельты с обедненным орнаментом)[10]. Самой близкой иткульскому кельту западной аналогией является топор, найденный в с. Омары Мамадышского района ТАССР[11].

Подобно нашему топору, кельт из Омар имеет овальную втулку, среднее сечение и такие же толстые «крылья», переходящие в лезвие, но совершенно лишен орнамента. Другое отличие омарского кельта от иткульского кроется в способе крепления его на рукояти: кельт из Омар был снабжен для этой цели четырьмя выступами внутри втулки. Б. Г. Тихонов датирует подгруппу безушковых кельтов сейминского типа в пределах от XIV—XIII вв. до рубежа II—I тысячелетия до н. э. Рубежом II—I тысячелетия до н. э. он определяет, в частности, время омарского кельта[12].

---

[5] М. П. Грязнов. Древняя бронза Минусинских степей. ТОИПКЭ, I, Л., 1941, стр. 252.

[6] Там же, рис. 2.

[7] Там же, рис. 2, см. форму 6.

[8] Там же, рис. 2.

[9] Там же, стр. 256.

[10] Б. Г. Тихонов. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье. МИА, 90, 1960, стр. 39—41.

[11] Там же, стр. 39, табл. VIII, *10*.

[12] Там же, стр. 40, 42.

Иткульский кельт, еще не утративший полностью орнамента, видимо, несколько старше омарского; следовательно, время бытования его надо относить к последним столетиям II тысячелетия до н. э., когда Алтай населяли андроновские племена.

Таким образом, и западные, и восточные параллели к иткульскому кельту дают близкую дату — самый конец II тысячелетия до н. э. или рубеж II—I тысячелетия до н. э.

Другая интересная находка — вислообушный топор (рис. 2), поступивший в музей в 1960 г. из пос. Северного (правый берег Оби, Тальменский район). Топор был найден местным жителем недалеко от поселка

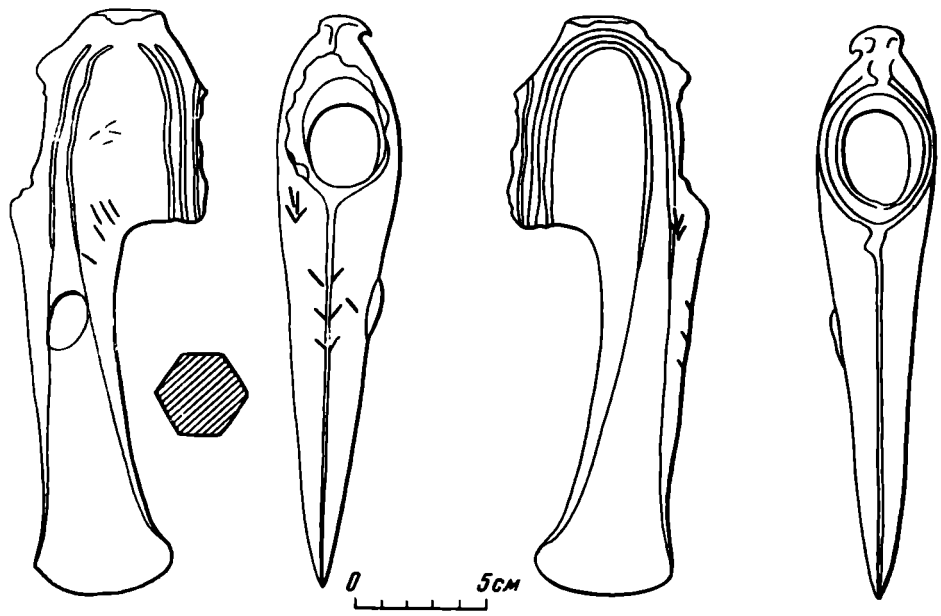


Рис. 2. Вислообушный топор из пос. Северный

на развеваемой песчаной дюне. Видимо, часть дюны занята древним кладбищем: на выдуве находят человеческие кости и черепки от сосудов. Топор из пос. Северного принадлежит к числу крупных экземпляров орудий этого типа. Длина его около 22 *см*. Поверхность орудия покрыта тонким слоем окислов зеленоватого цвета. Оно изготовлено из золотисто-желтой бронзы. Судя по четкости граней и ребер, а также по хорошо выраженной рельефности орнамента, топор был отлит в двустворчатой каменной форме, с внутренней глиняной опокой. Она была хорошо просушена, возможно, прокалена на костре и имела вид овального в сечении стержня с отростком сбоку. Обоими концами стержень выходил за литейную форму. Для придания стержню-опоке более устойчивого положения конусовидный отросток, обращенный к верхней части обуха, зажимали створками литейной формы, так что опока в процессе отливки не могла изменить свое положение. После отливки, когда опока была извлечена, на месте конусовидного отростка осталась воронкообразная ямка, выходящая устьем во втулку, а слепым концом — к гребню обуха. После отливки топор подвергся проковке, следы которой видны особенно четко на обухе. Отливка и проковка проведены не вполне доброкачественно. На левой боковой грани клинка, на месте литейного входа, выделяется неправильной формы прилив, несколько расплющенный при проковке. Входное и выходное отверстия проуха неровны. На левой стороне обуха имеется невысокая выпуклость — результат деформации или выкола в литейной форме. Очевидно, при проковке откололся кусочек нижней стенки обуха, образовав на наружной стороне заметную щербину.

Профиль топора — клиновидный, несколько асимметричный. Проушная часть топора плавно переходит в узкий и чуть изогнутый клинок,

заканчивающийся сечкоподобным лезвием шириною около 6 *см*. Проух — элипсовидный, входное отверстие немного больше выходного. Массивный обух топора имеет форму неправильного многоугольника. Косо спускающаяся лобная часть его вогнута, тыльный обрез — прямой, а округлый верх увенчан толстым и узким гребнем, расплющенным и согнутым в сторону при проковке или в процессе пользования орудием. Среднее сечение топора — шестигранное. Боковые грани клинка, начинаясь от лезвия, постепенно сужаются кверху. Их ребра около обуха переходят незаметно в рельефные пояски (валики). По два таких валика параллельно друг другу обходят обух по краю, образуя «подкову» на каждой из его боковых сторон. Этот орнамент аналогичен орнаменту поясковых кельтов, на которых он обычно располагается ниже обреза втулки. Невысоким валиком обрамлено также и входное отверстие. На смежных передних гранях клинка видны две группы насечек зубилом: 4 из них (ближе к проуху) образуют стрелочку, а 7 штук (по лобовому ребру) — елочку. На вислообушных топорах уже встречался такого рода орнамент [13].

Вислообушный топор из Северного — редкая, но не единственная находка этого орудия на Алтае и в Верхнеобье. Еще И. Р. Аспелин отмечал наличие вислообушных топоров в древних рудниках юго-западного Алтая [14], где эти орудия могли быть используемы в качестве кирок [15]. Сведения о вислообушных топорах Верхней Оби и юго-западного Алтая содержат работы М. П. Грязнова [16]. С. С. Черников зафиксировал четыре случая находок этих топоров на территории современного Алтайского края и пять случаев — в сопредельных с ним районах юго-восточного Казахстана (верхний Иртыш), т. е. в юго-западном Алтае [17].

Но область распространения вислообушных топоров разных типов, как известно, весьма обширна. Она включает в себя Казахстан, Киргизию, Узбекистан, Урал, Приуралье и другие районы страны [18].

Из всей массы найденных вислообушных топоров ближайшими аналогами нашему топору могут служить топор из Семипалатинской области [19] и топор, местонахождение которого мне не известно [20]. Они отличаются от топора из Северного менее массивными клинками и обухами и более узкими гребнями. Близки нашему топору также находка из дер. Лянино [21] и топор, опубликованный М. П. Грязновым в работе «Древние культуры Алтая» [22]. В отличие от топора из Северного они имеют более широкий округлый гребень. Кроме того, в основании гребня последнего из этих топоров есть овальное отверстие, а обух орнаментирован насечками, сгруппированными в две вертикальные елочки.

По классификации В. А. Городцова, все эти топоры можно отнести к VIII и IX типам, характеризующимся наличием гребня на обухе. М. П. Грязнов выделяет гребенчатые топоры с вислым обухом в казахстанский тип [23]. Б. Г. Тихонов называет этот тип вислообушных топоров

---

[13] М. П. Грязнов. Древние культуры Алтая. Новосибирск, 1930, рис. 16.

[14] И. Р. Аспелин. О потребности изучения форм предметов и постепенном развитии этих форм в доисторические времена. Тр. IV АС, I, Казань, 1884, стр. 229.

[15] К. В. Сальников. Бронзовый век Южного Зауралья. МИА, 21, 1951, стр. 127.

[16] М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби..., стр. 20, рис. 5, *1*; его же. Древние культуры Алтая, рис. 16; его же. Казакстанский очаг бронзовой культуры. Сб.: «Казаки», Л., 1930, рис. 6, *1*.

[17] С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА, 88, 1960.

[18] Б. Г. Тихонов. Ук. соч., табл. XVIII, XIX и др.; С. С. Черников. Ук. соч.

[19] С. С. Черников. Ук. соч., табл. LXI, *2*.

[20] М. П. Грязнов. Казакстанский очаг бронзовой культуры..., рис. 6, *1*.

[21] В. М. Флоринский. Прибавление к каталогу археологического музея Томского университета. Томск, 1890, стр. 167, № 2822.

[22] М. П. Грязнов. Древние культуры Алтая..., рис. 16.

[23] М. П. Грязнов. Казакстанский очаг бронзовой культуры..., стр. 158; его же. История древних племен Верхней Оби..., стр. 20, *2*.

среднеазиатским, считая характерными его чертами форму, наличие гребня на обухе и высоких валиков вокруг обуха [24].

Время бытования вислообушных топоров казахстанского типа, по М. П. Грязнову, 2-я половина II тысячелетия до н. э., которым он датирует андроновские памятники Верхней Оби [25]. Следовательно, топор из Северного, который мы относим к казахстанскому типу вислообушных топоров, следует датировать также 2-й половиной II тысячелетия до н. э. и считать андроновским по принадлежности.

---

[24] Б. Г. Тихонов. Ук. соч., стр. 62, 63.
[25] М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби..., стр. 17—20.

И. М. САМОЙЛОВСКИЙ

СЛЕДЫ МОГИЛЬНИКА С ТРУПОСОЖЖЕНИЕМ ЭПОХИ БРОНЗЫ ОКОЛО с. ВИШЕНКИ ПОД КИЕВОМ

В 1947 г. на левом берегу Днепра, между селами Вишенки и Софиевка, после большого наводнения Днепра были вымыты 2 глиняных сосуда. Их нашел житель с. Вишенки П. М. Чепурко на луговой террасе, к югу от с. Вишенки под Процевским лесом. Оба сосуда (рис.) — лепные, асимметричной формы с ровной поверхностью, сероватого цвета. Глина с примесью песка, обжиг довольно хороший. Орнамент на обоих сосудах нанесен углубленными линиями.

Первый сосуд (рис., *1*) представляет собой широкогорлый горшок с отогнутым наружу венчиком, средней высоты шейкой и с выпуклым в

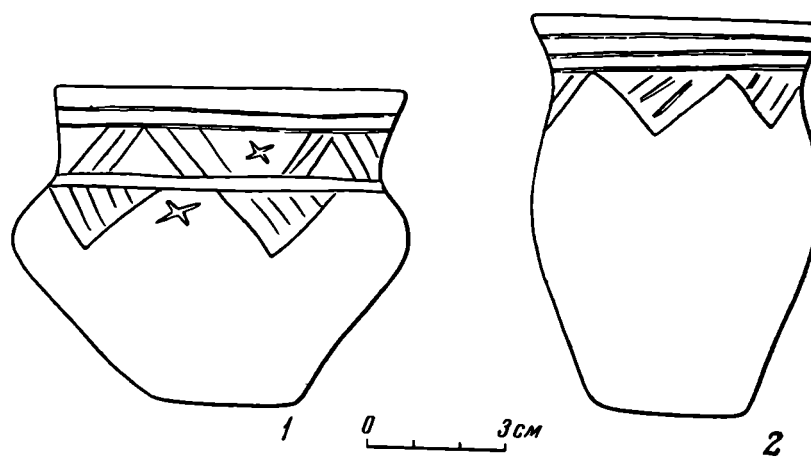


Рис. Сосуды эпохи бронзы из могильника у с. Вишенки

верхней части туловом, резко сужающимся к маленькому плоскому дну. Орнамент, расположенный на шейке и плечиках, состоит из нарезных линий, образующих под венчиком и внизу шейки двойные круговые линии, между которыми расположены группы отрезков из трех линий, наклоненных под углом друг к другу; между ними помещены небольшие косые крестики. Ниже, на плечиках расположены опущенные вниз вершиной заштрихованные треугольники, между которыми тоже изображены косые крестики. Высота горшка — 14 *см*, диаметр венчика — 16 *см*, диаметр дна — 3,5 *см*.

Второй сосуд (рис., *2*) представляет собой плоскодонный кувшин тюльпановидной формы с отогнутым наружу венчиком. Плечики сосуда пологие. Орнамент на кувшине подобен орнаменту на горшке, с той только

разницей, что на кувшине нет крестиков, а шейка украшена только параллельными линиями; ниже их, на плечиках, расположены такие же опрокинутые вниз вершиной, заштрихованные треугольники, как и на горшке. Высота кувшина — 18 *см*, диаметр венчиков — 13 *см*, диаметр дна — 7 *см*.

В кувшине было немного золы, приставшей к его стенкам. Зола, вероятно, осталась от трупосожжения. Кроме того, по словам П. М. Чепурко, с сосудами была кучка пережженных человеческих костей. По-видимому, около с. Вишенки мы имеем остатки трупосожжения на дюнном бескурганном могильнике эпохи бронзы, так как оба рассмотренных сосуда по своей форме и орнаменту представляют собой характерный и устойчивый образец керамики памятников комаровского типа в их различных локальных и хронологических проявлениях [1].

Близкие аналогии найденным сосудам находят в керамике Войцеховского могильника эпохи бронзы на Волыни [2], а также в керамике из раскопок, произведенных В. Н. Даниленко на правом берегу Днепра в 1950 г. в Подгорцах и в Вите Литовской [3], что подтверждает принадлежность данных находок могильника к эпохе бронзы.

Этот археологический памятник интересен в том отношении, что он представляет собой следы могильника с трупосожжением на Среднем Днепре, где такой способ погребения имеет широкое распространение и большую устойчивость; наиболее ранние проявления такого способа погребения отмечаются на памятниках эпохи бронзы, как, например, в Софиевском могильнике [4]; последний находится в 3 *км* на юг от пункта, о котором выше шла речь.

Нам думается, что этот могильник может быть причислен к памятникам комаровского типа.

[1] Leon Kozlowski. Zarys pradziejów Polski południowo wschodniej. Lwòw, 1939.

[2] О. Лагодовська. Войцехівський могильник бронзової доби на Волині, «Археологія», II, Київ, 1948.

[3] В. М. Даниленко. Дослідження пам"яток Підгірського та Бобрицького типів на Київщині в 1950 р. АП, VI, Київ, 1956, стр. 6, 16.

[4] І. М. Самойловський. Тілопальний могильник коло с. Софіївки. АП, IV, Київ, 1952, стр. 121.

Я. И. СУНЧУГАШЕВ

О ВЫПЛАВКЕ МЕДИ В ДРЕВНЕЙ ТУВЕ

Важными источниками для воссоздания древней металлургии меди являются археологические исследования древних горных выработок и медных шлаковых отвалов, обычно содержащих остатки горнорудной деятельности древних рудокопов и плавильщиков. Не только в Туве, но и в других районах Сибири они изучены крайне недостаточно. Цель заметки — дать краткие сведения о древних медных рудниках, шлаковых отвалах и выплавке меди в Туве. О повсеместной добыче здесь медной руды свидетельствует то, что почти все известные ныне ее месторождения были разработаны рудокопами эпохи бронзы (XII—VIII вв. до н. э.) и периода уюкской культуры (VII—III вв. до н. э.) [1]. Археологическими исследованиями открыты древние медные рудники в районе Хову-Аксы, на левом берегу ключа Кызыл-Торг (на южном склоне горы Кызыл-Довурак) [2], в устье р. Чиргакы (правый приток р. Хемчик) и в других местах.

[1] Л. Р. Кызласов. Этапы древней истории Тувы. ВМГУ, истор.-филол. сер., 1958, 4, стр. 74—75.

[2] Я. И. Сунчугашев. Памятники горного дела и металлургии позднего этапа уюкской культуры. СА, 1964, 3, стр. 301—306.

Установлено, что древние рудокопы повсюду добывали легко восстанавливающиеся окисленные руды (малахит и азурит). В зависимости от формы залегания рудного тела древние горные выработки пройдены в виде открытых карьеров, подземных горизонтальных штолен и вертикальных выработок типа шахт [3]. Глубина исследованных выработок не превышает 14—15 *м*.

Добытая руда переплавлялась недалеко от медных рудников на берегах рек, вероятно, около поселений или непосредственно на меднорудных месторождениях. В центральных районах Тувы отвалы древних шлаков найдены в районе Хову-Аксы: на Западном участке, расположенном в 3—7 *км* к северу от поселка Хову-Аксы [4], на левом берегу р. Элегест в центре старого поселка Хову-Аксы; в устье р. Чумуртук, впадающей справа в Элегест; в долине р. Он-Кажаа, расположенной в 21 *км* к ССВ от Хову-Аксы [5]. Древние медные шлаки отмечены также в окрестностях поселка совхоза «Победа» близ оз. Чедер.

В Западной Туве остатки древней медной плавки обнаружены: по р. Дагыр-Шеми (правый приток р. Аньяк-Чиргакы); в Урочище Улуг-Шайлыг по ключу Богдай, притоку р. Барлык; в 20—25 *км* от поселка Тээли [6]; в 6—7 *км* от устья Чинге-Хем; в окрестностях оз. Кара-Холь и в окрестностях пос. Куже-Базы. В восточных районах республики памятники древней металлургии меди зарегистрированы в бассейне р. Бай-Сют и в верховьях р. Бурен-Хем (правого притока Каа-Хема) в районе ключа Кызыл-Торг. Несколько отвалов древних медных шлаков зафиксировано на левом берегу р. Тэс на территории Монгольской Народной Республики. Однако изучать шлаковые отвалы, в отличие от хорошо заметных на горизонте курганных и других памятников древности, не легко, так как эти отвалы, будучи задернованными на современной поверхности, мало заметны. Поэтому наиболее удобным методом разведки является металлометрическая съемка, которая позволяет определить размеры скопления шлаков под дерновым слоем [7].

Раскопками Л. Р. Кызласова (1962) и Я. И. Сунчугашева (1962, 1963) в Он-Кажаа и Кызыл-Торге выяснено, что в большинстве случаев шлаковые отвалы залегают под современным почвенным слоем в виде овальных линз мощностью 10—20 *см*, длиной от 7 до 46 *м* и шириной от 5 до 10 *м* и более. Судя по находкам, сделанным в шлаковых отвалах (Он-Кажаа, Кызыл-Торг), относящихся к VII—III вв. до н. э., древние плавильщики выплавляли медь из руды в ямах, обмазанных глиной, или в горшках-тиглях [8]. Процесс выплавки меди в ямных горнах протекал, очевидно, следующим образом: 1) обогащенная руда (малахит, азурит) загружалась в горн послойно с древесным углем (уголь лиственичный). Руду предварительно дробили, ибо в исследованных отвалах часты находки ее кусков размером в 1,5—3 *см*; 2) необходимая температура для восстановления меди (700° С и выше) достигалась в горне за счет подачи воздуха кожаными мехами.

О применении последних свидетельствуют остатки обгорелых и ошлакованных глиняных сопел.

---

[3] Я. И. Сунчугашев. Древние горные выработки в Хову-Аксы. Уч. зап. Тув. НИИЯЛИ, IX, 1961, стр. 230.

[4] Е. П. Захаров, Я. И. Сунчугашев. Древние горные работы на медь в Хову-Акты. Уч. зап. Тув. НИИЯЛИ, X, 1963, стр. 268—270.

[5] Раскопки автора в 1962 и 1963 гг.

[6] Б. М. Порватов. Медные руды Урянхая. «Вестн. Об-ва сибирских инженеров», II, 1, 2, Томск, 1917, стр. 3; Л. В. Громов. Исторические исследования — на службу поиску полезных ископаемых. Уч. зап. Хакас. НИИЯЛИ, VIII, 1960, стр. 54.

[7] Я. И. Сунчугашев, Е. П. Захаров. Опыт применения геологических поисковых методов в археологической разведке. СА, 1964, 1, стр. 295—298.

[8] Я. И. Сунчугашев. Памятники горного дела..., стр. 304, рис. 2.

После плавки, в частности хову-аксынской медной руды с большим содержанием мышьяка (до 50%) [9], древние медеплавильщики в Он-Кажаа получали мышьяковистую медь или бронзу. Это подтверждается спектральным анализом двух медных слитков (весом свыше 50 *г*) и одного обломка медного котла (вероятно, предназначенного для переплавки), найденных в древнем шлаковом отвале № 2 в Он-Кажаа [10] (табл. 1).

Таблица 1

Шифр лаборатории	Наименование	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Mn	Co
2372	Обломок бронзового котла	осн.	0,0005	0,018	0,01	0,05	0,6	0,25	10,0	0,05	0,17	—	0,015
2373	Медный слиток	осн.	0,0001	0,025		0,04	0,06	0,11	6,0	0,12	0,9	—	0,4
2374	» »	осн.		0,013	0,05		0,07	0,23	10,0	7,0	0,43	0,001	0,08

Из таблицы видно, что содержание мышьяка как в слитках, так и в изделии — 6—10%. Это дает основание считать справедливым мнение, что «древнейшие металлурги знали надежный и, очевидно, простой способ выплавки мышьяковистой меди либо из обыкновенных руд, либо из готовой меди с нарочитыми присадками мышьяковых минералов» [11]. Вероятно, таким же образом выплавляли мышьяковистую медь или бронзу медеплавильщики андроновской и карасукской эпох в Хакассо-Минусинской котловине. Об этом свидетельствуют результаты спектрального анализа шести медных слитков из Минусинской котловины. Два из них оказались медными (без примеси олова и мышьяка), два слитка отнесены к мышьяковистой бронзе (содержание мышьяка 1—1,5%) и только два оказались из бронзы (с приплавом 1—7% олова) [12]. По типам сплавов, выделенным И. В. Богдановой-Березовской, последние относятся к тагарской эпохе.

Таким образом, химическими анализами доказывается, что в эпоху бронзы и частично в эпоху раннего железа как Туве, так и в Хакасско-Минусинской котловине металлурги выплавляли мышьяковистую медь или бронзу. Это подтверждается также анализами металла [13] случайно найденных в Туве дугообразнообушковых бронзовых ножей карасукской эпохи [14]. Из четырех исследованных ножей только один оказался из оловянистой бронзы.

По анализу медных и бронзовых изделий (ножи, кельты, котлы) уюкского времени устанавливается, что медеплавильщики Тувы, продолжая традицию эпохи бронзы, производили мышьяковистую бронзу, но в то же время они, вероятно, начали шире практиковать выплавку оловянистой бронзы [15]. Наличие изделий из оловянистой бронзы и другие факты дают основание предполагать, что в Туве существовала налаженная добыча оловянного камня (касситерита).

---

[9] Н. Н. Шишкин, В. А. Михайлова. Изучение вещественного состава руд Хову-аксынского кобальтового месторождения. «Сборник материалов технической информации», VI, Л., 1956, стр. 21.

[10] Анализы выполнены Е. Н. Черных в 1963 г. в лаборатории спектрального анализа Института археологии АН СССР. Пользуясь случаем, выражаем ему нашу благодарность.

[11] В. А. Пазухин. О происхождении древней мышьяковистой меди. ИАН СССР. Металлургия и горное дело, 1964, 1, стр. 151.

[12] И. В. Богданова-Березовская. Химический состав металлических предметов из Минусинской котловины. Сб.: «Новые методы в археологических исследованиях». М.— Л., 1963, стр. 156—157.

[13] Анализы выполнены в 1963 г. Е. Н. Черных.

[14] Ножи хранятся в кызыльском «Музее имени 60 богатырей» (инв. № 3976, 3563 и два ножа без номеров).

[15] Например, из трех бронзовых ножей уюкской культуры два отлиты из оловянистой бронзы (кызыльский музей, инв. № 3564, 4077/38).

Таблица 2

Анализ медных шлаков из древних медеплавилен Тувы

Местонахождение памятника	Шлак с отвала, №	Химический состав, %									Температура, °С		Примечание
		SiO_2	CaO	FeO	MgO	Al_2O_3	Cu/общее содержание	Cu/металлическая (корольков)	Cu/металлическая+вторичн. сульфидн. окислен.	Cu/сульфидная (халькопирит)	Cu/ферритная	Размягчения	Плавления	
Кызыл-Торг	2	32,0	1,05	31,1	—	—	4,12	2,14	2,90	0,36	0,36	1220	1390	Расплав вязкий
» »	2						3,90	2,40	2,90	0,40	0,40			
Западный уч-к	1	60	0,77	17,5	0,65	5,35	3,72	1,01	1,82	0,65	1,47	1260	1400	» очень вязкий
Хову-Аксы	1						3,64	1,10	1,67	0,65	1,47			
Он-Кажаа	3	43,3	1,35	30,9	—	—	3,49	1,01	1,82	0,22	0,54	1350	1400	» »
» »	3						3,24	1,10	1,80	0,30	0,60			
	4*	31,1	1,6	46,0	—	—	3,93	1,01	2,90	0,32	0,82	1340	1400	» »
	4						3,93	0,92	2,65	0,26	0,80			
» »	4	30,0	3,2	39,3	1,32	6,2	9,07	4,40	8,40	0,60	0,66	1200	1320	» вязкий
							8,90	4,57	8,30	0,54	0,64			

* Пробы взяты из топки медеплавильни.

Изучение древней добычи медной руды, медных и бронзовых изделий без учета структуры и химического состава медных шлаков было бы не полно. Поэтому важно отметить, что во всех изученных древних шлаковых отвалах и медеплавильнях Тувы, судя по обломкам их, шлаки имели вид ноздреватых застывших корок (толщиной до 10 *см*) со значительным включением древесного угля, образовавшихся в процессе плавки в верхней части плавильной ямы или тигля. Плавильщик, чтобы вынуть слиток меди из плавильной ямы или тигля, должен был разбить шлаковую корку (хотя и остывшую, но еще достаточно горячую) на мелкие куски и отбрасывать их в отвал. Поэтому земля под шлаковыми отвалами и вокруг медеплавильных ям всегда прокалена, и куски шлака имеют следы излома.

Из табл. 2 видно, что в шлаках медь оставалась в значительном количестве (от 3 до 9%). Особенно много меди содержится в двух пробах шлака (8—9%), взятых из топки медеплавильни, находящейся в шлаковом отвале № 4 (Он-Кажаа) [16]. Очевидно, в топке или плавильне остались не расплавленные шлаки. При этом более 50% из общего содержания меди (во всех пробах шлаков) составляет металлическая медь, которая представлена в виде корольков.

На основе приведенных фактов можно заключить, что при выплавке меди из отборных окисленных руд (малахит, азурит) в древних медеплавильнях шлак не доводился до жидкого состояния. Он выходил в виде тестообразной массы. Это осо-

[16] Анализы выполнены в сентябре 1964 г. в химической и пирометаллургической лабораториях Гос. н.-и. Института цветных металлов (М.) И. Берсеневой и И. Кайновой. Пользуюсь случаем выразить им нашу благодарность. Медеплавильня исследована в 1962 г. Л. Р. Кызласовым. Материалы раскопок не опубликованы.

бенно хорошо видно на примерах наших опытных плавок, выполненных в 1964 г. в той же лаборатории пирометаллургии Института цветных металлов [17]. Следовательно, в древней плавильне медь не выплавлялась в собственном смысле этого слова, а вытапливалась. Железо, присутствующее в медной руде, почти полностью переходит в шлак, составляя там в среднем 30%. Температура в горне регулировалась за счет подачи в него воздуха.

Археологические исследования древних разработок и шлаковых отвалов не только свидетельствуют о состоянии добычи меди в эпоху бронзы и раннего железного века, но и иллюстрируют уровень техники древних рудокопов и металлургов.

Учет древних горных выработок цветных металлов и шлаковых отвалов не только имеет большое историческое значение, но и позволяет геологам использовать их в качестве указателя для постановки поисково-разведочных работ. Акад. В. А. Обручев справедливо писал, что «в различных местностях поискам помогают следы прежних горных работ в виде более или менее завалившихся выработок, старых отвалов руды и шлаков, остатков плавильных печей» [18].

Для изучения истории и производственной деятельности племен эпохи бронзы и железа не только Тувы, но и других районов Сибири, необходимо производить широкие археологические исследования пока еще мало известных древних рудников, плавильных печей и горнов с применением ряда методов, используемых естественными науками. Ближайшей задачей исследования должно быть также изучение ареалов распространения медных и бронзовых изделий из районов древних медных и касситеритовых рудников.

---

[17] Выражаем нашу благодарность проф. В. А. Пазухину за его ценные советы во время наших работ в лаборатории.

[18] В. А. Обручев. Полевая геология. II, М.—Л., 1932, стр. 184.

К. МАЕВСКИЙ

ПОЛЬСКИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В НОВЕ (БОЛГАРИЯ) в 1965 г.

Целью работ Археологической экспедиции Варшавского университета в Нове было дальнейшее раскрытие городских оборонительных стен с западной и южной стороны, а также продолжение исследований на IV участке. Все эти работы велись на западном секторе. Исследования проводились под моим руководством при участии С. Парницкого-Пуделко (участки III и V), Л. Пресс (участок IV) и С. Колкувны (участок II и южная оборонительная стена), Ю. Зиомецкого, Б. Закржовской и В. Шуберта [1].

На участке II была заложена траншея вдоль наружной и внутренней стороны оборонительной стены. Она проходит здесь с севера на юг.

На участке III была проведена траншея у северо-западного угла городской стены, с его внутренней стороны.

Целью исследования участка было раскрытие древнейших слоев в этой части города. В предыдущие годы были исследованы слои I—VII; в этом году на небольшой площади — слой VIII толщиной 0,5 *м*, который лежал на материке. В нем найдено много керамики, среди нее два об-

---

[1] Предварительные отчеты о польских археологических исследованиях в Нове за 1960—1963 гг. опубликованы в ежегоднике «Археология» (т. XII, София, 1961; XIII, 1962; XIV, 1963; XV, 1964); предварительные отчеты о польских и болгарских исследованиях см. ИАИ, XXVII, София, 1964; XXVIII, 1965.

Рис. 1. Канал, открытый к западу от строительного комплекса на участке IV

ломка одного сосуда типа terra sigillata и два фрагмента глиняных светильников.

На участке IV продолжались работы на квадратах II и IX, расположенных к северу от ансамбля помещений, открытых в предыдущие годы. Исследования квадратов доведено до глубины от 1 до 2,60 *м*. Проведенные исследования позволили установить длину стен раскрываемого строительного комплекса, расчистить помещение *F* (квадраты X, 38, 39, 58, 59), обнаружить двор с остатками мостовой. Исследован также участок к западу от постройки (II, 316, 317, 336, 337) до глубины 3,30 *м*. Здесь на глубине 2,30—2,50 *м* был обнаружен канал, идущий с севера на юг, шириной 0,60 *м*, глубиной от 0,60 до 0,75 *м*, с каменными стенами (рис. 1). На север от помещения *A* раскопок доведен до уровня пола, в котором остался только один кирпич in situ с клеймом LEG I ITAL. Помещение *G* расчищено до глубины 2,40 *м*. Напротив помещений *F* и *G* обнаружены тела двух каменных колонн; их базы находились на более низком уровне. На линии этих колонн открыт каменный постамент с базой высиной более 0,5 *м*. Диаметр тела колонн колебался от 0,33 до 0,36 *м*.

При исследовании верхних слоев на участке IV найдено много фрагментов керамики. Среди находок следует упомянуть обломок сосуда с клеймом [.....] VETTL, глиняные светильники (рис. 2), а также кирпичи

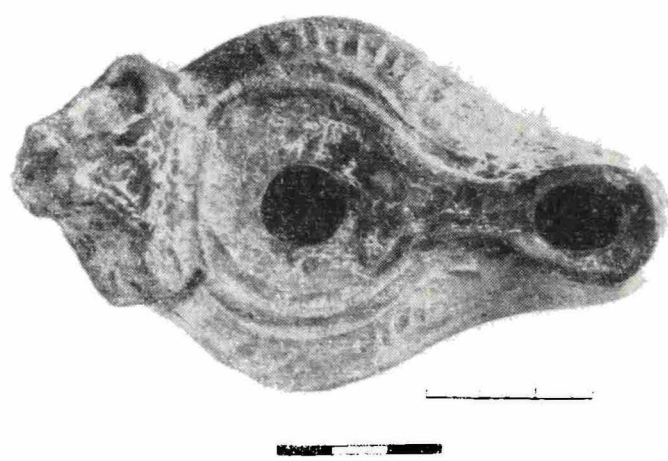


Рис. 2. Глиняный светильник с участка IV

и черепица с клеймами преимущественно LEG I ITAL, два кирпича с клеймами LEG XI CL и другие пока еще не расшифрованные. Кроме того, встретились куски стекла, статуэтка львицы (рис. 3), обломок костяного гребня, флейта (рис. 4), несколько монет, ножи, гвозди, крюки и др.

На участке V на квадратах VIII, 357, 358, 371, 378, 398, XV, 18, 38, 58 продолжалось исследование западного участка городской стены,

к которой прилегали очень разрушенные постройки. К северу от них была поперечная стена, отходящая под прямым углом от западной оборонительной стены, в верхней части которой сохранились массивные каменные блоки. К северу от этой стены открыта вымостка шириной 8,50 *м* из разбитой посуды, преимущественно амфор и мелких камней. Возможно, при дальнейших исследованиях удастся открыть вторую поперечную стену, что позволило бы предполагать, что мы наткнулись на главные западные ворота.

Рис. 3. Статуэтка львицы из бронзы с участка IV

В 4 *км* к северу от поперечной стены найден каменный алтарь высотой 2,05 *м*. На алтаре с трех сторон — остатки латинских надписей; четвертая сторона чистая. Хорошо сохранилась надпись на фронтоне, боковые же надписи очень повреждены, а сам камень алтаря (вид местного известняка) очень ломок и расслаивается. Алтарь имеет профилированную базу и завершение.

Среди находок на V участках преобладают обломки амфор. Найдено также несколько фрагментов кирпичей и черепицы с разными клеймами,

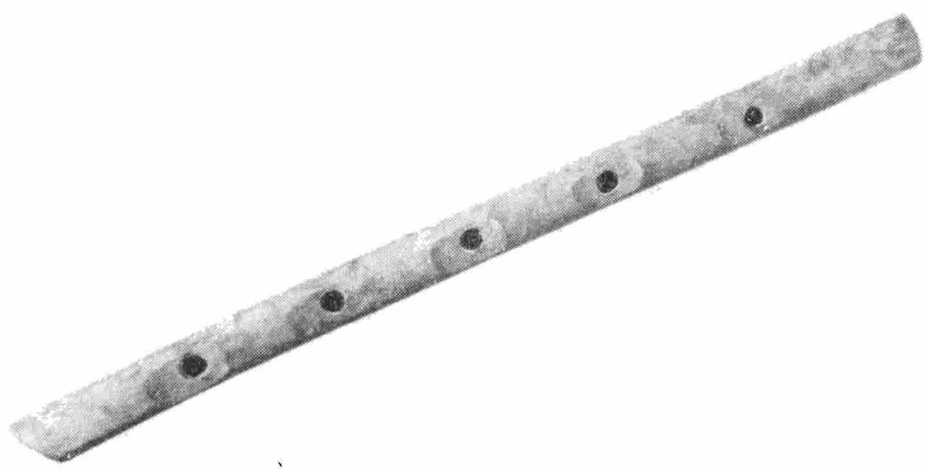


Рис. 4. Костяная флейта с участка IV

а среди них LEG I ITAL и LEG XI CL; кроме того, обломок кирпичной плитки с рельефом (рис. 5).

Южная оборонительная стена вскрывалась на квадратах XXXVII, 115—120 и XXXVIII, 101—104. На некоторых участках она не прослежена (камень был, вероятно, выбран в последнее время для строительных целей). На других стенах была расчищена, открыты лицевая кладка ее и большие каменные блоки (некоторые из них с отверстиями). Наличие таких блоков позволяет предполагать, что в этом месте были ворота. К востоку от этих предполагаемых ворот было найдено какое-то

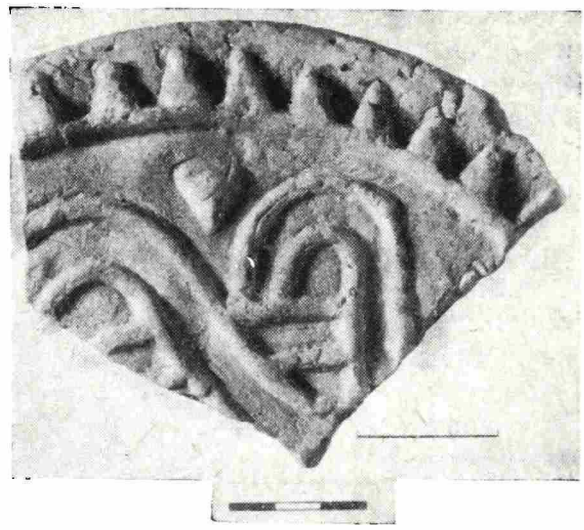


Рис. 5. Обломок керамической плитки с рельефом с участка III

сооружение (возможно башня). На исследованном отрезке открыт также каменный водопроводный канал шириной около 0,4 *м*, глубиной от 0,17 *м* до 0,3 *м*, сложенный на растворе. Среди находок преобладают керамика, а также большое количество кирпичей с клеймами.

Е. В. ЧЕРНЕНКО

О ШЛЕМЕ ИЗ НИМФЕЯ

В 1867 г. при хищнических раскопках некрополя Нимфея было раскрыто несколько погребений [1]. Их инвентарь попал в Оксфорд и был опубликован Е. А. Гарднером [2]. Особый интерес представляет шлем, обнаруженный в погребении воина вместе с другими предметами вооружения — чешуйчатым панцирем и колчанным набором. Этот шлем неоднократно воспроизводился в иностранной [3] и русской литературе, посвященный такому виду защитного вооружения [4].

Шлем имеет полусферическую, слегка уплощенную форму. В его лицевой части сделан небольшой прямоугольный вырез. Вдоль оси шлема укреплена изогнутая пластинка с двумя невысокими треугольными в разрезе гребнями, находящимися на краях. В середине пластины прочерчены три параллельные линии. Вдоль края шлема пробиты крупные отверстия, вероятно, для крепления подкладки. Шлем имел небольшой козырек. В публикации Е. А. Гарднера он изображен отдельно от шлема (рис. 1, *1*). Б. Шредер опубликовал тот же шлем, но соединил с ним козырек (рис. 1, *2*). Высота шлема 14,5 *см*, ширина — 17,5 *см*, длина — 21,5 *см* [5]. Б. Шредер отнес этот шлем к фракийскому типу. С ним согласился и Б. З. Рабинович [6]. Шлемы фракийского типа (рис. 2, *1, 2*) довольно часто встречаются на Балканах [7], известны они и в Венгрии [8]. Такой же

[1] Л. Ф. Силантьева. Некрополь Нимфея. МИА, 69, 1959, стр. 10—11.

[2] E. A. Gardner. Ornaments and Armour from Kertch in the New. Museum at Oxford. JHS, V, London, 1884, табл. XLVI—XLVII.

[3] Там же, табл. XXVI, *2*; B. Schröder. Thrakische Helme. JAI, XLVII, Berlin. 1912, стр. 342, табл. 15, *4*.

[4] Б. З. Рабинович. Шлемы скифского периода. ТОИПКЭ, 1, Л., 1941, стр. 139—140, рис. 14; Н. В. Пятышева. Железная маска из Херсонеса. М., 1964, рис. 8.

[5] B. Schröder. Ук. соч., стр. 342.

[6] Б. З. Рабинович. Ук. соч., стр. 125—140.

[7] Там же, стр. 125.

[8] A. Mozsolics. Neuere Hallstattzeitliche helmfunde aus Ungarn. AA, 5, 1—2, 1955, стр. 49, рис. 12, 13.

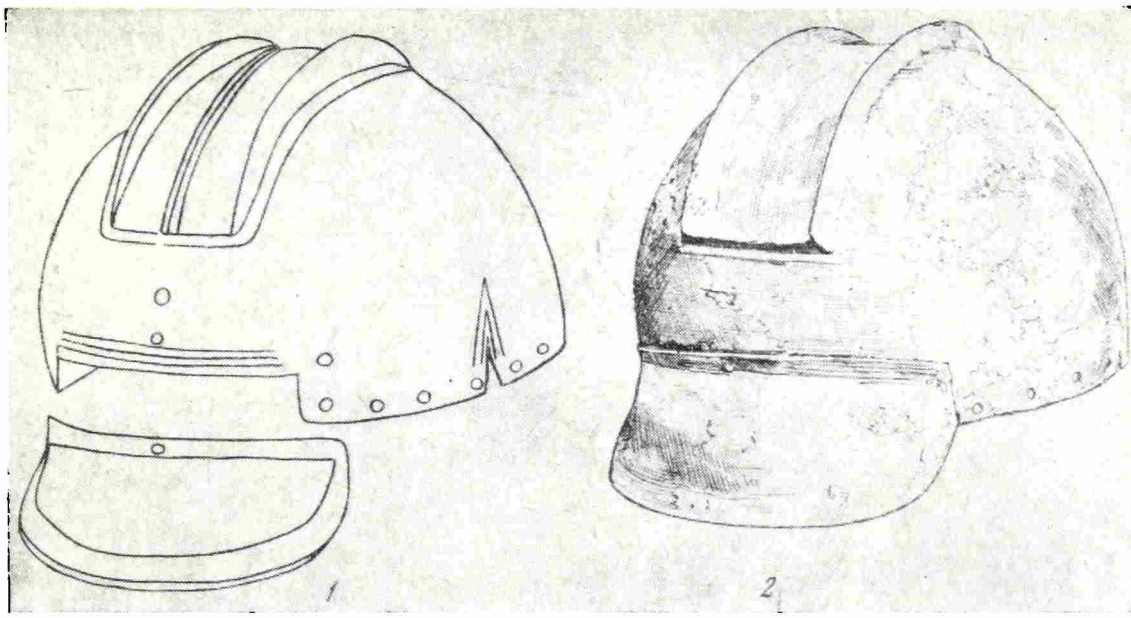


Рис. 1. Шлем из Нимфея

1 — по Е. А. Гарднеру, *2* — по Б. Шредеру

шлем найден в Олимпии [9]. Однако большинство их найдено в Югославии [10]. Это дало основание Е. Кукану выделить их в инсулярно-иллирийский тип [11]. Так же называют их А. Можолич и Ж. До (G. Daux) [12].

В качестве древнейшего прототипа шлемов этого типа и шлема из Нимфея Н. В. Пятышева приводит шлем Мес-калам-дуга из Ура [13]. Однако привлечение такой далекой в территориальном и хронологическом отношении [14] аналогии совершенно не оправдано. Ведь довольно близкие по форме и времени иллирийские шлемы найдены в Олимпии [15], Аргосе [16]. Шлемы иллирийского типа датируются VI—V вв. до н. э. [17]. Нимфейский шлем отличается от иллирийского отсутствием нащечников, назатыльника и наличием козырька. Однако это не дает достаточного основания для объявления его «поздним вариантом» шлемов такого типа с «некоторыми дополнительными особенностями» [18]. Шлем из Нимфея является результатом переделки шлема развитого иллирийского типа, у которого были удалены нащечники и назатыльник. В пользу этого предположения свидетельствуют следующие обстоятельства: 1) на шлеме хорошо заметно наличие прямоугольного выреза в верхней части, рельефного валика, проходящего над ним, и отверстия для крепления штыря, имеющегося на большинстве шлемов этого типа; 2) на боку шлема сделан неглубокий вырез, а на рисунке видны прочерченные линии, образующие двойной острый угол. На ряде шлемов, воспроизведенных Б. Шредером (рис. 2) [19] и А. Можолич [20], резкий переход от нащечника к назатыльнику образует острый

---

[9] A. Furtwängler. Olimpia, IV, Berlin, 1890, табл. LXII, *1030*.

[10] B. Schröder. Ук. соч., табл. 15, *7*; 16, *5—7*; F. Fiala. Nekoliko grčkin šljemova nadenih u Bosni i Hercegovini. «Glasnik zemaljskog muzeja». Sarajevu, IX, 1897, табл. XI, *10*; Zdravko Maric. Donja Dolina. Там же, XIX, 1964, табл. XI, *10*.

[11] E. Kykahn. Der Griechische Helm. Marburg, 1936, стр. 53—55.

[12] A. Mozsolics. Ук. соч., стр. 49.

[13] Л. Вулли. Ур халдеев. М., 1961, стр. 58—59.

[14] Шлем датируется не XIII в. до н. э., как об этом пишет Н. В. Пятышева (ук. соч., стр. 22), а III тысячелетием до н. э.

[15] A. Fürtwängler. Ук. соч., табл. LXII, *1031*.

[16] P. Courbin. Une tombe geometrique d'Argos. BCH, II, 1957, табл. I—V.

[17] Б. З. Рабинович. Ук. соч., стр. 140; Zdravko Maric. Ук. соч., табл. XI.

[18] Б. З. Рабинович. Ук. соч., стр. 125.

[19] B. Schröder. Ук. соч., табл. XVI, *2—7*.

[20] A. Mozsolics. Ук. соч., рис. 12, *12*.

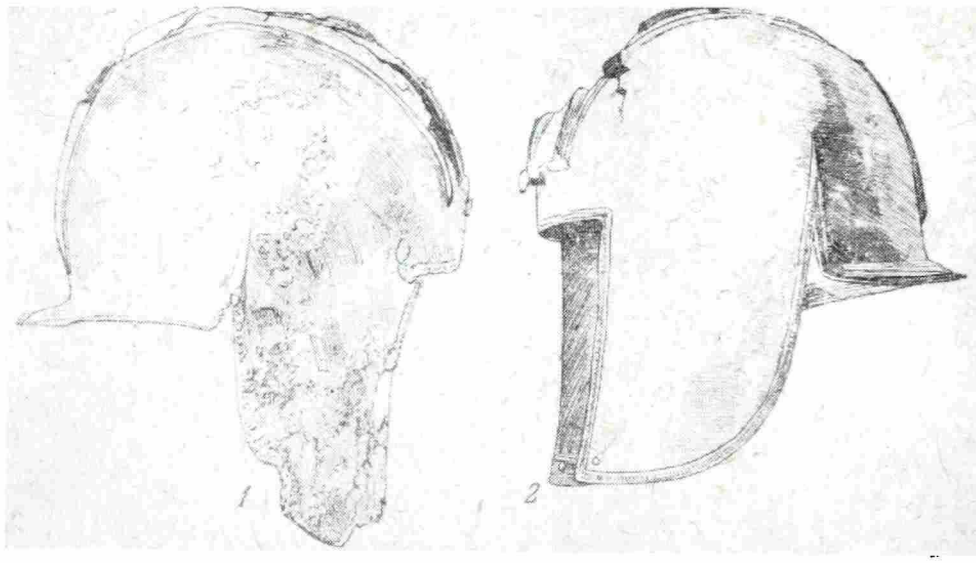


Рис. 2. Шлемы иллирийского типа (по Б. Шредеру)

угол. Для изготовления козырька при переделке шлема могла быть использована часть назатыльника.

Шлем из Нимфея входит в группу, состоящую из античных шлемов, у которых была удалена нижняя развитая часть. В качестве основы был использован иллирийский шлем, неизвестный в находках в целом виде на территории Северного Причерноморья.

Н. А. ЧЕРНИЦЫН

УГРО-ФИНСКИЕ МОГИЛЬНИКИ НА ТЕРРИТОРИИ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

В музеях Вологодской области известно немало находок, относящихся к так называемым «Чудским» древностям. М. Б. Едемский еще в 1906 г. указывал на весьма возможное их происхождение из погребений [1].

Впервые на территории Вологодской области угро-финские могильники были открыты автором в 1923 г., в результате чего этот район, бывший до того времени почти не исследованным в археологическом отношении, приобрел большой интерес.

ПУСТОШИНСКИЙ МОГИЛЬНИК

В октябре 1923 г. в дер. Старовской Пустоши Тотемского уезда крестьянином Ф. П. Копытовым при выемке земли для строящегося дома были обнаружены человеческие кости, а в выброшенной земле был найден «золотой барашек» (рис. 1, *1*) с подвесками. Эта деревня находится в 18 *км* к северо-востоку от г. Тотьмы и в 1 *км* от р. Еденьги — притока р. Сухоны; она расположена на высоком холме с пологими склонами.

Территорию могильника автор осмотрел в том же 1923 г. и в выбросе нашел два бронзовых бубенчика и 15 штук бронзовых бус.

Весной 1924 г. в дер. Пустошь прибыл краеведческий археологический кружок Тотемского музея для производства раскопок. При осмотре предполагаемой территории могильника были подобраны человеческие кости

[1] См. «Протоколы заседаний предварительного комитета VII Археологического съезда в Ярославле». М., 1886.

и два бронзовых бубенчика. Между ними были нанизаны на скрученный из двух шерстяных ниток шнурок 15 бронзовых бус в виде невысоких цилиндров с отверстиями диаметром 4 *мм* при диаметре бусы 6 *мм*. Часть шерстяного шнура сохранилась (рис. 1, *2*).

Встретился обломок железного ножа (рис. 2, *5*), на черешке которого сохранилось пропитанное окислами железа дерево — остатки его рукоятки. Длина обломка лезвия ножа — 8,7 *см*. Толщина обушка — 0,4 *см*, наи-

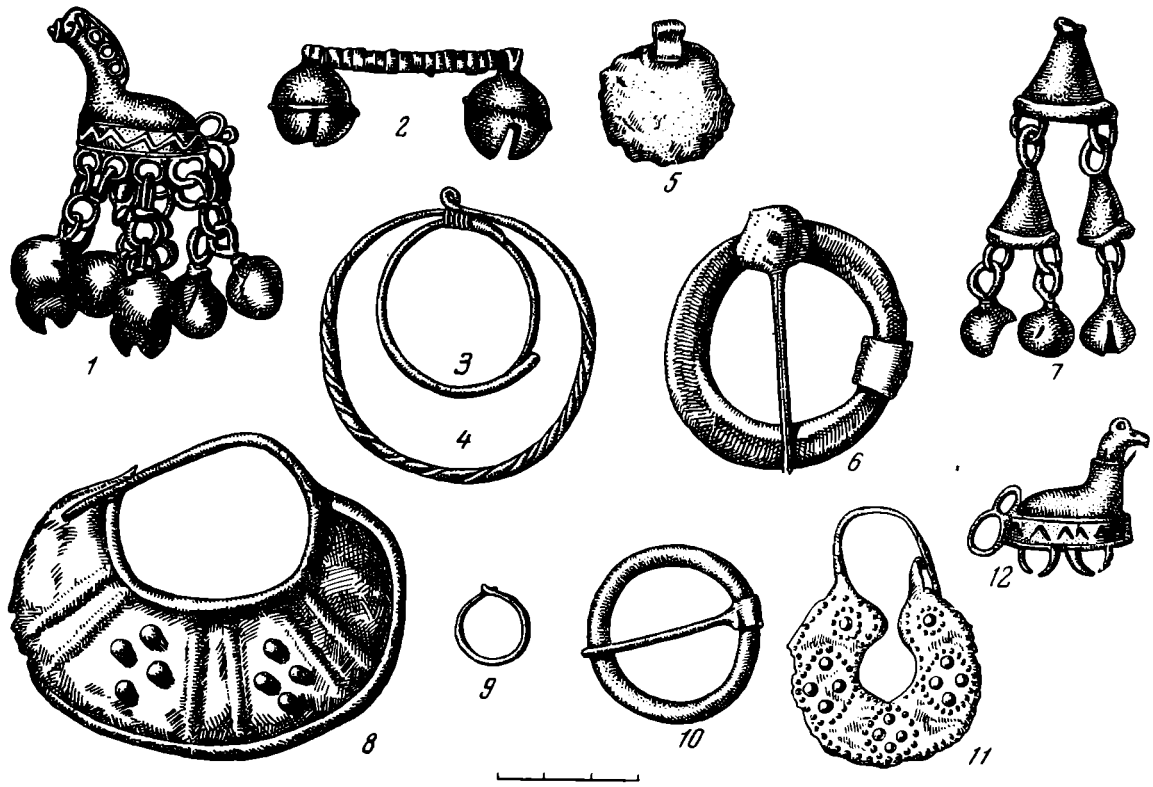


Рис. 1. Находки из Пустошинского могильника

большая ширина — 2,3 *см*. Крестьяне тоже нашли два украшения: это, по-видимому, были плоские полулунные височные подвески. Первая траншея, заложенная на могильнике, была шириной 2 *м*, длиной 8 *м*. Она была ориентирована в направлении с севера на юг. Разрез почвы: сверху пахотный слой толщиной 0,2 *м*, а ниже — песок с гравием. На глубине 20 *см* показались камни диаметром до 30 *см*. Их оказалось 39. Костяк был на 9 *см* глубже нижнего ряда камней.

Погребение № 1. Костяк погребения был ориентирован головой на юго-восток. Он был на спине, в вытянутом положении, с лицом, повернутым на северо-восток, нижняя челюсть отпала. Кости предплечья правой руки лежали вдоль корпуса, фаланги пальцев сжаты. Позвоночник в поясничной части сильно искривлен. Это погребение женщины около 50 лет, рост ее 1,55 *м*. При костяке с левой стороны верхних шейных позвонков были два бронзовых височных кольца, связанных вместе (рис. 1, *3*, *4*). Эти височные кольца прикреплялись к головному убору из бересты. Вторая пара их была обнаружена под правым виском (рис. 2, *9*). Диаметр колец: большего 6 *см* и меньшего 4,3 *см*. Они изготовлены из светлого сплава. На левой ключице — три монетовидные привески, расположенные рядом (рис. 1, *5*). С правой стороны позвоночника на грудной кости — бронзовая пряжка, украшенная наколами (рис. 1, *6*). Она, по-видимому, служила застежкой для какой-то накидки. На среднем пальце правой руки — перстень с заходящими концами и с овальным щитком, украшенным геометрическим орнаментом. На среднем пальце левой руки — бронзовый перстень без орнамента. С правой стороны кисти левой руки на

уровне окончания кости предплечья — железный нож. Рядом с ним — шумящая подвеска, составленная из четырех литых конусовидных колокольчиков, размещенных в два ряда. Верхний, с диаметром основания 2,2 *см*, имеет отверстие, через которое был пропущен кожаный ремешок шириной 6 *мм*; на конце его внутри колокольчика был завязан узелок (рис. 1, 7). Конусовидные колокольчики сходны с подвесками от шумя-

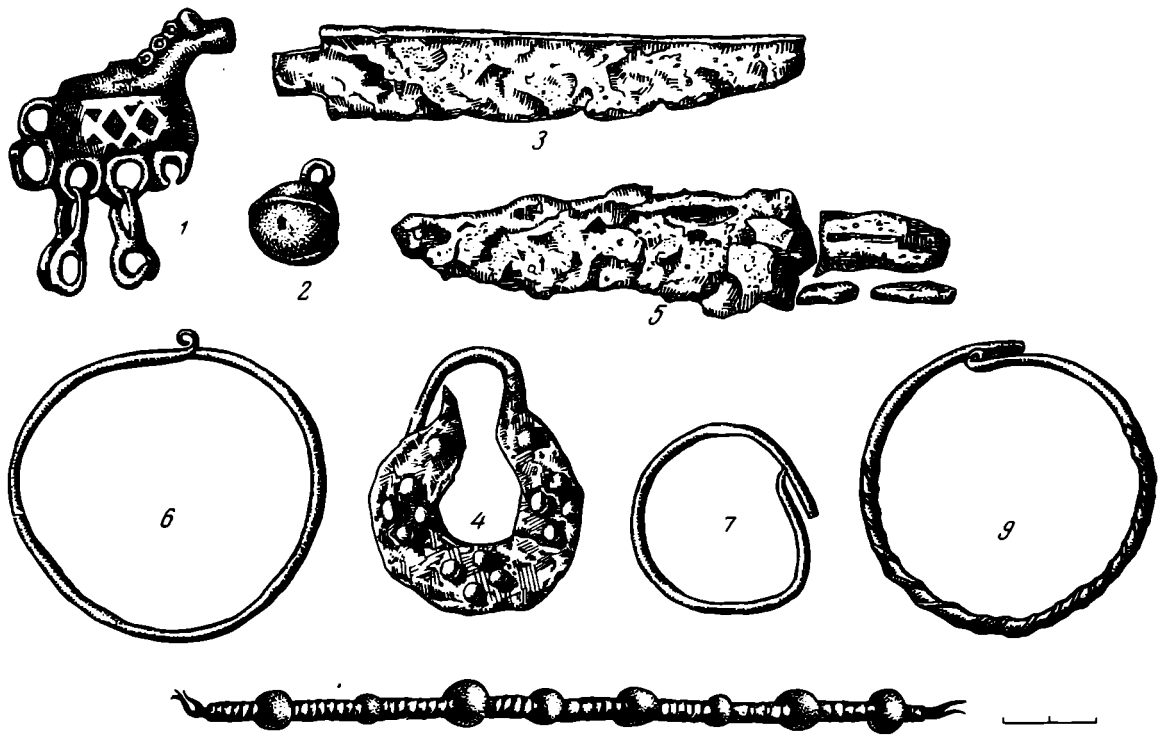


Рис. 2. Находки из Пустошинского, Кудринского и Марьинского могильников
1, 3 — Марьинский могильник; *2, 4* — Кудринский могильник; *5—9* — Пустошинский могильник

щего украшения — уточки, найденной Ф. Д. Нефедовым в Костромских курганах; отмечается сильная изношенность колец цепочек у найденной подвески.

Песок на дне могилы окрашен в серый цвет в результате гниения трупа и одежды, а возможно, и хвои, которая была подстилкой для умершего. На всех металлических украшениях сверху — остатки бересты. Она указывает на то, что умершего закрывали берестой. В южной части траншеи № 1, судя по встреченным камням, было, ныне разрушенное, еще одно погребение. Три дня в раскопках принимал участие художник Е. И. Праведников, снявший план могильника и сделавший ряд зарисовок профилей могил. Была произведена вырезка погребения, которая поступила в Тотемский музей.

Траншея № II заложена в восточной части могильника. Погребений в ней не оказалось.

В траншее № III обнаружена необычайно широкая, чашеобразной формы могила, погребение в которой было разрушено.

В траншее № IV (к западу от траншеи № 1) были обнаружены два разрушенных погребения, а в траншее № V — одно. Чтобы не пропустить сохранившихся погребений, решено было доследовать всю площадь могильника.

В траншее № V (к северу от траншеи № 1) встречено частично уцелевшее от кладоискателей погребение.

Погребение № 2. На глубине 0,7 *м* от поверхности земли была обнаружена вымостка из камней, частично разрушенная. Нижележащий костяк тоже нарушен: левая рука отброшена в сторону от костяка, кисть

левой руки, правая рука, позвоночник, начиная от первого поясничного позвонка кости таза, бедренные кости, ребра правой половины отсутствовали. Это результат работы кладоискателей. Костяк был на спине, вытянут, ориентирован головой на северо-запад, лицом на северо-восток. Длина костяка 1,52 *м*, возраст — 45—50 лет, пол, судя по черепу,— женский. Выше правой ключицы у шейных позвонков у левой половины нижней челюсти — две пластинчатые височные подвески типа лунниц из белого металла (рис. 1, *8*). Вместе с ними были скреплены маленькие колечки из белого металла (рис. 1, *9*). Среди ребер и грудной клетки обнаружены две целые и две разрушающиеся бусины цветного стекла, разрушившееся монетообразной формы украшение из свинца и пряжка белого металла без орнамента (рис. 1, *10*). На дне могилы — тонкая прослойка темно-бурого цвета. Под правым височным кольцом была тонкая льняная ткань, а под левым — шерстяная ткань, напоминающая сукманину.

В траншеях № VII и VIII были следы двух разрушенных погребений, а в траншее № IX — одно, от которого сохранились кости черепа. В траншее № X, заложенной для выяснения распространения могильника в юго-западном направлении, в северо-западной части ее земля была не копана, а в юго-восточной оконечности встречено погребение № 3.

Погребение № 3. При осмотре профилей траншеи № X в юго-восточной ее части была обнаружена слабая с темноватым оттенком прослойка. Исследования щупом указали на присутствие погребения; костяк был под слоем камней на глубине 0,53 *м* ниже пахотного слоя. В боках чашеобразной могильной ямы ясно видны следы заостренных уплощенных кольев, которыми она была вырыта. Положение костяка такое, как и в погребении № 2. Сохранность костей плохая. Длина костяка 1,55 *м*; возраст около 50 лет, пол женский. При костяке обнаружены: с правой стороны черепа — бронзовое проволочное височное кольцо с заходящими концами диаметром 6,5 *см* и с ним связанное второе, но вдвое меньшее по размерам (рис. 2, *6*, *7*). Под левым виском — большое проволочное височное кольцо и подвеска грушевидной формы, украшенная выпуклыми бугорками и насечкой в виде ромбов (рис. 1, *11*). Среди костей верхней части грудной клетки — четыре бусы из темной полосатой пасты и четыре из зеленого стекла. Между отдельными бусинками, нанизанными на шнур,— пронизки из накрученной на шнур тонкой медной проволоки в 3,5 оборота (рис. 2, *8*).

На обеих руках — перстни с несомкнутыми концами и щитком без орнамента. С левой стороны костяка над тазовой кистью на поясном ремне — три бронзовые шумящие подвески в виде барашков со вставной головкой (рис. 1, *12*). Некоторые колечки подвесок совершенно изношены. Это еще раз говорит о том, что женщины носили эти украшения постоянно. Вместе с барашками был нож. На грудной кости — разрушенное украшение из свинца. Под костяком обнаружены следы подстилки из листьев.

Траншея № XI находок не дала.

МАРЬИНСКИЙ МОГИЛЬНИК

В октябре 1923 г. от крестьян дер. Старовской Пустоши стало известно, что в дер. Марьинской, на р. Сондуге, еще в начале XX в. были найдены кости человека и шумящая подвеска. Это сообщение в 1924 г. было проверено музеем — членами Общества по изучению местного края С. В. Вепринским и Н. М. Игольницыным — и полностью подтвердилось. Одновременно были получены данные о больших нарушениях на территории предполагаемого могильника и утере шумящей подвески.

В августе 1924 г. было начато рекогносцировочное исследование этого могильника, который находился на улице деревни и имел площадь всего 25 *м*^{2}.

В траншее № I находок не было.

В траншее № II, судя по скоплениям камней и найденному ножу, а в западной части — фрагментов человеческих костей, были два разрушенных погребения.

Траншея № III дала хорошо сохранившееся погребение № 1.

Погребение № 1. Костяк лежал на спине головой на запад; сохранность скелета хорошая. Рост похороненной женщины 146 *см*, возраст 25—30 лет. Пальцы согнуты в кулак. С правой стороны от нее лежал плохо сохранившийся скелет ребенка длиной 65 *см*; кости черепа его раздавлены. При женском погребении найдены: на шейных позвонках у правого виска и под левым виском — разрушившиеся украшения из свинца; на уровне ключиц — остатки разрушившихся бус из черной пасты и среди них на груди — два фрагмента пряжки из проволоки толщиной 8 *мм*; на указательном пальце левой руки — перстень с орнаментом на щитке; с правой стороны костяка рядом с тазовыми костями — нож (рис. 2, *3*) и бронзовая шумящая подвеска большого размера. Она отличается от пустошской деталями: у пустошской рельефный орнамент из одной, а здесь из двух взаимно пересекающихся линий. Этот узор, как кажется, встречается лишь в могильниках Вологодской области и отсутствует в костромских курганах (рис. 2, *1*). Он имеется на подвеске-птице из Ананьинского могильника [2].

У шумящей подвески колечки перетерты и бубенчики сохранились не все. В отверстии на спине барашка был шнур с узелком, скрученный из женских волос, которым он был прикреплен к поясному ремню; следы последнего прослежены. Там же встретились два бубенчика. На шейных позвонках ребенка — две бусины из полосатого стекла — одна черного, а другая зеленого цвета, следы разрушившихся бус и какого-то украшения из свинца с ушком.

В траншее № IV, в южной ее части, грунт перекопан под местом бани; погребение встретилось в ее северной половине.

Погребение № 2. По удалении почвенного слоя встречен верхний ряд каменной кладки. После удаления камней на глубине около 0,8 *м* от поверхности обнаружена истлевшая древесина. Было установлено, что умерший захоронен в колоде, длиной 1,99 *м*, шириной в головной части 0,47 *м* и в ногах — 0,41 *м*. Длина костяка около 1,76 *м*. Он ориентирован с запада на восток. Пол мужской, сохранность скелета очень плохая. Возраст преклонный. При костяке вещей не оказалось.

Траншея № V. В южной ее половине, где ранее была найдена крестьянином шумящая подвеска-«барашек» и череп, при работе встретили много камней. Здесь были обнаружены: бронзовый перстень со щитком, украшенным насечкой, обломок такого же перстня, небольшой бубенчик, фрагмент кольца, средняя часть ножа; в северной половине траншеи в массе сгнившей древесины, остатках второго колодного погребения — раздавленный тяжестью камней плохо сохранившийся череп погребенного в возрасте 15—16 лет, пол которого определить было невозможно. Вещей при остатках костяка не оказалось.

КУДРИНСКИЙ МОГИЛЬНИК

Кудринский могильник был открыт в 1921 г. В 1929 г. на холме, на северо-востоке от деревни, автор начал разведывательные работы. Деревня Кудринская расположена на высоком правом берегу р. Вожбал, притоке р. Царевы, впадающей в р. Сухону в 12 *км* от г. Тотьмы. Работы свелись к сбору находок на пашне и у населения. Пользуясь услугами препаратора музея Л. Н. Черницына, были заложены траншеи, с тем

[2] Ф. Д. Нефедов. Отчет об археологических исследованиях в Прикамье, произведенных летом 1887 и 1888 гг. МАВГР, III, М., 1899, стр. 14, табл. 18, *25*.

чтобы проверить, не найдутся ли не нарушенные распашкой погребения, хотя население утверждало, что со склонов холма ливни и талая вода смывают пахотный слой, а местами и подпочву. В траншеях, заложенных по верху холма и склонам, встретили фрагменты костей и отдельные предметы из разрушенных погребений. На пашне и в траншеях были подобраны: бронзовая подвеска, обломок зуба человека, часть височной кости с медным окислом на ней и плечевая кость, витая шейная гривна

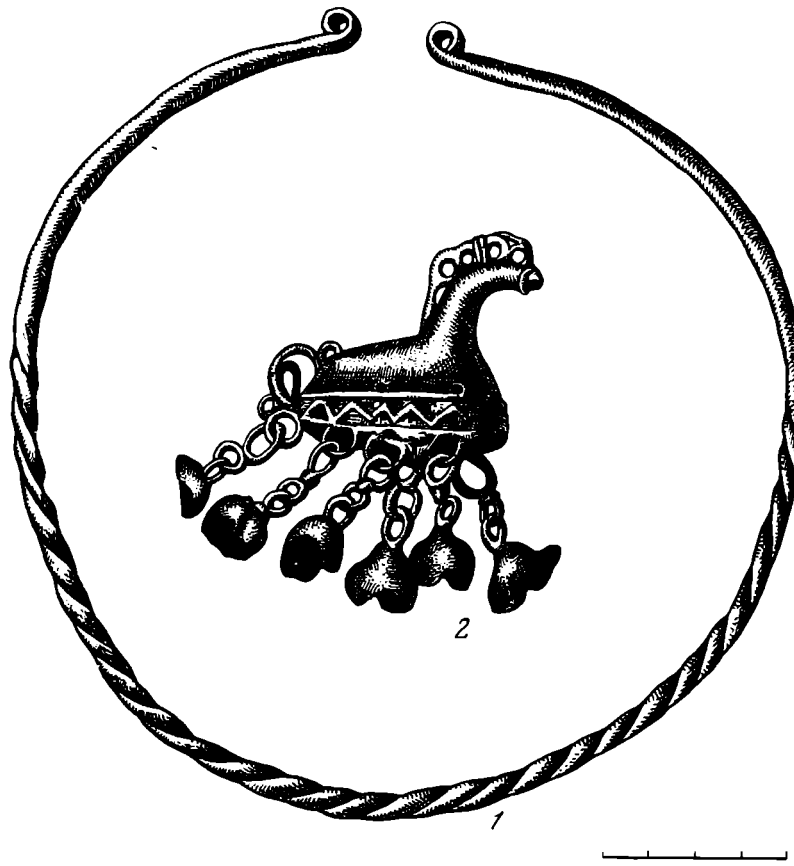


Рис. 3. Находки из Кудринского могильника

(рис. 3, *1*), схожая с найденной в Кокшеньге в дер. Новгородской в 1894 г. [3], подвеска — крупная литая фигурка с головкой с подвешенными бубенчиками на цепочке в виде восьмерки.

В отличие от вологодских, у фигурки более вытянутая шейка (рис. 3, *2*). Встретился и бубенчик. Было найдено и серповидное височное кольцо, похожее на найденное в погребении № 3 в Пустошинском могильнике (рис. 2, *4*).

Отмечается, что все могильники небольшие. Вскрытая площадь Пустошинского — около 36 *м*; в ней обнаружено 10 разрушенных и 3 целых погребения. В Марьинском было 5 разрушенных, одно целое и 2 колодных погребений. Пустошинский могильник раскопан полностью, Марьинский — частично, лишь в его юго-восточной части. Марьинский могильник мог иметь не менее 25 погребений.

Во всех могильниках был один и тот же ритуал погребения с обкладкой умерших камнями для сохранения трупов от хищников. В качестве подстилки применяли мох, хвою и листья березы. Погребения сверху прикрывались берестой и корой ели. Могильные ямы имели везде чашеобразную форму. Дата могильников — первая половина XI и начало XII в. Эта датировка в свое время была указана В. А. Городцовым [4]; с нею соглашается и А. П. Смирнов.

[3] М. Б. Едемский. Кокшеньгская старина. ЗРАО, I—II, СПб., 1906.

[4] В. А. Городцов. К итогам археологических трудов за 10 лет. ТСА РАНИОН, III, М., 1927.

Р. Л. РОЗЕНФЕЛЬДТ

КОНСТАНТИНОВСКИЕ И ЗАЛЕСЬЕВСКИЕ КУРГАНЫ

В связи с большими строительными и планировочными работами в Подмосковье за последние годы неоднократно отмечались случаи разрушения археологических памятников. Особенно часто разрушаются курганные группы, которые нередко служат и объектом самовольных раскопок. Из полутора тысяч известных к настоящему времени в Подмосковье курганных групп примерно около четверти не сохранилось. Курганы раскопаны археологами, разрушены при землеустроительных работах, многие раскопаны кладоискателями. Только незначительное количество вещей из разрушенных курганов поступает в собрания, большая часть материала исчезает бесследно. В ряде случаев находимый в Подмосковных курганах материал интересен и позволяет более определенно характеризовать быт и культуру населения Подмосковья в домонгольское время.

Среди разрушенных за последние годы курганных групп большой интерес представляет Константиновская курганная группа, располагавшаяся в 200 *м* к западу от села Константиново Раменского района на поле, обращенном в сторону долины р. Пахры. В 1924 г. эта курганная группа была выявлена сотрудниками Сухановского краеведческого музея и никем из археологов не раскапывалась. В ней тогда насчитывалось 15 насыпей. Ко времени планировки в ней сохранялось 10 насыпей высотою до 2 *м* и диаметром до 15 *м*. В 1963 г. при сносе курганной группы под насыпями курганов бульдозеристом и школьниками села Константиново были обнаружены остатки разрушенных костяков и вещи, которые были собраны и переданы в музей Егановской школы. Собранные находки происходили из 4 разрушенных курганов. Среди них была шейная плетеная серебряная гривна с пластинчатыми загнутыми концами (рис. 1, *8*), на которых пунсоном был выбит орнамент в виде крестиков, составленных из миниатюрных колечек. Из этой же группы происходят 2 проволочных медных плетеных браслета. Один из них сплетен из 4 проволок с расплющенными концами, которые разомкнуты. К расплющенным концам браслета ранее, по-видимому, были припаяны гнезда для пастовых или стеклянных вставок, которые не сохранились. Другой проволочный браслет — кольчужного плетения с разомкнутыми расплющенными концами, которые были украшены обоймами со стеклянными или пастовыми вставками. Из группы происходит и один пластинчатый слегка расширенный посередине медный браслет, орнаментированный поперечными двойными линиями, а между ними — рядки отпечатков кольчатого пунсона (рис. 1, *6*). Были найдены и рубчатые перстни. Их 2. После разрушения курганов на территории группы было собрано 9 вятических серебряных семилопастных височных колец сравнительно позднего типа с колечками по сторонам (рис. 1, *1*, *3*) и несколько бусин. Это — 17 хрустальных бус шаровидной формы и 6 сердоликовых бипирамидальных. Кроме того, была найдена шаровидно-уплощенная коричневого цвета пастовая бусина с мелкими округлой формы глазками белого и желтого цветов. По заявлению бульдозериста, в курганах были и глиняные горшки, которые не сохранились. При осмотре мною места курганной группы был найден обломок вятического височного кольца и обломок глиняного сосуда с линейным и волнистым орнаментом, изготовленный на ручном гончарном круге. По полученным сведениям, все погребения были на горизонте и там, где это удавалось проследить, были ориентированы головой на запад. По собранным вещам и обряду захоронения разрушенные погребения можно датировать второй половиной XII—XIII вв.

Залесьевская курганная группа расположена близ села того же названия на р. Гнилуше в Подольском районе Московской области, на ее левом берегу. Ныне в этой курганной группе, обследовавшейся в 1952 г.,

насчитывается 11 курганов высотой от полуметра до 3,5 *м*. Форма насыпей курганов — полушарная. Пионерами рядом расположенного лагеря в 1964 г. был раскопан до половины один курган и несколько насыпей нарушены, но без вскрытия погребений. В кургане подвергшемся раскоп-

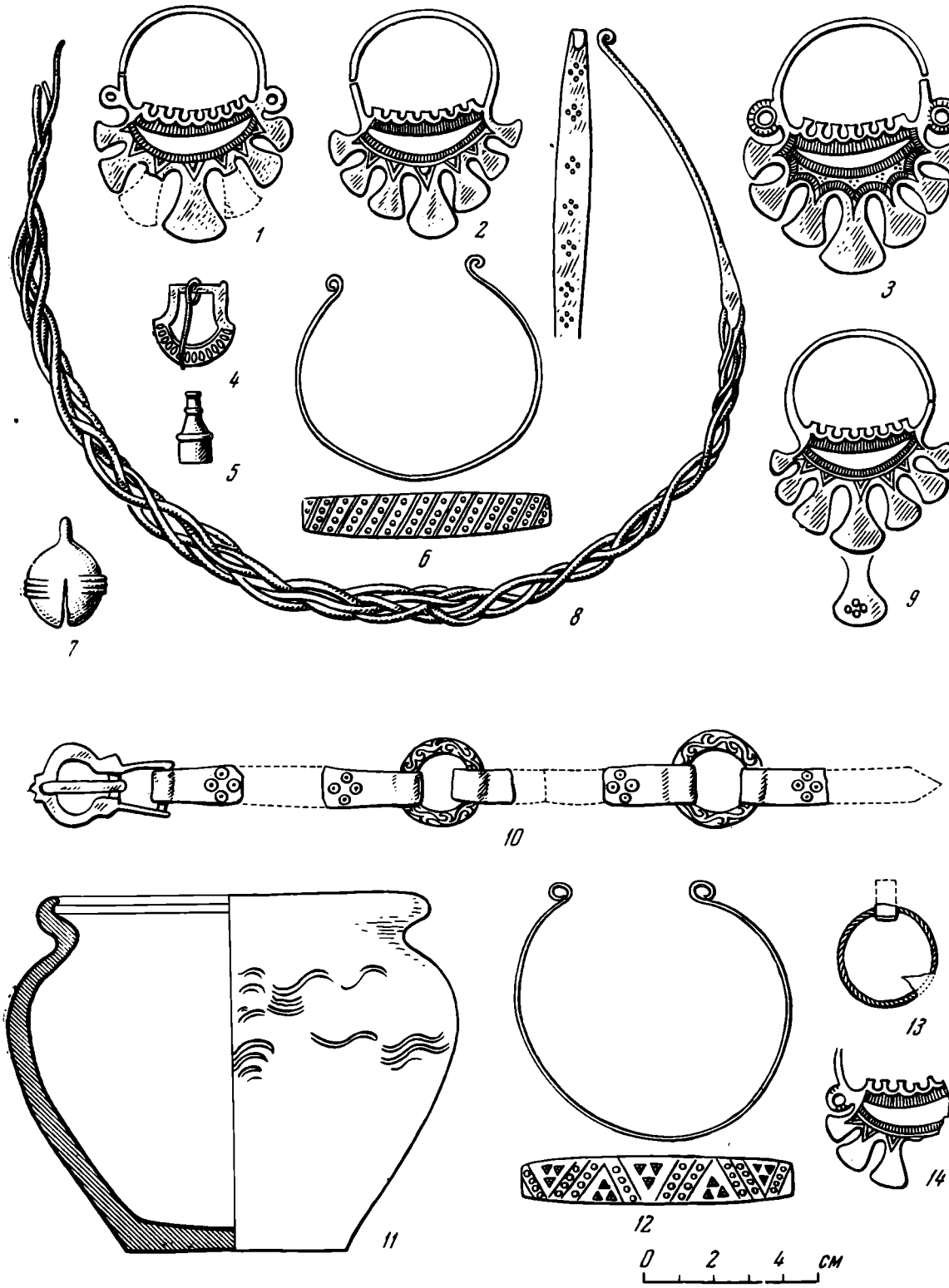


Рис. 1. Находки из Константиновских, Залесьевских, Никитских, Филимоновских и Подушкинских курганов

кам, были разрушены 2 погребения, по-видимому, вводные. Высота этого кургана около 2 *м*. Под центральной частью насыпи были обнаружены 2 костяка. Первый костяк — на спине головой на юго-запад без вещей на глубине 80 *см*. По-видимому, это было погребение мужчины. Рядом с ним на глубине 100 *см* — женский скелет тоже на спине с вытянутыми вдоль

корпуса руками и тоже головой на юго-запад. В районе черепа костяка были найдены 6 вятических семилопастных височных колец. Все они относительно раннего типа без колечек (рис. 1, *2*). Только одно из них имело колечки по сторонам щитка (рис. 1, *14*). 2 из этих височных колец были отлиты в одной литейной форме. На обороте центральной лопасти одного из найденных в кургане височных колец имеется узор в виде крестика, нанесенного кольчатым пунсоном (рис. 1, *9*). В районе груди были найдены 2 медных бубенчика — один большой (рис. 1, *7*), а другой малый с линейной прорезью — и монетовидная привеска с рубчатым кантиком по краю (рис. 1, *13*). На левой руке — пластинчатый браслет, слегка расширенный к середине и украшенный линейным, кольчатым и ложнозерненым орнаментами (рис. 1, *12*). Концы браслета — несомкнутые, завернутые, и в одном из них — остатки шерстяного шнурка, которым он стягивался при ношении на руке. У правой руки было найдено несколько сердоликовых бипирамидальных бусин. У ступни левой ноги погребенной с наружной стороны был небольшой горшок из светложгущейся глины, с волнистым орнаментом, исполненным при помощи многозубой гребенки. Горшок изготовлен на ручном гончарном круге. Его высота 10,4 *см*, максимальный диаметр 13,5 *см* (рис. 1, *11*). Дата погребения XII—XIII вв.

В курганной группе у с. Никитское на р. Рожае — притоке реки Пахры, в которой в 20-х гг. насчитывалось 24 насыпи, один из курганов в 1960 г. был раскопан краеведом Б. В. Кузнецовым. По его заявлению, насыпь этого кургана была сильно разрушена, как и находящийся под ней скелет. На костяке при расчистке были найдены бронзовая лировидная пряжка и медная ворварка, которые находятся ныне в школьном краеведческом музее г. Домодедово (рис. 1, *4*, *5*).

В 1963 г. были проведены самовольные раскопки курганов в группе у с. Филимонки на р. Незнайке — притоке р. Десны (приток р. Пахры). В этой группе, расположенной между селами Филимонки и Кнутово на правом берегу р. Незнайки, был раскопан один курган. Его высота была около 30 *см* при диаметре в 2,7 *м*. Под насыпью этого кургана было найдено трупоположение женщины головой на запад, на спине, с вытянутыми вдоль корпуса руками. При костяке были найдены следующие вещи: по сторонам черепа — 4 вятических височных кольца без ушек; в районе груди — 4 шаровидных хрустальных и 2 бипирамидальных сердоликовых бусины; на каждой из рук было по проволочному плетеному браслету с несомкнутыми концами, на пальце правой руки — рамчатый перстень. Эта курганная группа ранее не была известна. В ней насчитывается ныне 12 насыпей высотой от полуметра до 2 *м*.

Самовольные раскопки были проведены в 1962 г. и в Подушкинских курганах, расположенных на р. Самынке — притоке р. Москвы, группой школьников, которые свои находки передали в ГИМ. Ввиду того, что в окрестностях этого села имеется 7 курганных групп, установить, в какой именно группе были проведены раскопки, не представляется возможным. Здесь школьниками был разрыт курган, в котором, судя по набору вещей, было мужское погребение; при нем были найдены пояс и нож. Нож — железный обычного типа, черешковый. Пояс с медной лировидной формы пряжкой и медной обоймой, скрепляющей пряжку с ремнем (рис. 1, *10*). В поясе были 2 разделительных кольца и 4 медные обоймы по 2 на каждое кольцо. На поверхности этих поясных колец — орнамент в виде волнистой линии с отходящими в стороны завитками. Как по орнаменту на поясных кольцах, так и по форме пряжки этот курган может быть датирован XIII в.

Н. Б. КИШИЛОВ

АЛЛЕГОРИЯ ЗЕМЛИ ВО ФРЕСКАХ ЦЕРКВИ СПАСА НЕРЕДИЦЫ

Роспись погибшей во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Спасо-Нередицкой церкви в Новгороде представляет большой интерес для исследователей как один из наиболее оригинальных памятников искусства Древней Руси. Среди других сюжетов в Нередицкой живописи особенно полно и подробно была представлена сцена «Страшного

Рис. 1. Аллегорическое изображение земли в росписи церкви Спаса Нередицы

суда». Деталь этой сцены имеет совершенно исключительную трактовку, не знающую прямых аналогий в других памятниках древнерусской живописи. Речь идет об изображении аллегорической женской фигуры, олицетворяющей землю. Подобные аллегории широко известны в древнерусском искусстве. Обычно земля изображается в виде женской фигуры; в протянутой руке ее четырехугольный гроб с мертвецами, которых земля возвращает из своих недр на последнее судилище. Вокруг нее — звери, пресмыкающиеся и птицы, извергающие расхищенные ими кости. В росписи церкви Спаса Нередицы мы имеем иной вариант этого изображения. Здесь земля — обнаженная до пояса женщина с чашей в левой руке — восседает на льве. Все изображение обвито змеем, драковья голова которого склонилась над чашей в руке женщины. Лев извергает из пасти человеческую голову [1] (рис. 1).

[1] М. К. Каргер. Древнерусская монументальная живопись XI—XIV вв. (Альбом). М.— Л., 1964, табл. 75.

Рис. 2. Аллегория земли на иконе с изображением Собора Богоматери

Изображений, подобных этому, в древнерусской живописи мы не знаем. Надо думать, что этот рисунок — след какой-то древней традиции, впоследствии трансформировавшейся и утратившей свою первоначальную символику в процессе развития древнерусской иконографии.

В росписи деревянного креста из Сполето (конца XII в.) имеется изображение «Страшного суда». Земля здесь представлена также полуобнаженной женской фигурой, восседающей на спине льва; в руке она держит человеческую фигуру [2]. В росписи Ватопедского монастыря на Афоне известно сходное изображение. Здесь женская фигура — аллегория земли — представлена сидящей на двух львах, в одной руке ее ветвь с плодами, в другой — змея. Живопись этой части ватопедской росписи относится к XIV в. [3]

Хотя в древнерусской живописи символика данного изображения и претерпела значительные изменения, тем не менее, даже в более поздних памятниках мы обнаруживаем детали, которые свидетельствуют о том, что их прототипом были эти или аналогичные этим изображения.

Так, на иконе XVII в. из собрания Государственной Третьяковской галлереи (ГТГ) с изображением «Страшного суда» аллегорическая фигура земли восседает на диковинном звере, отдаленно похожем на медведя; в руке ее не прямоугольный гроб, как обычно, а чаша (рис. 3), как в нередицкой росписи [4].

Женские аллегорические фигуры, олицетворяющие землю и пустыню, известны также на иконах с изображением Собора Богоматери, где земля преподносит в дар родившемуся Христу вертеп, а пустыня — ясли.

---

[2] Enciclopedia universale dell arte. Venezia — Roma, 1958, VIII, табл. 6.

[3] Н. В. Покровский. «Страшный суд» в памятниках византийского и русского искусства. Одесса, 1887.

[4] ГТГ, инв. № 19878.

Нам кажется, что эти аллегории можно считать раздвоением одной первоначальной, ибо иконографические изображения земли и пустыни чрезвычайно мало отличаются друг от друга. На одной иконе с изображением Собора Богоматери мы находим изображение земли в виде женской фигуры с цветущей ветвью в руке, как на ватопедской росписи (рис. 2) [5].

Изображение аллегорической женской фигуры, олицетворяющей землю, в ранних памятниках древнерусского и византийского искусства достаточно резко отличается от более поздних изображений, когда символика этого изображения трансформировалась в процессе развития древ-

Рис. 3. Аллегория земли на иконе с изображением Страшного суда

нерусской иконографии в сторону строго канонического церковного содержания, основанием которого церковь полагала следующие слова Ефрема Сирина: «Тогда (с явлением судии) кости человеческия в аду, слыша голос трубы, со тщанием побегут, отыскивая свои составы, тогда увидим, как всякое человеческое дыхание во мгновение ока восстанет с своего места и все от четырех концов будут созваны на суд. Ибо повелит великий царь... и тотчас дадут земля своих мертвецов, а море своих, что растерзали звери, что раздробили рыбы, что расхитили птицы, все это явится во мгновение ока» [6].

Наиболее точно эта словесная картина повторена Рублевым в сцене «Страшного суда» в росписи Успенского собора во Владимире. Смысл этого изображения и его символика достаточно полно исчерпываются приведенным текстом из Ефрема Сирина [7]. Совсем иное видим в нерединской росписи, где это содержание лишь приспособлено к какому-то более древнему символическому изображению. Художник только модернизировал его и приспособил к тексту, вложив в пасть льва человеческую голову.

Символика этого изображения, как она представлена в росписи Ватопедского монастыря, возвращает нас к кругу памятников, связанных с культом Великой Богини, к священной схеме «триады», в которой сама богиня или ее символ сопровождаются фигурами двух зверей [8]. Подобные изображения связаны в искусстве Древнего мира с этим общим почти для всех культур культом. Так, в Месопотамии поклонялись Иштар, позднее — Астрате, во Фригии, Кибеле, в Греции — Деметре, на древнем Крите — Минойской богине. Воспроизведение Богини Матери сопровождается обычно сходными атрибутами. Часто она окружена львами, в руке ее были змеи, подчеркивающие хтонический характер изображения, или ветви, являющиеся символом плодородия. Женские груди божества обыч-

[5] ГТГ, инв. № 20028.
[6] Н. В. Покровский. Ук. соч., стр. 56.
[7] Там же, табл. 5.
[8] Jean Przyluski. La Grande Deesse. Paris, 1950, стр. 91—104.

Рис. 4. Изображение Иштар на сосуде из Тель-Аграба

но обнажены, ибо они тоже являлись символом плодородия. Достаточно вспомнить Иштар со стеатитового сосуда из Тель-Аграба, где богиня в короткой юбке стоит на двух львах, а в руках ее змеи (рис. 4), или ту же богиню на таблетке из Угарита, где она представлена кормящей пучками травы двух коз (рис. 5) [9]. В древнерусское искусство эта символика могла проникнуть из Византии, где, по-видимому, образ Великой Богини Матери был использован христианским искусством в качестве аллегории земли. Широкое распространение этого культа в гностицизме обусловило проникновение его художественных атрибутов в христианское искусство [10].

Древнерусскому художественному сознанию был известен образ богини со змеями. Козьма Индикоплов, подвергая критике эллинистические религиозные культы, замечает: «Луна Еката богиня елинская иже тлют еллини быти луна. В нощи ходящу и на колесницы львове ездящу и змием облежащу и змиевы страшны показующе, и улени некия великия главу имуща змиевы. И сих безумнии еллини обоготвориша» [11].

Не исключено, что именно богиня Геката послужила прототипом нашего изображения. Первоначально она выступает в роли подательницы блага и кормилицы юных, затем ей присваиваются магические и демонические свойства. В своем первом значении она могла сливаться с культом богини плодородия [12].

Исходя из высказанного, представляется возможным истолковать символику нередицкого изображения следующим образом. Нередицкая роспись, по-видимому, следует здесь каким-то древним христианским прототипам, в которых еще видно их древневосточное происхождение. Интересно, что в нередицкой росписи аллегория земли почти целиком обособлена от сцены воскрешения мертвых, которая помещена в росписи гораздо выше и иконографически мало связана с последней.

Художник, помещая здесь аллегорию земли в таком истолковании, делал это, несомненно, сознательно. Вероятно, для него, как и для древних, обнаженная грудь аллегорической фигуры была символом плодородия земли, подчеркивала ее значение как питательницы; лев, сопровождающий это изображение, свидетельствовал о силе и могуществе и, наконец, чаша в руке могла иметь евхаристический смысл, символизируя

[9] Н. Д. Флиттнер. Культура и искусство Двуречья и соседних стран. М.— Л., 1958, стр. 194, 197.

[10] E. O. James. Le culte de la deesse-mere dans l'histoire des religions. Paris, 1960, стр. 209.

[11] Е. К. Редин. Христианская топография Козьмы Индикоплова по греческим и русским спискам, 1, М., 1916, стр. 171.

[12] Pierre Grimal. Dictionnaire de la mythologie greque et romaine. Paris, 1958, стр. 176; E. O. James. Ук. соч., стр. 167—181.

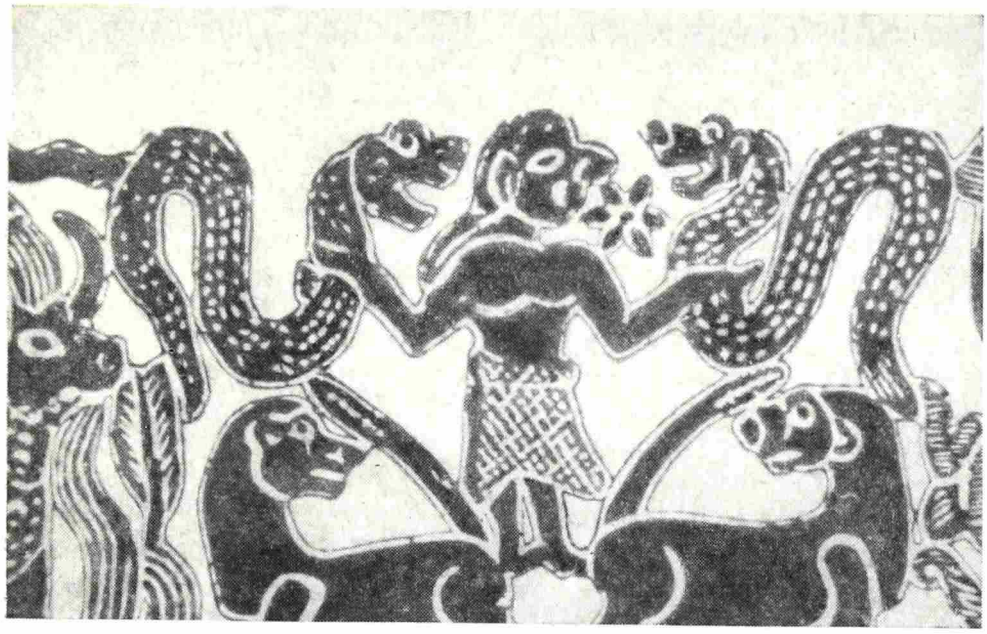


Рис. 5. Изображение Иштар на таблетке из Угарита

тайну вечной жизни. По-видимому, этот же смысл вкладывался художником и в изображение змея, которое в иконографии было связано с чашей. Змей выступает здесь не как олицетворение зла, а в роли хранителя священного сосуда. Одновременно этим подчеркивался хтонический характер росписи. Змей — хранитель сосудов, столь широко известный ритуальному искусству Древнего мира, был также не чужд и древнерусской символике.

Аллегория земли в ранних памятниках византийского и древнерусского искусства, по-видимому, была связана с символическими изображениями Древнего Востока. Подобные заимствования достаточно известны в ранне-христианской символике [13]. Некоторые элементы этой символики, очевидно, входили в первоначальную иконографию св. Софии Премудрости Божией [14]. В дальнейшем христианское искусство перерабатывает эти иконографические схемы, сближая их содержание с учением церкви.

[13] А. С. Уваров. Христианская символика, 1, М., 1908, стр. 197, 199.
[14] Н. Д. Мец. Московская деньга новгородского типа. Тр. ГИМ, 25, М., 1955.

В. Н. ПРИЩЕПЕНКО

К БИОГРАФИИ Ф. С. КОНЯ

К сожалению, мы до настоящего времени почти не знаем биографии гениального русского зодчего и военного инженера конца XVI в. Федора Савельевича Коня. Его богатырская фигура овеяна дымкой романтических легенд, и ученые с трудом отделяют историческую правду от поэтического вымысла. Начало этой, надо сказать вполне заслуженной, поэтизации положила талантливая писательница В. Т. Жакова. В 1934 г. она опубликовала документальный очерк, в котором нарисовала яркую картину жизни и творчества замечательного мастера [1]. М. А. Ильин и В. В. Косточкин [2] считают, что новые биографические документы, цитируемые В. И. Жаковой, являются писательской выдумкой. Безусловно, В. Т. Жакова использовала художественный домысел для заполнения пробелов биографии Ф. С. Коня, ибо писала литературное произведение, а не

[1] В. Жакова. О черном человеке Федоре Коне. «Год Семнадцатый». Альманах, 4. М., 1934, стр. 398—406.
[2] М. А. Ильин. Рец. на брошюру И. Д. Белогорцева «Зодчий Федор Конь». «Советская книга», 1950, 10, стр. 106—108; В. В. Косточкин. Государев мастер Федор Конь. М., 1964, стр. 5—7.

историческую монографию. Но одна челобитная, частично опубликованная ею, была подлинной. В Отделе письменных источников ГИМ мне удалось обнаружить две копии этого документа (первую — в собрании Ф. И. Маслова, чиновника Московского архива Министерства юстиции, вторую — в личном архиве известного историка И. Е. Забелина). Забелинская копия сберегла для нас делопроизводственную помету 1604 г., кратко излагавшую содержание доселе неизвестной грамоты Бориса Федоровича Годунова. Публикуемая ниже челобитная монахов Сковородского Михайловского монастыря поможет пролить свет на причины странного молчания источников о деятельности знаменитого горододельца после 16 апреля 1607 г. (этим днем датируется последний по биографическому времени документ, введенный в научный оборот,— запись в приходо-расходной книге Троицкого Болдина монастыря под Дорогобужем [3].

В челобитной написано:

«Государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Русии нищие твои богомольцы игумен Сквород(ского) Михайлова монастыря Алексеи [4], да чернцы соборныи [....], да келарь [...] ат, да козначеи и вся братия Михаилова монастыря бьют челом и извещают на бельца Федора сына Савельева Коня. Живет тот Конь не по чину по монастырскому. В церкви божии, государь, не ходит и ис казны и из погребов и сушила всякия запасы проводит к себе в келью. И сам есте безбожник и [....], а в монастырь, государь, Михайлов, приехав, меня, игумена честнова, и старцев соборных лаит б (.....), детьми, а инех, государь, и ис собору выметал и в поле разогнал, а прочую, государь, братию, служебников и крылошаня, колит остном и бьеть плетями и без нашева игуменскова и бес старческова совету [...]. И после Ефимона на погрибе пьет сильно и тебе, государю хочет оговаривати ложью старцев и всю братию, и от тех, государь, ево побои и гроз братия бегут розно. Православныи лю (д кр)естьянскии он взбунтовал. Великий государь царь и великий князь Борис Федоровичь всеа Русии, укажи нам, како с Федором прожити. Государь, смилуйся, сыщи!»

В начале челобитной отметка о подаче:

«Лета 7113 Сентября в 8 день такова челобитная подана великому государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Русии. Подал новгородскии сын боярскии Дементии Медведев».

На обороте помета:

«7113-го Сентября 9 день сея челобитная государем чтена. Великий государь царь и (великий к)нязь Борис Федоровичь всеа Русии указал послать свою государеву грамоту на Великии Новгород к государеву же человеку Василью Башмакову, чтобы он против чело(битной) [..] ево, Федора, роспросил и градцкими людьми сыскал. И буде сыщетца допряма, что он так делал, как в челобитной написано, городовова, церковнова, палатнова и иных дел мастера Федора Савельева Коня за тои ево вины послать смирения ради на крепкое покаяние в Соловецкий монастырь. А буде на нево игумен писал ложно, и тому игумену учинить то ж, что Федору Савельеву Коню».

Полностью грамота публикуется впервые [5]. Подлинная челобитная, находившаяся в коллекции Ф. И. Маслова, была, по словам И. Е. Забелина, «весьма ветха».

---

[3] «Русская Историческая библиотека», XXXVII, Л., 1924, стр. 260.

[4] П. М. Строеву неизвестен. См.: П. М. Строев. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российския церкви. СПб., 1877, алфавитный указатель монастырей.

[5] Отдел письменных источников ГИМ, фонд 440, ед. хр. 521, л. 355 (копия); фонд 88, ед. хр. 24, л. 56 (об.) (неполная копия).

Критика и библиография

J. Werner. Katalog der Sammlung Diergardt (Völkerwanderungszeitlicher Schmuck). Band. 1. Die Fibeln. Verlag Gebrüder Mann.
Berlin, 1961, 68 стр. текста, 50 таблиц фотографий, 6 таблиц карт

Собрание раннесредневековых древностей, принадлежавшее когда-то барону И. Диргардту, уже давно пользуется славой одной из самых больших и ценных частных коллекций этого рода. Оно было создано в основном до войны 1914—1917 гг. путем покупки вещей у антикваров всех стран Европы. Почетное место в нем принадлежит вещам IV—VI вв. из Северного Причерноморья и с Кавказа. Многие предметы из этой коллекции, хранящейся ныне в музее г. Кёльна, приобрели благодаря публикациям широкую известность, но основная масса вещей оставалась неопубликованной. Поэтому особое значение имеет работа по полному научному изданию собрания И. Диргардта, предпринятая одним из крупнейших знатоков раннесредневековой археологии И. Вернером.

Рецензируемый том каталога посвящен фибулам [1]. Он дает фотографии всех вещей в натуральную величину, их определение, описание и датировку. Для каждой вещи приведены списки аналогий с указанием литературы. Географический диапазон работы очень широк: Испания, Италия, Франция, Германия, Англия, дунайские страны, СССР. Даваемые И. Вернером в каталоге характеристики очень сжаты, но за ними стоит многолетняя работа над хронологией раннего средневековья Европы. Исследования И. Вернера во многих случаях привели его к уточнению или к пересмотру традиционных взглядов, в частности на хронологию двупластинчатых и пальчатых фибул юга СССР и сопредельных стран.

Для археологов, интересующихся датировкой двупластинчатых фибул, давно стала привычной их хронология, данная в работах Б. Салина, Н. Оберга, А. П. Калитинского, Э. Бенингера и Э. Салена. И. Вернер в серии статей последовательно пересмотрел эту хронологию и сделал к ней убедительные исправления. В противоположность этим авторам, он считает, что фибулы с ромбической ножкой, наиболее расширенной в нижней части (рис. 1, *1*; назовем их условно I подгруппой), существовали еще в конце IV и начале V в. и сменились новой формой фибул с очень вытянутой ножкой, наиболее расширенной выше середины (назовем их II подгруппой; рис. 1, *2*), лишь в первые десятилетия V в. Этот вывод изложен И. Вернером пока вкратце [2], но он настолько хорошо согласуется со всей суммой фактического материала, что должен быть принят. И. Вернер подробно аргументировал выделение в Среднем Подунавье и более поздней группы памятников, обосновав ее датировку второй половиной V в. [3]. Этим он внес очень важные исправления в существовавшую до его работ хронологию двупластинчатых фибул поздней (II) подгруппы. Ранее исследователи ошибочно полагали, что европейские фибулы II подгруппы относятся ко второй половине IV и первой половине V в.

И. Вернер не называет критериев для разделения фибул разных периодов, поскольку он рассматривает фибулы в комплексах. Но имеется большое количество фибул, найденных вне комплексов или в недостаточно характерных комплексах. Чтобы отнести их к определенному этапу, такие признаки, как наличие инкрустации, «накладки», резные стойки пружин и т. п., не всегда достаточно показательны. Между тем, поздние двупластинчатые фибулы можно хорошо разделить на три этапа

[1] Пряжкам VI—VII вв. посвящена статья: J. Werner. Byzantinische Gürtelschnallen des 6. und 7. Jahrhunderts aus der Sammlung Diergardt. Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte, 1, Köln, 1955.

[2] J. Werner. Die frühgeschichtlichen Grabfunde von Spielberg und von Fürst. Bayerische Vorgeschichts-Blätter, 25, München, 1960, стр. 177—178.

[3] J. Werner. Studien zu Grabfunden des V Jahrhunderts. Slovenska archeologia, VII, 2, Bratislava, 1959, стр. 423—427.

по пропорциям ножки: у фибул первой половины V в. верхняя часть ножки занимает примерно 38—48% общей длины ножки (назовем их вариантом II а, рис. 1, *2*), у фибул второй половины V в.— 25—36% (вариант II б, рис. 1, *3*), у фибул второй половины VI — первой половины VII в.— от 0 до 15% (вариант II *в*, рис. 1, *4*). При этом, как исключение, более ранняя форма ножки встречалась и позднее (особенно у локальных серий фибул), однако изменение основной массы фибул соответствовало

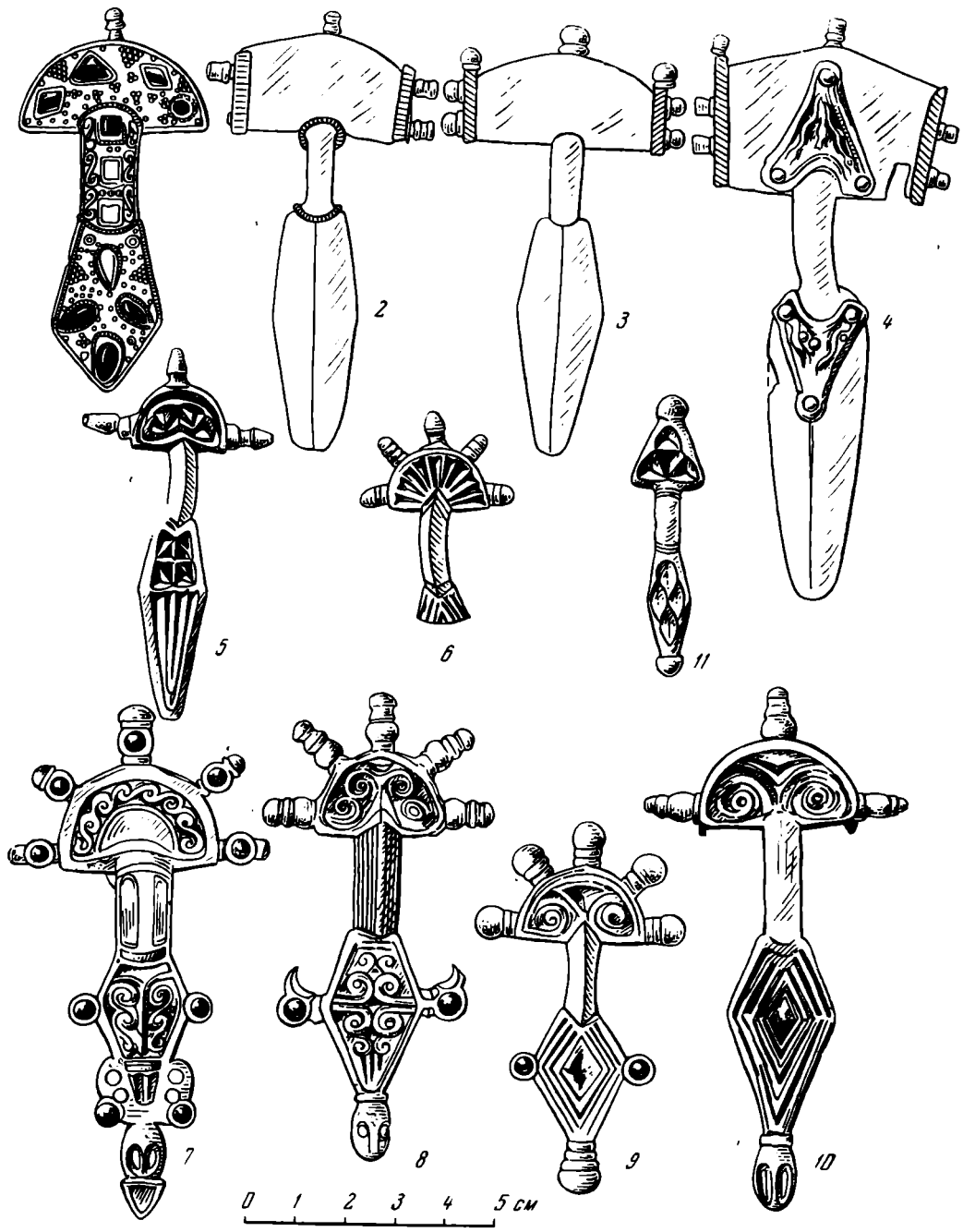


Рис. 1. Двупластинчатые и пальчатые фибулы
1, 2, 4—11 — по И. Вернеру, *3* — по Б. Салину

выявленной закономерности. По-видимому, следует изменить датировки двух фибул из собрания Диргардта, предложенные И. Вернером. Соглашаясь с его датировкой фибул № 99 и 100 серединой V в., нужно также отнести к ним фибулу № 98 (вариант II а), зато фибулы № 101 и 105 (вариант II в) датировать VI — началом VII в. И. Вернер определяет фибулы № 98—101 как севернопричерноморские, отмечая, что для Подунавья второй половины V в. характерны большие фибулы (16—19 *см*), часто с массивными пальметообразными накладками (№ 102 и 103). Этот вывод подтверждается на материале музеев СССР. Небольшие (до 10—11 *см*) однородные фибулы очень характерны для юга СССР и особенно для Боспора, где они представлены всеми тремя этапами (II *а*, *б* и *в*). Но и фибулы дунайского типа единично встречены

на нашей территории (Керчь; «Мысхако» близ Новороссийска; Камунта в Северной Осетии; «Борки» на Средней Оке — в сборах В. И. Зубкова).

Вторая большая группа северопричерноморских фибул раннего средневековья — это пальчатые фибулы керченских типов (публикуется 35 экземпляров). Их хронология также еще мало разработана. Авторы наиболее известных работ — Л. А. Мацулевич, А. П. Калитинский, Г. Кюн датировали такие фибулы V в. (а раннюю форму пальчатых фибул даже концом IV — началом V в.).[4]. Эти датировки были основаны на очень малом количестве комплексов и во многом умозрительны, а главное, подчинены теоретической концепции их авторов о том, что пальчатые фибулы Крыма должны были обязательно предшествовать аналогичным остготским фибулам Италии (датируемым первой половиной VI в.). В последнее время В. К. Пудовин несколько улучшил эту хронологию: датировав керченские пальчатые фибулы временем с начала V в. по первую половину VI в., он отметил их бытование до конца VI в.[5]

И. Вернер первый предложил новую последовательно разработанную хронологию пальчатых фибул с ромбической ножкой. Он показал, что типологически ранние фибулы (большие со сложным рельефным декором) характерны для среднедунайских погребений второй половины V в.[6]. Более упрощенные фибулы керченских типов (рис. 1, *7—10*) он отнес к VI в.[7] Так, через много лет после ее опубликования подтвердилась гипотеза глубокого знатока раннесредневековых древностей Европы Б. Салина о том, что центром возникновения и распространения пальчатых фибул с ромбической ножкой был не Крым, а Среднее Подунавье[8]. Эта гипотеза, основанная на детальном сопоставлении орнаментики фибул, долго отвергалась другими исследователями.

В рецензируемой книге И. Вернер сузил дату фибул керченских типов до первой половины VI в. (стр. 29—32), по-видимому, считая их синхронными близким фибулам остготов Италии. Между тем, анализ крымских комплексов подтверждает ранее предлагавшуюся им датировку — всем VI в. Опорой для их хронологии служат материалы из могильника Суук-Су (вторая половина VI — первая половина VII в.). Фибула типа рис. 1, *9* найдена в Суук-Су в погр. № 155 (судя по пряжкам, конца VI — начала VII в.)[9]. Фибулы типа рис. 1, *8* найдены в Суук-Су, в погр. № 162 (судя по пряжкам, второй половины VI в.)[10] и в Керчи, в склепе № 78 раскопок 1907 г. (с парой фибул типа рис. 1, *7*, парой западных пальчатых фибул первой половины VI в., золотыми треугольными подвесками второй половины VI в. и маленькой орлиноголовой пряжкой VI в.)[11]. Фибулы типа рис. 1, *7*, кроме упомянутого склепа № 78, найдены в Керчи в 1904 г. в склепах № 152 и 180. В склепе № 180 они сопровождались пряжкой керченского типа с орлиной головой (отличаются от пряжек из Суук-Су несколько меньшими размерами и трапециевидной формой выступа) и двумя небольшими пряжками не ранее второй половины VI в. (*Т*-образной и с прорезным геральдическим щитком)[12]. Но наиболее показателен комплекс склепа № 152 с его двумя ярусами захоронений. Первоначальные погребения склепа были ограблены и разрушены в древности. От них сохранились большая орлиноголовая пряжка дунайского (гепидского?) типа VI в., украшенная специфическим западным орнаментом из двух рядов зубчиков, заполненных чернью, золотая сережка типа найденных в Суук-Су

---

[4] Л. А. Мацулевич. Серебряная чаша из Керчи. Л., 1926, стр. 43, 48; А. П. Калитинский. К вопросу о некоторых формах двупластинчатых фибул из России. Seminarium Kondakovianum, II, Prague, 1928, стр. 308; H. Kühn. Die germanischen Bügelfibeln der Völkerwanderungszeit in der Rheinprovinz. Bonn, 1940, стр. 94, 99, 100.

[5] В. К. Пудовин. Три боспорские лучевые фибулы. СА, 1962, 2, стр. 145, 146. Его попытка построить эволюционный ряд основана на чисто формальных признаках и не может быть принята.

[6] J. Werner. Münzdatierte austrasische Grabfunde. Berlin, 1935, стр. 32—33.

[7] J. Werner. Slawische Bügelfibeln des VII Jahrhunderts. Reinecke-Festschrift. Mainz, 1950, стр. 164.

[8] B. Salin. Die altgermanische Tierornamentik. Stockholm, 1904, стр. 32.

[9] Н. И. Репников. Некоторые могильники области крымских готов, ч. II, ЗООИД, XXVII, Одесса, 1907, рис. 132; В. К. Пудовин. Датировка нижнего слоя могильника Суук-Су. СА, 1961, I, стр. 184.

[10] Н. И. Репников. Ук. соч., табл. I (XIII), 1; В. К. Пудовин. Ук. соч., стр. 183.

[11] В. В. Шкорпил. Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1907 г. ИАК, 35, СПб., 1910, стр. 31—36 и рис. 20; В. К. Пудовин. Три боспорские лучевые фибулы, стр. 144 (материал в ГЭ). Аналогии: Н. И. Репников. Некоторые могильники, I, ИАК, 19, СПб., 1906, табл. V, 2—3 (подвески); G. Annibaldi, J. Werner. Ostgotische Grabfunde aus Acquasanta Prov. Ascoli Piceno (Marche). «Germania», 41, 2, Berlin, 1963, рис. 7, *1* (Италия).

[12] В. В. Шкорпил. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1904 г. ИАК, 25, СПб., 1907, стр. 39—41; В. К. Пудовин. Три боспорские лучевые фибулы, стр. 145, 146 (материал в ГЭ). Аналогии пряжкам: Н. И. Репников. Некоторые могильники..., ч. II, табл. III (XV), 5 и 10.

и бронзовые лампа и канделябр, имеющие аналогии в комплексах VI в.[13] После разграбления склеп до половины заплыл землей и на поверхность наплыва был положен покойник с двумя фибулами типа рис. 1, *7* и двумя орлиноголовыми пряжками керченского типа[14]. Можно еще упомянуть находку пряжки керченского типа, близкой пряжкам из склепа № 152 в Керчи в 1867 г., в склепе № 52 на северном склоне горы Митридат: она была вместе с серьгами, аналогичными найденным в Суук-Су[15]. Наконец, в склепе у Долгой скалы (Керчь) пряжке керченского типа сопутствовали обломки большой пряжки типа Суук-Су[16]. Таким образом, все известные комплексы с фибулами керченских типов и с керченскими орлиноголовыми пряжками принадлежат VI в., при этом часто его второй половине. Комплексы V в. содержат совершенно иной набор вещей[17]. Фибулы керченских типов (рис. 1, *7*, *8*, *9*, *10*) образуют следующий устойчивый горизонт находок вместе с двупластинчатыми фибулами варианта II в, с орлиноголовыми пряжками дунайского, керченского и южнокрымского типов, с серебряными поясными наборами и другими вещами VI — начала VII в. Поэтому следует говорить не о двух этапах развития культуры раннесредневекового Крыма: керченском и гурзуфском — как было принято считать после исследований Л. А. Мацулевича[18], а о двух одновременных, параллельно развивавшихся локальных вариантах во многом близкой культуры. В этом большое значение новой хронологии могильника Суук-Су, разработанной В. К. Пудовиным, и новой датировки пальчатых фибул, предложенной И. Вернером.

Рельефные фибулы второй половины V в. представлены в книге четырьмя маленькими фибулами с характерной для этого времени четкой гранчатой резьбой (№ 106 и 107, стр. 29; здесь рис. 1, *5—6*, *11*)[19]. Публикуются также 12 разнообразных фибул в виде цикад (варианты V в.) и пять интересных северокавказских фибул, инкрустированных стеклом.

Книга И. Вернера содержит также раздел, посвященный общим вопросам изучения фибул: их значению как исторического источника, принципам их публикации, данным о способах их ношения и их роли в костюме, наконец, о технике изготовления фибул и о мастерах, их делавших.

Книга И. Вернера представляет большой интерес для советских археологов.

А. К. Амброз

---

[13] В. В. Шкорпил. Ук. соч., стр. 39—41; Л. А. Мацулевич. Серебряная чаша.., стр. 44—47 и табл. III, 3 (попытка Л. А. Мацулевича удревнить комплекс основана на его ошибочной датировке Суук-Су V—VII вв.), материал в ГЭ. Аналогии пряжке: M. Rusu. Pontische Gürtelschnallen mit Adlerkopf. «Dacia», III, Bucureşti, 1959, рис. 2—5 (Чипэу и Фундэтура); D. Czallany. Archäologische Denkmäler der Gepiden in Mitteldonaubecken. Budapest, 1961, стр. 200, 222, 331. Аналогии сережке: Н. И. Репников. Некоторые могильники..., ч. I, табл. I, 16 (погр. № 72).

[14] Л. А. Мацулевич. Ук. соч., стр. 41—43. Материал в ГЭ.

[15] Там же, стр. 49; аналогия: Н. И. Репников. Некоторые могильники.., ч. I, табл. 1, 4, 6, 12, 15 (погр. № 5, 56, 59 и 63).

[16] Л. А. Мацулевич. Серебряная чаша..., стр. 49.

[17] Например, «Новиковский» склеп 1890 г.; 1904, склепы № 145, 154, 165 и склепы, вскрытые кладоискателями. Материал из последних трех — в ГЭ.

[18] Л. А. Мацулевич. Ук. соч., стр. 49.

[19] Подробный анализ этой группы фибул содержится в работе: J. Werner. Studien zu Grabfunden, стр. 427—431.

Н. В. Пятышева. Железная маска из Херсонеса (К вопросу о происхождении и назначении кочевнических шлемов с масками)

М., 1964, 40 стр., XX табл. и 9 рис.

Среди восточноевропейских древностей встречаются раннесредневековые нашлемные (или, лучше сказать, пришлемные) маски с изображением человеческого лица. Эти маски, или личины, выполнены с необычной для своего времени художественной и скульптурной реалистичностью и выразительностью. Археологов и специалистов по истории вооружения такие изделия привлекали не раз, и ныне они стали предметом исследования Н. В. Пятышевой.

Изучаемые автором маски найдены в трех местах южной Киевщины: Ротмистровке (в 1887 г.), Лиховцах (в 1891 г.), Ковалях (в 1897 г.) и в Херсонесе (в 1889 г.). Обстоятельства находки ротмистровской маски не установлены; остальные маски входили в состав документированных археологических комплексов. Н. В. Пятышева сообщает также о пятой личине, обнаруженной М. К. Каргером в 1958 г. при раскопках древнего Изяславля (с. Городище Хмельницкой области)[1].

---

[1] До публикации я не берусь судить об этой вещи. Замечу лишь, что, по моему мнению, она относится не к позднеантичному времени, как пишет Н. В. Пятышева, а современна культуре домонгольского Изяславля.

Н. Б. Пятышева детально воспроизводит маски (одни уже были изданы, другие публикуются ею впервые) и приводит все известные обстоятельства их находок. Впервые издается личина из Херсонеса, реставрированная в Государственном Историческом музее. Н. В. Пятышева сопроводила свою работу многими иллюстрациями, цитатами из книг и выдержками из дневников и отчетов. В целом публикационная часть работы, несмотря на некоторую растянутость, заслуживает положительной оценки.

Н. В. Пятышева не только приводит материал, но и предлагает собственную трактовку в отношении этнической принадлежности вещей, их функций и даты. Попытка автора по-новому интерпретировать известные, но мало исследованные вещи не может не привлечь внимания, тем более, что задумана она широко. Существенны замечания Н. В. Пятышевой о том, что исследуемые ею маски передают черты живого лица и что они не погребальные. Анализируя находки, автор устанавливает их стилистическое и типологическое сходство [2], их приблизительно одновременное изготовление и относительно непродолжительный период существования. На это указывают и одинаковые детали самих масок (особенно, по наблюдению Н. В. Пятышевой, бронзовые уши) [3] и сходные по конструкции их шлемы (Липовец, Ковали). Отдельные замечания автора о разновременности частей так называемого шлема Ярослава Всеволодовича [4], об античных корнях орнамента шлема из Немии будут, полагаем, приняты при изучении древнерусских боевых наголовий [5].

При всем том положительном, что сделано Н. В. Пятышевой, с ее основными наблюдениями и выводами согласиться нельзя. Изучаемые ею маски Н. В. Пятышева почему-то приписывает половцам. Однако одна личина найдена в «скобяной лавке» херсонесца, а две другие происходят из погребений черноклобуцкой знати, жившей в киевском Поросье. Половцы, как известно, не входили в черноклобуцкий союз и были ему враждебны. Исследование С. А. Плетневой выяснило, что половцы, если и проникали в Поросье, то селились в очень немногих местах и не в тех, где найдены наши маски [6]. Сейчас мы можем более или менее уверенно сказать, что нашлемные маски носили именно среднеднепровские черные клобуки. Использовались ли эти изделия половцами, мы пока не знаем.

На основании анализа херсонесского комплекса и вещей киевских курганов [7] Н. В. Пятышева отнесла все маски к концу XIII — началу XIV в. Основанием для такой датировки послужили серебряные монетные гривны, найденные вместе с херсонесской маской и названные автором «новгородско-литовскими». Н. В. Пятышева датирует эти гривны рубежом XIII и XIV вв. [8] Между тем специалисты относят такого рода гривны к типу старейших новгородских слитков, особенно распространенных в XII — 1-й половине XIII в.[9] Автор рецензируемой работы не раскрывает причин,

---

[2] В этой серии особняком стоит маска из Ротмистровки. В сравнении с другими она сделана с меньшим портретным искусством, отличается «монголовидностью» и другими особенностями (дыхательные отверстия расположены не в носу, а во рту; близкое к позднесредневековому шарнирное прикрепление к шлему; золочение поверхности; по-видимому, изначальное отсутствие колец и бронзовых ушей — вместо них дырочки по краям). В дальнейшем я не буду связывать ротмистровскую маску с остальными, упомянутыми в настоящей рецензии. Не относится ли эта личина к позднему средневековью?

[3] Автор, однако, слишком категорично, на наш взгляд, утверждает, что уши масок из Липовец, Ковалей и Херсонеса отлиты в одной форме. Ухо липовецкой маски выделяется среди прочих своей овальной формой. Речь поэтому может идти об отливках, хотя и близких по времени и месту изготовления, но не сделанных в одной форме.

[4] Ср. Б. А. Рыбаков. Русская эпиграфика X—XIV вв. В сб.: «История, фольклор, искусство славянских народов». М., 1963, стр. 45—47.

[5] Теперь я не стал бы с той убежденностью, как раньше, доказывать возможное славяно-русское происхождение шлема XI в. из Немии.

[6] С. А. Плетнева. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. МИА, 62, 1958, стр. 182.

[7] С моей точки зрения, напрасно Н. В. Пятышева включила в свой обзор погребение из Таганчи. Шлем этого погребения с наносником и окологлазными вырезами существенно отличается и от скульптурных масок, и от их шлемов. Если же автор коснулась шлема из Таганчи, она должна была отметить, что подобных наголовий в настоящее время известно несколько (А. Н. Кирпичников. Русские шлемы X—XIII вв. СА, 1958, 4, рис. 6 на стр. 60, его же. Погребение воина XII—XIII вв. из южной Киевщины. ИМАИМ, IV, Л., 1959, стр. 219 сл.). Заявление Н. В. Пятышевой о том, что во всех работах, касающихся кургана из Таганчи, игнорируются особенности погребального обряда и инвентаря, не соответствует действительности.

[8] По вопросу о времени херсонесских гривен Н. В. Пятышева ссылается на свою неопубликованную работу.

[9] А. А. Ильин. Топография кладов серебряных и золотых слитков. СПб., 1921, стр. 47, № 203; N. P. Bauer. Die Silber- und Goldbarren des russischen Mittelalters. Numismatische Zeitschrit, Bd. 62 и 64. Wien, 1929, 1931, стр. 63 и 74, № 111; М. П. Сотникова. Эпиграфика серебряных платежных слитков Великого Новгорода XII—XV вв. Тр. ГЭ, IV, Л., 1961, стр. 44; А. Ф. Медведев. О новгородских гривнах сереб-

которые побудили ее изменить принятую в науке дату. Если по вопросу о времени херсонесского комплекса еще можно спорить [10], ссылаясь, например, на длительное бытование новгородских гривен в Восточной Европе (правда, ведь и маска из херсонесского дома, сгоревшего, если верить автору, после 1350 г., могла быть более раннего происхождения), то в отношении даты поросских погребений (Липовец и Ковали) Н. В. Пятышева ошибается. Ныне все отчетливее выясняется, что многие богатые поросские погребения, в том числе липовецкое и ковалевское, совершены незадолго до монгольского нашествия, а не около 1300—1350 гг., как утверждает автор. Монгольские захватчики обратили Среднее Поднепровье в зону пустыни; по сообщению Рашид эд Дина, они напали в 1240 г. и на «черных шапок». Проезжавший через Поросье шесть лет спустя францисканец Плано Карпини по-видимому уже не встретил здесь коренных обитателей [11]. Эти факты археологически согласуются с разрушением монголами среднеднепровских городов и прекращением здесь черноклобуцких погребений. Отсюда следует, что киевские маски по времени связаны с домонгольским периодом, вероятнее всего относятся к 1200—1240 гг.

Н. В. Пятышева возводит маски с изображением человеческого лица к античным образцам, которые и подробно описывает. Возможно, что это и верно, но автор не ограничивается этим и пытается найти прямую преемственность между изделиями XIII в. и их прототипами римского времени. При этом Н. В. Пятышева прибегает к мало правдоподобным и порой невероятным допущениям и натяжкам. Так, под пером автора возникает история о масках римского времени, оказавшихся затем в феодальных сокровищницах и, наконец, заимствованных кочевнической знатью. Доказательством Н. В. Пятышевой служат не столько формально типологические признаки, сколько весьма надуманные и далекие сопоставления и аналогии. Тут и религиозно-магическое значение античных шлемов, придаваемое им в средние века (стр. 22); тут и венгры — хранители римских масок (стр. 29 и 31); и половец-аристократ, заимствовавший античную реликвию и откочевавший из Венгрии в Поднепровье (стр. 31); и кочевническая страсть к шаманским обрядам (стр. 30); наконец, и мода (стр. 20 и 23). Все эти домыслы, может быть, и допустимы в художественном сочинении, но никак не в научном. Суть, однако, заключается в том, что средневековые пришлемные маски были вызваны не мистикой, не любовью к античным образцам, не длительным сохранением случайно уцелевших реликвий, не модой, а военной необходимостью. Появление этих масок связано с усилением доспеха и увеличением защиты тяжеловооруженного воина как русского, так и кочевнического.

Привлекая примеры древности и этнографии, Н. В. Пятышева считает интересующие нас маски церемониальными, религиозно-культовыми. История действительно знает примеры использования масок в общественно-гражданской жизни. Однако разбираемые личины были, с нашей точки зрения, в первую очередь боевыми; они служили художественно оформленными забралами шлемов. Апотропеическое значение масок я не отрицаю и думаю, что в целях опознания командира в бою и устрашения противника они были портретны и притом, возможно, раскрашивались. Были ли эти личины лицевыми слепками своих владельцев, утверждать не берусь. В двух случаях наши маски найдены среди боевого оружия и являлись частью военного снаряжения погребенных вождей-всадников. Шлемы, к которым прикреплялись маски, были боевыми и без своих наличников не употреблялись. Личины, как и их шлемы, были равной толщины (3—5 *мм*) и, следовательно, имели прочность, намного превосходящую ту, которая требуется для религиозных, театральных, погребальных и прочих невоенных масок (последние, к тому же, как верно отмечает Н. В. Пятышева, часто изготовлялись из мягкого материала). По обилию выделанных обтекаемых плоскостей маски конструктивно соответствовали своим шлемам. Шлемы эти (Ковали, Липовец) состоят из кругового основания и пирамидального верха с четырьмя желобчатыми углублениями для усиления сопротивляемости при ударе. Маски должны были плотно (посредством мягкой подкладки) прилегать к лицу (не отсюда ли их индивидуальные черты?). Они рассчитаны были на единообразную систему дыхания через нос, но не рот [12], смотрение через удлиненные прорези с защитными бортиками и стандартное прикрепление к шлему, бармице и одежде посредством

ра. СА, 1963, 2, стр. 113 и 120. Консультацией о гривнах, найденных в Херсонесе, я обязан М. П. Сотниковой.

[10] В существующей литературе не раз утверждалось, что верхний слой Херсонесского городища, по крайней мере в северном прибрежном районе, относится в основном к XII—XIII вв. См. А. Л. Якобсон. К изучению позднесредневекового Херсонеса. «Херсонесский сборник», V, Симферополь, 1959, стр. 232—233.

[11] Д. Расовский. Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии. Seminarium Kondakovianum, VI, Прага, 1933, стр. 53; С. А. Плетнева. Ук. соч., стр. 172. Ссылка Н. В. Пятышевой на документ о княжеском землепользовании в Поросье во 2-й половине XIV в. отнюдь не подтверждает ее безосновательного утверждения о том, что «пришедшие после нашествия татар на русскую территорию половцы были поселены в Поросье» (стр. 32).

[12] Не обнаруженные при внешнем осмотре носовые отверстия маски из Ковалей, возможно, были затянуты коррозийными наростами. Насколько мне известно, эта маска не расчищалась и ныне в коллекции Киевского исторического музея не сохранилась.

колец и бронзовых ушей. В целом шлемы с масками служили довольно надежным головным прикрытием, которое только и могло родиться в эпоху интенсивного развития предохранительного вооружения.

Упомянутые шлемы изготовлялись, несомненно, высококвалифицированными оружейниками, работавшими, возможно, в одном из восточных городов [13], во всяком случае не в Западной Европе, где облик их иной [14]. На юго-восточные пути этого нововведения XIII в. наталкивают херсонесская находка и некоторые северопричерноморские изображения шлемов, каннелированных в своей верхней части [15] (правда, сам наличник здесь неизвестен). Отысканию центров производства шлемов с портретно-человеческими масками, возможно, помогут три передневосточные (?) личины, ориентировочно XV в.[16], хранящиеся в Оружейной палате [17] и весьма похожие на рассматриваемые нами. Функциональное и стилистическое сходство этих разновременных памятников заслуживает специального рассмотрения [18]. Если такое сходство будет подтверждено, бытование особых шлемов с масками в Восточной Европе и переднем Средиземноморье совсем не будет казаться кратковременным и случайным.

Русским эквивалентом черноклобуцких личин были полумаски, которые стали монтировать на отечественных шлемах примерно после 1150 г. Полумаски известны на средневековых боевых наголовьях с VII в. [19], но русские образцы настолько своеобразны, что, по-видимому, явились собственным изобретением. Полумаски защищали лицо воина; они наглухо скреплялись со шлемами и сцеплялись с бармицей. Следуя своей концепции, Н. В. Пятышева пишет, что они лишены «смысла практически защитного вооружения» и «предназначались, по-видимому, для парадных выходов» (стр. 12). По этой мысли три воспроизводимых автором на табл. XI русских шлема с полумасками следует причислить к парадным. Но ведь достаточно известно, что по крайней мере один из них брошен князем во время бегства с поля Липецкой битвы 1177 или 1216 гг. [20]

В заключение несколько мелких замечаний. Местами Н. В. Пятышева обнаруживает явно недостаточное знание предмета: так, она описывает в кочевнических погребениях XIII в. в действительности в них отсутствующие двух-, трех- и четырехлопастные стрелы (стр. 15); сообщает далее, что сабли с перекрестьем у рукояти «являлись формой, господствовавшей у кочевников этого времени» (стр. 15), но без перекрестья раннесредневековые сабли не изготовлялись; предполагает почему-то, что ножи в курганах кипчаков были оберегами.

Автор рецензируемой книги очень придирчиво относится к своим научным предшественникам, не прощая им и описки. Между тем в своей работе Н. В. Пятышева допустила много ошибок и опечаток. Искажены: имена, наименования географических пунктов, годы изданий, датировка вещей (например, ковер из Байо отнесен автором к VIII в., а его дата — XI в.), сноски на рисунки и некоторые иностранные работы.

Признавая важность некоторых наблюдений Н. В. Пятышевой и несомненную пользу публикаций памятников, приходится критически оценить основную часть ее работы. Мы оспариваем главные заключения исследователя об этнической принадлежности, дате, происхождении и назначении рассматриваемых им вещей: они не половецкие, а черноклобуцкие, относятся не к рубежу XIII и XIV вв., а к 1200—1240 гг., с масками римского времени непосредственно не связаны, функционально не культовые и не церемониальные, а боевые. Рецензируемая книга показывает, что древности так называемых поздних кочевников заслуживают большего внимания, чем им уделялось до сих пор.

А. Н. Кирпичников

---

[13] Я не склонен считать рассматриваемые личины произведениями именно кипчакских оружейников. Кочевники предпочитали более легкие и открытые формы сфероконических наголовий, которые использовались ими на протяжении всего средневековья. Не связывая прямо человекоподобные пришлемные маски с северопричерноморской кочевой степью, я отношу их к числу вещей широко азиатского круга культур. Ср. E. Lenz. In Russland gefundene frühmittelalterliche Helme. Berlin, 1924, стр. 19.

[14] A. Demmin. Die Kriegswaffen. Leipzig, 1891, стр. 381, рис. 3; стр. 507, рис. 34; стр. 543, рис. 160. Приводятся примеры XIII—XVI вв., связанные с боевым доспехом.

[15] П. Н. Шульц. Каменные изваяния воинов из курганной группы «Чокрак». ИМАИМ, 1, Л., 1940, стр. 225, рис. 6.

[16] Эти личины ошибочно связывали с немецким, литовским, позднее с монгольским «кирасным нарядом». Компетентную дату их предложил Э. Э. Ленц.

[17] «Древности российского государства». III, СПб., 1853, № 21 и 58; «Опись Московской Оружейной палаты», ч. 3, кн. 2, М., 1884, стр. 17—18, № 4404—4406.

[18] Личины Оружейной палаты по ряду технических деталей кажутся более совершенными по сравнению с их киевскими предшественниками. Они скомплектованы со шлемами с арабскими надписями.

[19] G. Arwidsson. Valsgärde 8. Uppsala, 1954, рис. 428 сл.

[20] Б. А. Рыбаков. Русские датированные надписи XI—XIV вв. М., 1964, стр. 34—35. Можно напомнить, что личины, правда, конские, упомянуты Ипатьевской летописью под 1252 г. в составе воинского снаряжения русской рати.

* * *

Работа посвящена вопросам, связанным с происхождением и назначением позднекочевнических шлемов с масками. Не принимая основной мысли автора о пришлемных масках как «атрибутах религиозной культовой пантомимы» (стр. 34), основное внимание я уделю тому месту исследования Н. В. Пятышевой, где сделана попытка наметить прямую связь этих шлемов со шлемами, найденными в курганах Северного Причерноморья скифского времени. Эти вопросы не случайны в работе. Об этом говорит значительное количество литературы по проблемам, связанным с вооружением античного времени, приведенное в работе, и то, что вопрос о происхождении шлемов с масками вынесен в ее подзаголовок.

Небольшая по объему работа содержит много ошибок, неточностей, натяжек. Ограничусь лишь указанием наиболее существенных. Для подтверждения своей точки зрения автор в качестве аналогий иногда совершенно необоснованно привлекает материалы, очень далекие в хронологическом и территориальном отношении. Как «древнейший прототип» коринфских шлемов Н. В. Пятышева приводит шлем Мес-калам-дуга из Ура [1]. Автор пытается наметить связь шлемов поздних кочевников с переднеазиатскими шлемами начала I тысячелетия до н. э. (стр. 23). Эти шлемы, имевшие, согласно Б. З. Рабиновичу, ровно обрезанные края одинаковой высоты в передней и задней частях [2], получив «модные нововведения» (к их числу Н. В. Пятышева относит «...некоторые элементы форм античных шлемов — полукруглые глазные выемки, наносники, прямоугольные вырезы» — стр. 23), превратились в шлемы поздних кочевников.

Передневосточные шлемы начала I тысячелетия до н. э. не имеют ничего общего с античными шлемами. Для того чтобы обосновать свою мысль о связи античных шлемов с позднекочевническими, автор прибегает к фантастическим построениям. Перед тем как «пришлые кочевники» познакомились с античными шлемами, последние длительное время (более тысячелетия.— *Е. Ч.*) находились «...на руках у какой-то части местного населения, может быть как реликвии или талисманы, наделенные религиозно-магическим значением» (стр. 22). В качестве примера Н. В. Пятышева приводит шлем из раскопанного в 1886 г. И. А. Хойновским [3] Воронцовского кургана у ст. Крымской на Кубани [4]. По мнению Н. В. Пятышевой, этот шлем был обнаружен в сарматском погребении III в. н. э. (стр. 22). Это не так. Еще Б. З. Рабинович отметил, что из описания И. А. Хойновского, правда, довольно нечеткого, следует, что в кургане было обнаружено два погребения. Шлем находился на черепе костяка мужчины-воина, погребенного в полном вооружении, с мечом, наконечниками копья и дротика [5]. Это погребение датируется VI в. до н. э.[6]. Кроме этого погребения, в кургане находилось и впускное сарматское погребение. С ним-то Н. В. Пятышева и связывает шлем.

Вызывает недоумение замечание Н. В. Пятышевой о том, что «...прототипом наносников на шлемах типа Таганчи оказались некоторые детали античных шлемов фракийского и аттических типов» (стр. 34). Оно неверно ни в отношении фракийских, ни аттических шлемов. Шлем из Таганчи роднит с аттическими только наличие наносника. Но этот наносник имеет совсем иную форму и пропорции. Наличие вырезов для глаз на шлеме из Таганчи объясняется совсем не тем, что прототипом его был аттический шлем, а вполне естественным стремлением защитить лоб, над-

---

[1] При этом автор допускает ошибку, датируя этот шлем XIII в. до н. э. В действительности шлем относится к III тысячелетию до н. э.

[2] Б. З. Рабинович. Шлемы скифского периода. ТОИПКЭ, I, Л., 1940, стр. 127, рис. 9.

[3] И. А. Хойновский. Археологические сведения о предках славян и Руси. К., 1896, стр. 60, табл. III.

[4] Отмечу, что этот шлем не античный. Это убедительно доказал Б. З. Рабинович. (Б. З. Рабинович. Ук. соч., стр. 119—128). Шлем — великолепный образец группы шлемов, названных Б. З. Рабиновичем кубанскими.

[5] Б. З. Рабинович. Ук. соч., стр. 111—112; И. А. Хойновский. Ук. соч., стр. 60—61.

[6] Н. В. Пятышева ошибочно датирует шлем VI—V вв. до н. э. (стр. 22). Тем же временем датирует шлем подобного типа из Самарканда Е. Е. Кузьмина (Е. Е. Кузьмина. Бронзовый шлем из Самарканда. СА, 1958, 4, стр. 124). И. И. Копылов, опубликовавший шлем из Семиречья, датирует его VI—IV вв. до н. э. (И. И. Копылов. Находка скифского шлема в Семиречье. Уч. зап. Алма-Атинского ГПИ, XIV (2), 1957, сер. общест.-полит., стр. 300—302). С такой поздней датировкой шлемов согласиться нельзя. Шлемы, опубликованные Е. Е. Кузьминой и И. И. Копыловым, происходят из случайных находок. Случайными находками является и большинство известных мне шлемов этого типа. Однако твердая датировка всех шлемов этого типа должна быть основана на датировке трех шлемов, обнаруженных в Келермесских курганах (Б. З. Рабинович. Ук. соч., стр. 106—110). Для пересмотра предложенной Б. З. Рабиновичем датировки шлемов этого типа VI в. до н. э. нет никаких оснований.

бровные дуги и виски. Говоря о близости фракийских и позднекочевнических шлемов, Н. В. Пятышева приводит в качестве примера шлем из Нимфея (стр. 22, рис. 8). Но шлем из Таганчи, вопреки замечанию Н. В. Пятышевой (стр. 23), не имеет налобного выреза, который, по ее мнению, обычен для «фракийских шлемов». Первоначально шлем из Нимфея тоже не имел налобного выреза и являлся типичным образцом «фракийского», по Шредеру [7] и Б. З. Рабиновичу [8] или «инсулярно-иллирийского», по Кукану [9] и А. Можолич [10], шлема.

Вырез в лобной части нимфейского шлема образовался в результате переделки шлема, у которого была удалена нижняя развитая часть (назатыльник и нащечники). Такой же переделке подверглись некоторые античные шлемы, обнаруженные на территории Северного Причерноморья. Впервые на это обратила внимание А. П. Манцевич, приведя в качестве примеров шлемы из курганов Солоха и Талаевского [11].

Н. В. Пятышева объединяет в одну группу шлемы, названные ею раннеаттическими и коринфскими [12]. Достаточным основанием для этого автор считает то, что их передняя часть напоминает маску, но «...это еще не маска в полном смысле, а лишь антропоморфное забрало. В период поздней классики и эллинизма маска аттического шлема становится лишь декоративной деталью, которой был придан апотропеический смысл» (стр. 24). В обоснование этой гипотезы автор использует изображения воинов в вазовой живописи, помещенные в работе Ф. Липперхейда об античных шлемах [13]. Ф. Липперхейд приводит изображение воинов в коринфских, а не в аттических шлемах. На одном воине одет коринфский шлем в обычном положении, а на другом оставлено открытым лицо (в таком же положении одет коринфский шлем на всаднике Солохского гребня и воине ножен Чертомлыцкого меча). Лицевая часть коринфских шлемов — не забрало, как это пишет Н. В. Пятышева.

Шлем из с. Пастырское [14], который автор называет раннеаттическим и противопоставляет его шлемам поздней классики и эллинизма (стр. 24 [15]), не был раннеаттическим. Это великолепный образец аттических шлемов в их наиболее развитой форме. Детали лицевой части этого шлема не являются ни «антропоморфным забралом», ни тем более «декоративной деталью, которой был придан апотропеический смысл» (стр. 24). И наносник и нащечники этого шлема прежде всего выполняли защитные функции.

Не убедительной представляется попытка объяснить довольно широкое распространение шлемов с масками римского времени использованием их как «аксессуара участников парадных военных или театрализованно-культовых пантомим» (стр. 29). Трудно поверить в то, что шлемы римских легионеров, имевшие, несомненно, защитное значение [16], изготовлялись с таким расчетом, чтобы их можно было использовать в подобных пантомимах. Для этого в лицевой части шлемов находилось специальное отверстие, куда вставлялась антропоморфная маска. Для подтверждения своего мнения только о ритуальном назначении шлемов с антропоморфными масками Н. В. Пятышева приводит железную маску из аула Кубачи в Дагестане (табл. XX). Однако, если бы эта маска была рассчитана лишь на использование в культовых пантомимах, вовсе не обязательно было бы присутствие на ней кольчужного плетения на боках, затылке, вырезах для глаз и рта. Не укрепляет позиции автора и указание на сходство реквизита Кубачинских пантомим с погребальным инвентарем курганов, где были найдены маски и шлемы с наносниками (Липовцы, Ковали, Таганча), кольчуги, сабли, боевые топорики, секиры, лук, и другие предметы (стр. 33—34). Все эти вещи более уместны в бою (для боя они и изготовлялись), чем в религиозных пантомимах. Однако я ни в коей мере не отри-

---

[7] B. Schröder. Thrakische Helme. Jahrbuch Archäologischen Instituts, XXVII, Berlin, 1912, стр. 339.

[8] Б. З. Рабинович. Ук. соч., стр. 149.

[9] E. Kykahn. Der Griechische Helm. Marburg, 1936, стр. 53—55.

[10] A. Mozsolics. Neuere Hallstatzeitliche Helmfunde aus Ungarn. AAH, Budapest, 1955, стр. 49.

[11] А. И. Манцевич. Ритон Талаевского кургана. ИАДК, Киев, 1957, стр. 156.

[12] Примером коринфских шлемов является шлем из кургана у с. Ромейковка (у Н. В. Пятышевой ошибочно — Ромейково, стр. 21). В надписи под рисунком Н. В. Пятышева верно называет его коринфским, а в тексте — италийским (стр. 24).

[13] F. Lippercheide. Antike Helm. München, 1896, стр. 532—533.

[14] Н. В. Пятышева отмечает факт находки двух шлемов аттического типа в Днепровском лесостепном Правобережье — в урочище Галущино и у с. Пастырское (стр. 21). В действительности это один шлем из кургана № 4, раскопанного В. В. Хвойкой в урочище Галущино у с. Пастырское.

[15] Несколькими страницами ранее сама Н. В. Пятышева датирует его серединой IV в. до н. э.

[16] Подобные шлемы видны на надгробиях легионеров, изданных Л. Линденшмидтом (L. Lindenschmidt. Die Alterthümer unserer heiduischen Vorzet, Mainz, 1864, I, H. XI, табл. 6; III, H. VI, табл. 5.). Некоторые из них воспроизведены Н. В. Пятышевой.

цаю возможности использования предметов вооружения в каких-то культовых действиях.

Работа изобилует многими тяжеловесными построениями, затрудняющими ее чтение. Приведу лишь один пример. Говоря о различии материала, из которого приготовлена золотая погребальная маска из Гребениште и маски римского времени, Н. В. Пятышева пишет, что оно связано с различным назначением масок: «золотая погребальная маска микенского типа символизирует вечность в царстве мертвых, железная и бронзовая маски, принадлежавшие живым легионерам,— стремление подчеркнуть римское превосходство над окружающей средой местного населения и в то же время передать характер римского реализма в искусстве» (стр. 27). Вопрос о происхождении позднекочевнических шлемов с масками не решен. И решать его так, как это сделала Н. В. Пятышева, нельзя.

Е. В. Черненко

Археология и этнография Башкирии
II. Уфа, 1964, 284 стр. с илл.

В 1964 г. Уфимский институт истории, языка и литературы АН СССР выпустил второй том серии «Археология и этнография Башкирии». Внешний вид книги, ее содержание, хорошие рисунки и фотографии находок привлекают внимание читателей. Во втором томе опубликованы результаты последних археологических исследований на территории Башкирии и прилегающих областей, рассматриваются некоторые спорные вопросы археологии Башкирии, связанные с проблемой происхождения башкир. Статьи охватывают время от палеолита до начала II тысячелетия н. э. Но автор этой рецензии анализирует только статьи, относящиеся к периоду железного века.

Наибольший интерес представляет работа В. Ф. Генинга «К вопросу об этническом составе населения Башкирии в I тысячелетии нашей эры» (стр. 111—129). Опираясь на данные средневековых письменных источников, автор приходит к выводу о наличии в Башкирии в конце I — начале II тысячелетий племен угорского и тюркского происхождения и делает попытку проследить в археологических материалах края угорские и тюркские элементы культуры. В керамических комплексах памятников III—VIII вв. В. Ф. Геннинг выделяет пять типов посуды (прикамский, бахмутинский, кушнаренковский, чермасанский и плоскодонный). Такое выделение типов керамики вполне правомерно. Но, к сожалению, В. Ф. Геннингом не выдержан до конца единый принцип наименования выделенных им типов. Так, последний тип назван просто плоскодонным. Такая керамика К. В. Сальниковым была выделена в особый тип и названа романовской по наиболее исследованным пунктам ее находок у с. Романовка под Уфой[1]. Это наименование употребляется и другими исследователями Башкирии[2]. В дальнейшем для устранения путаницы следует применять именно это ее название.

Вызывает возражения отнесение к кушнаренковскому типу сосудов, происходящих из курганных могильников типа Ново-Турбаслинского, которое следует рассматривать в качестве самостоятельного так называемого турбаслинского типа[3]. Из-за наличия у них общих с кушнаренковскими сосудами черт (круглодонность, состав теста) не следует забывать, что они отличаются бóльшими размерами, бóльшей толщиной стенок и отсутствием орнамента. Кроме того, турбаслинская керамика происходит исключительно из курганных могильников; на поселениях же, кроме Ново-Турбаслинского[4], она не известна, а кушнаренковская представлена в Ново-Турбаслинском могильнике лишь одним сосудом[5]. Здесь важно отметить и то обстоятельство, что количество обломков турбаслинской керамики на Ново-Турбаслинском поселении не превышает восьми. Они могли попасть туда случайно. Несомненно, здесь два разных типа керамики, связанных с различными группами населения Башкирии. Объединение их в один тип объясняется тем, что В. Ф. Генинг решительно выступает против мнения некоторых исследователей о сармато-аланской принадлежности населения, оставившего памятники типа Ново-Турбаслинских курганов. Все памятники, дающие круглодонную керамику, он связывает с уграми.

---

[1] К. В. Сальников. Научный отчет археологической экспедиции ИИЯЛ БФАН СССР за 1961 г. Рукописный фонд ИИХЛ БФАН СССР.

[2] Н. А. Мажитов. Бахмутинская культура. Автореф. канд. дис. М., 1963, стр. 12.

[3] Там же.

[4] Н. А. Мажитов. Поселение Ново-Турбаслинское-II. В сб.: «Археология и энтография Башкирии». I, Уфа, 1962.

[5] Н. А. Мажитов. Курганный могильник в деревне Ново-Турбаслы. «Башкирский археологический сборник», Уфа, 1959, рис. 3.

С этим согласиться трудно. В действительности в угорских памятниках Зауралья и Западной Сибири находят аналогии лишь сосуды кушнаренковского, бахмутинского и чермасанского типов. А турбаслинской керамике невозможно найти там даже самые отдаленные аналогии. Носителями этой керамики Н. А. Мажитов считает сармато-аланов [6].

Среди погребальных сооружений Башкирии В. Ф. Генинг выделяет простые ямы прямоугольной формы; прямоугольные ямы с низкими заплечиками у дна; прямоугольные ямы с низкими заплечиками у дна и нишами в изголовье; прямоугольные ямы с одной-двумя ступеньками в изголовье: небольшие прямоугольные квадратные ямы, обычно со ступеньчатым дном с остатками трупосожжения. Рассмотрев типы керамики и погребальный обряд населения Башкирии III—VIII вв., В. Ф. Генинг выделяет 7 районов расселения отдельных этнических групп: 1) среднекамский бассейн р. Тулвы и других мелких левых притоков среднего течения Камы; 2) Мазунинский — территория по реке Каме от г. Воткинская до устья р. Иж, междуречье Ика и Камы и низовья реки Белой; 3) Бахмутинский — Бельско-Уфимское междуречье; 4) Тураевский — на р. Каме от устья р. Иж до устья реки Вятки; 5) Именьковский — Нижнее Прикамье; 6) Кушнаренковский — левобережье среднего течения р. Белой; 7) Салиховский — среднее течение р. Белой.

Выделенные В. Ф. Генингом так называемые этнические районы не точно отражают расселение отдельных этнически разнородных групп населения Башкирии. Они выделены по не совсем удачному принципу сочетаний в них «тех простейших признаков погребального обряда и керамики, которые были перечислены выше и в целом характерны для всей рассматриваемой области» (стр. 121). Его применение не дает возможности выявить отдельные племенные группы и воссоздать действительную картину их расселения. Так, если взять кушнаренковский район, то его никак нельзя связывать с какой-нибудь определенной племенной группой, так как в этом районе встречаются совершенно разнородные в этническом отношении памятники. Здесь есть поселения, культурные слои которых содержат только керамику кушнаренковского и чермасанского типов (Старо-Калмашское городище, поселение «Чатра»); курганные могильники, в погребениях которых доминирует керамика турбаслинского типа (Ново-Турбаслинский, Уфимские могильники). На селище и в грунтовом могильнике в селе Кушнаренково, на Романовских поселениях под Уфой встречается за редким исключением только грубая плоскодонная керамика романовского типа. Из этих памятников первые могут быть связаны с уграми зауральского происхождения, вторые — предположительно с сармато-аланами, а третьи оставлены населением, этническая принадлежность которого пока не поддается определению. Как видно, никакого отдельного этнического района, за которым стояла бы одна определенная родственная племенная группа, в центре Башкирии в середине I тысячелетия н. э. не существовало. Салиховский этнический район также выделен на основании материалов разновременных и разнокультурных памятников: сарматских курганов II—IV вв. у с. Салихово и Стерлитамакского могильника VIII—IX вв. Поэтому В. Ф. Генинг в своей статье и не дает ответа на вопрос, с какими же конкретными племенными объединениями следует связывать кушнаренковский и салиховский этнические районы. Последние выделены искусственно.

Следует отметить и неправомерность выделения мазунинского района. Памятники его оставлены племенами, по своему происхождению родственными с племенами соседнего бахмутинского района [7]. Общностью происхождения этих групп населения обусловлена общность их материальной культуры и погребального обряда. Для них характерны: захоронения в небольших простых могильных ямах, на спине, с вытянутыми ногами; жертвенные комплексы, расположенные рядом с костяками; височные подвески в виде вопросительного знака с напускной бусиной; поясные ремни с металлическими накладками; круглодонные сосуды с ямочным орнаментом и др. Поскольку группы населения, оставившие мазунинские памятники на Каме и бахмутинские в Северной Башкирии, имеют общее происхождение и одинаковую материальную культуру, нет необходимости в выделении на Каме и особого района. Будет правильнее, если мы в междуречье Уфы — Белой и по Каме выделим один обширный район расселения многочисленных родственных племен бахмутинской культуры.

При выделении районов расселения отдельных племенных объединений необходимо иметь в виду прежде всего, какие типы керамики и погребального обряда преобладают в том или ином районе.

При таком подходе к решению вопроса картина расселения племен в Башкирии в середине I тысячелетия представляется в следующем виде. Территорию в междуречье Уфы — Белой и на Каме напротив устья Белой занимали бахмутинские племена. Другой обширный район расселения родственных племен можно выделить в предварительном порядке в междуречье Белой, Камы, Ика и Демы. Здесь встречаются поселения, дающие только керамику кушнаренковского и чермасанского типов (Кушнаренковское городище на Белой, Старо-Калмашевское городище на Чермасане — левом притоке Белой, Таптыковское, Кара-Якубовское городище

---

[6] Н. А. Мажитов. Поселение Ново-Турбаслинское..., стр. 142.

[7] Н. А. Мажитов. Бахмутинская культура..., стр. 6.

и верхний слой Давлекановского поселения на Дёме. Из могильников пока известен только Куштеряковский в Бакалинском районе на Ике. Возможно, этот район в будущем будет расширен за счет среднего течения р. Белой вверх от Уфы, откуда происходят немногочисленные сборы керамики кушнаренковского типа[8]. В окрестностях села Кушнаренково и г. Уфы жили племена — носители плоскодонной керамики романовского типа. Ими оставлены Кушнаренковский грунтовой могильник и селище рядом с ним, Романовские поселения, Ново-Турбаслинское поселение-II, городище Уфа-II. Окрестности же г. Уфы и, видимо, районы южнее ее занимали племена турбаслинской культуры (Ново-Турбаслинский курганный могильник, курганы в Орджоникидзевском парке г. Уфы и др.). Сейчас в восточных районах Башкирии, в бассейнах Сима, Инзера и Зилима — правых притоков р. Белой — выделяется район распространения памятников, которые по характеру керамики значительно отличаются от других одновременных памятников Башкирии. Для них характерны сосуды из глины с примесью песка и дресвы, имеющие прямую или отогнутую шейку, округлое тулово и уплощенное дно. Переход шейки в тулово обозначен уступчиком, ниже которого нанесен орнамент в виде ряда треугольных вдавлений. Тщательно обработанная поверхность сосудов имеет темно-серый цвет. Эти сосуды могут быть выделены в особый тип, названный имендяшевским по хорошо исследованному городищу у др. Имендящево Стерлитамакского района. Видимо, в восточных районах Башкирии в середине I тысячелетия обитала какая-то племенная группа, по этнической принадлежности и материальной культуре отличная от других групп населения Башкирии. Так представляется нам сейчас картина расселения племен в Башкирии в середине I тысячелетия. Она не похожа на ту, которая дана В. Ф. Генингом.

В. Ф. Генинг попытался выявить в материальной культуре населения Башкирии III—VIII вв. тюркские и угорские элементы. По его мнению, сосуды бахмутинского, кушнаренковского и чермасанского типов были характерны для угорских, а романовского типа — для тюркских племен зауральского и западносибирского происхождения. В пользу этого предположения автор статьи почти не приводит доказательств, отсылая читателя к своим работам[9]. Знакомство с этими работами показывает, что в них приводятся убедительные аналогии в памятниках Зауралья и Западной Сибири лишь сосудам бахмутинского, кушнаренковского и чермасанского типов. Подобные черепки найдены в Переименском могильнике у г. Тюмени[10], на городище «Чудаки» Челябинской области[11] и др. Что же касается мнения о тюркской принадлежности племен-носителей плоскодонной керамики, то оно ничем не доказывается. В Западной Сибири и Зауралье мы не находим следов обитания до и после III в. н. э. населения, у которого были бы распространены сосуды, близкие романовским. Правда, В. Ф. Генинг указывает в восточных районах несколько пунктов находок плоскодонной керамики: жертвенное место Сузгун-II эпохи бронзы[12], нижний горизонт городища Большой Лог у г. Омска[13], фоминский могильник на Верхней Оби[14], курган «37 воинов» в Центральном Казахстане[15]. Но если сравнить сосуды из кургана «37 воинов» и городища Большой Лог с романовскими, то обнаруживается, что они ничего общего, кроме плоских днищ, не имеют. Что же касается находок плоскодонных сосудов на жертвенном месте Сузгун-II и в фоминском могильнике верхнеобской культуры, то они единичны и не распространены в подобных памятниках Сибири; поэтому естественно рассматривать их как явления случайные. При решении вопроса о происхождении романовской керамики следует иметь в виду наличие между сибирскими и романовскими памятниками хронологического разрыва в 500—1500 лет. Если бы даже было доказано наличие преемственности между сибирскими и романовскими памятниками в Башкирии, то и это не могло бы служить основанием для утверждения о принадлежности последних древним тюркам, так как неизвестна этническая принадлежность первых.

В рецензируемой статье утверждается, что угорские и предполагаемые тюркские племена переселились в Башкирию из Зауралья и Западной Сибири в III в.

---

[8] В. Д. Викторова. Материалы к археологической карте памятников эпохи железа в Южной Башкирии. ВАУ, 4, Свердловск, 1962, стр. 66, рис. 1—4.

[9] В. Ф. Генинг. К вопросу о продвижении сибирского населения в Западное Приуралье в I тыс. н. э. ВИСИДВ, Новосибирск, 1961; его же. Проблемы изучения железного века Урала. ВАУ, I, Свердловск, 1961.

[10] В. Н. Чернецов. Южное Приобье в I тысячелетии нашей эры. МИА, 58, 1957, табл. XIV.

[11] К. В. Сальников. Городище «Чудаки» Челябинской области по раскопкам 1937 г. СА, IX, 1947, рис. 4; его же. Исетские древние поселения. СА, XXV, 1956, рис. 17, 18.

[12] В. И. Мошинская. Сузгун-II — памятник эпохи бронзы лесной полосы Западной Сибири. МИА, 58, стр. 121, табл. II, 3.

[13] В. Н. Чернецов, В. И. Мошинская. Городище Большой Лог. КСИИМК, XXXVII, 1951, рис. 28, *а* — 29.

[14] М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби. МИА, 48, 1956.

[15] М. К. Кадырбаев. Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана. Тр. ИИАЭ Казах. ССР, 7, Алма-Ата, 1959, стр. 167, рис. 5.

н. э. под натиском гуннов. С этим трудно согласиться. В III в. в Башкирии появляются лишь бахмутинские племена, о чем свидетельствуют находки сосудов бахмутинского типа в погребениях. Сосуды кушнаренковского, романовского и, возможно, чермасанского типов появляются в Приуралье только на рубеже IV—V вв. Кушнаренковская керамика найдена в могильниках V—VII вв. (Ново-Турбаслинский, Бирский, Ишимбаевский и др.) [16]. Керамика романовского типа обнаружена в Кушнаренковском и Ново-Турбаслинском мотильниках V—VII вв. и в курганах IV—V вв. в Орджоникидзевском парке г. Уфы [17]. Сосуды чермасанского типа пока не поддаются датировке. Имеющиеся материалы позволяют предположить, что имело место двукратное переселение зауральского и западносибирского населения. Видимо, в III в. н. э. переселились бахмутинские, а затем на рубеже IV—V вв.— кушнаренковские племена. Одновременно с последними в Башкирию вторглись племена — носители плоскодонной керамики романовского типа, происхождение и этническая принадлежность которых пока не известны.

В заключение В. Ф. Генинг, кратко изложив свои взгляды на пути развития этнической истории Башкирии, выделил в ней до XIII в. три основных этапа. Первый, до III в., он связывает в основном с пермской группой финно-угорских племен. Во втором этапе — III—IX вв.— «местное пермское население ассимилируется угорскими и древнетюркскими племенами западносибирского происхождения». «Третий этап — IX—XIII вв.— появление башкирских племен... и постепенная тюркизация населения Западного Приуралья, завершившаяся уже после монгольского завоевания, с притоком новых тюркских групп» (стр. 129). Эта периодизация нуждается в уточнении. С хронологическими рамками первого этапа можно согласиться. Что же касается второго этапа, то он слишком продолжителен и не отражает четко тех изменений в этническом составе населения Башкирии, которые были на протяжении раннего средневековья. В соответствии с имеющимися археологическими данными он должен быть разбит на два самостоятельных этапа, один из которых включает III—IV вв., а второй V—VII вв. В III в. Башкирию проникают, как сказано выше, лишь те угорские племена, которые, смешавшись с местным пьяноборским населением, дали начало новой культуре, получившей название бахмутинской. На рубеже IV—V вв. в Башкирию вторгаются племена с керамикой кушнаренковского и чермасанского типов, и с этого времени начинается новый этап в этнической истории населения Башкирии, который продолжается до конца VIII в. В VIII в. на Южном Урале расселяются кочевые тюркоязычные племена, о пребывании которых на территории Башкирии уверенно можно говорить лишь с этого времени. Следовательно, по нашему мнению, в этнической истории населения Башкирии до XIII в. можно предварительно выделить следующие этапы: 1) с древнейших времен до III в.; 2) II—IV вв.; 3) V—VII вв; 4) VIII—XIII вв.

Заканчивая, следует отметить, что, видимо, нельзя полностью отрицать роль сармато-аланского населения в этногенезе башкир. Сарматское население Башкирии не могло исчезнуть с этой территории бесследно. Несомненно, остатки его приняли какое-то участие в формировании башкирской народности.

К статье В. Ф. Генинга примыкает по своему содержанию статья Н. А. Мажитова «К изучению археологии Башкирии I тыс. н. э.» (стр. 101—110). Отметив в начале статьи, что закономерности развития этногенетических процессов, шедших в Южном Приуралье в I тысячелетии, могут быть поняты только при изучении конкретной истории всех племенных объединений в отдельности, Н. А. Мажитов останавливается на некоторых общих вопросах, связанных с изучением двух таких объединений — бахмутинцев и турбаслинцев. История бахмутинских племен является наиболее изученной. Обширный материал из раскопок последних лет подтверждает генетическую связь бахмутинских и пьяноборских племен, а также дает возможность выделить два хронологических этапа в развитии бахмутинских племен. Ранний этап их истории охватывает III—IV вв. В связи с изучением раннебахмутинской культуры Н. А. Мажитов затрагивает вопрос об этнокультурной принадлежности среднекамских памятников типа Мазунинского могильника, датированных В. Ф. Генингом III—V вв. и выделенных в самостоятельную культуру. Н. А. Мажитов приводит убедительные доказательства в пользу отнесения указанных памятников к бахмутинской культуре.

Мазунинские памятники отличаются от бахмутинских наличием бронзовых фибул в виде стилизованных изображений бабочки и железных плоских браслетов. На этом основании В. Ф. Генинг среднекамские памятники выделяет в самостоятельную культуру. Н. А. Мажитов, справедливо возражая против такого решения вопроса, относит мазунинские памятники к обширной бахмутинской культуре. Последняя, по мнению Н. А. Мажитова, возникла исключительно на базе пьяноборской культуры. Генетическая связь между пьяноборскими и бахмутинскими племе-

---

[16] Н. Д. Мажитов. Курганный могильник в дер. Ново-Турбаслы..., рис. 3; В. Д. Викторова. Материалы к археологической карте..., рис. 66, *3*.

[17] М. С. Акимова, В. Ф. Генинг. Отчет об исследованиях археологических памятников у с. Кушнаренково Башкирской ССР. Архив ИА (Р-I, 1959); Н. А. Мажитов. Курганный могильник..., табл. III, *3, 4*; К. В. Сальников. Ук. соч., рис. 89.

нами доказывается многочисленными данными, и полностью отрицать мнение В. Ф. Генинга об участии племен зауральского происхождения в формировании бахмутинских племен, пожалуй, нельзя. Бахмутинская культура во многом отличается от пьяноборской. Здесь следует отметить появление в погребениях III—IV вв. жертвенных комплексов из предметов женских украшений, положенных в берестяные коробочки рядом с костяками. В раннебахмутинских погребениях в отличие от пьяноборских, появляется керамика. Круглодонные, изготовленные из глины с примесью песка и мелких камешков и сплошь украшенные ямками бахмутинские сосуды отличаются от чашевидных с раковинной и песчаной примесями, с орнаментом из круглых и овальных ямок по венчику пьяноборских сосудов. Такие резкие изменения в материальной культуре и погребальном обряде населения Башкирии на рубеже II—III вв. относить только за счет ее внутреннего развития едва ли можно. Видимо, в III в. было переселение какой-то части сибирского населения в Башкирию. Однако преувеличивать роль пришлого населения в формировании бахмутинских племен, как делает В. Ф. Генинг, было бы неправильно [18]. Гораздо большее влияние на местное пьяноборское население оказали племена, появившиеся в Башкирии на рубеже IV—V вв. и оставившие после себя памятники типа Ново-Турбаслинского курганного могильника. Для них характерны большие неорнаментированные круглодонные сосуды с шаровидным туловом и высоким отогнутым наружу венчиком. В тесте сосудов — примесь песка. Поверхность их хорошо заглажена и имеет темно-коричневый цвет. Эти сосуды Н. А. Мажитов выделяет в особый так называемый турбаслинский тип, а памятники с подобной керамикой — в турбаслинскую культуру [19]. Здесь следует отметить его ошибочное мнение, согласно которому сосуды романовского типа являются разновидностью керамики турбаслинской культуры. Романовская керамика в памятниках турбаслинской культуры воспринимается как чужеродная. Плоскодонная, грубая, неорнаментированная, с примесью дресвы и шамота, эта керамика резко отличается от турбаслинской, и вполне правомерно выделение ее в особый тип. Если ее считать разновидностью турбаслинской, то невольно напрашивается вопрос: почему последняя никогда не встречается на романовских поселениях, расположенных рядом с Ново-Турбаслинскими курганами? Это можно объяснить разноэтничностью турбаслинских и романовских племен и различием их образа жизни (мощные культурные слои поселений свидетельствуют о прочной оседлости романовцев, в то время как турбаслинцы вели кочевой образ жизни). Керамику романовских поселений и керамику Ново-Турбаслинского курганного могильника следует рассматривать в качестве самостоятельных типов и связывать с разными этническими группами Башкирии середины I тысячелетия н. э. Аналогии памятникам турбаслинских племен Н. А. Мажитов находит в сарматских памятниках южноуральских и нижневолжских степей (курганы у сел Бережновка, Быково, Калиновка и др.). Но, пишет он, поскольку в передвижениях народов IV—V вв. основную роль сыграли гуннские кочевники, можно предположить, что в культуре и языке этого пришлого населения преобладали тюркские элементы. Во-первых, нет никаких данных для суждения о том, какие элементы, сарматские или гуннские, преобладали в языке этого населения. Мало того, до сих пор не решен вопрос на каком языке (тюркском или монгольском) говорили сами гунны. Во-вторых, Н. А. Мажитов не уточняет, какие элементы материальной культуры пришлых племен он связывает с тюрками, да это и невозможно сделать, так как собственно древнетюркские комплексы нам не известны. В-третьих, до сих пор не исследован антропологический материал Ново-Турбаслинского могильника и мы не можем судить о физическом типе населения, оставившего этот могильник. Все это говорит за то, что при определении этнической принадлежности турбаслинских племен надо быть крайне осторожным.

Н. А. Мажитов справедливо отмечает, что турбаслинские племена оказали сильное воздействие на культуру и образ жизни бахмутинских племен. Это доказывается появлением в бахмутинских могильниках с V в. захоронений в ямах с подбоями или ступеньками в северных узких стенках, с глиняными сосудами и с костями лошади в них, захоронений четырех ног, хвоста и черепа лошади в почвенном слое между могилами, что было характерно для турбаслинских племен. Но появление в погребальном обряде бахмутинских племен некоторых черт погребального обряда турбаслинских племен, является, видимо, следствием установившихся между этими племенами брачных связей, а не просто заимствования. В пользу такого предположения говорит тот факт, что в одном из погребений курганного могильника в Орджоникидзевском парке г. Уфы вместе с сосудами, характерными для турбаслинских племен, был найден один сосуд бахмутинского типа. Вероятно, между бахмутинскими и турбаслинскими племенами происходило смешение, и поэтому вряд ли можно говорить о полном этническом единстве носителей ранней и поздней бахмутинской культуры, как это делает Н. А. Мажитов.

---

[18] В. Ф. Генинг. Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа. Тр. Казанск. ФАН СССР, сер. гуманит. наук, 2, Казань, 1959, стр. 201; его же. Узловые проблемы изучения пьяноборской культуры. ВАУ, 4, Свердловск, 1962, стр. 46.

[19] Н. А. Мажитов. Бахмутинская культура..., стр. 12.

Заслуживают внимания некоторые соображения Н. А. Мажитова о башкиро-мадьярских отношениях. Он пишет, что истоки формирования башкирского и венгерского союзов племен были совершенно различными, хотя в их истории имеется ряд общих моментов. По его мнению, по своему облику и времени наиболее близко к культуре дунайских венгров стоит бахмутинская культура. Общими для бахмутинских племен и дунайских венгров он считает групповой характер могильников, неглубокие захоронения, форма и способы ношения поясных ремней. Кроме того, в пользу угорской принадлежности бахмутинских племен Н. А. Мажитов ссылается на близость бахмутинской культуры к культурам финно-угорских племен Прикамья и Западной Сибири (ломоватовская и др.). Однако вряд ли прав Н. А. Мажитов, когда он пишет, что угорские (прамадьярские) племена на Урале обитали еще в эпоху раннего железа и что в бассейне реки Белой угорскими являются памятники кара-абызского варианта пьяноборской культуры. На наш взгляд, ошибочным является и другое его мнение, согласно которому прямое отношение к тюркоязычным башкирам имеют племена турбаслинской культуры. Выше была показана необоснованность этого мнения.

Более или менее уверенно говорить о ранних башкирах можно, видимо, лишь с VIII в., о чем свидетельствуют материалы, предварительно опубликованные Н. А. Мажитовым во второй статье «Новые материалы о ранней истории башкир» (стр. 148—157). В 1963 г. экспедиция под его руководством исследовала группу памятников VIII—X вв.: курганные могильники у деревни Мрясимово, Кара-Идельского района, дер. Старо-Халилово и Ишимбаево Салаватского района БАССР. Могильники состоят из курганов диаметром 5—8 *м* и высотой 0,2—0,5 *м*, содержащих в основном по одному костяку. Формы могильных ям в процессе раскопок не прослежены, так как они были выкопаны в почвенном слое. Ориентировка погребенных различная. В насыпях почти всех курганов найдены черепа, кости ног коня, остатки кострищ. Умерших сопровождали предметы конской сбруи (удила, стремена и т. д.), вооружения, костюма. Эти памятники, аналогичные памятникам тюркоязычных кочевников Алтая, Зауралья, Восточной Европы, позволяют предположительно включить и Южный Урал в территорию расселения тюркоязычных кочевников. Возможно, уже в VIII в. Южный Урал был занят древнебашкирскими племенами, первое письменное известие о которых относится к X в.

Привлекает внимание статья П. Д. Степанова «Памятники угорско-мадьярских (венгерских) племен в Среднем Поволжье» (стр. 136—147). П. Д. Степанов поставил перед собой трудную задачу — выявить среди археологических материалов Среднего Поволжья культурный комплекс угорско-мадьярских племен VI—IX вв., определить путь и время продвижения этих племен от Приуралья до Паннонской низменности на Дунае. Для решения этой задачи автором использованы данные раскопок городища Ош-Пандо в Мордовской АССР и некоторые вещи с городища Ашна-Пандо и селища у с. Гулюшева Ульяновской области. Культурный слой городища Ош-Пандо содержал материал трех эпох, не поддававшийся стратиграфическому расчленению (эпохи бронзы, I тысячелетия до н. э. и I тысячелетия н. э.). В предварительных публикациях верхний слой городища на основании находок древнемордовских вещей был связан с древней мордвой. Однако в последнее время П. Д. Степанов пришел к выводу о наличии в верхнем слое городища двух культурных комплексов. По его мнению, первый комплекс составляют древнемордовские вещи, датируемые не позднее VII в., а второй комплекс — вещи, которые он определяет как угорско-мадьярские VI—IX вв. В пользу выделения угорско-мадьярского комплекса П. Д. Степановым приводится ряд доказательств. По его мнению, городище Ош-Пандо отличается от древнемордовских памятников отсутствием находок красных пластовых бус, привесок с грузиком и спиралькой, нагрудных блях, втульчатых топоров, характерных для мордвы середины I тысячелетия. Древнемордовские племена в VII в. покидают бассейн р. Суры, а на городище Ош-Пандо встречаются находки, датируемые до IX в. На наш взгляд, эти факты могли бы послужить основанием для подобных выводов лишь в том случае, если бы действительно древнемордовские и предполагаемые угорско-мадьярские вещи были отдалены друг от друга как во времени, так и в пространстве. В самом деле, находки верхнего слоя городища Ош-Пандо не поддаются стратиграфическому расчленению, а значительная часть предполагаемого угорско-мадьярского комплекса (рис. 5) датируется там V—VII вв., как и древнемордовские вещи. Нельзя требовать, чтобы материалы одного памятника полностью во всех деталях совпадали с материалами других однотипных памятников. Недостаточная обоснованность выводов П. Д. Степанова становится очевидной при анализе других пунктов его доказательства. Он считает, что выделяемый им угорско-мадьярский культурный комплекс во многих частях идентичен культурному комплексу памятников левобережья Волги и Нижней Камы, где древняя мордва в I тысячелетии не проживала. П. Д. Степанов прав, когда пишет, что в Среднем Поволжье в I тысячелетии мордва не проживала. Верно и то, что памятники Среднего Поволжья приписаны буртасам без достаточных оснований. Но он не прав, утверждая, что эти памятники А. Х. Халиковым и В. Ф. Генингом связываются с угорско-мадьярскими племенами. Вопрос об их происхождении и этнической принадлежности является спорным. Так, Н. Ф. Калинин считал, что они оставлены потомками городецких племен, переселившихся на тер-

риторию Татарской АССР из западных районов в IV—V вв.[20] Такого же мнения придерживался в ранних работах В. Ф. Генинг, который в отличие от Н. Ф. Калинина, памятники Среднего Поволжья I тысячелетия объединил не в «восточно-буртасскую», а «именьковскую культуру»[21]. Он в последствии счел сомнительным распространенное мнение о сложении именьковской культуры на базе городецкой, предположив западносибирское происхождение и тюркскую принадлежность этой культуры[22]. В качестве археологического доказательства он использовал в основном керамический материал и погребальный обряд. Керамический комплекс рассматриваемых П. Д. Степановым поселений, судя по описанию и публикациям, имеет много общего с керамикой именьковской культуры. В. Ф. Генинг ни в одном своем исследовании не пишет, что последняя создана угорско-мадьярскими племенами. Наоборот, он во всех последних работах стремится доказать тюркскую принадлежность племен-носителей плоскодонной керамики, характерной как для именьковской культуры, так и для городища Ош-Пандо. Что же касается Д. Х. Халикова, то он ни в одной работе не высказывал своего мнения по этому вопросу. Поэтому неправ Д. П. Степанов, утверждая, что памятники Среднего Поволжья середины I тысячелетия В. Ф. Генингом и А. Х. Халиковым приписываются угорско-мадьярским племенам. Следовательно, использовать их для доказательства угорско-мадьярской принадлежности рассматриваемых П. Д. Степановым памятников нельзя.

Далее он пишет, что и значительная часть вещевого материала, и форма сооружений Ош-Пандо имеет близкие аналогии в вещах и сооружениях на памятниках территории Башкирии и что башкирские памятники большинство исследователей связывает как раз с угорско-мадьярскими племенами. Здесь П. Д. Степанов не указывает, какие конкретные памятники Башкирии он имеет в виду (об этом мы узнаем лишь позднее на стр. 146). По его мнению, это «памятники бахмутинской культуры в широком ее понимании, хронологически более ранние и поэтому несколько отличные от последующих...» (стр. 146). К числу памятников бахмутинской культуры в его понимании им отнесены как действительно бахмутинские (Бирский, Бахмутинский, Кара-Тамакский могильники), так и небахмутинские (Ново-Турбаслинский, Кушнаренковский могильники), что является следствием неправильного представления о населении Башкирии середины I тысячелетия как об этнически однородном. Все исследователи, занимающиеся археологией Урала, единодушно отмечая неоднородность археологических материалов Башкирии, связывают их не с одними только угорско-мадьярскими племенами, как пишет П. Д. Степанов. В Башкирии с уграми могут быть более или менее уверенно связаны бахмутинские памятники, но среди материалов П. Д. Степанова мы находим очень мало вещей, аналогичных бахмутинским. Это — нагрудные литые бронзовые бляхи с выступами (рис. 5, *12, 13*) и литые кольца с шипечками (рис. 5, *14*). Нашивные бляшки на пояса (рис. 5, *4, 5*), наконечники для ремней (рис. 5, *17*), бронзовые пряжки (рис. 5, *22, 23*) находят широкие аналогии далеко за пределами бахмутинской культуры[23]. Керамика городища Ош-Пандо ничего общего с керамикой бахмутинской культуры не имеет. Что же касается сооружений в виде подпрямоугольных полуземлянок с очагами, остатки которых исследованы на Ново-Турбаслинском поселении в Башкирии, то они не могут быть признаны характерными только для бахмутинских племен. Подобные жилища использованы на Кушнаренковском селище, культурный слой которого содержал грубую плоскодонную керамику романовского типа. Последняя составляет около половины керамического комплекса и самого Ново-Турбаслинского поселения. Бесспорно, на этом поселении жили не только представители бахмутинских племен, но и племен — носителей керамики романовского типа. Следовательно, нет оснований рассматривать полуземлянки Ново-Турбаслинского поселения как жилища, типичные только для бахмутинских племен, и использовать их для доказательства угорско-мадьярской принадлежности населения, оставившего поселения, исследованные П. Д. Степановым в Мордовии.

П. Д. Степанов пишет, что ряд вещей, форма некоторых сосудов полностью совпадают с находками в ряде памятников с территории Венгерской Народной Республики, и ссылается на работы М. Пардуца и П. Эрдейи[24].

Ссылка на работу Эрдейи здесь неуместна, так как в ней ничего не говорится о памятниках с территории ВНР. В этой работе публикуются результаты исследований Кушулевского могильника IX в. в Башкирии. Лишь немногие вещи с городища Ош-Пандо находят аналогии среди материалов исследованного М. Пардуцем могильника гуннского времени в Венгрии. Пряжки с овальной дужкой, длинным языком и прямоугольной пластинкой для прикрепления ремня из могильника Шан-

---

[20] Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков. Итоги археологических работ за 1945—1952 гг. Казань, 1954, стр. 56.

[21] В. Ф. Генинг. Археологические памятники Удмуртии. Ижевск, 1958, стр. 75; его же. Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа, стр. 208.

[22] В. Ф. Генинг. Проблемы изучения железного века Урала, стр. 42.

[23] М. С. Акимова, В. Ф. Генинг. Ук. соч. ИАК, 19, СПб., 1906, табл. V, *18*; табл. X, *11*; В. В. Саханев. Раскопки на Северном Кавказе в 1911—1912 годах. ИАК, 56, Пгр., 1914, стр. 129, рис. 20, *7*; стр. 128, рис. 19, *4*.

[24] П. Эрдейи. Большая Венгрия, АА, XIII, Budapest, 1961.

град-Кондерфолде [25] не имеют ничего общего с более поздними пряжками с Ош-Пандо. Из многочисленных сосудов могильника только два имеют отдаленное сходство с сосудами из Ош-Пандо [26]. Аналогии им М. Пардуца находит в сарматских памятниках Нижнего Поволжья [27]. Наконечники копий и стрел и ножи, видимо, нельзя принимать во внимание, так как они не определяют этническую принадлежность населения. Остаются лишь некоторые украшения (серьги с многогранником и четырнадцатигранные бусы). Однако у нас нет уверенности в том, что они были характерны для угорско-мадьярских племен. Четырнадцатигранные бусы имели широкое распространение на Северном Кавказе среди сармато-аланских племен во II—IV вв., а серьги с многогранником — в VI—IX вв. [28]

П. Д. Степанов пишет, что полная идентичность ряда вещей с Ош-Пандо с вещами Пастерского городища на Украине объяснима только при условии, что на Ош-Пандо проживали угро-мадьяры. П. Д. Степанов не уточняет, какие вещи он имеет в виду. Изучение материалов Пастерского городища не дает нам права соглашаться с его категорическим утверждением о полной идентичности вещей указанных памятников. Основной материал Пастерского городища принадлежит скифам, небольшая часть — славянам, а об угорском комплексе здесь говорить не приходится.

Из изложенного становится понятной необходимость более аргументированного доказательства принадлежности угро-мадьярам памятников, исследованных П. Д. Степановым в Мордовии. Пока еще рано говорить, что задача, которую поставил перед собой П. Д. Степанов, в какой-то степени решена.

С. М. Васюткин

---

[25] M. Pàrduc z. Archäelogische Beiträge zur Geschichte der Hunnenzeit in Hungarn. AA, XI, Budapest, 1959, табл. XII, *3*; VIII, *11*; VI, *2*, *3*.

[26] Там же, табл. XVI, *5*, *6*.

[27] Там же, стр. 363.

[28] В. Виноградов. Сарматы северо-восточного Кавказа. Грозный, 1963, рис. 28; В. Б. Деопик. Классификация и хронология аланских украшений VI—IX вв. МИА, 114, 1963, стр. 130, рис. 2, *1*.

В. П. Петров. Історична топографія Києва (Першопочатки міста).

В сборнике «Історичні джерела та їх використання», вип. 1, Київ, изд-во «Наукова думка», 1964, стр. 114—140.

(Інститут історії Академії наук УРСР. Архівне управління при раді міністрів УРСР).

Проблемы происхождения и ранней истории древнерусских городов являются едва ли не наиболее актуальными и острыми проблемами советской исторической науки. За последние годы в этой области получено довольно много нового и весьма ценного археологического материала, однако, делать какие-либо обобщения и выводы пока еще все же очень трудно [1]. Совершенно естественно поэтому, что каждое новое слово, имеющее отношение к данной проблеме всегда вызывает острый интерес и встречает у читателей-специалистов особо благожелательное отношение. Именно с таким отношением и подошли мы к статье В. П. Петрова «Историческая топография Киева». Содержание этой статьи несомненно шире ее заглавия; здесь делается попытка проследить некоторые общие закономерности сложения социальной топографии древнерусских городов.

К сожалению, приходится констатировать, что знакомство с этой статьей может принести лишь глубокое разочарование. В. П. Петров не делает никаких попыток осмыслить и обобщить накопленный археологами материал. Он идет по иному пути: излагает заранее заданную концепцию и пытается проиллюстрировать ее археологическим материалом. Скажем сразу: эти материалы концепцию В. П. Петрова не подтверждают.

По мнению В. П. Петрова, для древнерусских городов на раннем этапе их развития характерно деление на три самостоятельно укрепленные части — княжескую, церковную и ремесленную. Он пишет: «Структура города отображает социальную структуру общества. Каждая из трех общественных групп (сословий — станів) занимает в городе свою особую часть, имеет свою, искусственно укрепленную территорию.., между частями города и делением общества на сословия-классы имеется прямая зависимость. Территории (осади) в границах города также резко расчленены, как и сословия (стані) в обществе. Каждая из территорий общественных групп (станових осель) отделена одна от другой валами и рвами, образуя замкнутое в себе целое» (стр. 131). Княжеская укрепленная часть, согласно В. П. Петрову, обычно расположена на самом конце мыса, а среднюю, наиболее высокую часть города, занимала

---

[1] Н. Н. Воронин, П. А. Раппопорт. Археологическое изучение древнерусского города. КСИА, 96, 1963, стр. 3.

епископская часть — замок-бург. «Этот замок-бург господствует над обеими другими городскими частями — княжеской и ремесленной» (стр. 132).

В качестве наиболее характерного примера В. П. Петров приводит городище в с. Крылос — древний Галич. Как княжеская укрепленная часть, где находился княжеский дворец, приводится так называемый Золотой Ток. Вторая площадка, на которой стоял Успенский собор, названа епископской частью. И, наконец, окольный город характеризуется как ремесленная укрепленная часть древнего Галича. Однако эта схема находится в полном противоречии с фактами. Раскопки Я. Пастернака, а затем М. К. Каргера показали, что Золотой Ток представляет собой площадку, укрепленную в X в. Тогда Галич еще не был городом в собственном смысле этого слова [2]. Когда в XII в. были построены мощные укрепления Галичского детинца, укрепления Золотого Тока уже потеряли военное значение. В XII—XIII вв. Галич имел лишь две укрепленные части — детинец и окольный город. Археологические свидетельства подтверждаются в этом отношении письменными источниками: когда в 1219 г. князь Мстислав штурмом взял Галич, венгры, защищавшиеся в городе, использовали в качестве последнего оплота не Золотой Ток (что безусловно имело бы место, если бы здесь в это время существовали оборонительные сооружения), а церковь Богородицы.

Таким образом, изучение реально существующих остатков древнего Галича не подтверждает, а наоборот, дискредитирует схему В. П. Петрова. Тем не менее, вывод, сделанный на неверном толковании исторической топографии Галича, переносится в качестве эталона на Киев. Найти в топографии Киева эпохи Владимира деление на три самостоятельно укрепленные части совершенно невозможно. И все же В. П. Петров попытался это сделать. Известно, что еще в 1908 г. при раскопках Д. Милеева был обнаружен засыпанный ров древнейшего Киевского городища. Позднее этот ров был внимательно изучен М. К. Каргером. Ров ограждал небольшую площадку, расположенную на мысу, где ныне стоит Киевский гос. исторический музей. Как Десятинная церковь, так и обнаруженные раскопками княжеские дворцы находятся вне территории этого городища [3]. И никаких других оборонительных линий вплоть до границы «города Владимира» — до Батыевых ворот — нет. Между тем, именно эту территорию В. П. Петров пытается представить как трехчленную: 1) северную, где существовала княжеская укрепленная часть, 2) среднюю — укрепленную церковную часть (близ Десятинной церкви) и 3) ремесленную.

Было бы очень соблазнительно найти в членении оборонительной системы древнерусских городов такое идеальное отражение социальной структуры общества, как это хочется видеть В. П. Петрову. К сожалению, дело обстоит значительно сложнее. Оборонительные системы древнерусских городов в подавляющем большинстве случаев состоят не из трех, а из двух частей — детинца и окольного города (иначе — острога). Примеры трехчленного деления крайне редки. Сюда относится, например, Владимир на Клязьме, сложение городской территории которого было как раз не типичным, а чрезвычайно своеобразным. Во всех же прочих случаях, за очень редкими исключениями, территории древнерусских городов делятся лишь на две укрепленные части. Такое членение документируется очень большим количеством примеров и к тому же полностью подтверждается сведениями письменных источников. При этом только детинец может быть назван самостоятельным укреплением, так как он приспособлен к обороне со всех сторон. Окольный же город никогда не имеет оборонительных сооружений со стороны детинца.

Несомненно, что детинец в основе своей представляет административно-княжескую часть города, а возникновение окольного города связано с ростом города, со становлением городского посада, городского самоуправления. Однако реальная картина жизни на этих двух площадках была чрезвычайно сложной и многообразной. Четкого и абсолютного разделения городской территории, соответственно социальной структуре общества не наблюдается. Жилища ремесленников, купцов и бояр, как правило, расположены в одних и тех же частях города. Хорошим примером может служить Новгород, где это обстоятельство подтверждается как материалами раскопок, так и свидетельствами письменных источников. Епископские соборы в одних случаях построены в детинцах (Галич, Суздаль, Новгород), в других — на территории окольного города (Владимир-Волынский, Рязань).

Большую территорию между первой и второй линиями укреплений нельзя считать целиком епископской, так как иначе неизвестно, где же жило основное населе-

---

[2] Совершенно непонятно, почему В. П. Петров для обозначения древних укрепленных поселений догородского типа употребляет термин «городище». Уже в XVIII в. В. Татищев дал следующее, совершенно правильное определение этого слова — «городище, называется место, где прежде бывал город и опустошен» (В. Н. Татищев. Лексикон российской, ч. 2, СПб., 1793, стр. 64); В. Даль — «Городищ(е)а... остатки развалин города, селения или укрепления...» Толковый словарь живого великорусского языка. I, М., 1955, стр. 381.

[3] Кстати сказать, последние исследования убедительно показали, что Десятинная церковь изначала была не митрополичьей, а княжеской дворцовой церковью. A. Poppe. Uwagi o najstarzych dziejach kościola na Rusi. Przegląd historyczny», LV, 1964, 3, стр. 383.

ние города. Территории эти никогда не господствовали над площадкой детинца, о чем свидетельствует хотя бы такой элементарный факт, как взаимное соотношение валов и рвов: рвы всегда ориентированы в одну сторону — в напольную сторону города, вне зависимости от того, где находился епископский собор — во внешней или внутренней укрепленной части. Выделение самостоятельной епископской части города всегда имеет совершенно иной характер. В тех случаях, когда это удалось установить, епископская территория выделена из территории города (независимо — детинца или окольного) каменно-кирпичной оградой, имевшей скорее архитектурное, чем военное значение. Такова ограда Успенского собора во Владимире, Софийского собора в Киеве, митрополичьего двора в Переяславле-Русском. Удивительно, что именно эту особенность выделения епископской территории В. П. Петров как раз не упоминает.

Таким образом, в изучении социальной топографии древнерусских городов приходится считаться с очень сложной картиной заселения.

К этому следует добавить также, что не следовало бы некритично приводить давно отвергнутую советскими историками архитектуры точку зрения В. Хвойки, что дворец, раскопанный близ Десятинной церкви относится ко времени «Ольги — Владимира» (стр. 134 и 136). Дворец этот, безусловно, одновременный строительству Десятинной церкви. Странно звучит также ссылка на то, что соборная церковь в Галиче была специально построена, как приспособленная к обороне (стр. 131, прим. 65). Летописец в данном случае прямо отметил, что венгры использовали церковь для обороны, построив на ней временное укрепление; он даже посчитал это осквернением святыни. В. П. Петров ссылается здесь на книгу Л. Чачковского и Я. Хмилевского, изданную в 1938 г., т. е. до того, как в Галиче были проведены серьезные раскопки. При этом В. П. Петров Л. Чачковского почему-то всюду называет Л. Чечвянским.

Обобщения, основанные на тщательном анализе большого фактического материала, важнейший шаг на пути раскрытия исторических закономерностей. Социологические же обобщения, не основанные на фактическом материале, изложенные в рассматриваемой статье, могут лишь затруднить решение и без этого достаточно сложного вопроса.

Г. Ф. Корзухина, П. А. Раппопорт

ОБ АМФОРНЫХ КЛЕЙМАХ ИЗ ПЕЛЛЫ

В статье «Новые зарубежные исследования по керамической эпиграфике»[1] мною было уделено внимание чрезвычайно интересным керамическим клеймам, найденным при раскопках столицы македонских царей Пеллы (стр. 377). Однако в то время, когда я писал эту статью (как указано в примеч. 28), мне была недоступна публикация материалов о раскопках Пеллы Х. Макаронаса[2] и сведения о найденных там клеймах я почерпнул из известного «эпиграфического бюллетеня» Ж. и Л. Роберов[3]. Теперь я получил возможность, благодаря любезности Х. Макаронаса, познакомиться не только с его предварительной публикацией о раскопках Пеллы 1957—1960 гг., но также и с краткими отчетами о раскопках 1961 и 1963 гг.[4]. Получил я также некоторые разъяснения относительно клейм из Пеллы от В. Грейс.

Эти материалы показали, что в мою статью в связи с не совсем верным освещением ряда фактов Ж. и Л. Роберами вкрались некоторые неточности, а кроме того, выяснилось, что не со всеми определениями, данными в публикации Х. Макаронаса можно согласиться, и поэтому не все мои суждения были правильными.

Прежде всего это относится к клеймам, отнесенным в публикации Х. Макаронаса к группе «боспорских» («du Bosphore»). В своей статье я высказал предположение, что речь здесь идет, по-видимому, о синопских клеймах, которые некоторыми зарубежными исследователями до сих пор иногда неправильно именуются «понтийскими» или «боспорскими». Однако оказалось, что под «боспорскими» клеймами в названной публикации разумеются не синопские, а так называемые колесообразные клейма, которые уже давно большинством исследователей признаются фасосскими[5]. Ошибочное их определение в статье Х. Макаронаса основано, очевидно (это предполагает уверенно и В. Грейс в письме от 18.IV.1966), на неверном определении З. Штетылло[6], о чем мне в свое время уже приходилось писать[7]. Таким образом,

[1] И. Б. Брашинский. Новые зарубежные исследования по керамической эпиграфике. СА, 1966, 2, стр. 332—340.

[2] «Arch. Deltion», 16, 1960/1962.

[3] Revues des études Grecques, 75, 1963, № 19, стр. 123.

[4] «Arch. Deltion», 17, 1961, 1962, стр. 209 сл.: там же, 18, 1963, стр. 200 сл.

[5] И. Б. Брашинский. Успехи керамической эпиграфики. СА, 1961, 2, стр. 294 сл.

[6] Z. Sztetyblo. Stemplowanie amfor greckich. «Kwartalnik historii kultury materialnej», VI, 3, 1958, стр. 467, рис. 2, а.

[7] И. Б. Брашинский. Ук. соч., стр. 294, примеч. 14.

следует прийти к выводу, что на самом деле ни о каких понтийских (в том числе и синопских) клеймах в статье Х. Макаронаса речи не было. Находка же определенного числа колесообразных клейм в Пелле, где преобладают фасосские клейма, вполне закономерна.

Однако высказанные в моей статье предположения о понтийско-македонских экономических связях остаются в силе не только ввиду находок клейм «группы Пармениска» (о них — ниже) в Причерноморье, но и благодаря тому, что теперь в Пелле засвидетельствованы и находки амфорных клейм Синопы. Впервые синопское клеймо в Пелле было найдено в 1963 г. См. об этом у Макаронаса [8].

Что касается клейм «группы Пармениска», то в 1957—1960 гг. в Пелле было найдено 149 клейм не самого Пармениска (как я писал вслед за Ж. и Л. Роберами), а «группы Пармениска» с различными именами. К настоящему времени число их еще более увеличилось, причем ряд имен встречается и на клеймах этой группы из Северного Причерноморья. Вопрос о месте происхождения амфор с этими клеймами пока еще не нашел определенного решения. Однако высказанное мною предположение об их местном македонском (пеллийском?) происхождении сохраняет силу и находит косвенное подкрепление в факте широкого распространения клеймения черепиц в Пелле. Вместе с тем, не следует исключать и возможности того, что клейма «группы Пармениска» происходят из какого-то неизвестного нам приморского центра южнофракийского побережья, с которым Македония была тесно связана. Следует отметить, что пока не зафиксировано совпадений имен в клеймах на пеллийских черепицах и амфорах.

Публикация и дальнейшее изучение керамических клейм из Пеллы (которые готовятся к изданию г-жей Петропулаку (Савватиану)), несомненно, приведут к весьма интересным выводам, которые будут иметь важное значение и для советских исследователей.

И. Б. Брашинский

---

[8] «Arch. Deltion», 18, 1963, стр. 201, примеч. 5.

Хроника

СЕССИЯ ВИЗАНТИНИСТОВ В ТБИЛИСИ

С 13 по 18 декабря 1965 г. в Тбилиси состоялась седьмая Всесоюзная сессия византинистов, созванная Отделением истории Академии наук СССР и Отделением общественных наук Академии наук Грузинской ССР. В сессии приняло участие более ста человек из десяти городов Советского Союза.

Работа сессии проходила как на пленарных заседаниях, так и на секциях: истории и истории права, истории общественной мысли и литературоведения, истории искусства, археологии и архитектуры, филологии и вспомогательных дисциплин.

В настоящей информации освещается работа секций археологии и архитектуры и секции истории искусства.

Открывая сессию, секретарь Отделения общественных наук АН ГССР акад. Г. В. Церетели во вступительном слове приветствовал гостей и пожелал им успешной работы.

На пленарных заседаниях было прочитано восемь докладов, из которых два относились к археологии и истории искусства[1]. Доклад Г. Н. Чубинашвили (Тбилиси) «К вопросу о начальных формах христианского храма» был посвящен купольной архитектуре Грузии раннего средневековья. Докладчик проследил глубокие корни и древние традиции в архитектурном творчестве Грузии.

В докладе Б. А. Рыбакова (Москва) «Русско-византийский город Тмутаракань» были подведены итоги археологического изучения самого южного из древнерусских городов, расположенного на Таманском полуострове и названного докладчиком «русско-византийским городом».

Оживленно и плодотворно прошла работа секций.

Секция археологии и архитектуры — председатели О. Д. Лордкипанидзе (Тбилиси), Д. Г. Капанадзе (Тбилиси), А. Л. Якобсон (Ленинград). На трех заседаниях было прочитано десять докладов.

Изучению истории византийского стеклоделия по материалам раскопок в Двине, Новгороде, Турове, Новогрудке и других городах посвятила свой доклад Р. М. Джанполадян (Ленинград) «Новые материалы по истории византийского стеклоделия».

Грузинской тематике были посвящены доклады: В. А. Леквинадзе (Тбилиси) «Раннесредневековые сооружения Западной Грузии», в котором был дан историко-археологический обзор памятников и показано их взаимоотношение с ранневизантийской империей, и Л. А. Шервашидзе (Сухуми), который познакомил со своим исследованием пицундского мозаичного пола V—VI вв.

Большая группа докладов относилась к средневековой археологии и нумизматике Северного Причерноморья.

С. А. Беляев (Ленинград) сделал доклад на тему: «Северная Африка и Северное Причерноморье в IV—VI вв. по археологическим и эпиграфическим данным». На основании керамики докладчик проследил определенное влияние североафриканской культуры в Северном Причерноморье, главным образом в Херсонесе и Керчи. Об открытии в портовой части Херсонеса средневекового храма-усыпальницы доложила Л. Г. Колесникова (Севастополь), ознакомившая секцию с интересными рельефами и тканями из раскопок храма.

Доклад И. А. Антоновой (Севастополь) «Оборонительные сооружения средневекового Херсонеса (к вопросу о датировке оборонительных стен)» познакомил слушателей с неопубликованными материалами из раскопок последних лет, позволяющих по-новому подойти к датировке средневековых частей херсонесской крепости. Д. Л. Талис (Москва) в докладе «Об оборонительных сооружениях в юго-западной Таврике в эпоху раннего средневековья» дал характеристику средневековых крепостей юго-западной Таврики и сделал попытку по-новому их датировать.

Доклад «Этноним χοτζιροι в нотициях К. де Боора» сделал А. Ь. Гадло (Ленинград). Докладчик понимает этот термин как указание на кочевников. С их оседанием он связывает поселения VII—X вв. в восточном и юго-западном Крыму.

[1] Тезисы большинства докладов на пленарных и секционных заседаниях были изданы отдельным сборником.

Два доклада были посвящены нумизматике Крыма. И. В. Соколова (Ленинград)в докладе «Находки византийских монет в Крыму» дала предварительное обобщение богатейшего нумизматического материала средневековой Таврики. В докладе К. В. Голенко (Москва) «Надчеканка на медных монетах Херсонеса времени Маврикия Тиберия» обосновывалось отнесение таких монет к раннесредневековому Херсонесу.

Секция истории искусства — председатель В. В. Беридзе (Тбилиси). На заседаниях секции было заслушано и обсуждено 20 докладов, охвативших широкий круг вопросов — от монументальных фресковых росписей до памятников прикладного искусства.

Доклад Ш. Я. Амиранашвили (Тбилиси) был посвящен византийской монументальной живописи эпохи Палеологов и «национальным школам». В связи с изучением цаленджихской росписи (в Грузии) докладчик коснулся важных для русского искусства вопросов, связанных с творчеством Феофана Грека. Древнейшим грузинским росписям был посвящен доклад Т. Б. Вирсаладзе (Тбилиси) «Первоначальная роспись Атенского сиона», прочитанный на самом памятнике, что дало возможность участникам сессии на месте ознакомиться с росписью этого замечательного грузинского храма, сохранившего росписи различных эпох. Доклады А. И. Вольской (Тбилиси) и Н. А. Аладашвили (Тбилиси) были посвящены монументальным росписям одного из интереснейших районов Грузии — Верхней Сванетии. Сванская школа живописи была охарактеризована как сложное художественное явление, включавшее произведения различного характера и направления. Т. С. Шевякова (Тбилиси) дала обзор грузинского живописного орнамента, показав его истоки и характерные черты. Доклад Т. Б. Уховой (Москва) был посвящен исследованию орнамента так называемого неовизантийского стиля. В докладе И. А. Ивановой (Москва) «Иконография Тихвинской богоматери и ее византийские прообразы» рассматривались иконографические истоки эволюции типа «Одигитрии» в древнерусском искусстве, была выявлена зависимость этого типа от византийских прототипов. Вопросов иконографии касался также доклад Г. В. Попова (Москва) «Некоторые вопросы изучения воинской тематики в искусстве древней Руси».

Исследованию интереснейших памятников — портативных мозаичных икон были посвящены доклады Е. С. Овчинниковой (Москва) «Миниатюры-мозаики XIII в., из собраний ГИМ'а» и В. В. Филатова «К вопросу атрибуции мозаичной иконы „Николай Мириликийский“ в связи с ее реставрацией».

Большое место в работе секции было отведено миниатюрной живописи, средневековой книжной иллюстрации. С докладом «Памятники византийской живописи XII века в собраниях Советского Союза» выступила А. В. Банк (Ленинград). В докладе был сделан обзор миниатюр византийской эпохи, выделена группа памятников XII в. Большой интерес вызвал доклад М. В. Щепкиной (Москва) «Происхождение и история греческого иллюстрированного кодекса из собрания Хлудова № 129/Д». Докладчиком была предложена точная дата этой рукописи, дана история создания миниатюр кодекса знаменитым константинопольским иконописцем Лазарем, рассмотрена историческая судьба рукописи. Об одной из значительных рукописей средневековой Грузии доложила на сессии Г. В. Алибегашвили (Тбилиси) в докладе «Миниатюры рукописи А-109». Г. И. Вздорнов (Москва) в докладе «Иллюстрации к хронике Георгия Амартола» проследил связи памятника русского искусства XIV в. с ранними греческими оригиналами.

Интересные и важные вопросы, связанные с влиянием византийской художественной культуры в древнерусском золотом и серебряном деле, были подняты и освещены в докладе М. М. Постниковой (Москва). На примере серебряного оклада иконы Дмитрия Солунского (1586 г.) было показано значение византийского образца и его основательная переработка русским мастером-ювелиром.

С. В. Барнавели (Тбилиси) в докладе «Грузинские печати развитого средневековья» охарактеризовала группу памятников грузинского прикладного искусства, имевших в средневековой Грузии большое значение для политических и торговых связей страны.

Н. Г. Чубинашвили (Тбилиси) на примере рельефов Хандисской стелы VI в. показал характерные черты художественной пластики в раннесредневековой Грузии.

Л. З. Хускивадзе (Тбилиси) доложила о византийском триптихе слоновой кости, хранящемся в Цхинвальском краеведческом музее; триптих представляет собой значительный памятник византийского искусства на территории Грузии.

В докладе В. Н. Залесской (Ленинград) «К вопросу о датировке и происхождении некоторых групп так называемых «сирийских» крестов» была сделана попытка выделить из всей массы бронзовых энколпионов группу памятников X—XI вв.

А. Я. Каковкин (Ленинград) посвятил свое выступление памятнику резьбы по дереву из собрания Государственного Эрмитажа. Деревянная резная икона «Сретения» докладчиком отнесена к кругу грузинских памятников искусства.

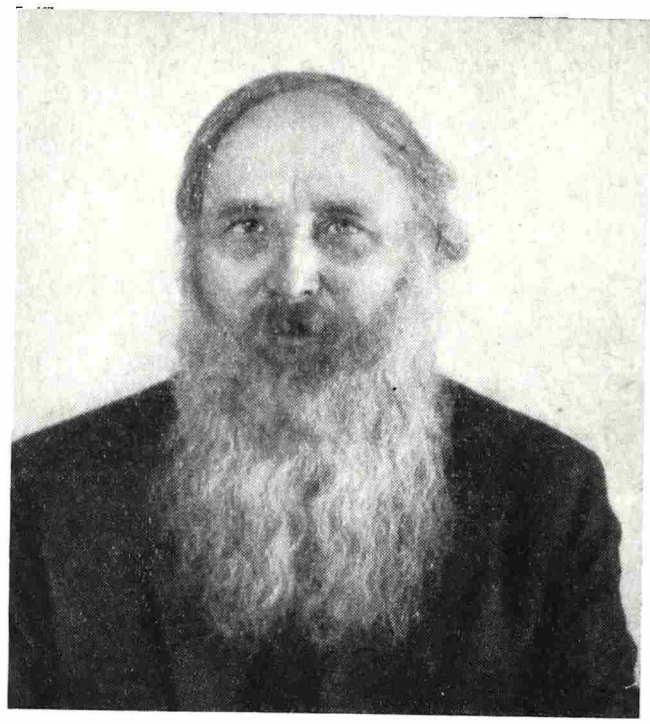
Все доклады вызвали оживленный обмен мнениями, в котором приняли участие многие ученые из Москвы, Ленинграда, Тбилиси.

На заключительном заседании сессии были подведены итоги работ секций и принята резолюция.

Участники сессии совершили поездки для осмотра средневековых архитектурных памятников Грузии — Атенского Сиона, храмов Самтависи, Зедазени, Самтавро, Мцхетского Джвари, Свети-Цховели, Манглисского храма (экскурсиями руководили Т. Б. Вирсаладзе, Л. Д. Рчеулишвили, М. К. Двали, В. В. Беридзе); были осмотрены также археологические раскопки в Мцхета и Рустави (под руководством Г. А. Ломтатидзе и А. Н. Каландадзе). Участники сессии ознакомились с выставками Государственного музея Грузии им. С. Джанашиа и Государственного музея искусств Грузинской ССР.

Гостям были показаны фильмы, посвященные грузинским памятникам материальной культуры: «Гелати», «Свети-Цховели», «Чеканное искусство», «Археологические памятники Месхети-Джавахети», «Халкидонский полуостров». В заключение участники сессии прослушали древнегрузинские песнопения в исполнении ансамбля студентов Тбилисской консерватории.

В. А. Джорбенадзе, К. Г. Мачабели



С. С. ЧУРАКОВ

Более двух лет назад, 5 марта 1964 г., скончался Сергей Сергеевич Чураков — художник-реставратор, страстный пропагандист и исследователь древнерусского искусства. Жизненный и творческий путь С. С. Чуракова неразрывно связан с делом охраны памятников русской культуры, с той большой работой, которая была начата после Великой Октябрьской революции по изучению и собиранию древнерусского художественного наследия.

Сергей Сергеевич родился в 1908 г. в семье скульптора, в доме, где царила атмосфера творчества. Вдохновенно трудился отец, создавая произведения, проникнутые глубокими народными традициями. Увлеченно занимались искусством братья, впоследствии художники, скульпторы, реставраторы. Рано проявился талант сестры — тонкого, поэтичного графика. С 1927 г. С. С. Чураков начал свою деятельность в качестве практиканта-реставратора в Центральной государственной реставрационной мастерской, где под руководством крупнейших реставраторов — Г. О. Чирикова, В. О. Кирикова, И. И. Суслова и М. И. Тюлина он прошел большую школу. Позже Сергей Сергеевич всегда с благодарностью вспоминал о своих учителях, прививших ему любовь к реставрационному искусству и мысль, что реставратор обязан сочетать талант художника с пытливостью исследователя. Вскоре он самостоятельно реставрировал такие иконы, как «Георгий на коне» из Гуслицкого монастыря для выставки за рубежом (1928 г.), «Троицу» из церви Белая Троица (г. Калинин) и др. Эти работы шли параллельно с поездками по древнерусским городам и изучением монументального наследия древней Руси, стенных росписей средневековых храмов, что позволило С. С. Чуракову уже в 1930 г. принять участие в снятии фрагментов фресок со стен собора Чудова монастыря (XVI в.) в Кремле.

Работая как реставратор, Сергей Сергеевич изучал технику древнерусских мастеров, постоянно копировал произведения станковой и монументальной древнерусской живописи. Так появились копии с парсуны Скопина Шуйского для экспозиции ГИМ, с иконы «Илья Пророк» из села Ракулы и др. С января 1931 г. по весну 1937 г. С. С. Чураков — художник-реставратор ГИМ. В этот период он занимался раскрытием росписей Новодевичьего монастыря, икон в музее «Село Коломенское», Постниковского собрания ГИМ и собрания Егорова, находившегося в 30-х гг. в Ленинской библиотеке, а затем переданного в Гос. Третьяковскую галерею. Он реставрировал вывезенные экспедицией во главе с архитектором П. Д. Барановским с севера иконы «Зосима и Савватий — соловецкие чудотворцы» XVII в., «Знамение с чудесами» письма Тихона Иванова сына Филатьева, «Архангел Михаил» на фоне города Архангельска XVIII в. и др. В эти же годы С. С. Чураков много работал по реставрации плафонов в Книжной палате на Новинском бульваре (в доме Бове) реставрировал росписи в доме Юсуповых у Красных ворот, но с особой радостью он принимал участие в работах Научно-реставрационной экспедиции Гос. Третьяковской галереи под руководством проф. Ю. А. Олсуфьева над архитектурными памятниками Новгорода Великого, когда раскрывались росписи церквей Спасо-Преображения на Ильине и Рождества Христова на кладбище.

В 1937 г. С. С. Чураков был привлечен к оформлению выставки «Слово о полку Игореве», где работал под руководством В. А. Фаворского. К 1937 г. относится начало его деятельности как исследователя. Первая работа С. С. Чуракова, посвященная фрескам Дионисия в Ферапонтовом монастыре 1501 г., появилась после его поездки в Ферапонтов. Увлеченный искусством Дионисия, Сергей Сергеевич выдвигает предположение, что блистательный русский художник XV в. изобразил в своих фресках свой «семейный портрет» и портретные изображения итальянцев, причастных к строительству Московского Кремля (см. его статью «Портреты во фресках Ферапонтова монастыря», СА, 1959, 3).

С 1938 г. С. С. Чураков начал внимательно изучать росписи Ростова, Ярославля и Тутаева, особенности искусства мастеров русской стенописи, собирать мотивы древнерусских орнаментов, подготавливая статью о роли орнамента в стенных росписях древнерусских храмов (опубликована в журн. «Декоративное искусство», 1958, 12).

Война 1941 г. застала художника в Дагестане, где он участвовал в реставрационных работах. В 1942 г. Сергей Сергеевич принимал участие в создании плафона Большого театра СССР под руководством П. Д. Корина. Перечислить все работы С. С. Чуракова 40-х гг. очень трудно: в г. Горьком он реставрировал огромную картину К. Маковского «Воззвание Минина к нижегородцам», укреплял картины и иконы в Тульском художественном музее и в Калужском музее. В этих древнерусских городах он пытливо изучал древнерусское художественное наследие. Его привлекали фрески Успенского собора г. Тулы. С. С. Чураков составлял их опись, копировал, готовил исследование «Фрески Тульского Успенского собора». Весь этот материал представляет большую ценность, так как фрески собора ныне утрачены. В 1946 г. в Доме архитектора была организована выставка копий с произведений монументальной древнерусской живописи художников Н. И. Толмачевской и С. С. Чуракова.

В 1949 г. Сергей Сергеевич участвовал в реставрации стенописи Троицкого собора Загорского историко-архитектурного музея-заповедника. Кроме сложной работы по восстановлению и раскрытию стенных росписей, С. С. Чураков сделал эскиз западной стены собора, живопись которой на 80% была утрачена, эскиз реконструкции росписи в дьяконнике (утрата на 90%), картон настенной летописи вязью, идущей по периметру трех стен собора.

К 1953 г. относится большая работа С. С. Чуракова по снятию стенописей Благовещенской церкви города Юрьевца. Было снято около 50 $м^2$ росписей. Их снятие, транспортировка, а затем монтаж длились более двух лет. На эти же годы приходится снятие росписей в г. Пучеже (XVIII в.). Юрьевецкие росписи — это одна из замечательных страниц истории русской стенописи конца XVII в. По предположению С. С. Чуракова, они принадлежат кисти крупного монументалиста, каким, очевидно, мог быть Кирилл Уланов, проведший конец своих дней в Юрьевце.

С 1957 по 1964 гг. С. С. Чураков был связан с Музеем древнерусского искусства им. Андрея Рублева. Он был одним из тех, кто помогал создавать этот музей, широко осознавая его будущее, его роль в собирании, изучении и популяризации художественной культуры древней Руси. В музее находятся отреставрированные им иконы, смонтированные фрагменты стенных росписей. Здесь и грандиозный комплекс фресок Юрьевецкого собора, и иконы XV, XVI, XVII вв. Блестящей работой Сергея Сергеевича является реставрация иконы «Никола Зарайский» (конец XV в.) из г. Дмитрова, поступившей в музей в остро аварийном состоянии.

Для С. С. Чуракова реставрация означала в первую очередь раскрытие всей эстетической ценности памятника, особенностей художественной манеры письма, художественного языка. Он умел искренне радоваться, восхищаться произведениями средневековых мастеров.

За несколько месяцев до смерти С. С. Чураков вместе с В. Е. Брягиным проводил реставрацию стенных росписей Андрея Рублева и Даниила Черного в Успенском соборе г. Владимира. Об этой работе знают немногие. Она зафиксирована только в дневниках и актах. Работы были не только велики по объему, но и сложны по своему характеру. Многие фрески находились под угрозой полной утраты, настолько отставал слой штукатурки во многих местах и особенно на больших площадях центрального свода. Для спасения росписи потребовалось много энергии и реставрационного опыта. В итоге наблюдений над стилем росписи Сергей Сергеевич попытался определить и разграничить фрески, написанные Андреем Рублевым и Даниилом Черным (см. его статьи в журн. «Искусство», 1964, 9, и в СА, 1966, 1).

Уже в 1956 г., готовя первое издание «Путеводителя по Ярославлю», С. С. Чураков уделяет большое внимание яркой и самобытной живописи Ярославских храмов. В написанной совместно с А. И. Сусловым монографии «Ярославль» (М., 1960) Сергей Сергеевич прослеживает различные пути развития стенных росписей, вскрывая их особенности, стремясь связать росписи с определенными художниками, выявляя их индивидуальные черты. В этом труде С. С. Чураков выступил фактически как первоисследователь ярославских стенописей: он обобщил материал архивов, внес многие уточнения, дал целостную картину развития живописной культуры города.

Теперь уже не являются загадочными имена таких художников, как Любим Агеев, Иван Муравой, Василий Ильин Запокровский и др. Они предстают перед

нами как своеобразные мастера со своими, любовно выделенными исследователем, особенностями в колорите, рисунке, художественной выразительности письма. Увлечение С. С. Чуракова ярославскими росписями падает как раз на тот период, когда к их искусству наблюдалось сдержанно-холодное отношение как к периоду угасания в развитии русской национальной культуры. Своим увлеченным трудом С. С. Чураков во многом способствовал преодолению подобных взглядов.

Смерть застигла С. С. Чуракова в период его активной, увлеченной деятельности. Он был полон творческой энергии, строил планы дальнейших работ. В последние годы жизни он много выступал перед самыми различными слушателями, рассказывая о художественном наследии древней Руси, горячо защищая его, призывая к его изучению. С. С. Чураков запомнился знавшим его своим ярким, своеобразным обликом, своей живой, неутомимой натурой, богатством знаний, которыми он щедро делился с людьми. Сергей Сергеевич как бы носил в себе безграничную радость творчества и умел заражать этой радостью всех окружающих.

И. А. Иванова

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, НАПЕЧАТАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ» ЗА 1966 г.

Статьи

XXIII съезд КПСС и задачи советской археологии 3 3
З. А. Абрамова. О локальных различиях палеолитических культур Ангары и Енисея 3 9
А. К. Амброз. О символике русской крестьянской вышивки архаического типа 1 61
О. Н. Бадер. Культура с «текстильной» керамикой в Северо-Восточной Европе 3 32
Г. К. Вагнер. О главном мастере Георгиевского собора 1234 г. в Юрьеве Польском 3 99
В. Б. Виноградов. Локализация Ахардея и спракского союза племен . . . 4 38
Л. А. Голубева. Коньковые подвески из Верхнего Прикамья 3 80
В. И. Гуляев. Проблема происхождения цивилизации майя 3 17
Г. П. Григорьев, М. И. Островский. Лишская палеолитическая культура . 4 3
Г. Ф. Дебец. Физический тип людей днепро-донецкой культуры 1 14
А. Ф. Дубынин. О племенной принадлежности населения северной окраины Муромской земли 3 67
О. Н. Евтюхова. О происхождении абашевской культуры 1 23
С. К. Кабанов. К изучению аграрного строя Согда в V—VI вв. 3 52
А. И. Комеч. Рабочий метод зодчих Владимиро-Суздальского княжества XII в. 1 77
А. А. Коновалов. Периодизация новгородских берестяных грамот и эволюция их содержания 2 61
М. Ф. Косарев. Некоторые проблемы древней истории Обь-Иртышья . . . 2 24
Е. К. Максимов. Сарматские бронзовые котлы и их изготовление 1 51
А. Ф. Медведев. Татаро-монгольские наконечники стрел в Восточной Европе 2 50
А. В. Никитин. Художественная обработка кузнечных изделий XVI—XVII вв. 3 109
Г. Ф. Никитина. Классификация лепной керамики черняховской культуры 4 70
А. П. Окладников. Археология долины реки Зеи и Среднего Амура 1 32
С. В. Ошибкина. Стоянка Модлона, ее происхождение и отношение к каргопольской культуре 4 37
А. А. Передольская. Оригинал или подделка? (По поводу луврского серебряного ритона) 1 42
С. С. Подъяпольский. К характеристике кирилловского зодчества XV—XVI вв. 2 75
А. И. Рогов. Памяти академика М. Н. Тихомирова 2 3
В. В. Седов. Рязанско-окские могильники 4 86
Э. А. Сымонович. О связях лесных и лесостепных раннесредневековых культур Поднепровья (по керамическим материалам) 3 38
Д. Я. Телегин. Могильники днепро-донецкой неолитической культуры и их историческое место 1 3
А. И. Тереножкин. Об общественном строе скифов 2 33
А. А. Формозов. О наскальных изображениях Зараут-Камара в ущелье Зараут-Сай 4 14
С. С. Чураков. Андрей Рублев и Даниил Черный 1 92
К. В. Шишкин. Применение аэрофотосъемки для исследования археологических памятников 3 116
А. А. Щепинский. Культуры энеолита и бронзы в Крыму 2 10
К 70-летию Исаака Мамед Риза оглы Джафарзаде 1 108
К 60-летию В. Н. Чернецова 1 111
Памяти Алескера Казым оглы Алекперова 3 122

Публикации

Е. М. Алексеева, Т. М. Арсеньева. Стеклоделие Танаиса 2 176
В. В. Бжания. Мачарское поселение эпохи энеолита и бронзы в Абхазии . . 1 113
З. А. Билимович. Антропоморфные ручки бронзовых патер из собрания Эрмитажа 4 116
А. А. Бобринский. К истории гончарного ремесла в Полесье 4 141
Г. М. Буров. Археологические находки в старичных торфяниках бассейна Вычегды 1 155
А. С. Воскресенский, А. П. Смирнов. Археологическое исследование соборной мечети (Четырехугольника) в Великих Болгарах 1 244
Т. Н. Высотская, Е. Н. Черепанова. Находки из погребений IV—V вв. в Крыму 3 187
В. А. Ильинская. Скифские курганы около г. Борисполя 3 152
В. Ф. Каховский. Булгарское селище близ деревни Большое Янгильдино в Чувашской АССР 2 249
В. И. Козенкова. Погребальные памятники Ферганы первых веков нашей эры 1 211
М. М. Кобылина. Керамическое производство Фанагории в IV вв. 3 172
В. И. Курлов. Портная палата Соловецкого монастыря 2 274
В. А. Леквинадзе. Оборонительные сооружения Себастополиса 1 203
Г. Е. Марков. Грот Дам-Дам чешме 2 в Восточном Прикаспии 2 104
Л. Г. Мацкевой. Мезолитические стоянки и местонахождения на Керченском полуострове 3 125
А. Н. Москаленко. Святилище на р. Воргол 2 203
Ю. А. Мочанов. Ранний неолит Алдана 2 126
Р. М Мунчаев, А. Л. Нечитайло. Комплексы майкопской культуры в Усть-Джегутинском могильнике 3 133
А. Г. Мухамадиев. Два клада татарских монет XV в. 2 259
В. А. Падин. Юхновские поселения Средней Десны 2 137
В. И. Прутло. Эллинистические флаконы для лекарства 1 192
Н. И. Сокольский. Ильичевское городище 4 125
В. Н. Станко. Мезолитическая стоянка Гиржево в Одесской области (1962—1964 гг.) 2 96
Э. А. Сымонович. Ингульский клад 1 127
С. П. Толстов, М. А. Итина. Саки низовьев Сыр-Дарьи (по материалам Тагискена) 2 151
Г. А. Федоров-Давыдов. Новый Сарай по раскопкам 1963—1964 гг. 2 233
В. В. Федоров, В. П. Третьяков. Стоянка «Выселки» (К вопросу о неолите восточной части Волго-Окского междуречья) 4 105
С. О. Хан-Магомедов. Раннесредневековая Горная стена в Дагестане . . . 1 227
Е. Н. Черных. К химической характеристике металла Ингульского клада 1 143
В. П. Шилов. Ушаковский курган 1 174
Г. М. Штендер. Новгородская церковь Петра и Павла в Кожевниках 1406 г. 2 210
А. Л. Якобсон. Средневековые шифосы Северного Причерноморья 2 189
В. Л. Янин. Именные буллы русских епископов XII — начала XIII вв. . . 3 197

Заметки

Д. А. Авдусин. Смоленские берестяные грамоты из раскопок 1964 г. . . . 2 319
С. Л. Агафонов. Шатровая церковь 1552 г. в Балахне 3 251
А. В. Анпилогов, К. А. Инина. Результаты петрографического изучения кремня с древних поселений Карелии 3 208
С. Н. Астахов. Позднепалеолитическая стоянка Кокорево IV 2 288
В. А. Башилов. Бронзовая гидрия из кургана у с. Мастюгино 2 304
Г. Д. Белов. Синопская амфора из Херсонеса 2 309
С. А. Беляев. Обломок стеклянного сосуда из Херсонеса 3 233
А. А. Бобринский. Гончарный круг с мраморным диском с городища Роксоланы 3 235
Е. Д. Богданович, И. К. Кудряшов. Об этажности строения Каповой пещеры 4 150
А. В. Бодянский. Из новых находок на Нижнем Днепре 3 225
В. Б. Виноградов. Фигурки «скифов» из Чечено-Ингушетии 2 298
В. В. Гарновский. Стоянки на Средней Мсте в районе г. Боровичи . . . 4 156
В. П. Даркевич. К заметке А. В. Бодянского «Из новых находок на Нижнем Днепре» 3 246
Ю. В. Деревягин. Саратовское поселение эпохи бронзы 2 297
А. Ф. Дубынин. Об орнаменте грузиков Троицкого городища 1 269
М. И. Завитухина. Два бронзовых кельта из могил VI—V вв. до н. э. на Енисее 3 228
О. Ш. Исмизаде. Крепостное сооружение на Бакинской бухте 1 277
Г. П. Кесаманлы. Погребение с бронзовым поясом из Хачбулага 3 221
Г. П. Кесаманлы, З. И. Ямпольский. Историко-археологический комплекс из с. Ибрагимгаджили Азербайджанской ССР 1 275

П. М. Кожин. О глиняных моделях колес из Балановского могильника . 4 176
М. Ф. Косарев. Литейная форма из Среднего Приобья 3 218
Н. Б. Кишилов. Аллегория земли во фресках церкви Спас Нередицы . . 4 205
М. М. Лесницкая. Портрет II в. из Пантикапея 3 230
В. Ю. Лещенко. Сасанидское блюдо Пермской художественной галереи . . 2 317
В. Ю. Лещенко, В. А. Оборин. Новые находки восточного серебра в Прикамье 3 241
А. Н. Липский. Погребения тагарских воинов на р. Биджа 2 312
Д. М. Лихачева. Южно-италийская пелика Рыбинского музея 2 301
П. Ф. Лысенко. Шиферное пряслице с надписью из Пинска 3 248
К. Маевский. Польские археологические исследования в Нове, в Болгарии в 1965 г. (Западный сектор) 4 191
В. И. Мамонтов. Арчединский комплекс наконечников стрел срубной культуры 3 215
С. К. Накельский, Н. Н. Карлов. Остатки ископаемого палеолитического человека в Среднем Приднепровье 1 258
И. Н. Осиновский. Находка солида Константина IV близ Судака 3 240
С. В. Ошибкина. Стоянка Яковлево Вологодской обл. 1 265
Г. А. Панкрушев. Неолитический могильник Сандермоха 4 160
Л. П. Папкова. Я. Г. Белик, А. П. Кононенко, О. П. Мчеделов-Петросян. Экспериментальное исследование некоторых строительных растворов Старого Баку 1 292
М. Н. Петров. Неолитическая стоянка «Стрелка» в Новгородской области 3 212
Л. Д. Поболь. Погребение эпохи бронзы близ деревни Борисовщина Могилевской области 2 294
В. Н. Прищепенко. К биографии Ф. С. Коня 4 209
Т. В. Равдина. Раскопки в Пинске 1 285
В. А. Ранов. Шлифованные топоры из Таджикистана 4 168
Р. Л. Розенфельдт. Константиновские и Залесьевские курганы 4 202
В. Д. Рыбалова. Костяной псалий с поселения Каменка близ Керчи . . 4 178
И. М. Самойловский. Следы могильника с трупосожжением эпохи бронзы около с. Вишенки под Киевом 4 186
А. П. Смирнов. Скифский меч Псковского музея 3 227
И. И. Стефанова. Черняницкая мезолитическая стоянка 4 154
Я. И. Сунчугашев. О выплавке меди в древней Туве 4 187
П. П. Сычев. Фрагмент росписи 1161 г. в Успенском соборе во Владимире 1 291
П. Н. Третьяков. Сосуд из Борани 1 263
А. П. Уманский. Андроновские топоры из фондов Алтайского краевого музея 4 181
В. А. Уртан. Средневековые медицинские инструменты для кровопускания 2 329
Э. В. Ханзадян. Расписной сосуд с зооморфными изображениями из Элара 4 172
Е. В. Черненко. О шлеме из Нимфея 4 194
Н. А. Чернецын. Угрофинские могильники на территории Вологодской обл. 4 196
В. Л. Янин. Находка польского свинца в Новгороде 2 324
К 70-летию В. П. Петрова 3 260
К 60-летию С. Н. Орлова 3 262
К 60-летию Л. М. Славина 3 264

Критика и библиография

А. К. Амброз. J. Werner. Katalog der Sammlung Diergardt, Berlin, 1961 . . 4 211
А. В. Банк. Письмо в редакцию 1 315
В. Д. Блаватский. Edit B. Thomas. Romische Villen in Pannonien 3 276
И. Б. Брашинский. Новые зарубежные исследования по керамической эпиграфике 2 332
И. Б. Брашинский. Об амфорных клеймах из Пеллы 4 229
А. Я. Брюсов, Н. Н. Гурина. Новые данные о каменном веке в северо-западной Белоруссии 3 267
С. М. Васюткин. Сл. «Археология и этнография Башкирии», т. II . . . 4 220
Г. И. Вздорнов. Благовещенский собор или придел Василия Кесарийского? 1 317
В. Ф. Генинг. По поводу рецензии А. П. Смирнова 3 282
А. Гейслер. Письмо в редакцию 1 323
Ф. Д. Гуревич, Р. М. Джанполадян, М. В. Малевская. По поводу статьи Б. А. Шелковникова «Русское стекло домонгольского времени, расписанное эмалями» 1 312
А. Н. Кирпичников, Е. В. Черненко. Н. В. Пятышева. Железная маска из Херсонеса (К вопросу о происхождении и назначении кочевнических шлемов с масками) 4 214
Г. Ф. Корзухина, П. А. Раппопорт. В. П. Петров. Історич на топографія Киева 4 227
В. И. Кузищин. Massimo Pallatino. Che cos'e l'archeologia 2 330
Г. П. Михалевич. Иранские археологические отчеты 2 341

С. А. Плетнева, И. П. Русанова. Живка Н. Вължарова. Славянски и славяно-български селища в българските земи от края на VI до XI век 3 276
Н. Г. Порфиридов. В. Л. Янин. Я послал тебе бересту 3 280
П. А. Раппопорт. М. Г. Рабинович. О древней Москве 2 340
В. В. Седов, Ф. Д. Гуревич. Древности Белорусского Понеманья 1 305
Б. А. Фролов. Зарубежная литература о содержании палеолитического искусства 1 297
Б. А. Фролов. André Leroi-Gourhan. Préhistoire de l'art occidentale 3 269

Хроника

В. А. Джорбенадзе, К. Г. Мачабели. Сессия византистов 1965 г. 4 231
А. Н. Кирпичников, А. Н. Мелентьев. Популярная археология 3 289
В. А. Могильников. Четвертое Уральское археологическое совещание . . 1 324
Е. И. Агеева 1 331
Н. М. Егоров 3 292
А. В. Збруева 2 346
А. Н. Насонов 1 330
И. И. Смирнов 3 294
И. В. Фабрициус 3 296
С. С. Чураков 4 234
Указатель статей, напечатанных в журнале «Советская археология» за 10 лет 4 240

УКАЗАТЕЛЬ К ЖУРНАЛУ «СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ» ЗА ДЕСЯТЬ ЛЕТ (1957—1966 гг.)

I ТЕОРИЯ И ОБЩИЕ ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ

XXI съезд КПСС и задачи советской археологии 1959 1
XXII съезд КПСС и задачи советской археологии 1961 4
XXIII съезд КПСС и задачи советской археологии 1966 3
К пятидесятилетию выхода в свет книги В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» 1959 2
К 90-летию со дня рождения В. И. Ленина 1960 2
О задачах журнала «Советская археология» 1957 1
Памяти Карла Маркса 1958 2
Сорок лет советской археологии 1957 4
А. Т. Брайчевская (Киев). Т. Г. Шевченко и археологическая наука . . 1964 3
Е. И. Крупнов (Москва). Памятники культуры — всенародное достояние 1965 2
Н. Я. Мерперт (Москва). О семилетнем плане ИА АН СССР 1960 1
А. Л. Монгайт (Москва). Археология и современность 1960 4
А. Л. Монгайт (Москва). Археология и религия 1962 2
А. П. Окладников (Ленинград). «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Фридриха Энгельса и современность 1959 4
Б. А. Рыбаков (Москва). Место славяно-русской археологии в советской исторической науке 1957 4
А. П. Смирнов (Москва). К вопросу об археологической культуре . . . 1964 4
Б. С. Сорокин (Ленинград). Некоторые теоретические вопросы возникновения человеческого общества (в связи с исследованием Ю. И. Семенова «Возникновение человеческого общества») 1965 4
П. Н. Третьяков (Ленинград). Этногенический процесс и археология . . 1962 4
А. Хануков, Г. Соловьева (Москва). О наглядной пропаганде памятников культуры 1957 3

II ПАЛЕОЛИТ И НЕОЛИТ

О. А. Абибулаев (Баку). Некоторые итоги изучения холма Кюль-Тепе в Азербайджане. (Р. III) * 1963 3
З. А. Абрамова (Ленинград). Новые находки верхнепалеолитических изображений человека в Центральной и Западной Европе 1957 3
З. А. Абрамова (Ленинград). Пещерный лев в палеолитическом искусстве 1958 3

* Здесь и далее в скобках указаны разделы указателя, к которым также относится данная статья.

З. А. Абрамова (Ленинград). Роль и значение палеолитического искусства 1960 3
З. А. Абрамова (Ленинград). Красный Яр — новая палеолитическая стоянка на Ангаре 1962 3
З. А. Абрамова (Ленинград). К вопросу об охоте в верхнем палеолите 1964 4
З. А. Абрамова (Ленинград). О локальных различиях палеолитических культур Ангары и Енисея 1966 3
Х. А. Алпысбаев (Алма-Ата). Открытие памятников древнего и позднего палеолита в Южном Казахстане 1961 1
Г. И. Андреев, Ю. М. Фомин, П. П. Пашкин (Москва). Неолитические поселения Подкаменной Тунгуски 1965 3
А. В. Аншлогов, К. А. Инина (Петрозаводск). Результаты петрографического изучения кремня с древних поселений Карелии 1966 3
С. Н. Астахов (Ленинград). Позднепалеолитическая стоянка у дер. Федяево на Ангаре 1963 3
С. Н. Астахов (Ленинград). Позднепалеолитическая стоянка Кокорево IV 1966 2
П. У. Аутлев (Майкоп). Губская палеолитическая стоянка 1964 4
О. Н. Бадер (Москва). Палеолитическая стоянка Сунгирь на р. Клязьме 1959 1
О. Н. Бадер (Москва). О соотношении культуры верхнего палеолита и мезолита Крыма и Кавказа 1961 4
О. Н. Бадер (Москва). Палеолитические рисунки Каповой пещеры (Шульган-Таш) на Урале 1963 1
О. Н. Бадер (Москва). Варианты культуры Кавказа конца верхнего палеолита и мезолита 1965 4
О. К. Бердыев (Москва). О стратиграфии Бамийского поселения . . . 1963 4
О. К. Бердыев (Ашхабад). Стратиграфия Тоголок-Тепе в связи с расселением племен джейтунской культуры 1964 3
О. К. Бердыев (Ашхабад). Неолит «Новой» Нисы 1965 2
Д. Т. Березовец (Киев). Рисунки на челюсти быка 1958 4
С. Н. Бибиков (Киев). О времени образования надпойменного уступа в долине среднего течения Днестра 1958 3
С. Н. Бибиков (Киев). Некоторые вопросы заселения Восточной Европы в эпоху палеолита 1959 4
С. Н. Бибиков (Киев). Из истории каменных серпов на юго-востоке Европы. (Р. III, IV) 1962 3
В. И. Бибикова (Киев). Некоторые замечания по фауне из мустьерской пещеры Аман-Кутан I 1958 3
В. И. Бибикова (Киев). О происхождении палеолитического мезинского орнамента 1965 1
Е. Д. Богданович, И. К. Кудряшов (Уфа). Об этажности строения Каповой пещеры 1966 4
П. И. Борисковский (Ленинград). Изучение палеолитических жилищ в Советском Союзе 1958 1
П. И. Борисковский (Ленинград). Палеолитический очаг на стоянке Валукинского (Костенки XIX) 1959 1
П. И. Борисковский (Ленинград). Исследования памятников каменного века в демократической Республике Вьетнам в 1960—1961 гг. . . . 1962 2
А. Я. Брюсов (Москва). К вопросу об индоевропейской проблеме . . . 1958 3
А. Я. Брюсов (Москва). Льяловская стоянка на р. Клязьме в Московской области 1960 3
В. Р. Букин (Ленинград). Возникновение садоводства. (Р. III, IV) . . 1963 2
Г. М. Буров (Сыктывкар). Стоянки с микролитическим инвентарем на р. Вычегде 1961 1
С. В. Бутомо, В. А. Ранов, Л. Ф. Сидоров (Душанбе). Некоторые вопросы исследования каменного века Памира 1964 4
М. Г. Воробьева (Москва). Из истории древнего Хорезма. (Р. IV, V) . . 1958 1
В. С. Воронцов (Иркутск). Петроглифы у дер. М. Воробьево на Верхней Лене 1958 2
Г. П. Григорьев (Ленинград). Селет и костенковско-стрелецкая культура 1963 1
Г. П. Григорьев (Ленинград), **М. И. Островский** (Кременец). Липская палеолитическая культура 1966 4
Н. Н. Гурина (Ленинград). Некоторые новые данные о заселении севера Европейской части СССР 1957 2
Н. Н. Гурина (Ленинград). Валдайская неолитическая культура . . . 1958 3
Н. Н. Гурина (Ленинград). Новые мезолитические памятники лесной полосы Европейской части СССР 1960 1
Н. Н. Гурина и Г. М. Ковнурко (Ленинград). Шахты по добыче кремня в Западной Белоруссии 1964 2
В. И. Гуляев (Москва). Проблема происхождения цивилизации Майя 1966 3
Б. И. Гуслицер, В. И. Канивец, Е. М. Тимофеев (Сыктывкар). Стоянка Бызовая — палеолитический памятник у Полярного круга 1965 2
Г. Ф. Дебец (Москва). Физический тип людей днепродонецкой культуры 1966 1

В. П. Денисов (Пермь). Новые археологические памятники на р. Вятке. (Р. III, IV, V) 1958 3
А. П. Деревянко (Новосибирск). Новопетровская культура (культура пластин) на Среднем Амуре 1965 3
П. И. Ефименко (Ленинград). По поводу статьи Формозова «О времени и исторических условиях сложения племенной организации» . . . 1957 1
П. П. Ефименко (Ленинград). Переднеазиатские элементы в памятниках позднего палеолита Северного Причерноморья 1960 4
Ф. М. Заверняев, Е. А. Шмидт (Брянск). Новая находка нижнего палеолита на Верхней Десне 1961 1
Ю. Н. Захарук (Львов). Глиняный амулет из с. Кошиловцы 1960 2
М. П. Зимина (Москва). Стоянка Лопачи. (Р. III) 1963 1
Ф. И. Иванов (Калинин). Ранненеолитическая стоянка близ г. Калинина 1960 2
М. И. Исаков (Махачкала). Чиркатинские древности в Дагестане . . . 1961 4
Н. Н. Карлов (Днепропетровск). Ручное рубило из Среднего Поднепровья 1963 3
Н. Н. Карлов, С. К. Накельский (Днепропетровск). Позднепалеолитические подвески из ростров белемнитов и каспийских раковин с р. Самары 1963 1
Н. П. Кипарисова (Свердловск). О культурах лесного Зауралья. (Р. III) 1960 2
С. В. Киселев (Москва). Неолит и бронзовый век Китая. (Р. III) . . . 1960 4
М. Н. Клапчук (Караганда). Первые палеолитические находки в Центральном Казахстане 1964 3
М. Н. Клапчук (Караганда). Археологические находки в Карагандинской области в 1962 году 1965 3
Л. В. Кольцов (Москва). Некоторые итоги изучения мезолита Волго-Окского междуречья 1965 4
И. Ф. Ковалева (Днепропетровск). Клад кремневых орудий из окрестностей г. Днепропетровска 1961 4
Д. Л. Коридзе (Тбилиси). Новые находки медных орудий в Квемо-Картли. (Р. III) 1958 1
И. И. Коробков (Ленинград). Новые палеолитические находки на Яштухе. (По результатам работ 1961 г.) 1965 3
Д. А. Крайнов (Москва). К вопросу о происхождении животноводства в юго-западном Крыму в послепалеолитическое время 1957 2
В. И. Красковский (Одесса). Разведки позднего палеолита и эпипалеолита в Одесской области 1962 1
Ю. А. Краснов (Московская область). Следы мезолита в долине Москвы-реки 1962 1
Ю. А. Краснов (Москва). К истории раннего земледелия в лесной полосе европейской части СССР. (Р. III, V) 1965 2
Ю. А. Краснов, Н. А. Краснов (Звенигород). Новые памятники льяловской культуры 1959 1
Л. Я. Крижевская (Ленинград). Неолитические поселения на северо-востоке Башкирии 1962 2
Е. И. Крупнов (Москва). За экономическое возрождение районов Прикаспийской низменности. (Р. III, IV, V) 1961 3
Г. И. Лазуков (Москва). Природные условия эпохи верхнего палеолита в Костенковско-Боршевском районе 1957 3
В. Е. Ларичев (Ленинград). Стоянки культуры раковинных куч в районе бухты Тетюхе 1958 1
Г. Н. Лисицына (Москва). К вопросу об аллереде Прибалтики и возрасте стоянки Кунда 1958 3
Г. Е. Марков (Москва). Грот Дам-Дам чешме 2 в Восточном Прикаспии. (Р. III) 1966 2
В. М. Массон (Ленинград). Джейтун и Кара-депе. (Р. III) 1957 1
В. М. Массон (Ленинград). Новые раскопки на Джейтуне и Кара-тепе 1962 3
В. М. Массон (Ленинград). Историческое место среднеазиатской цивилизации. (Р. III) 1964 1
Г. Н. Матюшин (Москва). Стоянка Мурат на озере Узун-Куль 1965 1
Л. Г. Мацкевой (Керчь). Мезолитические стоянки и местонахождение на Керченском полуострове 1966 3
В. Миков (Болгария, София). Культура неолита, энеолита и бронзы в Болгарии. (Р. III) 1958 1
Х. А. Моора (Таллин). О древней территории расселения балтийских племен. (Р. IV, V) 1958 2
Ю. А. Мочанов (Якутск). Ранний неолит Алдана 1966 2
С. К. Накельский, Н. Н. Карлов (Днепропетровск). Остатки ископаемого палеолитического человека в Среднем Приднепровье 1966 1
И. Г. Нариманов (Баку). Древнейшие серпы Азербайджана 1964 1
И. Г. Нариманов, Г. С. Исмайлов (Баку). Акстафачайское поселение близ г. Казаха 1962 4

А. М. Негруль (Москва). Археологические находки семян винограда. (Р. III, IV, V) 1960 1

Р. В. Николаев (Красноярск). Археологические находки на севере Красноярского края. (Р. III) 1960 1

К. С. Николаэску-Плошор (Бухарест). К изучению палеолита Румынии 1962 3

Ю. Ф. Новиков (Ворошиловград). О возникновении земледелия и его первоначальных формах. (Р. IV) 1959 4

А. П. Окладников (Ленинград). Из истории этнических и культурных связей неолитических племен Среднего Енисея 1957 1

А. П. Окладников (Ленинград). Итоги и узловые проблемы изучения палеолита в СССР за 40 лет 1957 4

А. П. Окладников (Новосибирск). Археология долины реки Зеи и Среднего Амура. (Р. III, IV, V) 1966 1

А. П. Окладников, И. А. Некрасов (Ленинград). Новые следы континентальной неолитической культуры на Чукотке (находки у оз. Ольгытхын) 1957 2

С. В. Ошибкина (Москва). Стоянка Модлона, ее происхождение и отношение к каргопольской культуре 1966 4

Г. А. Панкрушев (Петрозаводск). Неолитический могильник Сандермоха 1966 4

Н. Ф. Петриченко (Киев). Позднепалеолитическая стоянка Била на Пруте 1963 3

М. Н. Петров (Новгород). Неолитическая стоянка «Стрелка» в Новгородской области 1966 3

Т. Б. Попова (Москва). Археологические коллекции Моршанского краеведческого музея. (Р. III, IV, V) 1962 4

Н. Д. Праслов (Таганрог). Югинская палеолитическая стоянка в Приазовье 1963 3

Ф. Прошек (Чехословакия, Прага). Новый тип палеолитического очага из стоянки Шанов-Коут II у с. Гостим 1959 1

А. Н. Пулянос (Москва). Новые находки палеолита в Греции 1963 2

В. М. Раушенбах (Москва). Мастерская каменных орудий на Голом камне под Нижним Тагилом 1961 2

В. М. Раушенбах (Москва). Древнейшая стоянка льяловской культуры 1964 2

Р. К. Римантене (Каунас). Стоянка каменного и бронзового веков Самантонис. (Р. III) 1960 2

Э. Р. Рыгдылон, П. П. Хороших (Иркутск). Погребения в местности Идан (Восточная Сибирь) 1958 3

Э. Р. Рыгдылон, П. П. Хороших (Иркутск). Археологические находки у озера Алят (Иркутская область) 1959 3

К. В. Сальников (Уфа). Опыт классификации керамики лесостепного Зауралья. (Р. III, IV) 1961 2

А. П. Смирнов (Москва). Некоторые спорные вопросы финно-угорской археологии. (Р. III IV, V) 1957 3

В. Н. Станко (Одесса). Мезолитическая стоянка Гиржево в Одесской области (1962—1964 гг.) 1966 2

И. П. Стефанова (Киров). Черняницкая мезолитическая стоянка . . 1966 4

А. Д. Столяр (Ленинград). Об одном центре одомашнивания свиньи 1959 3

Л. М. Тарасов (Ленинград). Новая палеолитическая статуэтка из Гагарино 1963 4

Д. Я. Телегин. (Киев). К вопросу о днепро-донецкой неолитической культуре. (Р. III) 1961 4

Д. Я. Телегин (Киев). О хронологии поселений ямочно-гребенчатой керамики Украины 1962 4

Д. Я. Телегин (Киев). Могильники днепро-донецкой неолитической культуры и их историческое место. (Р. III) 1966 1

С. А. Токарев (Москва). К вопросу о значении женских изображений эпохи палеолита 1961 2

С. П. Толстов (Москва). Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1955—1956 гг. (Р. III, IV, V) 1958 1

То Ю ХО, Хван Ги Док (Корея, Пхеньян). Раскопки в Ди-Тап-Ли. (Р. IV, V) 1959 4

В. П. Третьяков (Ленинград). О юго-западных связях рязанского неолита 1964 4

Г. В. Трухин (Томск). Археологические находки на территории Томской области 1958 1

Л. А. Фадеев (Москва). Основные проблемы африканской археологии. (Р. IV, V) 1962 3

В. В. Федоров, В. П. Третьяков (Ленинград). Стоянка «Выселки» (К вопросу о неолите восточной части Волго-Окского междуречья) 1966 4

Р. В. Федорова (Москва). Уничтожение леса и примитивное земледелие в каменном веке по современным экспериментам и пальцевым анализам 1962 1

В. А. Филипченко, Ю. В. Курочкин (Астрахань). Кремневые орудия с острова Кулалы 1960 3
А. А. Формозов (Москва). О времени и исторических условиях сложения племенной организации 1957 1
А. А. Формозов (Москва). Могут ли служить орудия каменного века этническим признаком? 1957 4
А. А. Формозов (Москва). Микролитические памятники Азиатской части СССР 1959 2
А. А. Формозов. (Москва), **А. Д. Столяр** (Ленинград). Неолитические и энеолитические поселения в Краснодарском крае 1960 2
А. А. Формозов (Москва). Относительная хронология древнего палеолита Прикубанья 1962 4
А. А. Формозов (Москва). Обзор исследований мезолитических стоянок на Кавказе 1963 4
А. А. Формозов (Москва). Неолит и энеолит Северо-Западного Кавказа в свете последних исследований. (Р. III) 1964 3
А. А. Формозов (Москва). О наскальных изображениях Зараут-Камара в ущелье Зараут-Сай 1966 4
П. П. Хороших (Иркутск). Зооморфные изображения на неолитической керамике из Прибайкалья 1960 2
И. К. Цветкова (Москва). Неолитические жилища стоянки Володары 1958 2
И. К. Цветкова (Москва). Стоянка Подборица-Щербининская 1961 2
Г. А. Чернов (Сыктывкар). Стоянки на Средней Печоре 1959 2
Г. А. Чернов (Сыктывкар). Уньинская пещерная стоянка в бассейне Печоры. (Р. IV) 1960 2
Г. А. Чернов (Сыктывкар). Стоянка древнего человека на Усе и Средней Печоре 1964 1
Р. В. Чубарова (Ленинград). Неолитические стоянки на о. Итурупе . . 1960 2
М. Х. Шмидехельм (Таллин). Некоторые результаты археологических исследовний в Советской Эстонии. (Р. III, IV, V) 1963 3
В. Я. Шиперович (Москва). Каменное орудие из пос. Борцовки в Алтайском крае 1962 2
И. Г. Шовкопляс (Киев). Некоторые итоги исследования мезинской позднепалеолитической стоянки в 1954—1956 гг. 1957 4

III. ЭНЕОЛИТ И БРОНЗОВЫЙ ВЕК

Ц. Н. Абесадзе, Р. А. Бахтадзе, Г. А. Двали (Тбилиси). Клад позднебронзовой эпохи из с. Удэ (Южная Грузия) 1961 3
М. С. Акимова (Москва). Черепа из Чурачикского кургана в Чувашии 1963 3
Е. П. Алексеева (Черкесск). Находки эпохи поздней бронзы в Карачаево-Черкесской автономной области 1960 2
Г. И. Андреев (Москва). Поселение Зайсановка I в Приморье 1957 2
Г. И. Андреев (Москва). Некоторые вопросы культуры раковинных куч. (Р. IV) 1958 4
Н. В. Анфимов (Краснодар). Находки предметов эпохи бронзы близ станицы Удобной 1957 4
И. И. Артеменко (Москва). Поселение бронзового века на Кузиной Горе 1961 2
И. И. Артеменко (Москва). Среднеднепровская культура 1963 2
Г. М. Асланов (Баку). О музыкальных инструментах древнего Азербайджана 1961 2
И. И. Аханов (Геленджик). Древняя стоянка в Геленджике 1961 3
О. Н. Бадер (Москва). Балановская культура 1961 4
О. Н. Бадер (Москва). Культура с «текстильной» керамикой в Северо-Восточной Европе 1966 3
О. Н. Бадер, Б. Х. Кадиков (Москва). Поселения эпохи бронзы на Каме между г. Оханском и г. Сарапулом 1957 3
С. С. Березанская (Киев). Об одной из групп памятников средней бронзы на Украине 1960 4
В. В. Бжания (Сухуми). Мачарское поселение эпохи энеолита и бронзы в Абхазии 1966 1
С. Н. Бибиков (Киев). Хозяйственно-экономический комплекс развитого Триполья (Опыт изучения первобытной экономики) 1965 1
А. В. Бодянский (Запорожская обл.). Древнеямное погребение с антропоморфной стелой 1964 1
В. Г. Борисов (Москва). Меч и копье из Якутии 1961 2
А. Я. Брюсов (Москва). К вопросу о теории диффузии. (Р. IV) 1957 1
А. Я. Брюсов (Москва). Об экспансии «культур с боевыми топорами» в конце III тысячелетия до н. э. 1961 3
А. Я. Брюсов (Москва). Восточная Европа в III тысячелетии до н. э. (Этногенетический очерк) 1965 2
Г. М. Буров (Сыктывкар). Археологические находки в старичных торфяниках бассейна Вычегды. (Р. IV) 1966 1

Э. Б. Вадецкая (Ленинград). О каменных стелах эпохи бронзы в Хакасско-Минусинской котловине 1965 4
Л. В. Ванкина (Рига). Раскопки в Сарнате в 1955—1956 гг. 1958 3
Л. В. Ванкина (Рига). Новейшие находки эпохи бронзы на территории Латвийской ССР 1960 3
В. В. Веселов (Керчь). Стоянка эпохи бронзы на р. Березовке в Адамовском районе Оренбургской области 1958 1
В. В. Волков (Улан-Батор). Бронзовый кинжал из Гоби 1961 4
В. В. Волков, Э. А. Новгородова (Улан-Батор). Карасукские привески из Монголии 1960 4
М. Г. Гаджиев (Махачкала). О бронзовых булавках Дагестана эпохи бронзы 1964 4
О. С. Гадзяцкая (Москва). Фатьяновский медный топор из г. Солнечногорска 1961 1
О. С. Гадзяцкая (Москва). Фатьяновский могильник балановского типа в Ивановской области 1963 1
Б. З. Гамбург, Н. Г. Горбунова (Фергана). Новые данные о культуре эпохи бронзы Ферганской долины 1957 3
В. В. Гарновский (Боровичи). Стоянки на Средней Мете в районе г. Боровичи 1966 4
Ю. В. Деревягин (Саратов). Саратовское поселение эпохи бронзы . . 1966 2
О. М. Джапаридзе (Тбилиси). Археологические раскопки в Триалети 1964 2
М. А. Дэвлет (Москва). Каменная фигурка андроновского времени . . 1962 2
О. Н. Евтюхова (Москва). О происхождении абашевской культуры . . 1966 1
С. А. Есаян, А. Н. Шагинян (Ереван). Археологические находки в Зангезуре 1962 3
Ф. М. Заверняев (Брянск). Памятники эпохи поздней бронзы в бассейне Верхней Десны 1964 1
Ю. А. Заднепровский (Ленинград). Ашкал-Тепе — новый памятник чустской культуры в Фергане 1959 3
А. В. Збруева (Москва). Культуры поздней бронзы в Прикамье в связи с вопросом о сложении ананьинской культуры. (Р. IV) 1957 2
А. А. Иерусалимская (Ленинград). О предкавказском варианте катакомбной культуры 1958 2
С. Н. Ильин (Шуя). Булавовидный топор из с. Парского Ивановской области 1958 4
В. А. Ильинская (Киев). Бондарихинская культура бронзового века . . 1961 1
О. Ш. Исмидзе (Баку). Налепное изображение головы человека из Мильской степи 1960 4
В. Ф. Каховский (Чебоксары). Поселения эпохи бронзы в Чувашии . . 1962 1
В. Ф. Каховский (Чебоксары). Чурачикский курган в Чувашии . . . 1963 3
К. А. Качурис (Москва). О позднеэлладских женских глиняных статуэтках 1963 2
С. В. Киселев (Москва). Исследование бронзового века на территории СССР за 40 лет 1957 4
Л. С. Клейн (Ленинград). О так называемых ямных погребениях катакомбного типа 1961 2
Л. С. Клейн (Ленинград). Катакомбные памятники эпохи бронзы и проблема выделения археологических культур 1962 2
П. М. Кожин (Москва). Хронология шаровидных амфор фатьяновских могильников 1963 3
П. М. Кожин (Москва). О глиняных моделях колес из Балановского могильника 1966 4
В. Б. Королев (Пермь). Могильник эпохи бронзы в окрестностях Кисловодска 1962 1
М. Ф. Косарев (Москва). Среднеобский центр турбинско-сейминской бронзовой металлургии 1963 4
М. Ф. Косарев (Москва). К вопросу об антропоморфных и солярных рисунках на самусьской керамике 1964 1
М. Ф. Косарев (Москва). Бронзовый век лесного Обь-Иртышья 1964 3
М. Ф. Косарев (Москва). О культурах андроновского времени в Западной Сибири 1965 2
М. Ф. Косарев (Москва). Некоторые проблемы древней истории Обь-Иртышья 1966 2
М. Ф. Косарев (Москва). Литейная форма из Среднего Приобья . . . 1966 3
В. Г. Котович (Махачкала). О хозяйстве населения Дагестана в древности. (Р. II) 1965 3
Т. А. Кравченко (Москва). К вопросу о погребальных памятниках типа «Хула-сюч» 1964 3
Д. А. Крайнов (Москва). Волосово-Даниловский могильник фатьяновской культуры 1964 4
Е. И. Крупнов (Москва). О происхождении и датировке кобанской культуры 1957 1

Е. И. Крупнов (Москва). Древнейшая культура Кавказа и кавказская этническая общность 1964 1
Е. Е. Кузьмина (Москва). Два бронзовых кельта-лопатки из собрания Гос. Эрмитажа 1961 4
Е. Е. Кузьмина (Москва). Древнейшая фигурка верблюда из Оренбургской области и проблема доместикации бактрианов 1963 2
Е. Е. Кузьмина (Москва). Относительная хронология андроновских поселений Еленовского микрорайона 1965 4
К. Х. Кушнарева (Ленинград). Тазакендский могильник в Армении . . 1960 1
К. Х. Кушнарева (Ленинград), **Т. Н. Чубинишвили** (Тбилиси). Историческое значение Южного Кавказа в III тысячелетии до н. э. . . . 1963 3
Л. Р. Кызласов (Москва). Афанасьевские курганы на реках Уйбат и Бюрь 1962 2
В. Е. Ларичев (Ленинград). Бронзовый век Северо-Восточного Китая 1961 1
Б. А. Латынин (Ленинград). О южных границах ойкумены степных культур эпохи бронзы 1958 3
А. М. Лесков (Киев). Древнейшие роговые псалии из Трахтемирова . . 1964 1
Г. Н. Лисицина (Москва), **В. М. Массон** (Ленинград), **В. И. Сарианиди** (Москва), **И. Н. Хлопин** (Ленинград). Итоги археологического и палеографического изучения Геоксюрского оазиса (1956—1962 гг.) (Р. VI) 1965 1
Г. А. Ломтатидзе (Тбилиси). Результаты и перспективы археологического изучения города Тбилиси. (Р. IV, V) 1959 4
Г. А. Максименков (Ленинград). Бронзовые кельты красноярско-ангарских типов **1960 1**
Г. А. Максименков (Ленинград). Впускные погребения окуневского этапа в афанасьевских курганах 1965 4
Е. К. Максимов (Саратов). Материалы из Хвалынского музея. (Р. IV) 1962 3
В. И. Мамонтов (Волгоград). Арчединский комплекс наконечников стрел срубной культуры 1966 3
В. И. Марковин (Москва). Наскальные изображения в предгорьях Северо-Восточного Дагестана. (Р. IV) 1958 1
В. И. Марковин (Москва). О происхождении северокавказской культуры 1959 1
А. А. Мартиросян (Ереван). О периодизации археологических памятников Армении эпохи бронзы и раннего железа. (Р. IV) 1964 3
А. И. Мартынов (Кемерово). Новый район карасукской культуры . . 1964 2
В. М. Массон (Ленинград). Изучение энеолита и бронзового века Средней Азии 1957 4
В. М. Массон (Ленинград). Проблема древней Бактрии и новый археологический материал. (Р. IV) 1958 2
Л. П. Матвеева (Москва). Поселение эпохи поздней бронзы в Чувашии 1962 4
В. И. Матющенко (Томск). К вопросу о бронзовом веке в низовьях р. Томи 1959 4
В. И. Матющенко (Томск). Об антропоморфных изображениях на глиняных сосудах из поселения Самусь IV 1961 4
Т. М. Минаева (Ставрополь). Курган эпохи бронзы близ станицы Дурновской в Сталинградской области 1959 3
А. О. Мнацаканян (Ереван). Раскопки курганов на побережье оз. Севан в 1956 г. (предварительное сообщение) 1957 2
А. О. Мнацаканян (Ереван). Древние повозки из курганов бронзового века на побережье оз. Севан 1960 2
Т. Г. Мовша (Киев). О связях племен трипольской культуры со степными племенами медного века 1961 2
Т. Г. Мовша (Киев). Новое позднетрипольское поселение Цвикловцы в Среднем Поднестровье 1964 1
Р. М. Мунчаев (Москва). Памятники майкопской культуры в Чечено-Ингушетии. (Р. IV) 1962 3
Р. М. Мунчаев (Москва), **А. Л. Нечитайло** (Ставрополь). Комплексы майкопской культуры в Усть-Джегутинском могильнике 1966 3
А. Л. Никитин (Москва). Фатьяновский могильник у с. Халдеево . . . 1964 3
А. Л. Никитин (Москва). Рождественская стоянка на озере Неро . . . 1965 1
А. А. Нудельман, Э. А. Рикман (Кишинев). Новые археологические находки в Молдавии. (Р. V) 1957 3
А. П. Окладников (Ленинград). Бронзовый меч из Якутии 1959 3
А. П. Окладников (Ленинград). Триподы за Байкалом 1959 3
В. А. Падин (Трубчевск). Курганы эпохи бронзы около Трубчевска . . 1963 1
Т. С. Пассек (Москва). Новые открытия на территории СССР и вопросы позднеэнеолитических культур Дунайско-Днестровского междуречья 1958 1
С. И. Пеняк, А. Д. Шабалин (Ужгород). Олешниковские клады бронзовых изделий. (Р. IV) 1964 2
Л. Д. Поболь (Минск). Погребение эпохи бронзы близ деревни Борисовщина Могилевской области 1966 2
Т. Б. Попова (Москва). К вопросу о курильницах «северокавказского типа» 1957 1

Т. Б. Попова (Москва). К вопросу о многоваликовой керамике 1960 4
Т. Б. Попова (Москва). Эпоха бронзы на Тамбовщине 1961 3
Т. Б. Попова (Москва). Коренецкие стоянка и могильник 1965 1
Е. В. Пузаков (Харьков). Каменные сверленые топоры-молоты в верхнем течении реки Северского Донца 1962 1
В. А. Ранов (Душанбе). Шлифованные топоры из Таджикистана . . . 1966 4
М. А. Романовская (Москва). Поселение у с. Котюжаны 1961 1
М. А. Романовская (Москва). Находки эпохи поздней бронзы на поселении Ульма 1964 3
Б. А. Рыбаков (Москва). Космогония и мифология земледельцев энеолита 1965 1
Б. А. Рыбаков (Москва). Космогония и мифология земледельцев энеолита 1965 2
М. А. Сабурова (Москва), **В. Н. Ягодин** (Нукус). Литейная форма из Хорезма 1964 1
К. В. Сальников (Уфа), **А. С. Новиченко** (Оренбургская область). Памятники эпохи бронзы в Домбаровском районе Оренбургской области 1962 2
И. М. Самойловский (Киев). Следы могильника с трупосожжением эпохи бронзы около с. Вишенки под Киевом 1966 4
В. И. Сарианиди (Москва). Новый тип древних погребальных сооружений Южной Туркмении 1959 2
В. И. Сарианиди (Москва). К стратиграфии восточной группы памятников культуры Анау 1960 3
В. И. Сарианиди (Москва). Культовые здания поселения анауской культуры 1962 1
С. А. Семенов (Ленинград). Керамический серп из древнего поселения Эриду в Ираке 1965 3
Г. П. Сергеев (Кишинев). Раннетрипольский клад у с. Карбуна 1963 1
В. С. Сорокин (Ленинград). Следы древнейшего поселения у Кармир-блура. (Р. IV) 1958 2
В. С. Сорокин (Ленинград). Новые археологические данные к вопросу о развитии древней семьи 1959 4
В. И. Спришевский (Ташкент). Раскопки Чутского поселения 1958 3
П. Д. Степанов (Саратов). О фатьяновских поселениях 1958 2
П. Д. Степанов (Саратов). Новые фатьяновские памятники на территории Чувашской АССР 1958 4
Я. И. Сунчугашев (Абакан). О выплавке меди в древней Туве 1964 4
Э. А. Сымонович (Москва). Ингульский клад 1966 1
А. И. Тереножкин (Киев). Клад андроновских бронзовых предметов из с. Бричмулла близ Ташкента 1962 3
А. И. Тереножкин (Киев). Основы хронологии предскифского периода. (Р. IV) 1965 1
Б. В. Техов (Сталинир). Могильник эпохи поздней бронзы в с. Тли 1960 1
Б. В. Техов (Цхинвали). Раскопки Тлийского могильника в 1960 г. (Р. IV) 1963 1
Б. В. Техов (Цхинвали). Археологические раскопки 1962 г. в Юго-Осетии. (Р. IV) 1965 2
С. П. Толстов (Москва). Результаты историко-археологических исследований 1961 г. на древних руслах Сыр-Дарьи. (Р. IV, V) 1962 4
С. П. Толстов, М. А. Итина (Москва). Проблема суярганской культуры 1960 1
П. Н. Третьяков (Ленинград). Сосуд из Борани 1966 1
А. П. Уманский (Барнаул). Андроновский кинжал из Ильинки 1964 2
А. П. Уманский (Барнаул). Андроновские топоры из фондов Алтайского краевого музея 1966 4
А. Я. Федоров. Некоторые вопросы этногенеза народов Дагестана. (Р. IV, V) 1960 3
В. А. Фисенко (Саратов). Памятники катакомбной культуры у станции Петров Вал 1964 4
М. Е. Фокин (Саратов). Стоянка срубной культуры на р. Чардым . . . 1958 4
А. А. Формозов (Москва). Материалы к изучению искусства эпохи бронзы юга СССР 1958 2
П. И. Хавлюк (Гайсин). Новые данные о культовых изображениях в Триполье 1959 3
А. Х. Халиков (Казань). Новые памятники абашевской культуры в Волго-Вятском междуречье 1959 2
Э. В. Ханзадян (Ереван). Энеолитическое поселение близ Кировакана 1963 1
Э. В. Ханзадян (Ереван). О металлургии древнебронзовой эпохи в Армении 1964 2
Э. В. Ханзадян (Ереван). Расписной сосуд с зооморфными изображениями из Элара 1966 4
Т. С. Хачатрян, С. А. Есаян (Ереван). Археологические находки в с. Апаран (Армянская ССР) 1958 4
Л. П. Хлобыстин (Ленинград). К истории нерпичьего промысла на Байкале. (Р. IV) 1963 1

П. П. Хороших (Иркутск). Энеолитическое погребение на берегу оз. Байкала 1957 4
Е. Н. Черных (Москва). К химической характеристике металла Ингульского клада (Р. VI) 1966 1
Н. Л. Членова (Москва). Памятники переходного Карасук-Тагарского времени в Минусинской котловине 1963 3
Ю. Г. Чуланов (Ленинград). Новые памятники эпохи бронзы Ферганской долины 1963 4
Б. А. Шрамко, Л. Д. Фокин, Л. А. Солнцев (Харьков). Первая находка изделия из метеоритного железа в Восточной Европе 1965 4
А. А. Щепинский (Симферополь). Новая антропоморфная стела эпохи бронзы в Крыму 1958 2
А. А. Щепинский (Симферополь). Солярные изображения эпохи бронзы из Крыма 1961 2
А. А. Щепинский (Симферополь). Памятники искусства эпохи раннего металла в Крыму 1963 3
А. А. Щепинский (Симферополь). Культуры энеолита и бронзы в Крыму 1966 2
А. Я. Щетенко (Ленинград). Энеолит центральной Индии 1965 2
У. Э. Эрдниев (Сталинск). Археологические находки в Кузбассе . . . 1958 2

IV. РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК
(до V в. н. э. включительно)

М. П. Абрамова (Москва). Сарматская культура II в. до н. э.— I в. н. э. 1959 1
М. П. Абрамова (Москва). Сарматские погребения Дона и Украины II в. до н. э.— I в. н. э. 1961 1
Е. М. Алексеева, Т. М. Арсеньева (Москва). Стеклоделие Танаиса . . . 1966 2
А. Е. Алихова (Москва). Особый тип сооружений на городище Кузина Гора 1958 3
А. К. Амброз (Москва). К истории Верхнего Подесенья в I тысячелетии нашей эры. (Р. V) 1964 1
Т. М. Арсеньева (Москва). Местная керамика из Танаиса 1958 3
Т. М. Арсеньева (Москва). Некрополь римского времени у дер. Ново-Отрадное 1963 1
Д. М. Атаев (Махачкала). Височные привески с четырнадцатигранником. (Р. V) 1963 3
И. И. Аханов (Геленджик). Геленджикские подкурганные дольмены . . 1961 1
Р. Б. Ахмеров (Уфа). Стеклянный сосуд из уфимского погребения . . 1958 3
Р. Б. Ахмеров (Уфа). Новый уфимский могильник ананьинско-пьяноборского времени 1959 1
Р. Б. Ахмеров (Уфа). Серебряный кувшин из Башкирии 1963 4
В. А. Башилов (Москва). Курганы с трупосожжениями у с. Мастюгино 1963 2
В. А. Башилов (Москва). Бронзовая гидрия из кургана у с. Мастюгино 1966 2
К. Беленин (Польша, Краков). Древняя металлургия железа в Центральной Польше 1959 1
Г. Д. Белов (Ленинград). Стеклоделие в Херсонесе 1965 3
Г. Д. Белов (Ленинград). Синопская амфора из Херсонеса 1966 2
С. А. Беляев (Ленинград). Обломок стеклянного сосуда из Херсонеса 1966 3
Д. Т. Березовец (Киев). О датировке черняховской культуры 1963 3
Д. Я. Беренбейм (Керчь). О пути греков через Черное море 1958 3
Д. Я. Беренбейм (Керчь). Керченский пролив во времена Страбона в свете новейших данных об изменении уровня Черного моря . . . 1959 4
Э. О. Берзин (Москва). Из истории производства клейменой черепицы на Боспоре 1959 4
Э. О. Берзин (Москва). Горгиппийский агонистический каталог . . . 1961 1
И. П. Берхин-Засецкая, Л. Я. Маловицкая (Ленинград). Богатое сарматское погребение в Астраханской области 1965 3
З. А. Билимович (Ленинград). Антропоморфные ручки бронзовых патер из собрания Эрмитажа 1966 4
Т. В. Блаватская (Москва). Рескрипты царя Аспурга 1965 2
Т. В. Блаватская (Москва). Аспург и Боспор в 15 г. н. э. 1965 3
В. Д. Блаватский (Москва). Мраморный трон из Пантикапея 1957 2
В. Д. Блаватский (Москва). О подводной археологии 1958 3
В. Д. Блаватский (Москва), **С. Ислами** (Албания, Тирана). Раскопки Аполлонии и Орика в 1958 г. 1959 4
В. Д. Блаватский (Москва). Раскопки Пантикапея в 1954—1958 гг. . . 1960 2
В. Д. Блаватский (Москва). Подводные раскопки Фанагории в 1959 г. 1961 1
В. Д. Блаватский (Москва). Работы подводной Азово-Черноморской экспедиции 1960 г. 1961 4
В. Д. Блаватский (Москва). Подводные разведки в Ольвии 1962 3
В. Д. Блаватский (Москва). Воздействие античной культуры на страны Северного Причерноморья 1964 2

В. Д. Блаватский (Москва). Воздействие античной культуры на страны Северного Причерноморья 1964 4
В. Д. Блаватский (Москва). Подводная археологическая экспедиция 1962 г. 1965 1
А. А. Бобринский (Москва). Гончарный круг с мраморным диском с городища Роксоланы. (Р. V) 1966 3
С. Н. Бобчев (Болгария, София). Итоги археологической кампании в Софии в 1952—1956 гг. 1958 3
Н. А. Богданова (Бахчисарай). Две стелы из могильника у с. Заветное в Крыму 1961 2
Н. А. Богданова (Бахчисарай). Скифские и сарматские стелы Заветнинского могильника 1965 3
Н. А. Богданова, И. И. Гущина (Москва). Раскопки могильников первых веков нашей эры в юго-западном Крыму в 1960—1961 гг. 1964 1
А. В. Бодянский (Запорожская обл.). Археологические находки в Днепровском Надпорожье 1960 1
А. В. Бодянский (Запорожье). Скифское погребение с латенским мечом в Среднем Поднепровье 1962 1
А. И. Болтунова (Москва). Греческая метрическая надпись из Керчи . . 1959 1
В. В. Борисова (Севастополь). Гончарные мастерские Херсонеса . . . 1958 4
В. В. Борисова (Севастополь). Камея с изображением сатира и менады 1960 1
В. М. Брабич (Ленинград). Клад монет III в. до н. э. Мирмекия . . . 1964 4
М. Ю. Брайчевский (Киев). К истории лесостепной полосы Восточной Европы в I тысячелетии н. э. (Р. V) 1957 3
М. Ю. Брайчевский (Киев). Материалы культуры полей погребений из Среднего Поросья 1959 4
С. Н. Братченко (Ростов на Дону). Правобережное Мокро-Чалтырское городище на Дону 1957 2
И. Б. Брашинский (Ленинград). Амфоры из раскопок Елизаветовского могильника в 1959 г. 1961 3
И. Б. Брашинский (Ленинград). Древнейшая ольвийская проксения . . 1963 3
И. Б. Брашинский (Ленинград). Клазоменская гидрия из Ольвии . . . 1965 3
М. П. Ваулина (Ленинград). К истории торговых сношений Северного Причерноморья с Книдом 1959 1
А. А. Величко (Москва), **В. А. Падин** (Трубчевск), **Р. В. Федорова** (Москва). О комплексном изучении Арельского поселения на р. Десне 1960 2
Е. В. Веймарн (Бахчисарай). «Пещерные города» Крыма в свете археологических исследований 1954—1955 гг. (Р. V) 1958 1
И. Венедиков (София). Новая находка античных колесниц в Болгарии 1961 2
В. В. Веселов (Керчь). О «Киммерийском вале» на Таманском полуострове 1957 3
В. В. Веселов (Керчь). Новые находки в Керчи 1963 2
В. Б. Виноградов (Москва). Египетские предметы из сарматского погребения близ г. Грозного 1960 3
В. Б. Виноградов (Грозный). Бронзовый наконечник ножен из Кабардино-Балкарии 1963 2
В. Б. Виноградов (Грозный). Сиракский союз племен на Северном Кавказе 1965 1
В. Б. Виноградов (Грозный). Фигурки «скифов» из Чечено-Ингушетии 1966 2
В. Б. Виноградов (Грозный). Локализация Ахардея и сиракского союза племен 1966 4
И. С. Винокур (Житомир). Материалы черняховской культуры, хранящиеся в Житомирском музее 1959 4
В. Л. Воронина (Москва). Доисламские культовые сооружения Средней Азии. (Р. V) 1960 2
М. В. Воробьев (Ленинград). Старинные китайские монеты из собрания Хабаровского музея. (Р. V) 1959 3
Т. Н. Высотская, Е. Н. Черепанова (Симферополь). Находки из погребений IV—V вв. в Крыму 1966 3
М. И. Вязьмитина (Киев). Ранние памятники скифского звериного стиля 1963 2
А. М. Гилевич (Севастополь). Клад монет из округи Страбонова Херсонеса 1960 4
К. В. Голенко (Москва). К датировке одной группы монет Фофорса . . 1958 2
К. В. Голенко (Москва). Находки римских денариев в Курской и Воронежской областях 1959 1
Н. Г. Горбунова (Ленинград). К истории Ферганы в эпоху раннего железа 1962 4
К. С. Горбунова (Ленинград). Чернофигурный кратер мастера Лидоса 1964 3
Б. Н. Граков (Москва). Старейшие находки железных вещей в Европейской части СССР 1958 4
Б. Н. Граков (Москва). Греческое граффито из Немировского городища 1959 1
Б. Н. Граков (Москва). Бронзовая рукоять меча из-под Мурома . . . 1961 4
Б. Н. Граков (Москва), **А. И. Тереножкин** (Киев). Субботовское городище 1958 2

В. И. Гуляев (Москва). Мечи скифского типа с территории городецкой культуры 1961 4
И. И. Гущина (Москва). Случайная находка в Воронежской области 1961 2
И. И. Гущина (Москва). Находки из Краснодарского края 1962 2
И. В. Дайга (Рига). К вопросу о литейных формах и литейном деле на территории Латвии. (Р. V) 1960 3
О. Д. Дашевская (Москва). Симферопольское раннетаврское поселение 1958 3
О. Д. Дашевская (Москва). Четвертая надпись Посидея из Неаполя скифского 1960 1
О. Д. Дашевская (Москва). Граффити на стенах здания в Неаполе скифском 1962 1
О. Д. Дашевская (Москва). О таврской керамике с гребенчатым орнаментом 1963 4
О. Д. Дашевская (Москва), **А. Н. Щеглов** (Севастополь). Херсонесское укрепление на городище Беляус 1965 2
А. С. Демидова (Воронеж). Кинжал из с. Монастырщенки Воронежской области 1964 2
В. Б. Деопик (Москва). Классификация бус Северного Кавказа IV—V вв. 1959 3
Р. М. Джанполодян (Ленинград). О трех образцах стекла из Кармир-Блура 1964 1
Д. П. Димитров (Болгария, София). Севтополь — фракийский город близ с. Копринка Казанлыкского района 1957 1
П. А. Дитлер (Майкоп). Аттический шлем из ст. Темнолесской 1964 1
Е. Н. Дмитриева, В. П. Леванова (Москва). Материалы из раскопок сибирских бугровщиков. (Р. V) 1965 2
О. И. Домбровский (Симферополь). О технике декоративной живописи Неаполя скифского 1961 4
А. Ф. Дубынин (Москва). Троицкое городище Подмосковья 1964 1
А. Ф. Дубынин (Москва). Об орнаменте грузиков Троицкого городища 1966 1
М. А. Дэвлет (Москва). К вопросу о тагаро-таштыкских взаимоотношениях 1961 4
М. А. Дэвлет (Москва). Керамика позднетагарских курганов Красноярского района 1964 2
М. А. Дэвлет (Москва). Большая Боярская писаница 1965 3
Н. Г. Елагина (Москва). Скифские антропоморфные стелы Николаевского музея 1959 2
Л. А. Ельницкий (Москва). Из истории древнескифских культов . . . 1960 4
Л. А. Ельницкий (Москва). По поводу портретных скульптур скифских царей Скилура и Палака 1962 3
Л. А. Ельницкий (Москва). Новые документы антихристианской реакции в Римской империи в IV в. н. э. 1962 4
С. А. Есаян (Ереван). Погребения VI—V вв. до н. э. в горах Шамшадина (Армения) 1965 3
Ф. М. Заверняев (Почеп). Почепское селище первых веков нашей эры 1960 4
М. П. Завитухина (Ленинград). Два бронзовых кельта из могил VI—V вв. до н. э. на Енисее 1966 3
Ю. А. Заднепровский (Ленинград). Городище Эйлатан (к вопросу о датировке памятника) 1960 3
А. Н. Зелинский (Москва). Могильник Дарай-Абхарь в верховьях Пянджа 1960 3
Т. Д. Златковская (Москва). О начальном периоде истории Тиры . . . 1959 2
Т. К. Иванов (София). Археологические исследования античного города Ульпия Эск 1964 1
А. П. Иванова (Симферополь). Скульптурные изображения Диониса из Херсонеса 1964 2
М. И. Иванова, П. М. Голубев (Сочи). Находки в Лоо 1961 3
С. А. Изюмова (Москва). Бронзовые лунницы с городища у дер. Щепилово 1958 4
В. А. Ильинская (Киев). Некоторые мотивы раннескифского звериного стиля 1965 1
В. А. Ильинская (Киев). Скифские курганы около г. Борисполя 1966 3
О. И. Исламов, Л. М. Рутковская (Ташкент). Каменные орудия из Чаш-Тепе под Ташкентом 1961 3
С. К. Кабанов (Ташкент). Согдийское здание V в. н. э. в долине р. Кашка-Дарьи 1958 3
С. К. Кабанов (Ташкент). Археологические данные к этнической истории Южного Согда в III—VI вв. 1963 1
С. К. Кабанов (Ташкент). Ареал и эволюция двух древних керамических форм 1964 3
В. И. Кадеев, Л. А. Солнцев, Л. Д. Фомин (Харьков). О технологии изготовления некоторых изделий из цветных металлов в позднеантичном Херсонесе. (Р. VI) 1963 1

Л. Н. Казаманова (Москва). Клад римских денариев I—III вв. н. э. из с. Турия Златопольского района Черкасской области 1958 1
Л. Н. Казаманова (Москва). Персидский сикл с афинской надчеканкой 1960 4
И. С. Каменецкий, В. В. Кропоткин (Москва). Погребение гуннского времени близ Танаиса 1962 3
Д. Г. Капанадзе (Тбилиси). Ауреусы Армазского некрополя 1957 3
Д. Г. Капанадзе (Тбилиси). О продолжительности обращения денариев Августа и драхм Готарза в древней Иберии 1962 4
А. Н. Карасев, Е. И. Леви (Ленинград). Ольвийская агора (по раскопкам 1946—1957 гг.) 1958 4
П. О. Карышковский (Одесса). Находка римских монет в бассейне р. Кодымы 1957 2
П. О. Карышковский (Одесса). О монетах с надписью EMINAKO . . . 1960 1
П. А. Карышковский (Одесса). Заметки о монетах Ольвии 1960 3
П. О. Карышковский (Одесса). Ольвийские ассы с изображением совы 1962 2
П. О. Карышковский (Одесса). Монеты западнопонтийских династов, найденные в Северном Причерноморье 1962 4
Е. Г. Кастанаян (Ленинград). Раскопки Порфмия в 1953 г. 1958 3
Г. П. Кесаманлы (Баку). Погребение с бронзовым полсом из Хачбулага 1966 3
Г. П. Кесаманлы, З. И. Ямпольский (Баку). Историко-археологический комплекс из с. Ибрагимгаджили Азербайджанской ССР. (Р. II, III, V) 1966 1
Р. В. Кинжалов (Ленинград). Серебряная пластина с изображением парфянского царя 1959 2
Н. П. Кипарисова (Нижний Тагил), **К. В. Сальников** (Свердловск). Савроматское погребение близ г. Троицка 1958 2
С. В. Киселев (Москва). О древней черепице в музеях Китайской Народной Республики. (Р. V) 1960 3
Л. С. Клейн (Ленинград). Происхождение скифов царских по археологическим данным 1963 4
М. М. Кобылина (Москва). Черты эолийской культуры в архаической Фанагории 1961 4
М. М. Кобылина (Москва). Скульптурный портрет из Фанагории . . . 1962 3
М. М. Кобылина (Москва). Исследование Фанагории в 1959—1960 и 1962 гг. 1963 4
М. М. Кобылина (Москва). Керамическое производство Фанагории в IV в. 1966 3
И. Ф. Ковалева (Днепропетровск). Погребение IV в. у с. Старая Игрень 1962 4
В. И. Козенкова (Москва). Гайрат-Тепе 1964 3
В. И. Козенкова (Москва). Погребальные памятники Ферганы первых веков нашей эры 1966 1
Г. И. Корнюшин (Воронежская область). Сарматский меч из Воронежской области 1961 2
А. К. Коровина (Москва). К вопросу об изучении Семибратних курганов 1957 2
М. Ф. Косарев (Москва). К вопросу о степном компоненте в культурах железного века лесного Приобья 1964 2
Г. А. Кошеленко (Москва). Парфянская фортификация 1963 2
Ю. А. Краснов (Московская область). Курганы с трупосожжениями у дер. Горышкино 1962 3
Ю. А. Краснов, Н. А. Краснов (Московская обл.). Обследование памятников дьяковской культуры в долине Москвы-реки. (Р. V) 1963 1
Н. И. Крашенинникова, Г. А. Пугаченкова (Ташкент). Круглый храм парфянской Нисы 1964 4
Х. И. Крис (Москва). К вопросу о периодизации кизил-кобинской культуры 1961 4
В. В. Кропоткин (Москва). Из истории денежного обращения в Восточной Европе в I тысячелетии н. э. 1958 2
И. Т. Кругликова (Москва). Исследование сельской территории европейского Боспора 1957 1
И. Т. Кругликова (Москва). Погребение IV—V вв. н. э. в дер. Айвазовское 1957 2
И. Т. Кругликова (Москва). Клад боспорских статеров III в. из дер. Семеновки 1958 3
И. Т. Кругликова (Москва). Железные сельскохозяйственные орудия Боспора в III в. н. э. 1959 3
И. Т. Кругликова (Москва). Мраморный рельеф из Анапы 1962 1
И. Т. Кругликова (Москва). О гончарной мастерской Горгиппии . . . 1962 2
И. Т. Кругликова (Москва). Мраморная голова из Аполлонии 1962 3
Е. И. Крупнов (Москва). Первые итоги изучения восточного Предкавказья (по материалам экспедиции 1952 и 1953 гг.). (Р. II, III, V) 1957 2
Е. И. Крупнов (Москва). Новые данные по археологии Северного Кавказа. (Р. III, V) 1958 3
Е. Е. Кузьмина (Москва). Бронзовый шлем из Самарканда 1958 4
В. А. Кузнецов, В. К. Пудовин (Москва). Аланы в Западной Европе в эпоху «Великого переселения народов» 1961 2

Ю. В. Кухаренко (Москва). Волынская группа полей погребений . . . 1958 4
Ю. В. Кухаренко (Москва). Распространение латенских вещей на территории Восточной Европы 1959 1
Ю. В. Кухаренко (Москва). К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры 1960 1
Л. Р. Кызласов (Москва). Статуэтка оленя из Канска 1962 3
Л. И. Лавров (Ленинград). О пути вторжения киммерийцев в Переднюю Азию 1965 3
Л. Е. О находке древнегреческих скульптур в Пирее в 1959 г. 1960 4
В. П. Левашова (Москва). К вопросу о местных особенностях в погребениях тагарской культуры 1958 1
В. П. Левенок (Ленинград). Юхновская культура (ее происхождение и развитие) 1963 3
В. П. Левенок (Ленинград). Скифский акинак с Верхнего Дона 1964 2
В. А. Леквинадзе (Тбилиси). О древнейших оборонительных сооружениях Археополиса — Нокалакеви. (Р. V) 1959 3
В. А. Леквинадзе (Тбилиси). Оборонительные сооружения Себастополиса 1966 1
А. М. Лесков (Киев). Об остатках таврской культуры на Керченском полуострове 1961 1
М. М. Лесницкая (Ленинград). Два римских портрета III в. из собрания Эрмитажа 1963 2
М. М. Лесницкая (Ленинград). Портрет II в. из Пантикапея 1966 3
П. Д. Либеров (Москва). К вопросу о времени одомашнения курицы . . 1959 2
П. Д. Либеров (Москва). Мастюгинские курганы и Волошинские городища 1960 3
П. Д. Либеров (Москва). Мастюгинские курганы 1961 3
А. Н. Липский (Абакан). Погребения тагарских воинов на р. Биджа . . 1966 2
Б. А. Литвинский (Душанбе). Среднеазиатские железные наконечники стрел. (Р. V) 1965 2
Б. А. Литвинский (Душанбе). Сложносоставной лук в древней Средней Азии 1966 4
Д. М. Лихачева (Москва). Южноиталийская пелика Рыбинского музея 1966 2
О. Д. Лордкипанидзе (Тбилиси). Италийские бронзовые изделия, найденные из территории древней Грузии 1964 1
И. М. Лосева (Москва). Новые археологические исследования отряда ГМИИ им. А. С. Пушкина на холме Аринберд 1958 2
В. Б. Лунин (Ташкент). О мраморном рельефе из Анапы 1964 4
К. Маевский (Варшава). Археологические исследования римского города Нове (Болгария) в 1960 г. (Р. V) 1961 4
К. Маевский (Варшава). Археологические исследования в Нове (Болгария) в 1961 г. 1962 4
К. Маевский (Варшава). Археологические раскопки в Нове в 1962 г. . . 1963 4
К. Маевский (Варшава). Археологические исследования в Нове 1963 г. 1964 4
К. Маевский (Варшава). Польские археологические исследования в Нове (Болгария) в 1964 г. (Р. V) 1965 4
К. Маевский (Варшава). Польские археологические исследования в Нове, в Болгарии в 1965 г. (Западный сектор) 1966 4
Е. К. Максимов (Саратов). Сарматское погребение из кургана у с. Большая Дмитриевка Саратовской области 1957 4
Е. К. Максимов (Саратов). Меч и копье из коллекции Саратовского музея 1959 1
Е. К. Максимов (Саратов). Сарматские бронзовые котлы и их изготовление 1966 1
М. И. Максимова (Ленинград). Боспорская камнерезная мастерская . . 1957 4
М. И. Максимова (Ленинград). О дате Артюховского кургана 1960 3
М. И. Максимова (Ленинград). Амулет из Горгиппии и так называемые «шарики-подвески» 1962 2
А. П. Манцевич (Ленинград). Головка быка из кургана VI в. до н. э. на р. Калитве 1958 2
В. И. Марковин (Москва). Скифские курганы у селения Гойты (Чечено-Ингушетия) 1965 2
В. И. Марковин, Р. М. Мунчаев (Москва). Каменные изваяния из Чечено-Ингушетии 1964 1
А. А. Мартиросян (Ереван). Раскопки жилых кварталов города Тейшебаини в 1955—1956 гг. 1958 1
И. Д. Марченко (Москва). К вопросу о боспорских торговых судах . . 1957 1
Л. А. Мацулевич (Ленинград). Чаша из Бартыма 1962 3
О. Н. Мельниковская (Москва). Могильник милоградской культуры в дер. Горошков в Южной Белоруссии 1962 1
О. Н. Мельниковская (Москва). О взаимосвязи милоградской и зарубинецкой культур в Южной Белоруссии 1963 1
А. И. Мелюкова (Москва). Сарматское погребение из кургана у с. Олонешты 1962 1

Т. М. Минаева (Ставрополь). Железный меч из коллекции Ставропольского музея 1958 1
Т. М. Минаева (Ставрополь). Поселение в устье р. Узуп-Кол. (Р. V) . . 1960 2
М. М. Михельбертас (Вильнюс). Римские металлические предметы в Литве 1965 3
Я. Младенова (София). Солнечные часы с рельефом Орфея из Дуростурума 1961 4
Р. М. Мунчаев (Москва). Новые сарматские памятники Чечено-Ингушетии 1965 2
М. А. Наливкина (Ленинград). Мраморный светильник из Тиритаки 1960 1
И. Г. Нариманов (Баку). Находка баз колонн V—IV вв. до н. э. в Азербайджане 1960 4
Г. Ф. Никитина (Москва). Поселения черняховской культуры на Среднем Днестре 1964 2
Г. Ф. Никитина (Москва). Лепная керамика Масловского могильника 1964 4
В. Б. Никитина (Москва). Памятники поморской культуры в Белоруссии и на Украине 1965 1
Г. Ф. Никитина (Москва). Классификация лепной керамики черняховской культуры 1966 4
Р. В. Николаев (Красноярск). Есаульский клад 1961 3
Т. Н. Никольская (Москва). Городище у дер. Николо-Ленивец 1962 1
Н. М. Никулина (Москва). Перстни из Фанагории 1964 3
Н. М. Никулина (Москва). Памятники античной глиптики из Фанагории 1965 2
К. Л. Оганесян (Ереван). Раскопки Урартского города Эребуни . . . 1960 3
А. П. Окладников (Ленинград), **Э. В. Шавкунов** (Владивосток). Погребение с бронзовыми кинжалами на р. Майхэ (Приморск) 1960 3
Н. А. Онайко (Москва). Античный импорт на территории Среднего Приднепровья 1960 2
Н. А. Онайко (Москва). Античный импорт на территории Среднего Приднепровья 1962 1
Н. А. Онайко (Москва). Мозаики Аполлонии Иллирийской 1962 4
С. В. Ошибкина (Москва). Стоянка Яковлево Вологодской области. (Р. III) 1966 1
В. А. Падин (Трубчевск). Юхновские поселения Средней Десны 1966 2
А. А. Передольская (Ленинград). Терракотовая статуэтка женщины из святилища Афродиты в Нимфее 1958 2
А. А. Передольская (Ленинград). Оригинал или подделка? (По поводу луврского серебряного ритона) 1966 1
В. П. Петров, М. Л. Макаревич (Киев). Скифская генелогическая легенда 1963 1
В. Ф. Петрунь (Кривой Рог). О вулканических породах из эмпория борисфенитов на о. Березани 1964 3
Б. Б. Пиотровский (Ленинград). Древнеегипетские предметы, найденные на территории Советского Союза 1958 1
Б. Б. Пиотровский (Ленинград). Город бога Тейшебы 1959 2
Н. Н. Погребова (Москва). Пересадовское поселение на Ингуле 1960 4
Л. Л. Полевой (Кишинев). Новые, находки античных монет в Молдавской ССР 1962 1
М. Р. Полесских (Пенза). Ранние могильники древней мордовы в Пензенской области 1959 4
М. Р. Полесских (Пенза). Находка скифского меча в Пензенской области 1961 1
М. Р. Полесских (Пенза). Пензенские могильники мордвы IV—V вв. . . 1962 4
А. А. Попко (Чернигов). Находка латенской фибулы в Чернигове . . . 1965 1
И. П. Приходько (Феодосия). Плита с изображением грифона из Фанагории 1963 3
В. И. Пругло (Ленинград). Эллинистические флаконы для лекарства . . 1966 1
Е. В. Пузаков (Харьков). Серп из поселения Сердюково II в Харьковской области 1959 1
Г. А. Пугаченкова (Ташкент). Грифон в античном и средневековом искусстве Средней Азии. (Р. V) 1959 2
Г. А. Пугаченкова (Ташкент). К истории античной строительной техники Бактрии-Тохаристана 1963 4
В. К. Пудовин (Москва). Три боспорские лучевые фибулы 1962 2
А. И. Пузикова (Москва). Курганный могильник скифского времени у с. Русская Тростянка 1962 4
Х. Пэрлээ (МНР). К истории древних городов и поселений в Монголии. (Р. V) 1957 3
Э. А. Рикман (Кишинев). Могильник первых столетий н. э. у с. Будешты в Молдавии 1958 1
Я. Розен-Пшеворская (Варшава). К вопросу о кельтоскифских отношениях 1963 3
И. Г. Розенфельдт (Москва). Щербинское городище 1964 1
И. Г. Розенфельдт (Москва). Посуда Троицкого городища 1965 1

Р. Л. Розенфельдт (Москва). Селище Певкин Бугор 1963 3
М. А. Романовская (Москва). Селище Лукашевка II 1962 3
А. П. Рунич (Пятигорск). Сарматские катакомбы на берегу р. Юцы . . 1961 1
А. П. Рунич (Пятигорск). О почти изчезнувшем бытовом предмете. (Р. V) 1965 3
Л. М. Рутковская (Ташкент). Парфянская керамика древнего Мерва . . 1958 3
Л. М. Рутковская (Киев). К истории керамического производства Южной Туркмении 1964 2
Б. А. Рыбаков (Москва). Календарь IV в. из земли полян 1962 4
В. Д. Рыбалова (Ленинград). Костяной псалий с поселения Каменка близ Керчи 1966 4
Э. Р. Рыгдылон, П. П. Хороших (Иркутск). Коллекция бронзовых котлов Иркутского музея. (Р. V) 1959 1
Ю. А. Савельев (Москва). Боспорские черепичные клейма из раскопок Пантикапея и Фанагории 1950—1960 гг. 1964 3
Ю. А. Савельев (Москва). Кипрская керамика конца II — первой половины I тысячелетия до н. э. 1965 4
И. И. Саверкина (Ленинград). Портретная скульптура Пальмиры . . . 1965 1
А. И. Салов (Анапа). Археологические находки в Анапе 1962 2
А. Г. Сальников (Одесса). Золотые монеты Лисимаха из собрания Одесского археологического музея 1960 4
К. В. Сальников (Свердловск). К вопросу о составе населения Южной Башкирии в I тысячелетии н. э. 1958 4
К. В. Сальников (Уфа). Находки на Южном Урале. (Р. V) 1964 1
В. В. Седов (Москва). Балто-иранский контакт в Днепровском левобережье 1965 4
В. В. Седов (Москва). Рязано-окские могильники 1966 4
Е. Ф. Седякина (Ленинград). Таштыкские погребения могильника Барсучиха IV 1965 4
В. М. Скуднова (Ленинград). Хиосские кубки из раскопок на острове Березани 1957 4
В. М. Скуднова (Ленинград). Родосская керамика с о. Березани 1960 2
А. П. Смирнов (Москва). Скифский меч Псковского музея 1966 3
К. А. Смирнов (Москва). К вопросу о назначении грузиков дьякова типа 1961 3
К. Ф. Смирнов (Москва). Проблема происхождения ранних сарматов. (Р. III). 1957 3
К. Ф. Смирнов (Москва). Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей 1961 1
К. Ф. Смирнов (Москва). Производство и характер хозяйства ранних сарматов 1964 3
М. Ю. Смишко (Львов). Богатое погребение начала нашей эры в Львовской области 1957 1
Г. И. Соколов (Москва). Гипсовый портрет из Керчи 1963 3
Г. И. Соколов (Москва). Скульптурный портрет мальчика из собрания ГМИИ им. А. С. Пушкина 1965 4
В. Е. Соколов (Москва). Писаницы Каскабулака 1963 4
Н. И. Сокольский (Москва). Находки на вершине горы Бориса и Глеба на Таманском полуострове 1957 1
Н. И. Сокольский (Москва). Земляной склеп на горе Митридат 1959 3
Н. И. Сокольский (Москва). Курас из Кеп 1962 2
Н. И. Сокольский (Москва). Крепость на городище у хутора Батарейка I 1963 1
Н. И. Сокольский (Москва). Погребение V в. в Кепах 1964 4
Н. И. Сокольский (Москва). Святилище Афродиты в Кепах 1964 4
Н. И. Сокольский (Москва). Ильичевское городище 1966 4
Б. Я. Ставиский, М. К. Урманова (Ленинград). Городище Кулдор-тепе. (Р. V) 1958 1
С. Ф. Стрежелецкий (Севастополь). Пять клеров Херсонеса Таврического 1957 3
С. Ф. Стрежелецкий (Севастополь). Усадьбы клеров Херсонеса Таврического II в. до н. э. 1958 4
Я. И. Сунчугашев (Москва). Памятники горного дела и металлургии позднего этапа уюкской культуры 1964 3
Э. А. Сымонович (Москва). К вопросу о раннечерняховских поселениях культуры полей погребений 1958 1
Э. А. Сымонович (Москва). Египетские вещи в могильнике Неаполя скифского 1961 1
Э. А. Сымонович (Москва). К вопросу о скифской принадлежности черняховской культуры 1962 2
Э. А. Сымонович (Москва). Магия и обряд погребения в черняховскую эпоху 1963 1
Э. А. Сымонович (Москва). Фибулы Неаполя скифского 1963 4
Э. А. Сымонович (Москва). Игрально-счетные жетоны на памятниках черняховской культуры 1964 3

Э. А. Сымонович, К. В. Голенко (Москва). Монеты из некрополя Неаполя скифского 1960 1
А. К. Тахтай (Донецк). Камень со знаками из Донецкого музея 1964 2
А. И. Тереножкин (Киев). Среднее Поднепровье в начале железного века 1957 2
А. И. Тереножкин (Киев). Об общественном строе скифов 1966 2
Н. Н. Терехова (Москва). Погребальные конструкции эпохи Хань в Китае 1959 3
Б. В. Техов (Цхинвали). Об одном погребальном комплексе из с. Тли . . 1961 4
Г. А. Тирацян (Ереван). Некоторые черты материальной культуры Армении и Закавказья V—IV вв. до н. э. 1964 3
М. А. Тиханова (Ленинград). Локальные варианты черняховской культуры 1957 4
М. А. Тиханова (Ленинград). Ласковский клад 1960 1
М. А. Тиханова (Ленинград). Раскопки на поселении III—IV вв. у с. Лесовка в 1957—1959 гг. 1963 2
С. П. Толстов, М. А. Итина (Москва). Саки низовьев Сыр-Дарьи (По материалам Тагискена) 1966 2
Г. Тончева (Болгария, Варна). Новые сосуды-тигли в Варненском музее 1961 1
Г. Е. Трапезников (Ленинград). Городище древнего Чарджоу (Амуль). (Р. V) 1957 4
Г. Е. Трапезников. (Ленинград). Материалы с городища древнего Чарджоу (Амуля). (Р. V.) 1959 1
Г. Е. Трапезников (Ленинград). Бронзовая парфянская монета I в. н. э. 1962 2
П. Н. Третьяков (Ленинград). Локальные группы верхнеднепровских городищ и зарубинецкая культура 1960 1
Н. В. Трубникова (Москва). Новый памятник городецкой культуры на Цне 1964 2
Н .В. Трубникова (Москва). Городище Ножа-Вар в Чувашии 1965 4
В. А. Уртан (Рига). Древние щиты на территории Латвийской ССР. (Р. V) 1961 1
Г. Б. Федоров (Москва). О двух обрядах погребения в черняховской культуре 1958 3
В. А. Филипченко (Астрахань). Бронзовые котлы Астраханского музея 1962 1
Н. А. Фролова (Москва). Монеты скифского царя Скилура 1964 1
Фрэл Иржи (Чехословакия). Новый скифский памятник из Лувра . . . 1964 3
А. И. Фурманская (Киев). Новый эпиграфический памятник из Тиры 1960 4
А. М. Хазанов (Москва). Генезис сарматских бронзовых зеркал 1963 4
Дж. Хайнд (Англия). Памятники античных городов Южного Причерноморья 1964 3
А. Х. Халиков (Казань). Стелы с изображением оружия раннего железного века 1963 3
Д. А. Халилов (Баку). Поселение на холме Сары-Тепе 1960 4
Д. А. Халилов (Баку). Раскопки на городище Хныслы, памятнике древней Кавказской Албании. (Р. V) 1962 1
Дж. А. Халилов (Баку). Археологические памятники I тысячелетия у с. Худжбала в Азербайджанской ССР (Р. V) 1965 3
П. П. Хороших (Иркутск). Оленный камень из Забайкалья 1962 3
Г. Е. Храбан (Умань). Клад римских денариев из с. Погорелого 1958 2
Г. А. Цветаева (Москва). Каменный акротерий с изображением Ники . . 1963 2
В. И. Цехмистренко (Керчь). К вопросу о периодизации синопских керамических клейм 1958 1
В. И. Цехмистренко (Москва). Синопские керамические клейма с именами гончарных мастеров 1960 3
В. И. Цехмистренко (Москва). Глиняный штамп из Пантикапея . . 1962 1
В. И. Цехмистренко (Йошкар-Ола). Заметки о синопских клеймах . . 1964 1
Д. Цончев (Болгария, София). О некоторых позднеантичных эпиграфических памятниках в Болгарии 1958 2
Е. В. Черненко (Киев). О шлеме из Нимфея 1966 4
Т. Н. Чубинишвили, Т. И. Татишвили, О. С. Гамбашидзе (Тбилиси). Археологические разведки в южных районах Грузии (Месхети-Джавахети) в 1953—1955 гг. 1957 4
Э. В. Шавкунов (Владивосток), **Ю. В. Аргудяева** (Улан-Уде). Когурёский сосуд III в. н. э. 1963 3
Г. К. Шамба (Тбилиси). Позднеантичные погребения нагорной Абхазии 1965 2
Л. А. Шервашидзе, Л. Н. Соловьев (Сухуми). Исследование древнего Себастополиса 1960 3
В. П. Шилов (Ленинград). Раскопки Елизаветовского могильника в 1959 году 1961 1
В. П. Шилов (Ленинград). Ушаковский курган 1966 1
Н. М. Шмаглий (Киев). Находки раннескифского времени у с. Трояново под Житомиром 1960 4
Б. А. Шрамко (Харьков). Следы земледельческого культа у лесостепных племен Северного Причерноморья в раннем железном веке 1957 1

Б. А. Шрамко (Харьков). К вопросу о технике земледелия у племен скифского времени в Восточной Европе 1961 1
Б. А. Шрамко (Харьков). Древний деревянный плуг из Сергеевского торфяника 1964 4
Б. А. Шрамко, Л. А. Солнцев, Л. Д. Фомин (Харьков). Техника обработки железа в лесостепной и степной Скифии 1963 4
Ф. М. Штительман (Киев). Медальон с изображением Афины из Ольвии 1965 4
А. Н. Щеглов (Севастополь). Терракотовая статуэтка комического актера из Глубокой Пристани 1960 1
А. Н. Щеглов (Севастополь). Пять херсонесских надгробий с изображениями умерших 1964 2
Э. А. Юркевич (Ленинград). Городище Кушанского времени на территории северной Бактрии 1965 4
И. Я. Яценко (Москва). Декоративная роспись общественного здания в Неаполе скифском 1960 4

V. ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК (с VI в. н. э.)

Д. А. Авдусин (Москва). Смоленская берестяная грамота 1957 1
Д. А. Авдусин (Москва). Новый памятник смоленской архитектуры (церковь в Перекопном переулке) 1957 2
Д. А. Авдусин (Москва). Многоцветные поливные ручки ножей из Смоленска 1960 1
Д. А. Авдусин (Москва). Смоленские берестяные грамоты из раскопок 1964 года 1966 2
С. Л. Агафонов (Горький). Шатровая церковь 1552 г. в Балахне 1966 3
К. А. Адыков (Ашхабад). Главные станции на средневековом торговом пути из Серахса в Мерв 1959 4
Л. В. Алексеев (Москва). Лазарь Богша — мастер ювелир XII в. . . . 1957 3
Л. В. Алексеев (Москва). Еще три шиферных пряслица с надписями . . 1959 2
Л. В. Алексеев (Москва). Художественные изделия косторезов из древних городов Белоруссии 1962 4
Л. В. Алексеев (Москва). К истории и топографии древнейшего Витебска 1964 1
Т. И. Алексеева (Москва). Антропологические материалы к этногенезу восточных славян 1964 3
М. Х. Алешковский (Москва). Курганы русских дружинников XI—XII вв. 1960 1
М. Х. Алешковский, С. С. Подъяпольский (Москва). Новые данные о церкви Михаила Архангела в Смоленске 1964 2
А. Е. Алихова (Москва). Некоторые хронологические и племенные отличия в культуре мордвы конца I и начала II тысячелетия н. э. . . . 1958 2
Р. К. Аллахвердиев (Баку). Клад XVI в. из с. Хар-Хар в Азербайджане 1958 3
А. К. Аброз (Москва). Раннеземледельческий культовый символ («ромб с крючками»). (Р. IV) 1965 3
А. К. Амброз (Москва). О символике русской крестьянской вышивки архаического типа. (Р. IV) 1966 1
Г. Н. Анпилогов (Москва). Бортные знамена как исторический источник 1964 4
А. К. Антейн (Рига). Наконечники копий из дамасской стали 1959 1
А. К. Антейн (Рига). Наконечники копий из сварочной узорчатой (дамасской) стали в древней Прибалтике 1963 4
А. В. Арциховский (Москва). Берестяные грамоты мальчика Онфима 1957 3
А. В. Арциховский (Москва). Раскопки 1956 и 1957 гг. в Новгороде . . 1958 2
А. В. Арциховский (Москва). О Новгородской хронологии 1959 4
А. В. Арциховский (Москва). Новые новгородские грамоты 1960 1
А. В. Арциховский (Москва). Ответ Б. А. Рыбакову 1961 3
А. В. Арциховский (Москва). Новые берестяные грамоты 1962 2
А. В. Арциховский (Москва). Берестяные грамоты из раскопок 1962—1964 гг. 1965 3
Ю. С. Асеев (Киев). Новые данные о соборе Дмитриевского монастыря в Киеве 1961 3
Д. М. Атаев (Махачкала). Археологические исследования в Дидо . . . 1961 1
Д. М. Атаев (Махачкала). Поясные пряжки из нагорного Дагестана . . 1962 2
Г. М. Ахмедов (Баку). «О «Тимуровской стене» города Байлакана . . 1964 1
А. М. Беленицкий (Ленинград). Древний Пенджикент 1959 1
А. М. Беленицкий (Ленинград). Из итогов последних лет раскопок древнего Пенджикента 1965 3
А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович (Ленинград). Из истории среднеазиатского шелкоткачества (к идентификации ткани занданечи) 1961 2
Г. Д. Белов (Ленинград). Средневековая бронзовая чаша из Херсонеса 1958 2
Г. Д. Белов (Ленинград). Шиферная икона из Херсонеса 1960 2
Н. Л. Белоруцкий (Краснодарский край). Находка каменного изваяния в Краснодарском крае 1957 3

И. Б. Бентович. Реконструкция узора согдийской ткани VII—VIII вв. 1964 4
А. А. Бобринский (Москва). Гончары пидьбляне 1959 1
А. А. Бобринский (Москва). К изучению гончарного круга на территории СССР 1961 2
А. А. Бобринский (Москва). Древнерусский гончарный круг 1962 3
А. А. Бобринский (Москва). К истории гончарного ремесла в Полесье 1966 4
И. П. Богатов (Муром). О времени возникновения г. Мурома 1959 3
А. В. Бодянский (Запорожская область). Из новых находок на Нижнем Днепре 1966 3
В. Г. Борисов (Москва). Новый документ из истории археологии России XVII в. 1963 4
И. Ф. Бородина (Москва). Роспись стен медресе Улугбека в Самарканде 1961 2
И. Ф. Бородина (Москва). Интерьер зданий Самарканда времени Улугбека 1962 2
М. Ю. Брайчевский (Киев). Дополнение к публикации Пастырского клада 1949 г. 1957 1
М. Ю. Брайчевский, П. А. Трохимец (Киев). Новые археологические материалы по истории Белой церкви 1961 4
Л. С. Бретаницкий, Э. Г. Крупкин, Л. Г. Маликонов (Баку). Мавзолей в сел. Хачен-Дорбатлы 1961 4
М. А. Бубнова (Душанбе). К истории средневековой горной промышленности в Средней Азии 1963 2
В. А. Булатова-Левина (Ташкент). Буддийский храм в Куве. (Р. IV) . . 1961 3
В. С. Бурдов (Челябинск). О носителях древней приморской культуры на полуострове Ямал 1965 2
Ю. Ф. Буряков (Ташкент). Древний серебряный рудник Лашкерек . . 1965 1
Б. С. Бутник-Сиверский (Киев). О городе Белая Церковь 1958 2
Г. К. Вагнер (Москва). К изучению рельефов Георгиевского собора в г. Юрьеве-Польском 1960 1
Г. К. Вагнер (Москва). О первоначальной форме композиции «Семь спящих отроков» на фасаде Георгиевского собора г. Юрьева-Польского 1960 2
Г. К. Вагнер (Москва). Аркатурно-колончатый фриз Георгиевского собора в г. Юрьеве-Польском (1230—1234 гг.) 1961 3
Г. К. Вагнер (Москва). Грифон во владимиро-суздальской фасадной скульптуре 1962 3
Г. К. Вагнер (Москва). Бронзовый водолей из древнего Галича 1963 2
Г. К. Вагнер (Москва). Некоторые группы рельефов Георгиевского собора в г. Юрьеве-Польском 1964 2
Г. К. Вагнер (Москва). О главном мастере Георгиевского собора 1234 г. в Юрьеве-Польском 1966 3
И. С. Вайнер (Казань). Серебряная пряжка из Сарай-Берке 1964 1
И. С. Вайнер, М. Н. Нитомедзянов (Казань). Музыкальный духовой инструмент из Нового Сарая 1965 2
А. Д. Варганов (Владимир). Новые данные по архитектурной истории Суздальского собора XI—XIII вв. 1960 4
Д. П. Вархотова (Ташкент). Об одном керамическом блюде VII—VIII вв. из Кувы 1964 3
А. Г. Векслер (Москва). Майоликовая плитка XII в. из собрания Смоленского музея 1959 3
А. Г. Векслер (Москва). К вопросу о древнейшей дате Московского Кремля 1963 1
Г. И. Вздорнов (Загорск). Малоизвестные лицевые рукописи Владимиро-Суздальской Руси XII—XIII вв. 1965 4
В. Б. Вилинбахов (Ленинград). К истории огневого оружия в древней Руси 1960 1
В. Б. Вилинбахов (Ленинград). О первоначальном типе огнестрельного оружия 1962 1
В. Б. Вилинбахов (Ленинград). Балтийско-Волжский путь 1963 3
О. Л. Вильчевский (Ленинград). Сферо-конические сосуды в передне-азиатском трактате по прикладной технологии XII в. 1961 2
И. С. Винокур, Г. Н. Хотюн (Каменец-Подольский). Языческие изваяния из с. Ставчаны в Поднестровье 1964 4
Н. Н. Воронин (Москва). Историко-архитектурные заметки 1957 2
Н. Н. Воронин (Москва). Покров на Нерли 1958 4
Н. Н. Воронин (Москва). Из ранней истории Владимира и его округи 1959 4
Н. Н. Воронин (Москва). О некоторых рельефах Георгиевского собора в Юрьеве-Польском 1962 1
Н. Н. Воронин (Москва). Смоленские граффити 1964 2
Н. Н. Воронин, М. Г. Рабинович (Москва). Археологические работы в Московском Кремле 1963 1
В. Л. Воронина (Москва). К вопросу о типе общественных сооружений раннесредневекового города Средней Азии 1957 4

В. Л. Воронина (Москва). Раннесредневековый город Средней Азии . . 1959 1
В. Л. Воронина (Москва). Из истории среднеазиатской фортификации. (Р. IV) 1964 2
А. С. Воскресенский, А. П. Смирнов (Москва). Археологическое исследование соборной мечети (Четырехугольника) в Великих Болгарах 1966 1
С. А. Высоцкий (Киев). Граффито XI в. в Софии Киевской 1959 1
С. А. Высоцкий (Киев). Датированные граффити XI в. в Софии Киевской 1959 4
С. А. Высоцкий (Киев). Запись о саркофаге Всеволода Ярославича . . 1963 4
А. А. Гаврилова (Ленинград). Могилы поздних кочевников у г. Сухани на Енисее 1964 2
А. В. Гадло (Ленинград). Новый памятник тмутороканского времени из Приазовья 1965 2
Л. Л. Галкин (Москва). Булава из Нового Сарая 1963 4
В. Гензель (Польша, Варшава). Познань в раннепястовское время . . 1958 1
В. Гензель (Варшава, Польша). Археологические исследования и проблема возникновения Польского государства 1959 2
С. Н. Георгиева-Казанджиева (София). К вопросу о материальной культуре славян и праболгар на Нижнем Дунае 1961 2
А. М. Гилевич (Севастополь). Золотые византийские монеты из Херсонеса 1959 1
В. Б. Гиршберг (Москва). Надпись мастера Повилики 1959 2
В. Б. Гиршберг (Москва). Надпись 1501 г. из Троице-Сергиевой лавры 1959 3
В. Б. Гиршберг (Москва). Эпиграфические заметки 1961 3
К. В. Голенко (Москва). Клад монет, найденный в 1951 г. в Патрэе (предварительное сообщение) 1957 2
К. В. Голенко (Москва). Византийские монеты X в. из находки в г. Станиславе 1961 3
Л. А. Голубева (Москва). Надпись на корчаге из Белоозера 1960 3
Л. А. Голубева (Москва). Археологические памятники веси на Белом озере 1962 1
Л. А. Голубева (Москва). Археологические памятники веси на Белом озере 1962 3
Л. А. Голубева (Москва). Огнива с бронзовыми рукоятями 1964 3
Л. А. Голубева (Москва). Коньковые подвески из Верхнего Прикамья 1966 3
И. К. Голунова (Москва). К топографии средневекового Пскова . . . 1963 4
Я. Я. Граудонис (Рига), **Э. Ю. Тыниссон** (Таллин). Раскопки ливских курганов в Кримулде 1963 1
Л. Н. Гумилев (Ленинград). Алтайская ветвь тюрок-тугю 1959 1
Л. Н. Гумилев (Ленинград). По поводу интерпретации уланкомской надписи 1963 1
Ф. Д. Гуревич (Ленинград). Об окольном городе летописного Новгородка X—XIII вв. 1962 1
Ф. Д. Гуревич (Ленинград). Стеклянный резной бокал из Новогрудка 1963 2
Ф. Д. Гуревич (Ленинград). Изображения музыкантов древней Руси . . 1965 2
Е. А. Давидович (Сталинабад). Клад караханидских монет XI в. из Таджикистана 1957 3
Е. А. Давидович (Сталинабад). Саманидские монеты Кубы 1960 2
Е. А. Давидович (Сталинабад). Канибадамский клад караханидских монет 1961 1
В. П. Даркевич (Москва). Символы небесных светил в орнаменте Древней Руси 1960 4
В. П. Даркевич (Москва). Топор как символ Перуна в древнерусском язычестве 1961 4
В. П. Даркевич (Москва). Подвиги Геракла в декорации Дмитриевского собора во Владимире 1962 4
В. П. Даркевич (Москва). О так называемом «идоле Перкуна» из Кернова 1963 4
В. П. Даркевич (Москва). О серебряной ложке из Новгорода 1965 3
В. П. Даркевич (Москва). К заметке А. В. Бодянского «Из новых находок на Нижнем Днепре» 1966 3
В. П. Даркевич (Москва), **И. И. Едомаха** (Чернигов). Памятник Западно-Европейской теровтики XII века 1964 3
В. Б. Деопик (Москва). Классификация бус Юго-Восточной Европы VI—IX вв. 1961 3
И. Л. Джалагания (Тбилиси). Два клада сельджукских монет 1958 2
Р. М. Джаполадян (Ленинград). Сфероконические сосуды из Двина и Ани 1958 1
Р. М. Джаполадян (Ленинград). Лабораторная посуда армянского алхимика 1965 2
Б. О. Долгих (Москва). О похоронном обряде кетов 1961 3
Н. П. Дгоченина (Витебск), **Б. А. Рыбаков** (Москва). Берестяная грамота из Витебска 1960 1
А. Ф. Дубынин (Москва). О племенной принадлежности населения северной окраины Муромской земли 1966 3
А. Ф. Дубынин, Д. А. Соболева (Москва). Надгробие Никиты Ширяева из Зарядья (XVII в.) 1960 4

Н. Т. Евстропов (Куйбышев). Городище и селище возле г. Волчанска 1958 4
Л. А. Евтюхова (Москва). О племенах центральной Монголии в IX в. (по материалам раскопок курганов) 1957 2
Л. А. Евтюхова (Москва). Древнекитайская керамика из Каракорума 1959 3
И. И. Едомаха (Чернигов). Находка ладьи-однодревки на Десне . . . 1964 1
А. М. Ефимова (Казань). Бутаевский клад ювелирных изделий волжских болгар 1960 3
М. Ф. Жиганов (Саранск). Старший Кужендеевский могильник в долине р. Теша 1959 1
М. Ф. Жиганов (Саранск). К истории мордовских племен в конце I тысячелетия н. э. 1961 4
Б. Б. Жиромский (Москва). К вопросу о походе Булак-Тимура 1958 1
П. Н. Жолтовский (Львов). Ларец мастера Самуила 1958 4
Н. П. Журжалина (Москва). Древнерусские привески-амулеты и их датировка 1961 2
Ф. М. Заверняев (Брянск). Селища бассейна р. Судость 1960 3
А. Э. Зариня (Рига). Виллайне латгалов VII—XIII вв. 1960 3
Ю. М. Золотов (Москва). Чернолощеный кувшин XVII в. с надписью . . 1959 1
Ю. М. Золотов (Москва). Каменный крест XVII в. со станции Жилево 1960 3
Ю. М. Золотов (Москва). Надгробия московских ремесленников XVII в. 1961 1
Ю. М. Золотов (Москва). Государев дьяк Данило Вылузга 1961 3
Ю. М. Золотов (Москва). Изделия ремесленников на старинной иконе 1962 1
Ю. М. Золотов (Москва). Два каменных надгробия XVI в. из Москвы 1962 2
Ю. М. Золотов (Москва). Памятная доска московского подъячего XVII в. 1963 1
Ю. М. Золотов (Москва). Две надписи московских немцев 1963 3
Ю. М. Золотов (Москва). О назначении в погребальном обряде корчаги с надписью «гороушна» 1964 1
Ю. М. Золотов (Москва). Колокол патриарха Никона 1964 2
С. А. Изюмова (Москва). Вятическое погребение в Тульской области . . 1957 3
С. А. Изюмова (Москва). Курганы у дер. Тризново 1961 2
С. А. Изюмова (Москва). Курганный могильник около д. Западной VIII—X вв. 1964 2
М. А. Ильин (Москва). К вопросу о первоначальном виде собора XIV в. в Коломне 1963 1
М. А. Ильин (Москва). К изучению иконы Иоанна Предтечи Николо-Пешношского монастыря 1964 3
М. А. Ильин (Москва). О наименовании Десятинной церкви 1965 2
О. Ш. Исмизаде (Баку). Крепостное сооружение в Бакинской бухте . . 1966 1
С. К. Кабанов (Ташкент). Погребение воина в долине р. Кашка-Дарья 1963 3
С. К. Кабанов (Ташкент). К изучению аграрного строя Согда в V—VI вв. 1966 3
Н. Ф. Калинин (Казань). Постник Барма — строитель собора Василия Блаженного в Москве и Казанского Кремля 1957 3
Д. Г. Капанадзе (Тбилиси). Продолжительность и характер монгольского владычества в Грузии по нумизматическим данным 1964 2
В. Ф. Каховский (Чебоксары). Булгарское селище близ деревни Большое Янгильдино в Чувашской АССР 1966 2
Э. В. Кильчевская (Москва), **Н. Н. Негматов** (Душанбе). Находки ювелирных изделий из Шахристана 1964 3
А. Н. Кирпичников (Ленинград). Военное дело средневековой Руси и появление огнестрельного оружия 1957 3
А. Н. Кирпичников (Ленинград). Русские шлемы X—XIII вв. 1958 4
А. Н. Кирпичников (Ленинград). Мечи Киевской Руси (IX—XI вв.) . . 1961 4
А. Н. Кирпичников (Ленинград). Шлем XI в. из Юго-Западной Руси . . 1962 2
А. Н. Кирпичников (Ленинград). Так называемая сабля Карла Великого 1965 2
А. Н. Кирпичников (Ленинград). Древнейший русский подписной меч 1965 3
А. Н. Кирпичников, И. Н. Хлопин (Ленинград). О некоторых памятниках русской средневековой артиллерии 1961 3
С. В. Киселев (Москва). Древние города Монголии 1957 2
С. В. Киселев (Москва). Древние города Забайкалья 1958 4
С. В. Киселев (Москва). Из истории китайской черепицы 1959 3
С. В. Киселев (Москва). Город монгольского Исунхэ на р. Хирхира в Забайкалье 1961 4
Л. С. Капицына (Москва). Примитивные формы гончарного промысла Костромской области 1964 3
Н. Б. Кипилов (Москва). Аллегория земли во фресках церкви Спас Нередицы 1966 4
В. И. Козенкова (Андижан). Гончарная печь из Хилля 1958 3
В. И. Козенкова (Москва). К вопросу о хумах с захоронениями костей на территории Средней Азии (Р. IV) 1961 3
Б. А. Колчин (Москва). Русский феодальный город Великий Новгород 1957 3
Б. А. Колчин (Москва). Хронология новгородских древностей 1958 2

А. И. Комеч (Москва). Рабочий метод зодчих Владимиро-Суздальского княжества XII в. 1966 1
А. А. Коновалов (Москва). Периодизация новгородских берестяных грамот и эволюция их содержания 1966 2
Г. Ф. Корзухина (Ленинград). К реконструкции Десятинной церкви . . 1957 2
Г. Ф. Корзухина (Ленинград). О времени появления укрепленного поселения в Ладоге 1961 3
Г. Ф. Корзухина (Ленинград). Из истории игр на Руси. (Р. IV) 1963 4
В. В. Косточкин (Москва). Оборонительные системы русских крепостей XIV — начала XVI вв. 1957 1
В. В. Косточкин (Москва). Строительная биография крепости Изборска 1959 1
В. В. Косточкин (Москва). Новые данные о крепости Копорье 1960 3
В. В. Косточкин (Москва). Топография Ивангорода в XVI в. 1961 3
К. В. Кострин (Уфа). Исследование нефти из средневековых амфор, найденных близ станицы Пролетарской 1965 1
Ю. А. Краснов, Н. А. Краснов (Московская область). Топография древнего Звенигорода по археологическим данным 1964 1
В. В. Кропоткин (Москва). Крест-складень из Коктебеля 1957 2
В. В. Кропоткин (Москва). Могильник Суук-Су и его историко-археологическое значение. (Р. IV) 1959 1
В. А. Кузнецов (Москва). К вопросу о позднеаланской культуре Северного Кавказа 1959 2
В. А. Кузнецов (Москва). Надписи Хумаринского городища 1963 1
В. А. Кузнецов (Орджоникидзе). Северный Зеленчукский храм X века 1964 4
В. И. Курлов (Москва). Портная палата Соловецкого монастыря . . . 1966 2
М. П. Кучера (Киев). Гончарная керамика дофеодального времени из раскопок древнего Плеснеска 1962 1
И. И. Кушнир (Новгород). О культурном слое Новгорода 1960 3
И. И. Кушнир (Новгород). О культурном слое Новгорода 1964 4
Л. Р. Кызласов (Москва). Остатки замка VI—VII вв. на городище Ак-Бешим 1958 3
Л. Р. Кызласов (Москва). Средневековые города Тувы 1959 3
Л. Р. Кызласов (Москва). Новая датировка памятников енисейской письменности 1960 3
Л. Р. Кызласов (Москва). Памятник мусульманского средневековья в Туве 1963 2
Л. Р. Кызласов (Москва). О назначении древнетюркских изваяний, изображающих людей 1964 2
Л. Р. Кызласов (Москва). О датировке памятников енисейской письменности 1965 3
В. П. Левенок (Ленинград). Надгробия князей Трубецких 1960 1
Н. И. Леонов (Самарканд). Мавзолей X в. в Зеравшанской долине . . 1960 4
В. Ю. Лещенко (Пермь). Сасанидское блюдо Пермской художественной галереи 1966 2
В. Ю. Лещенко, В. А. Оборин (Пермь). Новые находки восточного серебра в Прикамье 1966 3
Н. П. Лихачев (Ленинград). Печати Пскова 1960 3
П. Ф. Лысенко (Минск). Шиферное пряслице с надписью из Пинска . . 1966 3
Э. А. Макаев (Москва). Руническая надпись из Новгорода 1962 3
Т. И. Макарова (Москва). О происхождении поливной посуды на Руси 1963 2
Т. И. Макарова (Москва). Поливная керамика древнего Любеча . . . 1965 4
Г. А. Максименков (Ленинград). Из истории древнерусской артиллерии 1957 3
Г. А. Максименков, И. Н. Хлопин (Ленинград). Археологические разведки в Устюжне и в прилегающих районах 1958 4
Е. К. Максимов (Саратов). Находка древнерусского шлема в Саратовском Заволжье 1960 4
Е. К. Максимов (Саратов). Вятическое семилопастное кольцо из Нижнего Поволжья 1964 4
М. Ф. Малевская (Ленинград). Амфора с надписью из Новогрудка . . 1962 4
Л. П. Матвеева (Москва). Поливные изразцы из Болгар 1959 2
А. Ф. Медведев (Москва). К истории пластинчатого доспеха на Руси. (Р. IV) 1959 2
А. Ф. Медведев (Москва). Древнерусские писала X—XV вв. 1960 2
А. Ф. Медведев (Москва). О новгородских гривнах серебра 1963 2
А. Ф. Медведев (Москва). Татаро-монгольские наконечники стрел в Восточной Европе 1966 2
А. А. Медынцева (Москва). Серебреник из Заречья на Стругне 1965 1
Г. Г. Мезенцева (Киев). Новые данные об изготовлении древнерусских жерновов 1963 4
А. С. Мельникова (Москва). Чеканка монет в Кукейносе в середине XVII в. 1964 3
Н. Д. Мец (Москва). Серебреники из с. Митьковки 1960 1

Н. Д. Мец (Москва). Ярославские князья по нумизматическим данным 1960 3
Н. Д. Мец (Москва). Датировка «денег московских» с изображением розетки 1964 3
Н. А. Мещерский (Петрозаводск). О датировке новгородских берестяных грамот 1963 4
Л. С. Миляева (Киев). Памятник галицкой живописи XIII в. 1965 3
Н. В. Минкевич-Мустафаева (Баку). О ремесленном квартале Байлакана 1958 4
В. А. Могильников (Москва). Новоникольское IV городище 1964 1
В. А. Могильников (Москва). Васюганский клад 1964 2
В. А. Могильников (Москва). Ананьевское городище и вопрос о времени тюркизации среднего Прииртышья и Барабы 1965 1
А. Н. Москаленко (Воронеж). Святилище на р. Воргол 1966 2
А. Г. Мухамадиев (Казань). Два клада татарских монет XV в. 1966 2
Е. В. Мышковский (Ленинград). Стволы русского ручного огнестрельного оружия XV—XVI вв. 1961 1
Е. В. Мышковский (Ленинград). Замки русского огнестрельного оружия XVI—XVII вв. 1965 4
Н. Негматов, Т. И. Зеймаль (Сталинабад). Уструшанский замок в Шахристане 1959 2
Н. Б. Немцева (Ташкент). Раскопки на ансамбле Шах-и-Зинда в Самарканде 1964 1
А. В. Никитин (Москва). Братский острог 1961 2
А. В. Никитин (Москва). Восстановление башен Братского острога . . 1961 4
А. В. Никитин (Москва). Белгородская крепость XVI—XVII вв. 1962 3
А. В. Никитин (Москва). Художественная обработка кузнечных изделий XVI—XVII вв. 1966 3
Т. В. Николаева (Загорск). Новые находки на территории Загорского музея-заповедника 1957 1
Т. В. Николаева (Загорск). О некоторых надгробиях XV—XVII вв. Загорского музея-заповедника 1958 3
Т. В. Николаева (Загорск). Надгробие Новгородского архиепископа Сергия 1965 3
Т. Н. Никольская (Москва). Древнерусское селище Лебедка 1957 3
В. А. Оборин (Пермь). Орел-городок 1957 4
А. П. Окладников (Ленинград). Остатки бохайской столицы у г. Дунцзинчэн на р. Муданцзян 1957 3
Е. Ольчак (Польша, Познань). Производство стеклянных перстней на славянской территории в средние века 1959 3
С. Н. Орлов (Новгород). К вопросу о древнерусской метрополии 1957 4
С. Н. Орлов (Новгород). Новые сведения о сопках волховского типа в районе Старой Ладоги 1958 1
С. Н. Орлов (Новгород). Новая находка деталей корабля XII в. в Новгороде 1958 4
С. Н. Орлов (Новгород). О раннеславянском грунтовом могильнике с трупосожжением в Старой Ладоге 1960 2
С. Н. Орлов (Новгород). К топографии древнего Новгорода 1961 4
С. Н. Орлов (Новгород). Писало и дощечка для письма из Новгорода . . 1962 2
С. Н. Орлов (Новгород). Дощечка с изображением человека из Новгорода 1962 4
С. Н. Орлов (Новгород). Крышка с тайнописью из Новгорода 1963 4
С. Н. Орлов (Новгород). Новгородская черепица XVI в. 1964 2
С. Н. Орлов (Новгород). К топографии новгородских городских концов 1965 2
И. Н. Осиновский (Москва). Находка солида Константина IV близ Судака 1966 3
М. И. Островский (Кременец, УССР). Археологические разведки в Тернопольской и Ровенской областях 1964 4
В. В. Павлов (Москва). Две восточные геммы 1964 3
В. А. Падин (Трубчевск). Материалы из раскопок Кветунских курганов X—XIII вв. 1958 2
В. А. Падин (Трубчевск). Раннеславянские поселения и могильник в районе Трубчевска 1960 3
Г. И. Пех (Волковыск). Раскопки в Волковыске в 1958 г. 1963 1
В. В. Пименов (Петрозаводск). Этническая принадлежность курганов юго-восточного Приладожья 1964 1
С. А. Плетнева (Москва). О связях алано-болгарских племен Подонья со славянами в VIII—IX вв. 1962 1
С. А. Плетнева (Москва). Подгоровский могильник 1962 3
С. А Плетнева (Москва). О построении кочевнического лагеря — вежи 1964 3
И. И. Плешанова (Ленинград). Псковские архитектурные керамические пояса 1963 2
Н. Л. Подвигина (Москва). Раскопки курганов в Псковской области . . 1965 1
С. С. Подъяпольский (Москва). К характеристике кирилловского зодчества XV—XVI вв. 1966 2
В. П. Полевой (Ленинград). О местонахождении Ачанского городка . . 1960 3

Л. Л. Полевой (Кишинев). Археологические материалы к истории Молдавии XIV в. 1965 3
М. Д. Полубояринова (Москва). Стеклянная посуда древнего Турова . . 1963 4
М. Д. Полубояринова (Москва). Раскопки церкви Саввы Освященного в Новгороде 1965 1
Н. Г. Порфиридов (Ленинград). Надписи на ножах русских мореходов XVII в. 1958 2
Н. Г. Порфиридов (Ленинград). Именные владычные печати Новгорода 1958 3
В. П. Потин (Ленинград). Французские и итальянские монеты из кладов X—XI вв. на территории СССР 1963 1
В. П. Прищепенко (Москва). К биографии Ф. С. Кони 1966 4
Г. А. Пугаченкова (Ташкнет). Мастер-керамист Мухаммед-Али Инойятон из Мерва 1958 2
Г. А. Пугаченкова (Ташкент). Ак-Астана-Баба 1960 3
Г. А. Пугаченкова (Ташкент). Мазар Араб-ата в Тиме 1961 4
Г. А. Пугаченкова (Ташкент). Памятник мусульманского зодчества в Хара-Хото 1965 3
В. К. Пудовин (Москва). Датировка нижнего слоя могильника Суук-Су 1961 1
Н. В. Пятышева (Москва). «Земляной путь» рассказа о походе Владимира на Корсунь 1964 3
М. Г. Рабинович (Москва). О начальном периоде истории Москвы . . 1958 3
Т. В. Равдина (Москва). Еще раз о датировке древнего слоя Москвы . . 1963 1
Т. В. Равдина (Москва). Царицынские курганы 1963 4
Т. В. Равдина (Москва). О датировке вятичских курганов 1965 1
Т. В. Равдина (Москва). Раскопки в Пинске 1966 1
П. А. Раппопорт (Ленинград). Хабаров Городок 1958 3
П. А. Раппопорт (Ленинград). Круглые и полукруглые городища Северо-Восточной Руси 1959 1
П. А. Раппопорт (Ленинград). Основные этапы развития древнерусского военного зодчества 1960 2
П. А. Раппопорт (Ленинград). Археологические исследования памятников русского зодчества X—XIII вв. 1962 2
П. А. Раппопорт (Ленинград). Раскопки в Волковыске в 1959 г. . . . 1963 1
П. А. Раппопорт (Ленинград). К вопросу о Плеснеске (Р. IV) 1965 4
Ю. А. Раппопорт (Москва). Об изображении на Баротымском блюде, найденном в 1959 году 1963 1
В. И. Распопова (Ленинград). Поясной набор Согда VII—VIII вв. . . . 1965 4
Р. Л. Розенфельдт (Москва). К вопросу о начале Москвы 1957 4
Р. Л. Розенфельдт (Москва). Новые находки керамических горнов на Яузской гончарной слободе в Москве 1959 1
Р. Л. Розенфельдт (Москва). Псевдоидол из с. Вески 1959 2
Р. Л. Розенфельдт (Москва). О конструкции и назначении некоторых железных изделий 1960 2
Р. Л. Розенфельдт (Москва). О дренажных сооружениях в Зарядье . . 1961 1
Р. Л. Розенфельдт (Москва). Изразцовый фриз церкви Троицы в Костроме 1962 3
Р. Л. Розенфельдт (Москва). К вопросу о гончарных клеймах 1963 2
Р. Л. Розенфельдт (Москва). Битяговские курганы 1963 4
Р. Л. Розенфельдт (Москва). О производстве и датировке овручских пряслиц 1964 4
Р. Л. Розенфельдт (Москва). Константиновские и Залесьевские курганы 1966 4
Э. В. Ртвеладзе (Ташкент). Крест-энколпион из Маджар 1965 2
А. П. Рунич (Пятигорск). Катакомбные могильники в районе Кисловодска 1963 3
И. П. Русанова (Москва). Археологические памятники второй половины 1 тысячелетия н. э. на территории древлян 1958 4
И. П. Русанова (Москва). Территория древлян по археологическим данным 1960 1
Б. А. Рыбаков (Москва). Архитектурная математика древнерусских зодчих 1957 1
Б. А. Рыбаков (Москва). Запись о смерти Ярослава Мудрого 1959 4
Б. А. Рыбаков (Москва). Что нового вносит в науку статья А. В. Арциховского «О новгородской хронологии»? 1961 2
Б. А. Рыбаков (Москва). Татарская кириллическая надпись из Полоцка 1963 4
Б. А. Рыбаков (Москва). Смоленская надпись XIII в. «о врагах игуменах» 1964 2
Н. В. Рындина (Москва). О древнерусском литье «навышлеск» 1962 3
М. Х. Садыкова (Уфа). Археологические находки в Башкирии 1961 4
И. М. Самойловский (Киев). Ажурные фибулы из Киева 1963 1
В. В. Седов (Москва). Каменный крестик с надписью из Пирова селища 1959 1
В. В. Седов (Москва). Кривичи 1960 1
В. В. Седов (Москва). Следы восточно-балтийского погребального обряда в курганах древней Руси 1961 2
В. В. Седов (Москва). Войносоловский крест 1962 3
В. В. Седов (Москва). Дреговичи 1963 3
В. В. Седов (Москва). Курганы ятвягов 1964 4

М. В. Седова (Москва). Амулет из древнего Новгорода 1957 4
М. В. Седова (Москва). Серебряный сосуд XIII в. из Новгорода 1964 1
М. В. Седова (Москва). Каменные иконки древнего Новгорода 1965 3
А. П. Смирнов (Москва). К вопросу об истоках Приазовской Руси . . 1958 2
А. П. Смирнов, Г. А. Федоров-Давыдов (Москва). Задачи археологического изучения Золотой Орды 1959 4
Э. С. Смирнова (Ленинград). Два памятника псковского художественного литья XVI в. 1962 2
К. Ф. Соловьева (Москва). К вопросу о восточной ориентировке погребенных в славянских курганах XI—XIII вв. 1963 2
М. П. Сотникова (Ленинград). Из истории обращения русских серебряных платежных слитков в XIV—XV вв. 1957 3
Б. Я. Стависский (Ленинград). Самаркандские чернильные приборы IX—X вв. в собрании Эрмитажа 1960 1
Б. Я. Стависский (Ленинград). Раскопки городища Кулдор-Тепе в 1956—1957 гг. 1960 4
И. М. Суслов (Москва). Московская эмаль XVII вв. 1960 2
Э. А. Сымонович (Москва). Поселение эпохи Киевской Руси в с. Чаплин в Южной Белоруссии 1961 2
Э. А. Сымонович (Москва). О связях лесных и лесостепных раннесредневековых культур Поднепровья (по керамическим материалам) . . 1966 3
Н. П. Сычев (Москва). Фрагмент росписи 1161 г. в Успенском соборе во Владимире 1966 1
Е. К. Сычевская (Москва). Рыбы древнего Новгорода 1965 1
Л. И. Тарасюк (Ленинград). Из истории русского ручного огнестрельного оружия XVI—XVII вв. 1965 2
Е. И. Тимофеев (Хабаровск). Расселение юго-западной группы восточных славян по материалам могильников X—XIII вв. 1961 3
А. А. Тимошенко (Ростов на Дону). К вопросу о местонахождении городища Степана Разина 1961 3
Б. А. Тимощук (Черновцы). Надгробие из с. Мусоровки, Черновицкой области 1957 3
Б. А. Тимощук (Черновцы). Ленковецкое древнерусское городище . . . 1959 4
П. Н. Третьяков (Москва). К вопросу об этническом составе населения Волго-Окского междуречья в I тысячелетии н. э. (Р. IV) 1957 2
П. Н. Третьяков (Москва). Городища-святилища левобережной Смоленщины 1958 4
П. Н. Третьяков (Ленинград). О древностях середины и третьей четверти I тысячелетия в южных частях Верхнего Поднепровья. (Р. IV) . . 1965 4
Г. Ф. Турчанинов (Ленинград). Дополнение к чтению и датировке надписи на кресте из Краснодарского историко-краеведческого музея 1957 1
Г. Ф. Турчанинов (Ленинград). О языке надписей на камнях Маяцкого городища и флягах Новочеркасского музея 1964 1
В. А. Уртан (Рига). Средневековые медицинские инструменты для кровопускания 1966 2
М. Усманов (Казань). О языковых особенностях надписи из Нового Сарая 1963 3
М. Н. Федоров (Ташкент). К вопросу о последнем караханидском дворце на Афрасиабе 1965 3
Г. А. Федоров-Давыдов (Москва). О болгарских гирьках в собрании Гос. музея Татарской АССР 1957 1
Г. А. Федоров-Давыдов (Москва). Монетная система Хорезма XIV в. . . 1957 2
Г. А. Федоров-Давыдов (Москва). Денежно-весовые единицы Таны в начале XIV в. 1958 3
Г. А. Федоров-Давыдов (Москва). Болгарское городище-святилище X—XI вв. 1960 4
Г. А. Федоров-Давыдов (Москва). Раскопки Нового Сарая в 1959—1962 гг. 1964 1
Г. А. Федоров-Давыдов (Москва). Новый Сарай по раскопкам 1963—1964 гг. 1966 2
Г. А. Федоров-Давыдов, И. С. Вайнер (Москва). О надписи и рисунке на кости из Нового Сарая 1963 3
М. В. Фехнер (Москва). Шихинская курганная группа 1959 4
М. В. Фехнер (Москва). Глиняные лапы из Тимеревского курганного могильника 1962 3
В. А. Филипченко (Астрахань). О новых находках на территории Астраханской области 1958 1
В. А. Филипченко (Астрахань). Погребение X в. в Астраханской области у с. Лопас 1959 2
П. И. Хавлюк (Ленинград). Раннеславянские поселения в средней части Южного Побужья 1961 3
О. Х. Халпахчьян (Москва). Средневековые бани Армении 1960 1
С. О. Хан-Магомедов (Москва). Раннесредневековая Горная стена в Дагестане 1966 1

Д. Е. Харитонова (Пермь). Булгарское медное блюдо из Чердынского района 1965 1
Т. А. Хлебникова (Казань). Еще одна находка болгарских ювелирных изделий 1963 1
С. Г. Хмельницкий (Москва), **Н. Н. Негматов** (Душанбе). Михраб в с. Ашт 1963 2
О. С. Хованская (Казань). Нагрудное украшение из булгарского города Джукетау 1958 1
Н. В. Холостенко (Киев). Клад у Борисоглебского собора в Чернигове 1962 2
О. Г. Чайковская (Москва). Раскопки в Клюни и характер клюнийского искусства 1963 1
Г. В. Чарушин, В. Д. Войлошников (Иркутск). Новые наскальные рисунки в Прибайкалье 1958 3
Н. А. Черницын (Тотьма). Угро-финские могильники на территории Вологодской области 1966 4
Ю. Г. Чуланов (Ленинград). Городище Ахсыкет 1963 3
С. С. Чураков (Москва). Портреты во фресках Ферапонтова монастыря 1959 3
С. С. Чураков (Москва). Андрей Рублев и Даниил Черный 1966 1
Б. А. Шелковников (Ленинград). Средневековая белоглиняная поливная керамика Армении и свидетельство Идриси 1958 1
Б. А. Шелковников (Ленинград). Русское стекло домонгольского времени, расписанное эмалями 1965 1
А. Я. Шер (Ленинград). Погребение с конем в Чуйской долине 1961 1
А. Я. Шер (Ленинград). Об одном древнетюркском изваянии из Чуйской долины 1963 2
А. Я. Шер (Ленинград). Памятники алтайско-орхонских тюрок на Тянь-Шане 1963 4
Е. А. Шмидт (Смоленск). Длинные курганы у дер. Цурковки в Смоленском районе 1958 3
Е. А. Шмидт (Смоленск). Поле погребений и курганы у дер. Акатово Смоленской области 1962 4
П. А. Шорин (Москва). Анонимные печати новгородских архиепископов 1964 3
А. Шош Чемицки (Будапешт). О венгерских исследованиях в области славянской археологии 1962 4
Б. А. Шрамко (Харьков). Новые детали устройства ранне-славянских жилищ 1960 3
Б. А. Шрамко, Е. А. Цепкин (Харьков). Рыболовство у жителей Донецкого городища в VIII—XIII вв. 1963 2
Г. М. Штендер (Новгород). Новгородская церковь Петра и Павла в Кожевниках 1406 г. 1966 2
Г. В. Штыхов (Минск). Письмена на камне из Полоцка 1963 4
Г. В. Штыхов (Минск). Опыт исследования древнеполоцкой кожи . . . 1963 4
Г. В. Штыхов (Минск). Печать XII в. из Полоцка 1965 3
Я. Ф. Штэтыллo (Варшава). Деревянная скульптура XIV—XV вв. из Штральзунда 1965 1
Ю. Л. Щапова (Москва). О происхождении некоторых типов древнерусских бус 1962 2
Я. Н. Щапов (Москва). Кирик новгородец о берестяных грамотах . . . 1963 2
Ю. Л. Щапова (Москва). Стеклянные браслеты древнего Полоцка . . . 1965 1
Н. В. Энговатов (Москва). Руническая эпиграфика с территории СССР и норманизм 1964 4
А. Л. Якобсон (Ленинград). Средневековые пифосы Северного Причерноморья 1966 2
З. И. Ямпольский (Баку). Памятники кавказской Албании на горе Бешидаг 1960 2
В. Л. Янин (Москва). Из истории русской художественной и политической жизни XII в. 1957 1
В. Л. Янин (Москва). К чтению надписи на пряслице из Гродно . . . 1958 1
В. Л. Янин (Москва). О первоначальной принадлежности так называемого шлема Ярослава Всеволодовича 1958 3
В. Л. Янин (Москва). О датировке врат Суздальского собора 1959 3
В. Л. Янин (Москва). О печатях Ратибора 1960 2
В. Л. Янин (Москва). Вислые печати Пскова 1960 3
В. Л. Янин (Москва). Печати с надписью «Дьнѣслово» 1962 2
В. Л. Янин (Москва). Заметки о новгородских берестяных грамотах . . 1965 4
В. Л. Янин (Москва). Находка польского свинца в Новгороде 1966 2
В. Л. Янин (Москва). Именные буллы русских епископов XII — начала XIII вв. 1966 3

В. Б. Артемьев, С. В. Бутомо, В. М. Дрожжин, Е. Н. Романова (Ленинград). Результаты определения абсолютного возраста ряда археологических и геологических образцов по радиоуглероду (C^{14}) 1961 2
М. А. Безбородов (Минск), **А. Л. Якобсон** (Ленинград). Химическое исследование средневековых стекол из Байлакана 1960 4
С. П. Бурлацкая (Москва). О датировании археологических объектов археомагнитным методом 1962 3
С. П. Бурлацкая (Москва). Датирование археологических объектов археомагнитным методом 1963 4
В. Е. Вихров (Москва). Некоторые наблюдения над стойкостью древесины из археологических раскопок 1959 2
В. Е. Вихров, Б. А. Колчин (Москва). Основы и метод дендрохронологии 1962 1
Г. П. Гроздилов, А. Д. Столяр (Ленинград). К вопросу о построении музейной археологической экспозиции 1958 4
К. Домбровский, П. Стопиньский, Е. Ступицкая (Варшава). Исследование археологических памятников методом определения величины электросопротивляемости грунта 1962 3
И. М. Замоторин (Ленинград). Относительная хронология Пазырыкских курганов 1959 1
И. М. Замоторин (Ленинград). О возможности установления относительных датировок территориально-удаленных сооружений методом анализа древесных стволов в условиях Горного Алтая 1963 2
И. Л. Значко-Яворский, Я. Г. Белик, В. Т. Иллиминская (Ленинград). Экспериментальное исследование древних строительных растворов и вяжущих веществ 1959 4
М. А. Ильин (Москва). Охрана и реставрация памятников древнерусского искусства 1965 2
С. Г. Кляшторный (Ленинград). Об использовании геофизических методов в археологической разведке 1958 4
Б. А. Колчин (Москва). Новые методы в археологии 1963 4
И. И. Коробков (Ленинград). О методике определения нуклеусов . . . 1963 4
Г. Ф. Коробкова, Л. П. Хлобыстин (Ленинград). К вопросу о периодизации четвертичных отложений 1961 3
Д. А. Крайнов (Москва). Археология и краеведение 1957 3
О. Ю. Круг (Москва). Некоторые особенности технологии керамического производства на черняховском поселении Журавка 1965 3
О. Ю. Круг, С. Д. Четвериков (Москва). Опыт применения петрографических методов к изучению керамики Боспорского царства . . . 1961 3
Б. А. Латынин (Ленинград). Некоторые вопросы методики изучения истории ирригации Средней Азии 1959 3
Н. Я. Мерперт, А. П. Смирнов (Москва). Археология и некоторые вопросы почвоведения 1960 4
А. Л. Монгайт (Москва). Задачи и возможности археологической картографии 1962 1
Д. В. Наумов (Ленинград). Метод количественного спектрального анализа сплавов на медной основе применительно к исследованию археологических предметов 1961 3
Д. В. Наумов (Ленинград). Опыт количественного спектрального анализа древнего стекла 1962 4
И. Л. Ногид, А. И. Поздняк (Ленинград). Консервация мокрой археологической древесины 1965 3
Л. П. Папкова, Я. К. Белик, А. П. Кононенко, О. П. Мчеделов-Петросян (Харьков). Экспериментальное исследование некоторых строительных растворов Старого Баку 1966 1
В. Ф. Петрунь (Кривой Рог). О применении горного хрусталя и его аналогов в первобытной технике 1962 1
Х. В. Протопопов, С. В. Бутомо (Ленинград). Развитие техники жидких сцинтилляторов и ее применение для датировки по радиоуглероду (C^{14}) 1959 2
В. Е. Рудаков (Ялта). К вопросу о методах дендрохронологического анализа 1964 2
Е. А. Румянцев (Ленинград). Реставрация и консервация древних деревянных повозок из Закавказья и Алтая 1961 1
Б. А. Рыбаков (Москва). К вопросу о методике определения хронологии новгородских древностей 1959 4
И. Р. Селимханов (Баку). О химическом исследовании древних металлических предметов из раскопок на территории Азербайджанской ССР 1957 3
И. Р. Селимханов (Баку). К исследованию металлических предметов из «энеолитических» памятников Азербайджана и Северного Кавказа 1960 2

И. Р. Селимханов (Баку). К химической характеристике ножей, шильев и бусин из некоторых памятников лесостепной полосы Восточной Европы III—II тысячелетия до н. э. 1962
И. Р. Селимханов (Баку). К спектральному определению олова и других элементов в древних медных сплавах путем испарения опилок пробы 1965
С. А. Семенов (Ленинград). Экспериментальные исследования первобытной техники 1959
П. Н. Смирнов, Я. А. Шер (Ленинград). Применение полимеризационных пластиков для копирования наскальных рисунков 1965
Г. Ф. Соловьева, А. С. Хапуков (Москва). Некоторые вопросы охраны памятников археологии 1958
В. И. Спицын, А. В. Арциховский, М. П. Глазунов, П. Н. Кодочигов, Ю. Л. Щапова (Москва). Исследование образцов грунта новгородских археологических раскопок радиоактивационным методом 1962
Я. И. Сунчугашев, Е. П. Захаров (Москва). Опыт применения геологических поисковых методов в археологической разведке 1964
С. П. Толстов, Б. В. Андрианов, Н. И. Игонин (Москва). Использование аэрометодов в археологических исследованиях 1962
Г. А. Федоров-Давыдов (Москва). О датировке типов вещей по погребальным комплексам 1965
Р. В. Федорова (Москва). Применение спорово-пыльцевого анализа в археологических исследованиях Прикаспия и Предкавказья . . . 1959
Р. В. Федорова (Москва). Применение спорово-пыльцевого анализа в изучении археологических объектов лесостепной и степной зон . . . 1965
Е. Ф. Федорович (Ташкент). Методика исследования археологических тканей 1965
Е. Н. Черных (Москва). Исследования состава медных и бронзовых изделий методом спектрального анализа 1963
Е. Н. Черных (Москва). Результаты изучения химического состава металла Бессарабского клада 1965
К. В. Шишкин (Симферополь). Применение аэрофотосъемки для исследования археологических памятников 1966
Г. Г. Штобе (Рига). Применение методов почвенных исследований в археологии 1959
Ю. Л. Щапова (Москва). О применении качественного спектрального анализа стекла при изучении истории стеклоделия древней Руси 1960

VII. ХРОНИКА

Г. И. Андреев, Ю. С. Гришин (Москва). Научная конференция по истории Сибири и Дальнего Востока 1961
Археологические пленумы и конференции 1956 г. 1957
Археологические работы музеев СССР за 1955—1956 гг. 1957
Археологические работы школьников 1958
С. Н. Астахов, Е. Н. Черных (Москва). III студенческая археологическая конференция 1957
О. Н. Бадер, В. Б. Виноградов (Москва). IV студенческая археологическая конференция 1958
О. Н. Бадер (Москва). Археологические музейные собрания г. Перми и городов Пермской области 1960
О. Н. Бадер (Москва). Следы древнейшей пещерной живописи на Южном Урале 1961
О. Н. Бадер (Москва). II Уральское археологическое совещание и его итоги 1961
Н. О. Бадер (Москва). Совещание по проблемам мезолита 1962
С. А. Беляев (Ленинград). Научная сессия Государственного Эрмитажа за 1961 год 1963
С. Н. Братченко (Ростов на Дону). Первая конференция по археологии Нижнего Подонья 1963
Б. С. Научная сессия Государственного Эрмитажа 1958
Б. С. Научная сессия, посвященная итогам работы Государственного Эрмитажа за 1960 год 1962
Б. С. Научная сессия Государственного Эрмитажа 1959
Ю. Ф. Буряков (Ташкент). Археолого-нумизматическая работа Музея истории народов Узбекистана в 1959 г. 1961
В. Б. Виноградов (Грозный), **О. А. Дудко** (Москва). VII Всесоюзная археологическая студенческая конференция 1962
В. Виноградов, А. Хазанов (Москва). V Всесоюзная студенческая археологическая конференция 1959
В. Виноградов, А. Хазанов (Москва). VI Всесоюзная студенческая археологическая конференция 1961

М. Г. Воробьева (Москва). Совещание по археологии и этнографии Средней Азии 1957 3
Н. Н. Воронин (Москва). О местных музеях и краеведении 1957 3
А. В. Гадло (Ленинград). VIII Всесоюзная студенческая конференция 1963 1
Л. А. Голубева. Совещание, посвященное проблемам черняховской культуры и ее роли в ранней истории славян 1957 4
Н. Н. Гурина (Ленинград). Ответ А. Я. Брюсову 1963 3
Г. Ф. (Москва). Конференция по археологии, древней и средневековой истории народов Поволжья 1957 2
Г. Ф. Д. Читательская конференция журнала «Советская археология» 1959 3
Г. Ф. Д. (Москва). Новое поступление в Музей при кафедре археологии Исторического факультета МГУ 1961 2
В. Деопик, М. Полубояринова (Москва). Сессия Отделения исторических наук АН СССР и пленум ИИМК АН СССР 1957 3
Д. Ш. Создание Одесского археологического общества 1959 3
В. А. Джорбенадзе, К. Г. Мачабели (Тбилиси). Сессия византистов в Тбилиси 1966 4
Л. П. Зяблин (Москва). Сессия, посвященная этногенезу киргизов . . . 1957 2
И. Ш. Археологическая конференция в Киеве 1958 3
А. Н. Кирпичников, А. Н. Мелентьев (Ленинград). Популярная археология 1966 3
С. Кляшторный (Ленинград). По поводу интерпретации Уланкомской надписи 1963 4
М. М. Кобылина (Москва). Поездка по Греции 1961 2
П. М. Кожин (Москва). Сессия ОИН и Пленум Института археологии АН СССР 1962 4
П. М. Кожин (Москва). Сессия Отделения истории и Пленума ИА АН СССР 1965 1
Д. А. Крайнов (Москва). Сессия Отделения исторических наук и пленум ИИМК АН СССР 1958 3
Ю. А. Краснов (Московская область). Работа археологической секции на научных конференциях по истории Московского края 1963 1
А. А. Кривонос, А. И. Шкурко (Москва). IX Всесоюзная археологическая студенческая конференция 1963 4
Е. Е. Кузьмина (Москва). III Уральское археологическое совещание . . 1962 4
Л. П. Лаптева (Москва). Выставка «Великая Моравия» в Пражском Кремле 1965 4
Н. К. Лисицына (Москва). Полевые археологические исследования ИИМК АН СССР в 1956 г. 1957 2
Н. К. Лисицына (Москва). Полевые археологические исследования ИИМК в 1957 г. 1958 2
Н. К. Лисицына (Москва). Полевые археологические исследования ИИМК АН СССР в 1958 году 1959 2
Н. К. Лисицына (Москва). Полевые археологические исследования Института археологии АН СССР в 1959 г. 1960 2
Н. К. Лисицына (Москва). Полевые археологические исследования в РСФСР в 1960 г. 1962 4
Н. К. Лисицына (Москва). Полевые археологические исследования в РСФСР в 1961—1962 гг. 1965 1
Б. В. Лунин (Ташкент). О работе секции древней и средневековой истории, археологии и этнографии народов Востока на I Всесоюзной конференции востоковедов 1958 2
С. Б. Лунина, З. И. Усманова. I Среднеазиатская студенческая археологическая конференция 1957 4
Е. В. Максимов (Киев). Объединенная сессия Отделения исторических наук АН СССР и Отделения общественных наук УССР 1961 1
М. И. Матасов (Буй). О нуждах археологии в Костромской области . . 1958 1
Л. П. Матвеева (Москва). Сессия Ученого совета Государственного Исторического музея, посвященная археологическим работам 1956—1957 гг. 1958 3
Л. П. Матвеева (Москва). Сессия Ученого совета ГИМ 1961 2
В. А. Могильников (Москва). Четвертое Уральское археологическое совещание 1966 1
А. Н. Москаленко (Воронеж). О работе студенческих археологических кружков 1960 4
Р. М. Мунчаев (Москва). Научная сессия по археологии Дагестана . . 1959 4
Р. М. Мунчаев, Г. А. Федоров-Давыдов (Москва). Сессия Отделения исторических наук и пленум ИИМК АН СССР 1959 3
Р. М. Мунчаев (Москва), **И. Г. Нариманов** (Баку). Сессия отделения истории АН СССР и Отделения общественных наук АН АзССР . . 1965 4
Намио Эгами (Япония). Прошлое и настоящее японской археологии . . 1957 2

Н. А. Онайко (Москва). Сессия ОИН и пленум Института археологии АН СССР, посвященные итогам полевых исследований 1960 г. 1961 4
Н. А. Онайко (Москва). Археологическая экспозиция Будапештского национального музея 1964 2
Н. А. Онайко, М. Г. Мошкова (Москва). Новая экспозиция ГИМ . . . 1959 3
Открытое письмо советским археологам 1959 3
Т. С. Пассек (Москва). Семинар по вопросам первобытной археологии Молдавии, Румынии и прилегающих районов Украины 1959 1
Т. С. Пассек (Москва). Румыно-советский семинар по проблемам первобытной археологии 1963 3
Письмо в редакцию 1959 3
Письмо в редакцию 1965 1
Рекомендация, определяющая принципы международной регламентации археологических раскопок, принятая Генеральной конференцией на ее девятой сессии в Нью-Дели 5 декабря 1956 года 1958 2
Р. Л. Розенфельдт (Москва). II международный археологический семинар, посвященный изучению славянских племенных союзов в I тыс. н. э. 1959 2
Р. Л. Розенфельдт (Москва). Рукописный архив В. А. Городцова . . . 1964 1
Ю. А. Савельев (Москва). Археологические открытия на Кипре в 1959—1961 гг. 1965 3
К. В. Сальников (Свердловск). Секция археологии межобластной научной конференции по истории Урала 1958 3
В. И. Сарианиди (Москва). Охрана памятников Туркменистана 1961 2
Сессия Ученого Совета Государственного Исторического Музея, посвященная итогам археологических исследований музея в 1960—1962 гг. 1963 2
I сессия археологов КНР 1957 2
П. А. Сидорова (Москва). Выставка «Золото и серебро античной Италии» 1963 3
Г. Ф. Соловьева (Москва). Сессия ОИН АН СССР 1964 1
Н. П. Сорокина (Москва). Местная научная сессия по археологии в Одессе 1965 4
Б. Я. Ставиский (Ленинград). Научная сессия, посвященная итогам работы Государственного Эрмитажа за 1959 год 1961 1
Э. А. Сымонович (Москва). Пятая научная сессия по археологии в Одессе 1965 1
М. А. Тиханова (Ленинград). Библиотека ЛОИА АН СССР 1964 4
Т. Н. Троицкая (Новосибирск). I конференция по комплексному изучению древней истории народов Западной Сибири 1959 2
Т. Н. Троицкая (Новосибирск). О работе студенческих археологических кружков в пединститутах 1963 4
Д. А. Халиков (Баку). Первая сессия по археологии Азербайджана . . 1964 3
Г. А. Цветаева (Москва). Конференция по истории и археологии античного города 1961 3
Г. А. Цветаева. Письмо в редакцию 1962 2
И. Т. Черняков (Одесса). Научная сессия Одесского Университета и Одесского археологического музея 1962 1
Д. Б. Шелов (Москва). Археологическая экспозиция Пражского Национального музея 1959 2
Школьные краеведческие музеи 1958 3
Е. А. Шмидт (Смоленск). Некоторые маршруты школьных туристических походов по археологическим памятникам Смоленской области . . 1958 2
Ю. Л. Щапова (Москва). О лабораториях при кафедре археологии МГУ 1958 2
Ю. Л. Щапова (Москва). Экспедиция кафедры археологии МГУ в 1957 г. 1958 2

VIII. ПЕРСОНАЛИИ

В. И. Бибикова. К 60-летию В. И. Цалкина 1964 2
И. Б. Брашинский. К 80-летию М. И. Максимовой 1965 2
П. И. Борисковский. К 80-летию Петра Петровича Ефимского 1964 4
М. Брайчевский, Э. Сымонович. К 70-летию В. П. Петрова 1966 3
Г. К. Вагнер. К 60-летию Николая Николаевича Воронина 1964 4
Г. К. Вагнер, А. Н. Кирпичников. К 60-летию М. К. Каргера 1963 4
Н. Н. Воронин. К 60-летию А. Д. Варганова 1965 4
М. П. Грязнов. К 60-летию А. М. Беленицкого 1964 3
О. Ш. Исмизаде. К 70-летию Исаака Риза оглы Джафар-заде 1966 1
С. И. Капошина, Т. Н. Книпович, А. Л. Якобсон. К 60-летию В. Ф. Гайдукевича 1965 3
П. М. Кожин, В. И. Сарианиди. К 60-летию В. Н. Чернецова 1966 1
Ю. П. Захарук. К 60-летию Л. М. Славина 1966 3
Д. А. Крайнов. К столетию со дня рождения В. А. Городцова 1960 1
Д. А. Крайнов. К 60-летию О. Н. Бадера 1963 4
Е. И. Крупнов. К 60-летию П. Д. Либерова 1964 2

Е. И. Крупнов. К 60-летию Дмитрия Александровича Крайнова 1964 4
В. П. Левашова. К 60-летию Л. Н. Евтюховой 1963 4
Г. А. Ломтатидзе. Е. С. Такайшвили 1964 3
Б. В. Лунин. К 70-летию Василия Афанасьевича Шишкина 1964 4
М. И. Максимова. К 60-летию Елены Ивановны Леви 1964 1
В. Массон. К 80-летию С. И. Руденко 1965 4
А. Ф. Медведев. К 60-летию С. Н. Орлова 1966 3
Р. М. Мунчаев. К 60-летию Евгения Игнатьевича Крупнова 1964 1
Т. С. Пассек, Б. А. Латынин. К столетию со дня рождения А. А. Спицына (1858—1958) 1958 3
Р. М. Раушенбах. К 80-летию А. Я. Брюсова 1965 3
А. П. Смирнов. К 60-летию Александра Федоровича Дубынина 1964 1
Г. П. Строд. К 60-летию Э. Д. Шноре 1965 3
А. А. Формозов. К 60-летию Г. Ф. Дебеца 1965 4
Е. К. Черныш. К 60-летию Т. С. Пассек 1963 3
В. Л. Янин. К столетию со дня рождения Н. П. Лихачева 1962 2
К 75-летию А. Я. Брюсова 1960 3
К 60-летию А. П. Смирнова и В. Д. Блаватского 1959 4
Петр Петрович Ефименко (к 75-летию со дня рождения) 1959 4
Сергей Павлович Толстов (К пятидесятилетию со дня рождения и тридцатилетию научной и общественной деятельности) 1957 2
Л. В. Алексеев. **В. Голубович** 1964 1
Н. В. Анфимов. **М. В. Покровский** 1961 4
В. Блаватский. **Д. М. Робинсон** 1959 3
П. Борисковский. **Ф. Прошек** 1959 2
К. А. Величко, С. И. Капошина, В. П. Шилов. **С. М. Марков** 1965 3
М. Витков. **А. Н. Насонов** 1966 1
Н. Н. Воронин. **Б. А. Огнев** 1960 2
К. В. Генчев. **Димитр Цончев** 1963 2
Х. Г. Гимади. **Н. Ф. Калинин** 1960 2
В. Громов. **Ф. Э. Цейнер** 1965 2
Группа сотрудников. **Г. П. Гроздилов** 1963 4
Группа товарищей. **А. П. Иванова** 1964 1
Группа товарищей. **С. С. Куссаева** 1962 4
Группа товарищей. **Н. Д. Мец** 1965 2
Группа товарищей. **М. И. Пикуль** 1964 2
Группа товарищей. **К. М. Поликарпович** 1963 4
Группа товарищей из Института истории искусств. **Ю. Н. Дмитриев** 1962 3
В. Н. Даниленко. **М. Я. Рудинский** 1959 4
М. А. Дэвлет. Д. А. Клеменц как археолог 1963 4
Ю. А. Заднепровский, С. С. Черников. **Е. И. Агеева** 1966 1
И. А. Иванова. **С. С. Чураков** 1966 4
А. Иессен. **А. Л. Лукин** 1960 1
А. А. Иессен. **Л. А. Мацулевич** 1960 3
А. А. Иессен. **И. И. Аханов** 1962 1
П. О. Карышковский. **М. Ф. Болтенко** 1960 1
Е. Крупнов. Памяти Н. А. Сугробова 1957 4
Е. И. Крупнов. **Л. П. Семенов** 1959 4
Е. И. Крупнов, Б. Б. Пиотровский. Памяти Александра Александровича Иессена 1965 1
В. А. Кузнецов. **Н. М. Егоров** 1966 3
Б. В. Лунин. **Г. А. Иноземцев** 1957 2
Б. В. Лунин. **А. А. Семенов** 1959 2
Б. В. Лунин. **Л. В. Ошанин** 1963 1
В. В. Мавродин. **И. И. Смирнов** 1966 3
Н. Я. Мерперт. **Н. П. Мавродинов** 1958 4
В. П. Мизинова., К. В. Сальников, Памяти В. В. Гольмстен 1962 4

Н. В. Минкевич-Мустафаева. **Е. А. Пахомов** 1965 4
А. Монгайт. **Б. К. Мантейфель** 1957 4
А. Л. Монгайт. **Гордон Чайлд** 1958 3
А. Е. Москаленко. **И. Н. Бороздин** 1960 2
Р. М. Мунчаев **Н. Б. Шейхов** 1964 3
Т. С. Пассек. Памяти Сергея Владимировича Киселева 1963 2
А. А. Передольская. **М. М. Худяк** 1959 3
Б. Пиотровский. **И. М. Лосева** 1960 1
Р. К. Римантене. **П. Ф. Тарасенка** 1964 1
А. И. Рогов. Памяти М. Н. Тихомирова 1966 2
Н. Пятышева. **А. С. Башкиров** 1963 3
М. Садыкова. **П. Ф. Ищериков** 1962 2
К. Сальников. **Н. П. Кипарисова** 1958 4
И. В. Синицын, П. Д. Степанов. Памяти Павла Сергеевича Рыкова . . 1964 1
Л. Славин. **А. И. Фурманская** 1964 4
Л. М. Славин. **И. В. Фабрициус** 1966 3
А. П. Смирнов. **Л. И. Каштанов** 1959 1
А. П. Смирнов. **И. А. Талицкая** 1959 2
А. П. Смирнов. **А. Д. Чиварзин** 1960 3
Сотрудники Группы славяно-русской археологии Ленинградского отделения Института археологии АН СССР. **Я. В. Станкевич** 1960 2
Сотрудники Сектора скифо-сарматской археологии ИА АН СССР. **Н. Н. Погребова** 1960 3
Д. Я. Телегин. **Е. Ф. Лагодовская** 1959 4
Б. Г. Тихонов. **А. В. Збруева** 1966 2
В. А. Уртан. **Р. П. Шноре** 1962 4
А. А. Формозов. **С. Н. Замятнин** 1959 2
Д. А. Халилов. Памяти Алекскера Казым оглы Алекперова . 1966 3
П. П. Хороших. **Э. Р. Рыгдылон** 1958 4
Г. А. Цветаева. **В. Н. Дьяков** . . 1960 1
П. Н. Шульц. **А. К. Тахтай** 1964 4
С. В. Ямщиков. Памяти Николая Петровича Сычева 1965 4
А. Н. Бернштам 1957 1
Я. А. Дубинский 1959 3
Памяти В. П. Лисина 1958 3
Памяти Александра Николаевича Лявданского 1964 1
Памяти И. А. Сухарева 1959 2
Ю. С. Панютин 1959 4

IX. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

З. А. Абрамова, Е. А. Векилова, А. П. Окладников, Н. И. Сокольский, С. И. Капошина, В. В. Шлеев, А. М. Беленицкий, В. М. Массон, В. В. Кропоткин, Н. Н. Воронин, А. Л. Монгайт. Археология в СССР 1957 3
А. К. Амброз (Москва). J. Werner. Katalog der Sammlung Diergardt . . 1966 4
И. Д. Амусин (Ленинград). Раскопки Хирбет — Кумрана и Айн-Фешхи 1960 2
А. В. Арциховский (Москва). Вологодско-Пермская летопись. Полное собрание русских летописей, том 26, М., 1959 г. 1961 2
О. Н. Бадер, А. Я. Брюсов, С. В. Киселев, А. А. Формозов (Москва). Некоторые вопросы возникновения человеческого общества. (По поводу статьи Б. Ф. Поршнева «Материализм и идеализм в вопросах становления человеческого общества») 1957 1
К. М. Байпаков (Ленинград). Археологическая литература в изданиях АН Каз. ССР в 1946—1962 гг. 1964 2
А. В. Банк (Ленинград). Письмо в редакцию 1966 1
Н. А. Береговая (Ленинград). Некоторые новые радиоуглеродные датировки древнейших поселений человека в Северной Америке . . . 1958 2
С. С. Березанская, О. Г. Шапошникова (Киев). Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры М., 1955 г. 1957 2

Э. О. Березин (Москва). Раскопки Афинской агоры (1946—1955) . . . 1957 3
Э. О. Берзин (Москва). Раскопки самофракийского святилища Кабиров 1958 4
С. Н. Бибиков (Киев). П. П. Ефименко. Костенки I, 1958 г. 1959 4
С. Н. Бибиков (Киев). Замечания к «Заметкам о трипольской пластике» К. Маевского **1960 1**
Т. В. Блаватская (Москва). Г. Михайлов. Гръцките надписи намепени в България, т. 1, София, 1956 . . . . . 1957 2
Т. В. Блаватская (Москва). Об анапском амулете 1960 4
В. Д. Блаватский (Москв). Ljubiša Popovič. Narodni Muzej Beograd . . 1957 3
В. Д. Блаватский (Москва). Edit B. Thomas Römische Villen in Pannonien 1966 3
С. Н. Боголюбский (Москва), В. И. Цалкин. Материалы для истории скотоводства и охоты в древней Руси 1957 4
Г. М. Бонгард-Левин (Москва). Новые археологические исследования в Индийской республике (1954—1955) 1957 3
С. П. Борисковская (Ленинград). Perachora. The Sanctuaries of Hera Akraia and Limenia. Excavations of the British School of Archaeology at Athens, 1930—1933 . . . . . 1965 3
П. И. Борисковский (Ленинград). М. М. Герасимов. Восстановление лица по черепу 1958 2
П. И. Борисковский (Ленинград). Археология во вьетнамском историческом журнале 1963 1
И. Н. Бороздин (Воронеж). В. Д. Блаватский. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья 1957 1
А. Т. Брайчевская (Киев). М. В. Смішко. Карпатські кургани першої половини 1 тыс. н. э. 1963 2
И. Б. Брашинский (Ленинград). G. Klaffenbach. Griechische Epigraphik 1959 2
И. Б. Брашинский (Ленинград). Успехи керамической эпиграфики . . 1961 2
И. Б. Брашинский (Ленинград). Новые зарубежные исследования по керамической эпиграфике 1966 2
И. Б. Брашинский (Ленинград). Об амфорных клеймах из Пеллы . . . 1966 4
Н. Н. Бритова (Москва). K. Majewski. Kultura materialna starożytnej Grecji **1958 1**
А. Я. Брюсов (Москва). К вопросу об истории земледелия в датской археологической литературе (1950—1953) 1957 2
А. Я. Брюсов (Москва). Maria Gimbutas. The Prehistory of Eastern Europe 1958 2
А. Я. Брюсов (Москва). P. Bosch-Gimpera. El problema indoeuropea. Con un appendice de M. Swadesh 1961 2
А. Я. Брюсов (Москва). Grahame Clark. World Prehistory 1962 1
А. Я. Брюсов (Москва). Frank C. Hibben. L'homme préhistorique en Europe 1962 2
Д. Я. Брюсов (Москва). Н. Н. Гурина. Древняя история северо-запада европейской части СССР. МИА, 87 . . . . . 1963 1
А. Я. Брюсов (Москва). Н. Н. Гурина. Новые данные о каменном веке в северо-западной Белоруссии 1966 3
А. И. Бусев (Москва). И. Р. Селимханов. Историко-химические и аналитические исследования древних предметов из медных сплавов . . 1963 1
Г. К. Вагнер (Москва). М. Ильин. Рязань 1958 3
Г. К. Вагнер (Москва). О пропорциональности в древнерусском искусстве (К. Н. Аванасьев. Построение архитектурной формы древнерусскими зодчими) 1963 4
Г. К. Вагнер (Москва). Большой мир мелкой пластики 1964 2
Г. К. Вагнер (Москва). В. В. Косточкин. Государев мастер Федор Конь 1965 2
С. М. Васюткин (Москва). Сб. «Археология и этнография Башкирии», т. II 1966 4
А. И. Венедиктов (Москва). И. В. Трофимов. Памятники архитектуры Троице-Сергиевой лавры 1964 1
Г. И. Вздорнов (Москва). Благовещенский собор или предел Василия Кессарийского 1966 1
Н. А. Винберг, Т. Н. Заднепровская (Ленинград). Советская археологическая литература за 1955 год **1957 4**
Н. А. Винберг, Т. Н. Заднепровская (Ленинград). Советская археологическая литература за 1956 г. 1958 4
Н. А. Винберг, Т. Н. Заднепровская (Ленинград). Советская археологическая литература за 1957 г. 1959 4
М. В. Воробьев (Ленинград). Asiatic Studies. In Honour of Toru Haneda. On the Occasion of His Sixtieth Birthday May 15 MCMXLII 1957 1
М. В. Воробьев (Ленинград). Су Бин-ци. Погребения на «участке восточнее канала» на террасе Доуцзи 1957 2
М. В. Воробьев (Ленинград). Martha Boyer. Mongol Yewellery 1958 1
М. В. Воробьев (Ленинград). Пэй Вэнь-чжун. Культура каменного века Китая **1958 1**
М. В. Воробьев (Ленинград). R. C. Rudolph. Wen Pu. Han Tomb Art of west China 1958 3
М. В. Воробьев (Ленинград). Го Мо-жо. Эпоха рабовладельческого строя 1959 1

М. В. Воробьев (Ленинград). G. Ticci. The Tombs of the Tibetan kings 1959 1
Н. Н. Воронин (Москва). О некоторых работах по истории древнерусской техники 1957 1
Н. Н. Воронин (Москва). М. А. Безбородов. Стеклоделие в древней Руси. Минск, 1956 . . . . . 1957 2
Н. Н. Воронин (Москва). С. А. Амальрик, А. Л. Монгайт. В поисках исчезнувших цивилизаций 1962 1
Н. Н. Воронин, А. Г. Чиняков (Москва). Памятники культуры (исследование и реставрация), тт. I—III 1961 3
А. Гейслер (Галле, ГДР). Письмо в редакцию 1966 1
М. Л. Гельцер (Вильнюс). K. M. Kenyon. Digging up Jericho 1961 1
В. Ф. Генинг (Свердловск). По поводу рецензии А. П. Смирнова 1966 3
Е. И. Горюнова (Москва). Сборник по археологии Вологодской области 1962 4
Б. Н. Граков (Москва). В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа 1964 4
А. Д. Грач (Ленинград). По поводу рецензии Л. Р. Кызласова . . . 1965 3
М. П. Грязнов (Ленинград). По поводу одной рецензии 1960 4
А. Я. Гуревич (Москва). Некоторые вопросы социально-экономического развития Норвегии в I тысячелетии н. э. в свете данных археологии и топонимики 1960 4
Ф. Д. Гуревич (Ленинград). М. Х. Шмидехельм. Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии 1957 1
Ф. Д. Гуревич, П. А. Раппопорт (Ленинград). Э. Д. Шноре. Асотское городище, МИА, Латвийской ССР, 1961 . . . . . 1963 4
Ф. Д. Гуревич, Р. М. Джанполадян, М. В. Малевская (Ленинград). По поводу статьи Б. А. Шелковникова «Русское стекло домонгольского времени, расписанное эмалями» 1966 1
О. Д. Дашевская (Москва), **А. Л. Якобсон** (Ленинград). Два сборника по истории и археологии Крыма 1961 2
Д. В. Деопик, Н. Я. Мерперт (Москва). К вопросу о конце цивилизации Хараппы 1957 4
Л. А. Ельницкий (Москва). Из новейшей зарубежной литературы по археологии доримской Италии 1957 4
Л. А. Ельницкий (Москва). Новые книги по истории эгейской культуры 1959 1
Л. А. Ельницкий (Москва). Из литературы по археологии Малой Азии 1960 3
П. П. Ефименко (Ленинград). Неолитический Мерсин 1959 1
Н. П. Журжалина (Москва). По страницам периодических изданий по археологии 1958 1
А. А. Зимин (Москва). В. Л. Янин. Новгородские посадники. М., 1962 1963 3
Ю. П. Зыбин (Москва). С. А. Изюмова. К истории кожевенного и сапожного ремесла Новгорода Великого 1965 2
С. А. Изюмова (Москва). По поводу рецензии Ю. П. Зыбина 1965 2
М. А. Ильин (Москва). Материалы по изучению и реставрации памятников архитектуры Ярославской области. I, Ростов 1959 4
М. А. Ильин (Москва). Н. Н. Воронин. Зодчество северо-восточной Руси XII—XV вв. 1965 5
Д. Г. Капанадзе (Тбилиси). D. Land. Studies in the Numismatic History of Georgia in Transcaucasia 1958 3
П. О. Карышковский (Одесса). Д. Б. Шелов. Монетное дело Боспора VI—II вв. до н. э. 1957 1
П. О. Карышковский (Одесса). Corpus nummorum Numidiae Mauretaniaeque 1958 1
П. О. Карышковский (Одесса). Studii şi cercetări de numismatică . . . 1958 3
П. О. Карышковский (Одесса). Херсонесский сборник, вып. V; Сообщения Херсонесского музея, вып. I—II 1962 4
М. А. Керимов (Москва). Е. А. Пахомов. Монетные клады Азербайджана 1958 2
Р. В. Кинжалов (Ленинград). H. J. Spinden. Maya Art and civilisation 1960 3
А. Н. Кирпичников, Е. В. Черненко (Ленинград). Н. В. Пятнышева. Железная маска из Херсонеса (К вопросу о происхождении и назначении кочевнических шлемов с масками) 1966 4
А. Н. Кирпичников, И. П. Шаскольский (Ленинград). «Ярославское Поволжье X—XI вв.» 1965 1
С. В. Киселев (Москва). М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка 1958 1
Л. С. Клейн (Ленинград). Заметки о зарубежной библиографии по археологии за 1950—1960 гг. 1963 2
Г. С. Кнабе (Москва). Вопрос о соотношении археологической культуры и этноса в современной зарубежной литературе 1959 3
М. М. Кобылина (Москва). Теофил Иванов. Римска мозаика от Улпия Ескус 1958 1

П. М. Кожин (Москва). И. Г. Хлопин. Памятники раннего энеолита Южной Туркмении, ч. I; В. М. Массон. Памятники развитого энеолита Южно-Западной Туркмении, ч. II 1964 3
К. М. Колобова (Ленинград). М. И. Максимова. Античные города Юго-Восточного Причерноморья. Синопа, Амис, Трапезунг 1958 3
Ю. Г. Колосов (Киев). Некоторые вопросы истории неолита Крыма . . 1963 3
Э. Кондураки (Румыния, Бухарест). Румынская археология в 1956 г. 1958 1
Г. Ф. Корзухина, П. А. Раппопорт (Ленинград). В. П. Петров. Історична топографія Киева 1966 4
Г. Ф. Корзухина, Д. А. Мачинский, О. В. Овсянников, М. А. Тиханова (Ленинград). Археологический сборник, вып. 4, Славянские древности 1963 3
Д. Л. Коридзе (Тбилиси). О. М. Джапаридзе. Ранний этап древней металлургии в Грузии, Тбилиси, 1955 . . . . . 1959 2
А. К. Коровина (Москва). Н. П. Сорокина. Тузлинский некрополь . . . 1959 1
В. В. Косточкин (Москва). П. А. Раппопорт. Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв. 1957 3
Г. А. Кошеленко (Москва). B. Philip Lozinski. The original Homel and of the Parthians, S. Gravenage 1961 2
Л. Я. Крижевская (Ленинград). К вопросу о назначении неолитических поселений, расположенных у мест добычи кремневого сырья . . . 1959 1
В. В. Кропоткин (Москва). H. Sevin. Die Gebiden 1958 2
В. В. Кропоткин (Москва). М. Ю. Брайчевський. Римська монета на території України. Київ, 1959 . . . . . 1961 1
В. И. Кузищин (Москва). M. Pallotino Etruscologia 1958 2
В. И. Кузищин (Москва). Massimo Pallotino. Che cos'e l'archeologia . . 1966 2
В. А. Кузнецов (Орджоникидзе). В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа 1964 4
Ю. В. Кухаренко (Москва). Slovenská archeologia 1957 2
Л. Р. Кызласов (Москва). А. Д. Грач. Древнетюркские изваяния Тувы 1964 1
Л. Р. Кызласов (Москва). По поводу одного ответа 1965 4
Л. Е. (Москва). Из новейшей зарубежной литературы по археологии . . 1958 1
В. П. Левашова (Москва). Л. Р. Кызласов. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины 1962 3
В. П. Левенок (Ленинград). Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Д1-12. Древности железного века в междуречье Десны и Днепра 1965 1
П. Д. Либеров, С. А. Плетнева (Москва). Б. А. Шрамко. Древности Северного Донца 1964 3
Б. А. Литвинский (Душанбе). Б. В. Лунин. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане 1960 3
Б. А Литвинский (Душанбе). Ю. А. Заднепровский. Древнеземледельческая культура Ферганы 1965 4
О. Д. Лордкипанидзе (Тбилиси). Л. А. Чилашвили. Город Рустави . . 1962 1
Б. В. Лунин (Ташкент). Археологические раскопки на Дону. Сборник, Ростов, 1962 г. 1964 2
С. Я. Лурье (Львов). Еще об амулете из Горгиппии 1960 4
К. Маевский (Польша, Варшава). Заметки о трипольской пластике . . 1959 1
Г. А. Максименков (Ленинград). Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края 1964 3
М. И. Максимова (Ленинград). E. Akurgal, L. Budde. Vortaüfiger. Bericht über die Ausgrabungen in Sinope 1958 3
М. И. Максимова (Ленинград). Harald Küthman. Beiträge zur hellenistischrömischen Toreutic 1962 4
М. И. Максимова (Ленинград). R. A. Higgins. Greek and Roman Jewellery. London 1964 3
А. М. Мандельштам (Ленинград). Y.-C. Gardin. Céramiques de Bactres 1959 2
В. И. Марковин (Москва). Изучение культуры племен Северного Кавказа эпохи бронзы 1960 2
В. М. Массон (Ленинград). R. Chirshman. Village perse-achéménide . . 1957 2
В. М. Массон (Ленинград). Поселение бронзового века в Южном Афганистане 1957 2
В. М. Массон (Ленинград). М. М. Дьяконов. У истоков древней культуры Таджикистана 1957 3
В. М. Массон (Ленинград). Докерамический неолит Иерихона 1958 3
В. М. Массон (Ленинград). О синхронистической таблице в книге Г. Чайлда «Древнейший Восток в свете новых раскопок» 1958 3
В. М. Массон (Ленинград). W. A. Fairservis. Excavations in the Quetta Valley, West Pakistan 1960 3
В. М. Массон (Ленинград). Археологические работы в Таджикистане в 1956 и 1957 гг. 1962 1
В. М. Массон (Ленинград). Древнейший Афганистан 1962 2

В. М. Массон (Ленинград). L. Dupree. Shamshir Ghar. 1962 3
В. М. Массон (Ленинград). J. M. Casal. Fouilles de Mundigak 1964 4
В. М. Массон (Ленинград), **Н. Я. Мерперт** (Москва). Вопросы относительной хронологии Старого Света 1958 1
В. М. Массон (Ленинград), **В. И. Сарианиди** (Москва). Литература по археологии Таджикистана в изданиях Академии Наук Таджикской ССР 1958 2
А. Ф. Медведев (Москва). А. Л. Монгайт. Старая Рязань 1958 1
Н. Я. Мерперт (Москва). К проблеме абсолютной датировки археологических культур энеолита и эпохи бронзы Европы 1957 1
Н. Я. Мерперт (Москва). Д. А. Авдусин. Археологические разведки и раскопки. М., 1959 . . . . . 1961 3
Г. П. Михалевич (Ленинград). Иранские археологические отчеты, тт. 1, 3 1966 2
А. Л. Монгайт (Москва). Siegfried I. de Laet. L'archeologut et ses problemes 1957 4
Р. М. Мунчаев (Москва). Т. А. Бунятов. Земледелие и скотоводство в Азербайджане в эпоху бронзы 1958 4
Р. М. Мунчаев (Москва). Т. А. Бунятов. Очерки азербайджанской археологии 1963 3
Р. М. Мунчаев (Москва). Выдающийся труд по древней истории Северного Кавказа 1963 4
Р. М. Мунчаев (Москва). Д. М. Атаев. Нагорный Дагестан в раннем средневековье (по материалам археологических раскопок Аварии) 1965 4
Р. М. Мунчаев, В. И. Марковин (Москва). Е. И. Крупнов. Древняя история и культура Кабарды, М., 1957 . . . . . 1959 2
И. Г. Нариманов, З. И. Ямпольский (Баку). Г. М. Асланов, Г. М. Ваидов, Г. И. Ионе. Древний Мингечаур 1962 3
М. И. Нейштадт (Москва). О недостатках в использовании метода пыльцевого анализа в книге В. М. Раушенбах «Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы» 1958 2
А. П. Окладников (Ленинград). М. Г. Левин. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока 1961 1
А. П. Окладников, В. Н. Горегляд (Ленинград). Новые данные о древнейшей культуре каменного века на севере Японии 1958 3
А. П. Окладников, Ким Ен Нам (Ленинград). Новые работы по каменному веку Кореи 1958 4
В. В. Павлов (Москва). Н. Д. Флиттнер. Культура и искусство Двуречья и соседних стран 1962 1
В. А. Пазухин (Москва). Ф. Тавадзе, Т. Сакварелидзе. Бронзы древней Грузии 1962 1
В. А. Пазухин (Москва). L. Aitchison. A History of Metals. 1963 3
В. А. Пазухин, Е. Н. Черных (Москва). S. Junghans, E. Sangmeister, M. Schröder. Metallanalysen kupferzeitlicher und frühbronzezeitlicher Bodenfunde aus Europa 1965 3
Т. С. Пассек (Москва), **Э. А. Рикман** (Кишинев). R. Vulpe. Yzvoare, 1957 1959 4
Письмо в редакцию 1960 4
С. А. Плетнева (Москва). М. И. Артамонов. История хазар 1963 3
С. А. Плетнева, И. П. Русанова (Москва). Живка Н. Выжирова. Славянски и славянобългарски селища в българските земи от края на VI до XI век 1966 3
Н. Н. Погребова (Москва). О некоторых исследованиях в области археологии раннего железного века за рубежом 1958 3
Н. Н. Погребова (Москва). Т. Talbot Rice. The Scythians 1959 2
Н. Г. Порфиридов (Ленинград). В. Л. Янин. Я послал тебе бересту . . 1966 3
Х. В. Протопопов, С. В. Бутомо (Ленинград). О критике углеродного метода определения возраста 1959 2
Г. А. Пугаченкова (Ташкент). D. N. Wilber. The Architecture of Islamic Iran 1959 3
Н. В. Пятышева (Москва). Ольвия и Нижнее Побужье в античную эпоху, МИА, № 50 . . . . . 1959 3
П. А. Раппопорт (Ленинград). S. Toy. A History of Fortification from 3000 B. C. to A.D. 1700 . . . . . 1958 3
П. А. Раппопорт (Ленинград). М. Г. Рабинович. О древней Москве . . 1966 2
Р. Л. Розенфельдт (Москва). О статье А. А. Бобринского «Гончары — пидьбляне» 1961 2
С. И. Руденко (Ленинград). Древнее искусство Алтая 1960 1
Б. А. Рыбаков, А. В. Кирьянов (Москва). В. Й. Довженок. Землеробство древньо Рус 1962 3
Б. А. Рыбаков, В. Л. Янин (Москва). По поводу так называемых «открытий» Н. В. Энговатова 1960 4
К. В. Сальников (Свердловск). Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири, МИА, № 58 . . . . . 1959 3

В. И. Сарианиди, И. Н. Хлопин (Москва. Труды Института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР, т. II. Материалы по археологии Туркмении 1959 1
В. И. Сарианиди (Москва), **И. Н. Хлопин** (Ленинград). Археология Туркменской ССР 1962 2
В. В. Седов (Москва). Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. 1958 1
В. В. Седов (Москва). Нукшинский могильник. Материалы и исследования по археологии Латвийской ССР, т. I 1959 1
В. В. Седов (Москва). П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Древние городища Смоленщины 1965 4
В. В. Седов (Москва). Ф. Д. Гуревич. Древности Белорусского Понеманья 1966 1
С. А. Семенов (Ленинград). О каменных орудиях австралопитека . . . 1958 3
Н. А. Сидорова (Москва). Новейшие археологические открытия в Греции 1957 2
Н. А. Сидорова (Москва). Новейшие открытия в области античной археологии в Западной Европе 1957 4
Н. А. Сидорова (Москва). E. Gjerstad. Early Rome 1958 2
Н. А. Сидорова (Москва). Археологические открытия в Средиземноморье в 1956 году 1958 4
Н. А. Сидорова (Москва). Археологические открытия в Среднеземноморье в 1957 году 1959 4
Н. А. Сидорова (Москва). Археологические открытия в Средиземноморье в 1958—1959 гг. 1962 1
Н. А. Сидорова (Москва). Археологические открытия в Средиземноморье в 1960—1961 гг. 1963 2
А. П. Смирнов (Москва). Н. Я. Мерперт, Д. Б. Шелов. Древности нашей земли 1962 1
А. П. Смирнов (Москва). В. Ф. Генинг. Азелинская культура III—V вв. 1964 4
К. Ф. Смирнов (Москва). Таганрогский краеведческий музей. Краеведческие записки, 1957 . . . . . 1959 2
К. Ф. Смирнов (Москва). Вестник Московского Университета, № 4, 1958 1959 3
К. Ф. Смирнов (Москва). Археологические статьи в Трудах Саратовского областного музея краеведения. Вып. 1—3 . . . . . 1962 4
Н. И. Сокольский (Москва). Joan Liversidge. Furniture in Roman Britain 1958 4
Н. И. Сокольский (Москва). Материалы по археологии Северного Причерноморья, Вып. I—III 1961 2
Э. И. Соломоник (Симферополь). H. Humbach. Die Sogenannte sarmatische Schrift. «Die Welt der Slaven», VI, 3. Wiesbaden, 1961 . . . . . 1965 3
Б. Я. Ставиский (Ленинград). Археологические исследования на городище Варахша и в Бухарском оазисе в 1947—1953 гг. 1957 4
А. И. Тереножкин (Киев). І. Г. Шовкопляс. Археологічні дослідження на Україні (1917—1957) 1960 1
Т. З. Записки Одесского археологического общества, т. I (34) 1962 4
В. С. Титов (Москва). Maxwell's International Subject Bibliographies N 3 Archeology 1965 4
А. А. Тиц (Харьков). В. В. Косточкин. Русское оборонное зодчество конца XIII — начала XVI века 1965 1
С. А. Токарев (Москва). André Leroi-Courhan. Les religions de la préhistoire (Paléolithique) 1965 3
П. Н. Третьяков (Ленинград). Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья 1962 4
Н. В. Трубникова (Москва). М. Полесских. В недрах времен 1957 3
Г. Ф. Турчанинов (Ленинград), **В. С. Драчук** (Киев). Э. И. Соломоник. Сарматские знаки Северного Причерноморья 1962 4
Э. Ю. Тиниссон (Таллин). M. Stenberger. Die Schafzfunde Gotlands der Wikingerzeit 1963 4
Г. А. Федоров-Давыдов (Москва). В. Л. Янин. Денежновесовые системы русского средневековья. Домонгольский период 1958 2
А. А. Формозов (Москва). Открытие свидерской стоянки в Румынии и проблема южных связей и даты свидерской культуры 1961 2
А. А. Формозов (Москва). Н. А. Береговая. Палеолитические местонахождения СССР 1962 3
А. А. Формозов (Москва). Материалы по истории русских музеев . . . 1965 4
А. А. Формозов, А. П. Смирнов, Б. А. Рыбаков (Москва). Нариси стародавньої історії Української РСР 1959 3
Б. А. Фролов (Новосибирск). Зарубежная литература о содержании палеолитического искусства 1966 1
Б. А. Фролов (Новосибирск). André Leroi-Gourhan. Préhistoire de l'art occidentale 1966 3
И. Н. Хлопин (Ленинград). Археология в Туркменской ССР 1964 1
Г. А. Цветаева (Москва). Античные города Северного Причерноморья (Очерки истории культуры), т. I, М-Л., 1955 . . . . . 1957 2
С. С. Черников (Ленинград). Археологическая карта Казахстана . . . 1963 1

Д. Б. Шелов (Москва). Боспорские города, II, МИА, № 85 . . . . . 1960 2
Я. А. Шер (Ленинград). П. Н. Кожемяко. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины 1962 2
Я. А. Шер (Ленинград). А. Д. Грач. Древнетюркские изваяния Тувы 1964 1
И. Ш. Шифман (Ленинград). Н. Н. Залесский. Этруски в Северной Италии 1962 3
Б. А. Шрамко (Харьков). А. Н. Москаленко. Памятники древнейшего прошлого Верхнего и Среднего Дона. Воронеж, 1955 г. 1957 2
А. Я. Щетенко (Ленинград). Ancient India. Bulletin of Archeologicae Survey of India, N 18 and 19 . . . . . 1965 4
А. Л. Якобсон (Ленинград). Б. А. Шелковников. Поливная керамика из раскопок города Ани 1959 1
В. Л. Янин (Москва). По поводу заметки П. Н. Жолтовского «Ларец мастера Самуила» 1958 4
В. Л. Янин (Москва). И. Г. Спасский. Русская монетная система . . . 1963 1

Указатель составлен *Л. В. Артишевской*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИЗ — Археологические известия и заметки
АП — Археологічні пам'ятки УРСР
Архив ИИМК — Архив Института истории материальной культуры
ВАН Казах. ССР — Вестник Академии наук Казах. ССР
ВАУ — Сб. «Вопросы археологии Урала»
ВИСИДВ — Сб. «Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока»
ВМГУ — Вестник Московского гос. университета
ВССА — Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии»
ГТГ — Государственная Третьяковская галерея
ГЭ — Государственный Эрмитаж
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗООИД — Записки Одесского Общества истории и древностей
ЗОРСА — Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИАДК — Сб. «История и археология древнего Крыма»
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры
Изв. АзФАН СССР — Известия Азербайджанского филиала Академии наук СССР
Изв. АН АзССР — Известия Академии наук Азербайджанской ССР
Изв. АО — Известия Археологического общества
Изв. ВГО — Известия географического общества
Изв. ЮОНИИ — Известия Южно-Осетинского научно-исследовательского института
Изв. ЧИНИИ — Известия Чечено-Ингушского научно-исследов. института
ИИ АЭ Туркм. ССР — Институт истории, археологии и этнографии Туркм. ССР
ИИ ЯЛ БФАН СССР — Институт истории, языка и литературы Башкир. филиала Академии наук СССР.
ИОЛЕАЭ — Известия Общества любителей естествознания, археологии, этнографии
ИООН АН Тадж. ССР — Известия Отделения общественных наук Академии наук Тадж. ССР
ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии Наук СССР
ИРАИМК — Известия Российской Академии истории материальной культуры
ИРГО — Известия Русского географического общества
КПИ — Кировский педагогический институт
КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук Украинской ССР
КСИА АН СССР — Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии Академии наук СССР
МАВГР — Материалы по археологии восточных губерний России
МАР — Материалы по археологии России
МАЭ — Музей антропологии и этнографии Академии наук СССР
МДАПВ — Матеріалі і дослідження з археології Прикарпаття і Волині
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МХЭ — Материалы Хорезмской экспедиции
МЭ — Материалы по этнографии
НЭ — Нумизматика и эпиграфика
ОАК — Отчеты Археологической комиссии
ОЛЕАЭ — Общество любителей естествознания, археологии и этнографии
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ
Працы — Працы Сэкцыі археолёгіі (Белоруская акадэмія навук)
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РГО — Русское географическое общество
САИ — Свод археологических источников
ТОИПКЭ — Труды Отдела истории первобытной культуры Эрмитажа
Тр. АС — Труды Археологического съезда
Тр. ГИМ — Труды Государственного исторического музея
Тр. ИИАН ТаджССР — Труды Института истории Академии наук ТаджССР
Тр. ИИАЭ АН КазахССР — Труды Института истории археологии и этнографии Академии наук КазахССР
Тр. ИИФАН АзССР — Труды Института истории и философии Академии наук Азерб. ССР
Тр. КарелФАН СССР — Труды Карельского филиала Академии наук СССР
Тр. РУАК — Труды Рязанской Ученой архивной комиссии
Тр. ЭАМ — Труды Этнографо-археологического музея Московского гос. университета
ТСА РАНИОН — Труды Секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
ТХАЭЭ — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции
ТЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции
Уч. зап. ПГУ — Ученые записки Пермского гос. университета

Уч. зап. РГПИ — Ученые записки Рязанского гос. педагогического института
Уч. зап. СГУ — Ученые записки Саратовского гос. университета
Уч. зап. Тув НИИЯЛИ — Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы, истории
Уч. зап. Хакас. НИИЯЛИ — Ученые записки Хакасского научно-исследов. института языка, литературы, истории
AA — Acta Archaeologica (Budapest)
AAH — Acta Archaelogica hungaricae
AJA — American Journal of Archaeology
Arch. Anz.— Archaologischer Anzeiger
BCH — Bulletin de Correspondance Hellénique
BSOAS — Bulletin of the School of Oriental and African Studies
EAZ — Ethnographisch archäologische Zeitschrift
JDAI — Jahrbuch des Deutschen Archäologischen instituts
JHS — Journal of Hellenic Studies
JWAS — Journal of the Washington Academy of Sciences
NZ — Numizmatische Zeitschrift
PPS — Proceedings of the Prehistoric Society
SAOS — School of American Oriental Studies
SMYA — Suomen Muinais-muistoyhdistycen aikakauskirja
RE — P a u l y - W i s s o w a - K r o l l. Real Encyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft
RK — Katalog der Ausstellung zum X Archäologischen Kongress in Riga. Riga, 1896

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

М. И. Островский (Кременец), **Г. П. Григорьев** (Ленинград). Липская палеолитическая культура 3
А. А. Формозов (Москва). О наскальных изображениях Зараут-Камара в ущелье Зараут-сай 14
С. В. Ошибкина (Москва). Стоянка Модлона, ее происхождение и отношение к каргопольской культуре 27
В. Б. Виноградов (Грозный). Локализация Ахардея и сиракского союза племен (по письменным источникам) 38
Б. А. Литвинский (Душанбе). Сложносоставной лук в древней Средней Азии 51
Г. Ф. Никитина (Москва). Классификация лепной керамики черняховской культуры 70
В. В. Седов (Москва). Рязанско-Окские могильники 86

Публикации

В. В. Федоров, В. П. Третьяков (Ленинград). Стоянка «Выселки» (К вопросу о неолите восточной части Волго-Окского междуречья) 105
З. А. Билимович (Ленинград). Антропоморфные ручки бронзовых патер из собрания Эрмитажа 116
Н. И. Сокольский (Москва). Ильичевское городище 125
А. А. Бобринский (Москва). К истории гончарного ремесла в Полесье . . 141

Заметки

Е. Д. Богданович, И. К. Кудряшов (Уфа). Об этажности строения Каповой пещеры 150
И. И. Стефанова (Киров). Черняницкая мезолитическая стоянка 154
В. В. Гарновский (Боровичи). Стоянка на Средней Мсте в окрестностях г. Боровичи 156
Г. А. Панкрушев (Петрозаводск). Неолитический могильник Сандермоха 160
В. А. Ранов (Душанбе). Шлифованные топоры из Таджикистана 168
Э. В. Ханзадян (Ереван). Расписной сосуд с зооморфными изображениями из Элара 172
П. М. Кожин (Москва). О глиняных моделях колес из Балановского могильника 176
В. Д. Рыбалова (Ленинград). Костяной псалий с поселения Каменка близ Керчи 178
А. П. Уманский (Барнаул). Андроновские топоры из фондов Алтайского краевого музея 181
И. М. Самойловский (Киев). Следы могильника с трупосожжением эпохи бронзы около с. Вишенки под Киевом 186
Я. И. Сунчугашев (Абакан) О выплавке меди в древней Туве 187
К. Маевский (Варшава). Польские археологические исследования в Нове (Болгарии) в 1965 г. 191
Е. В. Черненко (Киев). О шлеме из Нимфея 194
Н. А. Черницын (Тотьма). Угро-финские могильники на территории Вологодской обл. 196
Р. Л. Розенфельдт (Москва). Константиновские и Залесьевские курганы . . 202
Н. Б. Кишилов (Москва). Аллегория земли во фресках церкви Спаса Нередицы 205
В. Н. Прищепенко (Москва). К биографии Ф. С. Коня 209

Критика и библиография

А. К. Амброз (Москва). J. Werner. Katalog der Sammlung Diergardt. . . . 211
А. Н. Кирпичников (Ленинград), **Е. В. Черненко** (Киев). Н. В. Пятышева. Железная маска из Херсонеса 214
С. М. Васюткин (Москва). Сб. «Археология и этнография Башкирии» . . . 220
Г. Ф. Корзухина, П. А. Раппопорт (Ленинград). В. П. Петров. Історична топографія Київа 227
И. Б. Брашинский (Ленинград). Об амфорных клеймах из Пеллы 229

Хроника

В. А. Джорбенадзе, К. Г. Мачабели (Тбилиси). Сессия византинистов в Тбилиси 231
С. С. Чураков 234
Указатель статей, напечатанных в журнале «Советская археология» в 1966 г. 237
Указатель статей к журналу «Советская археология» за 10 лет (1957—1966 гг.) 240

SOMMAIRE

Articles

M. I. Ostrovski (Kremenetz), G. P. Grigoriev (Léningrad). Culture paléolithique lipskaïa 3
A. A. Formosov (Moscou). Représentations rupestres Zaraout-Kamará dans la gorge Zaraout-Saï 14
S. V. Ochibkina (Moscou). Station Modlona, son origine et relation avec la culture kargapolienne 27
V. B. Vinogradov (Grozny). Localisation d'Akhardey et de l'union des tribus des Sirakes (d'après des sources écrites) 38
B. A. Litvinski (Douchanbé). L'arc composé dans l'Asie Centrale ancienne 51
G. F. Nikitina (Moscou). Classification des ceramiques de la culture tcherniakhovienne 70
V. V. Sédov (Moscou). Nécropoles de la région Riazan-Oka 86

Publication

V. V. Fedorov, V. P. Tretiakov (Léningrad). Station «Vysselki» (Sur la question du néolithe dans la parti orientale de la région entre la Volga et l'Oka) 105
Z. A. Bilimovitch (Léningrad). Anses anthropomorphes des patères en bronze de la collection de l'Ermitage 116
N. I. Sokolski (Moscou). Gorodiché Ilitchevkoïe 125
A. A. Bobrinski (Moscou). Sur l'histoire du métier de la potterie à Polessié . . 141

Notes

E. D. Bogdanovitch I. K. Koudriachov (Oufa). Sur les étages de la caverne Kapovaïa 150
I. I. Stefanova (Kirov). Station mésolithique Tchernianitskaïa 154
V. V. Garnovskii (Borovitchi). Station sur la rivière Srednïaïa Msta aux environs de Borovitchi 156
G. A. Pankrouchev (Petrozavodsk). Nécropole néolithique Sandermokha . . 160
V. A. Ranov (Douchanbé). Haches polies du Tadjikistan 168
E. V. Khanzadian (Erevan). Vase peint de l'Elar avec des images zoomorphiques 172
P. M. Kojine (Moscou). Sur les modèles des roues en argile du nécropole de Balanovo 176
V. D. Rybalova (Léningrad). Psalia en os de Kamenka près de Kertch . . . 178
A. P. Oumanski (Barnaoul). Haches andronoviennes des collections du Musée de l'Altaï 181
I. M. Samoïlovski (Kiev). Traces d'un nécropole, avec crématoire de l'âge de bronze près de Vichenki aux environs de Kiev 186
I. I. Sountchougachev (Moscou). Sur la fabrication du cuivre en la Touva ancienne 187
K. Maévsky (Varsovie). Les explorations archéologiques polonaises à Nova (Bulgarie) en 1965 (secteur occidental) 191
E. V. Tchernenko (Kiev). Sur le casque de Nymphé 194
N. A. Tchernitsyn (Totma). Nécropoles finno-ugriens sur le territoire de la région de Vologda 196
I. Z. Rosenfeldt (Moscou). Les tumulus de Konstantinovo et de Zalessié . . . 202
N. B. Kichilov (Moscou). Représentation allégorique de la terre sur les fresques de l'église Spass-Nereditsa 205
V. N. Prichlchepenko (Moscou). A propos de la biographie de F. S. Kogne . . 209

Critique et bibliographie

A. K. Ambroz (Moscou). J. Werner. Katalog des Sammlung Diergardt . . . 211
A. N. Kirpitchnikov (Léningrad), E. V. Tchernenko (Kiev). N. V. Piatycheva. Le masque de fer de Chersonèse 214
S. M. Vasioutkine (Moscou). Recueil «Archéologie et ethnographie de la Bachkirie» 220
G. F. Korzoukhina, P. A. Rappoport (Leningrad). В. П. Петров. Історична топографія Київа 227
I. B. Brachinsky (Léningrad). Sur les timbres des amphores de Pella . . . 229

Chronique

V. A. Dgeorbenadze, K. G. Matchabeli (Tbilici). Session de bisantinistes à Tbilici 231
S. S. Tchurakov 234
Index des articles publiés dans la revue «Sovetskaïa Arkheologuia» en 1966 237
Index des articles dans la revue «Sovetskaïa Arkheologuia» en 1957—1966 . 240